

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Центр военно-политических исследований
МГИМО МИД России и АО «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“»

Стратегическое прогнозирование международных отношений

Коллективная монография

Под редакцией
А. И. Подберезкина, М. В. Александрова

Издательство
«МГИМО–Университет»
2016

УДК 327
ББК 66.4
С83

Авторы:

А. И. Подберезкин, М. В. Александров, К. П. Боришполец, Е. С. Зиновьева,
А. А. Казанцев, А. М. Кабаченко, О. Е. Родионов, А. Л. Синегубов,
В. Г. Соколенко, М. В. Харкевич, С. Р. Цырендоржиев

Стратегическое прогнозирование международных отношений :
С83 кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова;
[А. И. Подберезкин и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т)
М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследо-
ваний. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

ISBN 978–5–9228–1455–3

Данная монография, подготовленная авторским коллективом Центра военно-политических исследований МГИМО, представляет собой продолжение масштабного исследования в области теории и практики прогнозирования международных отношений. Она дополняет и развивает многие положения и концепции, изложенные в предыдущих работах Центра. Это касается как методологических основ теории прогнозирования международных отношений, так и анализа перспектив и направлений развития международной системы до середины нынешнего столетия. В исследовании содержатся богатый фактический материал, новые оценки и выводы, актуальные для эффективного анализа и прогноза международных отношений. Авторы ставили своей целью выделить то важное, что существует сейчас, на их взгляд, в тенденциях мирового развития, динамике государств и цивилизаций, а также негосударственных субъектов международных отношений и что, соответственно, оказывает решающее воздействие на эволюцию международной системы и формирование сценариев развития международной обстановки.

Книга адресована специалистам, занимающимся международной и военно-политической проблематикой, научным работникам и студентам, экспертам и политологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами внешней и оборонной политики.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–9228–1455–3

© МГИМО МИД России, 2016

Оглавление

Вступительное слово генерального директора АО «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова	9
Предисловие	11
Глава I Теоретические основы методологии стратегического прогнозирования международных отношений	17
1.1. Теория цивилизаций как ключевой элемент стратегического прогнозирования в области международных отношений	19
1.2. Теория политического реализма как наиболее эффективный инструмент анализа межгосударственных отношений	40
1.3. Закон неравномерности экономического и политического развития государств и цивилизаций	61
Глава II Методика построения стратегического прогноза	73
2.1. Общие принципы построения стратегического прогноза	75
2.2. Основной вектор развития международной системы	79
2.2.1. Мировые тенденции, формирующие основной вектор развития международной системы	80
2.2.2. Динамика развития государственных субъектов международных отношений.....	84
2.2.3. Динамика развития негосударственных субъектов международных отношений.....	88
2.3. Построение возможных сценариев развития международной обстановки	90
2.3.1. Понятие «точки отсчета» при построении возможных сценариев развития МО	92
2.3.2. Принципы моделирования возможных сценариев развития МО	97
2.3.3. Соотношение возможных и вероятных сценариев развития МО	102
2.4. Выявление наиболее вероятного сценария развития международной обстановки.....	105

Глава III

Соотношение стратегического прогнозирования и планирования в области международных отношений.....	117
3.1. Стратегическое прогнозирование — необходимое условие эффективного планирования внешней и оборонной политики	119
3.2. Методология планирования в области национальной безопасности и обороны США.....	124
3.3. Методология военного планирования НАТО	138
3.4. Методология планирования в области безопасности и обороны Европейского Союза.....	151

Глава IV

Метод динамического прогнозирования развития международной обстановки	173
4.1. Ограничения и недостатки статических прогнозов в области международных отношений.....	175
4.2. Зарубежный опыт динамического прогнозирования в области национальной безопасности и обороны.....	182
4.2.1. Динамическое прогнозирование в США.....	182
4.2.2. Динамическое прогнозирование в НАТО.....	186
4.2.3. Динамическое прогнозирование в ЕС	190
4.3. Принципы построения и структура динамического сценария развития международной обстановки.....	194
4.4. Динамическое прогнозирование и компьютерное моделирование сценариев развития международной обстановки	202

Глава V

Оценка потенциалов государств и коалиций, цивилизационных и национальных возможностей.....	215
5.1. Количественные методы оценки потенциалов государств, коалиций и цивилизаций в XXI веке	219
5.1.1. Плюсы и минусы количественного анализа потенциалов субъектов международных отношений.....	220
5.1.2. Оценка вкладов различных компонентов национальной мощи в военный потенциал страны	228
5.1.3. Оценка военно-политического потенциала государств.....	242
5.2. Цивилизационный потенциал и его роль в формировании сценариев развития МО в XXI веке.....	250
5.2.1. Цивилизации, интересы и ценности в XXI веке	251
5.2.2. Оценка влияния ЛЧЦ на основе стратегической матрицы.....	258
5.2.3. Оценка потенциалов локальных человеческих цивилизаций	265

Глава VI

Основные тенденции современного мирового развития	275
6.1. Основные тенденции в области мировой экономики.....	278
6.2. Основные цивилизационно-политические тенденции	295
6.3. Основные тенденции в области идеологии	303
6.4. Основные тенденции в области науки и техники	311
6.5. Основные тенденции в военной и военно-технической областях	325

Глава VII

Динамика развития основных субъектов международной системы: локальных человеческих цивилизаций, государств и коалиций	343
7.1. Роль ЛЧЦ в современной системе международных отношений	345
7.2. Состояние и перспективы развития основных ЛЧЦ	351
7.2.1. Западная цивилизация	351
7.2.2. Российская цивилизация.....	355
7.2.3. КНР и «синоцентричный мир»	359
7.2.4. Исламский мир	362
7.2.5. Другие локальные человеческие цивилизации.....	368
7.3. Состояние и перспективы развития АТР как региона цивилизационного многообразия	372
7.4. Государства как основные акторы международных отношений в XXI веке.....	377
7.5. Межправительственные организации и союзы	383

Глава VIII

Национализм и религиозный фундаментализм как существенные факторы современной международной системы	395
8.1. Национальные движения в международном контексте	401
8.1.1. Националистические вызовы: координаты точек риска.....	411
8.1.2. Национальное самоопределение versus территориальная целостность государств как дилемма мирового сообщества	412
8.1.3. Подъем национализма в странах Европы: локальные акторы и глобальные последствия	416
8.1.4. Новые государства, которые могут появиться на карте Европы к 2025 году	422
8.2. Религиозный фактор и религиозные фундаменталисты в мировой политике	432

8.2.1. Конфессиональная динамика в условиях глобализации	433
8.2.2. Религиозный фундаментализм как политический вектор.....	435
8.2.3. Религиозные организации в контексте международного сотрудничества	449
8.2.4. ИГИЛ в настоящем и ближайшем будущем	453
8.3. Фактор националистических и религиозных фундаменталистских организаций в стратегическом прогнозировании международных отношений.....	457

Глава IX

Динамика развития негосударственных акторов

мировой политики	461
9.1. Международные неправительственные организации как субъекты международных отношений.....	464
9.2. Международно-политические и военно-политические аспекты деятельности негосударственных акторов в их взаимодействии с государствами	473
9.2.1. Формы и методы взаимодействия негосударственных акторов с государствами.....	474
9.2.2. Влияние коммерциализации и глобализации на взаимодействие государств и СМИ	478
9.3. Новые тенденции во взаимодействии США с негосударственными акторами во внешнеполитической сфере.....	481
9.3.1. Новые тенденции взаимодействия правительства США и СМИ.....	483
9.3.2. Новые тенденции взаимодействия правительства США с бизнес сообществом.....	485
9.3.3. Взаимодействие правительства США с негосударственными акторами в военно-политической области	490
9.4. ЕС как образец современных сетевых практик взаимодействия государственных и негосударственных акторов	497
9.5. Использование негосударственных акторов во внешнеполитической практике западных стран	500

Глава X

Возможные сценарии развития

международной обстановки	507
10.1. Основной вектор развития международной системы	509
10.2. Сценарий сдерживания многополярности международной системы	516

10.3. Сценарий консервации однополярной системы международных отношений.....	533
10.4. Сценарии коллапса или раскола Запада	540
10.5. Сценарий согласованного перехода к многополярной системе международных отношений	544

Глава XI

Наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки и его варианты.....

11.1. Основные черты и особенности текущей международной обстановки	553
11.2. Сценарий «Глобального военно-силового противоборства» как наиболее вероятный сценарий развития МО.....	561
11.3. Три варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства».....	569
11.4. Основные этапы сценария «Глобального военно-силового противоборства»	577

Глава XII

Основные угрозы национальной безопасности РФ, военные угрозы и особенности военных конфликтов в прогнозируемый период.....

12.1. Военные опасности и угрозы, тенденции их обострения до 2020–2024 годов и далее.....	597
12.1.1. Угрозы национальной безопасности и национальным интересам РФ.....	599
12.1.2. Оценка места и роли задач обеспечения военной безопасности в общей политике обеспечения национальной безопасности.....	603
12.1.3. Прогноз военных опасностей и угроз Российской Федерации на период до 2030 и до 2045–2050 годов	607
12.2. Сущность источников военной опасности, критерии оценки военных опасностей и военных угроз.....	615
12.2.1. Анализ источников военной опасности и угрозы	615
12.2.2. Методика оценки и прогнозирования военных опасностей и военных угроз.....	619
12.3. Классификация источников военных опасностей и угроз.....	627
12.4. Основные черты и особенности военных конфликтов до 2020–2024 годов и далее.....	635

Глава XIII

Стратегия России в контексте сценария «Глобального военно-силового противоборства»	653
13.1. Сценарий «Глобального военно-силового противоборства» и угрозы национальной безопасности России	655
13.2. Россия как активный субъект формирования будущего сценария развития МО	671
13.3. Ответные действия России на угрозы в области национальной безопасности.....	680
13.4. Меры по укреплению военного потенциала государства.....	690
13.4.1. Изменение военной организации государства.....	690
13.4.2. Дальнейшее развитие военного искусства	696
13.4.3. Оптимизация военно-технической политики	702
13.5. Внешнеполитическая стратегия России и перспективы реализации альтернативных сценариев развития МО	709
Список источников и литературы.....	725

Вступительное слово генерального директора АО «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова

Уважаемый читатель,

Перед Вами фундаментальный труд Центра военно-политических исследований МГИМО, посвященный стратегическому прогнозированию международных отношений.

Современный мир характеризуется существенным усилением хаотизации мировой политики. Непредсказуемость в этой сфере становится сегодня выше, чем в экономике. Одной из очевидных причин такой разбаланси-

сировки является авантюрная внешняя политика США. Статус единственной супердержавы и ощущение собственной неуязвимости подталкивают Соединенные Штаты к безответственному поведению, экспериментам и неоправданным рискам за чужой счет. К таким безответственным внешнеполитическим шагам относятся, американское вторжение в Ирак и Афганистан, беспрецедентное давление на власти Сирии, и, несомненно, доведение украинского кризиса до глобального противостояния с Россией.

В таких условиях всем державам необходимо вести себя максимально осторожно и сдержанно, не усиливать, а, напротив, смягчать негативные последствия американской внешней политики. Особая ответственность за сохранение международного мира

и стабильности сегодня лежит на России, на способности нашего политического руководства проводить стратегически выверенную внешнюю политику. В этой ситуации работы по прогнозированию международных отношений приобретают особо важное значение. Несомненно, такой работой является представленная монография, под научной редакцией А. И. Подберезкина и М. В. Александрова.

В монографии рассмотрен комплекс принципиально важных как теоретических, так и практических вопросов по долгосрочному прогнозированию развития международной обстановки. Работа подводит промежуточный итог многолетних исследований, проводимых ЦВПИ в области прогнозирования международных отношений, и служит хорошей инструкцией по безопасному поведению государств, в современном международно-политическом хаосе.

Генеральный директор
АО «Концерн ВКО „Алмаз–Антей“»
Я. В. Новиков

Предисловие

Прогнозирование международных отношений всегда являлось вызовом, ответ на который пытались найти многие ученые и мыслители прошлого. Как правило, их изыскания на этом поприще заканчивались неудачно. И хотя некоторые из прошлых прогнозов оказывались верными, это являлось скорее следствием интуитивного выбора конкретных авторов, а не результатом применения научных методов к прогнозированию международных отношений. Неудивительно поэтому, что удачные прогнозы носили единичный, бессистемный характер. В значительной степени это объяснялось объективными ограничениями, которые существовали в прошлом в деле сбора, хранения и обработки больших массивов информации. Однако с развитием современных информационных технологий это ограничение отпало.

Как показала исследовательская работа, проведенная Центром военно-политических исследований МГИМО (ЦВПИ), стратегическое прогнозирование международных отношений не только теоретически возможно, но и осуществимо на практике. Отражением этого вывода явилась серия публикаций ЦВПИ, посвященная вопросам теории и методологии стратегического прогнозирования, а также различным сценариям развития военно-политической обстановки. Только в 2015 году Центр выпустил по этой проблематике пять книг¹. Прежде всего, это монографии «Стратегическое

¹ А. И. Подберезкин, М. В. Александров, К. П. Боришполец, и др. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования

прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики» в двух томах и «Мир и война в XXI веке».

Предлагаемая вниманию читателю книга «Стратегическое прогнозирование международных отношений» является продолжением этой серии публикаций. Она дополняет и развивает многие положения, изложенные в предыдущих работах. В ней также содержатся некоторые новые оценки, выводы и концепции, а также богатый фактический материал, актуальный для теории и практики стратегического прогнозирования международных отношений.

Книга по-новому расставляет акценты, делая основной упор на проблемы прогнозирования международной обстановки (МО), а не военно-политической обстановки (ВПО), как это было в предыдущих работах. Конечно, с тем пониманием, что неотъемлемой частью любого прогноза развития МО является прогноз развития ВПО. Помимо этого, в книге уточняются и несколько по-иному формулируются некоторые позиции. Так, например, в структуру построения стратегического прогноза введен новый элемент — «общий вектор развития международной системы», в методике определения наиболее вероятного сценария развития МО более четко прописан механизм взаимовлияния возможных и вероятных сценариев развития МО.

В контексте разработанной в книге методологии к основным субъектам международных отношений, влияющих на МО и ВПО в XXI веке, отнесены (в порядке приоритетности) следующие три основные группы, внутри которых отчетливо просматриваются относительно самостоятельные подгруппы:

внешней и оборонной политики. Москва: МГИМО, 2015. — 797 с.; А. И. Подберезкин, М. В. Александров, К. П. Боришполец, и др. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики. Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. Москва: МГИМО, 2015. — 723 с.; Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. Москва: МГИМО, 2015. — 170 с.; Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. Москва: МГИМО, 2015. — 581 с.; Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. Москва: МГИМО, 2015. — 465 с.

- во-первых, — основные локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ), которые к началу XXI века превратились не только в реальные, но и в ведущие факторы мировой политики. Эта группа факторов, как правило, не рассматривается при традиционном анализе и прогнозе МО, что в XXI веке уже стало не просто существенным недостатком, но и обесценивает весь анализ и прогноз;
- во-вторых, — основные государства-нации, которые традиционно рассматриваются в качестве ключевых субъектов международных отношений. Анализ и прогноз развития ведущих государств мира всегда лежал в основе анализа международных отношений, однако, в настоящее время требует особенного внимания в связи с быстрым развитием новых государств, обладающих высоким демографическим, экономическим и военным потенциалом;
- в-третьих, — основные международные акторы, играющие самостоятельную роль (военно-политические коалиции, союзы, международные организации и др.), а также ведущие негосударственные акторы, действующие как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе. Эти последние представляют собой качественно новое явление, хотя и прежде они играли определенную роль.

В то же время через всю книгу проходит мысль о том, что будущие сценарии развития МО зависят не только от трех указанных выше групп внешних факторов и их взаимодействия, но и от усилий самого субъекта международных отношений, его воли, ресурсов и последовательности. Естественно, чем эти величины будут больше, тем сильнее и будет их влияние на формирующийся сценарий развития МО. Данная книга как раз и направлена на то, чтобы показать, как эти воля, ресурсы и последовательность могут быть реализованы наиболее эффективно.

Будущие сценарии развития МО формируются уже сегодня. Они не появляются «сами по себе» из «ниоткуда», они создаются знанием и волей людей, которые основываются на огромных массивах информации. Спецслужбы ежегодно публикуют около 50 000 докладов, а ежедневно обрабатывают несколько миллиардов единиц информации. Только в США «на этом поле» работают 16 национальных разведок и более 1200 других государственных

организаций и почти 2000 коммерческих структур, которые вовлекают в свою деятельность около 1 млн человек.

Иными словами, будущее уже создается сегодня конкретными структурами и людьми, информацией и деньгами. Не случайно, что участники одного из венчурных фондов ЦРУ, созданного после неудовлетворительной оценки американской администрацией аналитической деятельности разведслужб США, сделали вывод о том, что «Будущее не предопределено. Нет судьбы, кроме той, что мы творим»².

Концептуально книга «Стратегическое прогнозирование международных отношений» состоит из трех тематических частей, хотя формально в оглавлении это не отражено. Первая часть посвящена в основном теории и методологии стратегического прогнозирования международных отношений и включает главы 1–5. Вторая часть посвящена современным тенденциям и процессам международной жизни, а также динамике основных субъектов МО. В нее входят главы 6–9. В третьей части упор делается на исследование возможных и вероятных сценариев развития МО и предполагаемых действий России в контексте этих сценариев. Это включает главы 10–13. Книга также дополняется обширным списком источников и литературы по исследуемой тематике.

В первой главе, посвященной теоретическим основам прогнозирования международных отношений, методология внешнеполитического прогнозирования получила более подробное описание и структуру. В ней четко выделены три составных элемента — теория цивилизаций, теория политического реализма и закон неравномерности развития государств и цивилизаций. В методику построения стратегического прогнозирования также внесены существенные добавления. Так, в четвертой главе предложен новый метод динамического прогнозирования, позволяющий быстро реагировать на изменения международной среды. Большое внимание уделено активности нетрадиционных участников международных отношений — национальных движений и НПО.

Сразу же следует оговориться, что авторы работы не стремились подробно описать все основные тенденции мирового развития

² Венчурные фонды и другие технологии для национальной разведки. М. : Физ.-Тех., 2012. С. 20.

и динамику субъектов международных отношений. Такая задача просто не под силу небольшому авторскому коллективу. Ее решение возможно только силами крупного научного института или целого министерства. Поэтому авторы ставили своей целью выделить то важное, что существует сейчас, на их взгляд, в тенденциях мирового развития, динамике государств и цивилизаций, а также негосударственных субъектов международных отношений, и что соответственно оказывает решающее воздействие на эволюцию международной системы и формирование сценариев развития МО.

На основе анализа цивилизационных факторов, ведущих мировых тенденций, а также динамики и активности субъектов международных отношений авторы книги приходят к выводу, что наиболее вероятным сценарием развития МО до середины нынешнего столетия будет сценарий «Глобального военно-силового противоборства» западной цивилизации с другими мировыми цивилизациями. Этот сценарий может протекать в трех вариантах: в более мягком «оптимистичном», более жестком «пессимистичном» и умеренном «реалистичном». Каждый вариант обуславливается тем, в какой степени в развертывающемся глобальном противоборстве будет использоваться военная сила. Однако все эти варианты предполагают усиление конфронтации между Западом и Россией по сравнению с нынешней ситуацией.

В книге показано, что стержневым элементом сценария «Глобального военно-силового противоборства» является сетцентрическая война Запада против России, которая уже началась. Целью этой войны является лишение России суверенитета с последующим ее расчленением и уничтожением русской нации, как главной силы, противостоящей западному мировому доминированию. При всей кажущейся радикальности этого вывода, он представляется достаточно обоснованным, если проанализировать результаты сетцентрических войн, проведенных Западом против Югославии, Ирака, Ливии и войны, ведущейся сейчас против Сирии.

Главный посыл книги состоит в том, что не стоит подходить легковесно, к политике «мягкого давления» на Россию, осуществляемого сейчас Западом. Согласно прогнозу, это давление будет все более нарастать, в нем будет увеличиваться доля силовых инструментов, в том числе средств вооруженной борьбы. Стратегия Запада преследует далеко идущие цели, где на карту поставлено

выживание России как государства. Соответственно и стратегия России в контексте данного сценария развития МО должна исходить из этой объективной реальности, которую невозможно игнорировать, даже при очень сильном желании не участвовать в разворачивающемся глобальном противоборстве.

В книге ясно дается понять, что компромиссов в этой схватке быть не может. Только решительный отпор Западу, достижение над ним военно-технического и идейного превосходства, способны обеспечить устойчивую безопасность России в будущем. При этом, несмотря на всю сложность геополитического положения России перед лицом превосходящего противника, у нее есть хорошие шансы на победу, в случае национальной мобилизации и проведения грамотной внешней политики.

Глава I
Теоретические
основы методологии
стратегического
прогнозирования
международных отношений

1.1. Теория цивилизаций как ключевой элемент стратегического прогнозирования в области международных отношений

Особенностью предложенной в данной работе методологии стратегического прогнозирования международных отношений является широкое использование цивилизационного подхода к анализу мировых явлений и тенденций. Не отрицая значения классической теории международных отношений для такого анализа, авторы работы полагают, что теория цивилизаций имеет ключевое значение для понимания долговременных исторических процессов, особенно в переходные периоды, когда происходит радикальная трансформация мировой системы. Между тем, именно такой переходный период человечество переживает в настоящее время. Поэтому для долговременного прогнозирования международных отношений теория цивилизаций играет чрезвычайно важную роль.

Основоположником теории цивилизаций являлся выдающийся русский мыслитель, философ и публицист Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885). В своем классическом труде «Россия и Европа» (1871) он сформулировал концепцию культурно-исторических типов или «самобытных цивилизаций», на которые делится человеческая цивилизация (ЧЦ). Эти «самобытные цивилизации», по мнению Данилевского, отличаются друг от друга по трем основаниям:

- различия этнографические; «это те племенные качества, которые выражаются в особенностях психического строя народов»;
- «различия руководящего ими высшего нравственного начала, на котором только и может основываться плодотворное развитие цивилизации как со стороны научной и художественной, так

- и со стороны общественного и политического строя);
- «различия хода и условий исторического воспитания народов»³.

Данилевский выделял следующие культурно-исторические типы, расположив их в хронологическом порядке: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) новосемитический или арабийский; 10) германо-романский или европейский. А также два американских типа «погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития» — мексиканский и перуанский⁴.

Россию Данилевский считал самостоятельной цивилизацией, которая отлична от европейской. «Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой», — подчеркивал он. Россия по его словам, «не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного Древнего мира»; «не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа»; «не составляла она части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий ствол, через разделение которого образовалось все многоветвистое европейское дерево»; «не входила в состав той теократической федерации, которая заменила Карлову монархию»; «не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечению той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба»; «не боролась и с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя католичеством) и не имеет нужды в той форме религиозной свободы, которая называется протестантством». «Одним словом, она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе?», — заключает Данилевский⁵.

Важнейшей заслугой Данилевского стало формулирование

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 209.

⁴ Там же. С 109–110.

⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 75–76.

пяти законов развития цивилизаций. Поскольку эти законы подтверждаются практикой и продолжают сохранять актуальность в наше время, целесообразно привести их полностью:

«Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, — составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз [и] навсегда их жизненную силу».⁶

Доказывая свои выводы, Данилевский рассмотрел множество примеров из предыдущей человеческой истории. Так, рассуждая о качестве цивилизаций, он отметил, что «самые богатые, самые полные цивилизации изо всех доселе на земле существовавших принадлежат, конечно, миру Греческому и Европейскому». Одной

⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 113–114.

из причин такой «полноты и богатства», по мнению Данилевского, является то, что «миры эти состояли из более или менее самостоятельных политических единиц, из которых каждая, при общем характере, свойственном вообще греческому и европейскому типам, могла свободно развивать и свои особенности, заключавшиеся в тех политических подразделениях, на которые разбились эти миры».

В то же время, Данилевский считал, что такое разнообразие играет позитивную роль только в том случае, если оно является следствием естественного развития конкретной цивилизации. По его словам, такое разнообразие «не может быть, конечно, искусственно создаваемо там, где нет для него этнографической основы». «...Политическое раздробление в среде одного и того же культурно-исторического типа имеет и вредную сторону, состоящую в том, что оно лишает его политической силы, а следовательно, возможности успешного противодействия внешнему насилию», — подчеркивал он⁷.

Между тем, как уже отмечалось, Данилевский рассматривал политическую независимость субъектов цивилизации в качестве необходимого условия ее успешного развития. Он в частности писал: «Нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развилась без политической самостоятельности, хотя, достигнув уже известной силы, цивилизация может еще несколько времени продолжаться и после потери самостоятельности, как видим на примере греков»⁸.

Хотя Данилевский считал, что «цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа другому», он не отрицал взаимного влияния цивилизаций друг на друга. «Только это воздействие не есть передача», — пояснял он⁹. Раскрывая свою мысль, Данилевский писал: «Только при таком свободном отношении народов одного типа к результатам деятельности другого, когда первый сохраняет свое политическое и общественное устройство, свой быт и нравы, свои религиозные воззрения, свой склад мысли

⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 125–126.

⁸ Там же. С. 115.

⁹ Там же. С. 121.

и чувств, как единственно ему свойственные, — одним словом, сохраняет всю свою самобытность, — может быть истинно плодотворно воздействие завершенной или более развитой цивилизации на вновь возникающую».

«Под такими условиями народы иного культурного типа могут и должны знакомиться с результатами чужого опыта, принимая и прикладывая к себе из него то, что, так сказать, стоит вне сферы народности, то есть выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности. Все же остальное, в особенности все относящееся до познания человека и общества, а тем более до практического применения этого познания, вовсе не может быть предметом заимствования, а может быть только принимаемо к сведению как один из элементов сравнения — по одной уже той причине, что при разрешении этого рода задач чуждая цивилизация не могла иметь ввиду чуждых ей общественных начал и что, следовательно, решение их было только частное, только ее одну более или менее удовлетворяющее, а не общеприменимое», — указывал он¹⁰.

Еще одним важным выводом Данилевского явилась мысль о том, что не следует оценивать и ранжировать цивилизации по степени их прогрессивности, так как каждая из них вносит свой уникальный вклад в развитие человека и познание мира. Прогресс, по его словам, «состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях». Даже «уединенные культурно-исторические типы» развивали, по его мнению, «такие стороны жизни, которые не были в той же мере свойственны их более счастливым соперникам, и тем содействовали многосторонности проявлений человеческого духа». «Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития», — подытоживал

¹⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 124.

он¹¹. Примечательно, но этот тезис затем повторяли другие видные последователи теории цивилизаций¹².

Подводя итог творчеству Данилевского, следует отметить, что он сделал чрезвычайно много для понимания долговременных тенденций мирового развития. Многие его мысли сохраняют актуальность и в наши дни. Для целей методологии стратегического прогнозирования международных отношений чрезвычайно важны следующие выводы Данилевского:

Цивилизация может развиваться только в условиях политической независимости народов, являющихся носителями этой цивилизации. В противном случае цивилизация погибает, а ее народы либо исчезают, либо ассимилируются с народами другой, более сильной цивилизации.

Ценности одной цивилизации не могут быть переданы другой цивилизации. Насильственное навязывание чужих ценностей ведет к гибели той цивилизации, которой эти ценности навязываются.

Этническое и политическое многообразие той или иной цивилизации — это не слабость, а сила цивилизации при том понимании, что это разнообразие является естественным, а не навязывается искусственно. То есть насильственное расчленение единой цивилизации вредно, в то время как исторически сложившаяся полицентричность цивилизации является стимулом к ее развитию.

Расцвет и могущество цивилизаций — явление относительно кратковременное по сравнению с периодами их роста и увядания.

Другим важнейшим выводом Данилевского, сохраняющим непреходящую актуальность, является мысль о неизбежности конфронтации между европейской (западной) цивилизацией и российской цивилизацией. По его мнению, этот конфликт не только неизбежен, но и перманентен по своей сути. «Рано или поздно, хотим или не хотим, но борьба с Европой (или, по крайней мере, со значительнейшей частью ее) неизбежна», — подчеркивал он. В качестве причин для этого конфликта Данилевский называл

¹¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 110, 135.

¹² См., например: Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова; Сост. А.П. Огурцов; Вступ. ст. В.И. Уколовой. — М.: Прогресс, 1996. С. 226–227, 234.

«восточный вопрос», т. е. освобождение славян из под турецкого ига и «обладание Царьградом»¹³.

Примечательно в этой связи, что вопрос о статусе Черноморских проливов в ноябре 2015 года в очередной раз обострился, вследствие кризиса в отношениях между Россией и Турцией. Также и вступление России в войну в Сирии в значительной степени объяснялось стремлением защитить христианские общины этой страны от уничтожения радикальными исламистами, поддерживаемыми Турцией.

Европа, по словам Данилевского, воспринимает данную политику как «предмет незаконного честолюбия России», в то время как для «каждого русского, достойного этого имени», это есть «историческое призвание». «Можно медлить, отдавать по тем или другим соображениям как с нашей, так и с европейской стороны грозный час наступления борьбы, но она не может быть устранена иначе, как если или Европа почувствует всю справедливость славянских требований и добровольно уступит им, на что, как по всему видно, весьма мало надежды», — отмечал он¹⁴.

Более того, по мнению Данилевского, конфронтация с Европой будет неизбежной даже в том случае, если Россия отступит, если она «как говорят враги ее, действительно окажется больной, расслабленный колосс, расслабленный нравственно, переставший внимать не только голосу народной чести, но и самым громким побуждениям инстинкта самосохранения, готовый отказаться от всех преданий своей истории, отречься от самого смысла своего существования». «Если бы Россия даже дошла до такой степени унижения, оно было бы слишком невероятно, чтобы ему поверили: в нем увидали бы притворство и уловку и нас все-таки не оставили бы в покое», — подчеркивал он. Поэтому «борьба неизбежна, и полагаем, что хотя война очень большое зло, однако же, не самое еще большее, — что есть нечто, гораздо худшее войны, от чего война и может служить лекарством, ибо „не о хлебе едином жив будет человек“»¹⁵.

¹³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2008. С. 522.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 522–523.

Помимо Данилевского, теории цивилизаций придерживался видный русский философ, дипломат и писатель Константин Леонтьев (1831–1891). По мнению Леонтьева, цивилизация тождественна культуре и представляет собой «сложную систему отвлеченных идей (религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных), которая вырабатывается всей жизнью наций»¹⁶. Леонтьев выделял следующие цивилизации: европейскую, японо-китайскую, исламскую, древнеегипетскую, халдейскую, персидскую, эллинскую, римскую и византийскую.

При этом он пришел к выводу о существовании европейской идентичности, отличной от византийской. По его словам, «более общая идея европеизма, противопоставленная византизму, эллинизму, Риму и т. д., кажется от подобного сравнения ясной и определенной»¹⁷. В то же время он указывал, что «цивилизация европейская сложилась из византийского христианства, германского рыцарства (феодализма), эллинской эстетики и философии (к которым не раз прибегала Европа для освежения) и из римских муниципальных начал»¹⁸.

Россию же Леонтьев рассматривал как отдельную цивилизацию, хотя она тоже имела византийские корни. Поэтому в отношении с Европой он представлял два варианта развития событий. Или Россия «подчинится Европе», или «она должна устоять в своей отдельности». При этом решение о каждом из этих двух вариантов должно быть за народом России. «Если ответ русских людей на эти два вопроса будет в пользу отдельности, то, что же следует делать? Надо крепить себя, меньше думать о благе и больше о силе. Будет сила, будет и кой-какое благо, возможное», — утверждал он¹⁹.

Вслед за российскими учеными к теории цивилизаций обратились западные историки. Сторонником теории цивилизаций являлся, например, видный немецкий историк и философ Освальд Шпенглер (1880–1936). В его понимании цивилизация представляет собой последнюю стадию развития культуры. Однако, как считал Шпенглер, не все культуры способны создать цивилизацию, а толь-

¹⁶ Леонтьев Константин. Византизм и славянство. Москва: Хранитель, 2007. С. 219.

¹⁷ Там же. С. 59–61.

¹⁸ Там же. С. 174.

¹⁹ Там же. С. 223.

ко «великие культуры». В своем фундаментальном труде «Закат Европы» (1918–1922), он выделил восемь культур-цивилизаций: вавилонскую, египетскую, китайскую, индийскую, мезоамериканскую (майя, ацтеки), классическую (греческую, римскую), арабскую, западную (европейско-американскую).

При этом Шпенглер не считал Россию частью западной цивилизации. «Слово Европа и возникший под его влиянием комплекс представлений были единственной причиной, заставлявшей наше историческое сознание объединять Россию и Европу в одно ничем не оправдываемое целое», — указывал он. По его мнению, ошибочное отождествление России с Европой возникло как следствие неправильного понимания реформ Петра I, которые не отражали «историческую тенденцию примитивной народной массы». На самом деле «русский инстинкт с враждебностью, олицетворенной в Толстом, Аксакове и Достоевском, очень правильно отграничивает „матушку Россию“ от „Европы“», — отмечал Шпенглер²⁰.

Актуальным выводом Шпенглера является мысль о стремлении цивилизаций к расширению, экспансии и, в конечном счете, к «империализму» как высшей форме этого феномена. Он, в частности, писал: «Империализм — это чистая цивилизация. В его появлении лежит неотвратимая судьба Запада. Энергия культурного человека устремлена во внутрь, энергия цивилизованного — на внешнее. Поэтому в Сесиле Родсе я вижу первого человека новой эпохи. Он являет собой политический стиль дальнейшего, западного, германского, в особенности немецкого будущего. Его слова: „Расширение, — это все“ содержат в своей наполеоновской формулировке подлинную тенденцию всякой созревшей цивилизации. Это столь же применимо к римлянам, арабам и китайцам. Здесь нет выбора. Здесь не имеет никакого значения даже сознательная воля отдельного человека, или целых классов и народов. Тенденция к расширению, — это рок»²¹.

Наибольший вклад на Западе в развитие теории цивилизаций внес британский историк, философ и культуролог Арнольд Тойнби

²⁰ Шпенглер Освальд. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Том 2: Всемирно-исторические перспективы. / Перевод И. И. Маханькова. Москва: Мысль, 1998. С. 50.

²¹ Там же. С. 70.

(1889–1975). Он проделал на этом поприще поистине гигантскую работу, написав двенадцатитомный труд «Постижение истории» (1934–1961). В процессе своих исследований Тойнби провел подробнейшую классификацию цивилизаций, разделив их на три типа: «развившиеся», «неродившиеся» и «задержанные» в своем развитии.

В первую группу Тойнби включил 21 цивилизацию: египетскую, андскую, древнекитайскую, минойскую, шумерскую, майя, сирийскую, индскую, хеттскую, эллинскую, западную, дальневосточную (Корея и Япония), дальневосточную основную, православную христианскую основную (Византия и Балканы), православную христианскую в России, иранскую, арабскую, индуистскую, мексиканскую, юкатанскую, вавилонскую²². «Хотя в настоящее время все, кроме семи, из двадцати одной цивилизации уже мертвы, да и большинство из этих семи клонится к упадку и разложению», — с сожалением констатирует Тойнби²³.

К неродившимся цивилизациям Тойнби относит дальнезападную христианскую, дальневосточную христианскую, скандинавскую и сирийскую середины II тысячелетия до нашей эры. К задержанным цивилизациям (которые родились, но были остановлены в своём развитии после рождения) — эскимосов, кочевников Великой степи, османов, спартанцев и полинезийцев. По его мнению, «все задержанные цивилизации потерпели фиаско, пытаясь преодолеть возникшие препятствия *tour de force* (рывком)». Фактически задержанные цивилизации в отличие от примитивных обществ дают истинные примеры «народов, у которых нет истории», — отмечает Тойнби²⁴.

Таким образом, Тойнби выделяет Россию в отдельную православную цивилизацию, отличную не только от западной цивилизации, но и от православной цивилизации балканских стран²⁵. «Рус-

²² Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова; Сост. А. П. Огурцов; Вступ. ст. В. И. Уколовой. — М.: Прогресс, 1996. С. 77–79.

²³ Там же. С. 181.

²⁴ Там же.

²⁵ На самом деле такое деление православной цивилизации является сомнительным, и возможно, было вызвано политическими соображениями. Это же касается и искусственного разделения дальневосточной цивилизации.

ские земли, где православно-христианская цивилизация впервые пустила корни во время своей первоначальной трансплантации из Константинополя через Черное море и Великую степь, находились в районе верхнего бассейна Днепра. Оттуда центр тяжести православно-христианской цивилизации в России был перенесен в XII веке в бассейн верхней Волги русскими, которые расширяли границы государства в этом направлении за счет финских племен, исповедующих примитивное язычество», — отмечает он²⁶.

Что касается самой западной цивилизации, то Тойнби считает ее наследницей эллинизма и Римской империи. Строилась эта цивилизация сначала франками, а затем германцами, которые противостояли набегам «континентальных варваров». Причем тогда главная задача Запада состояла в вестернизации континентальных варваров и их объединении под эгидой западного христианства. Процесс вестернизации привел к 1400 году к тому, что «западное и православное христианство, ранее полностью изолированные друг от друга, оказались в прямом соприкосновении по всей континентальной линии от Адриатического моря до Северного Ледовитого океана»²⁷.

«Польша и Швеция играли роль форпостов западного общества на границе с универсальным государством православного русского христианства. Дунайская монархия исполняла роль форпоста против универсального государства православного христианства на Балканском полуострове», — отмечает Тойнби²⁸. Таким образом, мы видим, что Тойнби относит начало противостояния западной и православной русской цивилизации к началу XV века. Хотя на практике это произошло гораздо раньше — в XIII веке, о чем свидетельствуют столкновения русских войск с крестоносцами и шведами в Прибалтике.

В XX веке западная цивилизация, по мнению Тойнби, оказалась в уникальном положении. Она распространила свое влияние на весь мир. «В наше время разворачивается впечатляющая и всеобъемлющая экспансия западного мира. Впервые за всю свою

²⁶ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова; Сост. А. П. Огурцов; Вступ. ст. В. И. Уколовой. — М.: Прогресс, 1996. С. 140.

²⁷ Там же. С. 141–144.

²⁸ Там же. С. 148.

историю человечество столкнулось с ситуацией, когда одно общество распространило свое влияние практически на всю обитаемую поверхность Земли. Едва ли были в истории большие контрасты, чем в наши дни: глобальные экспансионистские устремления западного общества при относительной неподвижности других живых обществ нашей планеты, — отмечал он. — Когда эти другие цивилизации предпочитали держаться своих постоянных границ, безудержно расширяющаяся западная цивилизация, не зная пределов своим устремлениям, стала стучаться во все двери, взламывать все преграды и прорываться в самые замкнутые крепости»²⁹.

Но Тойнби видел в этом и отрицательную для Запада сторону. Такое непропорциональное усиление западной цивилизации привело к тому, что «старые вызовы со стороны внешнего окружения» исчезли, но возникли новые мощные внутренние вызовы. «Фактическая элиминация внешних вызовов... сопровождалась эквивалентными вызовами во внутренней жизни западного общества, продолжавшего свою глобальную экспансию. В экономическом плане одним из этих видоизмененных вызовов стала проблема, возникшая из различий в жизненных стандартах, что продолжает разделять человечество... В политическом плане процесс вестернизации породил вызов со стороны народов, пытающихся оградить свою независимость и сохранить самобытность... В культурном плане конфликт между западной культурой и другими культурами перерос в конфликт между различными классами и расами внутри созданного Западом „великого общества“, — указывал Тойнби»³⁰.

В этом контексте важнейшую проблему современной западной цивилизации Тойнби видел в том, «будет ли новая социальная мощь индустриализма и демократии использована в великом созидательном деле превращения вестернизированного мира в экуменическое общество или же эти новые силы будут играть разрушительную роль, обслуживая такие древние и бесчеловечные институты, как Война, Трайбализм, Рабство, Собственность?»³¹. Как видно из сов-

²⁹ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова; Сост. А. П. Огурцов; Вступ. ст. В. И. Уколовой. — М.: Прогресс, 1996. С. 216–217.

³⁰ Там же. С. 245.

³¹ Там же. С. 249.

ременного кризиса, охватившего западную цивилизацию, она пошла по второму, разрушительному пути, которого опасался Тойнби.

Несмотря на бесспорные заслуги Тойнби в развитии теории цивилизаций, с практической точки зрения наибольший интерес для стратегического прогнозирования международных отношений в современную эпоху представляют работы видного американского политолога Самюэля Хантингтона (1927–2008). В своей известной книге «Столкновение цивилизаций» (1996) он не только дал блестящий анализ современной международной обстановки, но и сделал некоторые весьма реалистичные прогнозы на будущее. Важное значение имеет и методологический вывод Хантингтона о том, что одной только классической теории международных отношений недостаточно для понимания глобальных процессов в период смены исторических эпох.

Как справедливо указывал Хантингтон, «страны по-разному преследуют свои интересы в различные исторические периоды». «...Выводы, сделанные на основе допущений статистической „реалистичной“ теории, не раз подтверждались историей. Но эта многоцентричная модель не поможет нам понять, насколько глобальная политика после „холодной войны“ будет отличаться от глобальной политики во время и до „холодной войны“», — указывает он³². Именно поэтому адекватный и эффективный анализ и прогноз развития МО в современную эпоху возможен только на основе синтеза двух методологических подходов — теории цивилизаций и концепции «политического реализма».

Важнейшим положением исследования Хантингтона был вывод о том, что основным противостоянием в XXI веке будет конфликт между цивилизациями. «Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций, — подчеркивал он. — В этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут... между народами различной культурной идентификации»³³. Поясняя свою мысль, Хантингтон отмечал, что мировая политика сейчас «выстраивается по-новому,

³² Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова; Сост. А. П. Огурцов; Вступ. ст. В. И. Уколовой. — М.: Прогресс, 1996. С. 36.

³³ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 24.

в соответствии с направлением развития культуры». «Народы и страны со схожими культурами объединяются, народы и страны с различными культурами распадаются на части... Политические границы все чаще корректируются, чтобы совпасть с культурными: этническими, религиозными и цивилизационными..., и линии разлома между цивилизациями становятся центральными линиями конфликтов в глобальной политике», — указывал он.³⁴

Хантингтон выделяет восемь основных цивилизаций, существующих в настоящее время — китайская, японская, индуистская, исламская, западная, православная, латиноамериканская³⁵. Причем китайскую цивилизацию он не ограничивает только территорией Китая, а включает в нее также «китайские сообщества в Юго-Восточной Азии и везде вне Китая», а также «родственные культуры Вьетнама и Кореи». С другой стороны, Хантингтон отделяет Японию от Китая, не соглашаясь с тем, что их надо объединить «под единой вывеской дальневосточной цивилизации». «Большинство ученых, — указывает он — не делают этого, выделяя Японию в отдельную цивилизацию, которая отпочковалась от китайской цивилизации в период между 100 и 400 годами н. э.»³⁶.

Латинскую Америку Хантингтон рассматривает как «отпрыск европейской цивилизации», однако указывает, что она «эволюционировала совершенно другим путем, чем Европа и Северная Америка». Отличие состоит в том, что культура в Латинской Америке «клановая и авторитарная», что менее характерно для Запада. В то время как Запад «почувствовал на себе влияние Реформации и объединил в себе католическую и протестантскую культуры», Латинская Америка «исторически была только католической». «Более того, латиноамериканская цивилизация ассимилировала местные культуры, которые не существовали в Европе и были полностью уничтожены в Северной Америке»³⁷.

Особенностью исламской цивилизации Хантингтон считает существование внутри нее «множество отдельных культур и субцивилизаций, включая арабскую, тюркскую, персидскую и малайс-

³⁴ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 185.

³⁵ Там же. С. 54.

³⁶ Там же. С. 55.

³⁷ Там же. С. 57.

кую». В отношении африканской цивилизации он придерживается мнения, что она еще не сформировалась, но возможна в потенциале. Причем, речь идет только об африканских странах южнее Сахары, так как в Северной Африке доминирует исламская цивилизация. «По всей Африке еще сильна племенная идентификация, но среди африканцев быстро возрастает чувство африканской идентификации, и, по-видимому, Африка „ниже“ Сахары (субсахарская) может стать отдельной цивилизацией, вероятно, с ЮАР в роли стержневого государства», — указывает он³⁸.

К западной цивилизации Хантингтон относит Европу, Северную Америку, а также «страны, населенные выходцами из Европы, то есть Австралию и Новую Зеландию». Центром православной цивилизации Хантингтон называет Россию, «отличную от западного христианства по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе»³⁹. Примечательно, что Хантингтон воздерживается от упоминания других стран, входящих в православную цивилизацию, явно с намерением затуманить этот вопрос по политическим соображениям. Но если абстрагироваться от этого двусмысленного момента в его рассуждениях, то в целом с предложенной классификацией цивилизаций можно согласиться.

Хантингтон был первым крупным западным политологом, который признал неизбежность возникновения полицентричной мировой системы. Основой этой системы, по его мнению, должны были стать «стержневые государства» основных цивилизаций. «В цивилизациях обычно есть одно или более мест, которые рассматриваются ее членами как основной источник или источники культуры этой цивилизации. Такие источники обычно расположены в одной стержневой стране или странах цивилизации, то есть наиболее могущественной и центральной в культурном отношении стране или странах», — отмечал он.

По мнению, Хантингтона, количество и роль стержневых государств в различных цивилизациях отличаются и могут меняться

³⁸ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 59.

³⁹ Там же. С. 55–56.

со временем. Так, «японская цивилизация практически совпадает с единственным стержневым государством — Японией». Китайская, православная и индуистская цивилизации «имеют абсолютно доминирующие стержневые страны». А вот исламская, латиноамериканская и африканская цивилизации стержневых стран не имеют. Что касается Запада, то исторически он имел «несколько стержневых стран». «Теперь у него два стержня: Соединенные Штаты и франко-германский стержень в Европе, плюс, дрейфующий между ними дополнительный центр власти — Великобритания», — указывал Хантингтон⁴⁰.

По прогнозу Хантингтона в будущей мировой политике стержневые государства основных цивилизаций «станут основными полюсами притяжения и отталкивания для других стран». Он объяснял это тем, что странам со схожей культурой свойственно «примыкать» друг к другу и «противостоять» тем, с кем у них нет культурной общности⁴¹. Хотя, Хантингтон признает, что это далеко не всегда так. При этом он ссылается на пример Грузии, которая, хотя и является православной страной, но «грузины исторически сопротивлялись российскому господству и тесным связям с Россией». Такая же ситуация, по его мнению, существует в отношениях между Вьетнамом и Китаем, которые оба являются конфуцианскими государствами. Тем не менее, Хантингтон убежден, что «со временем культурная общность и возникновение более широкого и сильного цивилизационно-го сознания может объединить эти страны, как объединились европейские страны»⁴².

Хантингтон также уверен в том, что военные и экономические союзы будущего будут строиться на базе культурной идентичности. По его словам, на место прежних союзов приходят новые «сплотившиеся на основе общности культуры и цивилизации»⁴³. Он объясняет это тем, что «сотрудничество опирается на доверие, а доверие легче всего возникает на почве общих ценностей и культуры». Организации, созданные внутри одной цивилизации,

⁴⁰ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 203.

⁴¹ Там же. С. 238.

⁴² Там же. С. 239.

⁴³ Там же. С. 185.

как правило, добиваются большего успеха и делают больше, чем межцивилизационные организации», — отмечает он⁴⁴.

Этот вывод, однако, не означает, что Хантингтон отрицает возможность межцивилизационных союзов в будущем. По его мнению, «соображения баланса сил будут время от времени приводить к межцивилизационным альянсам, как это было в случае с Францем I, который вступил в союз с Османской империей против Габсбургов». «Кроме того, сложившиеся модели альянсов, которые служили интересам государства в одну эпоху, останутся и в следующей. Однако они, скорее всего, станут слабее и менее значимыми, и им придется адаптироваться под условия новой эпохи», — указывает он⁴⁵.

К тому же, как отмечает Хантингтон, стержневые государства по соображениям безопасности будут стремиться «включить в свой состав или подчинить влиянию народы других цивилизаций». Поэтому страны, примыкающие к таким цивилизационным центрам силы можно условно «расположить концентрическими кругами вокруг стержневой страны или стран, отражая степень их отождествления с этим блоком и интеграции в него»⁴⁶. В то же время, по мнению Хантингтона, «наибольшую степень вероятности перерастания в крупномасштабные войны имеют локальные конфликты между группами и государствами из различных цивилизаций»⁴⁷.

В общем виде мировая система будущего представляется Хантингтону как мир «сфер влияния» стержневых государств различных цивилизаций. В то же время, влияние этих стержневых государств не будет чрезмерным, так как не будет сильно выходить за пределы конкретной цивилизации, будет ограничиваться и ослабляться культурой, общей с другими представителями цивилизации. «Культурная общность делает законным лидерство стержневого государства и его роль гаранта порядка, как в глазах стран-участниц, так и внешних держав и институтов», — утверждает он. Причем, Хантингтон оценивает эту будущую мировую

⁴⁴ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 195.

⁴⁵ Там же. — с. 189–190.

⁴⁶ Там же. С. 238–239.

⁴⁷ Там же. — с. 26–27.

систему весьма позитивно. На его взгляд, «в мире сложится либо порядок цивилизаций, либо вообще никакого». «В этом мире стержневые страны цивилизаций являются источниками порядка внутри цивилизаций, а также влияют на установление порядка между цивилизациями путем переговоров с другими стержневыми государствами», — подчеркивает он⁴⁸.

Хантингтон также правильно определил основную линию межцивилизационного противоборства, которая разделит мир в современную эпоху. Это — противоборство западной цивилизации с другими цивилизациями. Не углубляясь в причины этого противостояния, он, тем не менее, констатирует, что «началось восстание против Запада». «Уже не являясь просто объектами создаваемой Западом истории, незападные общества быстро становились движущими силами и создателями как своей собственной, так и западной истории, — отмечал он..., — в результате этих изменений, международная система вышла за рамки Запада и стала полицивилизационной»⁴⁹. Здесь особо хочется отметить введение Хантингтоном в оборот понятия «незападная» цивилизация, что безусловно также является признанием принципиальных противоречий между Западом и всем остальным миром.

Объясняя причины этого противостояния, Хантингтон пишет: «Добившись политической независимости, незападные общества пожелали освободиться от экономического, военного и культурного господства Запада... Глобальные притязания западной цивилизации, снижение относительной власти Запада, а также растущая культурная самоуверенность других цивилизаций делают достаточно сложными отношения между Западом и остальными»⁵⁰. «Центральной осью политики мира после „холодной войны“ является, таким образом, взаимоотношение западной мощи и политики с мощью и политикой незападных цивилизаций», подытоживает он⁵¹.

С другой стороны, он указывает, что «Запад пытается и будет продолжать пытаться сохранить свое высокое положение и защищать свои интересы, называя их интересами „мирового сообщес-

⁴⁸ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 239–240.

⁴⁹ Там же. С. 69.

⁵⁰ Там же. С. 283.

⁵¹ Там же. С. 26.

тва». «Так, например, Запад пытается интегрировать незападные страны в глобальную экономическую систему, в которой он доминирует. При помощи МВФ и других международных экономических институтов Запад поддерживает свои экономические интересы и вынуждает другие страны вести ту экономическую политику, которую считает приемлемой»⁵².

На этом фоне, как следует из анализа Хантингтона, важнейшую роль приобретает борьба ценностей. Он, в частности пишет: «По мере того как относительное влияние других цивилизаций возрастает, утрачивается привлекательность западной культуры и незападные жители все больше, доверяют своим исконным культурам... В результате этого основной проблемой взаимоотношений между Западом и остальными стало несоответствие между стремлением Запада — особенно Соединенных Штатов — насадить универсальную западную культуру и все снижающейся способностью делать это»⁵³.

«В то время как Запад пытается утвердить свои ценности и защитить свои интересы, незападные общества стоят перед выбором. Некоторые из них предпринимают попытки подражать Западу, присоединиться к нему и слиться с ним. Другие конфуцианские и исламские общества стремятся наращивать свою экономическую и военную мощь, чтобы противостоять Западу, создавая достойный противовес», — заключает он⁵⁴.

Из этого текста совершенно ясно следует, что конфликт возникает между Западом и теми цивилизациями, которые не стремятся принимать западные ценности. Между тем, сейчас уже достаточно очевидно, что навязывание своих ценностей другим цивилизациям не является просто блажью или прихотью западных политиков, или неким стихийным процессом. Это является частью продуманной глобальной стратегии Запада по удержанию мирового доминирования. Так что, и сам конфликт цивилизаций не возник сам по себе, а стал следствием стремления Запада сохранить привилегированное положение в системе международных отношений,

⁵² Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 282.

⁵³ Там же. С. 281–282.

⁵⁴ Там же. С. 26.

не соответствующее естественному весу и влиянию западной цивилизации в современном мире.

Хантингтон отводил России в этом глобальном противостоянии важную, хотя и не главенствующую роль. Главными противниками Запада он считал не православную, а китайскую и исламскую цивилизации. Это ошибочное представление Хантингтона в значительной степени объясняется той обстановкой, которая сложилась в России в середине 90-х годов прошлого века. После развала СССР, Россия находилась в чрезвычайно ослабленном состоянии и ее дальнейшие перспективы были не ясны не только Хантингтону, но и самим российским гражданам. Ведь тогда многие, включая и высшее российское руководство, верили, что интеграция с западной цивилизацией является вполне реальной перспективой.

В этом контексте, вывод Хантингтона о том, что Россия после развала СССР является «разорванной страной» вполне отражал реальность. «Россия была разорванной страной со времен Петра Великого, и перед ней стоял вопрос: стоит ли ей присоединиться к западной цивилизации или она является стержнем самобытной евразийской православной цивилизации», — указывал он⁵⁵. По мнению Хантингтона, в советский период этот разрыв был временно затушеван официальной доктриной.

Однако после краха коммунизма старые противоречия между западниками и славянофилами вновь вышли на поверхность. «По окончании „холодной войны“ Россия снова превратилась в „разорванную страну“, где вновь проявилась классическая борьба западников со славянофилами», — отмечал он⁵⁶. По мнению Хантингтона, эти разногласия не ограничивались сферой интеллектуальных дискуссий и перешли в сферу официальной политики. «Разногласия между космополитами и националистами прослеживались в заявлениях МИД и военного руководства. Также они нашли отражение в перемене ельцинской внешней и внутренней политики сначала в одну, затем в другую сторону», — указывал он⁵⁷.

⁵⁵ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 209.

⁵⁶ Там же. С. 136.

⁵⁷ Там же. С. 217.

Положение усугублялось тем, что Россия является стержневой страной православной цивилизации, и ее переориентация на Запад приведет к тому, что эта цивилизация просто погибнет. «Если же Россия примкнет к Западу, православная цивилизация перестанет существовать», — указывал он⁵⁸. По этой причине, Хантингтон считал присоединение России к Западу менее вероятным, чем сохранение России как центра православной цивилизации. Он, в частности, отмечал, что вектор настроений в российском обществе смещается в сторону «православных националистов»⁵⁹.

В то же время Хантингтон полагал, что противоречия России и Запада не будут носить антагонистического характера. Он объяснял это тем, что амбиции Запада будут ограничены сферой собственно западной цивилизации и в этом состояла его вторая ошибка. Он, в частности, писал: «...Расширение НАТО ограничено странами, которые исторически являются частью западного христианства, что гарантирует России, что оно не коснется Сербии, Болгарии, Румынии, Молдовы, Белоруссии и Украины, пока та остается единой. Кроме того, ограничение роста НАТО принятием только западных стран также подчеркнет роль России как стержневого государства отдельной православной цивилизации, следовательно, страны, ответственной за порядок вдоль границ православия»⁶⁰.

Вместе с тем, Хантингтон оправдывал поглощение Западом стран Прибалтики. «Они — единственные из бывших советских республик, которые являются явно западными по своей истории, культуре и религии, и их судьба всегда сильно волновала Запад — писал он. Соединенные Штаты никогда официально не признавали законность их включения в состав Советского Союза, поддерживали их стремление обрести независимость при развале СССР и настояли на принятии Россией плана вывода своих войск из этих республик. России дали понять, что Прибалтика находится вне всякой сферы влияния, которую она хочет установить по отношению к бывшим советским республикам»⁶¹.

⁵⁸ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 211.

⁵⁹ Там же. С. 136.

⁶⁰ Там же. С. 248–249.

⁶¹ Там же. С. 249.

Видимо, при написании этого текста Хантингтон руководствовался распространенными на Западе стереотипами и мифами относительно государств Прибалтики, а не реальным анализом их культурной идентичности. Он явно проигнорировал наличие в этих странах значительных русских общин, сформировавшихся еще в незапамятные времена, этническую близость балтийских племен со славянами, многовековое культурное влияние России на Прибалтику, особенно в течение 200 лет пребывания этих территорий в составе Российской империи, сложившуюся там устойчивую русскоязычную среду, а также принадлежность к православию значительной части нерусских граждан этих государств. Таким образом, причисление Хантингтоном стран Прибалтики к западной цивилизации явилось конъюнктурным и политически ангажированным заключением.

Как видим, Хантингтон ошибся и ошибся кардинально. Он недооценил экспансионистских устремлений своей собственной цивилизации и переоценил интеллектуальный потенциал нового поколения западных лидеров, бесцеремонно вторгнувшихся в сферу влияния русского православия. Как следствие, при всей правильности методологии его подхода к анализу и прогнозу международных отношений, эти субъективные представления привели Хантингтона к ошибочным выводам относительно роли России в будущем глобальном противоборстве. Поэтому правильно предсказав общий вектор развития международной системы, как обострение борьбы цивилизаций, он ошибся в определении наиболее вероятного сценария развития МО.

1.2. Теория политического реализма как наиболее эффективный инструмент анализа межгосударственных отношений

Теория политического реализма рассматривает международные отношения как систему, главными действующими субъектами которой выступают государства. Эта теория строится на обобщении многовекового опыта классической дипломатии и многократно

подтверждала свою эффективность при анализе текущей международной политики. В основе теории политического реализма лежит тезис о том, что система международных отношений подчиняется действию объективных законов, которые коренятся в самой природе человека. А, следовательно, поведение государств можно рационально объяснить, просчитать и предсказать. Ключевым элементом теории политического реализма являются категории «национального интереса» и «силы государства».

Теория политического реализма имеет долгую историю. Ее основоположником следует считать выдающегося флорентийского мыслителя, философа и дипломата Никколо Макиавелли (1469–1527). Главной заслугой Макиавелли является то, что он первым стал рассматривать внешнюю политику государств, в категориях «национального интереса» и «силы». Естественно, во времена Макиавелли наций как таковых еще не сложилось, поэтому термин «национальный» он использовать не мог. Но он рассуждал об интересах империй, городов-государств, республик и «государей» как лидеров своих стран.

По оценке русского ученого, профессора права Московского университета А. С. Алексеева, исследовавшего творчество Макиавелли, последний рассматривал государство как «творческий акт свободной воли людей, действующих в сознании своих интересов». В своей книге «Макиавелли как политический мыслитель» (1880) Алексеев писал, что, по мнению Макиавелли: «Потребность общими силами защищать общие интересы соединила людей в общезитие. Созданное всеми и для всех государство должно и служить интересам всех. Цель государства — общее благо»⁶².

Действительно, в своем фундаментальном труде «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли отмечал: «Все земли и страны, которые полностью свободны... весьма и весьма преуспевают... Ибо каждый человек в этих странах не задумываясь приумножает и приобретает блага, которыми рассчитывает затем свободно пользоваться. Следствием этого оказывается то, что все граждане, соревнуясь друг с другом, заботятся как о частных, так

⁶² Алексеев А.С. Макиавелли как политический мыслитель // Никколо Макиавелли: Pro et Contra. Антология. Санкт Петербург: изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. С. 74, 113.

и об общественных интересах и что общее их благосостояние на диво растет». «... Великими города делает забота не о личном, а об общем благе», — подчеркивал он⁶³.

В другом классическом труде «Государь», Макиавелли уделил значительное внимание поведению лидеров государств, в сфере внешней политики. Рассматривая в этом контексте необходимость соблюдения международных договоров, он отмечал, что выполнять их не обязательно, если это противоречит государственным интересам. «... Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание», — указывал он. Объясняя необходимость такого поведения лидеров государств, Макиавелли ссылаясь на опыт международных отношений, где нарушение договоров является общей практикой. «Примеров тому множество, — пояснял он, — сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру».

В этой связи Макиавелли также высказал важную мысль о необходимости скрывать истинные интересы и намерения своих государств, представляя их всегда в благочинном и привлекательном виде. Он, в частности, писал: «Однако натуру эту надо еще уметь прикрывать, надо быть изрядным обманщиком и лицемером». В качестве примера он привел Папу Римского Александра VI (1431–1503), который «всю жизнь изощрялся в обманах». «Во всем свете не было человека, который так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не менее, обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал толк в этом деле», — отмечал Макиавелли⁶⁴.

В «Государе» Макиавелли также подробно рассматривает понятие «сила» государства. Этому полностью посвящена Глава 10 работы, которая называется «Как следует измерять силы всех государств». То есть уже в названии содержится важнейшее

⁶³ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. <http://www.civisbook.ru/files/File/Makiavelli.Tit.pdf>. С. 64, 68.

⁶⁴ Макиавелли Н. Государь. http://www.100bestbooks.ru/files/Machiavelli_Gosudar.pdf. С. 26.

положение теории политического реализма об исчисляемости силы государства. «Изучая свойства государств, следует принять в соображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны. Поясню, что способными отстоять себя я называю тех государей, которые, имея в достатке людей или денег, могут собрать требуемых размеров войско и выдержать сражение с любым неприятелем», — указывал Макиавелли⁶⁵.

Таким образом, мы видим, что здесь Макиавелли выделяет три фактора национальной мощи — это демографический потенциал и финансовые возможности государства, которые непреложно выливаются в третий фактор — наличие мощных вооруженных сил, способных противостоять любому противнику. Рассматривая дальше принципы организации обороны городов-государств Макиавелли пишет: «Если государь хорошо укрепит город и будет обращаться с подданными так, как описано выше и добавлено ниже, то соседи остерегутся на него нападать. Ибо люди — враги всяких затруднительных препятствий, а кому же покажется легким нападение на государя, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен».

Приводя далее в пример города Германии Макиавелли повествует о том, что «они обведены добротными стенами и рвами, имеют артиллерии сколько нужно и на общественных складах держат годовой запас продовольствия, питья и топлива; кроме того, чтобы прокормить простой народ, не истощая казны, они заготавливают на год работы в тех отраслях, которыми живет город, и в тех ремеслах, которыми кормится простонародье. Военное искусство у них в чести, и они поощряют его разными мерами»⁶⁶.

Таким образом, в качестве факторов силы Макиавелли перечисляет здесь не только элементы относящиеся к собственно вооруженным силам — фортификационные сооружения, вооружения и боевую технику, но также элементы материально-технического снабжения — запасы воды, продовольствия и топлива. Но самое главное, что Макиавелли выходит за рамки чисто

⁶⁵ Макиавелли Н. Государь. http://www.100bestbooks.ru/files/Machiavelli_Gosudar.pdf. С. 16.

⁶⁶ Там же. С. 16.

материалистического взгляда на силу государства и в качестве элементов силы приводит такие идеальные факторы, как поддержка народом руководства страны и военное искусство.

Но Макиавелли не ограничивается даже этим и идет еще дальше в понимании идеальных факторов силы. Одним из важнейших таких факторов он считает качество военного управления и подготовки вооруженных сил. «...Государь должен даже в мыслях не оставлять военных упражнений и в мирное время предаваться им еще больше, чем в военное — подчеркивал он... Государю следует не только следить за порядком и учениями в войске, но и самому почаще выезжать на охоту, чтобы закалить тело и одновременно изучить местность, а именно: где и какие есть возвышенности, куда выходят долины, насколько простираются равнины, каковы особенности рек и болот. Такое изучение вдвойне полезно. Прежде всего благодаря ему лучше узнаешь собственную страну и можешь вернее определить способы ее защиты; кроме того, зная в подробностях устройство одной местности, легко понимаешь особенности другой, попадая туда впервые... Если государь не выработал в себе этих навыков, то он лишен первого качества военачальника, ибо именно они позволяют сохранять преимущество, определяя местоположение неприятеля, располагаясь лагерем, идя на сближение с противником, вступая в бой и осаждая крепости»⁶⁷.

Помимо этого Макиавелли считал, что «государь должен читать исторические труды, при этом особо изучать действия выдающихся полководцев, разбирать, какими способами они вели войну, что определяло их победы и что — поражения, с тем, чтобы одерживать первые и избегать последних»⁶⁸. Также важен вывод Макиавелли о ненадежности наемных войск и войск союзных государств. Поэтому вооруженные силы государства должны состоять из «собственных войск», то есть тех, «которые состояются из подданных, граждан или преданных тебе людей»⁶⁹.

После Макиавелли теория политического реализма получила достаточно широкое распространение. Ее даже придерживались,

⁶⁷ Макиавелли Н. Государь. http://www.100bestbooks.ru/files/Machiavelli_Gosudar.pdf. С. 22.

⁶⁸ Там же. — с. 23.

⁶⁹ Там же. — с. 21.

возможно сами того не осознавая, теоретики научного коммунизма К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. В своих работах они широко использовали термины «интерес» и «сила», применительно к международной обстановке и внешней политике государств. Ф. Энгельс, например, отмечал, что сила государства «определяется хозяйственным положением, доставляющим ему средства для создания и сохранения орудий насилия»⁷⁰. А В. И. Ленин в одной из своих работ подчеркивал, что «при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников делажа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.»⁷¹.

Интересы государств, классики марксизма-ленинизма выводили, прежде всего, из экономических факторов. Энгельс, в частности, писал: «...Экономические отношения каждого общества проявляются, прежде всего, как интересы. Интерес является управляющим принципом, подчиняющим себе все остальные принципы»⁷². А Ленин, в своем выступлении на заседании ВЦИК и Моссовета 14 мая 1918 года, отмечал, что «...самые глубокие корни внутренней и внешней политики... определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов...»⁷³.

Таким образом, классики марксизма-ленинизма ограничивали свое понимание интересов государства интересами господствующего класса данного государства, причем в основном, интересами экономическими. Они не признавали наличие национальных интересов, отражающих интересы всех основных классов и слоев общества. Такой зауженный подход временами вел к ошибочным оценкам и выводам при принятии внешнеполитических решений. Между тем, еще Макиавелли писал, что правящая элита того или иного государства должна действовать в интересах общего блага, иначе такая элита не сможет долго удерживать власть и будет сменена более адекватными правителями⁷⁴.

⁷⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 171.

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.27. — с. 417.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.18. — с. 271.

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.36. — с. 327.

⁷⁴ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. <http://www.civisbook.ru/files/File/Makiavelli.Tit.pdf>. С. 5.

Важнейшую роль в развитии теории политического реализма в XX веке сыграл видный американский политолог, профессор Чикагского университета Ганс Моргентау (1904–1980). В своей фундаментальной работе «Политика среди наций» (1948) Моргентау обобщил и систематизировал основные взгляды и концепции реалистической школы на международные отношения и внешнюю политику государств. Он рассмотрел такие вопросы как: существо политического влияния государств, соотношение идеологии и внешней политики, составные элементы и способы оценки национальной мощи, мировой баланс сил, основные проблемы международного права, влияние этики и морали на внешнюю политику и некоторые другие.

Ключевой мыслью Моргентау является вывод о том, что в своей внешней политике государства руководствуются, прежде всего, стремлением расширить свое международное влияние. «Международная политика, как и любая другая политика, есть борьба за влияние. Каковыми бы ни были конечные цели внешней политики, влияние всегда является непосредственной целью», — отмечал он. Влияние он понимал как «контроль над сознанием и действиями других людей». Причем борьбу за влияние Моргентау рассматривал как неотъемлемое свойство международной среды. «Борьба за влияние является всеобъемлющей во времени и пространстве и бесспорным фактом, подтверждаемым практикой», — подчеркивал он.

Поясняя свою мысль Моргентау писал: «Каковыми бы ни были материальные цели внешней политики, как, например, доступ к источникам сырья, контроль за морскими коммуникациями, территориальные изменения, они всегда подразумевают осуществление контроля над действиями других через влияние на их сознание»⁷⁵. С такой оценкой вполне можно согласиться. Практика показывает, что чем выше международное влияние государства, тем легче и тем большее число своих интересов оно может обеспечить. Именно поэтому государства всегда стремились расширить свое влияние на международные отношения и нет никаких признаков того, что в будущем будет по-другому.

В этом контексте Моргентау рассматривает отдельные случаи, когда государства добровольно отказывались от расширения

⁷⁵ Morgenthau Hans. Politics Among Nations. New York: Knopf, 1948. P. 13–17.

и даже удержания своего прежнего влияния в международной системе. Поскольку с феноменом Горбачева и развалом СССР он тогда знаком не был, то он ссылается на опыт Британской империи в 1947 году, когда она добровольно отказалась от Индии, хотя ее никто «не принуждал физически сделать это». По его мнению, такое поведение вовсе не означает, что данное государство «утратило интерес к влиянию».

Моргентау объясняет такое поведение несколькими причинами. Одной из причин может быть желание «изменить форму контроля», то есть «поменять военный контроль на политический, политический на экономический» и так далее. Другой причиной может быть «изменение в целях внешней политики», которые «требуют концентрации усилий в другой точке». Третьей и наиболее вероятной причиной такого поведения Моргентау считает внешнеполитический маневр, направленный на консолидацию позиций государства и экономию ресурсов. «В таких случаях нация действует как командующий войсками, который в определенных обстоятельствах может отступить, либо потому, что его фронт чрезмерно растянут, либо потому, что его линии коммуникаций оказываются под угрозой, либо потому, что он хочет сконцентрировать свои силы для наступления», — указывает Моргентау⁷⁶.

По мнению Моргентау, национальная мощь государства складывается из нескольких компонентов, некоторые из которых являются материальными, а другие нематериальными. К материальным факторам он относит географическое положение, природные ресурсы, промышленный потенциал, «военную готовность» и население страны. К нематериальным факторам он относит национальный характер, национальный дух, качество дипломатии и качество государственного управления.

По ходу своего исследования факторов национальной мощи Моргентау делает ряд замечаний, имеющих важное значение для анализа и стратегического прогноза международных отношений. Так, по его мнению, важнейшим фактором силы является самообеспеченность страны продовольствием. При этом он ссылается на опыт Великобритании и Германии, для которых недостаток продовольствия «постоянно являлся источником слабости».

⁷⁶ Morgenthau Hans. *Politics Among Nations*. New York: Knopf, 1948. P. 22.

С другой стороны, США и Россия, которые «не испытывали беспокойства на этот счет», были в состоянии проводить «более энергичную и целенаправленную политику, которая в другом случае была бы невозможна». «Самодостаточность в продовольствии, таким образом, всегда была источником великой силы», — заключает он⁷⁷.

Рассуждая о промышленном потенциале, Моргентау обращает внимание на важную роль человеческого фактора в этом вопросе. «...Квалификация рабочего человека, профессионализм инженера, изобретательный гений ученого, организация управления — все это факторы, от которых зависит индустриальный потенциал нации, а следовательно и ее влияние в международных делах», — подчеркивает он⁷⁸.

Далее, раскрывая понятие «военной готовности», он пишет: «Военная готовность предполагает наличие военной организации, способной поддерживать проводимую внешнюю политику». Особо важную роль в этом деле играет, по его мнению, технологический фактор. «Судьба наций и цивилизаций часто решалась разницей в технологии ведения войны, которую более слабая сторона не могла компенсировать другими способами», — подчеркивал он. Помимо «своевременного внедрения технологических инноваций», по мнению Моргентау, «решающее влияние на национальную мощь всегда оказывало качество военного управления»⁷⁹.

При рассмотрении вопроса о влиянии демографии на национальную мощь Моргентау призывает разделять «количественные и качественные компоненты». И то и другое имеет значение. «...Ни одно государство не может оставаться или стать державой первого ряда, если оно не принадлежит к наиболее населенным государствам мира», — указывает он. По его словам, малочисленное население не позволяет создать мощную промышленность, сформировать крупные вооруженные силы, а также снабжать крупную армию всеми необходимыми ресурсами⁸⁰. При всех прочих равных, считает Моргентау, большая численность населения, преобладание

⁷⁷ Morgenthau Hans. *Politics Among Nations*. New York: Knopf, 1948. P. 83.

⁷⁸ Ibid. P. 87.

⁷⁹ Ibid. P. 88–90.

⁸⁰ Ibid. P. 91.

в его структуре более молодого поколения и позитивная демографическая динамика являются явными плюсами.

Однако наибольший интерес представляют собой оценки Моргентгау нематериальных факторов силы. «Из трех человеческих факторов качественного характера, которые влияют на национальную мощь, — пишет он, — национальный характер и национальный дух выделяются как наиболее неуловимые с точки зрения рационального прогнозирования и в то же время как имеющие постоянное и часто решающее значение для того влияния, которое нация способна положить на весы международной политики». При этом Моргентгау, считает, что в различных нациях «определенные качества интеллекта и характера» встречаются и ценятся по-разному. А это ведет к тому, что нации отличаются друг от друга⁸¹.

Национальный характер, полагает Моргентгау, не может не влиять на национальную мощь, так как «те, кто действует в интересах нации во время войны или мира формулируют, исполняют и поддерживают ее политику, избирают и избираются, формируют общественное мнение, производят и потребляют — они все несут на себе в большей или меньшей степени отпечаток тех интеллектуальных и моральных качеств, которые составляют национальный характер». Так, по мнению Моргентгау, русским свойственна «природная сила и упорство», американцам «индивидуальная инициатива и изобретательность», британцам прагматический «здравый смысл», немцам «дисциплина и скрупулезность»⁸².

Еще более «неуловимым» и «менее стабильным» Моргентгау считает фактор национального духа. В то же время, по его словам этот фактор играет такую же важную роль, как и другие факторы национальной мощи. Он определяет национальный дух как «уровень решимости, с которой нация поддерживает внешнюю политику своего правительства во время мира и войны». «Без национального духа, национальная мощь является не более чем материальной силой или другими словами потенциалом, который тщетно ждет своей реализации», — подчеркивает он⁸³.

⁸¹ Morgenthau Hans. *Politics Among Nations*. New York: Knopf, 1948. P. 96.

⁸² Ibid. P. 98.

⁸³ Ibid. P. 100, 104.

Высокий уровень национального духа Моргентгау связывает с качеством государственного управления. По его мнению, в обществах, которые плохо управляются, высокий уровень национального духа невозможен. «Качество государственного управления является очевидным источником силы или слабости применительно ко всем факторам, от которых зависит национальная мощь... Но для силы национального духа, качество государственного управления имеет особое значение», — подчеркивает он⁸⁴.

Моргентгау также указывает на то, что моральный дух нации сильно зависит от того, насколько цели внешней политики государства соответствуют его национальным ценностям и идеологии. Он, в частности, пишет: «Правительство, чья внешняя политика отвечает интеллектуальным убеждениям и моральным нормам своего народа приобретает несравненные преимущества над оппонентом, который не сумел сделать таковыми свои выбранные цели. Идеология, не менее чем идеи, является инструментом, который повышает национальный дух и вместе с ним силу нации, и это действие само по себе может ослабить моральный дух оппонента». «В целом можно констатировать, что чем больше люди отождествляют себя с действиями и целями своего правительства, конечно, прежде всего, в сфере внешней политики, тем больше шансов, что национальный дух будет высоким и наоборот», — заключает он⁸⁵.

Другой стороной данного феномена, как считает Моргентгау, является изменение сущности противостояния государств, в современную эпоху — сейчас это происходит из-за различия систем национальных ценностей. Он, в частности, пишет: «Они противостоят друг другу как знаменосцы этических систем, каждая из которых имеет национальные истоки и каждая из которых претендует и стремится обеспечить наднациональные рамки этических стандартов, которые все другие нации должны принять и в рамках которых их внешняя политика должна осуществляться. Моральный кодекс одной нации своей претензией на универсальность бросает вызов другим, которые отвечают взаимностью»⁸⁶.

⁸⁴ Morgenthau Hans. *Politics Among Nations*. New York: Knopf, 1948. P. 104.

⁸⁵ *Ibid.* P. 63, 103.

⁸⁶ *Ibid.* P. 193.

Моргентау также считает, что всегда существует точка слома морального духа нации. Этот слом может быть следствием постепенного упадка морального духа, а иногда может происходить обвальным путем. Причем, эта точка слома может отличаться для одной нации в схожих ситуациях. Так, сравнивая поведение французов, русских и немцев в период Первой и Второй мировых войн, он приходит к выводу, что точки слома морального духа каждой из этих наций в обеих войнах различались. Например, коллапс немецкого духа в ноябре 1917 года произошел далеко не в самых катастрофических обстоятельствах, в то время как в самых неблагоприятных условиях 1945 года немцы сопротивлялись до конца⁸⁷.

Моргентау завершает свой анализ компонентов национальной мощи фактором «качество дипломатии». Причем, он считает этот фактор «самым важным», хотя и «более нестабильным». Все другие факторы, по его словам, представляют собой «сырье, из которого формируется национальная мощь». «Качество дипломатии нации объединяет эти разносторонние факторы в единое целое, дает им направление и вес и пробуждает их дремлющий потенциал, придавая им дыхание реальной силы... Можно сказать, что дипломатия это мозги национальной мощи, в то время как национальный дух — ее душа», — указывал он. По его словам, нация «обладающая всеми преимуществами» в национальной мощи, но не в дипломатии, может достигнуть только временного успеха за счет веса других факторов национальной мощи. Однако в долгосрочной перспективе она растеряет свои преимущества, «применяя их неполно, непоследовательно и расточительно с точки зрения национальных внешнеполитических целей»⁸⁸.

Непрекращающаяся борьба за влияние между государствами ведет, по мнению Моргентау, к формированию международной системы, основанной на принципе баланса сил. «Стремление нескольких наций к влиянию, каждая из которых пытается либо сохранить, либо нарушить статус-кво ведет к возникновению некой совокупности, которая называется балансом сил и политике, которая ведет к поддержанию этого баланса», — отмечал он. Моргентау

⁸⁷ Morgenthau Hans. *Politics Among Nations*. New York: Knopf, 1948. P. 101–102.

⁸⁸ *Ibid.* P. 105.

сравнивал принцип баланса сил с концепциями «равновесия» применяемыми во многих других науках (физике, биологии, экономике и социологии), которые «означают стабильность внутри системы, состоящей из нескольких автономных сил»⁸⁹.

Согласно Моргентау, баланс сил в международных отношениях является частным случаем применения принципа баланса в социальной сфере вообще. Он утверждал, что баланс сил «не только неизбежен, но также является существенным стабилизирующим фактором в сообществе суверенных наций» и что «нестабильность международного баланса сил проистекает не из ошибочности этого принципа, а из особых условий, в которых этот принцип должен действовать в сообществе суверенных государств». «На протяжении всей своей истории, растянувшейся на более чем четыреста лет, политика баланса сил была успешной, предотвращая абсолютное доминирование какого-либо одного государства», — отмечал Моргентау⁹⁰.

Баланс сил, как отмечает Моргентау, может существовать в различных формах. Самая простая форма это соотношение сил между отдельными государствами. Но на практике такое встречается довольно редко. Исторически баланс сил существует либо между отдельным государством и коалицией, либо между коалициями. Более того, система баланса сил, как правило, складывается из нескольких подсистем, «взаимосвязанных друг с другом», но «поддерживающих собственный баланс сил внутри самих себя». Эта взаимосвязь обычно является «отношением подчиненности в том смысле, что одна из систем доминирует, так как имеет относительно больший вес», в то время как другие системы «пристегнуты к весам этой доминирующей системы»⁹¹.

Моргентау считал, что баланс сил содержит в себе имманентное противоречие. «Он создает неустойчивую стабильность в отношениях между соответствующими нациями, стабильность, которая всегда находится перед опасностью нарушения и, таким образом, всегда перед необходимостью быть восстановленной. Однако, только такая стабильность доступна в предполагаемых

⁸⁹ Morgenthau Hans. *Politics Among Nations*. New York: Knopf, 1948. P. 125.

⁹⁰ Ibid. P. 125, 150.

⁹¹ Ibid. P. 137, 146.

условиях борьбы за влияние», — подчеркивал он. По его словам, в этой ситуации заложено принципиальное противоречие баланса сил, который, с одной стороны, должен «обеспечивать стабильность соотношения сил между нациями», а с другой, «сама природа этого соотношения ведет его к постоянному изменению»⁹².

Моргентау также отмечал, что процесс перебалансировки сил может быть осуществлен двумя методами «либо убавлением веса более тяжелой стороны, либо повышением веса более легкой стороны». Первый метод, построенный по принципу «разделяй и властвуй», предусматривает, в частности, такие мероприятия как «навязывание обременительных условий в мирных договорах», расчленение государств или подстрекательство внутренней оппозиции в той или иной стране «к измене или революции»⁹³.

Второй метод предусматривает наращивание силы, прежде всего военной, более слабым государством, чтобы компенсировать свое отставание от более сильного государства. Этот метод также предусматривает объединение нескольких государств, имеющих схожие цели, в коалицию для противостояния своим противникам. Ко второму методу также относятся т. н. «компенсации», то есть компромиссное удовлетворение претензий нескольких государств. В качестве примера Моргентау приводит три раздела Польши в 1772, 1793 и 1795 между Австрией, Пруссией и Россией. Компенсации также применялись при разделе колоний, зависимых территорий и сфер влияния⁹⁴.

Большое внимание в своем исследовании Моргентау уделил проблеме оценки национальной мощи государств. Он, в частности, писал: «Баланс сил, если его рассматривать механически, требует внятного количественного критерия, при помощи которого относительная сила нескольких государств может быть измерена и сравнима. Потому что только посредством такого критерия, сравнимого с фунтами и унциями на реальной чаше весов, можно с какой-либо степенью уверенности сказать, что какая-то нация имеет тенденцию стать более мощной, чем другая или, что они

⁹² Morgenthau Hans. *Politics Among Nations*. New York: Knopf, 1948. P. 131–132.

⁹³ *Ibid.* P. 134.

⁹⁴ *Ibid.* P. 135–136.

будут сохранять баланс сил между собой. Более того, только посредством такого критерия можно преобразовать изменения силы в количественные единицы, чтобы перевести их из одной шкалы в другую для оценки требований восстановления баланса»⁹⁵.

Сам Моргентау считал, что в науке эта задача еще не решена и ее решение на практике неосуществимо. Он в частности ссылался на то, что такие факторы как национальный характер, национальный дух и качество государственного управления не поддаются количественной оценке, хотя они являются «наиболее важными компонентами национальной мощи». Он также отмечал, что эти факторы претерпевают постоянные, но незаметные на первый взгляд изменения, которые проявятся «только в момент реального испытания кризисом или войной». «Рациональная калькуляция относительной силы нескольких наций, которые составляют живую ткань баланса сил, становится рядом предположений, правильность которых можно оценить лишь в ретроспективе», — подчеркивал он⁹⁶.

Эта неопределенность, по мнению Моргентау, еще больше усиливается, если отойти от наиболее простого сюжета баланса сил и рассмотреть ситуацию, когда друг другу противостоят не отдельные государства, а союзы. «Тогда необходимо считать не только силу своего оппонента и свою собственную и сопоставлять их, но осуществить такую же операцию в отношении своих союзников и союзников своего оппонента», — отмечает Моргентау. При этом «риски сильно возрастают, когда необходимо оценивать силу стран, принадлежащих к цивилизациям, отличным от своей собственной». «Поверх этого, — пишет он, — лежит неопределенность, связанная с тем, что государство не может быть всегда уверенным в том, кто является его союзником, а кто оппонентом». «Альянсы существующие на основе договоров не всегда совпадают с альянсами, которые противостоят друг другу в реалиях военного противоборства», — заключает политолог⁹⁷.

Сложности исчисления национальной мощи государств, которые назвал Моргентау, возможно выглядели непреодолимыми в его время. Однако, сейчас, в эпоху информационной револю-

⁹⁵ Morgenthau Hans. Politics Among Nations. New York: Knopf, 1948. P. 151.

⁹⁶ Ibid. P. 111, 152.

⁹⁷ Ibid. P. 152.

ции, эта задача представляется вполне решаемой. Современные компьютерные системы позволяют накапливать, обрабатывать и анализировать гигантские потоки информации. Это дает возможность учитывать при оценке национальной мощи государств самые разнообразные факты и обстоятельства. Это позволяет также выражать факторы национальной мощи в различных условных единицах и проводить их сравнение. Даже такие нематериальные факторы как национальный дух и национальный характер могут учитываться в оценках национальной мощи через определенные математические алгоритмы с учетом исторического опыта конкретных наций⁹⁸. В итоге информационно-управленческая революция позволила подойти к решению сверхсложной задачи стратегического прогнозирования международных отношений.

Безусловно, правильный подсчет национальной мощи государств сам по себе недостаточен для адекватного стратегического прогноза. Важнейшую роль в этом вопросе играют субъективные факторы и факторы случайных событий, которые могут пустить развитие международных событий по неожиданному пути. И Моргентау обращает внимание на эту проблему, когда пишет: «Если даже люди отвечающие за внешнюю политику страны были наделены превосходной мудростью и безошибочным рассудком и могли бы полагаться на наиболее полные и надежные источники информации, то всегда будут присутствовать неизвестные факторы, которые спутают их расчеты», — указывал он.

К этим факторам Моргентау относил природные катаклизмы, голод, эпидемии, техногенные катастрофы, войны и революции, изобретения и открытия, возвышение и исчезновение духовных, военных и политических лидеров, мысли и действия таких лидеров, а также «непознаваемость национального духа»⁹⁹. Действительно, прогнозировать природные катаклизмы, эпидемии, техногенные катастрофы и другие стихийные бедствия невозможно. Но это, пожалуй, единственное, в чем Моргентау безусловно прав. Все ос-

⁹⁸ Подробнее см.: Александров М. В. К вопросу о возможности создания математической модели прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ // Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014. С. 25–49.

⁹⁹ Morgenthau Hans. *Politics Among Nations*. New York: Knopf, 1948. P. 111.

тальное вполне поддается прогнозу при соответствующем анализе внутривнутриполитической обстановки в различных странах.

Здесь важно понимать, что субъективные поступки и поведение лидеров и других ключевых политических фигур не могут оказывать быстрого влияния на объективные факторы международных отношений и приводить к немедленному изменению баланса сил. Даже такое, казалось бы, быстрое действие как смена союзников каким-нибудь влиятельным государством не может произойти только по прихоти лидера этого государства. Во-первых, для такой смены должны иметься некие объективные причины, например, изменения международного положения страны или изменения во внутривнутриполитической ситуации, приводящие к изменению интересов и настроений правящей элиты. Более того, лидер, намеревающийся сменить союзников, должен провести определенные консультации внутри правящей элиты, вступить в переговоры с государством или коалицией, которых он видит в качестве союзников, и предпринять соответствующие внешнеполитические шаги. Все это не может ускользнуть из поля зрения грамотного аналитика, который предупредит руководство своей страны, и то внесет коррективы во внешнеполитический прогноз.

Конечно, для этого необходимо, постоянно мониторить внешнюю и внутреннюю политику различных государств, анализировать происходящие изменения и в случае необходимости корректировать имеющиеся прогнозы. То есть делать то, что сейчас принято называть динамическим прогнозированием¹⁰⁰. Кстати, сам Моргентау призывал именно к такому подходу к внешней политике, отмечая, что анализ баланса сил в мире, необходимо делать «каждый день». Ибо «каждый день изменения в факторах национальной мощи, какими бы маленькими и неосязаемыми они не казались на первый взгляд, добавляют частицу силы одной стороне и отнимают крупницу мощи у другой». «Чтобы получить хотя бы приближенную к реальности картину распределения силы между несколькими странами, соотношение сил, как оно существует

¹⁰⁰ Александров М.В. Метод динамического прогнозирования сценариев развития международной обстановки. <http://viperson.ru/articles/mihail-aleksandrov-metod-dinamicheskogo-prognozirovaniya-stsenarijev-razvitiya-mezhdunarodnoy-obstanovki>

в конкретный исторический момент, должно быть спроецировано в будущее», — отмечал он¹⁰¹.

Таким образом, Моргентау вплотную подошел к пониманию метода динамического прогнозирования, но не смог оценить его возможностей для анализа и прогноза баланса сил. В итоге он пришел к неутешительному выводу о том, что «баланс сил невозможно осуществить на практике». Он, в частности, писал: «Поскольку ни одна нация не может быть уверена, что ее расчеты соотношения сил в каждый конкретный исторический момент верны, она должна, по крайней мере, быть уверенной, что какие-либо ошибки, совершенные ею, не поставят нацию в невыгодное положение в борьбе за влияние. Другими словами, нация должна иметь, по меньшей мере, зазор безопасности, который позволил бы ей, допуская ошибки, все же сохранять баланс сил. Соответственно, все нации, активно участвующие в борьбе за влияние должны в реальности стремиться не к балансу, то есть, равенству сил, а к превосходству сил в свою пользу. А поскольку ни одна нация не может предвидеть, какой большей окажется ее ошибка в расчетах, то все нации в конечном итоге должны стремиться к максимально доступной им силе»¹⁰².

С этой оценкой Моргентау можно согласиться лишь частично. Дело в том, что борьба за максимальное влияние дело очень затратное. Более того, рост влияния любого государства всегда ограничен объективными факторами — размером его экономики, финансовыми ресурсами, уровнем развития науки и техники и другими. А также готовностью общества терпеть лишения и неудобства ради целей наращивания мощи собственного государства. Поэтому в борьбе государств за влияние всегда действует закон обратной связи, который ставит объективные границы наращиванию их мощи таким образом, что эта мощь, никогда не может достигнуть максимального уровня. Исключением из этого правила является только ситуация тотальной войны, когда все ресурсы государства мобилизуются для достижения победы.

Поэтому баланс сил в международных отношениях всегда утанавливается на уровне, который ниже максимально возможного уровня противостояния государств и коалиций. Причем в обычных

¹⁰¹ Morgenthau Hans. Politics Among Nations. New York: Knopf, 1948. P. 111.

¹⁰² Ibid. P. 155.

ситуациях, когда статус-кво устраивает основных субъектов международных отношений, этот уровень может быть достаточно низким. И лишь тогда, когда появляются державы или другие силы, стремящиеся к изменению статус-кво, то уровень поддержания баланса сил начинает возрастать. Однако по мере увеличения затрат, связанных с ростом противостояния, закон обратной связи опять начинает действовать. И баланс сил вновь восстанавливается на более высоком уровне, либо путем перераспределения влияния в мировой системе, например, за счет тех же «компенсаций», о которых упоминал Моргентау, либо путем уступок одной из сторон. Конечно, такое восстановление баланса возможно только в том случае, если держава, бросившая вызов статус-кво, не стремится к радикальному изменению системы международных отношений, как это сделала, например, нацистская Германия в конце 30-х годов прошлого века. В этом случае баланс сил может быть восстановлен только по итогам крупномасштабной войны.

В этом контексте следует обратить внимание на другую неточность концепции Моргентау. Она связана с пониманием роли национальных интересов как главной движущей силы внешней политики государств. В этом вопросе у него изначально присутствовали определенные противоречия. Так, в начале своей книги он утверждал, что постоянная борьба государств за влияние объясняется имманентными свойствами человеческой природы, предопределяющей стремление доминировать. Он, в частности, писал: «Желание доминировать... есть составной элемент всех человеческих ассоциаций, начиная с семьи, содружеств, профессиональных ассоциаций, местных политических организаций и кончая государством»¹⁰³.

Поэтому вопрос национальных интересов в работе Моргентау фактически не рассматривается, что, безусловно, является ее слабым местом. Надо сказать, что в этом смысле его первоначальное видение международных отношений явилось явным шагом назад даже по сравнению с Макиавелли, который считал, что поведение субъектов международных отношений обуславливается их интересами, а не некими врожденными особенностями человеческой природы. Да и сама практика международной жизни вовсе не под-

¹⁰³ Morgenthau Hans. Politics Among Nations. New York: Knopf, 1948. P. 17–18.

тверждает, что стремлением всех государств является расширение своего влияния. Напротив, подавляющее большинство государств были бы просто счастливы, если бы их оставили в покое и дали бы возможность спокойно существовать в уже имеющихся границах. Очень мало стран мира стремится к великим свершениям, большинство из них ведет чисто обывательский образ жизни и не готово платить ни за экспансию, ни за рост международного авторитета. Поэтому можно предположить, что взгляд Моргентау на этот вопрос обуславливался анализом поведения небольшого числа великих мировых держав, которое он возвел в абсолют и придал ему универсальное значение.

Правда, в конце работы, в разделе, посвященном «четырем фундаментальным правилам дипломатии» Моргентау все-таки использует понятие «национальный интерес». Он в частности пишет: «Цели внешней политики должны быть определены в терминах национального интереса и должны быть поддержаны соответствующей силой... Национальный интерес миролюбивой нации может быть определен только в терминах национальной безопасности, а национальная безопасность должна рассматриваться как целостность территории и институтов страны»¹⁰⁴.

Таким образом, мы видим здесь принципиальный отход от первоначальной позиции, где борьба государств за влияние рассматривалась Моргентау как некая самоцель, и чем выше национальная мощь государства, тем лучше. Из данной цитаты, напротив, следует, что сила является фактором, подчиненным национальному интересу и предназначена для поддержки целей внешней политики. Сами же национальные интересы Моргентау понимает довольно узко, отождествляя их с национальной безопасностью государства. На самом деле, национальную безопасность можно, в крайнем случае, рассматривать только как часть национальных интересов.

А некоторые российские исследователи идут еще дальше и полагают, что национальная безопасность — это лишь предпосылка для реализации национальных интересов. То есть, это — такое состояние государства, при котором возможно адекватное обеспечение национальных интересов. Так, по мнению М. В. Александрова, национальная безопасность — это «совокупность факторов, обес-

¹⁰⁴ Ibid. P. 440.

печивающих жизнеспособность государства в системе международных отношений, его способность отражать возникающие внешние угрозы и действовать в соответствии со своими национальными интересами». «Существует, однако, и обратная связь национальных интересов с национальной безопасностью государства, ибо сами эти интересы формируются, как под воздействием внешней среды, так и ввиду реальных ограничений, которые накладывают на государство его внутренние возможности», — отмечает он¹⁰⁵.

Надо отметить, что под конец жизни Моргентау несколько скорректировал свою позицию. В предисловии к пятому изданию своей книги (1978) он изложил шесть принципов политического реализма, где уделил больше внимания проблеме национальных интересов, чем во всем первом издании своей книги. Он, в частности, отметил, что «интерес является постоянным критерием, сообразно которому надо оценивать и направлять политические действия». «...Мы смотрим на все страны, включая нашу собственную, как на политические образования, преследующие свои соответствующие интересы, которые выражены в терминах влияния»¹⁰⁶. Таким образом, здесь Моргентау уже признает, что побудительными мотивами внешней политики государств являются интересы, а не абстрактная борьба за влияние. Напротив, теперь влияние выступает у него, как выражение этих интересов.

Более того, изменился и подход Моргентау к пониманию человеческой природы. «Даже небольшое знание природы человека, — пишет он — убеждает нас, что для подавляющего большинства человечества интерес выступает руководящим принципом и что почти каждый человек находится под его влиянием». В этом просматривается важное отличие от его первоначальной позиции, где он видел именно борьбу за влияние как главную особенность человеческой природы. Здесь же Моргентау признает, что существом человеческой природы является следование своим интересам «материальным и идеальным»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Александров М.В. Концепция национальной безопасности СССР: военно-политические и экономические аспекты. Москва: Дипломатическая Академия МИД СССР, 1991. С. 6–7.

¹⁰⁶ Morgenthau Hans. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*, Fifth Edition, Revised. New York: Knopf, 1978. P. 4–15.

¹⁰⁷ Ibidem.

Важным выводом Моргентау является также мысль о связи национальных интересов с национальными ценностями государства. По его словам, интересы, «определяющие политические действия в конкретный период истории зависят от политического и культурного контекста, в котором формулируется внешняя политика»¹⁰⁸. К сожалению, он не пошел дальше в исследовании механизма формирования национальных интересов и диалектического взаимовлияния интересов и ценностей. Между тем, эти вопросы играют чрезвычайно важную роль в понимании внешнеполитических процессов.

Дело в том, что национальные интересы формулируются именно под воздействием того мировоззрения и той системы ценностей, которые доминируют в конкретном обществе. И будь система ценностей данного государства другой, то и национальные интересы представлялись бы элитой этого государства по-другому¹⁰⁹. Это обстоятельство является важнейшей предпосылкой эффективного стратегического прогнозирования международных отношений. Именно поэтому при составлении стратегических прогнозов необходимо опираться не только на теорию политического реализма, но и на теорию цивилизаций, которая оперирует мировоззренческими категориями культуры, идеологии и ценностей.

1.3. Закон неравномерности экономического и политического развития государств и цивилизаций

Закон неравномерности экономического и политического развития государств и цивилизаций (далее — «закон неравномерности») является эмпирическим законом, который подтверждается всей человеческой историей. Этот закон проистекает из

¹⁰⁸ Morgenthau Hans. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*, Fifth Edition, Revised. New York: Knopf, 1978. P. 4–15.

¹⁰⁹ Подробнее см.: Александров М.В. Мотивация поведения на международной арене: о соотношении национальных ценностей и национальных интересов во внешней политике государства // *Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки* / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014. — С. 556–568

диалектического принципа изменчивости и многообразия мира. Он заключается в том, что государства и цивилизации в процессе своей эволюции проходят определенные этапы, на каждом из которых имеют различную динамику развития. Так, например, по мнению О. Шпенглера, «всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость»¹¹⁰.

По существу, закон неравномерности можно свести к трем основным постулатам:

- государства и цивилизации развиваются неравномерно во времени;
- срок жизни государств и цивилизаций ограничен;
- государства и цивилизации развиваются неравномерно относительно друг друга.

На конечность жизни государственных образований указывал еще Платон в «Государстве». Он утверждал, что общество с идеальным устройством нелегко вывести из равновесия, но, в конце концов, все, что рождается, обречено на распад. Даже идеальное устройство не может существовать вечно и, в конце концов, надломится. Это является проявлением ритма жизни, как в животном, так и в растительном царстве¹¹¹.

К. Леонтьев определял «долговечность государственных организмов» в 1000–1200 лет¹¹². Действительно, сейчас в мире нет ни одного государства, которое сохранилось бы с начала новой эры. Даже те государства, которые существуют тысячу лет, за время этого пережили периоды распада. Правда, затем они возродились в новом виде, но это были уже совсем другие государства, принципиально отличающиеся от прежних. Так, например, современная Польша — принципиально отличается от прежней Речи Посполитой и по территориальному размаху и по этническому составу и по элитной составляющей и по государственному устройству

¹¹⁰ Шпенглер Освальд. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Том 2: Всемирно-исторические перспективы. / Перевод И.И. Маханькова. Москва: Мысль, 1998. С. 173.

¹¹¹ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова; Сост. А.П. Огурцов; Вступ. ст. В.И. Уколовой. — М.: Прогресс, 1996. С. 296.

¹¹² Леонтьев Константин. Византизм и славянство. Москва: Хранитель, 2007. С. 155.

и ценностям. Также и Московское царство уже не было прежней Киевской Русью.

Цивилизации являются более устойчивыми образованиями, чем государства. К. Леонтьев, в частности, отмечал, что культуры, «соединенные с государствами, большей частью переживают их». В качестве примера он приводил греческую и индуистскую цивилизации. Он, в частности, писал: «...Эллинская образованность и эллинская религия боролись с христианством еще долго при Византийских императорах, тогда как последние черты эллинской государственности стерлись еще до Р. Х., отчасти во времена римского триумvirата, отчасти еще прежде. Религия индусов и священный с ней быт живут давно без государства и в наше время, не поддаваясь англичанам»¹¹³. По мнению С. Хантингтона, цивилизации живут «очень долго»; «они эволюционируют, адаптируются и являются наиболее стойкими из человеческих ассоциаций»¹¹⁴.

Однако период существования цивилизаций тоже ограничен. Как указывал Данилевский, «ни один из культурно-исторических типов не одарен привилегией бесконечного прогресса». В качестве примера он приводил греческую и римскую цивилизации. По его оценке, срок жизни римской цивилизации «с окончания Пунических войн и покорения Греции до III века от Рождества Христова» составлял 400 лет. А греческой цивилизации «от начала V века до Рождества Христова и до окончания плодотворной деятельности Александрийской школы тоже в III веке» — 600 лет¹¹⁵.

Здесь следует отметить, что относительно короткий срок жизни греческой и римской цивилизаций был определен Данилевским потому, что он считал цивилизациями только общества, достигшие определенной зрелости, а весь предшествующий период считал подготовительным к созданию цивилизации. «...Период цивилизации каждого типа сравнительно очень короток, истощает силы его и вторично не возвращается — отмечал он. Под периодом цивили-

¹¹³ Леонтьев Константин. Византизм и славянство. Москва: Хранитель, 2007. С. 155.

¹¹⁴ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 52.

¹¹⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 131–132.

зации разумею я время, в течение которого народы, составляющие тип, выйдя из бессознательной чисто этнографической формы быта..., создав, укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц..., проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залогов в их духовной природе»¹¹⁶.

Надо отметить, что данный тезис Данилевского является дискуссионным и не разделяется большинством сторонников теории цивилизаций. Превалирующее мнение состоит в том, что срок жизни цивилизации следует отсчитывать от времени возникновения культурно-исторического типа до его исчезновения. С этой точки зрения срок жизни цивилизаций может составлять 3000 лет и более. Столь долго, существуют, например, китайская и индуистская цивилизации. Примерно столько же существовала уже погибшая цивилизация Древнего Египта. Правда, надо понимать, что на этом пути данные цивилизации прошли несколько турбулентных периодов кризиса, распада и последующего возрождения. В этом контексте встает естественный вопрос о том, следует ли считать такое возрождение возникновением новой цивилизации или продолжением старой?

Сам Данилевский не отрицал преемственности цивилизаций. Напротив, он считал, что «преемственными» являются такие цивилизации, «плоды деятельности которых передавались от одного другому, как материалы для питания, или как удобрение... той почвы, на которой должен был развиваться последующий тип». Такими преемственными типами были, по мнению Данилевского, «египетский, ассирийско-вавилонско-финикийский, греческий, римский, еврейский и германо-романский, или европейский»¹¹⁷. Но если рассматривать под этим углом западную цивилизацию как наследницу античной Греции и Древнего Рима, то можно, утверждать, что она существует около 3000 лет. Ну, а российская (православная) цивилизация, если рассматривать ее как наследницу Византии, существует около 1700 лет. Просто следует понимать, что для китайской и индийской цивилизации каждое последующее

¹¹⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. С 131.

¹¹⁷ Там же. С. 110.

возрождение осуществлялось в основном на собственной этнической основе, в то время как у западной и православной цивилизации происходила смена этнического базиса.

Таким образом, очевидно, что некоторые цивилизации смогли обеспечить преемственность своего развития, другие же исчезли, навсегда. Поэтому с точки зрения стратегического прогнозирования международных отношений важнейшее значение имеет вопрос о том, почему так произошло — почему одни цивилизации смогли выжить, хотя и в новом, преобразованном виде, а другие навсегда закончили свое существование? Не случайно, все видные исследователи цивилизаций уделяли данному вопросу особое внимание.

Так, Данилевский объяснял причины гибели цивилизаций разложением их обществ и разочарованием народа в существующих идеалах и ценностях. Он отмечал, что период жизни цивилизаций заканчивается «творческая деятельность в народах известного типа: они или успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным идеалом для будущего, и дряхлеют в апатии самодовольства (как, например, Китай); или достигают до неразрешимых, с их точки зрения, антиномий, противоречий, доказывающих, что их идеал... был неполон, односторонен, ошибочен, или что неблагоприятные внешние обстоятельства отклонили его развитие от прямого пути — в этом случае наступает разочарование и народы впадают в апатию отчаяния»¹¹⁸.

Тема гибели цивилизаций красной лентой проходит через работу О. Шпенглера «Закат Европы», где он рассуждает о кризисе, упадке и неминуемой гибели западной цивилизации. Сравнивая современное ему состояние Запада с периодом «падения античного мира», он писал: «...Мы уже сегодня определенно ощущаем вокруг нас первые признаки того, касающегося нас самих и по течению и длительности вполне тождественного с первым, события, которого заполнит первые века ближайшего тысячелетия и которое будет „падением Запада“»¹¹⁹.

¹¹⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 131.

¹¹⁹ Шпенглер Освальд. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Том 2: Всемирно-исторические перспективы. / Перевод И.И. Маханькова. Москва: Мысль, 1998. С. 173.

Несколько более оптимистический взгляд на будущее западной цивилизации присутствует у А. Тойнби. Он отрицает, что гибель западной цивилизации, также как и других цивилизаций, предрешена. Полемизируя со Шпенглером, он отрицает «шпенглеровскую догму о том, что роды и виды обществ обладают predetermined жизненными сроками по аналогии с индивидуальными организмами, являющимися представителями своих биологических родов и видов». «...Живая цивилизация, как, например, западная, не может быть априори приговоренной к повторению пути цивилизаций, уже потерпевших крушение», — заключает он¹²⁰.

Тойнби считал, что развитие (рост) цивилизаций является «поступательным движением», которое требует возникновения постоянных вызовов — внутренних или внешних, на которые данная цивилизация должна давать ответ. «Рост достигается в том случае, когда индивидуум, меньшинство или все общество в целом отвечает на вызов и при этом не просто отвечает, но одновременно порождает другой вызов, который в свою очередь требует нового ответа. Процесс роста не прекращается до тех пор, пока это повторяющееся движение утраты равновесия, восстановления его, перегрузки и нового нарушения сохраняет свою силу», — указывал он¹²¹.

Таким образом, по мнению Тойнби, развитие цивилизации зависит исключительно от творческого потенциала элиты данного общества, от ее способности отвечать на вызовы или, если вызовы отсутствуют, такие вызовы создавать. Если же этого не происходит, то цивилизация останавливается в своем развитии. Анализируя в этой связи т. н. «задержанные общества» он отмечает, что в них «вся энергия общества уходит на поддержание ранее достигнутого положения. Для движения вперед нет ни стимула, ни необходимого энергетического запаса. Это типичная иллюстрация отрицательной неудачи, когда сами лидеры попали под воздействие гипноза, пытаясь обучить остальных: в этих условиях движение замирает на мертвой точке»¹²².

¹²⁰ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова; Сост. А. П. Огурцов; Вступ. ст. В. И. Уколовой. — М.: Прогресс, 1996. С. 295, 300.

¹²¹ Там же. С. 288.

¹²² Там же. С. 305.

Тойнби считал, что кризис цивилизации наступает вследствие разложения элиты («творческого меньшинства») конкретного общества. Здесь его мысли в целом совпадают с идеями Данилевского. Тойнби обратил внимание на то, что «творческое меньшинство, дав успешный ответ на вызов» не всегда «духовно обновлялось», чтобы «творчески ответить на следующие один за другим вызовы» и «предпочитало почивать на лаврах, растеряв свои творческие потенции, или впадало в пресыщение и необузданность, которые вели их к гибели»¹²³.

«...Распад надломленной цивилизации, — как считал Тойнби, — начинается с отделения пролетариата от группы лидеров, выродившейся в правящее меньшинство»¹²⁴. Такой распад происходит в результате «внутреннего взрыва», который является следствием «раскола и разногласий» конкретного общества. «Существуют „вертикальные“ трещины между территориально разделенными общинами и „горизонтальные“ — внутри смешанных общин, подразделенных на классы», — отмечает он. При этом «вертикальный» раскол общества ведет к распаду цивилизации или страны на ряд «локальных государств», что «служит основанием для кровопролитной междоусобной войны». «Война эта изматывает общество до тех пор, пока одной из противоборствующих сторон не удастся нанести сокрушительный удар противнику и установить единоличную власть и твердый порядок», — указывает Тойнби¹²⁵.

«Горизонтальный» раскол, возникает, по мнению Тойнби, вследствие нарушения элитой общественного договора и приводит к народному восстанию. Он, в частности, пишет: «Творческое меньшинство, заключив некогда добровольный союз с нетворческими массами, пользовалось какое-то время их доверием ввиду очевидности выгод, дарованных обществу творческими усилиями избранных. Однако с течением времени правящее меньшинство утратило способность и право быть лидером, так как оно растратило творческую энергию и созидательный порыв. Это меньшинство, лишенное вдохновения, но продолжающее удерживать власть,

¹²³ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова; Сост. А. П. Огурцов; Вступ. ст. В. И. Уколовой. — М.: Прогресс, 1996. С. 310.

¹²⁴ Там же. С. 305.

¹²⁵ Там же. С. 336.

оказалось неспособным управлять через доверие и пошло на нарушение общественного договора. Вместо того чтобы уступить власть, оно прибегло к силе. Эта политика привела к еще большему отчуждению большинства от правящего меньшинства. Подобная ситуация всегда чревата таким бедствием, как восстание»¹²⁶.

Промежуточную позицию между Шпенглером и Тойнби занимал С. Хантингтон. Он не отрицал стратегического ослабления западной цивилизации, но также не предрекал ее скорого конца. Он, в частности, писал: «...Постепенные, неотвратимые и фундаментальные перемены также имеют место в балансе силы между цивилизациями, и могущество Запада по сравнению с мощью других цивилизаций будет и дальше снижаться. Когда превосходство Запада исчезнет, большая часть его могущества просто-напросто испарится, а остаток будет рассеян по региональному признаку между несколькими основными цивилизациями и их стержневыми государствами»¹²⁷.

В то же время Хантингтон отмечал, что ослабление западной цивилизации будет протекать медленно. «Для подъема западного могущества понадобилось четыреста лет. Спад может занять столько же», — указывал он. Далее Хантингтон сослался на книгу Шпенглера, отметив, что «„закат Запада“ был центральной темой в течение всей истории двадцатого века», но тем не менее «растянулся на все столетие». Вместе с тем Хантингтон предупреждал, что процесс ослабления Запада может неожиданно ускориться. При этом он привел пример СССР, где процесс ослабления сначала был «умеренным», но он быстро ускорился «перед самым дном». «Упадок Запада все еще находится на первой, медленной фазе, но в какой-то момент он может резко прибавить скорости», — подчеркнул он¹²⁸.

Другим обстоятельством, на которое обратил внимание Хантингтон, является то, что процесс ослабления западной цивилизации «не идет по прямой», он «крайне неравномерен, с паузами, откатами назад и повторными утверждениями западного могущес-

¹²⁶ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова; Сост. А. П. Огурцов; Вступ. ст. В. И. Уколовой. — М.: Прогресс, 1996. С. 337.

¹²⁷ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005 С. 117.

¹²⁸ Там же. С. 118.

тва». К тому же Хантингтон считал, что «открытые демократические общества Запада скрывают в себе огромные возможности для восстановления». Кроме того, он указывал на то, что в отличие от многих цивилизаций Запад имеет два центра силы Европу и США. При этом США являются новым, более динамичным центром силы. «... В 1940 году началась американская фаза западного господства, и в 1945 году Соединенные Штаты в течение короткого времени доминировали в мире в степени, почти сравнимой с объединенными силами союзников в 1918 году. Послевоенная деколонизация еще больше сократила влияние Европы, но не Соединенных Штатов, в результате чего на смену традиционной территориальной империи пришел новый транснациональный империализм», — указывал Хантингтон¹²⁹.

Большую роль в исследовании закона неравномерности сыграл видный британский политолог, профессор Йельского университета (США) Пол Кеннеди. В 1987 год он написал фундаментальный труд «Взлет и падение великих держав», где рассмотрел динамику развития мировых империй с 1500 года до наших дней. Основными объектами его исследований были Китай, Япония, Россия, исламский мир, европейские державы и США. По словам самого Кеннеди, его книга ставила своей целью «проследить и объяснить, как различные великие державы росли и приходили в упадок относительно друг друга в течение пятисот лет с формирования «новых монархий» Западной Европы до возникновения трансокеанской, глобальной системы государств»¹³⁰.

Важнейший вывод, к которому пришел Кеннеди, состоял в том, что экономическое и политическое развитие государств относительно друг друга идет неравномерно. «Соотношение сил между ведущими мировыми державами никогда не является постоянным, — отмечал он. — В основном это связано с неравномерным уровнем роста различных обществ, а также технологическими и организационными прорывами, которые дают большее преимущество одному обществу над другим»¹³¹.

¹²⁹ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 118–119.

¹³⁰ Kennedy Paul. The Rise and Fall of the Great Powers. London: Unwin Hyman, 1988. P. xv.

¹³¹ Ibid. P. xvi.

Из приведенной цитаты видно, что Кеннеди не просто констатировал действие закона неравномерности, но видел его прямую связь с изменением соотношения сил в мире. Он пояснил эту мысль следующим образом: «Через всю книгу проходит мысль о том, что в международной системе богатство и сила или экономическая мощь и военная мощь всегда являются относительными и должны восприниматься как таковые. А поскольку они относительны и поскольку все общества подвержены неумолимой тенденции к изменению, то международные балансы никогда не могут быть постоянными, и со стороны государственных деятелей было бы ошибкой считать, что они, когда либо, станут таковыми»¹³².

Примечательно, что еще до Кеннеди к такому же выводу пришел лидер российской социал-демократии В. И. Ленин. В своей знаковой работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы», написанной в августе 1915 года, Ленин утверждал, что «при капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств». «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма», — подчеркнул он. При этом Ленин привел в пример Германию, которая после 1871 года усилилась раза в 3–4 быстрее, чем Англия и Франция, а Япония, по его словам, «раз в 10 быстрее, чем Россия». Он также отметил, что сила государств «изменяется с ходом экономического развития» и что «проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны». Единственным недостатком этого анализа было то, что Ленин ограничил действие закона неравномерности эпохой капитализма, в то время как он применим ко всей человеческой истории¹³³.

В своем исследовании Кеннеди уделяет большое внимание соотношению экономической и военной мощи. Он прямо указывает, что вторая неразрывно связана с первой. Однако он предостерегает от автоматической экстраполяции экономической мощи на военную. По его словам, «относительная экономическая и военная мощь нации не увеличиваются и не падают параллельно друг другу». «Большинство исторических примеров, приведенных здесь, пока-

¹³² Kennedy Paul. The Rise and Fall of the Great Powers. London: Unwin Hyman, 1988. P. 536.

¹³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 363–354.

зывают, что существует значительная задержка между траекторией относительной экономической мощи государства и траекторией его военного и территориального влияния», — указывает он¹³⁴.

Другой важный вывод, к которому приходит Кеннеди, состоит в том, что экономическая и военная мощь государства должны находиться в адекватном соотношении, а само это соотношение диктуется конкретными условиями международной обстановки. Он, в частности пишет: «Все же история последних пяти сотен лет международного соперничества показывает, что самой по себе «военной» безопасности недостаточно. Она может на краткосрочный период сдерживать конкурирующие государства и наносить им поражения..., но если в результате этих побед нация перенапрягает себя географически и стратегически..., она, вероятно, обнаружит, что ее экономический рост замедляется, что будет иметь ужасающие последствия для ее долговременной способности обеспечивать как потребление своих граждан, так и свои международные позиции»¹³⁵.

Поэтому, указывал Кеннеди, руководители ведущих мировых держав всегда стоят перед сложным выбором: сколько средств выделять на оборону и безопасность, а сколько на социально-экономическое развитие страны. По его мнению, великие державы современной эпохи «вынуждены отвечать на двойной вызов, перед которым стояли все их предшественники». Во-первых, этот вызов состоит в «неравномерности экономического развития, что делает некоторых из них более богатыми (и обычно более сильными) по отношению к другим». Во-вторых, — этот вызов состоит в «конкурентной и иногда опасной обстановке за рубежом, что понуждает их выбирать между военной безопасностью в настоящий момент и долговременной экономической безопасностью». По мнению Кеннеди, в этом вопросе нет, и не может быть какого-то «единого правила», которое было бы общеприемлемо для всех ситуаций»¹³⁶.

Рассматривая в этом контексте военную мощь США, Кеннеди предостерегал американскую элиту от эйфории в связи с наметившимся ослаблением СССР, которое уже было очевидно на момент

¹³⁴ Kennedy Paul. *The Rise and Fall of the Great Powers*. London: Unwin Hyman, 1988. P. xxiii.

¹³⁵ Ibid. P. 539.

¹³⁶ Ibid. P. 540.

завершения его книги. Он отмечал, что США не удастся «уклониться от двух величайших испытаний, которые бросают вызов долговечности каждой великой державы, занимающей первое место в мировых делах». Эти два испытания, по мнению Кеннеди, сводились к следующему:

Смогут ли США «в военно-стратегической сфере сохранить разумный баланс между предполагаемыми оборонными потребностями и средствами, которыми они располагают для обеспечения этих потребностей».

Смогут ли США «предотвратить относительную эрозию технологической и экономической базы своей мощи, в свете вечно изменяющейся структуры мирового промышленного производства»¹³⁷.

Кеннеди предупреждал, что выдержать эти испытания для США будет нелегко, потому что они также как имперская Испания в 1600 году и Великобритания в 1900 году «оказались наследниками стратегических обязательств, которые были сделаны десятилетия назад, когда политические, экономические и военные возможности страны влиять на мировые дела казались гораздо более реальными». По его словам, американские руководители должны «признать неприятный, но непреходящий факт, что в настоящее время сумма все глобальных интересов и обязательств США намного превосходит возможности страны по их одновременной защите». Поэтому США рискуют оказаться в ловушке «имперского перенапряжения»¹³⁸.

Сейчас уже очевидно, что американская элита, испытывающая эйфорию от пирровой победы в «холодной войне», не смогла выдержать ни одного из перечисленных испытаний. Вместо сворачивания своих военных обязательств и расходов на оборону, США пошли по пути наращивания военного бюджета, освоения новых геополитических пространств и ведения бесконечных периферийных войн. В результате уже в первой декаде XXI века западная цивилизация, возглавляемая США, оказалась перед лицом серьезнейшего международного вызова за последние 500 лет, к которому не была должным образом готова. Это и предопределило тот основной, наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки, о котором пойдет речь в этой книге.

¹³⁷ Kennedy Paul. *The Rise and Fall of the Great Powers*. London: Unwin Hyman, 1988. P. 514.

¹³⁸ *Ibid.*, P. 515.

Глава II
Методика построения
стратегического прогноза

2.1. Общие принципы построения стратегического прогноза

Для разработки стратегического прогноза необходима соответствующая методологическая база, которая позволит сформулировать достаточно обоснованную гипотезу, без которой прогноз, как правило, становится набором бессистемных фактов и механической экстраполяции. О такой экстраполяции можно заранее сказать, что она применима отчасти только для среднесрочного прогноза. С другой стороны, методологические основания должны иметь, в конечном счете, конкретное прикладное значение.

Сказанное означает, что вся предыдущая теоретическая и эмпирическая информация и работа, проделанная до этого, должна быть рассмотрена исключительно в прикладном ключе, описывающем существенные черты международной обстановки в конкретный период времени и применительно к конкретной стране — России. Но и в этом случае необходимо указать на методические основы этого конкретного анализа и прогноза. В данном случае мы исходим именно из того что требуется некая конкретная модель развития международных отношений применительно к России, которая была бы вполне обоснована теоретически и методологически, а не являлась бы простым набором субъективно отобранных фактов.

Трудности общего долгосрочного прогноза — объективные и субъективные — известны¹³⁹. Но они возрастают в еще большей степени в отношении конкретного прогноза. В частности, такой прогноз развития МО на среднесрочную и долгосрочную

¹³⁹ См. подробнее: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

перспективу предполагает учет многих постоянных факторов и еще большего числа переменных величин. В предлагаемой модели их можно объединить в следующие основные группы:

- группу основных участников международных отношений и показателей, определяющих темпы, характер и масштаб их развития;
- группу основных мировых и региональных тенденций, влияющих на формирование МО;
- группу развития основных государственных акторов — участников международных отношений: государственных международных организаций, коалиций и союзов, так и негосударственных акторов: партий, организаций, союзов и т. п.

Такая модель анализа и прогноза будет представлять в значительной степени результат синтеза развития указанных факторов и тенденций. То есть, обозначенные три группы тенденций следует рассмотреть во взаимосвязи, когда основные противоречия между ними устранены либо им найдены логические объяснения, а наиболее вероятные итоговые сценарии вполне совместимы.

В конечном счете необходим практический результат, который заключается в описании характера и особенностей наиболее вероятного сценария развития МО в среднесрочной перспективе до 2021–2022 годов и в долгосрочной перспективе до 2045–2050 годов, а не «набор» различных возможных сценариев. Такой набор может иметь общую футуристическую ценность, но минимальное практическое значение. Так, например, если в результате исследования первой группы тенденций (на первом этапе) обнаруживается в качестве наиболее вероятного сценария некий сценарий «X», то он должен быть совместим по своим основным характеристикам со сценарием, полученным в результате исследования второй группы тенденций (на втором этапе) — сценарием «Y», и третьей группы тенденций (на третьем этапе) — сценарием «Z». Либо, в случае если эти сценарии оказываются несовместимыми (что на самом деле должно настораживать, ибо, скорее всего свидетельствует об ошибках анализа), должно быть найдено аргументированное объяснение этому несоответствию и противоречию.

Надо понимать, что «глубина анализа» на каждом из этапов исследования может быть очень разной. Как правило, авторы со-временных прогнозов ограничиваются самым общим описанием

того или иного фактора или тенденции, что, с одной стороны, снимает с них ответственность, но, с другой — не позволяет делать действенный прогноз, нацеленный на конкретный результат.

Учитывая, что «глубина анализа» прямо зависит от существующих ресурсов, в любом случае предстоит ограничить такой анализ или прогноз определенным количеством избранных критериев. Важно, однако, чтобы было общее понимание: анализ и прогноз развития МО требует исследования сотен, даже тысяч факторов и критериев. Так, например, описывая на втором этапе анализа влияние США, можно остановиться на 10–15 основных критериях (ВВП, площадь территории, численность населения, военные расходы и т. д.), которые мало что дадут для практического использования. Разве что самое общее представление о стране как акторе МО, в то время как важно знать не только объем ВВП, но и его структуру, динамику: например, важно знать не только военные расходы, но и качество личного состава ВС, качество ВиВТ, систем управления и т. п.

Другой пример. Находясь на втором этапе исследования и выбирая из 200 государств — участников международных отношений наиболее влиятельные, как правило, традиционно останавливаются на 5–7, в лучшем случае на 10–12 государствах. Однако в XXI веке число государств, чье влияние на формирование МО стало заметным и даже сильным, существенно возросло. Более того, некоторые государства «второго ряда» (например, Индонезия, Мексика), чье влияние на МО всерьез не учитывалось, в долгосрочной перспективе войдут в 20 ведущих государств, а некоторые (как Казахстан и Узбекистан) вплотную приблизятся к этой группе.

Ведущие мировые и региональные тенденции развиваются разнонаправленно, нередко противоречат друг другу. Так, очевидно, что в XXI веке глобализация противоречит растущей тенденции к национальной самоидентификации и регионализации. Между тем, именно совокупность основных тенденций формирует объективные условия для развития МО. Поэтому крайне важно попытаться найти некий «общий вектор» вектор движения всей системы. Именно он позволит определить, ведёт ли общее развитие событий к войне либо к сотрудничеству между цивилизациями и государствами. Условно этот вектор ведущих тенденций можно было бы назвать «основным вектором развития международной системы».

С учетом вышесказанного, схему построения стратегического прогноза развития МО можно представить в виде следующей диаграммы (рис. 2.1).

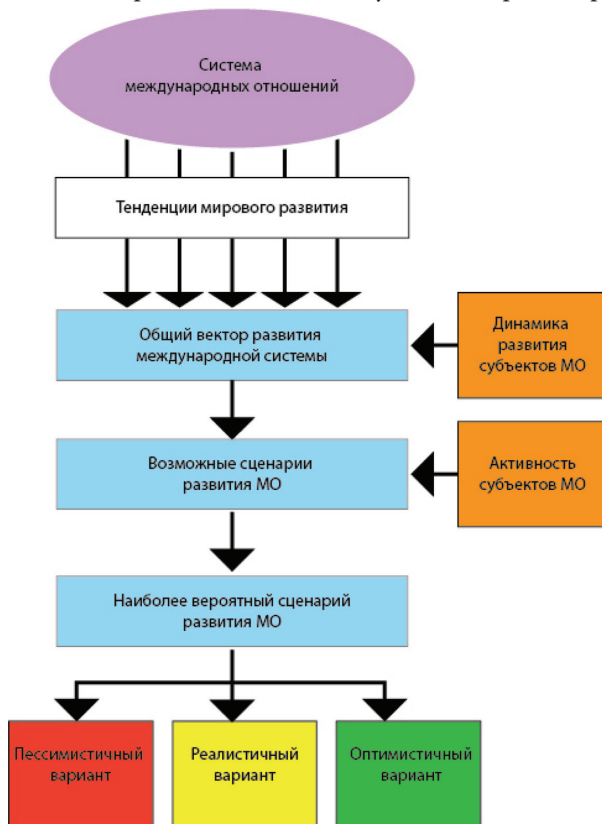

Рис. 2.1. План-схема построения стратегического прогноза развития МО

Из диаграммы видно, как формируется основной вектор развития международной системы и как он влияет на формирование будущей МО. Этот вектор также является определяющим для возникновения различных сценариев развития МО. Вместе с тем, диаграмма показывает, что этот вектор находится под воздействием активности различных государств и других международных акторов. А это может приводить к определенным временным отклонениям

основного вектора развития международной системы от изначальной траектории. Именно эти отклонения и будут предопределять то, как будет выглядеть наиболее вероятный сценарий развития МО.

2.2. Основной вектор развития международной системы

Основной вектор развития международной системы — это направление, в котором происходит изменение соотношения сил в мире. Проще говоря, этот вектор показывает, какие государства, коалиции и ЛЧЦ усиливаются, а какие ослабевают и какими темпами это происходит. При этом важнейшую роль для соотношения сил в мире играет состояние военно-политического баланса между государствами и коалициями. Это объясняется тем, что военная сила является последним и наиболее весомым аргументом в международных спорах. Как справедливо отметил президент России Владимир Путин на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2015 года: «...Военная сила, конечно, остаётся и, безусловно, ещё долгое время будет инструментом международной политики»¹⁴⁰. И если этот аргумент отсутствует или является недостаточно мощным, то эффективное отстаивание национальных интересов просто не представляется возможным.

Однако критическое изменение военно-политического баланса представляет собой уже завершающую стадию развития процесса изменения общего соотношения сил. Ему, как правило, предшествует изменение соотношения сил в других областях — экономической, научно-технической, идеологической, политической. А построение прогноза на заключительной стадии процесса уже не имеет практического смысла. Это уже будет не прогноз, а констатация реальных событий в системе международных отношений. Задачей же стратегического прогноза является выявить тенденцию к изменению соотношения сил на ранней стадии, когда военно-политический баланс, существующий в мире, еще даже не затронут этими изменениями.

¹⁴⁰ <http://kremlin.ru/events/president/news/50548>

Таким образом, при построении стратегического прогноза следует, прежде всего, найти ответ на два вопроса:

- в каком направлении и как быстро будет происходить изменение соотношения сил в мире;
- насколько эти изменения являются устойчивыми, то есть, являются ли они следствием воздействия объективных долговременных факторов или представляют собой конъюнктурные девиации, которые со временем будут преодолены.

В этом контексте ключевую роль играет изучение таких факторов как тенденции мирового развития в различных областях, а также динамики развития субъектов международных отношений. Причем под субъектами международных отношений понимаются, не только, государства и их объединения, но и негосударственные акторы, действующие на мировой арене и своими действиями оказывающие заметное влияние на систему международных отношений.

Также важно иметь в виду, что простая «сумма» указанных тенденций не может дать точного ответа на вопрос о будущем сценарии развития МО. Необходимы их синтез, системное «взаимопроникновение» и выработка понимания этого взаимовлияния. Как, например, справедливо замечают исследователи МГИМО, «... международные отношения — это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных компонентов (мировых политических процессов, внешней политики отдельных государств и т. п.), а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих в отдельности»¹⁴¹.

2.2.1. Мировые тенденции, формирующие основной вектор развития международной системы

Первым этапом составления прогноза является изучение основных тенденций мирового развития, особенно тех из них, которые оказывают решающее влияние на изменение соотношения сил между участниками международных отношений. Это, прежде

¹⁴¹ Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: ЗАО «Аспект Пресс», 2014. С. 14.

всего, тенденции в экономике, науке, демографии, идеологии и, как принято говорить, в развитии национального человеческого капитала, то есть совершенствовании качества людей. Данные тенденции носят, в основном, объективный характер, и не могут быть изменены по воле отдельных личностей, влиятельных групп и даже правительств отдельных стран. По этой причине предсказать эволюцию этих тенденций вполне реально, а, следовательно, вполне реально определить основной вектор мирового развития.

Надо также учитывать, что указанные тенденции тесно взаимосвязаны и по мере развития подкрепляют друг друга. Так, например, экономическое усиление какого-нибудь крупного государства или группы государств означает, что они получают дополнительные ресурсы для строительства собственных вооруженных сил, для поддержки союзников и партнеров за рубежом, а также для развития научных разработок в военной области. Прогресс в различных областях науки и техники в свою очередь ведет как к новым возможностям экономического роста, так и напрямую к перспективам создания новых более современных систем вооружения. Совершенствование НЧК ведет как к более эффективному развитию экономики страны, так и к научно-техническому прогрессу. И наоборот, развитие экономики позволяет получать дополнительные ресурсы, чтобы укреплять образовательный уровень населения и повышать профессиональную подготовку кадров.

Первый этап исследования предполагает анализ и прогноз основных тенденций мирового развития в среднесрочной перспективе (до 2021–2022 гг.). Второй — в долгосрочной перспективе (до 2045–2050 гг.). Предполагается, что исследование таких тенденций позволит не только наметить в основном весь спектр возможных сценариев развития МО, но и выделить среди них один–два наиболее вероятных сценария развития. Логическая схема такого анализа и прогноза может быть представлена следующим образом (рис. 2.2), иллюстрируя, прежде всего, изменения степени влияния тех или иных глобальных тенденций на формирование различных сценариев развития МО.

В качестве примеров эволюции влияния различных тенденций приводятся только некоторые глобальные тенденции развития:

- а) финансово-экономические;
- б) демографические;

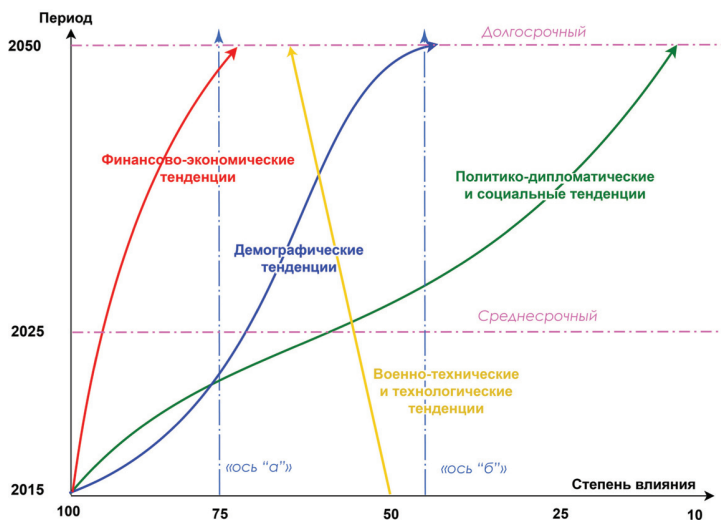

Рис. 2.2. Логическая схема возможных сценариев развития МО на основе анализа мировых тенденций в среднесрочной (до 2021–2022 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах

- в) политико-дипломатические и социальные;
- г) военно-технические и технологические.

Из этой иллюстрации видно, что наибольшее влияние на формирование будущего сценария МО будут оказывать тенденции, образующие единое поле между осями «а» и «б». Также, из диаграммы следует, что роль этих тенденций может стать решающей уже в среднесрочной перспективе, а тем более в далеком будущем. Так, при доминировании (как сегодня) финансово-экономических тенденций глобализации, МО «выстраивается» преимущественно с учетом их влияния (значения мировой торговли, финансовых потоков, поставок углеводородов и т. п.). В 2015 году сознательно берется за 100% влияние финансово-экономических, демографических и политико-дипломатических тенденций с тем, чтобы показать относительное снижение этого влияния в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

При этом сам выбор этих тенденций уже является субъективным выбором, когда доказать значительное влияние тех или иных

тенденций (а тем более, их решительное влияние) практически невозможно. Так, например, окажись мы перед такой же задачей в СССР периода 80-х годов, то крайне маловероятно, что выделили бы в качестве главной тенденции развал Организации Варшавского договора, социалистического содружества и в, конечном счете, СССР, хотя именно это, как оказалось, уже в 90-е годы и было самой главной тенденцией мировой политики. Из этого следует, что выбор наиболее важных тенденций, которые в настоящее время, а тем более в будущем будут влиять на мировую политику — очень важный субъективный этап. Чтобы минимизировать его возможные ошибки, как представляется, необходимо попытаться:

- во-первых, не ограничиваться двумя–тремя тенденциями, а попытаться расширять их спектр на все основные сферы международной политики и международных отношений;
- во-вторых, уже на стадии отбора привлечь как можно больше факторов и информации о таких тенденциях.

Следующим шагом должна стать оценка степени влияния каждой тенденции на развитие МО. Такую оценку можно сделать, например, по 100-балльной шкале — от 10 (отмечено влияние) до 100 (решающее влияние). В результате может получиться некая «матрица влияния» мировых тенденций. При этом следует понимать, что на практике число рассматриваемых тенденций может быть значительно больше, а также, что могут появиться (даже неизбежно появятся в долгосрочной перспективе) новые тенденции, которые сегодня пока не существуют либо не обладают заметным влиянием.

Примерная «Матрица влияния» отдельных тенденций на развитие международной обстановки

Решающее влияние	Очень сильное влияние	Сильное влияние	Направляющее влияние	Определяющее влияние	Заметное влияние	Влияние	Слабое влияние	Очень слабое влияние
90–100	80–90	70–80	60–70	50–60	40–50	30–40	20–30	10–20

Таким образом, при оценке тенденций мирового развития необходимо предпринять следующие шаги:

- выделить ту или иную тенденцию как значимую, важную для формирования МО;
- определить степень её влияния в настоящее время (т. е. в 2016 г.);
- спрогнозировать степень её влияния в среднесрочной перспективе до 2021–2025 годов;
- спрогнозировать степень её влияния в долгосрочной перспективе до 2045–2050 годов;
- рассмотреть взаимодействие этой тенденции с другими мировыми тенденциями.

И в заключении, на основе этого анализа — определить основную вектор развития международной системы.

2.2.2. Динамика развития государственных субъектов международных отношений

Для выявления наиболее вероятного сценария развития МО необходимо проанализировать совокупность нескольких групп факторов. И общие тенденции мирового развития, образующие основной вектор развития международной системы — только одна из этих групп. Ко второй группе относится активность государственных субъектов международных отношений. В эту группу можно условно включить не только сами государства, но также союзы государств и локальные человеческие цивилизации, поскольку государства являются основными элементами их составляющими. Государственные акторы являются наиболее влиятельными субъектами международных отношений и их деятельность может оказывать существенное воздействие на формирование сценариев развития МО, как по темпам, так и по курсу.

Так, например, некоторые государства могут быть заинтересованы, в консервации существующей системы международных отношений, другие — в том, чтобы она эволюционировала в желательном для них направлении. Как следствие, общий вектор развития международной системы может испытывать серьезные колебания и отклонения от изначальной траектории предопре-

деленной объективными тенденциями мирового развития. При этом совершенно нельзя исключать, что, при целенаправленной и длительной активности группы влиятельных государств, общий вектор развития международной системы будет изменен и начнет развиваться в другом направлении.

По этой причине анализ активности государственных и межгосударственных субъектов международных отношений имеет важное значение не только для выявления наиболее вероятного сценария развития МО, но и для понимания того, является ли общий вектор развития международной системы достаточно устойчивым или он может поменять свое направление. А от этого в свою очередь будет зависеть адекватность всего стратегического прогноза.

Этот этап анализа и прогноза предполагает использование достаточно традиционного подхода, который, в конечном счете, сводится к исследованию влияния отдельных (прежде всего основных) субъектов на формирование и развитие сценариев МО — как возможных, так и наиболее вероятных.¹⁴² Естественно, что на формирование того или иного сценария развития МО отдельные субъекты оказывают разное влияние. Если взять крайности — такие субъекты международных отношений как США и Монако, например — то очевидно, что роль, значение и влияние этих субъектов на формирование сценариев развития МО сильно различаются.

Чтобы формализовать оценку влияния таких субъектов в системе международных отношений можно составить соответствующие матрицы. В самом общем виде влияния того или иного фактора (субъекта, актора, групп акторов и т. д.) можно оценить, например, по 100-балльной шкале (от 10 баллов — незначительное влияние на МО, до 100 баллов — решающее влияние на формирование того или иного сценария МО. Применительно к ЛЧЦ такая матрица могла бы выглядеть следующим образом: (табл. 2.1)

Аналогичную матрицу (табл. 2.2) можно предложить для анализа влияния государств и прогноза их влияния в XXI веке, ограничившись, например, «большой 20-кой» или 10 наиболее перспективными кандидатами.

¹⁴² Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО—Университет, 2014.

Таблица 2.1. Общая матрица оценки влияния ЛЧЦ в XXI веке

Название ЛЧЦ	Оценка влияния в 2015 г.	Оценка влияния в 2030 г.	Оценка влияния в 2050 г.
Западная ЛЧЦ	70	60	40
Китайская ЛЧЦ	30	50	60
Индийская ЛЧЦ	15	30	50
Латиноамериканская ЛЧЦ	10	20	30
Индонезийская ЛЧЦ	10	20	30
Российская ЛЧЦ	15	20	25
Исламская ЛЧЦ	40	50	60

Таблица 2.2. Общая матрица оценки влияния отдельных государств в XXI веке

Название ЛЧЦ	Оценка влияния в 2015 г.	Оценка влияния в 2030 г.	Оценка влияния в 2050 г.
1. США	60	50	35
2. ЕС	30	30	30
3. КНР	25	45	55
4. Россия	15	15	20
...			
30.			

Таблица 2.3. Общая матрица оценки влияния отдельных международных организаций

Название ЛЧЦ	Оценка влияния в 2015 г.	Оценка влияния в 2030 г.	Оценка влияния в 2050 г.
1. НАТО	75	65	60
2. ШОС	15	25	30

Таковую же матрицу (табл. 2.3) можно предложить для международных организаций — союзов, коалиций и других акторов, выделив, естественно, наиболее важные из них.

Еще более важным является изменение этого влияния по времени, что ведет к переменам в глобальном и региональном соотношении сил. Так, изменение доли ВВП США с 18% в мировом ВВП в 2015 году до 16% в 2025 году и до 12% в 2045 году, естественно, не может не отразиться на соотношении сил в мире, которое, однако, не может быть простой экстраполяцией падения влияния США: за эти же годы США могут усилить другие составляющие своей мощи — военную силу, коалиционную мощь или качество национального человеческого капитала и его институтов¹⁴³.

Таким образом, задачей анализа и прогноза является определение в среднесрочной и долгосрочной перспективах влияния

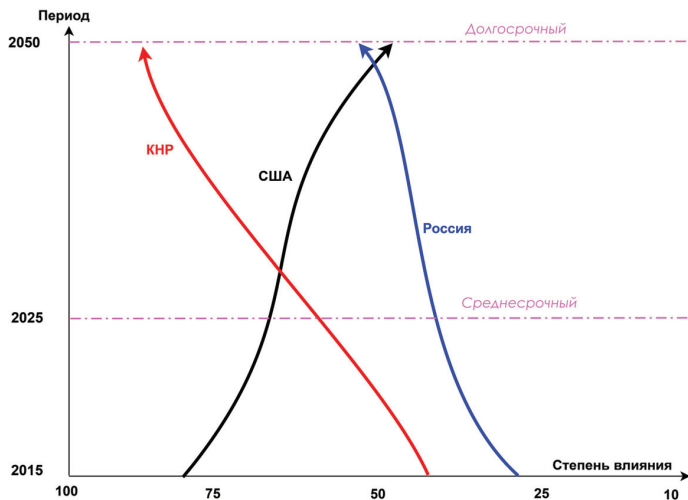

Рис. 2.3. Логическая схема анализа и прогноза влияния отдельных субъектов международных отношений (ЛЦЦ и государств) на формирование сценариев развития в среднесрочной (2021–2022 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах

¹⁴³ Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. I–III. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013.

отдельных ЛЧЦ и государств на МО, а через изучение их целей — и на возможные и вероятные сценарии развития МО. В самом общем виде это можно представить на следующей логической схеме (рис. 2.3).

Примеры:

- а) степень влияния США (динамика изменения экономической, финансовой, научно-технической и пр. мощи) на МО в среднесрочной (2021–2022 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах;
- б) степень влияния РФ (динамика изменения экономической, финансовой, научно-технической и пр. мощи) на МО в среднесрочной (2021–2022 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах;
- в) степень влияния КНР (динамика изменения экономической, финансовой, научно-технической и пр. мощи) на МО в среднесрочной (2021–2022 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах.

Так, из приведенных примеров видно, например, что к 2021–2022 годам степень влияния КНР и США сравнятся, а к 2045–2050 годам влияние КНР в мире на формирование МО существенно превысит влияние США, т. е. в 2015 году мир будет «китаеориентированным» больше, чем «америкоориентированным».

Примечательно, что влияние России прогнозируется на рисунке как усиливающееся, что в период «равенства» США–КНР в 2021–2025 годах может сыграть важную роль.

2.2.3. Динамика развития негосударственных субъектов международных отношений

Следующим этапом составления стратегического прогноза является анализ развития основных негосударственных (международных и общественных) акторов мировой политики. В результате этого прогноза можно будет предсказать их влияние на формирование различных сценариев МО в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

При этом есть основания полагать, что в XXI веке усиление влияния международных и негосударственных акторов на мировую

политику будет неравномерным. Среди традиционных акторов все большую роль будут играть различные международные институты, которые играют все более заметную наднациональную роль — ЕС, НАТО, МВФ, ВБ и множество других международных организаций. Также резко усилится влияние новых негосударственных международных и национальных акторов мировой политики, таких, например, как ИГИЛ или «Правый сектор», или «КиберБеркут».

До XXI века эти акторы (за редким исключением национально-освободительных движений и организаций типа ООП или «Ирландской освободительной армии» или Африканского национального конгресса) играли незначительную, даже второстепенную роль, но уже в конце XX века они стали превращаться в факторы, влияющие на развитие МО и ВПО в мире. Объяснения этому как минимум два. Во-первых, возрастающая роль НЧК и его институтов привела, по сути, к началу нового, социально-исторического этапа в человеческой цивилизации, где роль идеологии, психологии человека становится решающей.

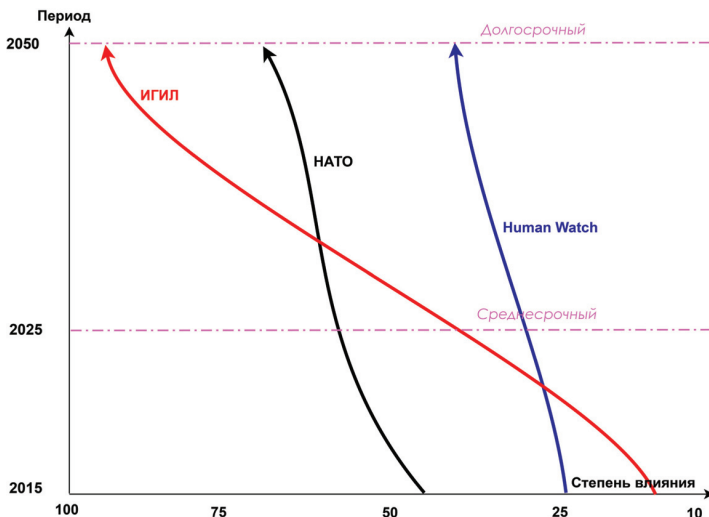

Рис. 2.4. Логическая схема анализа и прогноза влияния отдельных акторов (субъектов и тенденций) на формирование сценариев развития МО в среднесрочной (2021–2025 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах

Другая причина — появление новых информационных и социальных технологий, которые сделали решительный шаг в организационном развитии общественных и политических институтов: появлении сначала сетевых, а затем и роевых организаций. По аналогии с государственными факторами, влияющими на формирование МО, на третьем этапе анализа и прогноза требуется рассмотреть динамику изменения влияния негосударственных акторов на развитие сценариев МО.

Примеры:

- а) влияние международных военно-политических коалиций (типа НАТО) на формирование МО;
- б) влияние идеологических роевых организаций (типа ИГИЛ) на формирование МО;
- в) влияние международных общественных организаций (типа «Human Rights Watch») на формирование МО.

Как видно из рисунка 2.4, в самом общем виде можно сделать вывод о том, что влияние негосударственных акторов мировой политики на формирование МО резко, даже стремительно возрастает. Причем это относится ко всем акторам, которые (в отличие от других факторов МО, например государств или мировых тенденций) развиваются в одном направлении.

2.3. Построение возможных сценариев развития международной обстановки

Возможные сценарии развития МО задаются тремя группами факторов: основным вектором развития международной системы, интересами наиболее влиятельных субъектов международных отношений и соотношением сил между ними. Сопоставление этих факторов позволяет предсказать возможность тех или иных действий субъектов международных отношений, которые могут быть разумно предприняты ими в конкретной ситуации при существующем соотношении сил и с учетом их интересов. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о разумных действиях, а не действиях любого рода, которые только можно вообразить.

Так, например, во время воссоединения Крыма с Россией в 2014 году, некоторые эксперты высказывали точку зрения, что НАТО может предпринять военную акцию против России. Однако объективный анализ соотношения военных сил в Восточной Европе показывал, что у НАТО нет никаких возможностей осуществлять широкомасштабные наступательные операции в этом регионе. Более того, военный потенциал НАТО, готовый к применению, отставал от российского. Поэтому было очевидно, что без затяжной крупномасштабной войны с большими потерями НАТО не обойтись. Причем победа была вовсе не гарантирована. Скорее наоборот.

Более того, было ясное понимание того, что такая война имела бы большую вероятность перерастания сначала в ограниченную ядерную войну на европейском ТВД, а затем и в стратегическую ядерную войну между Россией и США. Подобное развитие событий, никоим образом, не отвечало интересам ведущих западных держав. Идти не то что на значительные, а даже на минимальные жертвы ради Украины никто из них не собирался. Поэтому, военное нападение на Россию в этих обстоятельствах выглядело с точки зрения Запада явно неразумным. Его и не произошло.

В условиях жестко заданных ограничений, связанных с существующим соотношением сил, варианты разумного поведения международных акторов, руководствующихся национальными интересами, не могут быть многочисленными. Если продолжать рассмотрение все того же примера, связанного с кризисом на Украине, то у России было всего три варианта действий. Первый — поддержать законного президента Украины Виктора Януковича и по его просьбе ввести на Украину войска для восстановления его власти. Второй — оказать военную помощь восставшему Донбассу и, развивая наступление, добиться отпадения от Украины ряда восточных и южных областей (проект «Новороссия»). Ну, и наконец, в-третьих, ограничиться минималистским вариантом, как и поступило российское руководство.

Со своей стороны, у Запада в этих обстоятельствах было всего два варианта действий. Первый — это вступить с Россией в переговоры о выработке новой модели поведения в Восточной Европе, включая распределение зон ответственности. Второй — это начать политическое, экономическое и информационное давление

на Москву в сочетании с оказанием различных форм помощи киевскому режиму (или в случае ввода российских войск на Украину — подпольным бандеровским группировкам). То есть, по сути, начало против России сетецентричной войны, без прямой вооруженной конфронтации. Этот второй вариант и был реализован на практике.

Таким образом, вариантов разумного поведения международных акторов может быть не так уж много. Конечно, чем больше субъектов международных отношений участвует в формировании мировой повестки дня, тем больше многовариантность развития событий. Но поскольку интересы и устремления основных игроков достаточно детерминированы, то активность более мелких субъектов международных отношений так или иначе укладывается в общую линию этих основных игроков. В итоге, число возможных сценариев если и возрастает, то незначительно. В результате количество возможных сценариев развития МО, скорее всего, будет находиться в районе трех–шести.

Практическое значение работы над сценариями развития МО огромно. С точки зрения долгосрочного прогноза такая работа позволяет установить определенные рамки, в которых может развиваться международная обстановка в прогнозируемый период. Тем самым удастся значительно сузить сферу исследования. А это в конечном итоге облегчит работу по выявлению наиболее вероятного сценария развития МО. К тому же, определение достаточно реалистичных возможных сценариев развития МО весьма полезно для применения метода динамического прогнозирования.

2.3.1. Понятие «точки отсчета» при построении возможных сценариев развития МО

Прогнозирование возможных сценариев развития МО начинается с классического анализа международной обстановки, то есть с характеристики соотношения сил, сложившегося на данный момент на мировой арене. А также с анализа интересов основных акторов в данной международной конфигурации. Условно этот анализ можно назвать «точкой отсчета» стратегического прогноза. Этот этап имеет исключительно важное значение для дальнейшего построения прогноза. Это также важно, как и определение точ-

ных координат для ракетной или артиллерийской установки на местности, от которой рассчитывается направление и дальность будущего выстрела. Очевидно, что если вы дадите изначально ошибочные координаты для ракетной установки или орудия, то невозможно будет рассчитать ни точное направление (вектор), ни дальность выстрела.

По-существу, среднесрочный прогноз в значительной степени является экстраполяцией в будущее существующей ситуации. Прежде всего, потому, что вся система международных отношений, состоящая из тысяч субъектов, процессов и акторов, находящихся в известных отношениях между собой, имеет определенную инерционность и заданность, которая во многом предопределяет ее состояние в будущем. И не только потому, что в ней существует достаточно много постоянных величин (таких как территория, географическое положение, наличие природных ресурсов, климатические особенности и др.) и вполне устойчивых демографических, экономических, социально-культурных и иных тенденций, но и потому, что все новые факторы и тенденции, как правило, уже имеют определенные зачатки в прошлом.

Но даже в такой простой экстраполяции необходима точная оценка существующей ситуации и перспектив ее развития. Что отнюдь не является, как это иногда кажется, простым анализом. Вмешательство множества внешних факторов — политических, экономических, идеологических, — а так же интересов (в т.ч. материальных) превращает такой анализ порой в субъективную, нередко личностную, оценку.

Таким образом, от точности определения современной ситуации зависит и точность стратегического прогноза. Это можно проиллюстрировать на примере долгосрочного прогноза и планирования, вытекающего из прогноза до 2100 года развития энергетики страны, где присутствует:

- история развития и основные тенденции, существовавшие с 1980 года по настоящее время;
- «точка отсчета» (2020 год, как данность);
- прогноз развития электроэнергетики и атомных станций до 2100 года. Этот пример — очень характерен для иллюстрации значения «точки отсчета» в долгосрочном прогнозе и стратегическом планировании, где за исходную дату выбран 2020 год

(вероятный ввод реакторов на быстрых нейтронах), который в энергетике ассоциируется с новой парадигмой, качественно меняющей всю обстановку в отрасли.

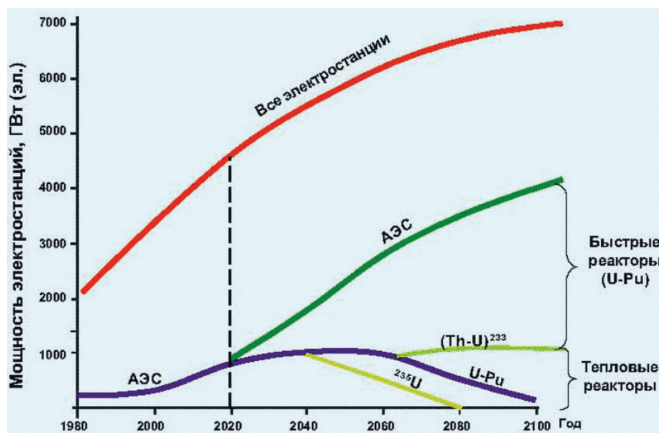

Рис. 2.5.¹⁴⁴ Стратегический прогноз развития энергетики России

Естественно, что этот долгосрочный прогноз (при всех сложностях его подготовки) гораздо проще, чем стратегический прогноз развития МО, который учитывает большее число переменных и субъективных величин и тенденций. Вместе с тем, даже такой прогноз демонстрирует возможную и вероятную разнонаправленность тенденций, временной промежуток их существования и т. п.

В политике это имеет не менее важное значение, ибо от адекватной оценки современной МО зависит точность прогноза и характер политики на будущее, а также — неизбежно — эффективность стратегического планирования. В зависимости от точности анализа современной МО, кроме того, находится политическое позиционирование, как правящей элиты, так и самого государства. Далеко не всегда те или иные оценки МО являются одинаковыми для разных слоев правящей элиты. Так, если радикальные либералы

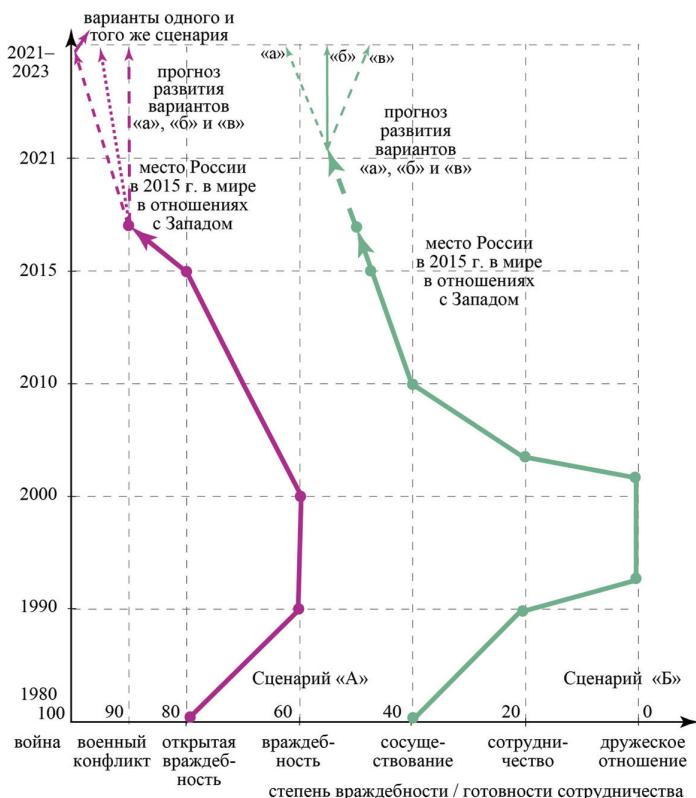
¹⁴⁴ Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Кафедра химической технологии редких, рассеянных и радиоактивных элементов Р. Крайденко, Атомная промышленность / <http://portal.tpu.ru/SHARED/k/KRAYDENKO/knu/Tab...>

1990-х годов полагали, что «чем дальше НАТО продвигается на восток, тем будет лучше для России», то оценки государственников или коммунистов были иными. Соответственно и действия России, и стратегические прогнозы были разными.

Таким образом, стратегический прогноз без объективной оценки современных реалий просто невозможен. Определение объективно точной «точки отсчета» (положения России в мире) имеет исключительно важное значение. Даже в наши дни огромная существенная разница в оценках — от катастрофической до оптимистической, — в зависимости от которой находятся не только степени национальной мобилизации и идентичности, но и отношение к другим участникам и акторам международных отношений. Так, оценивая будущее положение России в мире как катастрофическое, некоторые представители правящей элиты готовы идти на уступки западной ЛЧЦ граничащие с капитуляцией и отказом от суверенитета (А. Кудрин), а другие (А. Проханов) — предлагают национальную мобилизацию.

Сегодня точное определение «точка отсчета» в России имеет особое значение потому, что в российской правящей элите есть, как минимум, две противоположные оценки. Одна — как временное, тактическое охлаждение отношений России с западной ЛЧЦ, которое может и должно закончиться компромиссом (даже на западных условиях). Другая — как признание фактического вступления Запада в войну против России и невозможность компромисса. Войну, естественно, XXI века, когда действия осуществляются системно, глобально, в долгосрочной перспективе, бескомпромиссно (т. е. «на уничтожение»). Эта системная война, как уже говорилось, называется «сетцентрической войной». Очевидно, что это две противоположные «точки отсчета» имеют исключительно важное значение для прогноза развития любого сценария МО. Очень условно их можно показать на оси координат следующим образом (рис. 2.6).

Как видно из рисунка, место России относительно современного сценария развития МО различается принципиально: в сценарии «А» констатируется фактическое начало военного конфликта уже в 2014–2015 годах и прогнозируется его дальнейшее развитие до 2021 года с переходом в полномасштабную фазу войны после 2021–2022 годов. При этом, как уже говорилось, возможны три

Примечание № 1: 100 баллов – война, полномасштабный конфликт.
0 баллов – идеальные партнерские отношения.

Примечание № 2: вариант «а» – «пессимистический»;
вариант «б» – «реалистический»;
вариант «в» – «оптимистический».

Рис. 2.6. «Точки отсчета» для развития будущего сценария МО для РФ в 2015 году

варианта: «а» — пессимистический; «б» — реалистический; «в» — оптимистический.

В сценарии «Б», ситуация оценивается не просто более оптимистично, а качественно по-иному, предполагая, что ухудшение отношений Запада с Россией дальше фазы «враждебность» не пойдет. Очевидно, что разница между «точками отсчета» и сце-

нариями «А» и «Б» — принципиальная. Она заключается, прежде всего, в расхождении оценок относительно реального положения России и необходимости мобилизации ее ресурсов. Сценарий «Б» не предполагает такой мобилизации. Более того он допускает современный уровень не только военных расходов, но и прогнозирует их сохранение в долгосрочной перспективе. Похоже, что именно этот вариант оценки «точки отсчета» доминирует сегодня в России.

Другой подход к оценке «точки отсчета» существует при проработке сценария «А». Он исходит из того, что эскалация сетецентрической войны на Украине против России к весне 2015 года прошла все основные стадии «подготовительного» этапа и перешла в свою «законную» военную фазу. По сравнению со Второй мировой войной — это аналог периода «странной войны» Франции и Англии, который наступил осенью 1939 года после разгрома Польши, но не сопровождался массированными вооруженными действиями. Поэтому принципиально важно конкретнее рассмотреть возможные последующие этапы развития сетецентрической войны против России, т. е. сценария «А».

На основе этого сценария можно достаточно определенно прогнозировать, каким образом — до и после 2021–2022 годов — будет развиваться сетецентрическая война против России со стороны западной ЛЧЦ по отдельным этапам, значительная часть которых уже пройдена. Ее рабочий алгоритм не только теоретически обоснован, но и фактически уже существует последние десятилетия. Более того совершенствуется не только в секретных документах, но и открытых для общественности нормативных и иных актах¹⁴⁵.

2.3.2. Принципы моделирования возможных сценариев развития МО

Возможные сценарии развития МО, как уже отмечалось, могут формироваться только в русле основного вектора развития международной системы. При этом переход к тому или иному сценарию будет зависеть от действий основных акторов международной

¹⁴⁵ См., например: Противопартизанские операции. Полевой устав Армии США. № 90–8AM / Wash.: 1986.

системы. А эти действия, в свою очередь, будут предопределяться отношением данных акторов к происходящим в мире изменениям. Таким образом, важнейшей задачей сценарного прогнозирования является определение интересов ключевых мировых игроков по отношению к основному вектору развития международной системы. То есть речь идет не вообще обо всех внешнеполитических интересах сторон, но об одном достаточно узком сегменте этих интересов, связанных с эволюцией международной системы. Это значительно облегчает задачу по сбору и обработке соответствующей информации.

Условно говоря, такой анализ позволит выявить три группы стран: те страны, которые заинтересованы в происходящих изменениях; те, кто хочет сохранить прежнюю систему международных отношений; и те, кого устроят оба варианта развития событий. Среди сторонников и противников перемен, можно также выделить две подгруппы — те страны, которые сильно желают или сильно противятся переменам и которые, следовательно, готовы идти на существенные жертвы для достижения этих целей; и те, для которых эти перемены желательны, либо не желательны, но которые не готовы идти на значительные потери или риски для осуществления этих целей. При этом следует исходить из того, что каждый актор международной системы будет действовать рационально, в рамках своих национальных интересов.

На основе этого анализа можно предсказать поведение стран, выступающих за статус-кво и стран, выступающих за изменения. Первые будут пытаться различными способами ограничивать возможности вторых, а вторые различными способами изменять международную систему в свою пользу. Применяемые в этой борьбе способы могут варьироваться от информационных и экономических, до силовых. Высшей стадией такого противоборства является военное столкновение. В этой комбинации наибольшую сложность будет представлять поведение не определившихся стран, которые будут стремиться извлечь оппортунистические выгоды из складывающейся международной обстановки.

Следует также учитывать, что будущее противоборство сторонников и противников статус-кво будет осуществляться в рамках ограничений, определяемых объективным соотношением сил и тенденциями мирового развития. Например, если страны

сторонники статус-кво утратили экономическое лидерство в мире и их роль продолжает падать, то применение ими экономических методов борьбы против своих оппонентов принесет вред, прежде всего, им самим и их экономический коллапс наступит раньше, чем у оппонентов. Таким образом, использовать такие методы они могут только в ограниченном объеме и не против всех оппонентов одновременно. Точно также, если произойдет полномасштабная ядерная война, то она в нынешних условиях неизбежно приведет к уничтожению обеих сторон конфликта. Поэтому такая война не может служить инструментом выигрыша в разворачивающемся противоборстве и может произойти только как результат бесконтрольной эскалации этого противоборства, либо в результате авантюристических действий одной из сторон противоборства.

В качестве примера конструирования возможных сценариев развития МО, можно рассмотреть ситуацию, складывающуюся в мире перед Второй мировой войной. Тогда среди ведущих мировых держав сложилась группа стран, выступающих за пересмотр Версальской системы и группа стран, заинтересованных в сохранении статус-кво. Причем, к изменению статус-кво стремилась не только Германия, жаждавшая реванша. Некоторые победители в Первой мировой войне, такие как Италия и Япония, тоже чувствовали себя обделенными при переделе мира. Более того, возникшие на карте Европы новые государства также не были полностью удовлетворены. Польша желала национального реванша и присоединения территорий входивших ранее в Речь Посполитую, Венгрия — воссоздания этнических границ, Турция — возвращения владений Османской империи.

СССР, который в 30-х годах уже формально выступал за сохранение статус-кво, тем не менее, больше всего опасался сговора «империалистических держав» на свой счет. То есть, попытки Лондона и Парижа удовлетворить аппетиты противников статус-кво путем расчленения Советского Союза и передачи его территорий Германии, Польше, Турции и Японии. Это вынуждало советскую дипломатию вести линию на сталкивание «империалистических держав» между собой. Но в Лондоне и Париже такая линия была воспринята как попытка СССР втянуть Англию и Францию в войну с Германией, а самому остаться в стороне.

Маневрируя между СССР и англо-французским блоком, Германия, являвшаяся наиболее активным противником сохранения статус-кво, получила возможность для сколачивания международной коалиции по новому переделу мира. В этой диспозиции были теоретически возможны несколько сценариев развития международной обстановки. Первый, который и предлагал СССР — союз держав, поддерживающих статус-кво, прежде всего, СССР, Англии и Франции против Германии. Второй вариант — это подключение СССР к державам, выступающим за изменение статус-кво, то есть союз с Германией, Италией и Японией против Англии и Франции. Это заранее предполагало участие СССР в войне, причем не только с Англией и Францией, но и в перспективе с США. Третий вариант — это нейтралитет СССР и возможно наиболее продолжительное оттягивание вступления в неизбежную войну. Этот третий сценарий фактически и был реализован.

Мог быть и четвертый вариант, который пыталась реализовать британская дипломатия, после прихода к власти кабинета Чемберлена. Этот план состоял в попытке оторвать Италию от Германии, что позволило бы поддерживать изоляцию Гитлера в Европе. Однако с этой политикой Чемберлен опоздал, поскольку министр иностранных дел Англии Иден до своей отставки в феврале 1938 года фактически проводил политику «двойного сдерживания» Италии и Германии, чем толкнул эти страны в объятия друг друга. Если бы смещение Идена состоялось на два года ранее, то сближения Берлина и Рима, возможно, удалось бы избежать. А, следовательно, не было бы и поддержки Италией аншлюса Австрии.

Таким образом, перед началом Второй мировой войны существовало четыре возможных сценария развития международной обстановки. Причем, только один из них — союз СССР, Англии и Франции создавал более-менее реальные перспективы по сдерживанию гитлеровской агрессии в Европе. Однако по субъективным причинам он не был реализован. Но даже если предположить, что развитие событий пошло бы по любому из приведенных сценариев, то итоговый результат мирового развития был бы примерно одинаковым.

Если бы был возрожден тройственный союз в составе СССР, Франции и Англии, мировая война, возможно, не случилась бы, но для обуздания амбиций Гитлера пришлось бы вводить советские войска в Восточную Европу. В итоге этот регион оказался бы в сфере

советского влияния, как и произошло после второй мировой войны. США все равно усилились бы и стали бы лидером западного мира, даже возможно, повоевали бы с Японией и подчинили бы ее своему влиянию. Китай восстановил бы национальное единство при помощи Москвы, возможно под руководством Чан Кай-ши. А после падения гитлеровского режима, между СССР и западными союзниками возникли бы непримиримые разногласия и началась бы «холодная война».

Если бы был реализован сценарий союза СССР с державами оси, то Франция и Англия были бы, конечно, быстро разгромлены, а их империи разделены между победителями. Однако англичане продолжили бы сопротивление с территории доминионов вместе с США. Ну а Гитлер, устранив угрозу войны на два фронта, неизбежно атаковал бы СССР. Тогда Сталину не осталось бы ничего другого как заключать союз с англичанами и американцами. Ситуация Второй мировой войны и ее итоги были бы воспроизведены, хотя и с определенным опозданием.

Все это подтверждает ту простую мысль, что объективные мировые процессы обмануть нельзя. И при сложившемся в тот момент в мире соотношении сил Германия не имела шансов на мировую гегемонию. Поэтому ее действия по изменению статус-кво могли быть реализованы лишь в очень ограниченном объеме. То есть Германия могла изменить статус-кво и она это сделала, но вот переключить мировую систему по своему усмотрению ей было не по силам. Поэтому действия Гитлера на международной арене были не столько результатом четкого расчета, сколько авантюрой и блефом. На первых этапах этот блеф удавался, но затем объективные реалии взяли свое.

Отсюда следует простой вывод, что различные сценарии развития международной обстановки, не могут поменять основной вектор мирового развития, однако цена, которую придется заплатить различным странам, в том числе и России за переход к новому качеству международных отношений, может существенно различаться. Поэтому при планировании внешней политики всегда следует стремиться к реализации сценария, несущего наименьшие издержки собственной стране. Тем не менее, при построении стратегического прогноза следует обозначить все сценарии, которые реалистически возможны, так как субъективные факторы могут подтолкнуть события по любому из этих сценариев.

2.3.3. Соотношение возможных и вероятных сценариев развития МО

Возможные и вероятные сценарии находятся в неразрывной диалектической взаимосвязи. Вероятные сценарии всегда вытекают из возможных, а возможные могут превратиться в вероятные. Действительно, на определенном этапе развития МО актуальность того или иного вероятного сценария может понизиться в связи с действием случайных или субъективных факторов, которые невозможно было предсказать. В этом случае вероятный сценарий перемещается в разряд возможных, в то время как один из возможных сценариев, который ранее рассматривался, как менее вероятный становится вероятным.

В то же время строить реальную политику и особенно осуществлять военное планирование на базе всех возможных сценариев не является осуществимым. И не только потому, что планирование по разным возможным сценариям приведет к чрезмерному расходованию ресурсов, а в первую очередь потому, что некоторые возможные сценарии будут требовать от руководства страны прямо противоположных действий. Так, например, возможный сценарий расширения сотрудничества с Западом означал бы, что России следует делать упор на развитие невоенных секторов экономики, расширение подготовки специалистов для работы в странах Запада и взаимодействия с западным бизнесом на территории России, развитие совместных организаций сотрудничества. При этом шло бы снижение военных расходов, уменьшение выпуска военной продукции, перевод научно-технического развития из военных областей в гражданские. А в бюджет закладывались бы программы на осуществление различных совместных проектов с участием западных стран. Ну, а в случае реализации возможного сценария, предусматривающего нарастание конфронтации с Западом, от руководства страны требовались бы прямо противоположные действия. И совместить все это было бы просто нереально.

Таким образом, стратегическое прогнозирование требует обязательного выявления наиболее вероятного сценария развития МО, на базе которого может осуществляться планирование в области внешней политики, безопасности и обороны, да и строиться вся национальная стратегия государства. Причем, каждый такой сце-

нарий желательно строить на трех вариантах: «оптимистическом», «реалистическом» и «пессимистическом». В каждом из этих вариантов будет отражаться еще большее значение роли субъективного фактора и фактора случайных событий. К последним можно отнести такие события как природные катаклизмы — землетрясения, цунами, ураганы, засухи и др., а также масштабные техногенные катастрофы, например, аварию атомной электростанции в японском городе Фукусима или крупный разлив нефти на платформе «Бритиш Петролеум» в мексиканском заливе.

К данной группе факторов, видимо, можно отнести и значительные террористические акты, если они не являлись следствием целенаправленной политики, а были результатом действий каких-то одиночек или ни с кем не связанных мелких групп террористов. Одним из примеров может быть убийство премьер-министра Швеции Улофа Пальме, покушение на президента США Рональда Рейгана и террористический акт Андерса Брейвика в Норвегии.

В стратегическом прогнозе можно выделить несколько степеней вероятности реализации различных сценариев. В частности, вероятность развития того или иного сценария или его варианта можно экспертно оценить количественно по шкале от 1 до 10 баллов — «теоретически возможный сценарий» и 80–90–100 баллов — «неизбежный сценарий» развития МО.

Таблица 2.4. Количественная оценка вероятности реализации того или иного сценария развития МО

Теоретически возможные сценарии	Возможные сценарии	Вероятные сценарии	Очень вероятные сценарии	Неизбежные сценарии
1–10	10–20	20–60	60–90	90–100

Естественно, что нас интересуют, прежде всего, вероятные и очень вероятные сценарии развития МО, к которым предстоит готовиться практически, но необходимо иметь ввиду и то, что категории «возможные» сценарии имеют значение потому, что они достаточно быстро могут превратиться в категорию «вероятных» сценариев и даже «очень вероятных» сценариев.

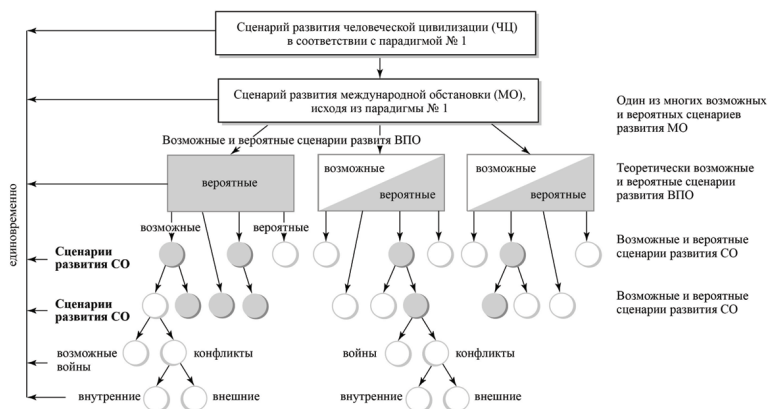

Рис. 2.7. Логическая схема развития возможных и вероятных сценариев стратегической обстановки исходя из сценария противоборства локальных цивилизаций и развития МО и ВПО до 2021–2024 годов

Следует четко разграничить в стратегическом прогнозе возможные и вероятные сценарии развития МО для того, чтобы полноценно и масштабно проанализировать отдельные, наиболее вероятные сценарии (допустим, по 10000–15000 факторам), но и не игнорировать возможные сценарии развития МО (проанализированные, допустим, по 100 факторам), что позволило бы мониторить их состояние и держать в поле зрения динамику их развития. Логическая схема такого подхода к анализу и прогнозу возможных и вероятных сценариев МО на перспективу после 2021–2022 годов может выглядеть следующим образом (рис. 2.8)¹⁴⁶.

Таким образом, практически представляется возможным и необходимым вычленение одного наиболее вероятного сценария развития МО и нескольких возможных, которые могут быть

¹⁴⁶ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. С. 639–777.

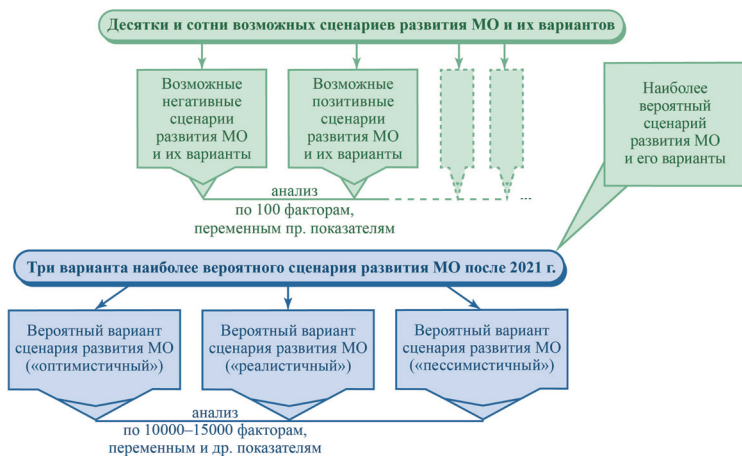

Рис. 2.8. Возможные и вероятные сценарии развития МО после 2021 года

полезными для стратегического прогноза, формирования и уточнения планов обороны страны, развития ее военной организации и формирования оборонного заказа на долгосрочную перспективу.

2.4. Выявление наиболее вероятного сценария развития международной обстановки

Наиболее вероятный сценарий развития МО определяется через оценку воздействия влиятельных субъектов международных отношений на основной вектор развития международной системы. При этом учитывается не только объективное соотношение сил между акторами, но их субъективные представления, желания и устремления. То есть активность субъектов международных отношений осмысливается, через призму субъективного восприятия их элит, политического и военного руководства, лидеров и вождей. На основе этого анализа прогнозируется наиболее вероятное поведение тех или иных акторов в жестко заданных объективных

координатах системы международных отношений. Ну, а равнодействующая этих наиболее вероятных действий (естественно, с учетом силы и влияния каждого актора) и будет представлять собой наиболее вероятный сценарий развития МО.

Таким образом, если при определении возможных сценариев развития МО рассматриваются различные варианты действий субъектов международных отношений, которые могут быть разумно приняты в конкретной ситуации при существующем соотношении сил, то при определении наиболее вероятного сценария рассматривается один из этих возможных вариантов действий, который, как представляется, будет выбран, конкретными людьми, находящимися у рычагов управления субъектов международных отношений.

Таким образом, вероятный сценарий развития международных отношений является наиболее реалистичным в условиях имеющихся объективных ограничений при наличии конкретных действующих фигур мировой политики и мировоззренческих установок, господствующих как в мире в целом, так и в отдельных ключевых странах.

Как видно из приведенной здесь логической схемы (рис. 2.9), на появление, формирование и развитие наиболее вероятного сценария МО и его вариантов (из теоретически возможных сценариев и вариантов МО), влияют, не только отдельные страны и их потенциалы (которые являются традиционно предметом основного анализа), но и глобальные тенденции, а также негосударственные акторы. Принципиальным для долгосрочного прогноза развития одного (или нескольких) вариантов сценария МО является анализ и попытка качественного и количественного прогноза развития факторов, акторов и мировых тенденций с последующим их совмещением и выделением одного наиболее вероятного вариантов развития сценария МО.

Первым этапом процесса отбора наиболее вероятного сценария развития МО является анализ текущей обстановки, складывающейся на мировой арене. Правильное понимание того, что происходит в настоящий момент, позволит получить представление о том, какой из возможных сценариев развития МО реализуется в нынешней ситуации. Этот сценарий принимается за исходный.

Вторым этапом данного исследования является оценка того, возможна ли в среднесрочной перспективе (7–10 лет) корректив-

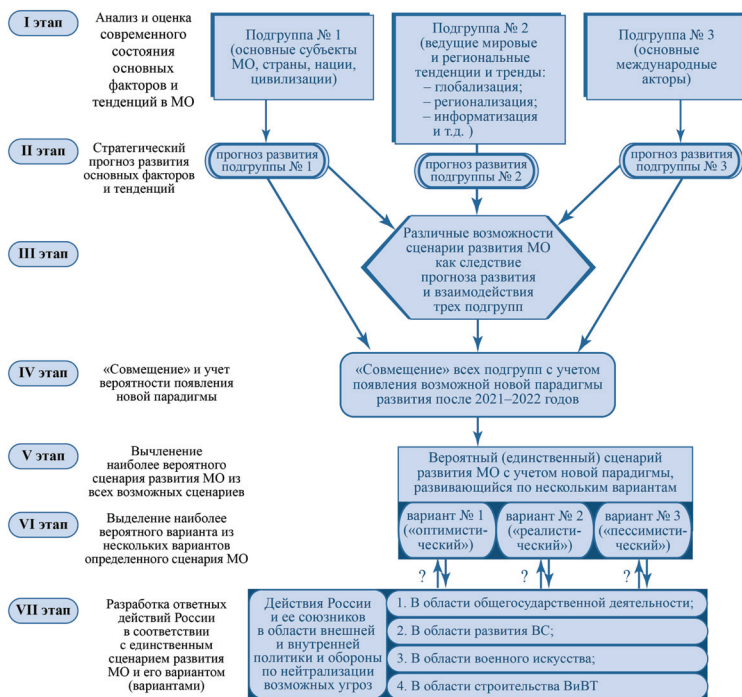

Рис. 2.9. Логическая схема анализа и прогноза влияния основных групп факторов, влияющих на формирование вероятного сценария развития МО и наиболее вероятных его вариантов

ровка исходного сценария в сторону другого возможного сценария. Здесь следует понимать, что корректировка исходного сценария под воздействием субъективных факторов может происходить только от одного возможного сценария к другому. А переход от исходного сценария к такому сценарию, который не рассматривался ранее как возможный, может произойти только под воздействием объективных факторов, и прежде всего, существенного изменения соотношения сил на мировой арене. Как уже отмечалось выше, такие изменения не могут происходить одновременно, что позволяет обнаруживать их заблаговременно. Исключением здесь может быть только случай масштабных природных катастроф.

В качестве наиболее распространенной причины корректировки исходного сценария чаще всего выступают такие факторы как смена власти в той или иной стране, играющей важную роль в международных отношениях. Причем такая смена власти возможна как вследствие установленных законодательных процедур, так и вследствие госпереворотов, цветных революций и прочее. В любом случае, приход к власти новых людей, имеющих несколько иное видение мира, чем предыдущее руководство может привести к смене политического курса этих стран. А изменение политики может привести к образованию новых и распаду старых коалиций и союзов, началу или возобновлению войн или вооруженных конфликтов, дестабилизации и дезинтеграции целых государств.

Так, например, «цветная революция» в Грузии в 2003 году привела к власти режим Саакашвили, который резко повысил агрессивность политики в отношении Абхазии и Южной Осетии. Это в конечном итоге привело к августовской войне 2008 года в Южной Осетии, вмешательству в нее России и признанию Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии. Эти события осложнили ситуацию в отношениях между Россией и Западом, заложили первые камни в фундамент корректировки исходного сценария развития МО. А уже окончательный переход к новому сценарию отношений между Россией и Западом произошел после государственного переворота на Украине в феврале 2014 года.

Если анализ текущей ситуации показывает, что перспективы серьезных изменений международной обстановки под влиянием субъективных факторов не велики, то исходный сценарий развития МО принимается за наиболее вероятный. Если же наоборот, имеется достаточно высокая вероятность таких изменений, то следует оценить, в сторону какого возможного сценария такое отклонение может произойти. Если же помимо действия субъективных факторов прогноз дает основания предполагать, что ожидается существенное изменение факторов объективного порядка, и прежде всего, соотношения сил, то следует уже работать над определением новой группы возможных сценариев развития МО.

Выявление вероятного сценария развития международных отношений является завершающей стадией построения стратегического прогноза. Выбор этого сценария из многообразия возможных

сценариев является наиболее сложной задачей. Если возможные сценарии определяются механическим количеством возможных комбинаций развития МО, то вероятный сценарий должен учитывать основные субъективные факторы, которые подтолкнут развитие МО именно в данном направлении.

По всей видимости, сделать правильный выбор в пользу вероятного сценария чисто логическим путем не представляется возможным. Здесь важно понимать, что простая механическая экстраполяция ситуации существующей в международной обстановке образца 2015 года не приведет в долгосрочной перспективе даже к приблизительным результатам. Ибо количество различных факторов и динамика изменения переменных величин настолько велика, что вряд ли поддается точному моделированию и прогнозированию. Нужны новые теории, методики и модели, учитывающие качественные параметры. В частности, в этом случае возможно использование простых качественных моделей, которые иногда становятся вполне эффективным приемом. Как справедливо заметил в свое время профессор МГИМО М. Хрусталеv, «пытаться моделировать интуицию — утопия. Вместе с тем моделирование необходимо — для минимизации субъективизма ученого, но лишь в сочетании с логико-интуитивным методом и как дополнение к нему»¹⁴⁷.

Поэтому при построении прогноза ключевую роль начинают играть уже такие факторы, как личный опыт, знания и даже интуиция конкретной группы прогнозистов. «Логико-интуитивный метод» в действительности является достаточно эффективным приемом прогнозирования вероятных сценариев развития МО, если он опирается не только на огромный объем систематизированной и формализованной информации, но и на качественные оценки возможного развития сценариев МО.

С этой точки зрения, вся предыдущая работа по определению возможных сценариев развития МО является лишь подготовкой необходимого материала для принятия правильного решения. Но эта работа чрезвычайно важна, поскольку создает условия для того, чтобы решение принималось на основе строго установленных

¹⁴⁷ Хрусталеv М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: «Аспект Пресс», 2015. С. 6.

объективных данных. То есть решение должно быть аргументировано в определенном логическом коридоре, что заранее минимизирует субъективные пристрастия прогнозистов.

Другие методы прогноза, к которым, как правило, прибегают исследователи, оказываются менее эффективными. Так, малоэффективна механическая экстраполяция военной мощи как преимущественный результат производства ВиВТ (которая является основным современным методом оценки военной мощи), потому что в планы производства и создания, существующих и новых систем ВиВТ неизбежно будут внесены коррективы, а иногда и принципиальные изменения.

Даже уже существующие системы ВиВТ, как правило, глубоко модернизируются в течение 30 и даже более лет (вертолеты МИ-8, истребители СУ-27, танки Т-90 и т. д.), что в действительности превращает их в качественно новые системы ВиВТ. Более того, меняется (иногда качественно, в десятки раз) не только качество, но и количество ВиВТ. Так, например, оценивая ВПО для СССР и ОВД в 1985 году, никто не предполагал, что всего через 6 лет не будет ни СССР, ни ОВД. Тем более, никто не предполагал, прогнозируя развитие военной мощи СССР и ОВД, что десятки тысяч танков, самолетов и другой достаточно современной на то время военной техники будут уничтожены, а создание новых образцов ВиВТ в России будет прекращено на долгие годы.

Более современный пример можно привести из экономической области: формируя российский бюджет в 1999 году, мы исходили из цен на нефть в 17 долл. за баррель (которые просуществовали в действительности в диапазоне 17–27 долл. 4 года до 2003 года), однако уже через 9 лет они превысили 90 долл. за баррель¹⁴⁸. При этом как добыча, так и продажи нефти устойчиво росли, что привело к резкому росту ВВП и увеличению в 10 раз доходной части бюджета, включая оборонный, который в итоге также вырос более чем в 10 раз. Если бы в 1999 году использовался метод экстраполяции, то самый позитивный прогноз роста военных расходов РФ на 2015 год вряд ли превысил бы 20–25%, хотя в действительности он составил 1500–2000%. Эти и другие примеры говорят о том, что военное планирование на долгосрочную перспективу, основанное

¹⁴⁸ Konachlick W. Russia's Best Ally // OSW, 2014. P. 6.

только на простой экстраполяции в развитии ВиВТ, малоэффективно, хотя, видимо, и неизбежно в отдельных стратегиях.

Таким образом, для выделения из числа возможных сценариев одного наиболее вероятного необходимо пройти принципиальные этапы, о которых говорилось выше, в изучении нескольких групп факторов — мировых и региональных тенденций, государственных и негосударственных акторов — под углом зрения возможных изменений. Подобный подход укладывается в простую матрицу исследования, которую, естественно, требуется детально конкретизировать применительно к вероятному сценарию.

Таблица 2.5. Матрица анализа и прогноза одного из вероятных сценариев развития МО в среднесрочной и долгосрочной перспективе

Основные группы факторов	Современное состояние (статус)	Прогноз на среднесрочную перспективу	Прогноз на долгосрочную перспективу	Качественно новые факторы
1. Мировые тенденции	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»
2. Развитие основных (100) участников международных отношений	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»
3. Развитие негосударственных акторов международных отношений	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»

Как видно из матрицы, только по одному из сценариев возможен анализ очень большого числа факторов. Так, например, в первой группе (основные тенденции мирового и регионального развития) можно выделить десятки и сотни относительно «стабильных», «переменных» и «динамических» факторов, которые должны быть рассмотрены как в их современном состоянии, так и в будущем — среднесрочном и долгосрочном.

Если обратиться, к примеру из второй группы факторов (100 основных государств — участников международных отношений), то каждое государство следует рассматривать как минимум с точки зрения 10 основных подгрупп (экономика, финансы, демография, промышленность и т. д.), в каждой из которых будет как минимум 10 показателей и критериев. Таким образом, в итоге предполагается, что наиболее вероятный сценарий развития МО будет обоснован с точки зрения всех основных факторов развития в динамике.

Во временном диапазоне тоже необходима этапность анализа с учетом нынешней ситуации, среднесрочной перспективы (до 2021–2022 годов) и долгосрочной перспективы (до 2045–2050 годов). Они будут принципиально отличаться друг от друга возможностью смены парадигм развития как всего человечества и ЛЧЦ, так и отдельных наций и государств. Это означает, что в предлагаемой ниже матрице анализа и прогноза одного из сценариев развития МО, по сути, заложены две разные модели, хотя формально они и сосуществуют в единой матрице. Прогноз на долгосрочную перспективу предполагает, что удельный вес «переменных факторов» и «динамических факторов» будет существенно выше, чем «стабильных факторов». Более того, вполне допустимо, даже неизбежно, что появятся принципиально новые факторы, которые пока неизвестны или имеют слишком слабое значение.

Таким образом, если мы ставим задачу поиска вероятных сценариев развития МО, то мы фактически делим матрицу «вероятного сценария» на две. При этом, говоря о долгосрочной перспективе, мы должны акцентировать внимание не только на имеющейся информации, но и на том, что только еще может быть в будущем, т. е. на футурологии.

Таким образом, анализируя наиболее вероятные сценарии развития МО в XXI веке, следует исходить из нескольких оснований, которые должны обеспечить научную обоснованность прогнозов, а также их моделей.

Таблица 2.6. Матрица анализа и прогноза одного из вероятных сценариев развития МО в среднесрочной и долгосрочной перспективе

Основные группы факторов	Модель сценария № 1		Модель сценария № 2	
	Современное состояние (статус)	Прогноз на среднесрочную перспективу	Прогноз на долгосрочную перспективу	Качественно новые факторы
1. Мировые тенденции	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»
2. Развитие основных (100) участников международных отношений	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»
3. Развитие негосударственных акторов международных отношений	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»

Во-первых, следует исходить из того, что среднесрочный прогноз (до 2021–2025 годов) можно основывать на предположении о дальнейшем развитии уже существующих — известных или незамеченных пока — тенденций, которые вытекают из предыдущих состояний в рамках современной парадигмы развития человеческой цивилизации. При всей разнице между «стабильными», «переменными» и «динамичными» факторами и тенденциями.

Во-вторых, стратегический прогноз на долгосрочный период (до 2045–2050 годов) предполагает, что должна произойти смена основных парадигм, т. е. в основных областях человеческой деятельности произойдут качественные, «фазовые» изменения. Таким образом, не только существующие ныне, но и новые явления лягут в основу этого сценария. Так, например, по мнению футурологов, «за последние годы человечество накопило больше знаний, чем за всю свою историю. А скорость обмена знаниями выросла в тысячи раз и продолжает расти. По степени влияния это можно сравнить с эпохой Великих географических открытий»¹⁴⁹.

Понятно, что по мере удаления от сегодняшнего дня вероятность любого прогноза падает из-за усиления влияния переменных и появления новых факторов. Тем более, это справедливо для любого сценария долгосрочного прогноза, на который влияют тысячи факторов. В этой связи вызывает интерес, как быстро вероятность осуществления прогнозов падает со временем?

Некоторые ученые считают, что если принять, что «прогноз», который мы делаем сегодня на сегодня, сбывается с вероятностью 100%, то иллюстрация успешности прогноза на перспективу может выглядеть так (рис. 2.10)¹⁵⁰.

Другими словами, модель № 2 развития сценария МО (долгосрочный прогноз) уже изначально выглядит как «недостижимая мечта», с чем вряд ли можно согласиться.

Важно повторить, что в первом случае (среднесрочного прогноза) основным методом объективного исследования выступает экстраполяция, однако она не исключает, более того, предполагает анализ возможных качественных перемен, учет «переменных» и «динамичных» факторов, а главное — научно обоснованную логику модели сценария такого прогноза.

Во втором случае (долгосрочного прогноза) используется как метод экстраполяции, так и футуристический прогноз формирования новых парадигм. Так, известно, что некоторые системы оружия находятся на вооружении уже более 50 лет и после много-

¹⁴⁹ Бенси Дж. Между сущим и грядущим // Независимая газета. НГ-сценарии. 2015. 27 января. С. 14.

¹⁵⁰ Вероятность совпадения прогнозов, основанных на трендах, с реальностью [Электронный ресурс]. URL: <http://prognoz.eurasian-defence.ru/node/70918> (дата обращения: 27.01.2015).

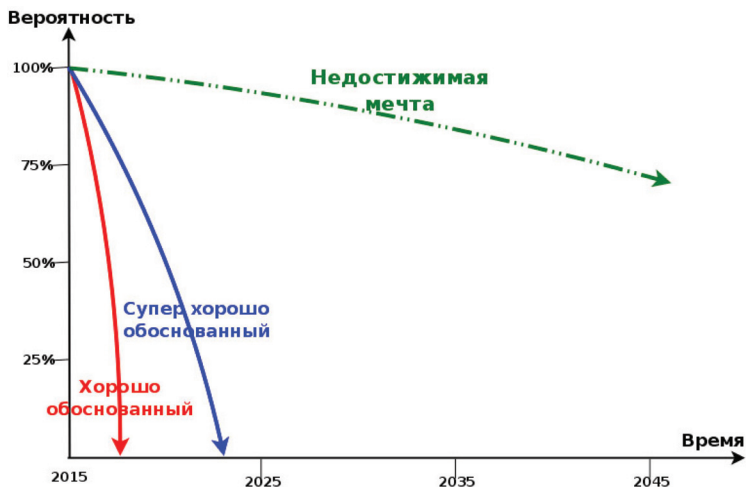

Рис. 2.10. Модель вероятности прогноза

численных модернизаций могут еще некоторое время находиться на вооружении (ТБ В-52 или вертолеты МИ-8, например). Более того, планируемые сегодня системы ВиВТ в ряде случаев уже нацелены на то, чтобы поступить в ВС только в 50-е годы XXI века. Это означает, что метод экстраполяции вполне приемлем.

Вместе с тем, очевидно, что уже в среднесрочной перспективе могут появиться качественно новые системы ВиВТ (или качественно модернизированные), которые могут повлиять существенным образом на все военное искусство и ВПО в мире. Сейчас такая перспектива просматривается у средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

В-третьих, если возможных сценариев развития МО может быть несколько, то вероятный сценарий развития МО может быть всего один. При этом логическая схема такого сценария практически не меняется. В нынешней МО эта схема может выглядеть следующим образом (рис. 2.11).

Выбор наиболее вероятного сценария развития МО руководством страны всегда представляет собой чрезвычайно трудное и ответственное решение потому, что от него прямо зависит безопасность государства, темпы его развития, масштабы использования

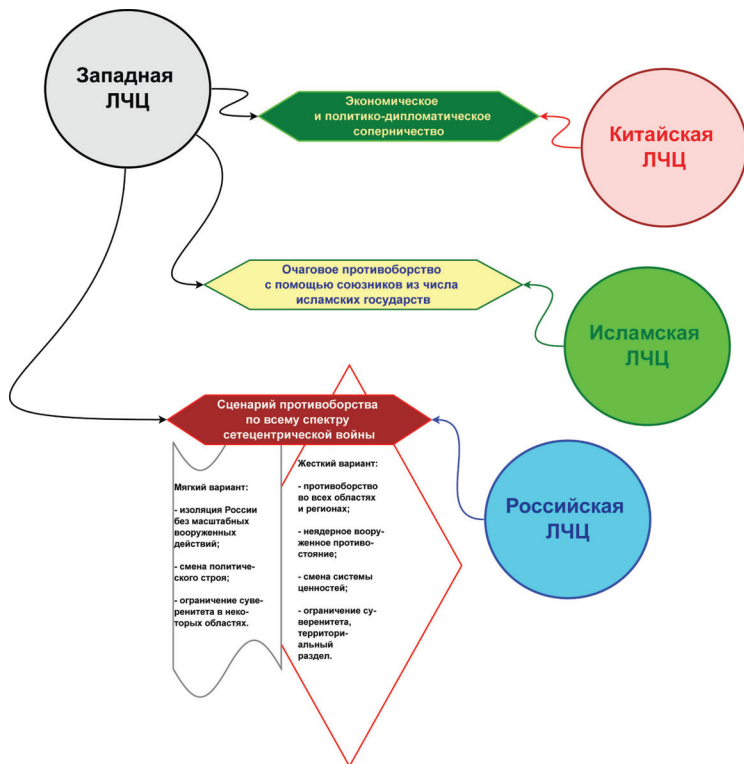

Рис. 2.11. Логическая схема наиболее вероятного сценария развития МО и его основных вариантов в среднесрочной перспективе

национальных ресурсов. Даже выбор между «оптимистическим» и «пессимистическим» вариантом одного и того же сценария будет означать выбор между 4,5% расходами на оборону от объема ВВП и 15–20% (т. е. милитаризацией экономики).

Глава III
Соотношение
стратегического
прогнозирования
и планирования в области
международных отношений

3.1. Стратегическое прогнозирование — необходимое условие эффективного планирования внешней и оборонной политики

Стратегическое прогнозирование в области международных отношений осуществляется не только для того, чтобы иметь более реальное представление об эволюции международной обстановки, но прежде всего для того, чтобы обезопасить собственную страну от различных угроз, защитить ее национальные интересы. То есть стратегические прогнозы должны позволять руководству страны принимать правильные решения в области внешней и оборонной политики. Эти решения можно принимать спонтанно, реагируя на ожидаемые угрозы и вызовы, а можно заранее разработать программу мер по обеспечению национальной безопасности и защите национальных интересов. В этом контексте важную роль приобретает вопрос о соотношении стратегического прогнозирования и планирования.

В целом стратегическое планирование — это набор решений руководства, ведущих к разработке специальных стратегий, предназначенных для достижения конечных целей. По мнению директора Института экономических стратегий Б. Кузика, «Стратегическое планирование является фазой, на которой происходит формирование совокупности предпосылок по обеспечению движения... системы в стратегически нужном направлении»¹⁵¹. Стратегическое планирование, как определение основных направлений достижения наиболее приоритетных целей, выбор максимально эффективных способов и средств в назначенный отрезок времени

¹⁵¹ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 93.

является, таким образом, выбором руководством страны одной из конкретных стратегий.

Соответственно важнейшая роль стратегического прогнозирования в области внешней и оборонной политики определяется его местом в выработке стратегии государства в области национальной безопасности. Как таковое, стратегическое прогнозирование выступает в качестве отправной точки эффективного планирования внешней и оборонной политики. Не случайно в законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года, стратегическое планирование рассматривается как деятельность «по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию» в различных областях, в том числе в области «обеспечения национальной безопасности Российской Федерации»¹⁵².

Стратегическое прогнозирование и планирование в области международных отношений предполагают:

- во-первых, учет российского и зарубежного опыта и накопленных знаний, включая признание апробированных методов исследования и последствий применения стратегического прогнозирования и планирования в экономике, политике, социальной области и военной сфере;
- во-вторых, понимания того, что современный мир находится на этапе «фазового» качественного перехода. Это означает, что современная МО и ВПО, их характеристики и парадигмы стремительно меняются и должны постоянно пересматриваться в интересах стратегического прогноза и стратегического планирования.

В этом смысле суть стратегического прогноза в области международных отношений заключается в том, чтобы сформулировать, наиболее точно, желаемые цели и задачи, стоящие перед нацией, основываясь на адекватном понимании системы национальных ценностей и интересов, и учитывая внешние факторы влияния (в том числе опасности и угрозы), и национальные ресурсы и возможности. Соответственно, суть стратегического планирования заключается в подготовке и реализации такого плана, который обеспечит достижение поставленных целей и задач. При этом ис-

¹⁵² <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102354386&intelsearch=%F1%F2%F0%E0%F2%E5% E3%E8%F7%E5%F1%EA%EE%EC+%EF%EB%E0%ED%E8%F0%EE%E2%E0%ED%E8%E8>

пользование методов экстраполяции ограничено. В особенности, если речь идет о периоде «фазового» перехода.

В этом контексте появление новых и обострение существующих угроз требует разработки политики противодействия, и соответствующего планирования которую можно условно разделить на два основных направления:

- первое направление — разработка мер политического и иного (невоенного) противодействия, предназначенных для нейтрализации существующих и будущих внешних опасностей и военных угроз. Главное содержание таких мер, заложенное в политическое планирование, — недопущение войн, конфликтов и ухудшения внешних условий развития, которые формируются на ранних стадиях развития взаимоотношений между государствами и не обнаруживают «латентную» (скрытую) напряженность. Как видно из рисунка, «сверхзадача» такой политики и стратегического планирования — не допустить войны;

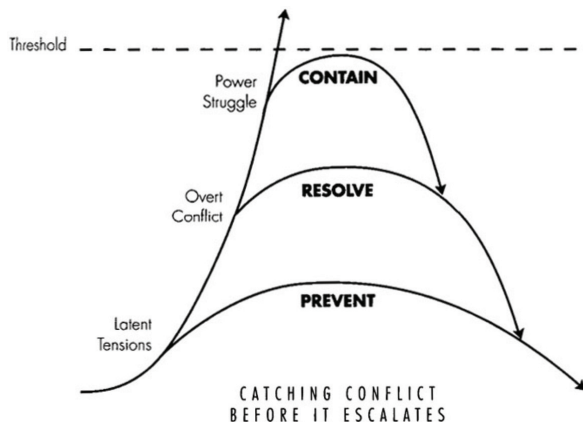

Рис. 3.1.¹⁵³ Эволюция процесса перехода конфликта в состояние войны

¹⁵³ Process Work and the Facilitation of Conflict by Stanford Siver Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy with a concentration in Psychology and specialization in the Psychology of Conflict. June 6, 2006 / Core Faculty Advisor: Robert McAndrews, Ph.D. Union Institute & University Cincinnati, Ohio / http://www.processwork.org/files/Finalprojects/Process_Work-Siver-2006.pdf. C. 109.

- второе направление — военно-политическое планирование мер противодействия, включающее широкий набор мер военно-технического характера по созданию средств (ВиВТ) и способов противодействовать новым внешним опасностям и военным угрозам. Таким образом, стратегический прогноз отвечает вполне конкретным практическим потребностям не только в области военного строительства, но и в более широкой политической области.

Эффективность стратегического планирования в области международных отношений зависит от целого ряда факторов, включая субъективные факторы. Применительно к стратегическому прогнозу и стратегическому планированию в области международных отношений, можно систематизировать эти факторы следующим образом:

- во-первых, стратегическое прогнозирование позволяет увидеть основные тренды развития МО и ВПО, перспективы развития ВиВТ, эволюцию отдельных государств, союзов и коалиций, а, как следствие, вытекающие из этих тенденций внешние опасности и военные угрозы. Собственно стратегическое планирование, поэтому должно основываться на объективном стратегическом прогнозе: а) развития МО и ВПО в мире и регионах; б) развитии субъектов и главных трендов МО и ВПО; в) интересах и целях национального развития и имеющихся ресурсах;
- во-вторых, стратегическое прогнозирование лежит в основе объективного анализа и оценки внешних опасностей и угроз. Это означает, что главным, определяющим фактором при разработке мер противодействия (в т. ч. создании и модернизации ВиВТ) является точная оценка существующих и будущих угроз, а не другие факторы. Поэтому в основе долгосрочного планирования противодействия будущим внешним опасностям и военным угрозам лежат политические и военно-политические оценки и прогнозы, а не иные (например, технологические и пр.) факторы;
- в-третьих, главная задача стратегического прогноза и планирования заключается в том, чтобы предвидеть возникновение качественно новых ситуаций, а в целом — в смене парадигм развития МО и ВПО, а также формировать адекватную во-

енную политику, направленную на своевременную нейтрализацию этих вызовов и угроз, требующую излишних затрат национальных ресурсов при том понимании, что интересы национальной безопасности не ограничиваются интересами военной безопасности, но предполагают широкий круг интересов развития¹⁵⁴;

- в-четвертых, стратегическое планирование во многом определяется не только политическими целями и мерами (способами) их достижения, но и имеющимися национальными ресурсами — природными, экономическими, активами, национальным человеческим капиталом (который в XXI веке играет решающую роль). И их планированием.

При этом необходимость разделения функций анализа и прогноза МО и ВПО, а также угроз национальной безопасности, с одной стороны, и стратегического планирования, с другой, объясняется, прежде всего, объективными различиями в этих двух процессах. В первом случае субъективный фактор исследования и анализа необходимо учитывать, но он не является решающим: научные методы, огромные объемы информации, новые методики позволяют в целом сделать такой анализ достаточно объективным.

В стратегическом планировании, наоборот, доминируют субъективные представления, а нередко и личностные и групповые интересы (идеологические, политические, экономические, коррупционные и пр.), которые искажают объективную реальность и ведут к крупным ошибкам в планировании. Процесс принятия решений, особенно в СССР и России в военно-политической области, нередко не опирался на объективный анализ и прогноз развития ВПО.

Например, в 90-е годы прошлого и первом десятилетии XXI века сложилась противоестественная ситуация, когда финансово-бюджетные соображения в стратегическом планировании перекрывали все остальные. Финансово-экономический блок правительства занимался не тем, чтобы изыскивать ресурсы для достижения стратегических целей, а наоборот диктовал стратегические цели, исходя из своего представления о наличных ресурсах.

¹⁵⁴ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал ТТ. I–IV. М. МГИМО. 2011–2013 гг.

Минфин фактически формулировал стратегию национального развития, готовил стратегический прогноз и формировал стратегическое планирование. Соответственно искажалось целеполагание и приоритеты национальной стратегии.

И в настоящее время некоторые решения, нередко несут на себе отпечаток субъективных представлений и ценностей. Понятно, что субъективный фактор присутствует в большей или меньшей степени во всех политических решениях. Однако в стратегическом планировании цена ошибки, обусловленная этим фактором особенно высока. Выход, как представляется, может быть только один — максимально упорядочить процесс стратегического планирования, выделив из него по возможности все личностные, субъективные и даже «макроэкономические» и иные аспекты, минимизировав влияние частных факторов. В процессе выработки такой системы стратегического планирования полезно изучить соответствующий опыт в США, НАТО и Евросоюза.

3.2. Методология планирования в области национальной безопасности и обороны США

Военное планирование США базируется на твердой концептуальной основе. Эту основу составляют различные правительственные и ведомственные документы, определяющие стратегическую ситуацию и положение США в системе международных отношений, а также цели и приоритеты США в мировой политике. Поскольку военное планирование — вещь достаточно закрытая, то судить о современной методологии в этой области можно лишь на основе тех публичных документов, которые время от времени доводятся до сведения общественности и в которых проявляются те или иные элементы военного планирования. Эти документы можно условно разделить на две категории — основополагающие документы, которые закладывают базовые принципы и направления американской оборонной политики и оперативные документы, которые рассматривают военно-политическую и стратегическую обстановку на конкретный момент.

К основополагающим документам можно отнести Директиву Министерства обороны США о приоритетах в области обороны в XXI веке¹⁵⁵, а также Стратегию национальной безопасности США (СНБ)¹⁵⁶. Первый документ описывает «предполагаемую обстановку в области безопасности и ключевые военные задачи, к которым должно готовиться Министерство обороны». В этом смысле Директива является «проектом», по которому будут строиться вооруженные силы США в 2020 году. Как таковая, она содержит «набор принципов», которые содействуют принятию решений в отношении численности и состава вооруженных сил в период последующих «программных и бюджетных циклов». А также — обозначает «некоторые стратегические риски, которые могут ассоциироваться с предлагаемой стратегией».

В свою очередь СНБ, как указывается в этом документе, «устанавливает принципы и приоритеты, чтобы руководить использованием американской мощи и влияния в мире». При этом следует учитывать, что в США понятие «национальная мощь» не сводится только к военной силе. Последняя рассматривается лишь как один из компонентов национальной мощи. Поэтому и военное планирование в США является неотъемлемой частью более широкого процесса стратегического планирования в области национальной безопасности. Об этом, например, прямо говорится в упомянутой директиве Пентагона: «Решения по составу сил и программ, будут приниматься Министерством обороны в соответствии со стратегическим подходом, описанным в настоящем документе, который составлен таким образом, чтобы позволить вооруженным силам отвечать задачам Стратегии национальной безопасности США при разумном уровне риска»¹⁵⁷. В самой же СНБ именно «укрепление национальной обороны» выделяется в качестве главного приоритета, а «мощные вооруженные силы» рассматриваются как «основа национальной безопасности»¹⁵⁸.

¹⁵⁵ Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. The US Department of Defense, January 2012.

¹⁵⁶ The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015.

¹⁵⁷ Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. The US Department of Defense, January 2012.

¹⁵⁸ The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015.

Таким образом, оба упомянутых документа представляют интерес с точки зрения понимания методологии военного планирования США. Анализ этих документов показывает, что процесс военного планирования осуществляется по вполне логичной схеме — от общего к частному. Он имеет своей отправной точкой философско-идеологическую концепцию, в рамках которой дается описание положения страны в системе международных отношений, а также излагаются цели, задачи и миссия США в современном мире. В целом можно констатировать, что военное планирование производится от заявленных целей, а не от имеющихся возможностей или каких-либо иных соображений. Причем эти цели очень амбициозны.

Так, директива Пентагона о приоритетах в области обороны начинается со слов об американском «глобальном лидерстве». Этот тезис содержится даже в самом названии документа: «Поддерживая глобальное лидерство США: приоритеты обороны в XXI веке». А в предисловии к нему президент США Барак Обама прямо заявляет о том, что США должны стать «еще сильнее» с тем, чтобы «сохранить американское глобальное лидерство» и «поддерживать наше военное превосходство»¹⁵⁹.

Более развернуто данные мотивы изложены в «Стратегии национальной безопасности США». Там, в частности, говорится, что США «будут обеспечивать свои национальные интересы путем сильного и устойчивого лидерства». Причем, «модель этого лидерства» зиждется на «экономической и технологической мощи» США и «ценностях американского народа». Также отмечается, что предложенная Стратегия национальной безопасности «подтверждает лидирующую роль США в рамках основанного на праве международного порядка». «Она указывает путь, по которому Администрация США в партнерстве с Конгрессом будет вести мир через меняющийся ландшафт безопасности к более надежному миру и процветанию», — отмечается в документе¹⁶⁰.

Таким образом, из обоих документов следует, что США рассматривают себя в качестве «глобального лидера», а, проще говоря,

¹⁵⁹ Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. The US Department of Defense, January 2012.

¹⁶⁰ The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015.

в качестве доминирующей мировой державы. Причем, не только на сегодняшний момент, но и на весь XXI век. И, следовательно, вооруженные силы должны быть построены таким образом, чтобы обеспечить поддержание этой роли США в мире. Из этой роли также вытекают определенные принципы, используемые в военном планировании. Прежде всего, это — принцип общемирового охвата. Военное планирование США затрагивает весь мир и даже выходит за пределы земли в ближний космос.

Таким образом, дав общее описание международной обстановки и провозгласив определенную роль США в системе международных отношений, процесс военного планирования переходит к следующему этапу — описанию угроз американским интересам. Здесь следует особо отметить, что термин «военная угроза» в американском военно-политическом лексиконе фактически не употребляется. Используются другие термины: «угроза США», «угроза безопасности США», «угроза территории США», «угроза гражданам США» и, как уже отмечено, «угроза интересам США». Объясняется это, видимо, тем, что США готовы использовать военную силу в самых разных ситуациях и для самых разных целей, а не только тогда, когда возникает военная угроза территории США и их союзников. Такой подход является вполне обоснованным и мог бы быть применен в российской военной доктрине.

Оценка угроз производится в обоих документах по функциональному и географическому признакам. В функциональный раздел, как правило, включаются угрозы не имеющие четкой географической привязки. Например, международный терроризм, киберугрозы, распространение оружия массового поражения, угрозы морским коммуникациям. Включается в этот раздел и угроза американской космической группировке, или иными словами «ограничение доступа США в космическое пространство». Хотя при этом отмечается, что угрозы доступу в космос могут происходить только от ограниченного числа государств. То есть такие угрозы имеют географическую привязку в лице России и Китая, однако теоретически не исключаются и действие других игроков. Также и международный терроризм имеет опорные точки на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в Афганистане, но не ограничивается ими.

В географическом плане «Стратегия национальной безопасности» выделяет следующие регионы: Азиатско-тихоокеанский

регион, Европа, Ближний Восток и Северная Африка, Африка южнее Сахары, Америка. Регионы приведены в приоритетном порядке. В Директиве Министерства обороны США приоритеты расставлены несколько по-другому: Азиатско-тихоокеанский регион, Ближний Восток, Европа и Евразия, Африка и Латинская Америка. При этом следует отметить, что Директива принималась в 2012 году, то есть за три года до последней СНБ.

Если же говорить конкретно об угрозах, проистекающих из регионов, то главной из них в обоих документах называется Китай. В связи с этим провозглашается стратегия перераспределения сил и средств в направлении Азиатско-тихоокеанского региона. Характерно, что эта стратегическая установка содержится в СНБ, принятой в 2015 году уже после украинского кризиса и присоединения Крыма к России. Затем по степени значимости следуют либо Россия, либо международный терроризм в лице ИГИЛ или Аль-Каиды, а далее Северная Корея и Иран.

Собственно из этих угроз вытекают и задачи, стоящие перед вооруженными силами США. И формулирование соответствующих задач является следующим этапом процесса военного планирования. В СНБ данные задачи определены довольно кратко. Прежде всего, там обосновывается глобальная роль вооруженных сил США. Поясняется, что хотя главная задача правительства — «защита американского народа», обязательства США «не заканчиваются на наших границах». «Мы принимаем на себя обязательства по поддержанию международной безопасности, потому что это обеспечивает наши интересы, подтверждает наши обязательства перед нашими союзниками и партнерами и противостоит угрозам, которые имеют действительно глобальный характер»¹⁶¹, — отмечено в документе.

В этом контексте перед ВС США ставятся две цели общего характера. Первая — это «отразить прямые угрозы». И вторая — оказание помощи другим «с целью предотвращения причин и последствий конфликтов». К первой цели относится «сдерживание и отражение нападения» на территорию США, включая ракетные удары, кибератаки и действия террористов, а также «смягчение эффекта потенциальных атак и стихийных бедствий». А также —

¹⁶¹ The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015.

защита американских «граждан и интересов», «поддержание региональной стабильности», ведение «глобальных контртеррористических операций», поддержка союзников и «сдерживание агрессии через передовое базирование и обязательства».

Во вторую группу задач входит оказание гуманитарной помощи, содействие при ликвидации последствий природных и социально-политических катаклизмов, а также укрепление военного потенциала партнеров, чтобы наделить их возможностью вместе с США противостоять «вызовам безопасности». «Если сдерживание не сработает, вооруженные силы США будут готовы проецировать силу в глобальном масштабе, чтобы нанести поражение и отразить агрессию на многих театрах», — подчеркивается в документе¹⁶².

В Директиве Министерства обороны задачи вооруженных сил США представлены более системно. Они обозначены в порядке приоритетности следующим образом:

1. Контртеррористические операции и боевые действия с иррегулярными формированиями;
2. Сдерживание и отражение агрессии любого потенциального противника в двух регионах одновременно;
3. Противодействие распространению оружия массового поражения;
4. Обеспечивать способность к эффективным действиям в киберпространстве и космическом пространстве;
5. Поддерживать надежные, безопасные и эффективные силы ядерного сдерживания;
6. Защищать территорию США и обеспечивать поддержку гражданским властям;
7. Обеспечивать стабилизирующее присутствие за рубежом;
8. Проводить операции по стабилизации обстановки и контрповстанческие операции;
9. Осуществлять операции по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, а также другие операции¹⁶³.

¹⁶² The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015.

¹⁶³ Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. The US Department of Defense, January 2012.

В то же время необходимо учитывать, что вооруженные силы США не рассматриваются политическим руководством страны в качестве единственного инструмента достижения целей в области национальной безопасности. Это относится и к некоторым из вышеперечисленных задач. Так, например, сдерживание тех или иных противников США в различных регионах или борьба с нераспространением оружия массового поражения может вестись методами дипломатии, информационного воздействия, экономических санкций и другими. Как указывается в СНБ: «Наши вооруженные силы будут оставаться готовыми защищать наши долговременные национальные интересы, являясь при этом важным подспорьем для нашей дипломатии»¹⁶⁴.

Отсюда вытекает и важнейший принцип американского военного планирования — комбинированное использование всех видов национальной мощи. Применение вооруженных сил рассматривается в Вашингтоне как составной элемент комбинированного воздействия на внешнюю среду, используемый в общем потоке сил и средств, а не как отдельный выборочный инструмент для достижения той или иной цели. «Наше влияние максимально, когда мы объединяем все наши стратегические преимущества», — подчеркивается в СНБ¹⁶⁵. А в Директиве Министерства обороны также говорится, что вооруженные силы должны «взаимодействовать с другими элементами национальной мощи США»¹⁶⁶. И такой подход выглядит вполне разумным, так как не только позволяет создать максимальное давление на противников, но и минимизировать человеческие потери и расход ресурсов для достижения поставленных целей.

Между тем, рациональному расходованию имеющихся ресурсов и финансовых средств в военном планировании США уделяется все больше внимания. К этому имеются серьезные объективные предпосылки, связанные с неблестящим состоянием американской экономики, зашкаливающим государственным долгом и высоким бюджетным дефицитом. Поэтому вполне логичным этапом военного планирования в США является анализ ресурсных возможностей для решения поставленных задач.

¹⁶⁴ The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015.

¹⁶⁵ Ibidem.

¹⁶⁶ Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. The US Department of Defense, January 2012.

Примечательно, что в обоих упомянутых документах признается, что военное строительство США проходит в эпоху бюджетных ограничений. Соответственно делается вывод о необходимости более компактных, менее затратных, но более эффективных вооруженных сил. В СНБ, в частности, говорится, что «хотя наши вооруженные силы станут меньше, они должны сохранить доминирование во всех областях». Специально отмечается, что администрация США совместно с Конгрессом должна «прекратить секвестрование» военного бюджета и вместо этого провести военные реформы, чтобы создать гибкие и эффективные вооруженные силы, предназначенные для решения более разнообразного круга задач.

При этом в документе указывается о необходимости «сохранить инвестиции «в основополагающие возможности, такие как ядерное сдерживание», а также увеличить инвестиции в военные возможности в таких областях как киберпространство, космос, разведка и наблюдение. Особенно подчеркивается необходимость удержания военно-технологического лидерства США. «Мы сохраним научно-технологическую базу, чтобы поддерживать наше преимущество в возможностях, необходимых для того, чтобы возобладать над любым противником», — отмечается в документе. И в заключении подчеркивается важность сохранения и привлечения в вооруженные силы талантливых и квалифицированных специалистов, а также дальнейшего повышения их профессиональных навыков¹⁶⁷.

В Директиве Министерства обороны США фактор ресурсных ограничений также является одним из определяющих. В документе прямо говорится об «изменяющихся бюджетных обстоятельствах» и об усилиях Пентагона осуществить «перебалансировку и реформу» вооруженных сил для выполнения «важнейшей задачи в области национальной безопасности по сокращению бюджетного дефицита путем уменьшения расходов на оборону». А в заключении делается вывод о том, что «баланс между имеющимися ресурсами и требованиями обеспечения безопасности никогда ранее не был столь хрупким»¹⁶⁸.

¹⁶⁷ The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015.

¹⁶⁸ Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. The US Department of Defense, January 2012.

Отсюда и главная мысль документа — США нужны более компактные вооруженные силы без снижения их эффективности и способности выполнять поставленные задачи. В этой связи Министерство обороны США обозначило восемь принципов, которым оно намерено следовать в военном планировании.

Первый принцип — сохранение возвратности военного потенциала. То есть Пентагон намерен «сохранять потенциал для восстановления возможностей, которые могут потребоваться, чтобы удовлетворить будущие непредвиденные требования, сохранять интеллектуальный капитал и мобилизационный резерв, который можно было бы призвать для увеличения численного состава ключевых подразделений вооруженных сил».

Второй принцип — дифференциация инвестиций. Речь идет о приоритетах в инвестировании: определение тех инвестиций, «которые должны быть сделаны сегодня и тех которые можно отложить». Это, в частности, должно предполагать возможность «изменить курс», что может быть вызвано «многими факторами», включая «прорывы или эволюцию в стратегической, оперативной, экономической и технологической сферах».

Третий принцип — повышение боеготовности взамен численности. Подчеркивается необходимость «поддерживать боеготовые и боеспособные силы, даже в условиях уменьшения общего потенциала» вооруженных сил. Более того, выдвигается задача повышения боеготовности в некоторых областях, которые в последнее десятилетие считались мало-приоритетными.

Четвертый принцип — снижение операционных расходов. Речь идет, прежде всего, об уменьшении темпов роста расходов на содержание персонала, а также повышении эффективности использования имеющихся сил и средств.

Пятый принцип — переоценка существующих оперативных планов. Отмечается необходимость пересмотра планов ведущихся боевых операций и имеющихся планов действий в чрезвычайных ситуациях в сторону экономии ресурсов и минимизации затрат при достижении прежних целей.

Шестой принцип — переоценка соотношения между действительной службой и резервом. Предлагается скорректировать количество военнослужащих на действительной военной службе и в резерве, так чтобы это наилучшим образом отвечало предложенной стратегии.

Седьмой принцип — совершенствование методики сетецентричной войны. Использовать опыт боевых действий в Афганистане и Ираке для внедрения и развития технологии ведения войны, в которой различные компоненты вооруженных сил действуют «по-настоящему взаимосвязано». Это, в частности, подразумевает создание специальных учебных пособий, уставов и применение соответствующей практики военных учений.

Восьмой принцип — поддержание адекватной промышленной и военно-технологической базы. Указывается, что Министерство обороны «приложит все усилия для поддержания адекватной индустриальной базы и для инвестиций в науку и технологии», а также «будет поддерживать инновационный подход к теории военного искусства»¹⁶⁹.

Особую роль в достижении целей военной стратегии США с наименьшими затратами Вашингтон отводит своим союзникам. В СНБ по этому поводу говорится следующее: «Наши ближайшие партнеры и союзники будут оставаться краеугольным камнем нашего присутствия за рубежом. В то же время мы будем последовательно расширять охват сотрудничества, чтобы подключить к нему другие государства-партнеры, не государственных и частных акторов... Такое партнерство может предоставить необходимые возможности по разделению бремени поддержания глобальной безопасности и процветания, а также правил ответственного международного поведения»¹⁷⁰.

В Директиве Министерства обороны США роль союзников и партнеров рассматривается в региональном контексте. Но при этом присутствует подход, аналогичный СНБ. Так, применительно к Азиатско-тихоокеанскому региону отмечается, что США, помимо традиционных союзников, «расширяют свою сеть сотрудничества с новыми партнерами...», чтобы обеспечить коллективные возможности и потенциал для обеспечения общих интересов». Относительно Европы, которая обозначена как «основной партнер» по обеспечению глобальной безопасности, провозглашается новый курс. Он предусматривает разработку концепции «умной

¹⁶⁹ Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. The US Department of Defense, January 2012.

¹⁷⁰ The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015.

обороны», предусматривающей «объединение, распределение и специализацию» военных возможностей.

Особенно актуализирована тема поиска новых партнеров для обеспечения безопасности в других районах мира, в частности, в Африке и Латинской Америке. «Строительство потенциала партнерства в других районах мира также остается важным направлением для разделения стоимости и ответственности глобального лидерства. Во всех районах мира мы будем стремиться предлагать себя в качестве партнера по обеспечению безопасности, пытаясь заключить новые партнерские отношения с все увеличивающимся числом государств..., чьи интересы и ценности сливаются в общее видение свободы, стабильности и процветания», — подчеркивается в документе¹⁷¹.

Таким образом, военное планирование США в условиях ресурсных ограничений предполагает увеличение роли союзников и соответственно разделение с ними бремени расходов в решении военно-стратегических задач. Причем под союзниками и партнерами понимаются уже не только государства, но и негосударственные структуры и даже частные лица и организации. То есть, речь здесь может идти не только о международных правительственных и неправительственных организациях, и транснациональных корпорациях, но и о военизированных иррегулярных формированиях, вроде различных «национальных фронтов», «армий освобождения», подпольных экстремистских организациях и частных военных компаниях. Все это органично вписывается в теорию сетецентричной войны и концепцию «мягкой силы».

При всех достоинствах методологии военного планирования США, она имеет один существенный недостаток. Эта методология в очень ограниченном объеме использует стратегическое прогнозирование. В рассмотренных документах не видно попыток описать какую-либо внятную картину будущего и проанализировать вероятные сценарии развития международной обстановки. А выводы о будущих угрозах для безопасности и интересов США делаются на основе анализа тех угроз, которые существуют в настоящий момент, или тех явлений, которые уже очевидны, но могут в перспективе развиться в угрозы.

¹⁷¹ Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. The US Department of Defense, January 2012.

Для компенсации этого недостатка в военное планирование США закладывается принцип стратегической неопределенности. В Директиве Министерства обороны, например, прямо заявляется, что поскольку невозможно «с абсолютной точностью предсказать, как будет развиваться стратегическая обстановка, мы будем сохранять широкий спектр военных возможностей, которые в совокупности позволят проявлять гибкость в реализации круга задач, описанных выше»¹⁷². Этим же объясняется и большое внимание, которое уделяется в военном планировании принципу «возвратности потенциала», сохранению индустриальной и технологической базы и мобилизационному резерву.

На базе имеющейся информации трудно сделать вывод о том, чем объясняется такой подход. Является ли он следствием убежденности в том, что построение достоверных прогнозов даже на среднесрочную перспективу не представляется возможным? Либо здесь проявляется ведомственный интерес Министерства обороны и других силовых структур США? Действительно, «стратегическая неопределенность» позволяет Пентагону поддерживать множество разнообразных военных программ и выбивать из Конгресса ассигнования на их осуществление. А при наличии большей определенности относительно будущего развития международной обстановки и в условиях бюджетных ограничений, многие программы могли бы быть полностью закрыты.

В любом случае, отказ от полноценного стратегического прогнозирования приводит к тому, что военно-политическое руководство США оказывается не в состоянии реалистично описать перспективы развития международной обстановки. Как следствие, в Стратегии национальной безопасности тенденции мирового развития трактуются невнятно и однобоко, уклоняясь от болезненных для США вопросов. В результате положение и роль США в мире рассматриваются преимущественно субъективно, то есть, так как его видят сами авторы данного документа. В целом эта роль изрядно преувеличивается и даже нескромно выпячивается.

Может даже показаться, что авторы документов упускают из виду диалектическую связь целей государства с его возможностями. Между тем, реалистичные внешнеполитические цели зависят от

¹⁷² Ibidem.

возможностей страны, также как и возможности страны определяют выдвижение только достижимых целей. В противном случае внешнюю политику страны ожидает стратегический крах.

Можно, конечно, предположить, что авторы документов допускают ошибки в оценке возможностей США. Однако, это представляется маловероятным, так как реалистичная оценка своей национальной мощи и потенциала других стран — методика давно отработанная, она используется в США уже в течение десятков лет. Следовательно, у США имеются и кадры, и средства, и технический аппарат для получения достоверных оценок в этой области.

Поэтому представляется, что авторы документов просто не желают касаться неудобных вопросов. Как следствие, в документах не учитывается изменение соотношения мировых экономических и политических сил и в целом тенденция к ослаблению глобальных позиций западной цивилизации, лидером которой выступают США. Соответственно и предложить что-либо для изменения этой тенденции США не могут, кроме как заявлять о своей возрастающей мощи. Эта мощь в абсолютном выражении, возможно, и возрастает, но относительно других центров силы с очевидностью падает. Все это делает американскую оценку динамики международной обстановки достаточно уязвимой.

Конечно, на практике авторы документов эту тенденцию, возможно, осознают, но считают нецелесообразным отражать в публичном документе по прагматическим соображениям. Необходимо понимать, что подобные документы содержат в себе значительный элемент пропаганды. Они направлены не только на то, чтобы разъяснить гражданам страны политику администрации США в области обороны, но и на то чтобы повлиять на их мировосприятие, привить им образ непобедимого, процветающего и справедливого государства, в котором почетно жить и которое стоит защищать. Пропаганда также направлена вовне — на то, чтобы запугать противников, вдохновить союзников и склонить на свою сторону колеблющихся. Если же публично признать уменьшение роли и влияния США в мире, то это сразу же негативно повлияет на собственные внешнеполитические позиции.

Подводя общий итог, можно констатировать, что в основе методологии военного планирования США лежит классическая теория «политического реализма», показавшая свою достаточно

высокую эффективность при анализе международных отношений. Эта теория оперирует двумя основными понятиями «национальная мощь» и «национальный интерес». При этом «национальная мощь» выступает в качестве главного инструмента реализации национальных интересов¹⁷³.

Географически военное планирование НАТО имеет глобальный охват и затрагивает весь мир. Естественно при этом, что некоторые регионы выделяются как более приоритетные в зависимости от того, какое значение они имеют для национальных интересов США.

Структурно военное планирование США осуществляется по достаточно традиционной схеме, многократно опробованной на практике. Сначала производится описание существующей международной обстановки и определяется роль США в данной конфигурации мировых сил. На этой основе обозначаются существующие и вероятные будущие угрозы американским интересам. Затем определяется набор сил и средств, для парирования этих угроз с учетом финансовых и военно-технических возможностей.

Военное планирование США исходит из того, что вооруженные силы являются лишь частью национальной мощи страны. Поэтому их применение обычно рассматривается в комбинации с другими внешнеполитическими инструментами, такими как дипломатия, экономическое воздействие (санкции, льготы), информационные операции и «мягкая сила». Данный подход является вполне логичным, так как позволяет оптимизировать использование каждого из инструментов, что ведет к экономии сил и средств, а также снижает риски при достижении поставленных целей.

Методология военного планирования США, отраженная в публичных документах, очень в малой степени опирается на стратегическое прогнозирование развития международной обстановки. В основе такого подхода могут лежать разные соображения, в том числе нежелание озвучивать невыгодные для США прогнозы. Вместо этого в военном планировании применяется принцип «стратегической неопределенности», позволяющий развивать военное строительство по самым разнообразным вариантам.

¹⁷³ Morgenthau, Hans J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*, Fifth Edition, Revised, New York: Alfred A. Knopf, 1978.

Анализ основополагающих документов правительства США в области обороны и национальной безопасности, которые имеют в публичном доступе, показывает, что многие содержащиеся там положения носят нереалистичный характер. Это касается, прежде всего, оценок роли и места США в мире, включая заявления об американском лидерстве, об универсальности американских ценностей, о непобедимости американской армии, о способности США отразить любые угрозы и нанести поражение любому противнику. В то же время другим странам и народам зачастую приписываются агрессивные намерения и выдуманные планы.

В связи с этим можно предположить, что указанные документы составлены таким образом, чтобы оказывать информационное воздействие на союзников и противников США, а также на собственных граждан. В то же время реальные документы военного планирования, которые скрыты от общественности, скорее всего, базируются на более реалистичных посылах. Поэтому они будут несколько отличаться от публичных документов в исходных данных, оценках, выводах и рекомендациях. Тем не менее, можно предположить, что методологический подход к военному планированию в обоих случаях совпадает.

3.3. Методология военного планирования НАТО

Концептуальной основой военного планирования НАТО является текст Североатлантического договора 1949 года, который устанавливает смысл и цели существования альянса. Там, в частности, говорится, что члены блока намерены «гарантировать сохранение свободы, общего наследия и цивилизации своих народов, основанных на принципах демократии, личной свободы и главенства права». Подчеркивается, также, что они будут содействовать «стабильности и процветанию Североатлантического региона», а также «полны решимости объединить свои усилия для коллективной обороны и сохранения мира и безопасности»¹⁷⁴.

¹⁷⁴ The North Atlantic Treaty. Washington D.C., 4 April 1949.

В этом имеется важное отличие от США, где концептуальная основа военного планирования достаточно размыта, состоит из множества документов, которые могут произвольно меняться, отражая видение той или иной администрации. Понятно, конечно, что такие изменения возможны только в рамках сложного внутриполитического процесса. Но, тем не менее, для внесения изменений в концептуальную основу военного планирования Вашингтону нет необходимости отменять ключевые правовые акты, в то время как НАТО пришлось бы вносить изменения в Североатлантический договор. Поэтому и военное планирование НАТО вынуждено оперировать в рамках того контекста и тех ограничений, которые накладывает этот документ.

Так, например, положения о «коллективной обороне» и «сохранении мира и безопасности», обеспечении «стабильности и процветания» в Североатлантическом регионе являются незыблемыми приоритетами при составлении любых военных планов. Это, конечно, не означает, что невозможна расширенная интерпретация этих положений, что как будет показано далее, реально осуществляется в последние годы. Тем не менее, любые попытки сместить приоритеты в военном планировании неминуемо вступают в противоречие с концептуальной основой и затрудняют свободу маневра для тех, кто хотел бы иметь возможность более гибкого и широкого использования потенциала НАТО в мировой политике.

Для конкретизации положений Североатлантического договора, их адаптации к существующей международной обстановке в НАТО периодически принимаются основополагающие документы длительного характера известные как «стратегические концепции НАТО». Последняя такая концепция была принята в 2010 году¹⁷⁵. Ее появлению предшествовала работа группы экспертов, которая была создана по указанию саммита НАТО в Страсбурге в апреле 2009 года. Эта группа, работавшая под руководством бывшего госсекретаря США М. Олбрайт, подготовила

¹⁷⁵ Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. 19–20 ноября 2010 года.

доклад, который и лег в основу новой Стратегической концепции альянса¹⁷⁶. Оба этих документа — сама концепция и доклад экспертов — позволяют сделать определенные выводы о методологии военного планирования НАТО.

Поскольку сама Стратегическая концепция — более концентрированный документ, то в нем отсутствуют некоторые положения, которые имеются в докладе, либо они даны очень кратко. В частности, в самом тексте концепции нет подробного анализа международной обстановки и роли НАТО в современной конфигурации мировых сил. И в этом состоит одно из отличий от соответствующих документов США. Однако в докладе группы экспертов общая оценка международной обстановки присутствует. Этому посвящена первая глава доклада, которая так и называется «Обстановка в области безопасности». Таким образом, можно говорить о структурной схожести процесса военного планирования НАТО и США.

В первой главе доклада рассматриваются глобальные и региональные тенденции развития международной обстановки. Авторы документа исходят из того, что основной тенденцией мирового развития будет оставаться процесс глобализации и роста взаимозависимости государств. Они, однако, рассматривают эту тенденцию как противоречивый процесс, который, помимо многих позитивных явлений, также является предпосылкой нарастания конфликтности международной системы. «Глобализация продемонстрировала тенденцию к усилению влияния одних и маргинализации других, — отмечается в документе. — И хотя она способствует устойчивому развитию общих экономических интересов между государствами, глобализация не является панацеей от международной подозрительности и соперничества»¹⁷⁷.

НАТО рассматривается как «краеугольный камень стабильности в Евроатлантическом регионе». Эта мысль сопровождается массой хвалебных заявлений в адрес альянса. Он провозглашается «наиболее успешным военно-политическим союзом в мире». В частности, отмечается, что НАТО «процветает как источник

¹⁷⁶ NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May 2010.

¹⁷⁷ Ibidem.

надежды», как «уникальное сообщество, основанное на ценностях и приверженное принципам свободы личности, демократии, прав человека и верховенства закона». А эти ценности и цели, в свою очередь, объявляются «универсальными и вечными»¹⁷⁸. В этом смысле основополагающие документы НАТО очень схожи с соответствующими документами США. Правда, есть и одно существенное отличие: на роль глобального лидера НАТО не претендует. Альянс продолжает рассматриваться как региональная организация, а это в свою очередь предопределяет и более ограниченные цели военного планирования НАТО.

В то же время, из общих рассуждений о глобализации делается вывод о том, что с точки зрения безопасности «события в одном районе мира с гораздо большей вероятностью, чем в прошлом, будут иметь последствия в других местах». И этот вывод, как можно предположить, сделан специально для того, чтобы обосновать, если не глобальную, то, по крайней мере, более широкую региональную роль НАТО, выходящую за пределы собственно Евро-Атлантики. Таким образом, можно говорить об определенном компромиссе, между глобалистским подходом Вашингтона и евроцентричным взглядом большинства европейских союзников США. В итоге, военное планирование НАТО на современном этапе приобретает расширенный региональный охват.

К потенциальным источникам нестабильности в самой Европе доклад относит Кавказ и Балканы. Отношения с Россией рассматриваются как противоречивые, содержащие как элементы сотрудничества, так и недопонимания и конфликтности. «Поскольку будущую политику России по отношению к НАТО сложно прогнозировать, альянс должен ставить своей целью сотрудничество, при этом подстраховывая себя от возможности, что Россия может решить двинуться в более враждебном направлении», — отмечается в документе¹⁷⁹. Далее рассматривается ситуация в Афганистане,

¹⁷⁸ Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. 19–20 ноября 2010 года.

¹⁷⁹ NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May 2010.

на Ближнем Востоке и в Азиатско-тихоокеанском регионе, Африке и Латинской Америке.

Оценка глобальных и региональных тенденций служит основой для выявления угроз безопасности НАТО. В этом смысле методология США и НАТО совпадает, хотя в оценке угроз имеются определенные отличия. Так, в докладе утверждается, что военная агрессия против членов НАТО «с использованием обычных вооружений» является маловероятной, однако «ее возможность не может игнорироваться». При этом «наиболее вероятные угрозы» будут иметь «неконвенциональный характер». К таковым авторы доклада относят:

- удары баллистическими ракетами (в ядерном или обычном оснащении);
- атаки террористических групп;
- кибератаки различной степени тяжести;
- перекрытие энергетических и морских коммуникаций.

Помимо этого доклад относит к угрозам неблагоприятные изменения климата и мировой финансовый кризис¹⁸⁰.

В самой Стратегической концепции угрозы НАТО сформулированы более развернуто. В разделе «Условия безопасности» этой теме посвящены пункты с 7-ого по 15-ый. Там также утверждается, что угроза нападения на альянс при помощи обычных вооружений мала, но ее нельзя игнорировать. А к основным угрозам документ относит:

- распространение баллистических ракет, ядерного оружия и других видов ОМП;
- международный терроризм;
- конфликты за пределами границ НАТО;
- кибератаки против инфраструктуры, транспорта и важных экономических объектов;
- перекрытие жизненно важных коммуникаций;
- ключевые экологические и ресурсные ограничения, включая риски для здоровья людей и изменение климата.

Особо следует отметить, что в качестве угрозы НАТО видит развитие передовых военных технологий в других странах.

¹⁸⁰ NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May 2010.

«...Ряд важных направлений технического развития — включая разработку лазерного оружия, методов радиоэлектронной борьбы и технологий, препятствующих выходу в космос — приведут к существенным глобальным последствиям и окажут влияние на военное планирование и операции НАТО», — подчеркивается в документе¹⁸¹.

После перечисления указанных угроз процесс военного планирования переходит к следующей стадии — обозначению общих целей, стоящих перед альянсом, и вытекающих из них задач вооруженных сил НАТО. В качестве первой общей цели Стратегическая концепция называет «защиту и оборону территории и населения» НАТО от нападения, включая сдерживание от такого нападения. Из этой общей цели вытекают конкретные задачи вооруженных сил альянса. В документе, в частности, указывается, что ВС НАТО должны:

- поддерживать адекватное сочетание ядерных и обычных сил;
- поддерживать способность обеспечивать параллельные крупные объединенные операции и несколько операций меньшего масштаба по коллективной обороне и кризисному реагированию, в том числе на стратегическом расстоянии;
- создавать и поддерживать мощные, мобильные и готовые к развертыванию обычные силы для выполнения наших обязательств по Статье 5, а также проведения экспедиционных операций, в том числе с помощью Сил реагирования НАТО;
- проводить необходимую подготовку, учения, планирование действий в чрезвычайных ситуациях и обмен информацией, чтобы обеспечить нашу защиту от всего спектра обычных и новых вызовов в сфере безопасности, а также предоставить соответствующие зримые гарантии и поддержку всем странам-членам НАТО;
- обеспечивать, возможно, более широкое участие стран-членов НАТО в планировании ядерных ролей в рамках коллективной обороны, в базировании ядерных сил в мирное время, а также в механизмах командования, управления и консультаций;

¹⁸¹ Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. 19–20 ноября 2010 года.

- создавать средства для защиты нашего населения и наших территорий от нападения с использованием баллистических ракет;
- совершенствовать способность НАТО защищаться от угрозы химического, биологического, радиологического и ядерного оружия массового уничтожения;
- совершенствовать нашу способность предотвращать и обнаруживать кибератаки, защищаться и ликвидировать ущерб от них, в частности, используя процесс планирования НАТО для укрепления и координации национальных средств киберзащиты, поместив все органы НАТО под централизованную киберзащиту и лучше интегрируя механизмы НАТО и государств-членов по осведомлению, предупреждению и реагированию на киберугрозы;
- совершенствовать возможности обнаружения и защиты от международного терроризма, в том числе путем расширенного анализа угроз, интенсификации консультаций с партнерами, а также развития соответствующих военных средств, включая помощь в обучении местных сил для самостоятельной борьбы с терроризмом;
- создавать возможности для поддержания энергетической безопасности, в том числе защиты ключевых элементов энергетической инфраструктуры, транзитных зон и линий, для сотрудничества с партнерами, а также консультаций среди стран-членов НАТО на основе стратегического анализа и планирования действий в чрезвычайных ситуациях;
- добиваться, чтобы Североатлантический союз находился на переднем крае в оценке воздействия новых технологий на безопасность и чтобы военное планирование учитывало потенциальные угрозы;
- поддерживать необходимый уровень оборонных расходов, чтобы наши вооруженные силы обладали достаточными ресурсами.¹⁸²

¹⁸² Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. 19–20 ноября 2010 года.

В рамках второй общей цели НАТО — «обеспечения безопасности путем кризисного регулирования» — Стратегическая концепция предусматривает необходимость «действовать там, где это возможно и необходимо, чтобы предотвращать кризисы, регулировать их, стабилизировать постконфликтные ситуации и поддерживать восстановление». С этой целью НАТО «будет осуществлять постоянный мониторинг и анализ международной обстановки с целью предвидеть кризисы». В случае если это не удалось, НАТО намерена вмешиваться в вооруженные конфликты, чтобы «регулировать происходящие боевые действия». А после их прекращения — способствовать «стабилизации и восстановлению», совместно «с другими соответствующими международными структурами».

Для эффективного осуществления мер кризисного регулирования НАТО намерено:

- расширять обмен разведывательной информацией внутри НАТО, чтобы лучше прогнозировать возникновение кризисов и оптимальные средства их предотвращения;
- совершенствовать доктрину и военный потенциал для экспедиционных операций, включая борьбу с мятежниками, операции по стабилизации и восстановлению;
- формировать адекватный, но скромный потенциал гражданского кризисного регулирования для более эффективного взаимодействия с гражданскими партнерами на основе опыта операций под руководством НАТО. Этот потенциал может быть также использован для планирования, осуществления и координации гражданских мероприятий до тех пор, когда условия позволят передать эти функции и задачи другим структурам;
- совершенствовать интегрированное военно-гражданское планирование по всему спектру кризисов;
- создавать потенциал для обучения и формирования местных сил в зонах кризиса с тем, чтобы местные власти были способны, возможно, скорее обеспечивать безопасность без международной помощи;
- выявлять и обучать гражданских специалистов из государств-членов, выделяемых странами НАТО для участия в быстром развертывании при определенных миссиях, которые были

- бы способны работать совместно с нашим военным персоналом и гражданскими специалистами из стран-партнеров и сотрудничающих учреждений;
- расширять и интенсифицировать политические консультации среди стран-членов НАТО, а также с партнерами, как на регулярной основе, так и при действиях на всех этапах кризиса — в преддверии и в ходе кризиса, а также после его окончания.

Наконец, в рамках третьей общей цели — «содействия международной безопасности на основе сотрудничества» — НАТО сосредотачивает внимание в трех областях — продвижение процесса контроля над вооружениями и разоружением; продолжение политики «открытых дверей», предусматривающей возможность присоединения к НАТО «для всех европейских демократий, которые разделяют ценности Североатлантического союза»; и создание «широкой сети партнерских отношений со странами и организациями по всему миру».

Ценность разоружения и контроля над вооружениями объясняется тем, что это позволяет НАТО «обеспечить свою безопасность на минимально возможном уровне сил». В документе указывается, что после окончания «холодной войны» НАТО «резко сократило количество ядерных боеприпасов, размещенных в Европе, и опору на ядерное оружие в стратегии НАТО». Альянс намерен «добиваться создания условий для дальнейших сокращений в будущем»¹⁸³.

При этом «любые дальнейшие шаги должны учитывать неравенство с имеющимися у России более значительными запасами ядерного оружия малой дальности». Видимо понимая, что такое неравенство связано с подавляющим превосходством НАТО в обычных силах, в документе провозглашается приверженность «контролю над обычными вооружениями, который обеспечивает предсказуемость, прозрачность, и является средством удержания вооружений на минимально возможном уровне для стабильнос-

¹⁸³ Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. 19–20 ноября 2010 года.

ти». Помимо этого, НАТО подтверждает свой курс на содействие международным усилиям по борьбе с распространением ОМП при помощи «использования наших политических средств и военного потенциала»¹⁸⁴.

В то же время в документе провозглашается необходимость соблюдения принципа «ненанесения ущерба безопасности для всех стран-членов НАТО». И этот принцип фактически выхолащивает всю суть провозглашенного курса, так как позволяет любому члену альянса, и прежде всего, США наращивать вооружения как ему вздумается.

Применение принципа «открытых дверей» обосновывается тем, что расширение НАТО «существенно способствовало укреплению безопасности стран-членов» НАТО, а «перспективы дальнейшего расширения и дух безопасности, основанной на сотрудничестве, способствовали более широкому прогрессу стабильности в Европе». Те же соображения лежат и в основе концепции «партнерства». В документе отмечается, что «диалог и сотрудничество с партнерами могут внести конкретный вклад в укрепление международной безопасности, защиту ценностей, на которых зиждется Североатлантический союз, в операции НАТО и в подготовку заинтересованных государств к членству в НАТО»¹⁸⁵. Однако в отличие от членства партнерство предполагает более широкий региональный охват. Партнерами могут быть государства, находящиеся далеко за пределами Евроатлантического региона. К тому же, к партнерам могут относиться не только государства, но и международные организации, например, ООН и Евросоюз.

Примечательно в этой связи, что на практике политика расширения НАТО на восток, явившаяся следствием концепции «открытых дверей» и «партнерства», не только не привела к повышению безопасности НАТО, но наоборот вызвала серьезный конфликт с Россией. Развитие этого конфликта сначала в Грузии, а затем на Украине привело к нарастанию военно-политического

¹⁸⁴ Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. 19–20 ноября 2010 года.

¹⁸⁵ Там же.

кризиса в Европе. Не менее серьезные ошибки были допущены НАТО на Ближнем Востоке. Реализация политики обеспечения безопасности путем кризисного регулирования в отношении Ливии и Сирии вызвала коллапс ливийской государственности и кровопролитную гражданскую войну в Сирии. Это не только не повысило безопасность Европы, но привело к наплыву туда мигрантов из Африки и просачиванию многочисленных террористических групп.

Эти провалы в политике НАТО во многом объясняются тем, что в военном планировании альянса отсутствует опора на полноценное стратегическое прогнозирование. Этот недостаток является общим для военного планирования, как НАТО, так и США. Ни в Стратегической концепции, ни в соответствующем докладе экспертов, ни в других основополагающих документах НАТО не видно попыток описать какую-либо внятную картину будущего и проанализировать вероятные сценарии развития международной обстановки. Вместо этого, НАТО также как и США, строит военное планирование на основе анализа тех угроз, которые существуют или просматриваются в настоящий момент.

Одновременно, в методологию военного планирования изначально закладывается принцип стратегической неопределенности. Так, в докладе экспертов о Стратегической концепции альянса прямо заявляется, «что трудно предложить детальные прогнозы на предстоящие десять лет». А в нынешней обстановке «неопределенность» развития международной обстановки еще более возросла. Поэтому «между сегодняшним днем и 2020 годом международная обстановка будет изменяться как предсказуемым, так и непредсказуемым образом»¹⁸⁶. Понятно, что такие уклончивые формулировки позволяют закладывать в военное планирование все, что угодно, включая совершенно ненужные и необоснованные вещи, а с другой стороны, совершать стратегические просчеты.

В отдельных случаях эти недостатки методологии привели НАТО к ошибочным и даже опасным решениям. Так, ограничив-

¹⁸⁶ NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May 2010.

шись декларативными заявлениями, НАТО не смогло реалистично оценить вероятные сценарии развития международной обстановки, вызванные своей экспансией на восток. Тот факт, что такое расширение будет воспринято Россией как угроза, и она начнет оказывать возрастающее сопротивление этому процессу, был проигнорирован натовскими политиками. Если же этот факт принимался во внимание, но, тем не менее, курс на расширение продолжался, то это означает, что натовские стратеги неправильно оценили соотношение сил, складывающееся в регионе и возможности России по противостоянию экспансии НАТО. В итоге, на Украине началась гражданская война, имеющая потенциал перерастания в крупный военный конфликт.

В целом методология военного планирования НАТО близка к американской и даже в значительной степени заимствована у США. Это представляется достаточно закономерным, поскольку США являются самым крупным и мощным членом альянса. В то же время в этой методологии имеются существенные особенности. Прежде всего, это касается концептуальной основы военного планирования НАТО, которая устанавливается положениями Североатлантического договора.

Теоретическая основа военного планирования НАТО несколько отличается от американской. Если в основе военного планирования США лежит чистый «политический реализм», то натовская методология представляет собой определенный компромисс между «политическим реализмом» и либеральным подходом к международным отношениям. В натовской концепции гораздо больший упор делается на кризисное регулирование и вовлечение других государств в обеспечение безопасности. В то же время, как показывает практика, вовлеченность НАТО в различные кризисы и расширение сферы партнерства далеко не всегда ведет к укреплению безопасности альянса, а порой дает и прямо противоположный результат.

Географически военное планирование НАТО имеет расширенный региональный охват. Помимо собственно Евроатлантического региона, который обозначен как сфера ответственности НАТО, военное планирование рассматривает возможность применения вооруженных сил в регионах, граничащих с НАТО или являющихся, по мнению руководства НАТО, критически важными для его

безопасности. В этом военное планирование НАТО отличается от американского, имеющего глобальный охват.

Структурно военное планирование НАТО, также как и США, осуществляется по достаточно традиционной схеме, многократно опробованной на практике. Сначала производится описание существующей международной обстановки и определяется роль НАТО в данной конфигурации мировых сил. На этой основе обозначаются существующие и вероятные будущие угрозы интересам альянса. Затем определяются общие цели альянса и вытекающие из них задачи вооруженных сил.

В то же время структура и композиция сил и средств альянса в его документах не планируются, поскольку, как можно предположить, эта задача делегируется военно-политическому руководству отдельных стран, которые должны выделять соответствующие контингенты под выполнение указанных задач. Это же касается и оборонных расходов, которые являются прерогативой национальных правительств государств-членов НАТО.

Методология военного планирования НАТО, отраженная в публичных документах, очень в малой степени опирается на стратегическое прогнозирование развития международной обстановки. НАТО также как и США, строит военное планирование на основе анализа тех угроз, которые существуют или просматриваются в настоящий момент. Для компенсации этого недостатка в военное планирование НАТО закладывается принцип «стратегической неопределенности», позволяющий развивать военное строительство по самым разнообразным вариантам.

Анализ документов НАТО в области военного планирования, которые имеются в публичном доступе, показывает, что там также как и в соответствующих документах США, очень значительно представлены элементы пропаганды. Это касается, заявлений об уникальности НАТО, его непревзойденной успешности, его роли как оплота мировой демократии и прав человека и «источник надежды» для других государств и народов мира. Понятно, что все эти заявления являются либо сильным преувеличением, либо просто не соответствует действительности. Тем не менее, использование таких приемов, видимо, рассматривается руководством НАТО как важный инструмент психологического воздействия, как на общественность членов альянса, так и на другие государства мира.

3.4. Методология планирования в области безопасности и обороны Европейского Союза

Военное планирование Европейского Союза находится пока в зачаточном состоянии. Это связано с тем, что военная политика в рамках ЕС стала проводиться сравнительно недавно. Следует также учитывать, что собственные вооруженные силы у Евросоюза отсутствуют и при выполнении военных задач он вынужден опираться на соответствующие ресурсы своих государств-членов. Тем не менее, с 2003 года ЕС осуществил около 30 военных и гражданских миссий по урегулированию конфликтов на трех континентах. А с 2007 года наработал потенциал для осуществления быстрого развертывания одновременно двух батальонных групп, численностью по 1500 военнослужащих каждая¹⁸⁷. Поэтому уже сейчас можно сделать определенные выводы относительно методологии, используемой в военном планировании Евросоюза.

Концептуальной основой военного планирования ЕС является Договор о Европейском союзе, что вполне закономерно для межгосударственного объединения. В этом плане прослеживается явная аналогия с НАТО, где основу военного планирования составляет Североатлантический договор. А это порождает в Евросоюзе те же самые проблемы и ограничения, которые существуют в военном планировании НАТО. Правда — с той существенной разницей, что в Евросоюзе отсутствует одна доминирующая держава, которая может навязывать свою волю большинству участников альянса. Соответственно и военное планирование ЕС осуществляется еще в большей степени в рамках существующего договорного контекста.

Этим контекстом являются, прежде всего, статьи 42–46 Договора о Европейском союзе, которые устанавливают принципы и цели общей политики в области безопасности и обороны. В статье 42(1), в частности, говорится, что оборонная политика ЕС является «интегральной частью общей внешней политики и политики в области безопасности». Здесь можно отметить совпадение методологических подходов с США, где военное планирование

¹⁸⁷ <http://www.eeas.europa.eu/csdp/>

представляет собой одну из областей планирования в области национальной безопасности.

Далее в договоре отмечается, что «гражданские и военные средства» могут использоваться «в миссиях за пределами Союза в миротворческих целях, для предотвращения конфликтов и укрепления международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН». В статье 43(1) поясняется, что данные цели включают «совместные операции по разоружению, гуманитарные и спасательные задачи, военное консультирование и помощь, предотвращение конфликтов и миротворческие задачи, военные операции по урегулированию кризисов, в том числе принуждение к миру и постконфликтную стабилизацию». Отмечается также, что все эти задачи «могут способствовать борьбе с терроризмом, включая поддержку третьих стран в их борьбе с терроризмом на своей территории»¹⁸⁸.

Тем самым в договоре устанавливаются достаточно четкие критерии и ограничения по проведению военных операций, что, естественно, отражается на характере военного планирования ЕС. Причем, осуществление указанных задач происходит за счет привлечения сил и средств отдельных членов Евросоюза. А это подразумевает необходимость постоянных согласований органов военного планирования ЕС с военными ведомствами и другими соответствующими структурами отдельных стран-участников.

Для решения целого ряда совместных оборонных задач статья 42(3) договора учреждает Европейское оборонное агентство (ЕОА). Согласно положениям данной статьи, ЕОА отвечает за «определение операционных требований» в области обороны и «осуществление мер по удовлетворению этих требований», а также за содействие «укреплению промышленной и технологической базы оборонного сектора». Оно также участвует в формулировании политики Евросоюза в области обороны и вооружений, а также оказывает помощь руководству ЕС в оценке «улучшения военных возможностей»¹⁸⁹. Таким образом, можно сделать вывод, что зна-

¹⁸⁸ Consolidated Versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010.

¹⁸⁹ Ibidem.

чительная часть работ по военному планированию в рамках ЕС делегирована ЕОА.

Этот вывод также подкрепляется положениями статьи 45(1), где задачи ЕОА раскрываются более подробно. Они заключаются в том, чтобы:

- a. содействовать государствам-членам в определении задач по развитию военного потенциала и оценивать соблюдение ими своих обязательств в этой области;
- b. способствовать гармонизации операционных потребностей и применению эффективных и совместимых методов закупки вооружений;
- c. предлагать многосторонние проекты по достижению целей в области военного потенциала, обеспечивать координацию программ, осуществляемых государствами-членами и управление отдельными кооперационными программами;
- d. поддерживать исследования в области военных технологий, координировать и планировать совместную исследовательскую работу и изучение технических решений, которые отвечают будущим операционным потребностям;
- e. содействовать выявлению и, если необходимо, применению любых полезных мер для укрепления промышленно-технологической базы оборонного сектора и повышения эффективности военных расходов¹⁹⁰.

Таким образом, в отличие от НАТО, где органы управления, в том числе в сфере военного планирования, создавались в рабочем порядке, в ЕС некоторые элементы структуры и ответственность в области оборонной политики прописаны в самом тексте базового договора. Это, однако, не означает, что договор охватил все сферы этой деятельности. Некоторые органы ЕС, занимающиеся военным планированием, были созданы также в рабочем порядке. В частности, решением Совета Евросоюза в январе 2001 года был учрежден Военный комитет ЕС в составе министров обороны стран-членов. В подчинении Военного комитета находится Военный штаб Евросоюза.

Согласно решению Европейского Совета, Военный комитет является «форумом для военных консультаций и сотрудничества

¹⁹⁰ Ibidem.

между ЕС и государствами-членами в области предотвращения конфликтов и управления кризисами». Основной задачей комитета является предоставление информации и рекомендаций высшим органам ЕС по военным вопросам и руководство военной активностью в рамках Евросоюза. Практически все функции Военного комитета, так или иначе, связаны с военным планированием. Они, в частности, включают:

- разработку общей концепции кризисного регулирования в его военных аспектах;
- военные аспекты, относящиеся к политическому контролю и стратегическому руководству операциями и ситуациями по урегулированию кризисов;
- оценку рисков потенциальных кризисов;
- военное измерение кризисных ситуаций и их последствий;
- рассмотрение, оценка и переоценка военных возможностей в соответствии с согласованными процедурами;
- поддержание отношений ЕС с европейскими членами НАТО, не являющимися членами ЕС, кандидатами на вступление в ЕС, другими государствами и другими организациями, включая НАТО;
- оценку финансовых затрат на проведение операций и учений;
- в кризисных ситуациях — постановку Военному штабу задач по разработке стратегических и оперативных планов и после соответствующей оценки передачу их на рассмотрение высших органов ЕС, а также осуществление контроля за исполнением одобренных планов¹⁹¹.

Помимо самого Договора о Европейском союзе, концептуальную основу военного планирования ЕС составляют политические установки, которые характеризуют состояние международной обстановки и положение Евросоюза в системе международных отношений с учетом его интересов, целей и ценностей. Утверждение этих установок находится в компетенции Европейского Совета, который, согласно статье 26 Договора о Европейском союзе, «определяет стратегические интересы Союза, устанавли-

¹⁹¹ Council Decision of 22 January 2001 setting up the Military Committee of the European Union (2001/79/CFSP). Official Journal of the European Communities, L 27/4 EN, 30.1.2001.

вает цели и вырабатывает общие направления единой внешней политики и политики в области безопасности, включая оборонные вопросы»¹⁹².

Также как в США и НАТО, указанные установки содержатся в различных официальных документах, которые условно можно разделить на две группы. К первой группе относятся основополагающие документы долговременного характера, ко второй — оперативные документы, отражающие изменяющийся характер международной обстановки. К основополагающим документам можно отнести «Европейскую стратегию безопасности» (ЕСБ), принятую в 2003 году, а также Отчет о внедрении Европейской стратегии безопасности «Обеспечение безопасности в изменяющемся мире», подготовленный в 2008 году.

Структурно эти документы построены по достаточно традиционному принципу. Вначале дается краткое описание положения Евросоюза в современном мире. Затем говорится о существующих угрозах безопасности ЕС, а потом определяются стратегические цели политики в области безопасности. Собственно, задачи военного планирования в этих документах не затрагиваются. Они дают лишь общие ориентиры для построения политики в области обороны, отвечающей заявленным целям.

Так, в ЕСБ прямо говорится, что «никогда раньше Европа не была столь процветающей, безопасной и свободной, как в наши дни». Особо подчеркивается, что «крупномасштабная агрессия против какого-либо из государств-членов ЕС сегодня невероятна». В то же время по аналогии со стратегической концепцией НАТО, отмечается противоречивость процесса глобализации. «Потоки товаров и инвестиций, развитие технологий и распространение демократии принесли многим людям свободу и процветание. Другие же усматривают в глобализации источник горьких разочарований и несправедливости. Следствием этих процессов стало и расширение поля деятельности в международных делах для неправительственных групп. А также усиление зависимости, а отсюда и уязвимости, Европы от тесно взаимоувязанных инфраструктур

¹⁹² Consolidated Versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010.

транспорта, энергетики, информационного и иных полей», — отмечается в документе¹⁹³.

В этой связи акцентируется внимание на том, что сейчас Европа сталкивается с новыми угрозами, «носящими более диверсифицированный, менее явный и менее предсказуемый характер»¹⁹⁴. Характеристику этих угроз целесообразно взять из отчета о внедрении ЕСБ, так как это более современный документ по сравнению с самой ЕСБ. В отчете эти угрозы делятся, хотя и неформально, на две группы — функциональные, без конкретной географической привязки, и региональные. Таким образом, просматривается аналогия с методологией принятой в США и НАТО.

- К функциональным отнесены следующие угрозы:
- Распространение оружия массового поражения
- Терроризм и организованная преступность
- Пиратство
- Безопасность в кибернетическом пространстве
- Энергобезопасность
- Изменение климата¹⁹⁵.

В региональном плане Евросоюз уделяет особое внимание непосредственному географическому окружению. «Наша задача заключается в содействии тому, чтобы к востоку от Европейского Союза и вдоль его границ в Средиземноморье существовало кольцо хорошо управляемых стран, с которыми мы могли бы поддерживать отношения тесного сотрудничества», — подчеркивается в ЕСБ¹⁹⁶. При этом на первое место ставится ситуация на Балканах, в частности, в Косово, где задействована EULEX, крупнейшая на настоящий момент гражданская миссия в рамках европейской политики безопасности и обороны.

Затем следуют конфликты на постсоветском пространстве. По этому поводу в отчете говорится: «Новое беспокойство было вызвано так называемыми «замороженными конфликтами»

¹⁹³ Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше. Европейская стратегия безопасности. Брюссель, 2003.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Обеспечение безопасности в изменяющемся мире. Отчет о внедрении Европейской стратегии безопасности. Документ S407/08, 2008. С. 6.

¹⁹⁶ Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше. Европейская стратегия безопасности. Брюссель, 2003. С. 9.

в соседствующей с нами восточной области. Ситуация в Грузии, затрагивающая Абхазию и Северную Осетию, обострилась, приведя к вооруженному конфликту между Россией и Грузией в августе 2008 года. ЕС отреагировал на международном уровне, выступив в качестве посредника между сторонами, оказав гуманитарную помощь, проведя гражданскую миссию наблюдения и оказав существенную финансовую поддержку. Наше участие продолжится, т. к. ЕС продолжит ведение Женевского процесса. Разрешение конфликта в Приднестровье стало более возможным, благодаря активному участию ЕС в переговорах формата 5+2, а также деятельности Миссии ЕС по приграничной помощи»¹⁹⁷.

Далее рассматриваются конфликты в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, в частности, арабо-израильский конфликт, ситуация в Ливане и Ираке. Значительное место уделяется иранской ядерной программе, которая рассматривается как угроза Евросоюзу. «Иранская ядерная программа является предметом череды постановлений Совета Безопасности ООН и МАГАТЭ. Развитие военного ядерного потенциала — неприемлемая угроза безопасности ЕС», — отмечается в отчете¹⁹⁸.

В итоге получается, что сфера географического охвата военного планирования ЕС выходит за пределы собственно европейского континента. Ведь Ирак и Иран вряд ли можно рассматривать как соседей Евросоюза даже с большой натяжкой. Однако чтобы устранить имеющиеся сомнения в отчете заявляется, что «безопасность Европы зависит не только от ее непосредственных соседей»¹⁹⁹. В самой же ЕСБ по этому поводу говорится, что «в век глобализации отдаленные угрозы могут служить точно таким же основанием для беспокойства, как и ближайшие. Ядерная активность в Северной Корее, ядерные риски в Южной Азии, опасность их распространения на Ближнем Востоке — серьезные основания для озабоченности в Европе»²⁰⁰. Поэтому ЕС объявляет вполне

¹⁹⁷ Обеспечение безопасности в изменяющемся мире. Отчет о внедрении Европейской стратегии безопасности. Документ S407/08, 2008. С. 6.

¹⁹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше. Европейская стратегия безопасности. Брюссель, 2003.

легитимным свое участие в операции в Афганистане, а также в соответствующих миссиях в Сомали, Гвинее-Биссау и Конго.

Таким образом, видно, что в своем военном планировании Евросоюз выходит далеко за пределы собственной географической зоны и рассматривает в качестве угроз даже отдаленные регионы. В этом смысле географический охват военного планирования ЕС соразмерен охвату НАТО или даже превосходит его. То есть в отношении методологии военного планирования ЕС справедливо говорить, если не о глобальном, то, по крайней мере, о расширенном региональном подходе.

Из отчета также следует, что политика ЕС по обеспечению безопасности основывается на использовании преимущественно невоенных инструментов и механизмов. «Каждая ситуация требует последовательного задействования наших инструментов, в том числе политических и дипломатических, инструментов развития, гуманитарных инструментов и инструментов реагирования в кризисных ситуациях, экономического и торгового сотрудничества, управления гражданскими и военными кризисными ситуациями», — отмечается в документе²⁰¹.

При этом главная задача политики ЕС на этом направлении состоит в том, чтобы «заблаговременно предотвратить перетекание угрозы в источник конфликта». «Укрепление мира и стабильное снижение уровня бедности играют в этом подходе существенную роль», — подчеркивается в документе²⁰². Примечательно в этой связи, что в отчете указывается на существенные недостатки стратегического прогнозирования Евросоюза. «Мы усилили системы предотвращения конфликтов и урегулирования кризисных ситуаций, но все еще испытываем необходимость в усовершенствовании аналитики и способности предвидеть опасность», — отмечается в документе²⁰³. Эта оценка в дальнейшем подтвердилась. Евросоюз оказался не способным спрогнозировать кризис даже в такой важной стране как Украина. Более того, сам же его и спровоцировал своими неграмотными внешнеполитическими шагами.

²⁰¹ Обеспечение безопасности в изменяющемся мире. Отчет о внедрении Европейской стратегии безопасности. Документ S407/08, 2008. С. 9.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же. С. 6.

Касательно военных миссий в отчете говорится о необходимости «принимать меры по укреплению потенциала», а также развивать «взаимное сотрудничество и соглашения о разделении ответственности». «Опыт показал, что необходимы дальнейшие усилия, в особенности направленные на ключевые возможности, такие как стратегические воздушные перевозки, вертолеты, космические силы и наблюдение за морским пространством, — отмечается в документе. — Эти меры должны сопровождаться конкурентоспособной и активной оборонной индустрией по всей Европе, причем необходимо больше инвестировать в исследования и развитие»²⁰⁴.

Также предусматривается повышение эффективности командных структур и функциональных возможностей центральных органов управления. «Наша способность совмещать гражданский и военный опыт от разработки концепции миссии до стадий планирования и внедрения должна совершенствоваться», — указывается в отчете. В частности, речь идет о «правильном размещении» соответствующих административных структур и разработке механизмов для финансирования военной деятельности. Помимо этого предполагается улучшать систему обучения военных специалистов²⁰⁵.

Более подробно вопросы военного строительства Евросоюза рассматриваются в других документах. Этому, в частности, было посвящено решение Совета Евросоюза о развитии военного потенциала, принятое в декабре 2010 года. Целью данного решения было «обеспечить возможности, необходимые для проведения общей политики безопасности и обороны ЕС», достичь «национальных нормативов» развития оборонного потенциала, а также предотвратить «ненужное дублирование между странами-членами»²⁰⁶.

Документ концентрировался на рекомендациях в области расширения сотрудничества в военной области, координации действий по строительству национальных вооруженных сил, создания

²⁰⁴ Обеспечение безопасности в изменяющемся мире. Отчет о внедрении Европейской стратегии безопасности. Документ S407/08, 2008. С. 10

²⁰⁵ Там же. С. 9

²⁰⁶ Council of the European Union. Council conclusions on Military Capability Development. 3055th Foreign Affairs (Defence) Council meeting. Brussels, 9 December 2010.

контингентов, средств и ресурсов для общего использования, укрепления оперативной совместимости войск, экономической эффективности использования военных контингентов, развития взаимодействия между военными и гражданскими структурами в выполнении общих задач, а также взаимодействию с НАТО в развитии военного потенциала на основе принципов «вовлечения и автономности при принятии решений»²⁰⁷.

Таким образом, решения Европейского Совета были посвящены в основном управленческим, административным и организационным вопросам в военной области. Более конкретные вопросы, затрагивающие, в частности, военно-технические и военно-промышленные аспекты оборонной политики, а также направления военного строительства были делегированы Европейскому оборонному агентству. Ему, в частности, поручалось интенсифицировать работу по определению направлений совместного использования военных возможностей и разделению расходов, связанных с выполнением военных задач²⁰⁸.

Само ЕОА, как уже отмечалось, было учреждено Договором о Европейском союзе. Однако в тексте договора функции агентства были установлены лишь в общем виде. Более подробно роль и ответственность ЕОА были определены решением Европейского Совета от 12 июля 2004 года. Согласно этому решению, главной миссией агентства является «содействие Европейскому Совету и государствам-членам в их усилиях по улучшению оборонного потенциала ЕС в области кризисного регулирования и поддержка общей политики в области безопасности и обороны в настоящее время и в будущем». В частности, работа ЕАО сосредотачивается на следующих основных направлениях:

1. Развитие оборонного потенциала в области кризисного регулирования, включая:
 - 1.1. Определение будущих качественных и количественных требований к оборонному потенциалу ЕС (включая личный состав и технику)

²⁰⁷ Council of the European Union. Council conclusions on Military Capability Development. 3055th Foreign Affairs (Defence) Council meeting. Brussels, 9 December 2010.

²⁰⁸ Ibidem.

- 1.2. Координация выполнения плана ЕС по развитию потенциала (ПРП), принятого в 2001 году²⁰⁹, и любого последующего плана
- 1.3. Изучение, анализ и оценка обязательств стран-членов в рамках ПРП и общих мер в области обороны
- 1.4. Содействие и координация шагов по гармонизации военных стандартов
- 1.5. Выявление и предложение мер по сотрудничеству в оперативной области
- 1.6. Оценка финансовых приоритетов в области развития потенциала и приобретения военной техники
2. Содействие европейскому сотрудничеству в области вооружений и расширение этого сотрудничества, в том числе:
 - 2.1. Поддержка и разработка новых многосторонних проектов сотрудничества в области оборонного потенциала
 - 2.2. Координация существующих программ, реализуемых странами-членами
 - 2.3. Принятие на себя по требованию государств-членов ответственности за управление отдельными программами
 - 2.4. Содействие рациональному и эффективному приобретению вооружений путем установления и распространения наилучшей практики
3. Укрепление европейской военно-промышленной и военно-технологической базы и создание европейского рынка оборонной продукции, конкурентоспособного на международной арене, включая:
 - 3.1. Разработку соответствующей политики и стратегии, консультируясь при необходимости с Еврокомиссией и промышленностью
 - 3.2. Осуществление разработки и гармонизации соответствующих норм и правил, общих для всего ЕС
4. Повышение эффективности европейских оборонных исследований и технологий путем:
 - 4.1. Содействия исследованиям, отвечающих будущим требо-

²⁰⁹ See: Statement on Improving European Military Capabilities. 13802/01 (Presse 414-G). Excerpt. 2386th Council meeting. General Affairs. Brussels, 19–20 November 2001.

- ваниям к потенциалу в области обороны и безопасности и таким образом, повышающим европейский промышленный и технологический потенциал в этой сфере
- 4.2. Содействия более эффективно сфокусированным совместным оборонным исследованиям и разработкам
 - 4.3. Координации и планирования совместной исследовательской деятельности
 - 4.4. Ускорения оборонных исследований и разработок через научные проекты
 - 4.5. Управления контрактами в области оборонных исследований и технологий
 - 4.6. Совместной работы с Еврокомиссией для максимизации взаимодополняемости и совместимости между оборонными и гражданскими исследовательскими программами, относящимися к сфере безопасности²¹⁰.

Важным моментом является то, что при осуществлении этих функций ЕОА действует «под политическим контролем» и на основе «регулярных инструкций» поступающих от Европейского Совета. Таким образом, при осуществлении планирования в области военного строительства, агентство должно опираться на те оценки международной обстановки и существующих угроз, которые выработаны высшим органом ЕС. С другой стороны, и само ЕАО в состоянии влиять на решения Европейского Совета, так как, согласно своему статусу, должно предоставлять ему регулярные доклады, в которых могут содержаться соответствующие рекомендации²¹¹.

В этом контексте представляют интерес документы, выработанные самим ЕОА. Так, важнейшей задачей агентства является подготовка Плана развития потенциала (ПРП), который призван «ответить на будущие угрозы в области безопасности и обороны в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе». План прогнозирует развитие «сценариев в области безопасности» и предоставляет рекомендации о том, какими возможностями

²¹⁰ Council Joint Action 2004/551/CFSP of 12 July 2004 on the Establishment of the European Defence Agency. Official Journal of the European Union. EN. 17.7.2004. L 245/17–28.

²¹¹ Ibidem.

должны обладать вооруженные силы стран Евросоюза, чтобы иметь возможность реагировать на различное развитие событий. Причем, составление плана не является одноразовым действием. Напротив, это текущий процесс, который осуществляется с 2008 года. План постоянно обновляется и совершенствуется. Последняя версия плана была одобрена министрами обороны стран ЕС в 2014 году²¹².

Само ЕОА рассматривает ПРП как «всеобъемлющий метод планирования, создающий видение европейского военного потенциала в будущем». План составляется на базе различных источников. Прежде всего, это решения Европейского Совета по развитию оборонного потенциала ЕС. Используются также исследования по долгосрочным тенденциям мирового развития, опыт проведения военных операций и информация по текущим оборонным планам и программам. Подразумевается, что ПРП может применяться органами военного планирования государств-членов ЕС для выявления приоритетов и возможностей сотрудничества в военной области²¹³.

В краткосрочной перспективе ПРП дает оценку имеющимся возможностям, предоставляемым государствами-членами. Там в частности, отражаются существующие «общие недоработки и риски» с точки зрения осуществления требований, обозначенных в решениях Европейского Совета по развитию потенциала. В этом разделе ПРП также рассматривает опыт проведенных операций по использованию вооруженных сил ЕС и делает выводы на будущее.

При анализе среднесрочной перспективы ПРП опирается на те программы развития различных военных возможностей, которые существуют у государств-членов ЕС. Источником для этого выступает Совместная база данных, а также национальные планы развития вооруженных сил стран-членов. Помимо этого производятся отдельные исследования, заказываемые в рабочем порядке для изучения возможностей в той или иной военной области.

При рассмотрении долгосрочных перспектив ПРП исходит из анализа тенденций мирового развития. На этой основе делается оценка требований будущим военным возможностям. Помимо

²¹² Capability Development Plan. Fact Sheet. European Defense Agency. 7 May 2015.

²¹³ Ibidem.

этого производится оценка недостатков и возможностей научно-исследовательских работ, ведущихся в оборонной промышленности ЕС. Затем на основе выявленных тенденций, информации, полученной от стран-членов и от Военного штаба ЕС, оценке имеющихся недостатков потенциала и возможностей по объединению ресурсов и разделению бремени, государства-члены выбирают сферу приоритетных действий по развитию военного потенциала. Эти действия могут осуществляться как в рамках ЕОА, так и за его пределами²¹⁴.

В настоящее время в ПРП выделены пять областей приоритетных действий.

1. Достижение информационного превосходства
 - i. Кибербезопасность
 - ii. Спутниковая связь
 - iii. Улучшенная система информации и связи на поле боя
 - iv. Использование беспилотников для наблюдения
2. Защита личного состава на поле боя
 - i. Усиление противоминной защиты личного состава
 - ii. Усиление защиты личного состава от факторов воздействия ОМП
 - iii. Противовоздушная и противоракетная оборона на театре военных действий
3. Проведение экспедиционных операций
 - i. Использование авиации между театрами военных действий
 - ii. Боевые возможности на театре военных действий
 - iii. Расширенная логистическая поддержка для развернутых сил
 - iv. Медицинская помощь при операциях
4. Защита морских коммуникаций
 - i. Морское патрулирование и эскортирование
 - ii. Системы наблюдения ВМС
5. Вопросы, затрагивающие различные области
 - i. Энергетика и защита окружающей среды
 - ii. Исследования в рамках проекта SESAR (Единая система управления воздушным движением)

²¹⁴ Capability Development Plan. Fact Sheet. European Defense Agency. 7 May 2015.

- iii. Моделирование и экспериментирование
- iv. Космические информационные системы

При этом отмечается, что по сравнению с 2011 годом, нынешний ПРП делает более сильный упор на высокотехнологические средства войны, а также, более сильный военно-морской компонент²¹⁵.

Более развернутый взгляд на военно-технические аспекты военного планирования Евросоюза дает документ ЕОА «Будущий потенциал. Зарождающиеся тенденции и ключевые приоритеты», изданный в 2014 году. По существу, данный документ раскрывает некоторые исходные данные, на которых базируется ПРП Евросоюза. Документ начинается с анализа угроз безопасности ЕС. При этом сразу же отмечается, что «изменения последних нескольких лет подчеркивают трудности в точном предсказании того, что может случиться даже в краткосрочной перспективе»²¹⁶. Следовательно, можно констатировать, что в военное планирование ЕС, также как и НАТО, заложен принцип стратегической неопределенности.

Опираясь на этот принцип, авторы документа исходят из того, что необходимо «принимать во внимание полный спектр возможностей, которые могут реализоваться до 2030 года, от, в целом мирной до агрессивной мировой среды, которая включает межгосударственные конфликты»²¹⁷. Таким образом, можно предположить, что военное планирование Евросоюза строится по сценарному принципу, где существуют несколько вариантов развития международной обстановки, начиная от позитивного, и кончая негативным. Причем за критерии позитива и негатива берется состояние международной среды, а не какие либо иные соображения, такие, как например, усиление собственного влияния, или «сохранение мирового лидерства», как в США.

Изменение характера угроз авторы документа видят, скорее всего, в украинском кризисе и соответствующих действиях России, хотя прямо об этом не говорится. Однако в документе отмечается,

²¹⁵ Capability Development Plan. Fact Sheet. European Defense Agency. 7 May 2015.

²¹⁶ Future capabilities. Emerging Trends and Key Priorities. European Defense Agency. Brussels, 2014.

²¹⁷ Ibidem.

что «отсутствие безопасности вокруг Европы..., снова поставило в повестку дня вопрос территориальной обороны». До этого основное внимание ЕС концентрировалось на урегулировании кризисов за рубежом, для чего требовались экспедиционные силы. Далее в документе подчеркивается, что «финансовая ситуация в государствах-членах не позволит развивать отдельные силы для обороны территории и для операций по урегулированию кризисов». Согласно документу, такие силы существенно различаются по структуре и вооружению, хотя по ряду параметров могут быть взаимозаменяемы. Поэтому необходимо создать такой военный потенциал, который позволил бы выполнять обе функции²¹⁸.

Затем в документе рассматривается то, какими военными возможностями должны обладать вооруженные силы Евросоюза к 2030 году. Подчеркивается, что развитие потенциала — это «долговременное предприятие», поэтому военное строительство должно идти таким образом, чтобы военные возможности ЕС могли быть готовы действовать «в различных ситуациях, некоторые из которых могут не быть предсказаны», а вооруженные силы стран Евросоюза — «реагировать на широкий спектр возможных сценариев». Это, опять-таки, подтверждает сценарный подход к прогнозированию будущих угроз безопасности.

Указывается также, что в будущем эти угрозы существенно изменятся. Они будут включать возможность нападения с использованием различных видов ОМП, а также экономических, юридических, дипломатических мероприятий и попыток дестабилизировать информационное пространство и политическую систему государств. «Противники будут стремиться использовать технологически передовые и иррегулярные методы войны во всех возможных сферах: на суше, на море, в воздухе, в космосе и киберпространстве», — подчеркивается в документе. Для отражения этих угроз европейские вооруженные силы должны обладать «более высокой гибкостью, быстротой и приспособляемостью».

Далее рассматриваются долговременные тенденции, вызванные развитием военных технологий. В частности, указывается, что в вооруженных силах будет все более возрастать использо-

²¹⁸ Future capabilities. Emerging Trends and Key Priorities. European Defense Agency. Brussels, 2014.

вание роботизированных систем. Улучшится огневая поддержка с использованием средств, «наносящих удары за пределы видимости», оружия направленной энергии, лазерных технологий. Будет соответственно меняться и тактика применения оружия. Появится оружие не летального действия, а также «дозированного» действия, то есть позволяющее менять мощность используемого боеприпаса.

Все это ставит перед армиями Евросоюза новые задачи. Так, например, повышаются требования к эффективности системы военного управления. По существу, речь идет о необходимости дублирования всей системы C4i — командование, управление, связь, компьютеризация и разведка. С этой задачей связана и необходимость улучшения средств кибербезопасности. «Фактор развития средств ведения войны в киберпространстве следует принимать во внимание во всех областях военного строительства», — отмечается в документе.

Все это смыкается с другой важной задачей — поддержанием на должном уровне «управления информацией и владения оперативной обстановкой». Значение этого фактора, согласно документу, будет возрастать с учетом большого количества информации, которую придется обрабатывать и правильно распределять. По мнению авторов документа: «Дублирование систем, криптография, а также оптимальное использование воздушных и космических средств связи станут ключевыми элементами будущих операций». При этом стандартным средством получения информации будут беспилотные системы воздушного, морского и наземного применения, хотя при этом роль человека по-прежнему останется существенной. Поэтому сохранит свое значение агентурная разведка и разведка на основе изучения открытых источников.

Важное внимание уделяется в документе вопросу «совместимости и взаимодополняемости» в действиях войск различных стран ЕС. Это не удивительно, с учетом отсутствия у ЕС единой армии, что требует умения взаимодействовать при ведении совместных операций. Особо важное значение эта задача, согласно документу, приобретает в «конфликтах высокой интенсивности». При этом «модульный» подход к развитию военного потенциала рассматривается как средство снижения затрат на такое развитие. По существу речь идет о том, что каждая страна должна

специализироваться на чем-то своем и затем поставлять этот элемент потенциала в общий «пул» ресурсов войск Евросоюза, выделяемых для решения той или иной задачи.

К этой области примыкает и другая важная задача — совершенствование материально-технического снабжения войск. Отмечается, что «эта сфера часто является узким местом для участия государств-членов в операциях, особенно когда речь идет об операциях в отдаленных районах с ограниченной поддержкой принимающей страны». Такая ситуация, согласно документу, имела место во время операций в Конго, Чаде, Мали и на Африканском роге. Для улучшения снабжения войск на продолжительные периоды времени требуется усиление «координации логистических возможностей» государств-членов. Создание «автономных сил», нуждающихся «в меньших поставках энергии», рассматривается как одно из направлений решения этой проблемы.

Высокий приоритет получает также задача защиты личного состава вооруженных сил от средств поражения противника. Прежде всего, это относится к различным видам ОМП — ядерному, химическому, бактериологическому и радиологическому. В этом контексте предполагается развивать системы раннего предупреждения, ПРО и ПВО. Отмечается, что технологическое превосходство Европы в этой области без соответствующих инвестиций может быть утеряно уже в среднесрочной перспективе. Требуется также повышать индивидуальную защиту военнослужащих на поле боя. «Политическая поддержка операций очень чувствительна к потерям и необходимо приложить максимум усилий, чтобы свести их к минимуму», — подчеркивается в документе.

Наконец, важным направлением развития военного потенциала Евросоюза является обретение способности к развертыванию войск в любом районе мира. Это предусматривает повышение возможностей как авиационного, так и морского транспорта. Одновременно развертывание на удаленных театрах требует «подвижных и маневренных сил, поддержанных приспособленными для этих целей и интегрированными системами наблюдения». Одним из направлений создания такого потенциала должны стать силы специального назначения. Помимо этого, требуются способные к удаленному развертыванию медицинский персонал и оборудование. Частью потенциала глобального развертывания является

также способность обеспечивать безопасность морских коммуникаций для европейской торговли и других интересов.

Далее в документе рассматриваются задачи для каждого вида вооруженных сил: сухопутных войск, ВМС и ВВС. В отношении сухопутных войск выдвигается требование повышения их гибкости, как по структуре, так и в применении. «Операционный контекст использования сухопутных войск варьируется от мало интенсивных гуманитарных операций и операций по стабилизации до межгосударственных конфликтов высокой интенсивности», — отмечают в документе. Поэтому войска должны иметь широкие возможности адаптироваться к развитию обстановки.

Здесь, согласно документу, также применим «модульный» подход, позволяющий войскам быть готовыми к выполнению широкого спектра задач, как по территориальной обороне, так и в экспедиционных операциях. Помимо этого, важнейшее значение в будущих военных действиях, особенно в составе многонациональных сил, приобретает фактор подготовки личного состава. «Каждый военнослужащий должен обладать высоким уровнем аналитических и коммуникационных способностей, чтобы справляться с все более сложными ситуациями на поле боя», — отмечается в документе.

ВМС также отводится важная роль. В качестве основной задачи выдвигается контроль над морскими коммуникациями и «потоками товаров». Указывается, что ВМФ стран ЕС должен иметь возможность действовать в отдаленных районах, находясь в открытом море в течение продолжительных периодов времени. Это требует соответствующего изменения структуры ВМФ: необходимо строить суда для океанской зоны и иметь систему жизнеобеспечения личного состава в расчете на длительное плавание. Также встает задача координации между военными и гражданскими структурами. Это требует создания соответствующих «средств связи и обмена информацией». Также возникает задача осуществления взаимодействия между ВМФ и гражданскими организациями, такими как береговая охрана и полиция, а также другими гражданскими властями, находящимися на берегу.

Также продолжит иметь важное значение роль ВМФ в оказании боевой поддержки сухопутным войскам в проведении операций по урегулированию кризисов. С появлением новых морских держав, способность осуществлять «воспрещение выходу в море»

остаётся важнейшим элементом проецирования мощи. В этом отношении ключевую роль будут играть подводные лодки. При этом ЕС, согласно документу, «все еще обладает технологическим превосходством в подводном флоте» и его необходимо сохранить. С учетом старения европейского флота встает задача его обновления, что натывается на финансовые затруднения. Одним из способов решения этой проблемы является установление адекватного баланса между дорогостоящими кораблями высокого класса, такими как эсминцы и фрегаты, и малыми судами, такими как патрульные катера и корабли береговой охраны.

Далее в документе рассматривается роль военно-воздушных сил. В нем указывается, что главная задача, стоящая перед ВВС стран Евросоюза, состоит в сохранении контроля над воздушным пространством, что, как подчеркивается в документе, не гарантировано. «Распространение современных систем ПВО является фактом... Сохранение превосходства Европы в истребительной авиации будет вести к увеличению использования противником передовых интегрированных наземных систем ПВО», — отмечается в документе. Более того, доступ к этим системам получают негосударственные акторы. Между тем, возможности стран ЕС по подавлению средств ПВО противника являются недостаточными и не могут дать надлежащего результата без помощи США. Это направление является вызовом, который ЕС может преодолеть путем развития соответствующих ударных систем и средств радиоэлектронной борьбы.

По мнению авторов документа, характер воздушного боя в будущем существенно не изменится. Однако он будет включать беспилотные аппараты и крылатые ракеты, что позволит вести долговременные воздушные операции «в более сложной обстановке». Поскольку одной из задач авиации является поддержка наземных операций, это потребует концентрации огневой мощи, точности, дальности действия, быстроты реакции при стрельбе и всепогодных возможностей. Вертолеты будут продолжать играть ключевую роль в этом отношении. Также возрастет значение разведки, наблюдения, обнаружения целей и соответствующей обработки информации. Поэтому возрастет роль беспилотников, пилотируемых и космических средств.

Дозаправка в воздухе будет оставаться вызовом для ВВС стран Евросоюза, что связано с ограниченным количеством соответ-

ствующих средств и их распыленностью. Это требует как новых инвестиций в данную область, так и объединения имеющихся ресурсов. Между тем, стратегическая транспортная авиация является ключевым элементом для развертывания сил, особенно в условиях ограниченного времени.

Для некоторых государств, ввиду ограниченности ресурсов, документ рекомендует поддерживать баланс между высокотехнологичными и менее технологичными авиационными средствами. В то же время там отмечается, что необходимо обеспечить, чтобы ВВС Евросоюза в целом обладали самыми передовыми средствами. Так как это является предпосылкой взаимодействия с такими передовыми партнерами, как США. Достижение этой цели потребует координации и сотрудничества в рамках ЕС.

В целом, можно констатировать, что методология военного планирования ЕС имеет многие общие черты с военным планированием НАТО. Это, в частности, касается структуры военного планирования, его географического охвата и значительную пропагандистскую составляющую в публичных документах. В своем военном планировании ЕС слабо использует стратегическое прогнозирование и, также как США и НАТО, ставит во главу угла принцип «стратегической неопределенности».

В то же время методология военного планирования ЕС обладает и некоторыми существенными особенностями, связанными с тем, что Евросоюз является в основном организацией гражданского назначения, где военные вопросы занимают лишь небольшое, хотя и достаточно важное место. Поэтому приоритет в военном планировании отводится поддержке гражданских усилий по обеспечению безопасности и лишь в последнюю очередь использованию вооруженной силы.

В этом контексте вполне логично, что теоретической основой методологии военного планирования ЕС выступает либеральная школа исследования международных отношений. А это предопределяет тот факт, что основной акцент в оборонной политике ЕС сделан на такие инструменты как кризисное регулирование, политическая стабилизация, миротворческие операции, вовлечение других государств в различные формы партнерства и сотрудничества. Это, конечно, не меняет сути эгоистической внешней политики Евросоюза, однако придает ей привлекательную внешнюю форму.

Глава IV
Метод динамического
прогнозирования развития
международной обстановки

4.1. Ограничения и недостатки статических прогнозов в области международных отношений

Динамическое прогнозирование является новым методом, разработанным для повышения эффективности прогнозов в области внешней и оборонной политики. Этот метод строится на принципе интерактивного взаимодействия прогнозиста с предложенным им сценарием. Отправной точкой такого подхода является понимание того, что Россия не есть лишь пассивный созерцатель мировых процессов. Напротив, Россия является одним из влиятельных акторов мировой системы и от ее поведения будет в известной мере зависеть, как будут развиваться те или иные мировые события. Поэтому приняв, какой либо сценарий развития МО, как наиболее вероятный, абсолютно неприемлемо самоуспокоиться и позволить мировым процессам идти своим чередом. Ведь в любом вероятном сценарии изначально заложена активная позиция России. И если эта активность не будет осуществляться, то предсказанный вероятный сценарий может трансформироваться в другой сценарий, который будет менее благоприятным для России.

Появление данного метода явилось закономерным этапом развития теории стратегического прогнозирования. Этому способствовало осознание того очевидного факта, что даже правильные статические прогнозы могут вести к ошибочным выводам и решениям, так как программируют пассивность прогнозирующей стороны. Другими словами, статические прогнозы могут правильно описать ситуацию на какой-то момент в будущем, но они не дают понимания того, какие шаги необходимо предпринимать для удержания дальнейшего развития международной обстановки в русле оптимального сценария.

Понятно, что правильный статический прогноз — это уже само по себе важное достижение. Такие прогнозы в сфере международных отношений, да еще в расчете на долгосрочную перспективу, встречаются не часто. В XX веке таких прогнозов были считанные единицы. И, казалось бы, правильный прогноз, должен был бы дать прогнозирующей стороне явные преимущества при принятии решений. Однако на практике оказывалось, что принятые решения были довольно спорными и со стратегической точки зрения сомнительными. В качестве примера можно привести два известных из истории правильных прогноза в области внешней и оборонной политики. Первый — это прогноз И. В. Сталина о сроках начала и характере Второй мировой войны. И второй — прогноз советника-посланника посольства США в СССР Джорджа Кеннана в 1946 году, на котором основывалась американская стратегия сдерживания СССР.

Сталин впервые озвучил свой прогноз на пленуме ЦК ВКП (б), в январе 1925 года. Он, в частности, отметил, что «предпосылки войны назревают и война может стать, конечно, не завтра и не послезавтра, а через несколько лет неизбежностью». «Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить», — подчеркнул он²¹⁹. Таким образом, Сталин не просто обозначил неизбежность войны, через несколько лет, но и пояснил будущую стратегию СССР в этой войне — ждать, когда противоборствующие коалиции себя измотают, а затем решить исход войны, присоединившись к одной из коалиций.

Прогноз о сроках начала будущей войны Сталин дал чуть позже. В своем выступлении на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года, он произнес свою знаменитую фразу: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»²²⁰. Таким образом, Сталин правильно определил 1941 год, как вероятный срок начала будущей войны против СССР.

²¹⁹ Сталин И. В. Сочинения, Т. 7, Москва: ОГИЗ, 1947. С. 12–13.

²²⁰ Сталин И. В. Сочинения, Т. 13, Москва: Госполитиздат, 1951. С. 39

С тех пор весь механизм советского государства усиленно работал на подготовку к войне. И в целом промышленная и военнотехническая база для успешного ведения войны была в указанные сроки создана. Но, несмотря на это, в первые годы войны СССР потерпел сокрушительные поражения на фронте, потерял огромную территорию и понес огромные человеческие жертвы. Столь удручающие результаты правильного стратегического прогноза объяснились тем, что советское руководство не смогло вовремя уловить определенного отклонения от базового сценария развития военно-политической и стратегической обстановки в Европе, на котором оно строило свою внешнюю политику.

Действительно, после молниеносного разгрома Польши в 1939 году, появились признаки того, что война в Европе будет носить скоротечный характер. По крайней мере, обозначился неблагоприятный вариант базового сценария, согласно которому война между германским блоком и англо-французской коалицией не будет носить затяжного характера, как это представляло себе советское руководство. Конечно, Франция — не Польша, и она могла бы сопротивляться несколько дольше, но не так долго, как в Первую мировую войну. Тем более, анализ военного потенциала Англии также не давал поводов для оптимизма. Было очевидно, что серьезной помощи Франции на сухопутном ТВД Англия оказать не могла. А в США господствовали изоляционистские настроения, и ожидать от них быстрого вмешательства в Европе было нереально.

Все это создавало вокруг СССР стратегическую обстановку, совершенно отличную от той, которая изначально предполагалась в базовом сценарии. Вместо двух противоборствующих коалиций, СССР оказывался один на один перед лицом объединенной Европы, подконтрольной Германии. То есть баланс сил на континенте резко изменился не в пользу СССР. А запертая на островах Англия, никак существенно повлиять на стратегическую ситуацию в Европе уже не могла. В этой обстановке советское руководство должно было бы предпринять активные шаги, чтобы заблокировать наметившееся изменение базового сценария в неблагоприятную сторону. А это предполагало, что при первых признаках поражения французских войск СССР должен был бы атаковать Германию и ее союзников. Это вынудило бы немцев снимать войска с западного фронта и Франция была бы спасена.

Ну, а затем Германии пришлось бы вести войну на два фронта, что делало бы ее поражение неминуемым. Причем в худшем для СССР случае война ограничилась бы западными районами страны, а возможно, даже велась бы на территории сопредельных государств. Естественно, жертвы и разрушения были бы на порядок меньше. Однако руководство СССР, ни морально, ни политически не было готово к такому решению, поскольку подобного развития событий не ожидало, вариантов действий в такой ситуации не просчитывало и тем более не имело политических и дипломатических заготовок для перехода к новой политике. Пришлось сидеть и ждать нападения Германии и ее союзников на СССР.

Схожая ситуация возникла и с прогнозом Джорджа Кеннана, сделанного в т. н. «длинной телеграмме», посланной из Москвы 22 февраля 1946 года²²¹. В этом документе американский дипломат сделал несколько важных выводов. Главный из них состоял в том, что Запад сможет справиться с вызовом со стороны СССР, избежав новой мировой войны: «... я убежден, что у нас хватит сил решить эту проблему, не прибегая к какому-либо всеобщему военному конфликту», — подчеркивал он. Для обоснования этого тезиса Кеннан сослался на то, что соотношение сил в мире остается в пользу Запада. «В сопоставлении с Западом в целом, СССР все еще гораздо более слабая сторона», — указывал он²²².

Однако главную слабость Кеннан видел в общественном устройстве СССР. А это, по мнению Кеннана, делало устойчивость этой системы в будущем весьма сомнительной. Он, в частности писал: «Успех советской системы, как формы осуществления власти внутри страны, все еще не доказан. Еще предстоит продемонстрировать, что она может пережить главный экзамен последующей передачи власти от одного человека или группы другим. Смерть Ленина привела к первой такой трансформации, и ее последствия сотрясали советское государство в течение 15 лет. После смерти или ухода Сталина на пенсию наступит вторая трансформация. Но даже этот экзамен не будет последним. Благодаря недавнему территориальному расширению, советская внутренняя система будет сейчас подвержена

²²¹ Kennan George. Long Telegram, Moscow, 22 February 1946 / <http://www.ntanet.net/KENNAN.html>

²²² Ibidem.

ряду дополнительных нагрузок, которые когда то оказались сильно изнурительными для царизма. Мы здесь убеждены в том, что со времени окончания гражданской войны русские народные массы еще никогда не были столь далеки, как сегодня, от доктрин Коммунистической партии. Сейчас в России партия превратилась в сильный, и на время в высоко успешный аппарат диктаторского управления, но она перестала быть источником эмоционального воодушевления. Поэтому внутренняя устойчивость и долговечность общественной системы не могут рассматриваться как гарантированные»²²³.

И хотя возможных сроков коллапса советской общественной системы Кеннан не указал, его прогноз оказался в целом правильным. Поэтому построенная на основе этого прогноза стратегия «сдерживания» СССР сработала и в 80-е годы прошлого века привела Запад к победе в «холодной войне». В то же время, отсутствие в то время метода динамического прогнозирования не позволило Западу правильно определить дальнейшую динамику развития мировой системы и наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки. Между тем, в рамках биполярного противостояния Запада с советским блоком уже многие годы формировалась основа для полицентричной мировой системы. И в конце 80-х годов прошлого века уже можно было спрогнозировать, что развитие многополярности станет одним из возможных, и скорее всего, наиболее вероятным сценарием развития МО.

Однако на Западе будущее виделось в радужных красках однополярной мировой системы. Победитель в «холодной войне» намеревался получить все, не учитывая тот факт, что однополярность являлась всего лишь одним из возможных сценариев развития МО. Тем не менее, официальной доктриной Запада стал тезис о формировании в мире однополярной системы на основе принципов и ценностей западной цивилизации. Публично этот тезис был официально озвучен директором отдела политического планирования Государственного департамента США Фрэнсисом Фукуямой в 1989 году.

В своей резонансной статье «Конец истории?» он, в частности, писал: «То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории,

²²³ Kennan George. Long Telegram, Moscow, 22 February 1946 / <http://www.ntanet.net/KENNAN.html>

но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет..., ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и определит, в конечном счете, мир материальный»²²⁴.

Появление данной статьи Фукуямы не было простой случайностью. О том, что это была программная статья, а не просто научные изыскания пытливого ума американского политолога, говорит полное совпадение с обстоятельствами появления статьи Джорджа Кеннана «Истоки советского поведения». Эта статья, вышедшая в журнале «Форин афферс» в июле 1947 года, провозгласила новую глобальную стратегию США, известную как стратегия «сдерживания» СССР. Статья вышла под псевдонимом «Х», но в политических кругах США и Запада в целом было хорошо известно, что за ней стояло лицо вполне официальное, тем более имевшее прямое отношение к выработке политики в отношении СССР. И вот в 1989 году американцы, видимо, решили повторить этот трюк и объявить миру о своей новой стратегии таким же своеобразным образом.

Надо сказать, что в советских официальных кругах статья Фукуямы вызвала противоречивую реакцию. В то время как Горбачев и его сторонники с ней полностью согласились, представители патристического лагеря пытались выработать альтернативное видение будущего. Жаркие дискуссии развернулись тогда и в МИД СССР. Примечательно в этой связи, что работавший тогда в Управлении оценок и планирования (УОП) МИД СССР автор этих строк М. В. Александров получил задание дать заключение на статью Фукуямы. В своей записке руководству, он указал, что Фукуяма не прав, так как исторический процесс невозможно остановить, что изменчивость мира — неотъемлемый закон развития человеческого общества, и что объективный ход истории неизбежно преобразует сложившийся мировой ландшафт.

²²⁴ Fukuyama Francis. "The End of History?". The National Interest (Summer 1989).

В дальнейшем в УОП началось активное обсуждение перспектив мирового развития, и именно тогда родилась концепция многополярного мира, как альтернативы проталкиваемой американцами однополярности. Автором этой концепции являлся старший советник УОП Кутовой. Что касается М. В. Александрова, то он тогда выступил против концепции многополярности, предложив сценарий, согласно которому СССР мог бы стать лидером новой коалиции стран, находящихся в оппозиции Западу. Как показали последующие события, обе эти концепции, по сути, должны были быть интегрированы. Сейчас совершенно очевидно, что, в условиях активного противодействия развитию многополярности со стороны Запада, полицентричная система международных отношений не может сложиться без сильного лидера, который повел бы за собой другие цивилизации.

Возможно, в конце концов, интеграция двух концепций и произошла бы, но коллапс СССР и последующие политические преобразования сделали обе концепции неактуальными. В МИД России преобладал прозападный подход, основанный на признании однополярности. И лишь в начале нынешнего столетия нарастающее давление со стороны Запада вынудило российское руководство постепенно актуализировать доктрину многополярности. Сама история, все сочетание объективных причин и международных факторов заставили Москву взять на себя роль лидера в противостоянии незападных цивилизаций к западному глобальному доминированию. И эта стратегия сразу же оказалась эффективной, так как вписывалась в объективные процессы мирового развития.

Таким образом, прогноз, сделанный западными аналитиками после окончания «холодной войны», оказался неадекватным²²⁵. Запад не заметил зарождение новых центров силы и прежде всего Китая. Вообразив Россию поверженным противником, Запад рассчитывал, что процесс развала нашей страны продолжится, и светлое будущее западной цивилизации будет построено «на развалинах России и за счет России». Все это породило безответственное и вызывающее поведение Запада в международных делах, в мировой экономике и в собственной внутренней политике.

²²⁵ В 1993 году с прогнозом конфликта цивилизаций выступил С. Хантингтон, но его мнение было проигнорировано политической элитой Запада.

Как следствие, западные руководители оказались несколько озадачены, когда Россия восстановила свой военный и экономический потенциал, Китай вышел на первое место в мире по объему ВВП по ППС, а сам Запад оказался ввергнут в пучину глубочайшего экономического кризиса со времен Великой депрессии. Резко ослабло и идеологическое влияние Запада на другие цивилизации. Таким образом, правильный прогноз Кеннана привел к ошибочным и недальновидным решениям, которые поставили само существование западной цивилизации под серьезный вопрос. Метод динамического прогнозирования как раз и направлен на то, чтобы избегать подобных ошибочных решений.

4.2. Зарубежный опыт динамического прогнозирования в области национальной безопасности и обороны

4.2.1. Динамическое прогнозирование в США

Анализ официальных документов США в области обороны и национальной безопасности указывает на использование соответствующими американскими ведомствами элементов динамического прогнозирования. Речь идет о регулярной переоценке состояния международной обстановки и тех вызовов, с которыми сталкивается американская внешняя и оборонная политика. Примером такого подхода являются ежегодные слушания в Комитете по делам вооруженных сил Сената США, проходящие под общей рубрикой «Ежегодная оценка угроз». Выступающие на этих слушаниях представители американского разведсообщества знакомят сенаторов и общественность с позицией своих ведомств по актуальным международным проблемам, затрагивающим безопасность США.

Доклады, представленные на этих слушаниях, относятся к разряду оперативных документов. В них отражаются изменения в оценках и прогнозах, которые могут быть как предпосылкой, так

и следствием соответствующих корректировок в области военного планирования. В этом контексте представляет интерес сравнительный анализ двух докладов, представленных Разведывательным управлением Министерства обороны США (РУМО) соответственно в 2014 и 2015 году. Первый доклад был сделан директором РУМО генерал-лейтенантом Майклом Флинном. Второй — сменившим его на этом посту генералом Винсентом Стюартом.

В отличие от основополагающих военно-политических документов, данные доклады не содержат идеологически-концептуальной базы. Они очень конкретны. И сразу же после общей характеристики международной обстановки переходят к оценке внешних угроз безопасности США. Причем эти угрозы, также как и в основополагающих документах делятся на условно функциональные и региональные.

Среди функциональных угроз оба доклада ставят на первое место международный терроризм. Но внутри этой темы акценты расставлены по-разному. Винсент Стюарт на первое место поставил ИГИЛ, а затем Аль-Каиду и Талибан²²⁶. У Флинна главной угрозой названа ситуация в Афганистане, включая действия движения Талибан и Аль-Каиды. Последняя была также названа в качестве глобальной террористической угрозы. Про ИГИЛ речи не идет, хотя упоминается исламский фронт Аль-Нусра в Сирии, который «борется за свержение президента Башара Асада» и «стремится расширить свое влияние в регионе... и укрепить опорную базу Аль-Каиды в Леванте»²²⁷.

Таким образом, в докладе Флинна в целом правильно предсказана перспектива возникновения террористического псевдогосударственного образования. Однако на практике эти соображения были по каким-то причинам проигнорированы правительством США. В результате, корректировок во внешнеполитическое и военное планирование внесено не было. И когда проблема назрела, Вашингтону пришлось в экстренном порядке выделять ресурсы

²²⁶ Statement for the Record: Worldwide Threat Assessment. Armed Services Committee, United States Senate. Vincent R. Stewart, Lieutenant General, U.S. Marine Corps. Director, Defense Intelligence Agency. February 26, 2015.

²²⁷ Annual Threat Assessment. Statement Before the Senate Armed Services Committee, United States Senate. Michael T. Flynn, Lieutenant General, U.S. Army. Director, Defense Intelligence Agency. February 11, 2014.

и формировать войска для борьбы с уже сформировавшимся и окрепшим ИГИЛ, который на сегодняшний день публично назван главной террористической угрозой.

Имеются принципиальные отличия между двумя докладами и в оценке региональных угроз. В докладе Флинна в качестве главной региональной угрозы обозначен Иран. «Тегеран представляет одну из основных угроз американским интересам вследствие своих региональных амбиций, поддержки террористических и военизированных групп, укрепления военного потенциала и ядерных устремлений», — отмечается в докладе. В качестве второй региональной угрозы назван Китай. Конкретно термин «угроза» не употребляется, но говорится о том, что «подготовка к конфликту с Тайванем при участии США остается главным двигателем развития структуры НОАК, разработки вооружений, оперативного планирования и подготовки»²²⁸.

Что касается России, то она упоминается в самом конце доклада перед безобидной Латинской Америкой. При этом каких-либо намеков на угрозы со стороны России не делается, хотя и упоминается о стремлении Москвы восстановить свое влияние на постсоветском пространстве. Однако это рассматривается как деятельность политического, а не военного характера. А перспектива военного противостояния между Россией и Западом из-за событий на Украине не обозначена.

Совсем по-другому расставлены акценты в докладе генерала Стюарта. На первом месте у него по-прежнему находится Иран, который «представляет угрозу» для США, из-за его «поддержки режима Асада в Сирии, проведения антиизраильской политики, развития продвинутого военного потенциала и продолжения своей ядерной программы». Однако Китай среди региональных угроз уже не называется. Никаких упоминаний о намерениях Пекина захватить Тайвань уже не делается. Напротив, говорится о том, что лидеры Китая «сосредоточат внимание преимущественно на внутренних проблемах». Единственным раздражителем остаются споры Китая с соседними государствами из-за принадлежности

²²⁸ Annual Threat Assessment. Statement Before the Senate Armed Services Committee, United States Senate. Michael T. Flynn, Lieutenant General, U.S. Army. Director, Defense Intelligence Agency. February 11, 2014.

островов в Восточно-китайском и Южно-китайском морях. Однако это не квалифицируется как угроза США, хотя и «повышает шансы на длительную напряженность» между участниками спора²²⁹.

Россия же, напротив, выдвинулась среди региональных угроз на почетное второе место. В докладе указывается, что «украинский кризис глубоко повлиял на отношения России с Западом». Отмечается, что Москва «подняла информационную войну на новый уровень, стремясь подстегнуть антиамериканские и антизападные настроения в России и мире». А на международной арене Россия стремится использовать многостороннюю дипломатию для того, чтобы «противостоять, тому, что она рассматривает как односторонние действия США». Выражается тревога готовностью России «скрыто использовать военные и полувоенные формирования на территории соседнего государства», а также тем, что военные приготовления Москвы позволяют ей максимально усилить дипломатическое давление на Европу²³⁰.

Проведенный анализ двух докладов затрагивает далеко не все изложенные в них проблемы. Однако из приведенных сравнений уже достаточно ясно, что за истекший год произошли существенные изменения в оценках РУМО складывающейся международной обстановки, а также существующих и вероятных угроз американским интересам. И хотя в докладах нет прямых указаний на то, какие корректировки следует внести в планы США по военному строительству, развертыванию войск и другим вопросам, можно предположить, что соответствующая работа в Министерстве обороны США уже проведена или будет проведена в ближайшем будущем.

Таким образом, практика ежегодных переоценок угроз безопасности и интересам США, свидетельствует о наличии в военном и внешнеполитическом планировании США элементов «динамического прогнозирования». Этот относительно новый метод позволяет в реальном времени отслеживать изменения международной обстановки, производить переоценку прогнозов ее развития

²²⁹ Statement for the Record: Worldwide Threat Assessment. Armed Services Committee, United States Senate. Vincent R. Stewart, Lieutenant General, U. S. Marine Corps. Director, Defense Intelligence Agency. February 26, 2015.

²³⁰ Ibidem.

и вносить соответствующие корректировки в конкретные планы. Конечно, вряд ли, можно говорить о том, что этот метод применяется в США полноценно. По крайней мере, об этом ничего не известно. А существующая практика и достаточно посредственные результаты в этой области не позволяют говорить о том, что этот метод сознательно взят на вооружение Пентагоном. Тем не менее, существующая в США практика дает возможность, по крайней мере, раз в год обновлять оценки, прогнозы и при необходимости вносить коррективы в планы военного строительства и применения вооруженных сил.

4.2.2. Динамическое прогнозирование в НАТО

Регулярная переоценка состояния международной обстановки происходит в рамках НАТО. Это отражается в различных документах альянса, принимаемых на различных форумах, прежде всего на саммитах союза. Показательно в этой связи, что в тексте Стратегической концепции НАТО, прямо говорится о необходимости «продолжать анализировать комплексную стратегию НАТО по сдерживанию и защите от полного спектра угроз Североатлантическому союзу с учетом изменений складывающейся обстановки в сфере международной безопасности»²³¹.

Это можно продемонстрировать, сравнив последнюю Стратегическую концепцию НАТО с декларацией саммита НАТО на высшем уровне, прошедшим в Уэльсе (Великобритания) 4–5 сентября 2014 года. Поскольку саммит проходил уже после начала украинского кризиса, то сделанные на нем оценки и выводы содержали некоторые элементы, которые принципиально отличались от предыдущих документов. Терроризм, киберугрозы и пиратство отодвинулись на задний план. Вперед вышла «угроза» со стороны России. Если в Стратегической концепции Россия еще рассматривалась как возможная угроза, то на встрече в Уэльсе она была

²³¹ Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. 19–20 ноября 2010 года.

переведена в разряд реальных угроз. «Агрессивные действия России против Украины поставили под вопрос, фундаментальным образом, наше видение целой, свободной и мирной Европы», — подчеркивалось в декларации саммита²³².

Соответственно, в ходе саммита страны НАТО провели «стратегическую дискуссию» в отношении евроатлантической безопасности и России. В результате было принято решение оставить в силе приостановку всего практического гражданского и военного сотрудничества между НАТО и Россией. Также был согласован пакет мер оборонного планирования. Первоочередные задачи этого плана включали:

- усиление и расширение учебной подготовки и учений;
- совершенствование командования и управления, в том числе сложными воздушными операциями;
- разведка, наблюдение и рекогносцировка;
- развитие потенциала противоракетной обороны НАТО;
- кибернетическая оборона;
- совершенствование боевой устойчивости и готовности сухопутных сил для обеспечения коллективной обороны и кризисного реагирования.

«Сегодня, как никогда, НАТО нужны современные силы, обладающие боевой устойчивостью, боеспособностью и высокой боеготовностью, в воздухе, на суше и на море, чтобы справиться с нынешними и будущими вызовами», — отмечено в декларации²³³.

Главной практической мерой, связанной с «российской угрозой», стал План действий НАТО по обеспечению готовности. Этот документ представляет собой пакет мер, «необходимых для реагирования на изменения в условиях безопасности на границах НАТО и за их пределами». В декларации прямо говорится, что план в первую очередь «отвечает на вызовы, брошенные Россией, и на их стратегические последствия». Он предусматривает применение «гибких и масштабируемых» мер «в ответ на меняющиеся условия безопасности». А лейтмотивом этих мер является

²³² Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического союза в Уэльсе — 4–5 сентября 2014.

²³³ Там же.

«продолжающееся присутствие военно-воздушных, сухопутных и военно-морских сил и целесообразная военная деятельность в восточной части Североатлантического союза, осуществляемые на ротационной основе»²³⁴.

Более конкретно План по обеспечению готовности предполагает мероприятия в двух областях. Первая — это меры «по подтверждению гарантий безопасности» (assurance measures), предусматривающие расширение присутствия сил НАТО на территории союзников на востоке на ротационной основе. Вторая — это «меры по адаптации» (adaptation measures), предусматривающие изменения в долговременной военной политике и военных возможностях НАТО²³⁵.

Меры по подтверждению гарантий безопасности были инициированы еще в мае 2014 года и только некоторое время спустя были концептуально оформлены. Они, в частности включают:

- Увеличение числа самолетов для воздушного патрулирования и количество военно-воздушных баз в странах Прибалтики;
- Развертывание самолетов в Болгарии, Польше и Румынии для проведения тренировок и военных учений;
- Полеты самолетов АВАКС над территорией наших восточных союзников;
- Полеты самолетов морского патрулирования на восточной периферии НАТО;
- Посылка большего числа военных судов для патрулирования Балтийского, Черного и Средиземного морей;
- Размещение наземных сил в восточных районах альянса на ротационной основе для проведения тренировок и военных учений;
- Проведение более 200 натовских и национальных военных учений в Европе в 2014 году;
- Несколько членов альянса также направили наземные и воздушные силы в Восточную Европу на двусторонней основе для проведения тренировок и военных учений.

²³⁴ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического союза в Уэльсе — 4–5 сентября 2014.

²³⁵ NATO's Readiness Action Plan. Fact Sheet, February 2015.

В свою очередь меры по адаптации предполагают увеличение численности Сил быстрого реагирования НАТО (NATO Response Force) до размера дивизии, а также повышение их боеготовности и мобильности. В настоящее время их численность составляет 13 тыс. человек. В рамках этой структуры будет также образована Объединенная оперативная группа очень высокой готовности (Very High Readiness Joint Task Force) в составе бригады. Некоторые подразделения этой бригады смогут выдвигаться в район боевых действий в течение 2–3 дней. Планируется завершить создание группы в 2016 году²³⁶.

Меры по адаптации также направлены на создание в Восточной Европе разветвленной штабной инфраструктуры НАТО. Это, в частности, включает размещение шести подразделений «по интеграции сил» (NATO Force Integration Units) на территории Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии и Болгарии. Эти подразделения предназначены для руководства процессом развертывания сил НАТО в регионе. Они будут поддерживать связь между вооруженными силами соответствующих стран и силами НАТО, а также содействовать военному планированию и проведению многонациональных военных учений. Каждый такой центр будет состоять из нескольких десятков сотрудников.

Реформирование натовской штабной инфраструктуры в Восточной Европе также включает повышение готовности и возможностей Штаба многонационального корпуса «Северо-восток» в Щецине (Польша). Этот штаб будет осуществлять командование силами, развернутыми в государствах Прибалтики, а пока будет являться «хабом для регионального сотрудничества». Основную роль в осуществлении этого проекта играют Германия, Дания и Польша. Румыния предложила развернуть на своей территории аналогичную структуру — Штаб многонациональной дивизии «Юго-восток». Это предложение пока находится в стадии рассмотрения.

Помимо этого, в рамках мер по адаптации планируется:

- Более широкое развертывание ВМС НАТО «с увеличением численности и типов морских судов»;
- Улучшение возможностей НАТО по переброске сил на восток путем подготовки инфраструктуры, в частности, аэродромов

²³⁶ NATO's Readiness Action Plan. Fact Sheet, February 2015.

- и морских портов;
- Увеличение числа учений по «управлению кризисами и коллективной обороне»²³⁷.

А в заявлении министров обороны НАТО от 5 февраля 2015 года прямо говорится о том, что они намерены «продолжать пересматривать выполнение Плана по обеспечению готовности и принимать дальнейшие решения на наших предстоящих встречах, в соответствии с решениями, принятыми на саммите в Уэльсе»²³⁸.

Таким образом, изменение международной обстановки в Европе в связи с кризисом на Украине побудило НАТО внести определенные корректировки в свои военные планы. И как следует из упомянутого заявления министров обороны, эти корректировки будут происходить в дальнейшем достаточно регулярно. Все это свидетельствует о том, что в своем военном планировании НАТО, также как и США, использует элементы динамического прогнозирования. Такой подход позволяет относительно оперативно принимать решения в области военного планирования. Другое дело, что пересмотр военной политики не всегда осуществляется своевременно, а сделанные в его ходе новые оценки, не всегда ведут к правильным выводам и решениям. Однако это зависит уже не столько от методологии военного планирования, сколько от мировоззренческих установок, исходных данных и соответственно от правильности оценок, которыми оперируют натовские аналитики.

4.2.3. Динамическое прогнозирование в ЕС

Элементы динамического прогнозирования достаточно широко применяются в структурах Евросоюза, ответственных за политику в области безопасности и обороны. В частности, эти элементы присутствуют в документах ЕС, посвященных оценке существующей международной обстановки, где также содержатся предложения по корректировке политики в области безопасности и обороны. Примером таких документов могут служить ежегод-

²³⁷ NATO's Readiness Action Plan. Fact Sheet, February 2015.

²³⁸ Statement by the NATO Defence Ministers on the Readiness Action Plan. Brussels, Belgium. 5 February 2015.

ные доклады Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности для Европейского парламента. В этих докладах рассматривается не только практическая работа структур ЕС, ответственных за проведение внешней политики и политики безопасности, но и дается характеристика текущей международной обстановки, а также новых угроз и вызовов Евросоюзу.

Так, в последнем опубликованном докладе (2014 г.) перечисляются следующие угрозы:

- нераспространение ОМП;
- обычные вооружения;
- терроризм;
- кибербезопасность;
- энергетическая безопасность;
- изменение климата;
- доступ к запасам пресной воды²³⁹.

Большое внимание в докладе уделено также урегулированию конфликтов и кризисному реагированию. В этом контексте приоритет отдается политике предотвращения конфликтов и, в частности, созданию системы «раннего предупреждения» о назревающих конфликтах и реакции на них. По существу, речь шла о создании системы краткосрочного динамического прогнозирования и планирования.

В докладе указано, что в 2013 году была разработана и опробована специальная методология для раннего предупреждения конфликтов²⁴⁰. Однако эффективность этой системы прогнозирования пока вызывает сомнения. По крайней мере, она никак не помогла предсказать и предупредить политический кризис и вооруженный конфликт на Украине. Одной методологии здесь оказалось недостаточно. Нужны были еще правильные исходные данные, в том числе адекватное понимание международных реалий и соотношения сил в регионе. А вот с этим у Евросоюза, похоже, не все в порядке.

Помимо этого, в докладе рассматривается текущее состояние военного потенциала ЕС и задачи по его развитию. В частности,

²³⁹ Annual report from the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy to the European Parliament. Council Of The European Union. 12094/14. Brussels, 23 July 2014 (OR. en).

²⁴⁰ Ibidem.

отмечается, что «постоянная недостаточность потенциала продолжает ограничивать поддержку странами-членами военно-морских и военно-воздушных сил быстрого реагирования ЕС». Также присутствует критика стран-членов в связи с их недостаточными усилиями по развитию военного потенциала, особенно в передовых областях. А также — в отношении недостаточного сотрудничества друг с другом в области военного строительства, включая национальное военное планирование.

С целью преодоления этих недостатков Европейский Совет поддержал конкретные проекты по развитию потенциала, осуществляемые с участием Европейского оборонного агентства (ЕОА), в том числе «четыре важные инициативы»:

- разработку беспилотных летательных аппаратов на период до 2020–2025 годов;
- создание потенциала дозаправки в воздухе;
- подготовку следующего поколения правительственной спутниковой связи;
- разработку дорожной карты и конкретных проектов по кибербезопасности.

Помимо этого, для продвижения более систематического и долговременного сотрудничества Европейский совет «предложил Высокому представителю и ЕАО разработать к концу 2014 года основы соответствующей политики в полном соответствии с существующим процессом планирования НАТО»²⁴¹.

В то же время в докладе отмечается, что «оборонное сообщество продолжало углублять участие в «горизонтальных европейских проектах», таких как Единое европейское небо и Галилео». «Важность космического пространства возрастает не только для нас, но и для других, особенно для США, которые все больше рассматривают ЕС, как партнера в укреплении безопасности в космосе», — подчеркнуто в документе. В этой связи была отмечена необходимость «оптимального использования» Спутникового центра ЕС для эффективного решения вопросов спутниковой съемки высокого разрешения с целью повысить информирован-

²⁴¹ Annual report from the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy to the European Parliament. Council Of The European Union. 12094/14. Brussels, 23 July 2014 (OR. en).

ность руководства ЕС в процессе принятия решений и поддержку военных и гражданских миссий и операций.

Таким образом, из доклада следует, что в ЕС происходит не только постоянная корректировка оценки имеющихся угроз, с учетом меняющейся международной обстановки, но и достаточно оперативно выдвигаются новые инициативы по развитию военного потенциала с целью нейтрализации этих угроз. То есть вносятся коррективы и в военное планирование. Другое дело, что эти рекомендации и инициативы необязательно реализуются на практике. И даже тогда, когда запускаются конкретные программы и проекты, они далеко не всегда ведут к достижению необходимых результатов. Об этом наглядно свидетельствуют критические замечания, высказанные в докладе относительно недостатков сотрудничества и развития потенциала государствами-членами ЕС.

Важно также то, что ЕС в своем подходе опирается не только на элементы динамического прогнозирования, но на динамическое военное планирование. Об этом свидетельствует постоянная корректировка Плана развития потенциала, которая происходит сообразно изменению международной обстановки. С этой точки зрения, методологию военного планирования ЕС, видимо, можно считать наиболее продвинутой по сравнению с США и НАТО. С другой стороны, преимущества такой методологии, в случае ее применения на уровне национальных государств, не до конца ясны.

Дело в том, что военное планирование ЕС носит в основном рекомендательный характер и как таковое не влечет за собой конкретных решений по выделению ресурсов, созданию новых вооружений или изменению структуры вооруженных сил стран-членов. Все эти рекомендации рассматриваются на национальном уровне и, уже потом применяются или не применяются в национальных планах военного строительства. Поэтому ПРП Евросоюза может относительно легко видоизменяться без серьезных финансовых и материальных последствий для кого-либо. Что касается национальных государств, то для них такая постоянная корректировка планов означала бы существенные материальные издержки и даже ущемление интересов влиятельных экономических субъектов. А это делает весьма затруднительным применение динамического военного планирования на национальном уровне.

В то же время понятно, что критическое изменение международной обстановки иногда требует от государств решительной корректировки имеющихся планов и программ вооружений. С этой точки зрения наличие динамического плана как дополнения к одобренному и реализуемому плану военного строительства может быть полезным. Такой план, постоянно отражающий новые тенденции и изменения международной обстановки, мог бы содержать актуальные рекомендации по созданию новых систем вооружений, совершенствованию структуры вооруженных сил, развертыванию войск и прочее. А это позволило бы, в случае необходимости, быстро внести коррективы в текущий план военного строительства и предпринять оперативные меры, необходимые для парирования новых угроз.

4.3. Принципы построения и структура динамического сценария развития международной обстановки

Существо метода динамического прогнозирования состоит в регулярном отслеживании (замере) состояния основных мировых тенденций и выявлении изменения соотношения сил между ключевыми акторами международной системы. Построение динамического сценария происходит в рамках основного вектора развития международной системы. Как уже отмечалось, этот вектор зависит от совокупности объективных факторов и прежде всего от динамики мирового баланса сил. А это служит объективным ограничителем числа возможных сценариев развития МО.

Но даже в рамках этих ограничений активная позиция России и курс ее политического руководства создают определенную многовариантность развития событий. И вот в рамках этой относительной многовариантности прогнозист может обозначить несколько возможных сценариев и распределить их по степени соответствия национальным интересам страны. То есть при построении динамического прогноза необходимо выделить как минимум три возможных сценария развития МО — благоприятный, негативный и оптимальный. Конечно, возможно и боль-

шее количество таких сценариев, но они должны быть включены в одну из этих категорий.

В дальнейшем прогнозист может делать выводы о наличии отклонения от наиболее вероятного (исходного) сценария к другому возможному сценарию. Если данное отклонение может привести к переходу к более неблагоприятному сценарию, то прогнозист может обозначить проблемы, которые следует решить для возвращения сценария в прежнее русло. Более того, на каждом этапе развития исходного сценария прогнозист может давать рекомендации относительно его трансформации в более благоприятный сценарий. Понятно, что благоприятный сценарий — это такой сценарий, который наиболее отвечает национальным интересам страны. Однако, как правило, для реализации благоприятного сценария необходимо затратить больше усилий и ресурсов. А это чревато обратным эффектом, когда чрезмерные усилия и затраты ресурсов будут подрывать мощь собственного государства.

Более того, в любом сценарии не все зависит от действий Москвы. Необходимо удачное стечение обстоятельств. В частности, для реализации благоприятного сценария необходимо, чтобы для России сложились наиболее выгодные внешние условия. Грубо говоря, геополитические противники должны допустить ошибки, союзники и партнеры — оказать максимальное содействие. Даже погодные факторы могут в данном случае сыграть важную роль. Поэтому, здесь осуществление прогноза оказывается в зависимости от многих случайных факторов, в основном субъективного свойства. Предсказать все эти случайности, с какой-то более или менее высокой долей вероятности, не представляется возможным. Поэтому построение динамического прогноза на базе благоприятного сценария не является целесообразным.

То же самое касается и негативного сценария. Он может предопределяться ошибками со стороны руководства России, неоднозначным поведением лидеров союзных государств и стран-партнеров, а также неблагоприятными случайными событиями, например, аномальной засухой по образцу лета 2010 года. Прогнозирование на базе неблагоприятного сценария может привести к чрезмерным затратам материальных и финансовых ресурсов и породить пораженческие настроения в политическом руководстве и обществе в целом.

Иное дело — оптимальный сценарий. При его рассмотрении прогнозист исходит из того, что все политические процессы во внешней среде протекают рационально. То есть оппоненты принимают разумные решения со своей точки зрения и в рамках своих стратегических целей, союзники также действуют рационально, а погодные условия сохраняются в нормальных прогнозируемых рамках. Одним словом, происходит максимально возможное абстрагирование от субъективного фактора и фактора случайных событий, типа падения большого метеорита на США или неожиданной смерти президента дружественной страны. Поэтому в качестве исходного, наиболее вероятного сценария развития МО всегда надо брать оптимальный сценарий.

Это, однако, не означает, что руководство страны должно прилагать ровно столько усилий, сколько необходимо для удержания оптимального сценария и ничего не делать для перехода ситуации к благоприятному сценарию. Напротив, возникновение любых случайных обстоятельств и субъективных факторов, способствующих смещению оптимального сценария в благоприятное русло, должно быть сразу же использовано. Более того, в этих критических точках следовало бы приложить даже большие усилия, чем обычно, чтобы добиться позитивного результата. Ведь последующие выгоды от перехода к благоприятному сценарию с лихвой компенсируют сиюминутные потери, связанные с достижением этого результата.

Точно также, политическое руководство России должны оперативно реагировать на любые ситуации, способствующие смещению исходного сценария в негативное русло. И главное, просчитать свои действия таким образом, чтобы самим не подтолкнуть развитие процесса по негативному пути. В этом контексте динамическое планирование в области внешней политики и обороны может играть полезную роль в качестве дополнения к классическому планированию. В этом случае у руководства страны будут уже иметься готовые рекомендации, что делать, если произойдет критическое изменение международной обстановки.

Здесь следует учитывать, что исходный сценарий может измениться под воздействием случайных, в том числе субъективных факторов, предсказать которые на основе научной методологии не представляется возможным. К таким случайным факторам можно

отнести природные катаклизмы, стихийные бедствия, эпидемии или масштабные техногенные катастрофы. Характерным примером подобного развития событий является, например, гибель Минойского государства на Крите (2700–1400 гг. до н. э.), контролировавшего торговлю на Средиземном море. В результате вулканического взрыва (между 1628 и 1500 гг. до н. э.) на Санторини, породившего сильнейшее землетрясение и цунами, Минойское государство погибло. Как следствие, баланс сил на Средиземном море кардинально изменился. Соответственно, изменился и сценарий развития международной обстановки.

Однако, подобные явления в мировой истории довольно редки и вероятность их возникновения в прогнозируемый период, составляет ничтожные доли процента. Гораздо чаще неожиданные резкие изменения баланса сил происходят под воздействием политических факторов, которые лишь условно можно отнести к случайным. Такие «случайности» являются как правило, следствием недостаточной компетенции в анализе международной обстановки или воздействия субъективных взглядов и подходов.

Например, неожиданную смерть выдающегося политического лидера (от естественных причин или вследствие покушения) спрогнозировать практически невозможно. Между тем, такое событие может кардинально изменить международную обстановку. Так, например, неожиданная смерть Александра Македонского привела к быстрому развалу его огромной империи и образованию на ее месте нескольких эллинических государств. Это кардинально изменило всю международную обстановку того времени. Однако следует понимать, что этот развал произошел не вследствие физической смерти лидера, а вследствие внутренних противоречий, существовавших в руководстве империи. Правильный анализ этих противоречий, позволил бы заранее предвидеть такое развитие событий.

В подавляющем большинстве случаев критические изменения в соотношении сил не могут происходить одномоментно. Обычно такому изменению предшествует постепенное накапливание дисбалансов на глобальном уровне и изменение региональных балансов сил в ключевых точках. Это дает возможность прогнозисту заранее информировать политическое руководство своей

страны, о возникающих новых вызовах и угрозах. Тем не менее, резкие изменения баланса сил на международной арене, могут происходить вследствие следующих событий:

- Ослабления той или иной мировой державы, либо ключевой региональной страны вследствие революции, смуты, внутригосударственного вооруженного конфликта, мощного экономического кризиса и т. п.
- Смены власти в любой ключевой стране, ведущей к ее геополитической переориентации или принципиальному изменению ее внешней политики.
- Развалу существующих блоков и коалиций вследствие нарастания противоречий между государствами-членами.
- Образованию новых блоков и коалиций, уравнивающих влияние других международных игроков.
- Глобальной, региональной или локальной войны, завершившейся победой одной из сторон, либо ослабившей обе стороны, что обеспечивает преимущество для других участников мирового баланса сил.
- Существенного прорыва одной из сторон в создании принципиально новых видов оружия, дающих ей значительное военное превосходство.

В то же время, быстрота геополитических изменений вследствие этих событий является, как правило, завершающей стадией длительных процессов, идущих внутри отдельных стран и регионов. Поэтому указанные события вполне поддаются прогнозированию при наличии соответствующего числа компетентных аналитиков и предоставления им необходимых ресурсов.

Так, например, военно-технический прорыв, связанный с изобретением атомной бомбы в США резко изменил баланс сил в мире. Это достижение позволило американцам нивелировать сложившееся после Второй мировой войны абсолютное военное превосходство СССР в Евразии и тем самым спасти Запад от неминуемого геополитического поражения. Однако тот факт, что американцы вырвались вперед в этом вопросе не был простой случайностью. Это явилось следствием субъективных ошибок руководителей советской науки и государства, недооценивших перспективы атомного оружия, несмотря на соответствующие сигналы со стороны некоторых советских ученых.

В приведенной ниже диаграмме схематично показан механизм динамического прогнозирования. Из приведенной ниже диаграммы видно, что в основу вероятного динамического сценария положена преобладающая тенденция современного мирового развития, связанная с нарастанием многополярности международной системы. Этот сценарий условно можно назвать «сценарием стихийного нарастания многополярности мировой системы». Предполагается, что этот сценарий будет осуществляться в период до 2040 года, когда многополярная система международных отношений в целом сформируется.

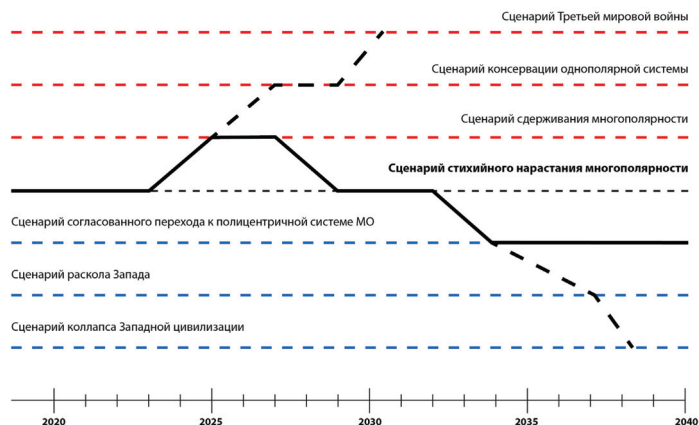

Рис. 4.1. План-схема управления динамическими прогнозами

Однако развитие исходного сценария никогда не может идти равномерно, по накатанной колее. На его осуществление могут оказывать влияние различные факторы, которые не были очевидны при изначальном построении прогноза. Поэтому вероятность неблагоприятного изменения баланса сил учитывалась прогнозистом и была заложена им в один из возможных сценариев, в данном случае — сценарий «сдерживания многополярности».

И вот, замер основных сценарных показателей, проведенный в 2023 году, показал, что в развитии исходного сценария наметились отклонения. Обозначилось его смещение в сторону указанного неблагоприятного сценария. Причиной этому стало усиление

разногласий в руководстве Китая, связанное с противоречиями по поводу дальнейшего политического и экономического курса страны. В ряде провинций усилились сепаратистские настроения. В руководстве Китая произошел раскол, ввергнувший страну в серьезный политический кризис. Запад воспользовался ситуацией и предпринял попытки спровоцировать отделение Гонконга и нескольких богатых провинций от основного Китая. США начали поставки современных вооружений военным силам мятежных территорий и ввели морскую блокаду портов, лояльных Центральному правительству Китая.

При этом анализ ситуации показывал, что при пассивной позиции России развитие событий вокруг Китая может привести к тому, что мировой баланс сил может измениться резко в пользу Запада. А это означало бы, что неблагоприятный вероятный сценарий станет основным. В свою очередь такой результат привел бы к тому, что два еще более негативных сценария перешли бы из разряда возможных (но пока маловероятных) в разряд более вероятных. Речь идет о сценарии «консервации однополярной системы» или о сценарии «третьей мировой войны».

Между тем, своевременное выявление тенденции отклонения исходного сценария в неблагоприятную сторону, позволило прогнозисту дать соответствующие рекомендации руководству страны. В результате Москва приняла решение оказать Центральному правительству Китая военно-техническую помощь, позволившую относительно быстро подавить выступления сепаратистов. К 2027 году Центральное правительство восстановило контроль над всей территорией Китая. Мировой баланс сил был восстановлен. А еще через два года международная обстановка вернулась в русло исходного сценария.

После этого, данный сценарий развивался в течение трех лет в рамках основного курса. Но затем, оценка сценарных показателей вновь выявила отклонения. На этот раз — в сторону благоприятного сценария, который можно условно обозначить как сценарий «согласованного перехода к полицентричной системе международных отношений». Причиной этого отклонения послужило резкое ослабление лидера западной цивилизации — США. Это было связано с углублением мирового финансово-экономического кризиса, потерей долларом США роли основной миро-

вой резервной валюты, безудержным нарастанием американского государственного долга, серьезными бюджетными проблемами, продолжением сокращения расходов на социальную сферу. Это вызвало нарастание общественного недовольства, череду бунтов и межрасовых конфликтов, а также усиление сепаратистских устремлений некоторых благополучных штатов.

Как следствие, к 2032 году США уже были не в состоянии поддерживать военные расходы на прежнем уровне и были вынуждены перейти к свертыванию своего военного присутствия за рубежом, чтобы переключить военные ресурсы на решение внутренних проблем. Для того чтобы этот процесс не происходил стихийно и не привел к неконтрольному падению влияния США в различных районах мира, Вашингтон пошел на заключение договоренностей с ведущими мировыми державами — Китаем, Россией и Индией о разграничении сфер влияния в Евразии и Азиатско-тихоокеанском регионе. В результате этих договоренностей начался согласованный переход мировой системы к полицентричной модели. В итоге сценарий «согласованное формирование полицентричной мировой системы» стал основным, то есть наиболее вероятным сценарием. Возникла возможность формирования многополярной системы международных отношений уже в 2035 году, причем, с гораздо меньшими затратами усилий и ресурсов со стороны России.

В то же время, развитие международной обстановки по благоприятному вероятному сценарию повысило актуальность двух возможных сценариев, которые до этого считались маловероятными. Речь идет о сценариях «раскола Запада» и «экономического коллапса Запада». Теперь уже прогнозирующему предстояло оценить преимущества каждого из этих сценариев для России и сделать соответствующие рекомендации политическому руководству.

Таким образом, динамическое прогнозирование является непрерывным процессом, который позволяет своевременно фиксировать изменения в международной обстановке и в случае необходимости вносить изменения в планы военного строительства и обороны страны. Неслучайно, элементы динамического прогнозирования используются во внешнеполитическом и военном планировании США, НАТО и Евросоюза.

4.4. Динамическое прогнозирование и компьютерное моделирование сценариев развития международной обстановки

При управлении динамическим сценарием развития МО важнейшей задачей является своевременное определение факторов и тенденций ведущих к отклонению исходного сценария от основной линии и его переходу к другому сценарию. Главным критерием, позволяющим выявить эти факторы и тенденции, является изменение мирового баланса сил²⁴². Существенное изменение баланса сил в пользу того или иного государства позволяет ему наиболее эффективно и полно реализовать свои национальные интересы. И наоборот изменение баланса сил в ущерб тому или иному государству затрудняет для него отстаивание своих национальных интересов.

Оценка тенденций, связанных с изменением мирового баланса сил, включает (но не ограничивается) следующие компоненты:

- Анализ программ военно-технического развития и военного строительства в различных государствах и оценка способности государств реализовать эти программы
- Оценка перспектив экономического и внутривластного развития государств и влияния этих процессов на изменение национальных интересов государств
- Изучение конфликтов национальных интересов государств, возможностей преодоления этих конфликтов или возникновения новых конфликтов интересов. Как следствие оценка перспектив образования новых союзов и коалиций и распада существующих.
- Оценка влияния на соотношение сил в мире различных международных организаций и негосударственных акторов.

Степень изменения мирового баланса в ту или другую сторону определяется при помощи сравнительного анализа компонентов силы России, ее союзников и противостоящих ей государств

²⁴² В данном случае под балансом сил понимается именно военно-политический баланс сил.

и коалиций. Критические изменения баланса сил, происходящие в реальном режиме времени, определить не трудно, так как они очевидны для любого компетентного наблюдателя. Однако пользы для стратегического прогноза от такой констатации происходящих событий нет никакой. Поэтому главной задачей является заблаговременное предсказание возможности таких изменений путем анализа внутривнутриполитических процессов в отдельных странах и тенденций развития науки и техники применительно к военной сфере.

В большинстве случаев баланс сил меняется постепенно путем накапливания количественных и качественных изменений на глобальном и региональном уровне. Своевременно отследить эти изменения удастся далеко не всегда, и когда они достигают критической точки и становятся очевидными для всех, то быстро восстановить прежний баланс оказывается практически невозможным. Так, например, Англия и Франция прозевали усиление Германии в 30-х годах прошлого века, что в итоге привело к Второй мировой войне. В первой декаде нынешнего столетия Запад также прозевал усиление Китая, который успешно конвертировал свое новообретенное экономическое могущество в военную мощь, способную противостоять США в Азиатско-тихоокеанском регионе. В итоге мировой баланс сил изменился не в пользу Запада.

По этой причине необходимо создание эффективного механизма, позволяющего своевременно выявлять факторы и тенденции ведущие к изменению баланса сил и вносить предложения руководству страны по корректировке политики в рамках динамического сценария. Ключевым элементом этого механизма могла бы стать динамическая компьютерная модель военно-политического баланса сил.

Преимущество такой модели состоит в том, что она может обновляться в реальном режиме времени путем ввода новых данных, которые будут показывать изменения баланса сил в ту или иную сторону. А это в свою очередь позволит судить о направлении развития динамического сценария и предсказывать возможное критическое изменение баланса сил еще до того, как оно фактически произойдет. Соответственно это увеличивает временной задел для принятия решения и осуществления соответствующих мер, позволяющих предотвратить изменение баланса сил в неблагоприятную сторону или наоборот, подтолкнуть те изменения, которые соответствуют интересам России.

Компьютерные модели прогнозирования довольно широко используются на Западе как применительно к отдельным странам и регионам, так и применительно к мировой системе в целом. Впервые математическая модель военного баланса была применена британским математиком Л. Ф. Ричардсоном (1881–1953). В 1935 г. он разработал математическую модель для прогнозирования военных приготовлений ведущих мировых держав. В 1939 году Ричардсон изложил свои взгляды на применение математических методов к вопросам внешней политики в фундаментальном труде «Обобщенная внешняя политика» (Generalized Foreign Politics. Br. J. Psychol. monograph. Suppl. no. 23, 1939, 91 pp.)²⁴³.

В дальнейшем математическое моделирование международных отношений получило широкое распространение в США. Эту методику разрабатывал профессор Йельского университета Карл Дойч²⁴⁴. Ее применяли известные американские политологи Р. Тантер, Р. Чэдвик, Б. Рассетт, Дж. Мильштейн и другие. В 1962–1975 гг. профессор Гавайского университета Рудольф Раммель руководил проектом «Размерность наций» (The Dimensionality of Nations (DON)), направленным на создание и развитие математической модели поведения государств в условиях международных конфликтов²⁴⁵.

В 1963 г. адъюнкт-профессор Мичиганского университета Дэйвид Сингер²⁴⁶, инициировал масштабный проект «Корреляты войны» («Correlates of War»), который продолжается до сих пор уже без его участия²⁴⁷. Не менее масштабный проект был осуществлен профессором Калифорнийского университета Чарльзом Макклелландом в 1966–1978 гг. Данные этого проекта, получившего назва-

²⁴³ The Collected Papers of Lewis Fry Richardson Volume Two: Quantitative Psychology and Studies of Conflict. Ed.: Oliver M. Ashford, H. Charnock, P.G. Drazin, J.C.R. Hunt, P. Smoker and Ian Sutherland. Cambridge University Press: 2009. P. 251–351.

²⁴⁴ Deutsch, Karl W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York: The Free Press, 1963. 316 p.

²⁴⁵ Rummel, Rudolph J. «The Dimensionality of Nations Project», In Comparing Nations: The Use of Quantitative Data in Cross-National Research. Ed.: Richard Merritt and Stein Rokkan. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 109–130.

²⁴⁶ Singer, David J. Models, Methods and Progress in World Politics: A Peace Research Odyssey. Boulder, Col.: Westview Press, 1990. — 314 p.

²⁴⁷ <http://www.correlatesofwar.org/>

ние «Обзор интерактивности мировых событий» (World Event/Interaction Survey (WEIS))²⁴⁸, до сих пор применяются в современных математических моделях международных отношений.

Большой вклад в развитие математического моделирования международных отношений внес профессор Канзасского университета, политолог и математик Филип Шродт²⁴⁹. Он, в частности, участвовал в создании таких моделей как KEDS (Kansas Event Data System) и CAMEO (Conflict and Mediation Event Observations). В 2007–2011 гг. Шродт принимал участие в разработке «Интегрированной системы раннего предупреждения конфликтов» (ICEWS) по контракту с Агентством передовых оборонных исследовательских проектов (DARPA) Министерства обороны США. В настоящее время Шродт является старшим научным сотрудником консультационной компании «Парус аналитикал системз» («Parus Analytical Systems»), где занимается разработкой программного обеспечения для прогнозирования политических конфликтов²⁵⁰.

Динамическая компьютерная модель военно-политического баланса могла бы основываться на методе сравнительного анализа с использованием статистических методик²⁵¹. Архитектура данной модели являлась бы схематичным отражением существующего соотношения сил в мире на данный конкретный момент. При чем ввод новых данных позволял бы в реальном режиме времени отслеживать и прогнозировать изменение этого баланса.

В этой модели можно было бы использовать некоторые допущения, которые позволили бы значительно сократить количество обрабатываемого материала, не нанося ущерб эффективности прогноза. В частности, не имеет смысла включать в эту модель все государства

²⁴⁸ McClelland, Charles. World Event/Interaction Survey (WEIS) Project, 1966–1978. ICPSR Study No. 5211, 1999. 32 p.

²⁴⁹ See: Schrod, Philip A. Microcomputer Methods for Social Scientists (Quantitative Applications in the Social Sciences). Newbury Park, California: SAGE Publications, 1987. 96 p.

²⁵⁰ <http://parusanalytics.com/>

²⁵¹ Подробнее см.: Александров М. В. К вопросу о возможности создания математической модели прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ // Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014. С. 25–49.

и союзы. Достаточно ограничиться теми из государств и союзов, которые располагают существенной силой. Более того, можно, видимо, абстрагироваться от тех государств, которые хотя и обладают определенным силовым потенциалом, но по объективным причинам не могут оказывать значительного влияния на национальную безопасность РФ. Такие страны определяются эмпирическим путем.

Для прогнозирования военно-политической ситуации в отдельных регионах модель должна содержать региональные матрицы. Через них можно будет определять состояние и тенденции изменения баланса сил в регионах, имеющих жизненно-важное значение для национальной безопасности России. Здесь следует учитывать, что региональные балансы сил играют важную роль в развитии мировых военно-политических процессов. Это связано с тем, что изменение региональных балансов сил может, в конечном счете, привести к изменению глобального баланса сил.

Значение региональных балансов сил особенно актуально, когда на глобальном уровне существует равновесие (паритет) сил и ни одно государство (или группа государств) не может добиться решающего превосходства над своими оппонентами. В этом случае ведущие игроки стремятся изменить баланс сил в стратегических точках с тем, чтобы ослабить там позиции своих конкурентов. Вследствие постепенного накопления таких количественных изменений, глобальный баланс сил может, в конце концов, принципиально измениться не в пользу России.

Важнейшим методологическим вопросом является определение того, какие элементы национальной мощи государств должны использоваться при построении модели. Некоторые исследователи полагают, что следует подсчитывать все элементы национальной мощи. Это, однако, сильно затруднило бы построение модели и сделало бы ее гораздо более громоздкой, не гибкой и сложной для использования. При этом возник бы целый ряд сложных методологических проблем, связанных с тем, как конвертировать различные компоненты национальной мощи в военно-политическое влияние. Тем более что такая конвертация не может быть прямолинейной и одномоментной.

Так, если взять пример Японии, то очевидно, что это — передовое государство, с одной из крупнейших в мире экономикой, высоким уровнем развития науки и техники, дисциплинирован-

ным и образованным населением, но относительно слабыми вооруженными силами. Как следствие, военно-политическое влияние Японии незначительно. И даже если предположить, что Япония решила бы существенно увеличить свою военную мощь, то сделать это быстро она все равно не смогла бы. Например, для создания современной военной авиации Японии потребовалось бы не менее 10 лет. Примерно такие же сроки необходимы для того, чтобы создать современные баллистические и крылатые ракеты. Причем успех этих начинаний далеко не гарантирован. Зато утаить подобные программы от других государств Япония не смогла бы. Поэтому этот фактор сразу бы стал учитываться в процессе динамического прогнозирования.

Поэтому представляется, что для целей анализа и прогноза соотношения сил в мире можно было бы ограничиться сравнительной оценкой военных потенциалов государств и динамикой их развития. Тем более, если учесть что современные вооруженные силы настолько сложны, что в них, так или иначе, отражаются все другие компоненты национальной мощи, включая экономику, науку и технику, национальный человеческий капитал и многое другое. Так что тезис, выдвинутый в свое время З. Бжезинским об СССР, как «Верхней Вольте с ракетами», является лишь красочным пропагандистским штампом. Слабо развитые страны не могут обладать современными вооруженными силами.

Военно-политический баланс складывается из двух компонентов: военной силы самих государств и их союзов. Его изменения (или поддержания статус-кво) можно достигнуть различными способами, но в принципиальном плане они сводятся к трем дополняющим друг друга стратегиям:

- наращивание собственной силы;
- ослабление оппонентов;
- достижение с оппонентами соглашений о взаимных самоограничениях.

Наращивать собственную силу можно развивая военную экономику, создавая более эффективные виды вооружений (либо просто увеличивая численность вооруженных сил), укрепляя военно-технический потенциал, повышая эффективность военного управления и качество дипломатии, а также формируя союзы с государствами, имеющими схожие интересы.

Ослаблять конкурентов тоже можно различными способами, например, подогревая противоречия внутри этих государств, деморализуя их население путем подрыва национального духа и системы ценностей, препятствуя их эффективной внешнеэкономической деятельности, расстраивая их союзы, а также создавая проблемы в районах их жизненно-важных интересов.

История также знает примеры, когда государства, осознав тщетность попыток добиться стратегического превосходства и разорительность бесконечной конфронтации по всем азимутам, шли на заключение компромиссных соглашений. Это могли быть соглашения о разделе сфер влияния или об ограничении вооружений. Однако заключение подобных соглашений на справедливой основе возможно только с позиции силы. Также сохранение таких договоренностей может быть гарантировано только в условиях поддержания устойчивого и благоприятного для своей страны баланса сил.

При этом следует учитывать, что любое существенное изменение военно-политического баланса в ущерб России уже само по себе создает для нее потенциальную военную угрозу, независимо от намерений и желаний других государств. В случае же, если такое изменение баланса сил происходит в пользу стран, имеющих с Россией конфликт национальных интересов, то такая угроза становится реальной. Потенциальные военные угрозы являются менее опасными, чем реальные, но, тем не менее нуждаются в постоянном мониторинге и нейтрализации.

Неблагоприятное для РФ изменение военно-политического баланса сил может происходить вследствие действия военных, военно-технических, политических и идеологических факторов.

- К военным факторам относится наращивание каким-либо государством, либо коалицией численности вооружений и вооруженных сил, позволяющее достигнуть существенного количественного военного превосходства над РФ.
- К военно-техническим факторам относится разработка в других странах новых видов и систем вооружений, способных обеспечить реальным и потенциальным противникам существенное, качественное военное превосходство над РФ.
- К политическим факторам относится изменение внешнеполитической ориентации отдельных государств или групп го-

сударств в сторону сближения с противниками РФ, ведущее к неблагоприятному изменению стратегической обстановки вокруг РФ.

- К идеологическим факторам относится неблагоприятное изменение морально-политического состояния общества и особенно вооруженных сил РФ, а также союзных с ней государств и их армий под воздействием информационной политики реальных и потенциальных противников.

Построение динамической компьютерной модели военно-политического баланса сил должно начинаться с ввода в нее данных о военных потенциалах государств. Причем эти данные вводятся как в глобальную, так и в региональные матрицы. При этом, учитывается, что военный потенциал одного и того же государства в каких то регионах может быть выше, а в других может быть ниже в зависимости от его географического положения и иных факторов, связанных с мобильностью военной силы. Затем государства группируются по принципу военно-политических союзов как враждебные России, нейтральные и дружественные России.

Оценка военной силы государства может осуществляться путем синтеза количественных и качественных показателей. Сначала осуществляется подсчет количества различных типов вооружений, военнослужащих, военных объектов, запасов вооружения на складах и базах хранения, запасов продовольствия и обмундирования, численности мобилизационного резерва и других исчисляемых компонентов, связанных с военной организацией государства. Затем каждому количественному показателю присваиваются качественные коэффициенты.

Разработка качественных коэффициентов — непростая задача, но она решаемая. Такие коэффициенты могут быть выведены на базе сравнительного анализа характеристик военной техники, причем с учетом опыта ее эксплуатации и применения. То есть исходить из того, насколько данная боевая единица лучше или хуже другой. Такой же подход может применяться и к оценке качества личного состава вооруженных сил. Таким образом, качественные коэффициенты должны быть построены по относительному принципу, где за эталон принимается какая-то система вооружений, хорошо известная и проверенная в деле.

Например, танк Т-72 может иметь коэффициент 1. При этом более современный танк Т-90 будет иметь коэффициент 1,5, а устаревшие Т-64 — коэффициент 0,7. Такой же подход применим и к личному составу. Военнослужащий контрактник с 3-х годичным стажем службы может иметь коэффициент 1, при наличии опыта боевых действий — 1,5, а призывник — 0,5. Качество вооружений и личного состава потенциального противника также будет выражаться в коэффициентах относительно аналогичных российских систем и военнослужащих.

Применив коэффициенты к соответствующим боевым единицам, а затем суммировав их, мы получим некое общее число (сумму баллов), отражающее качественные и количественные характеристики данного вида боевой техники и личного состава. В дальнейшем эти баллы могут суммироваться с тем, чтобы получить общую цифру для каждого рода войск, вида вооруженных сил и военного потенциала страны в целом.

Поправки — это более общая категория, которая должна применяться не к отдельным боевым единицам, а к целому классу предметов или явлений. Например, морально-политическое состояние личного состава вооруженных сил можно выразить условно, сравнив его с таковым в армиях потенциального противника. Такая оценка возможна путем тщательного изучения состояния морального духа в собственной армии и армиях других государств. На основе такого анализа сила собственной армии, выраженная в баллах, может либо повышаться на определенную величину, либо понижаться. Ниже приводится условная графическая схема исчисления военной силы (рис. 4.2).

Определение коэффициентов качества военной техники является, пожалуй, наиболее сложным делом в создании модели. Эти коэффициенты должны рассчитываться на основе конкретного опыта применения и эксплуатации боевой техники. Можно также использовать моделирование боестолкновений, как это делается в армиях некоторых государств, где, например, проводятся имитационные воздушные бои. На основе этих боев выявляется степень эффективности различных типов боевых самолетов относительно друг друга. Такой же подход применим и к другим типам военной техники — танков, артиллерии и т. п. Проводящиеся сейчас в РФ

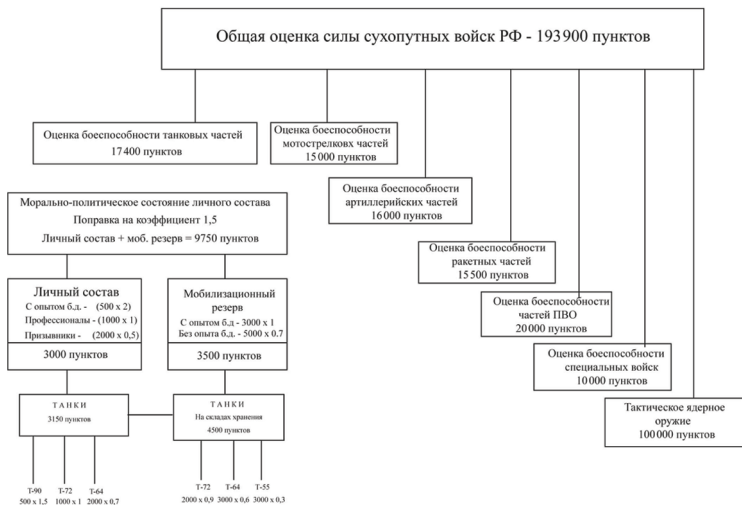

Рис. 4.2.

международные танковые биатлоны и армейские игры могут способствовать выработке таких коэффициентов.

Следующим этапом построения модели является ввод в нее переменных величин, отражающих политические изменения на международной арене. Такие изменения могут очень серьезно влиять на глобальный и региональный баланс сил. Например, распад Варшавского договора ослабил военную силу СССР. А продвижение НАТО на восток, напротив, усилило позиции этого альянса, причем не столько за счет военного потенциала новых членов, сколько за счет более выгодных геостратегических позиций у границ России.

Возможны и другие формы воздействия международных событий на военную силу государства. Например, вовлеченность США в военные действия в Афганистане и Ираке привело к определенному распылению американских ресурсов и ограничило возможности применения силы в других районах мира. Участие российской армии в подавлении сепаратистского мятежа в Чечне привело к ограничению возможности Москвы влиять на ситуацию в Южной Осетии и Абхазии в российских интересах. Когда же угроза сепаратизма на Северном Кавказе была устранена, Россия смогла занять более жесткую позицию в отношении Грузии.

Подсчет влияния политических переменных на силу государства можно осуществлять следующим образом. Если в какой либо стране, являющейся союзником потенциального противника РФ, может произойти дестабилизация или эта страна, в связи со сменой политического режима, может изменить свою внешнюю политику (например, провозгласить нейтралитет), то ее военная сила вычитается из силы союза, противостоящего РФ. Если же в добавление к этому в данной стране начинается внутренний вооруженный конфликт, что требует вмешательства альянса, противостоявшего РФ, то из военной силы этого альянса вычитаются ресурсы, необходимые для стабилизации там обстановки. То же относится и к случаям вовлечения противостоящих РФ государств в локальные и региональные военные конфликты.

Наоборот, если какое-нибудь государство может в случае обострения международной обстановки стать союзником РФ, то его потенциал плюсуется к нашему. А если на территории кого-то из союзников РФ происходит дестабилизация или внутренний конфликт, то эта страна из нашей военной силы вычитается, также как и ресурсы, необходимые на стабилизацию там обстановки.

Прогноз возможного поведения различных государств в кризисный период осуществляется на основе предварительных экспертных оценок, которые затем вводятся в матрицу модели в качестве переменных величин. Таких вариантов, по существу, всего три — союз с РФ, нейтралитет и союз с потенциальным противником. При составлении прогноза эти переменные могут изменяться, отражая многовариантность политического процесса.

Определенное влияние на военно-политическую ситуацию в мире могут оказывать негосударственные игроки, такие, как например, террористические организации. В то же время их самостоятельное значение не стоит преувеличивать. Собственный военный потенциал этих организаций — относительно небольшой, и им вполне можно пренебречь, подсчитывая общее соотношение военных сил. Тем не менее, эти организации могут сыграть важную роль в каких-то критических точках, выступая как катализатор политической дестабилизации или поддержания напряженности. Поэтому данный фактор следует учитывать при составлении экспертной оценки политического развития тех или иных государств и регионов.

Таким образом, предлагаемая компьютерная модель позволила бы быстро прогнозировать степень и направления изменения военно-политического баланса. Сравнение параметров военной силы РФ и ее союзников с соответствующими параметрами силы реальных и потенциальных противников позволит делать выводы о том, существует ли угроза критического нарушения баланса сил не в пользу РФ. При этом параметры военной силы реальных и потенциальных противников РФ и самой России можно было бы условно изменять с учетом имеющихся программ военного строительства, разработки новых систем вооружений, а также ожидаемых политических перемен на международной арене. Это позволит смоделировать состояние будущего военно-политического баланса в мире при тех или иных сценариях развития МО.

Более того, данная модель поможет выявлять те компоненты военной силы, где Россия проигрывает реальным и потенциальным противникам, равно как и те, где она располагает преимуществом. А это в свою очередь обеспечит возможность наметить пути выравнивания военно-политического баланса и даже достижения превосходства над противником в зависимости от поставленных задач. Таким образом, данная модель создает основу для внешне-политического и оборонного планирования по оптимальному сценарию.

Глава V
Оценка потенциалов
государств и коалиций,
цивилизационных
и национальных
возможностей

Ключевым элементом составления стратегического прогноза является оценка соотношения сил и динамики его изменения. Без этого, как уже отмечалось, невозможно определить основной вектор развития международной системы. Для анализа соотношения сил используются различные методики. Однако в любой такой методике (кроме интуитивной) наиболее важную роль играет оценка потенциалов государств. Ведь именно государства являются основными составными «кирпичиками» из которых складывается система международных отношений. Из этих «кирпичиков» затем формируются различные комбинации, включая союзы, коалиции и цивилизации. При этом, конечно, нельзя сбрасывать со счетов и негосударственные акторы системы международных отношений, роль которых в XXI веке неуклонно возрастает. Тем не менее, сейчас и в прогнозируемый период основное влияние на мировой арене будет оставаться за государственными акторами.

Таким образом, вопрос оценки и прогноза возможностей и ресурсов является одним из ключевых в политической стратегии. При этом вопрос о собственном военном ресурсе (военном потенциале — ВП) является основным, если рассматривать этот потенциал как «совокупность (всех) задействованных и потенциальных материальных, и духовных возможностей государства, которые могут быть использованы в военных целях при максимальном и своевременном их раскрытии и применении». А военные потенциалы, как отмечают российские эксперты, определяются возможностями страны (коалиции стран) «содержать и совершенствовать вооруженные силы, обеспечить достижение целей войны»²⁵².

Налицо, в одном абзаце, очевидное противоречие: если первое определение предполагает использование задействованных

²⁵² Фомин А.Н., Рябошапка В.А., Самарин И.В. Методика оценки военных потенциалов стран на основе рейтинга Business Insider / Вестник академии военных наук. 2015. № 1 (50). С. 32.

и потенциальных материальных и духовных возможностей государства, то второе — возможности содержать и обеспечивать вооруженные силы. Подобное противоречие у одних и тех же авторов не случайно. Оно отражает существующую недооценку целого ряда современных факторов, определяющих собственно военные возможности государства или цивилизации. И прежде всего устаревшее представление о собственно «военных возможностях» как целом спектре средств и способов ведения войны. Если прежде эти возможности предполагали «основной набор» состоящий из ВиВТ, а также личного состава и обученного резерва, то в настоящее время спектр военно-силовых средств и способов ведения войны стал существенно шире — от возможностей телевидения и средств гражданской связи до культурной экспансии.

Для сравнения воспользуемся двумя логическими моделями, в которых описывается содержание и структура военных организаций. В первой модели демонстрируется традиционное представление, которое еще доминирует в российском военном мышлении.

Рис. 5.1.

По сути дела в содержании и структуре государства уже заложены те ресурсы, которые, в конечном счете, и составляют военный потенциал как «возможности страны содержать и совершенствовать вооруженные силы ... для ... достижения целей войны». Соответственно и количественные, и качественные оценки, прогнозы и сопоставления с ВП других стран также будут происходить из этих критериев.

На самом деле (и это, к сожалению, в полной мере учитывается в США) современное содержание и структура военной организации государства иная. Кроме уже указанных элементов она включает на равных (а, может быть, и более важных) правах те элементы, которые в российской структуре не предусматриваются.

Рис. 5.2. Содержание и структура (упрощенный вариант) современного представления о военной организации государства и его ВП

Из сравнения двух структур легко увидеть, что военная организация западной ЛЧЦ и ее ВП принципиально отличаются от российской:

- включает уже существующие и развивающиеся международные финансово-экономические, военно-политические и идеологические системы, находящиеся под контролем США;
- включает развитую систему институтов гражданского общества, т. е. «мягкой силы» — от университетов, фондов и прочих общественных, автономных и других организаций, находящихся под контролем правящей элиты западной ЛЧЦ;
- включает развитую систему негосударственного бизнеса, способную мобилизовать огромное количество ресурсов в интересах ВП.

Таким образом, любые сравнения и сопоставления ВП государств, наций и ЛЧЦ должны исходить из максимально полного учета всех ресурсов и возможностей этих субъектов международных отношений.

5.1. Количественные методы оценки потенциалов государств, коалиций и цивилизаций в XXI веке

Количественная оценка военно-экономического, военного и военно-политического и др. потенциалов разных стран и локальных цивилизаций имеет важное значение как для определения реальной «точки отсчета» в развитии того или иного сценария МО и её вариантов, так и прогноза развития субъектов и акторов международных отношений.

Вместе с тем такие оценки изначально должны производиться при учете логики развития МО, последовательности различных этапов и значения существующих и будущих сценариев и их вариантов развития МО и ВПО, конкретных целей политики и множества других субъективных факторов, совокупность которых значительно перевешивает значение количественной оценки государственного военного потенциала.

В частности, если говорить о среднесрочной перспективе до 2021 года, то мы исходим из существования наиболее вероятного сценария противоборства ЛЧЦ, как минимум, в его трех вариантах применительно к России. Этот сценарий, безусловно, учитывает соотношение военных и иных сил и потенциалов, но они не являются решающими для его обоснования. Так, современное соотношение сил между западной и российской ЛЧЦ, как минимум, 20:1, а в действительности еще больше. С военной точки зрения такое соотношение сил может означать только одно — бесспорное поражение в войне России, что, однако, не является совершенно бесспорным.

Такая ситуация, безусловно, накладывает существенный отпечаток на субъективные количественные оценки экспертов. В частности, например, если речь идет об оценке коалиционного потенциала западной ЛЧЦ. Но не только. Субъективный характер количественных оценок МО отражается даже в подсчете тех факторов, которые, как представляется, могут быть подвергнуты количественному анализу, в том числе по методу Саати, получившему широкое распространение на Западе в последние десятилетия. Именно поэтому к такому анализу стоит относиться с осторожностью. Он, безусловно, позволяет лучше анализировать ВПО, но отнюдь не делать точные прогнозы. Ведь важнейшим условием достижения победы является не наличие абстрактных потенциалов, а возможности их концентрации в нужном месте в нужное время.

5.1.1. Плюсы и минусы количественного анализа потенциалов субъектов международных отношений

Развитие того или иного сценария МО во многом предопределено наличием у ЛЧЦ или государств ресурсов для реализации своих внешнеполитических целей. Поэтому вопрос об оценке и со-

поставлении этих ресурсов всегда являлся одним и важнейших вопросов внешнеполитической и военной стратегии. При этом разведки и генеральные штабы всех стран мира пытались и пытаются дать максимально точные оценки, которые, как правило, приводятся, в конечном счете, к количественным критериям — тоннам добываемого угля и выплавляемой стали, количеству танков, самолетов, боеспособных дивизий, судов ВМС и т. д.

Всю историю человечества предстояло решать, как минимум, два вопроса, когда речь шла о противоборстве государств и коалиций. Во-первых, о том, каким образом получить максимально точные и полные данные, а, во-вторых, как их оценить (измерить) и проверить их достоверность. И, несмотря на огромные средства, которые до сих пор тратятся на агентуру и аналитику, проблема точного ответа на эти вопросы сохраняется до сих пор. Прежде всего, потому, что есть некие параметры, которые трудно поддаются количественным оценкам, а также потому, что в политике очень важную роль продолжают играть субъективные факторы.

Одной из попыток количественной обработки субъективных оценок является Метод Анализа Иерархий (МАИ, иногда МетАниЕ), использующий методологию Саати. МАИ представляет собой математический инструмент системного подхода к сложным проблемам принятия решений. МАИ не предписывает лицу, принимающему решение, какого-либо «правильного» решения, а позволяет ему в интерактивном режиме найти такой вариант решения, который наилучшим образом согласуется с его пониманием сути проблемы и требованиями к ее решению²⁵³.

Иногда складывается впечатление, что популярность метода Саати обусловлена не его, метода, твердой математической основой и/или приемлемыми практическими результатами, а массивной рекламной кампанией, целью которой, не исключено, является направление конкурирующих групп аналитиков из разных стран по ложному и трудоемкому пути. Более того, иногда даже пахнет интеллектуальной спецоперацией. Попробуем разобрать простой пример. Потенциалы человеческого развития трех стран — важнейшего современного ресурса — соотносятся по мнению Эксперта № 1

²⁵³ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%ED%E0%EB%E8%E7%E0_%E8%E5%F0%E0%F0%F5%E8%E9

Страна	США	Китай	Россия
США	1	7	3
Китай		1	1
Россия			1

А, по мнению Эксперта № 2

Страна	США	Китай	Россия
США	1	1	7
Китай		1	7
Россия			1

Обработка (любым, более или менее подходящим методом) даст какую-то среднюю оценку потенциалов трех стран, например, по десятибалльной шкале:

1. США — 8
2. Китай — 7
3. Россия — 6

Интуитивно сразу ясно, что оба эксперта сильно ошиблись в оценках, причем в разные стороны. Так, в первом случае качество ЧК в России существенно выше, а количество — ниже, хотя выглядит наоборот. Итоговый индекс, вроде бы, ближе к реальности, хотя, скорее всего, 1 и 2 номера нужно поменять местами. Авторы методики предполагают, что при большом количестве экспертов их ошибки будут взаимно нивелированы. Однако, ни теорией ни практикой это не подтверждается.

Из общих соображений понятно, что недостоверный (субъективный) исходный материал при любой, сколь угодно изощрённой математической обработке, не может дать точных индексных значений. Но международные отношения и являются (как и все явления в социальной области) изначально субъективными. Более того математики хорошо знают, что при неточных данных, чем больше составных частей в индексе тем он менее отражает реальность т. к. ошибки содержащиеся в каждом ингредиенте, перемножаясь, увеличивают неточность конечного результата. Поэтому статистики редко берутся сводить больше 3–4 исходных данных в обобщенный индекс.

Именно поэтому у нас ничего не вышло, когда мы захотели улучшить ИРЧП ПРООНа добавлением показателей. Вместо этого следовало бы взять 3–4 точных числа по странам:

1. Территория — фундаментальное число — содержит: ареал обитания, ресурсы недр, логистику и прочее;
2. Бюджет — это богатство, экономический буфер (подушка), возможность развития (инвестиции);
3. Население — главный экономический и мобилизационный потенциал;
4. ИРЧП — качество рабочей и военной силы.

Здесь только последнее число необъективно, но этот индекс так давно и тщательно используют, что его можно считать вполне достоверным.

В этих числах нет субъективных составляющих и их, составляющих, немного — значит их суммарный индекс будет отражать что-то реальное.

Можно взять другие составляющие, но тогда какие-то придется выбросить: 3–4 показателя — это максимум. И никаких субъективных, неоднозначных данных — типа количество танков и самолетов — слишком разные они у разных стран — их сравнивать нельзя, хотя именно такими сравнениями и занимаются Генеральные штабы всех государств.

Можно, группируя по 3–4 исходных, создать несколько индексов, а не один. Например:

1. Территория / Бюджет / Население / ИРЧП.
2. Длина границы / Военный бюджет / Количество военнослужащих / Резервисты.

Из всего вышеизложенного очевидно, что метод Саати — несмотря на свою распространенность, не является инструментом, дающим объективные результаты. Скорее его популярность свидетельствует о беспомощности современной науки в области прогнозирования действительно сложных процессов.

Нами была предпринята попытка использовать этот метод Саати для сравнения военных потенциалов противостоящих государств. В частности, экспертам было предложено сделать оценку некоторых потенциалов. По полученным результатам, после обработки данных экспертизы, было осуществлено вычисление совокупного потенциала с использованием

мультипликативной свёртки степенных функций частных потенциалов. Требовалась экспертная оценка вкладов потенциалов: военно-экономического, военного, военно-политического, управленческого, коалиционного и человеческого развития в совокупный военный потенциал. Например, потенциал превосходства «незначительное» оценивается в 3 балла, «высокое» — 7 баллов. Эту схему предложил известный эксперт генерал-майор С. Цырендоржиев.

Для оценки потенциалов используется следующая шкала градаций ²⁵⁴ / Степень превосходства оцениваемого параметра над другими	Одинаковая	Незначительная	Средняя	Высокая	Абсолютная
Оценка	1	3	5	7	9

Сравнительная оценка потенциалов осуществлялась по методу Саати, для чего заполняется верхняя часть матрицы сравнения потенциалов для заданной выборки стран. Заполнение матрицы сравнения осуществлялось следующим образом. По диагонали матрицы записывается единица. В верхней треугольной матрице эксперт указывает число от 1 до 10 на основе парных сравнений потенциалов страны с номером $i = 1, 2, \dots, n$ с остальными странами. Пример заполнения таблиц показан ниже (табл. 5.1–5.3).

Результаты таких оценок мы рассмотрим ниже, однако изначально необходимо говорить о том, что сами по себе количественные методы без встраивания их в логику развития того или иного сценария МО и его вариантов представляются малообоснованными. Однако они могут служить существенным инструментом для логико-интуитивных операций экспертов. В частности, если изначально оценки делаются, например, из выбранной модели развития долгосрочного сценария МО. Ниже предлагается одна из таких моделей сценария среднесрочного развития МО до 2021 года, исходя из имеющихся данных на середину 2015 года (рис. 5.3).

²⁵⁴ Допустимо использовать как целые, так и дробные числа.

Таблица 5.3. Военно-политический потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	5	5	5	6	7	8	7
Китай		1	1,5	5	6	4	8	6
Россия			1	4	3	3	5	5
Германия				1	1,5	1	3	3
Франция					1	1	2,5	3
Англия						1	3	4
Италия							1	0,33
Япония								1

Модель, предложенная на рисунке 5.3, изначально исходит из того, что будет реализовываться сценарий эскалации противоборства западной ЛЧЦ в нескольких возможных вариантах. Не допускается иных вариантов, например, «разрядки» или «перезагрузки», сутью которых стала бы принципиальная смена курса.

Из этой логической схемы видно, что наиболее реалистичский сценарий развития МО до 2021 года предполагает достаточно быструю эволюцию современного сценария в новый этап сетецентрической войны — вооруженный региональный конфликт на Украине и самое широкое противостояние с Россией, включая вооруженное, т. е. превращение нынешней ВПО в конкретную вооруженную стадию СО как глобальной войны еще до 2021–2022 годов.

Этот вполне категорический вывод неизбежно влияет на экспертов, которые делают количественные оценки, эксплицитно или имплицитно. Понятно, что эксперт заведомо соотносит свои знания, интуицию и ощущения с тем или иным сценарием развития МО не только потому, что его отношение к реальности может быть пессимистично или оптимистично, но и потому, что эксперт пользуется (невольно отбирает) той или иной информацией.

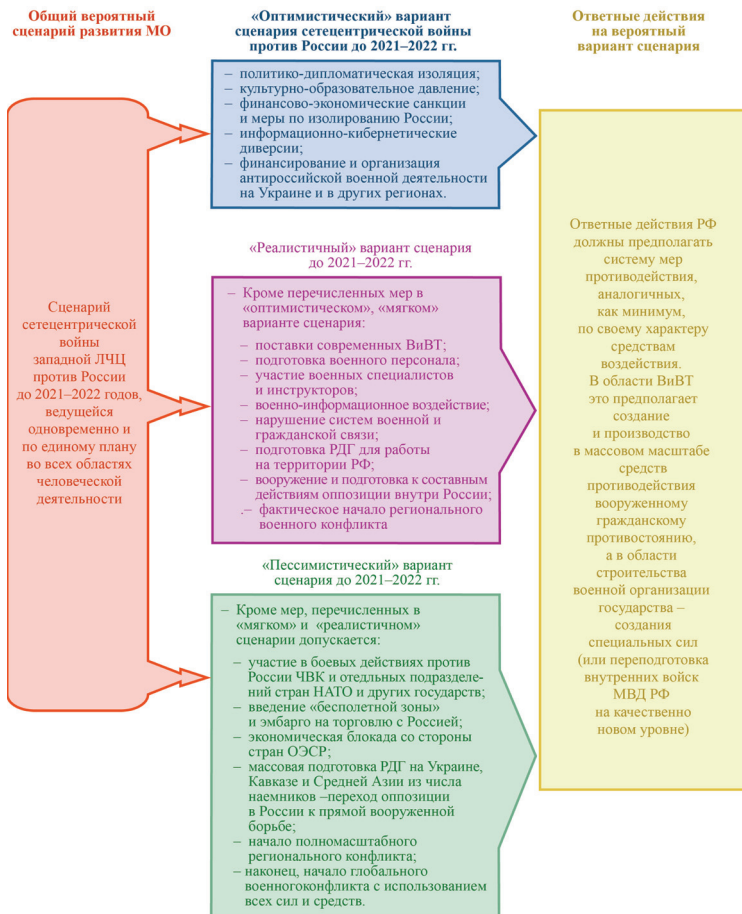

Рис. 5.3. Модель (логическая схема) развития современного варианта сценария МО как сценария сетецентрической войны против России до 2021–2022 годов

В еще большей степени оценки экспертов зависят от того, какие ответные действия должна предпринимать Россия в политической, военной и экономической областях. Даже если эксперт и не является так или иначе ангажированным, его информированность, политические пристрастия и прочие факторы неизбежно влияют

на качество субъективной оценки. Эти и другие соображения, как представляется, должны учитываться при количественном анализе социально-политических процессов, прежде всего относящихся к военно-политической области, в которой субъективность особенно превалирует.

5.1.2. Оценка вкладов различных компонентов национальной мощи в военный потенциал страны

Формирование будущих сценариев развития МО происходит под сильным влиянием национальных стратегий ведущих мировых государств, которые, в свою очередь, зависят от национальных ресурсов и перспектив их развития. Таким образом, оценка потенциалов государств является важной частью анализа существующей и будущей МО, без которой стратегический прогноз развития сценариев МО во многом теряет свою обоснованность. Эта часть анализа, таким образом, занимает важное место во всем политическом процессе, который иллюстрируется на следующем рисунке (рис. 5.4).

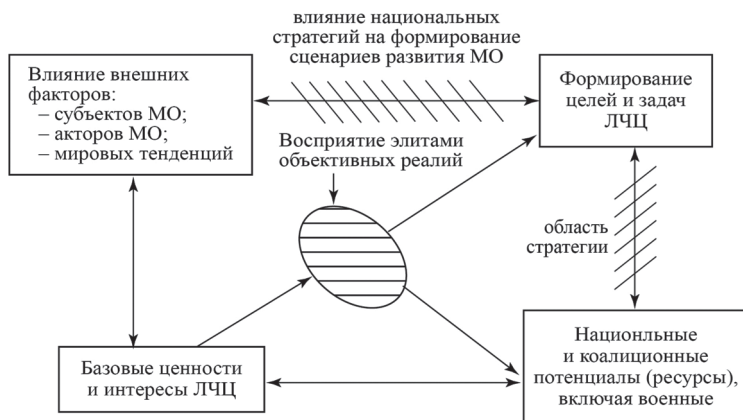

Рис. 5.4. Место потенциалов (ресурсов) государств в политическом процессе при формировании сценариев развития МО

В XXI веке влияние различных невоенных потенциалов стремительно усиливается. Сетевая, системная и сетевая структура по своему характеру война и внешняя политика в еще большей степени ускоряют этот процесс. Важнейшая угроза России со стороны западной ЛЧЦ состоит сейчас не в военно-технической, экономической или технологической области (и разнице в потенциалах), а в цивилизационной и общественно-политической: ассоциация Украины с ЕС, которая не имела сколько-нибудь заметного экономического и военного значения, угрожала национальной идентичности России и ее суверенитету тем, что значительная часть собственно правящей российской элиты могла бы последовать вслед за украинской элитой.

Как справедливо заметил российский исследователь Л. Савин «Жасминовая революция в Тунисе, египетские беспорядки, названные финиковой революцией, далее бунты в Ливии и других арабских странах, акции протеста в странах ЕС, наконец, события на Манежной площади в Москве и их последствия демонстрируют, что динамика сетевой организации в разных странах продолжает расти. Акторами сетевой войны продолжают выступать представители самых различных формальных и неформальных структур — от этнических групп и диаспор, идеологических объединений и профсоюзов до транснациональных корпораций и лобби групп, частных военизированных структур и преступных группировок.

Поскольку границы сетевой войны размыты, инициаторы ее проведения также зачастую остаются вне поля зрения. Используя классические механизмы конфликтов — от подстрекательства до поощрения, авторами сетевых войн часто оказываются различные исследовательские институты, аналитические центры и неправительственные фонды, разрабатывающие сценарии по заказу различных правительственных агентств»²⁵⁵. Войны в Ираке, Афганистане, Сирии и особенно деятельность ИГИЛ в 2014–2015 годах, которая сумела охватить сразу несколько континентов и нанести поражение армиям государств — наглядная иллюстрация того как сетевые структуры могут быстро и глобально мобилизовываться и успешно бороться с государством.

²⁵⁵ Савин Л. В. Сетевая структура и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 116.

Не трудно предсказать, что развитие будущих сценариев МО будет находиться под сильным влиянием темпов развития возможностей сетевых структур: «Сама сеть и сетевая стратегия стремительно развиваются. Они находят все новые и новые щели, новые маршруты и техники распространения контроля. Сетевые войны требуют новых подходов, новых методов работы, новых форм организации систем безопасности государства²⁵⁶, справедливо пишет Л. Савин.

Естественно, что противодействие влиянию этих стратегий и ресурсов предполагает, как минимум, наличие своего влияния. Война на Украине в 2014–2015 годах, в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене, операции ИГИЛ продемонстрировали, что именно сетевые, управленческие, медийные потенциалы становятся решающими ресурсами при ведении силового и вооруженного противоборства, нередко вытесняя даже традиционные военные потенциалы. Но, к сожалению, далеко не всегда эти ресурсы и возможности учитываются при оценке и сопоставлении военных потенциалов, хотя даже первая война в Ираке в 1991 году показала значение СПП и даже незаконченной GPS. По-прежнему предпочитают подчитывать ВиВТ, число дивизий и бригад, не уделяя достаточного внимания сетевому и сетецентрическому компонентам.

Сказанное означает, что в XXI веке сам характер политических и военных угроз изменился. Наиболее приоритетными целями стали, как уже говорилось, не вооруженные силы, военные потенциалы и иные военные возможности государств, а собственно правящие элиты, их политика, национальная система ценностей и человеческий капитал. Это делает традиционные сопоставление государственной и военной мощи бессмысленным. Даже в войне на Украине 2014–2015 годов собственно военные потенциалы играли незначительную роль: их принадлежность быстро менялась, а количество танков и орудий имело гораздо меньшее значение, чем информационно-пропагандистское обеспечение и моральный дух.

Тем не менее, сравнение военных потенциалов имеет прикладное значение в особенности если в нем учитывается группа нематериальных факторов, прежде всего качество и объем наци-

²⁵⁶ Савин Л. В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 116.

онального человеческого капитала²⁵⁷. Поэтому стратегический прогноз не может не учитывать этих аспектов.

Совокупный потенциал государства и совокупный военный потенциал — достаточно близкие понятия, однако между ними не может быть равенства по целому ряду причин. Главная из них заключается в том, что совокупный военный потенциал является, по сути, фактором, т. е. уже реализованным государственным потенциалом или его частью, долей (процентом и т. п.), которая может быть больше или меньше, но не равна всему государственному потенциалу. Эта доля военного потенциала может в разные периоды истории государства существенно отличаться. Так, во время войны она максимально приближена к государственной мощи, а в мирные периоды — составлять ее незначительную часть.

Очевидно, вместе с тем, что не только сам абсолютный «вес» этой части военного потенциала определяет его объем, но в значительно большей степени — собственно величина совокупного государственного и общественного потенциала. Так, «вес» военного потенциала может измеряться, например, долей военных расходов в ВВП государства, которая сегодня в развитых государствах составляет 1,5–2% (но в США, Израиле, Саудовской Аравии и ряде других стран существенно выше). В то же самое время сам объем ВВП страны, от которого исчисляется доля военных расходов, играет решающее значение. Так, например, доля в 1,5% от ВВП Японии значительно больше, чем доля в 2% от ВВП Франции. Вот почему для оценки военных возможностей страны важна оценка не только собственно военного потенциала, но и всех национальных возможностей государства.

Это соображение — соотношения собственно объемов военных потенциалов и национальных потенциалов — имеет огромное значение для реальной оценки, например, мобилизационного резерва, который для Индии (с населением в 1350 млн человек) и России (146 млн человек) будет находиться в соотношении 10:1. Особенно важное значение в этой связи имеют такие характеристики национальных потенциалов как качество НЧК, уровень технологического развития, степень развития институтов гражданского общества,

²⁵⁷ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

численность креативного класса и другие показатели, ставшие в последние годы решающими при оценке государственной мощи.

Оценка собственно, военных показателей имеет также важное значение. Характер современной войны, эволюция развития различных вариантов сценариев МО и ВПО демонстрируют, что в этой области наблюдаются революционные изменения, связанные как с изменением роли видов и родов вооруженных сил, так качеством ВиВТ. Вместе с тем именно в последние годы появилось множество попыток количественных сравнений военных потенциалов, имеющих определенное значение, прежде всего, для иллюстрации общих возможностей военных потенциалов. Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на мировой индекс военной мощи (Global Firepower Index — GFI), который регулярно определяется военными и экономическими экспертами. Всего в GFI рассматривается 106 стран. Последнее обновление GFI–2015 состоялось в декабре 2014 года²⁵⁸.

В настоящее время GFI является одним из самых объективных обобщенных количественных показателей, который учитывает более 50 различных частных показателей. При формировании GFI не только ведется скрупулезный подсчет танков, самолетов и военных кораблей, но учитывается численность кадрового состава армии и ее резерва, уровень финансирования военной сферы, транспортная инфраструктура страны, добыча и потребление нефти, разведанные нефтяные запасы, размер государственного долга, накопленные международные валютные резервы и даже — географические особенности страны. То есть рассматривается достаточно большое количество факторов, способных повлиять на боеспособность армии. Но, при этом, специально подчеркивается: не учитываются особенности политического и военного руководства стран²⁵⁹ и другие важные качественные характеристики.

Для сравнения военной мощи государств авторы GFI используют сложную методику формирования интегрального показателя, в котором представлены свыше восьми различных групп факторов.

²⁵⁸ Рейтинг Global Firepower Index / [Электронный ресурс]. URL : <http://topwar.ru/54213-reyting-global-firepower...>

²⁵⁹ Фомин А.Н., Рябошапка В.А., Самарин И.В. Методика оценки военных потенциалов стран на основе рейтинга Business Insider / Вестник академии военных наук. 2015 № 1 (50). С. 33–35.

По результатам подсчетов значений этого показателя страна получает оценку (Power index или PwrIndex), интегрально отражающую ее возможности. Эти измерения легли в основу целого ряда сравнений. Так, 10 июля 2014 г. американское издание Business Insider опубликовало доклад «35 самых сильных армий мира» (The 35 Most Powerful Militaries In The World). Для удобства рассматривались только 35 самых мощных в военном отношении стран. Авторы этой публикации не проводили самостоятельного исследования вооруженных сил стран, а использовали имеющуюся базу данных GFI. Но при этом они учли также ядерную компоненту, дополнительно включив данные о количестве ядерных боеголовок стран, правда, не разделяя ядерные боеприпасы на стратегические и тактические.

При определении рейтинга Business Insider для каждой страны рассматривались 7 частных показателей: численность экономически активного населения (в другом варианте — численность вооруженных сил), количества танков, самолетов, ядерных боеголовок, авианосцев, подводных лодок, также военный бюджет страны в долларовом выражении (см. табл.). В итоге были определены рейтинги стран, которые соответствуют их номерам в таблице, составленной авторами.

Этот рейтинг вызывает серьезные сомнения даже с точки зрения «чисто» военных сопоставлений, но прежде всего он требует комментариев содержательного характера. Прежде всего, следует ответить на вопросы о том для каких целей предназначены эти военные потенциалы; в какие временные сроки и как предполагают их использовать; на каких ТВД и т. д.? Без ответа на эти вопросы даже собственно оценка военных потенциалов теряет смысл. Так, мощь авианосцев теряет свое значение для военных операций в Евразии вообще, а в Центральной Азии в особенности. Также как и танковые соединения трудно использовать против территории США или Канады или Австралии.

Не обошлось и без «сюрпризов», наиболее яркий из которых рейтинг КНДР, когда оказывается вдруг, что ВМС КНДР являются мировым лидером в области подводного флота. Согласно имеющимся данным, КНДР имеет 78 подводных лодок различных типов, а также весьма приличный арсенал обычных вооружений, превосходящий некоторые другие страны. Тем не менее, это не помогло Северной Корее подняться выше последнего 35-го места.

О том, почему такое произошло, составители рейтинга не дают внятных объяснений (что-то говорится об устаревших подводных лодках, о большом количестве малых подлодок, но как это учитывается при расчетах — непонятно). Видимо, у них имелись какие-то дополнительные соображения, не учитываемые системой принятых ими значимых факторов. Вместе с тем сама идея количественных сопоставлений имеет значение для попыток долгосрочных прогнозов, в результате которых выделяются ведущие тенденции. Так, абсолютное превосходство ВВС США доказывает их ориентацию на преимущественное использование воздушно-космического ВТО в будущей войне, а значительное количество танков у КНР может свидетельствовать о готовности Китая к масштабным сухопутным операциям по всему периметру своих границ.

Среди количественных показателей все более важное значение приобретают отдельные частные подуровни. Иногда, даже более важное, чем общие показатели. Так, очень важный показатель государственной мощи — численность населения. Однако еще более важный — численность креативного класса как интегрального показателя НЧК. Например, среди 749 млн активного китайского и 615 млн индийского населения за последние 15–20 лет сформировалась очень мощная социальная группа лиц с высшим образованием — порядка 300 млн человек. Эта группа, которую можно отнести к креативному классу, составляет основу для институтов гражданского общества.

В условиях быстрого увеличения населения и дефицита ресурсов, рост новых центров силы, прежде всего КНР, Бразилии, Индии, Мексики, Индонезии и России, неизбежно вносит коррективы в прогнозы соотношения сил в будущем уже не только по военным, но и по другим критериям. Это хорошо видно на примере соотношения сил РФ и КНР в стратегической перспективе до 2070 года²⁶⁰.

Как видно из диаграммы (рис. 5.5), наибольший прирост государственной мощи КНР будет обеспечен в будущем за счет неэкономических факторов — науки, культуры, образования, управления

²⁶⁰ Подберезкин А.И. Сценарии развития СО на базе возможных отдельных военных конфликтов / Эл. ресурс: «Виперсон». 2015. 14 апреля / <http://viperson.ru/articles/professor-mgimo-aleksey-podberezkin-stsenarii-razvitiya-so-na-baze-vozmozhnyh-otdelnyh-voennyh-konfliktov>

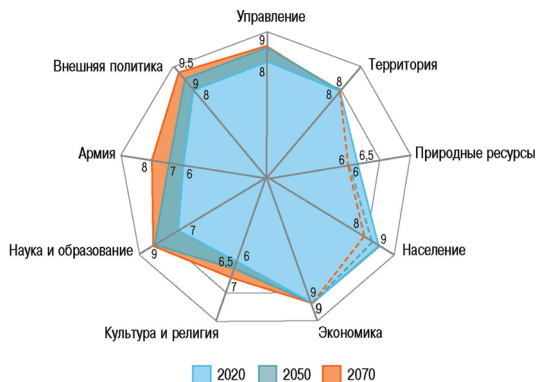

Рис. 5.5. Прогноз развития Китая (2020–2050–2070 годы)

и армии. Это означает, что именно эти части потенциала в будущем будут иметь значение. Еще более наглядно сравнение уровней государственной мощи КНР и РФ в долгосрочной перспективе. Прежде всего, по тем направлениям, которые будут иметь решающее значение в XXI веке. Такие сравнения, например, показывают, что в сетевых войнах и стратегиях, где управление, наука, культура и образование имеют особенно важное значение, преимущество одной из сторон выглядят наиболее впечатляющим и опасным.

Рис. 5.6. Сравнительная диаграмма прогноза развития совокупной мощи России и Китая

Основные частные показатели, определяющие военную мощь стран

№	Страна	Численность активного населения, млн чел.	Кол-во танков,		Кол-во самолетов в ВВС, тыс.		Кол-во ядерных боеголовок,		Кол-во авианосцев,		Кол-во ПЛ, шт.	Военный бюджет, \$ млрд
			шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.		
1	США	145,212012	8325	13683	7506	10	72	612,5				
2	Россия	69,117271	15500	3082	8484	1	63	76,6				
3	Китай	749,610775	9150	2788	250	1	69	126				
4	Индия	615,201057	3569	1785	100	2	17	46				
5	Великобритания	20,164233	407	908	225	1	11	56,3				
6	Франция	28,802096	423	1203	300	1	10	43				
7	Германия	36,417842	408	710	0	0	4	45				
8	Турция	41,637773	3657	989	0	0	14	18,185				
8	Южная Корея	25,60929	2346	1393	0	0	14	33,7				
10	Япония	53,608446	767	1595	0	1	16	49,1				
11	Израиль	3,51119	3870	680	200	0	14	15				
12	Италия	27,869443	600	795	0	2	6	34				
13	Египет	41,15722	4767	1100	0	0	4	4,4				
14	Бразилия	106,784621	489	748	0	1	5	33,142				
15	Пакистан	93,351401	3124	847	110	0	8	7				
16	Канада	15,786816	201	404	0	0	4	18				

17	Тайвань	12,190243	2005	775	0	0	4	10,725
18	Польша	18,830448	1063	475	0	0	5	18,17
19	Индонезия	129,075118	374	381	0	0	2	6,9
20	Австралия	10,5	59	395	0	0	6	26,1
21	Украина	22,244394	4112	400	0	0	1	4,88
22	Иран	46,247556	2409	471	0	0	31	6,3
23	Вьетнам	50,64543	3200	413	0	0	1	3,365
24	Таиланд	35,444716	740	543	0	1	0	5,39
25	Сауд. Аравия	15,246507	1095	652	0	0	0	56,725
26	Сирия	11,550588	4950	473	0	0	0	1,872
27	Швейцария	3,614595	200	175	0	0	0	4,83
28	Испания	22,964245	415	531	0	1	3	11,6
29	Швеция	4,062455	280	216	0	0	5	6,215
30	Чехия	4,91446	123	109	0	0	0	2,22
31	Алжир	20,387681	1050	404	0	0	6	10,57
32	Нидерланды	7,728129	0	160	0	0	4	9,84
33	Мексика	59,179064	0	373	0	0	0	7
34	Бельгия	4,650921	52	166	0	0	0	5,085
35	Северн. Корея	12,933972	6600	943	9	0	78	7,5

Измерение соотношения сил в стратегической перспективе имеет принципиальное значение, если говорить о будущих государственных возможностях, и наименьшее значение для оценки военных потенциалов. Целый ряд невоенных факторов, среди которых на первый план в XXI веке вышел НЧК и институты его развития, оказываются по своему значению важнее собственно военных возможностей.

Тем более малоперспективными представляются попытки прогноза в долгосрочной перспективе стратегической обстановки (СО), сделанные на основе будущих военных потенциалов. Это подтверждает, кстати, современная политическая история. Конфликтная СО не была в качестве приоритетных тем для анализа, а тем более политических действий в последние десятилетия. Как справедливо заметил А. Арин, прогнозисты и футурологи США тоже не определяют конкретных периодов своих прогнозов для XXI века, а дают их или как тенденции, или как желательное будущее. Но в их прогнозах обнаруживается любопытная вещь. Ещё в середине 1990-х годов, т. е. сразу после распада СССР, прогнозисты не думали о единоличном лидерстве США. Некоторые из них (например, Чарльз Кегли-младший и Грегори Раймонд) даже предполагали возможность таких «альянсов»: Русско-американский альянс (который обеспокоил бы ЕС), Американско-европейско-русскую ось, которая вызвала бы беспокойство Китая и Японии. Хотя такого типа альянсы они и не исключали, однако всё же полагали, что эти варианты были бы опасны для мира. В этой связи представляется более перспективным пытаться прогнозировать не СО, а соотношение возможных будущих потенциалов.

Естественно, что такое сравнение достаточно условно и зависит от субъективного восприятия экспертов того или иного значения военного потенциала. Которое, кроме того, может меняться в конкретные исторические отрезки времени. Огромное значение, например, имеет адекватная оценка национального человеческого капитала, для эффективности военной мощи, которая до сих пор недооценивается. Между тем, его влияние на военную мощь страны, как уже говорилось, трудно переоценить. В частности, только за последние 25 лет в КНР получили высшее образование более 300 млн человек, а средний и высший класс Индии уже превысил 176 млн человек. Это свидетельствует не только о возможном

Сравнение военных потенциалов по важнейшим государственным критериям развития

	Военно-экономический потенциал	Военно-политический потенциал (нематериальный)	Военный потенциал	Управленческий потенциал	Потенциал человеческого развития	Коалиционный потенциал
Военно-экономический потенциал	1	0,5	0,6	0,5	0,75	7
Военно-политический потенциал		1	0,4	0,4	0,75	5
Военный потенциал			1	0,5	0,75	5
Управленческий потенциал				1	0,25	0,25
Потенциал человеческого развития					1	2
Коалиционный потенциал						1

высоком качестве личного состава и командования ВС этих стран, но и о качестве ВиВТ. Именно НЧК сегодня определяет эти параметры, а в перспективе — по мере развития системной сетецентрической войны — этот вид военного потенциала приобретет решающее значение.

Сегодня уже явно недостаточно оценивать военные возможности Индии, отталкиваясь от анализа собственного военного потенциала или величины активного населения. Важно попытаться определить численность креативного класса и наиболее активных социальных групп, составляющих формально часть личного состава ВС, но, в действительности, определяющую военную мощь. Так, затраты на одного пилота палубной авиации больше, чем затраты на космонавта, а численность этой группы может насчитывать всего сотни человек. Вот почему важны социальные и социологические исследования и сравнения.

В частности, можно попытаться спрогнозировать будущий военно-демографический потенциал Индии, опираясь на уровень доходов и образование населения страны.

Рис. 5.7.²⁶¹ Пирамида доходов в Индии

²⁶¹ Аднан Хан. Стратегический анализ 2013. khilafah.com стр. 83 http://www.hizb-russia.info/images/knigi/strateg_analiz_2013.pdf

Из всего сказанного следует, что потенциал экономического и военного могущества КНР и Индии (а также Индонезии и Бразилии) в ближайшие годы резко возрастет, что позволит им изменить соотношение военных сил в мире. Оценить эти возможности через 20 лет можно, опираясь на статистику и экспертные оценки.

Более традиционно и привычно сопоставление будущих потенциалов в экономической области, чем занимаются уже многие годы современные специалисты в области макроэкономики. Другое дело, что, как правило, такие прогнозы редко оправдываются даже в краткосрочной перспективе, не говоря уже о стратегическом прогнозе. Но экспертные оценки в этой области также могут быть полезны, хотя не следует забывать об их субъективности.

Сравнение военно-экономических потенциалов

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	1 ²⁶²	3	7	6	6	9	7
Китай		1	3	7	9 ²⁶³	9	9	7
Россия			1	3	4	5	7	5
Германия				1	2	1	5	4
Франция					1	1	3	3
Англия						1	3	3
Италия							1	0,5
Япония								1

Очень трудно соотнести военно-экономические потенциалы различных стран не из-за отсутствия информации (её-то, как раз, больше чем по другим областям), а из-за необходимости выработки

²⁶² Мощности по строительству ВМС КНР, например, уже превосходят мощности США с 2010 года.

²⁶³ Потенциал КНР абсолютно превосходит потенциалы Франции и Англии (ядерных стран), но это превосходство уменьшается в случае с Японией, чей ВВП примерно равен ВВП ФРГ.

отдельных и точных критериев для сравнения. Так, с одной стороны, экономический потенциал Германии существенно больше, чем Великобритании и Франции, но, с другой стороны, у этих стран есть ядерное оружие и собственные мощности по его производству.

Другой пример — оценка военно-экономического потенциала России, который существенно меньше, чем потенциалы США и КНР, но не настолько насколько существует разница между ВВП этих стран и уровнем развития технологий. Так, если соотношение ВВП России и США (и КНР) может быть оценено как 1 : 10, то соотношение военно-экономических потенциалов до настоящего времени существенно ниже и может даже быть одинаковым.

Таким образом, сравнение военных потенциалов различных стран в принципе не только возможно, но и необходимо. Но это сравнение не должно основываться только на механическом сопоставлении и сравнении собственно военных потенциалов. Необходимо учитывать происходящие качественные изменения в государственной мощи и ведущие тенденции мирового развития. Кроме того, необходимо исходить из прогноза будущего характера МО и ВПО, войн и военных конфликтов, которые во многом будут предопределять значение того или иного потенциала противоборствующих государств.

5.1.3. Оценка военно-политического потенциала государств

Военно-политический потенциал²⁶⁴ во всех своих видах и формах — часть потенциала ЛЧЦ и нации. Влияние военно-политического потенциала, объединяющего огромные нематериальные ресурсы нации и ЛЧЦ, которые уже используются или могут использоваться в будущем, трудно переоценить и невозможно не учитывать при оценке существующего прогноза будущего сценария развития МО. Так, идеологическая часть военно-политического потенциала мусульманских организаций, в частности ХАМАЗ

²⁶⁴ Военно-политический потенциал — совокупность нематериальных и духовных возможностей ЛЧЦ и наций — как используемых, так и тех, которые могут быть использованы в военных целях.

и ИГИЛ, позволяет им активно бороться с регулярными армиями не только арабских, но и западных государств.

В немалой степени этот феномен, влияющий на военную мощь, был замечен и в прежней военной истории человечества. «Крестовые походы», завоевание Америк и Азии во многом происходили под влиянием религиозного и идеологического факторов. Строительство государств, империй и союзов также во многом находилось под этим влиянием. Не только 1000-летнее существование православной Византии и образование православного Московского государства, но и протестантские войны в Европе XVII столетия являлись религиозными и идеологическими войнами.

Неожиданно для рационального глобализирующегося мира в XXI веке произошло возрождение роли духовного фактора. Причем этот фактор превратился в мощный цивилизационный и национальный ресурс, который стал важнейшей частью военно-политического потенциала. Война на Украине стала откровенной демонстрацией того каким значение этого ресурса и потенциала стало в ходе военного конфликта в XXI веке.

Сравнение военно-политических потенциалов стран и цивилизаций представляет существенное практическое значение, ибо этот потенциал позволяет использовать в военных целях весь набор средств «мягкой силы» — от идеологического лидерства и популярности той или иной системы ценностей, до средств массовой информации, пропаганды, информационной, кибер- и иных военных и полувоенных операций. Нередко, как показывает опыт военных действий на Украине в 2014–2015 годах, именно пропагандистские цели и средства становятся главными, отодвигая на второй план собственно военные цели и средства ведения войны.

Так, на Украине главной политической целью войны стало не уничтожение ДНР и ЛНР, их вооруженных сил и захват территории, а формирование русофобской и националистической идентичности у населения страны. Такая цель предполагала «войну ради войны» и как постоянную смену информационных поводов. Складывалось устойчивое впечатление, что не только прекращение войны не было нужно украинской элите, но даже и победа в этой войне. Эта война напоминала постоянные религиозные войны и борьбу инквизиции с еретиками в средние века.

Вместе с тем следует подчеркнуть две важные особенности военно-политического потенциала в XXI веке, которые отчетливо выделяют его из предыдущей традиции:

Во-первых, объективное усиление значения военно-политического потенциала во внешней и военной политике, «вытеснение» ими собственно военных средств — ВиВТ. Более того, можно признать, что в условиях системной и сетецентрической войны они превращаются в основные средства ведения войны, хотя в «классической» военной науке до сих пор сохраняется принципиальное различие не только между военными и невоенными средствами, но и при определении состояния МО как «война» или «мир» в зависимости от того используется оружие или нет.

Во-вторых, изменение характера войны, прежде всего изменение главных целей войны в настоящее время, ведёт к тому, что именно военно-политические цели — система цивилизационных и национальных ценностей, представления о национальных интересах — становятся главными целями войны. Сегодня завоевание контроля над правящей элитой и массовым сознанием не менее важно, чем контроль над воздушно-космическим пространством или оккупация территории, разгром вооруженных сил и военного потенциала противника, а нередко и более важно. Именно борьба за массовое сознание и контроль над правящей элитой стали главными целями войны на Украине в 2014–2015 годы.

Соответственно борьба за изменение соотношения военно-политических потенциалов становится не только залогом успешной вооруженной борьбы и войны, но и самостоятельной целью. Безусловное превосходство в военно-политической области предполагает ненужность, даже невозможность собственно военных действий. Действительно, война начинается там и тогда, где и когда возникают сомнения в превосходстве одной стороны над другой, либо появляется, пусть маленький, но шанс на победу. Если такого шанса нет, то и война бессмысленна. Она может быть только актом отчаяния. Если с этой точки зрения рассмотреть соотношение военно-политических сил между ведущими государствами мира (по оценке ряда экспертов МГИМО, используя метод Саати), то окажется, что наибольшие сомнения относительно победы возникают у КНР и РФ по отношению к США с одной стороны, и наименьшие — по отношению Италии и Японии к США.

Оценка соотношения военно-политических потенциалов

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	1	3	7	7	7	9	7
Китай		1	1	3	3	3	7	7
Россия			1	1	3	3	5	5
Германия				1	3	3	5	3
Франция					1	1	2	2
Англия						1	3	3
Италия							1	1
Япония								1

Для понимания значения военно-политического потенциала важно отдавать ясный отчет об уровне (существующем и будущем) отношений между странами и цивилизациями, которые влияют на возможное военное противостояние. Так, например, экономические, финансовые и торговые интересы КНР, как видно из нижеследующего рисунка, тесно связаны с США и ЕС. А это, безусловно, сказывается на характере военной и внешней политики Китая, формируя политический и военно-политический контекст возможного противоборства.

Эта же реальность неизбежно влияет на весь спектр китайской внешней политики по отношению к США и ЕС, оказывая очень сильное воздействие на формирование сценария противоборства двух локальных человеческих цивилизаций — китайской и западной. В конечном счете, это влияние трансформируется в военно-политическое влияние, характер которого не следует упрощать: в нем наряду с взаимозависимостью все четче просматриваются элементы противоборства. И не случайно КНР не только диверсифицирует рынки, активно проникает в Африку и на Ближний Восток, но и целенаправленно расширяет свое военно-политическое и военное влияние. Учения ВМС КНР и ВМФ РФ в мае 2015 года — яркий пример системного подхода Китая к МО в мире.

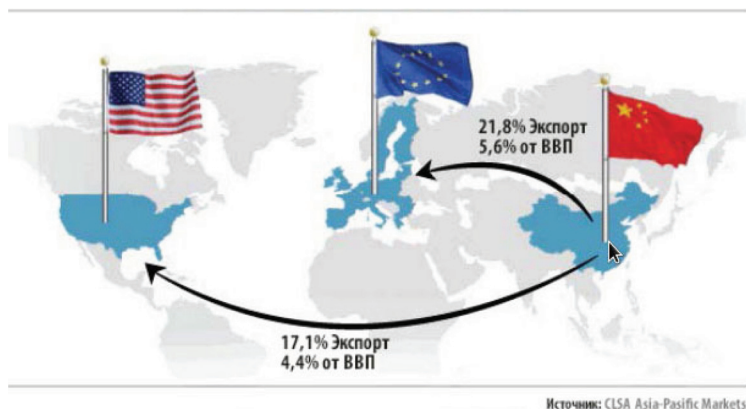

Рис. 5.8.²⁶⁵ Крупнейшие торговые партнеры Китая

Большое и возрастающее значение в соотношении военных потенциалов в условиях системной и сетцентрической войны играет взаимовлияние вооруженных сил и управленческих потенциалов государств, от которых, прежде всего, зависит эффективность использования этих потенциалов, превращение их в реальный фактор политики. В XXI веке значение управленческих потенциалов стало критически важным. Особенно в чрезвычайных и военных условиях, ибо даже наличие крупного потенциала, не означает, что он будет эффективно использован, либо использован вообще.

Так, В. Янукович, будучи президентом Украины, обладал всеми политическими, юридическими и силовыми потенциалами для стабилизации внутривнутриполитической обстановки, которые им так и не были использованы (точнее — использованы плохо, что еще хуже) и не превратились в факторы, повлиявшие на политическую и международную обстановку. Его управленческий потенциал и возможности оказались очень плохого качества, что в итоге привело к поражению. И, наоборот, управленческий потенциал оппозиции, действовавшей под руководством ЕС и США, оказался достаточно высоким, что и привело к превращению ее

²⁶⁵ Аднан Хан. Стратегический анализ 2013. khilafah.com. С. 21 / http://www.hizb-russia.info/images/knigi/strateg_analiz_2013.pdf

относительно невысокого экономического и силового потенциала в решающий политический фактор.

Системная и сетевая война подразумевает, что управленческий потенциал должен обеспечивать абсолютное превосходство в сборе, обработке, систематизации, анализе и передаче информации. Тем самым предполагается, что эффективность использования других потенциалов (ВиВТ, ВС и др.) будет очень высока. Более того, эффективное управление обеспечивает военную победу.

Как справедливо отмечает Л. Савин, «...традиционная концепция войны вытесняется новой, на базе сетевых операций, информационного противоборства и мобильных боевых подразделений. На ее гибкой основе и формируются текущие задачи военно-промышленного комплекса США, разведсообщества и различных оборонных структур»²⁶⁶.

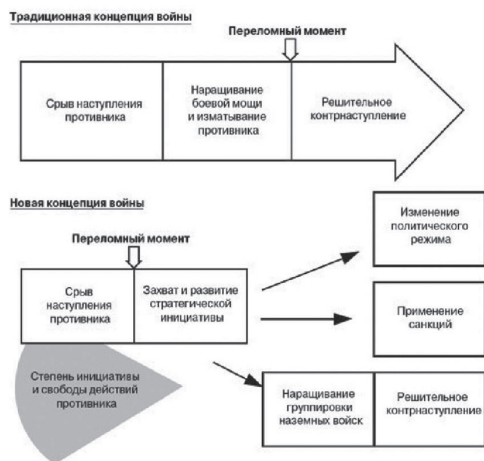

Рис. 5.9. Этапы вооруженных конфликтов

Таким образом, управленческий потенциал, как часть военно-политического потенциала, рассматривается современными

²⁶⁶ Савин Л.В. Сетевая и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 75.

исследователями совершенно справедливо в качестве обязательного условия эффективного использования других потенциалов, а в ряде случаев и как самостоятельный потенциал, даже катализатор политического процесса. Его значение экспертами (как видно ниже) оценивается очень высоко.

Управленческий потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	5	7	1	2	2	3	1
Китай		1	3	0,5	0,25	0,25	0,25	0,5
Россия			1	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25
Германия				1	1	1	1	1
Франция					1	1	1	1
Англия						1	1	1
Италия							1	1
Япония								1

В частности, эксперты, оценивающие управленческий потенциал по методу Саати, выделяют огромное,стораживающе большое различие в соотношении управленческих потенциалов США и России и даже различия в потенциалах КНР и России. Это обстоятельство дает повод рассмотреть отдельно тему «неудач» американской внешней политики на Украине, Ближнем и Среднем Востоке и в Африке, где после вмешательства США возникли очаги напряженности и войны.

Представляется, что это как раз свидетельствует об эффективности управленческого потенциала США, которые исходили из необходимости максимально дестабилизировать МО с тем, чтобы их слабеющее влияние в мире было компенсировано серией региональных и внутривнутриполитических кризисов.

Среди элементов военно-политического потенциала особенно важное значение в XXI веке приобретает качество национального чело-

веческого капитала²⁶⁷, чьё влияние проявляется очень многогранно, но прежде всего как лидерство в науке, образовании, культуре, духовности, которое трансформируется в мировое влияние в виде «мягкой силы».

Особое значение для военно-политического потенциала имеют институты развития НЧК, которые могут оказывать как сильное внешнее влияние, так и служить средством защиты от него. Этот тип потенциала кроме того, играет все более важное значение для повышения качества государственного управления, подготовки личного состава ВС и качества вооружений и военной техники. Кроме того, новейшие технологии, новый технологический уклад в основном определяются именно количеством и качеством национального человеческого капитала, существующем в ОПК.

Наконец, очень важное значение среди военно-политических потенциалов государств имеет коалиционный потенциал²⁶⁸, который по оценке экспертов МГИМО является следующим.

Коалиционный потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	7	7	5	5	5	5	7
Китай		1	1	5	5	5	5	3
Россия			1	0,25	0,25	0,25	0,25	0,1
Германия				1	1	1	1	3
Франция					1	1	1	3
Англия						1	1	3
Италия							1	2
Япония								1

²⁶⁷ Оценки даются по Индексу развития человеческого капитала (ИРЧК), разработанного ПРООН.

²⁶⁸ Прежде всего принимается во внимание участие в ЕС, НАТО, ШОС, ОДКБ и других военно-политических коалиций, а также сети двусторонних союзов.

При этом следует учитывать, что роль коалиционного потенциала в условиях межкультурной борьбы становится особенно важной. В такой борьбе ни одно, даже самое мощное государство, не может победить в одиночку, поскольку вынуждено противостоять давлению целых цивилизаций, представляющих, как правило, совокупность нескольких государств, и не только государств. Поэтому для противодействия такому давлению очень важна мобилизация ресурсов всей «своей» цивилизации. А разрозненные действия субъектов одной цивилизации облегчают противнику задачу по их разгрому поодиночке. Так, например, происходит с исламской цивилизацией, которая в отсутствие единства стала легкой добычей сетевых операций Запада. Эффективная коалиционная политика, напротив, повышает степень единения внутри цивилизаций. Конечно, коалиции не всегда строятся по чисто цивилизационному признаку. Но, как правило, ядром любой коалиции выступает какое-то цивилизационное ядро.

5.2. Цивилизационный потенциал и его роль в формировании сценариев развития МО в XXI веке

В начале XXI века наблюдается очень важная особенность мирового развития, влияющая во все возрастающей степени не только на характер международных отношений и процесс формирования сценариев развития МО, но и на внутренние, в том числе внутриполитические аспекты, жизнедеятельности государств. Эту особенность очень условно можно назвать усилением процесса цивилизационной самоидентификации наций и государств.

В отличие от чисто национальной самоидентификации она представляет собой формирование общего набора принципов и признаков, характерных для нескольких наций. А также — противопоставление этой группы наций, объединенных в ЛЧЦ, другим нациям и ЛЧЦ. Причем в XXI веке этот процесс самоидентификации отдельных наций, очевидно, игнорирует многие прежние, казавшиеся универсальными, признаки и принципы (классово-

социальные, этнические, региональные и др.), все сильнее акцентируясь на некоем едином наборе цивилизационных ценностей.

Вместе с тем, в современной политике и науке еще не сложилось доминирующего подхода к этому феномену, который уже доказал на практике свою состоятельность. Что можно, а что не следует считать цивилизацией? Сколько в мире цивилизаций было и есть? Как они взаимодействуют друг с другом? Все это — вопросы, составляющие большой раздел современной науки, продолжающий развиваться. Цивилизационный подход дает иную, нежели подход политический, картину «мира в целом», на которой снова, как и на физической карте, не будет государственных границ.

Приходится признать, что понимание значения и роли ЛЧЦ в формировании сценариев МО далеко не соответствует их практической значимости. Более того, в политике основных стран мира XXI века сознательно или нет, но ведущее значение цивилизаций фактически игнорируется. Представляется, что любые усилия в этой области исследователей имеют огромное значение, включая и любые попытки изучения последствий изменений в развитии ЛЧЦ.

5.2.1. Цивилизации, интересы и ценности в XXI веке

С самого начала важно определиться с понятием «локальная человеческая цивилизация» не ради теоретического научного интереса, а для выяснения практически самого важного вопроса: насколько военно-силовое противоборство между ЛЧЦ в XXI веке предопределяет развитие того или иного сценария МО. Цивилизации, — по справедливому замечанию С. Белкина, — выглядят устойчивыми надгосударственными сущностями, чья жизнь подчинена неким объективным законам. В связи с этим отнесение государства к той или иной цивилизации обязывает соответствовать тем целям и ценностям, тем познанным и непознанным закономерностям, которые их породили и «ведут по бушующему морю мирового процесса».

С. Белкин совершенно справедливо замечает, что «Мы хотим не просто определить свое место в неких исторических потоках, знать цели, подстраиваться под сущностные характеристики этого цивилизационного потока — мы хотим им соответствовать, а не

противоречить. То есть признавать и учитывать некие надгосударственные объективные ценности, цели и процессы. А тогда мы должны иначе смотреть на межгосударственные взаимодействия: как на проявление «столкновения цивилизаций» или как на отстранение «концерта цивилизаций»²⁶⁹. Он, в частности, предлагает следующую карту распределения мировых цивилизаций.

Цивилизационный подход дает иную, нежели подход политический, картинку «мира в целом», на которой, как и на физической карте, нет государственных границ

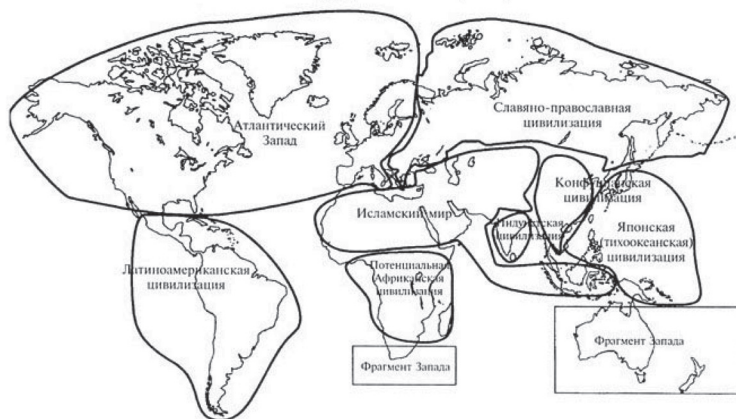

Рис. 5.10.

Представляется, что мысль о цивилизационной самоидентификации, т. е. соотнесения национальной системы ценностей с системами ценностей других ЛЧЦ является ключевой для понимания роли цивилизаций в XXI веке и их участия в формировании того или иного сценария МО. Эта мысль прямо вытекает из логики модели политического процесса. Где базовые ценности и интересы выстраиваются в приоритетном порядке, а именно:

- общечеловеческие ценности;
- ценности локальных человеческих цивилизаций;
- национальные ценности;

²⁶⁹ Белкин С.Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», № 11, 2014. Сентябрь. / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>

- государственные ценности;
- социальные (классовые) ценности;
- ценности отдельных социальных слоев и групп;
- корпоративные ценности;
- семейные ценности;
- личные ценности.

Как видно из этого перечня, в иерархии ценностей (и интересов) ценности ЛЧЦ стоят на самом высоком месте, уступая лишь общечеловеческим ценностям, которые приобретают конкретное содержание, к сожалению, крайне редко, достаточно вспомнить о проблемах экологии, голода и др. глобальных проблемах (которые признаются давно, но также давно не решаются). Вопрос о том, почему значение цивилизационных ценностей интересов выросло в XXI веке, как представляется, во многом является следствием глобализации, тех ее негативных последствий, которые связаны с политикой США и других развитых стран в XXI веке.

Значение ЛЧЦ в XXI веке во многом предопределяется тем местом, которое занимают системы ценностей в глобальном политическом процессе, а именно: они являются базовыми для формирования не только интересов и международных реалий, но и национальных ресурсов. Возвращаясь к логической модели политического процесса, можно предположить, что это значение выглядит следующим образом.

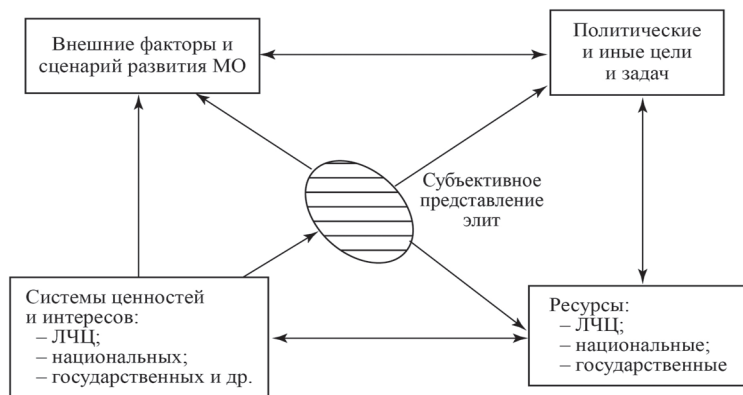

Рис. 5.11. Значение систем ценностей ЛЧЦ в политическом процессе формирования сценария МО

Как видно из рисунка 5.11, базовая система ценностей и интересов ЛЧЦ:

- по своему значению и приоритетности выше национальной, государственной, а тем более социальной;
- является основой для формулирования элитой политических целей и задач;
- формирует отношение к ресурсам, среди которых все большее значение имеют нематериальные и духовные ресурсы ЛЧЦ;
- непосредственно влияет на формирование МО и развитие внешних факторов.

Иными словами ценности ЛЧЦ оказывают системное влияние на весь спектр ключевых вопросов формирования политики от формулирования политических целей, до участия в формировании МО и распределении ресурсов. Именно это системное влияние «системы ценностей» можно было наблюдать на формирование МО и ВПО на Украине. Логика этого взаимодействия развивалась по следующим этапам:

- выбирая «национальную» систему ценностей, часть правящей украинской элиты ориентировала общество на западноевропейскую систему ценностей и западную ЛЧЦ в противовес российской ЛЧЦ;
- в соответствии с таким выбором формулировались политические цели и задачи на протяжении целого ряда лет;
- эта же система ценностей ориентировала правящую элиту Украины на участие в западных сценариях формирования МО в противовес российскому (ЕАЭС);
- этот же выбор в пользу западной ЛЧЦ означал разрыв с существующими национальными и государственными ценностями Украины, объективно являющимися частью российской ЛЧЦ;
- наконец, этот выбор системы ценностей западной ЛЧЦ предполагает перераспределение ресурсов, в т. ч. демографических, в пользу западной ЛЧЦ.

Эта же тема — подстраивание цивилизаций под глобальные тенденции или борьба с ними — становится очевидной, если нарисовать некоторые карты, иллюстрирующие транспортные, финансовые, экономические, энергетические и иные потоки и взаимосвязи. Так, например, очень иллюстративна карта мировой сети транспортных потоков. На ней белыми линиями обозначены

Рис. 5.12.²⁷⁰ Мировая сеть транспортных коридоров

воздушные линии, синими — морские, зелеными — автомобильные и железные дороги, а желтым цветом — городские агломерации.

На этой карте отчетливо видно, что концентрация информационных, финансовых, торговых и экономических потоков происходит вокруг отдельных «ядер» цивилизаций, прежде всего, европейской, американской, китайской, японской, а также новых, нарождающихся центров силы — Индии, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Из этой же карты видно значение России как цивилизационного центра, расположенного между важнейшими глобальными центрами силы в Евроатлантическом регионе и АТР.

Эти цивилизационные «ядра» практически совпадают со сложившимися мировыми политико-экономическими центрами силы, которые являются основными субъектами формирования сценариев МО. В стратегической перспективе представляется, что такое совпадение ЛЧЦ и политических центров не только сохранится, но и усилится. Это означает, что особенное значение при формировании сценариев развития МО после 2021–2022 годов будут иметь противоречия и соперничество между ЛЧЦ в духовной и культурной областях.

²⁷⁰ Белкин С.Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», № 11, 2014. Сентябрь. С. 161 / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>

Карта мировых религий показывает, что духовное пространство хотя и коррелирует с государственными и цивилизационными границами – поскольку во многом их определяет, – но далеко не совпадает с ними

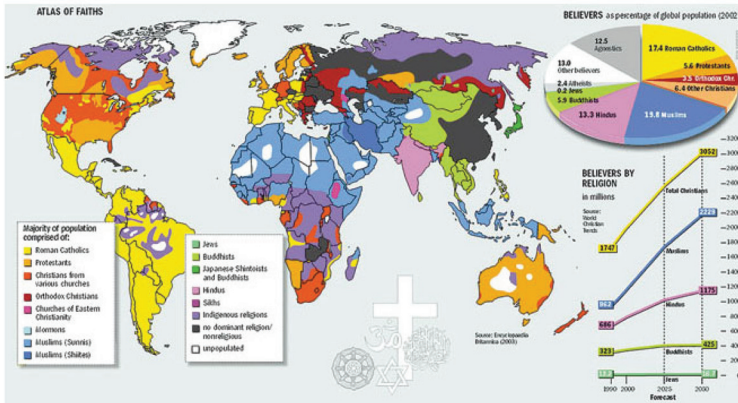

Рис. 5.13.²⁷¹

Карта мировых религий, составленная Энциклопедией Британника, показывает, что духовное пространство, хотя и коррелирует с государственными и цивилизационными границами — поскольку во многом их определяет, — далеко не совпадает с ними. На карте разными цветами окрашены области распространения основных религий: католики — светло-желтым, протестанты — темно-желтым, православные — красным, мусульмане-сунниты — голубым, мусульмане-шииты — синим и т. д. Черным окрашены регионы без преобладания определенной религии и нерелигиозные. И снова мы видим, что не только государственные, но и так называемые цивилизационные границы не совпадают с ареалами религий.

Мир идей — прежде всего политических идей — не может быть изображен в виде карты. Поскольку идеи свободно перемещаются по миру и охватывают его целиком. А вот мир носителей, приверженцев политических идей, воплотивших их в политические системы, вполне может быть представлен графически. Более того, взаимные характеристики и оценки политических систем не совпадают. Вот как раскра-

²⁷¹ Белкин С.Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», № 11, 2014. Сентябрь. / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>

Мир приверженцев политических идей, воплотивших их в политические системы, вполне может быть представлен графически. Вот как раскрашен «политический мир» в представлении английского политолога Дэна Смита. © Myriad Editions Limited

Рис. 5.14.²⁷²

шен «политический мир» в представлении английского политолога Дэна Смита. Его взгляд можно считать упрощенным, политически заданным — всё это так. Но это не просто распространенный взгляд, а позиция, из которой исходит практическая политика на Западе.

Планета за последние десятилетия приобрела еще одно измерение — интернет. Глобальные информационные потоки и обслуживающие их поисковые системы формируют свою картину мира. В этом смысле уже можно говорить о цивилизации Гугла, о цивилизации Яндекс и т. д. И это далеко не игра в слова, потому что, каждая поисковая система и каждая социальная сеть создают ни много ни мало свою систему ценностей. Например, через формирование собственной подборки новостей, через продвижение на первые позиции определенных СМИ, через создание разного рода интернет-комьюнити.

²⁷² Белкин С.Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», № 11, 2014. Сентябрь / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>

5.2.2. Оценка влияния ЛЧЦ на основе стратегической матрицы

Долгосрочный прогноз развития ЛЧЦ в XXI веке и их взаимоотношений является основой для стратегического прогноза развития различных сценариев МО, которые, в конечном счете, будут являться конкретными процессами, вытекающими из конкретных исторических и субъективных условий и обстоятельств. Очень условно эту логику можно описать следующим образом²⁷³.

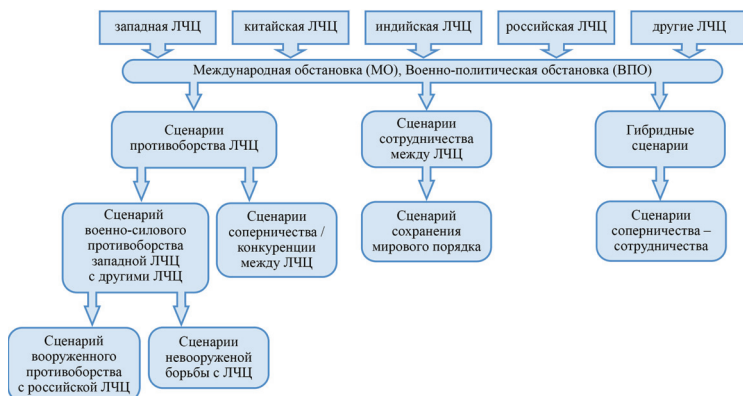

Рис. 5.15. Логика развития сценариев МО, вытекающая из взаимоотношений между ЛЧЦ в XXI веке

В любом случае обнаруживается, что в основе любого сценария развития МО лежит сценарий отношений между ЛЧЦ. Это — очень важный вывод для целей стратегического прогноза и будущего России, хотя и далеко не новый и не оригинальный. Во многом он опирается на выводы сделанные почти 150 лет тому назад русским мыслителем Н. Я. Данилевским, причем на самый главный прикладной из них о том, что Европа для России не является «маменькой», что наша цивилизация не рождена европейской, она природная, самостоятельная: «Россия не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечению той

²⁷³ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014.

формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба, не боролась с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя католичеством) и не имеет нужды в той форме религиозной свободы, которая называется протестантством. Не знала Россия и гнета, а также и воспитательного действия схоластики и не вырабатывала той свободы мысли, которая создала новую науку, не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу»²⁷⁴.

С точки зрения современных практических потребностей стратегического прогноза фундаментальные идеи Данилевского остаются не менее актуальными, чем в середине XIX века. Ряд российских ученых успешно использовали эти идеи для разработки метода стратегической матрицы. В этой связи важное значение имеют любые исследования как перспектив развития ЛЧЦ в XXI веке, так и особенностей отношений между ними, которые, в конечном счете, и проявляются в характере того или иного сценария развития МО²⁷⁵. Метод стратегической матрицы разработан Институтом экономических стратегий и использован для оценки и выявления циклической динамики российской цивилизации²⁷⁶.

Для изучения значимости цивилизаций из множества обстоятельств, влияющих на развитие исторического процесса, этими российскими учеными были выбраны девять наиболее репрезентативных факторов, на которых целесообразно остановиться подробнее. В частности ими проведен тщательный анализ

²⁷⁴ Шулаков С. О труде «реакционера» и «славянофила» Николая Данилевского «Россия и Европа» многие слышали, но мало кто читал, — так что переиздан он вовремя / Эл. ресурс: «Год литературы». 2015.01.06 / <https://godliteratury.ru/public-post/rossiya-ili-evropa>

²⁷⁵ Подберезкин А. И. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 18–23.

²⁷⁶ Кузык Б. Н., Агеев А. И. и др. Россия в пространстве и времени. История будущего. М. : ИНЭС, 2004). Для рейтинговой оценки и прогноза 50 ведущих стран мира (Глобальный рейтинг интегральной мощи 50 ведущих стран мира. М. : ИНЭС, 2007), а также для оценки динамики цивилизаций Востока (Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 2. М.: ИНЭС, 2006. Гл. 10).

взаимоотношений и взаимовлияний различных факторов. В результате в качестве автономных выбраны девять таких факторов, наиболее значимых для развития государства:

- управление;
- территория;
- природные ресурсы;
- население;
- экономика;
- культура и религия;
- наука и образование;
- армия (вооруженные силы);
- внешняя политика (геополитическая среда).

Можно, естественно, поспорить относительно обоснованности выбора именно этих факторов, их весовых категорий и многого другого, однако для анализа динамики развития ЛЧЦ и ее прогноза на долгосрочную перспективу, набор этих факторов представляется вполне обоснованным.

Рис. 5.16. Энниаграмма стратегических выборов

Исторические значения этих факторов выявлялись на основе экспертных оценок методом последовательного приближения. Каждый из параметров рассматривается исследователями в соответствии с нечеткой четырехзначной топологической шкалой, численные значения которой находятся в диапазоне от 1 до 10, что позволяет экспертам варьировать оценки внутри основных классов (табл.).

Шкала экспертных оценок

Статус государства	Уровень (числовые значения)		
	ниже среднего	средний	выше среднего
Сверхдержава	8	9	10
Великая держава	5	6	7
Региональная держава	2	3	4
Малое государство		1	

В энниграмме, представляющей собой графическое выражение потенциальной и кинетической энергии, различаются факторы, обеспечивающие потенциал развития и его реализацию. Соответственно к первым относятся территория, природные ресурсы, население, культура и религия; ко вторым — экономика, наука, армия и внешняя политика. Управление мы рассматриваем как синтезирующий все эти элементы фактор.

Увеличение или уменьшение объема профиля матрицы является признаком направленности совокупного вектора эволюции либо на созидание, либо на разрушение системы. В данном случае ЛЧЦ. Опуская обоснование этих факторов, мы можем сразу же обратиться к практическим выводам. В частности, проведенное исследование, по мнению ученых, обнаруживает отчетливо циклический характер исторической динамики России по всем девяти факторам стратегической матрицы.

Как последовательно показывают матрицы 80-летних циклов, долгосрочный вектор развития России апостериори устремлен на увеличение совокупного потенциала социальной энергетики, несмотря на периодически повторяющиеся откаты к более низким значениям по основным параметрам. При этом одни факторы обнаруживают сравнительно меньшую, другие — сравнительно большую амплитуду своей динамики. К первым относятся территория, природные ресурсы, ко вторым — внешняя политика, заметно ослабевающая в периоды кризисов, и фактор управления, зависимый от субъективных свойств лидеров страны и эффективности государственного устройства.

Анализ показывает, что отклонения величины совокупного геополитического потенциала от уровня интегрального показателя

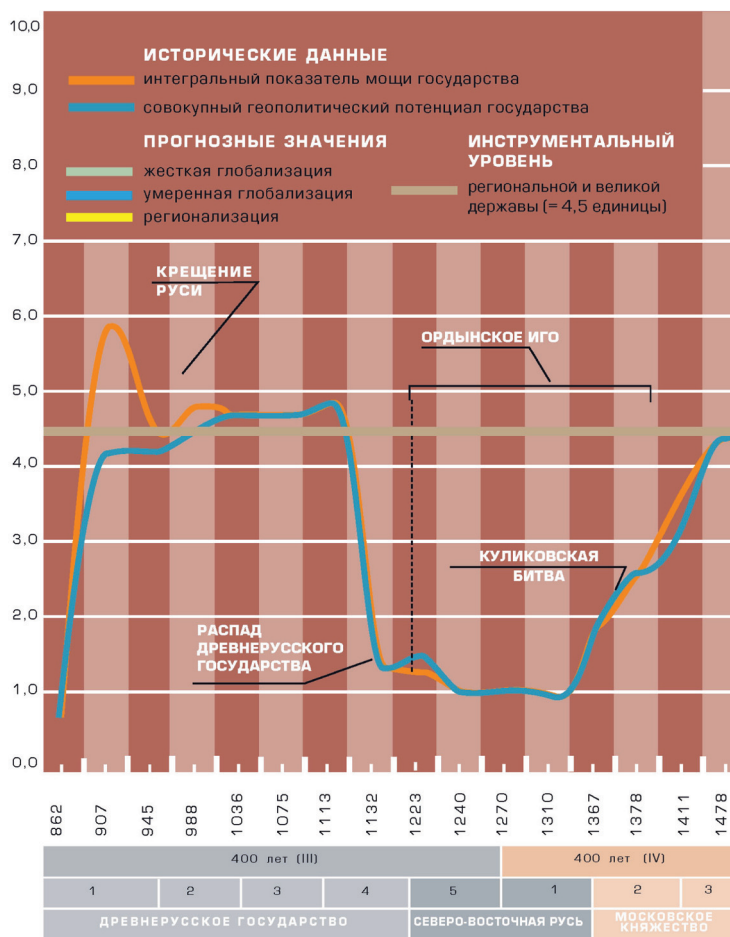
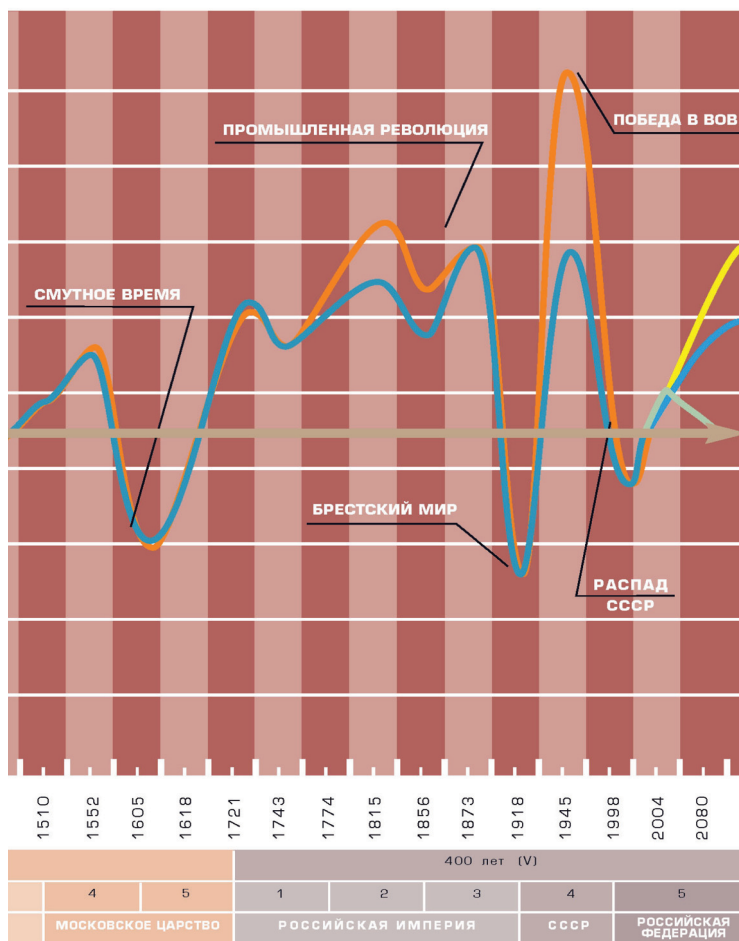

Рис. 5.17.²⁷⁷ Изменение интегрального показателя мощи

мощи государства на протяжении рассматриваемого периода — с 862 по 2004 год — имели краткосрочный (в историческом плане)

²⁷⁷ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. V. Цивилизации: прошлое и будущее. М.: 2008. С. 543 / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>

Российского государства

характер, что, в общем-то, предопределяется методикой их расчета. Вместе с тем как интересную особенность следует отметить тот факт, что изменение значения показателя совокупного геополитического потенциала, как правило, предшествовало и соответствующей корректировке интегрального показателя мощи государства (в сторону уменьшения или увеличения соответственно).

Впервые поднявшись выше уровня рядовой региональной державы уже в первом историческом цикле своего развития, Россия впоследствии опускалась ниже уровня великой державы только в периоды долгосрочной (распад Древнерусского государства и последовавшее за ним ордынское иго) или краткосрочной утери государственности (Смутное время, Октябрьская революция и гражданская война, распад СССР). Восстановление дееспособной государственной власти предопределяло возвращение России в разряд великих держав (с учетом трансформации этого понятия для различных исторических эпох).

Вместе с тем по интегральному показателю мощи государства Россия хотя и приблизилась к нижнему уровню статуса сверхдержавы в 80-летнем историческом цикле периода развития СССР, однако неблагоприятное геополитическое ее окружение и недостаточно гармоничное развитие составляющих мощи государства во многом предопределили распад Советского Союза. Это привело не только к потере Россией статуса сверхдержавы, но и к падению интегрального показателя ее мощи ниже уровня великой державы, что характерно для периодов временной утраты государственности.

Важнейшим результатом наблюдений и вычислений российских ученых представляется тот факт, что сброс интегральной мощи российского общества к наиболее низким значениям происходит раз в 380–400 лет. Столь же характерной особенностью являются и неизбежные подъемы этого показателя внутри этих 400-летних интервалов. На границах между 400-летними периодами отмечаются периоды «смутных времен».

И теоретические оценки, и исторические данные говорят о том, что длинный цикл российского развития имеет, по крайней мере, две приблизительно равные фазы продолжительностью до 40 лет каждая. Кроме того, вследствие своей естественной гармоничности длинный цикл развития может быть разделен не только на половины, но и на четверти, $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{16}$ свои части. В случае России это означает возможность обнаружения в ритмах жизни страны 40-, 20-, 10- и 5-летних отрезков времени. В общем случае разные по продолжительности ритмы в истории страны были сопряжены с разнокачественными событиями общественной жизни. Возможное объяснение этого феномена связано с неравномерным распределением энергетики общества по его разным фазам

и пропорциональным соответствием (в общем случае) масштабов социальных сдвигов длинам интервалов развития.

Так, для первой половины 40-летней фазы (продолжительностью до 20 лет) характерна минимальная энергия общественной жизни при быстром ее росте. Естественно поэтому предположить связь этой фазы с кризисными явлениями в стране. Вслед за этой фазой, однако, во второй части полуцикла, когда энергетика общества достигает своего максимума, обычно наблюдается бурный физический, научный, культурный и промышленный рост, когда страна достигает вершин промышленного и культурного развития.

Вторая 40-летняя фаза, в свою очередь, вследствие падения социальной активности подразделяется на приблизительно 20-летний период консервации достигнутого уровня жизни (в последнем цикле это период с середины 1960-х до середины 1980-х годов) и равный по продолжительности период драматичного переформатирования общественной жизни, объективно подготавливающего новый длинный цикл развития.

Десятилетние интервалы общественной жизни страны ярче всего проявлялись в ее катастрофических катаклизмах. Достаточно в связи с этим вспомнить 10-летний период Смутного времени в начале XVII века или десятилетку экономического спада в 1989–1998 годах. Весьма ярко отличительные особенности десятилеток проявились и в послепетровское время «дворцовых интриг», и в советский период (рис. 5.17).

5.2.3. Оценка потенциалов локальных человеческих цивилизаций

По аналогии со значением, местом и ролью систем ценностей локальных человеческих цивилизаций их потенциалы играют исключительно важное значение, определяя границы возможностей не только наций, но и возможных коалиций и союзов. Так, в случае реализации планов США по созданию Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств (ТАП и ТТП), объединенные финансово-экономические, демографические и военно-политические ресурсы западной локальной человеческой цивилизации, контролируемые США, будут составлять от 50% до 70% мировых

к сравнению российской ЛЧЦ в военно-политической области, обращает на себя внимание ее сопоставимость с другими ведущими ЛЧЦ, где отмечается единственное существенное отставание от американской ЛЧЦ. Наконец, обращает на себя внимание высокая оценка индийской ЛЧЦ и низкая — военно-политического потенциала арабо-мусульманской ЛЧЦ.

Обращает на себя внимание сравнение управленческих потенциалов ЛЧЦ, которые в эпоху сетевых и сетцентрических войн играют особенно важное значение. Преимущества в области сбора, обработки, анализа и передачи информации становятся важным цивилизационным преимуществом, которое реализуется во всех областях человеческой деятельности — от экономики и культуры до военного дела. Это — системное преимущество, которое используется западной ЛЧЦ, во многом предопределяя политический результат еще на стадии постановки задач.

В частности такое преимущество Запада очень заметно в интернете и использовании социальных сетей для формирования необходимого политического климата и условий, которые реализуются политическими, экономическими и военными средствами. Не случайно правительства ряда стран пытаются административными средствами бороться с таким преимуществом в сети, подготовке кадров и менеджменте.

В XXI веке можно говорить об «управленческом превосходстве» западной ЛЧЦ на всеми другими ЛЧЦ. Это особенно важно при изменении характера войны: если главной целью войны становится контроль над правящей элитой противника, то добиться этого можно разными средствами, но эффективнее всего — переворотом управления. Именно это произошло на Украине в начале XXI века, когда постепенно правящая украинская элита оказалась неспособной оказать сопротивление.

Эффективность управления западной ЛЧЦ сказывается на всех уровнях, включая военный, где она проявляется, в частности, в умении создать ситуацию «управляемого хаоса» во многих ключевых странах и целых регионах. Иногда это рассматривается, как неспособность руководства США реализовывать собственные планы, что, конечно же, не соответствует реалиям. В действительности именно хаос, а не стабильность (даже дружественная) нужна США, которые смогут именно в этих условиях обладать «контрольным пакетом» управления в мире.

Сопоставление управленческих потенциалов ЛЧЦ (оценки экспертов по методу Саати, 2015 г.)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	5	1	9	3	1	2	0,9	3	3	9
восточно-европейская		1	0,2	5	1	0,2	3	0,5	3	6	8
северо-американская			1	9	5	2	2	1	6	6	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	0,8	0,8	0,8	2	2	8
китайская						1	2	0,9	3	7	9
индийская							1	0,6	0,9	3	8
японская								1	7	8	9
арабо-мусульманская									1	2	8
буддийская										1	8
африканская											1

В XXI веке человеческий капитал окончательно превратился в главную цель и средство развития человеческого общества и, естественно, любой нации или ЛЧЦ. В конечном счете, к середине XXI века победителем станет та ЛЧЦ или нация, которая сможет обеспечить максимально высокое качество НЧК и самореализацию личности, наиболее эффективные институты развития НЧК, включая военные.²⁷⁸

²⁷⁸ См. подробнее: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–4. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013.

и страны, где уровень душевого ВВП на образование, культуру и здоровье выше. Но эти же показатели являются решающими и в военной области, где они определяют качество личного состава и ВиВТ.

Стратегический прогноз для ЛЧЦ и будущего сценария развития МО во многом предопределяется темпами развития НЧК в разных центрах силы. Особенно в таких, как китайский, индийский, бразильский и индонезийский, где его темпы могут привести к радикальным изменениям в МО и появлению принципиально новых парадигм развития.

Формирование будущих сценариев МО после 2021 года зависит от того, какая из ЛЧЦ и в каких масштабах сможет реализовать свой коалиционный потенциал. Этот результат будет зависеть не только от того, какая нация идентифицирует себя в наибольшей степени с той или иной ЛЧЦ, но и от многих частных условий. Далеко не всегда, например, союзник является усилением коалиции. История знает немало примеров того, когда близкая по многим критериям нация или государство становилась ненужным и даже вредным членом альянса. Иными словами, коалиционный потенциал можно оценивать не только и даже не столько по цивилизационным признакам, сколько по политической выгоде. Так, Грузия, Молдавия или Украина могут стать сомнительным дополнением к коалиции западной ЛЧЦ. Также как таким сомнительным приобретением для ЕС и НАТО стала Румыния.

Коалиционный потенциал может быть увеличен и не только на цивилизационной, но и на межцивилизационной основе. Не случайно, например, интерес к ТС проявили не только бывшие советские республики, но и Вьетнам, Новая Зеландия, Израиль, Египет и Индия. Поэтому нельзя ставить знак равенства между цивилизационным и коалиционным потенциалами, хотя надо признать, их содержание в XXI веке все больше сближается. В любом случае, как показывает практика, в основе устойчивого военно-политического союза должно лежать единое цивилизационное ядро. Тем не менее, вполне возможны ситуативные коалиции государств различных ЛЧЦ, если для них существует угроза со стороны общего врага.

Исходя из вышесказанного, можно предполагать, что огромный коалиционный потенциал западной ЛЧЦ должен встретиться в перспективе после 2021 года вполне адекватную реакцию

Сравнение и сопоставление различных потенциалов ЛЧЦ требует некоего общего знаменателя, интегрирующего основные показатели с тем, чтобы была возможность, как минимум, экстраполяции соотношения потенциалов ЛЧЦ в стратегической перспективе. Это теоретически можно сделать, попытавшись предоставить различные «веса», придающие разные значения для тех или иных потенциалов. Прежде всего, с точки зрения его возможных военно-политических последствий. Примером может служить нижеследующая матрица.

Оценка вклада различных потенциалов цивилизаций и наций в совокупный военный потенциал цивилизации (страны)

	Военно-экономический потенциал	Военно-политический потенциал (нематериальный)	Военный	Управленческий потенциал	Потенциал человеческого развития	Коалиционный потенциал
Военно-экономический потенциал	1	0,3	0,7	0,25	0,75	5
Военно-политический потенциал		1	0,5	0,5	0,5	3
Военный потенциал			1	0,5	1	3
Управленческий потенциал				1	0,5	0,25
Потенциал человеческого развития					1	2
Коалиционный потенциал						1

Естественно, что подобное распределение «весов» является очень субъективным и требующим не только аргументации, но и серьезной экспертной работы. Очень важно также, чтобы были четко обоснованы критерии таких оценок, которые пока что представляются очень условными. Подобные попытки могут называться только первым опытом количественного анализа потенциалов, позволяющим более прагматично и конкретно прогнозировать будущие сценарии развития МО.

Глава VI
Основные тенденции
современного мирового
развития

Мировое развитие является сложным диалектическим процессом, которому свойственны многогранность, неравномерность и разнонаправленность, проявляющиеся через противоборство противоположных тенденций. Двумя такими неотъемлемыми тенденциями мирового развития являются тенденции к унификации и фрагментации мирового пространства. Эти тенденции были характерны для всех предыдущих периодов мировой истории. Причем на отдельных этапах доминировала одна тенденция, затем побеждала другая, которая вновь сменялась прежней.

В предыдущие исторические периоды тенденция к унификации проявлялась в форме строительства гигантских империй, которые охватывали обширные районы земной поверхности. Некоторые такие империи существовали достаточно долгие периоды времени. Например, Римская Империя и Византия существовали тысячу лет. Империи выступали формой интернационализации хозяйственной жизни целых континентов и в этом смысле выполняли прогрессивную цивилизационную роль. Однако со временем форма существования таких империй вступала в противоречие с объективными экономическими, политическими и прочими процессами мирового развития. Тогда империи либо распадались, либо поглощались другими империями.

Сегодня существует немало попыток глобального прогноза развития противостояния между локальными человеческими цивилизациями, в том числе имеющими под собой самые разные основы: экономические, религиозные, социальные, военно-политические. Как правило, такие попытки детерминированы каким-то одним обстоятельством или условием. Часто такие прогнозы исходят из анализа различных фаз экономического развития человечества, предполагая, что каждая смена ведет к катаклизмам и войнам. Так, например, А. Белогорьев и В. Бушуев отмечают: «В долгосрочной перспективе мировая система развивалась по гиперболическому закону, или в режиме с обострением. Этим

законом описывается динамика численности населения, ВВП, потребления энергии и пр. С 1960 г. начались изменения режима роста мировой системы и выход из режима с обострением. Гиперболический рост мировой системы не является однородным. Длительные периоды сравнительно устойчивого развития (фазы) разделены короткими периодами фазовых переходов, когда меняется режим роста и сама основа развития социума. При этом переход может идти с различной скоростью и различными путями либо вообще не состояться, поэтому фазы разделены острыми кризисами, когда возникает возможность реализации нескольких сценариев развития»²⁷⁹.

Можно принять такой подход в качестве рабочей гипотезы, особенно в той его части, где речь идет о «фазовом переходе» человечества с одной стадии развития на другую, когда меняются все основные существующие парадигмы его развития: социальные, политические, экономические и иные, а именно — военно-политические и военно-технические, связывая нынешний «фазовый переход» с новой ролью национального человеческого капитала²⁸⁰. При этом представляется крайне важным, чтобы системность «фазового перехода» не сводилась только к смене средств производства и производственных отношений, технологическому укладу и прочим экономическим атрибутам. Все тенденции мирового развития тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга.

6.1. Основные тенденции в области мировой экономики

Анализ относительно устойчивых тенденций мировой экономики является, может быть, единственной реальной материальной основой для политического анализа и стратегического прогноза потому, что все другие факторы весьма субъективны и допускаяют

²⁷⁹ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 8.

²⁸⁰ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–2. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013.

великое множество толкований и огромное количество сценариев. Именно поэтому, составление стратегического прогноза правильно начинать с исследования основных экономических факторов мирового развития.

Приступая к такому анализу, следует, прежде всего, констатировать, что в предыдущие четыре столетия человечество развивалось в рамках западной экономической модели, получившей название «капитализм». Предпринятая в XX веке попытка СССР предложить миру альтернативную экономическую модель закончилась неудачно. В итоге СССР проиграл экономическое соревнование с Западом и потерпел идеологическое поражение в т. н. «холодной войне». Другие ЛЧЦ альтернативных экономических моделей не выдвигали, а были вынуждены волей-неволей принять экономическую модель, предложенную западной цивилизацией.

Вследствие этих процессов западная экономическая модель охватила весь мир, стала глобальной. К тому же в XXI веке человечество вступило в особый период своего развития, когда совершенствование средств связи, транспортировки, коммуникаций создало материальные и технологические предпосылки унификации человечества во всемирном масштабе. Это породило на свет доктрину глобализации, призванную доказать неизбежность дальнейшей интернационализации экономической жизни всех стран мира с последующим превращением мировой экономики в единый хозяйственный комплекс. Согласно этой доктрине все национальные барьеры на пути движения товаров, услуг и капитала должны быть со временем упразднены, а роль национальных государств, как в экономическом развитии, так и в других областях — существенно понизиться.

Однако эта доктрина очень скоро разошлась с реальностью. Мировая экономика стала развиваться несколько другим путем, чем это предсказывали сторонники доктрины глобализации. Процессы глобализации вступили в противоречие с реальными экономическими интересами национальных экономических субъектов и населения самых различных стран. И хотя традиционные экономические барьеры, такие как, например, квотирование импортных товаров, в основном действительно отменялись, как в рамках ВТО, так и в рамках двусторонних торговых соглашений, но на их место стали приходить новые, менее очевидные ограничения, связанные

с санитарным контролем, стандартами и сертификацией товаров и услуг. По схожим причинам свободное передвижение людей и капитала также уперлось в защитные барьеры. Особенно, широкое распространение получили административные ограничения на торговлю, движение капитала и людей, связанные с вопросами безопасности. Экономические санкции превратились в рутинный инструмент внешней политики западных государств.

Таким образом, развитие интернационализации мировой экономики натолкнулось на весьма серьезные объективные препятствия. И если в первое десятилетие после окончания «холодной войны» в мире господствовала эйфория по поводу того, что процесс глобализации приведет к выигрышу для всех субъектов мирового рынка, то вскоре оказалось, что выгоды от него распределяются крайне неравномерно. Более того, стремясь за столбить за собой традиционные рынки и ограничить возможности иностранных конкурентов, многие страны выбрали путь формирования региональных экономических объединений, создающих внутренние рынки с более выгодными условиями для своих экономических субъектов.

Как следствие, процесс экономической глобализации сделал неожиданный поворот и пошел не так как предполагалось ранее — не линейно, а путем развития региональных экономических объединений, закладывая основу для нового типа глобализации, которую условно стали называть «интеграция интеграций»²⁸¹. Одним из примеров такого типа глобализации можно считать решение России и Китая о сопряжении ЕАЭС и экономического пояса Шелкового пути.

Понятно, что возникновение мощных региональных экономических объединений делает невозможным существование одного мирового центра принятия решений по экономическим вопросам. Поэтому система мировых финансово-экономических институтов, созданная в свое время в США и Западной Европе для содействия процессу линейной глобализации, перестала отвечать потребностям объективных процессов мирового развития. С другой стороны, в истории еще ни разу не было случая, чтобы

²⁸¹ Межевич Н. М. «Интеграция интеграций»: стоит ли искать черную кошку в темной комнате? Аналитический доклад, СПб., 2015. С. 47.

государство или группа государств добровольно отказались от своего привилегированного положения в мировой системе разделения труда. И вряд ли можно ожидать, что нынешняя мировая финансово-экономическая архитектура будет изменена, без серьезной политической борьбы.

Между тем, действие закона неравномерности экономического и политического развития государств обычно ведет к перераспределению мирового баланса сил в пользу новых центров экономической мощи. Этот процесс происходит и сейчас, на наших глазах. С момента окончания Второй мировой войны сфера географического контроля Запада над мировой экономикой постоянно сужалась. Сужалась и роль Запада в мировом производстве товаров и услуг. В 1938 году ведущие страны Запада, с учетом колоний и других зависимых территорий, производили около 56% мирового ВВП. Сейчас же их доля в мировой экономике, если считать по ППС, снизилась до одной трети. И это произошло всего лишь за 75 лет — срок по историческим меркам совсем небольшой.

Характерно, что падение доли Запада в мировой экономике продолжилось и после так называемой «победы в холодной войне». Ниже приводятся диаграммы, показывающие изменение доли ведущих западных стран в производстве мирового ВВП с 1993 по 2013 годы. Совокупный экономический потенциал этих стран составляет $\frac{3}{4}$ всей западной экономики. Поэтому динамика их экономического развития позволяет сделать вывод о состоянии и перспективах западной цивилизации в целом.

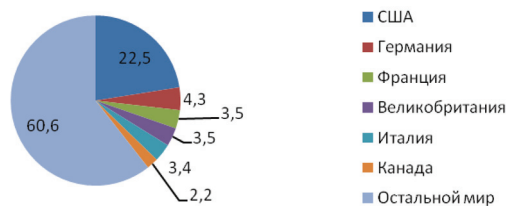

Рис. 6.1. Доля ведущих стран Запада в мировом ВВП в 1993 г. (по ППС)

Источник: World economic outlook., May 1993.

Washington, DC : International Monetary Fund, 1993. P. 121.

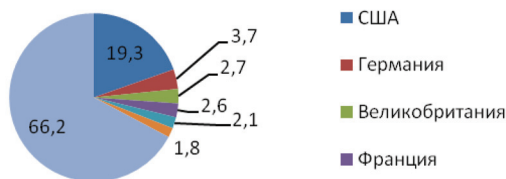

Рис. 6.2. Доля ведущих стран Запады в мировом ВВП в 2013 г. (по ППС)

Источник: World economic outlook., April 2014.

Washington, DC : International Monetary Fund, 2014. P. 159.

Как видно из приведенных диаграмм, доля ведущих стран Запады в мировой экономике снизилась за последние 20 лет почти на 6%. И это при том, что в этот период для западной цивилизации сложились наиболее благоприятные условия, вызванные распадом главного геополитического конкурента в лице СССР и всего социалистического блока.

Частично этот результат был связан с объективными процессами, но частично объяснялся ошибками самого Запады. Взяв курс на создание однополярной мировой системы, Запады попытался закрепить свое главенствующее положение в мировой экономике, выдвинув теорию «постиндустриального общества». Эта теория была призвана увековечить систему неэквивалентного обмена между западными государствами и странами периферии. Расчет делался на то, что контроль над интеллектуальной собственностью и передовой технологией позволит Запады обеспечить свою главенствующую роль в мировой производственной цепочке и продолжить получать сверхдоходы. В то время как добыча сырья и производство готовой продукции сместится в страны периферии, где стоимость рабочей силы намного ниже.

Однако реальность оказалась сложнее теоретических построений. Получив и освоив промышленные производства, страны периферии за последние 20 лет заметно продвинулись по пути экономического прогресса. Это привело к соответствующему понижению роли западных стран в мировой экономике. Владение передовыми технологиями не обеспечило Запады полный контроль над мировыми производственными цепочками.

Некоторые страны, такие как Китай, Индия, Южная Корея, Иран, Малайзия и некоторые другие создали свои собственные научные школы и центры технологического развития. Это позволило им начать промышленное развитие на своей собственной основе, минуя или копируя западные разработки. И хотя научно-технологический разрыв между Западом и этими странами все еще существует, но для производства большей части промышленных товаров, особенно товаров массового потребления, собственная технологическая база новых индустриальных стран уже вполне достаточна.

Более того, новые индустриальные страны стали потреблять все больше и больше природных ресурсов. Их доля в глобальном ресурсопотреблении существенно возросла. Это лишило Запад монопольного положения приобретателя мировых природных ресурсов. В итоге, конкуренция поставщиков природных ресурсов дополнилась конкуренцией потребителей природных ресурсов. А это привело к установлению справедливых мировых цен на сырьевые товары и стало работать в пользу выравнивания доходов производителей сырья, с одной стороны, и производителей готовой продукции и интеллектуальной собственности, с другой стороны. Более того, по некоторым важным для современной промышленности природным ресурсам, таким, например, как редкоземельные металлы, образовалась монополия поставщиков, а не потребителей. Поэтому, можно ожидать, что в перспективе роль поставщиков ключевых природных ресурсов будет только возрастать.

Таким образом, в начале XXI столетия Запад столкнулся с довольно серьезной проблемой. Стало очевидно, что сохранить свое доминирующее положение в мировой экономике при сложившейся структуре мирового разделения труда он больше не в состоянии. Если ничего не предпринимать, то объективные процессы неумолимо приведут западную цивилизацию к потере роли экономического лидера мира. Даже если полагаться на т. н. «инерционный сценарий» и предположить, что доля Запада в мировой экономике будет сокращаться на 6% каждые 20 лет, то к 2055 году доля западной цивилизации в мировом ВВП снизится до одной четверти. Но скорее всего, экономическое «сдувание» Запада не будет носить линейный характер. На каком-то этапе этот процесс может принять кризисные формы, как уже было в период Великой депрессии 30-х годов прошлого века.

В любом случае по мере ослабления экономической роли Запада, будет уменьшаться и его политическая роль. В случае инерционного сценария это влияние будет ослабляться постепенно. В случае кризисного развития, оно может растаять одномоментно. Уже в среднесрочной перспективе (7–10 лет) события могут начать развиваться по принципу раскручивающейся спирали. Ослабление политической роли будет уменьшать возможности влиять на экономические процессы и наоборот. И так до тех пор, пока западные общества не опустятся до среднемирового уровня потребления. Но это уже будет означать социально-экономический коллапс западной цивилизации.

При этом немаловажным моментом станет ослабление возможностей Запада выделять необходимые ресурсы на научно-техническое развитие, что неминуемо приведет к утрате военно-технологического превосходства над большинством стран мира. А это уже негативно сказалось бы не только на экономическом положении, но и на безопасности целого ряда западных государств.

Таким образом, в начале XXI века западная цивилизация оказалась в политическом тупике. Следование инерционному сценарию совершенно не устраивало западные элиты. Они оказались перед сложнейшей проблемой, связанной с необходимостью изменить пагубные для Запада мировые экономические процессы. Выбор вариантов решения этой проблемы был не большой. По существу, таких вариантов было всего два. Первый вариант предусматривал реиндустриализацию западных экономик, возвращение туда многих выведенных за рубеж производств и общее повышение конкурентоспособности в производстве товаров и услуг. Вторым вариантом состоял в том, чтобы создать новый мировой порядок и внеэкономическими методами принуждения заставить другие страны принять правила экономической жизни, выгодные Западу.

С начала 2000-х годов руководство западных стран стало делать шаги в обоих этих направлениях. Попытки провести реиндустриализацию стали предприниматься, прежде всего, в США. На первых порах, этот план казался вполне осуществимым, так как Запад все еще сохраняет два существенных экономических преимущества над странами периферии. Первое — это научно-техническое лидерство. И второе — это контроль над мировой финансовой системой, что обеспечивает своим национальным предприятиям легкий доступ к дешевому кредиту.

Однако попытки осуществления этой политики сразу же натолкнулась на ряд существенных сложностей. Первая из них состоит в том, что страны периферии, которые уже создали свою индустриальную базу, вовсе не собираются отказываться от уже завоеванных позиций. Более того, все они имеют планы по дальнейшему расширению и диверсификации своих экономик. Некоторые из них создали свои научные школы и сами в состоянии разрабатывать некоторые высокотехнологические продукты. В дальнейшем собственная научно-технологическая база этих стран будет только расти, и они будут в состоянии развивать производство на своей собственной технологической основе.

Реиндустриализация западных экономик неминуемо приведет к конкурентной борьбе между товарами западных и новых индустриальных стран. И победа в этой борьбе Запада вовсе не очевидна с учетом того, что стоимость рабочей силы в странах периферии значительно ниже. Проблему могло бы решить использование методов протекционизма, и такие методы частично применяются западными странами под различными предлогами. Однако массовое использование протекционизма Западом будет означать крах системы мировой торговли, так как ответные меры других стран неминуемо приведут к разрушению механизмов ВТО. При этом Запад потеряет свободный доступ на рынки других стран. А в этом случае реиндустриализация собственных экономик ничего не даст для улучшения положения Запада в системе мировой экономики. Скорее наоборот.

Во-вторых, за последние 20 лет на Западе сложились мощные экономические структуры, замкнутые на страны периферии. Они располагают своими отлаженными бизнесами, крупными капиталами и вполне удовлетворены нынешним положением вещей. Для них изменение модели развития означает подрыв собственных возможностей. Поэтому при любых попытках ужесточить протекционистские шаги против товаров стран периферии или вывоза капитала эти силы начинают использовать свои лоббистские и политические возможности для защиты собственных интересов. Сторонники этих структур сразу же начинают апеллировать к понятным для западных обществ, принципам свободы торговли, предпринимательства, частной инициативы, конкуренции и т. п. Это делает борьбу с этими структурами для правительств западных стран довольно сложной. Наиболее подходящим является

методика перетягивания этих структур на сторону государства путем предоставления им каких-то льгот, кредитов, заказов. Однако для удовлетворения appetитов всех потенциальных клиентов не хватит никакого государственного бюджета.

Сейчас Запад пытается вводить ограничения на внешнеэкономические связи под политическим предлогом, используя такие аргументы как борьба с терроризмом, коррупцией, уходом от налогов для того, чтобы ослабить положение конкурентов из других стран. Это, однако, дает лишь точечный эффект и не способно повлиять на развитие мировой экономики в целом. Одним словом, сейчас на Западе сложилась ситуация при которой попытки реиндустриализации явно пробуксовывают.

Еще одним инструментом, который Запад попытался использовать для повышения конкурентоспособности своих экономик, стал курс на понижение стоимости рабочей силы в собственных странах. Чтобы осуществить это под благовидным предлогом, а не путем открытого наступления на права трудящихся, в ход были пущены новые экономические теории — «монетаризма» и экономического рационализма. Целью этой политики был демонтаж социального государства возникшего на Западе в период конкуренции с коммунистическим проектом. И действительно, со времен тэтчеризма и «рейганомики» эта линия усиленно проводилась во многих западных странах, а также в странах Восточной Европы, перешедших в сферу влияния Запада. Однако возможности осуществления такой политики тоже оказались весьма ограниченными. Она вызвала недовольство и сопротивление широких слоев общества, поставивших под удар стабильность всей западной цивилизации. И хотя уровень жизни на Западе с тех пор несколько понизился, принципиальных изменений в снижении стоимости рабочей силы добиться не удалось. Также как не удалось полностью демонтировать систему социального государства, поглощающую существенные ресурсы государственного бюджета.

В итоге, Западу пришлось покрывать эти расходы путем увеличения государственных заимствований, а также поощрять кредитование населения банками, так как уменьшение реальных доходов домохозяйств вело к падению потребительского спроса и замедлению экономического роста. Расширение кредитования населения позволяло также решать важный политический воп-

рос — делать опутанного долгами обывателя более зависимым от работодателей и банков и, в конечном счете, более управляемым. Таким образом, нарастал контроль государства над обществом через экономические механизмы. Однако наращивать долги государства и домохозяйств до бесконечности было невозможно. Рано или поздно эта пирамида должна была рухнуть. Толчком к переосмыслению многими странами ведущей роли западной цивилизации на мировой арене послужили события 1997 года, вызвавшие масштабный финансово-экономический кризис на рынках новых индустриальных стран Азии. В той ситуации западные экономические институты и инвесторы проявили себя не с самой лучшей стороны в отношении своих азиатских партнеров. А в политических и экономических кругах стран Азии по этому поводу были сделаны определенные выводы.

Затем последовал дефолт Российского государства, развивавшегося по рецептам МВФ и в рамках неолиберальной доктрины капитализма. В 2001 году в США произошел т. н. кризис «доткомов» — компаний работающих в сфере высоких технологий, который нанес существенный ущерб мировой экономике. Ну и апофеозом всего этого процесса явился самый крупный после Великой депрессии финансово-экономический кризис 2008 года. Он начался после того, когда в США лопнул пузырь на рынке ипотечного кредитования.

Тогда западным элитам удалось купировать последствия кризиса, начав политику монетарного смягчения, которая перевела кризис в латентную стадию. Однако его причины далеко не преодолены. Сейчас западные элиты пытаются осуществить постепенное сдувание долговой пирамиды путем контролируемой инфляции и замораживания роста долгов. Этот кризис, последствия которого продолжают сказываться и по сей день, зародил в мире серьезные сомнения в устойчивости мировой, в том числе западной экономики, и в правильности того экономического пути, по которому идет (и ведет мир) западная цивилизация.

Известный российский экономист, академик С. Ю. Глазьев отмечает три сценария развития мировой экономики, возможные в нынешних условиях²⁸²:

²⁸² Глазьев С. Ю. Выход из хаоса // Военно-промышленный курьер / <http://vpk-news.ru/articles/22623>

1. Сценарий быстрого выхода на новую длинную волну экономического роста (оптимистический). Он предусматривает перевод кризиса в управляемый режим, позволяющий ведущим странам канализировать спад в устаревших секторах и периферийных регионах мировой экономики и направлять остающиеся ресурсы на подъем инновационной активности и форсированный рост нового технологического уклада. При этом кардинально изменится архитектура глобальной финансовой системы, которая станет поливалютной, а также состав и относительный вес ведущих стран. Произойдет существенное усиление государственных институтов стратегического планирования и регулирования финансовых потоков, в том числе на мировом уровне. Глобализация станет более управляемой и сбалансированной. Стратегия устойчивого развития сменит доктрину либеральной глобализации. В числе объединяющих ведущие страны мира целей будет использоваться борьба с терроризмом, глобальным потеплением, массовым голодом, болезнями и другими угрозами человечеству.
2. Катастрофический сценарий, сопровождающийся коллапсом существующей американоцентричной финансовой системы, формированием относительно самодостаточных региональных валютно-финансовых систем, уничтожением значительной части международного капитала, резким падением уровня жизни в странах «золотого миллиарда», углублением рецессии и возведением протекционистских барьеров между регионами.
3. Инерционный сценарий, сопровождающийся нарастанием хаоса и разрушением многих институтов, как в ядре, так и на периферии мировой экономики. При сохранении некоторых институтов существующей глобальной финансовой системы появятся новые центры экономического роста в странах, сумевших опередить других в формировании нового технологического уклада и «оседлать» длинную волну экономического роста.

Инерционный сценарий представляет собой сочетание элементов катастрофического и управляемого выхода из кризиса. При этом он может быть катастрофическим для одних стран и регионов и оптимистическим — для других. Следует понимать, что инсти-

туты ядра мировой финансовой системы будут выживать за счет стягивания ресурсов с периферийных стран путем установления контроля над их активами. Достигается это обменом эмиссии их валют на собственность принимающих эти валюты стран в пользу банков и корпораций ядра.

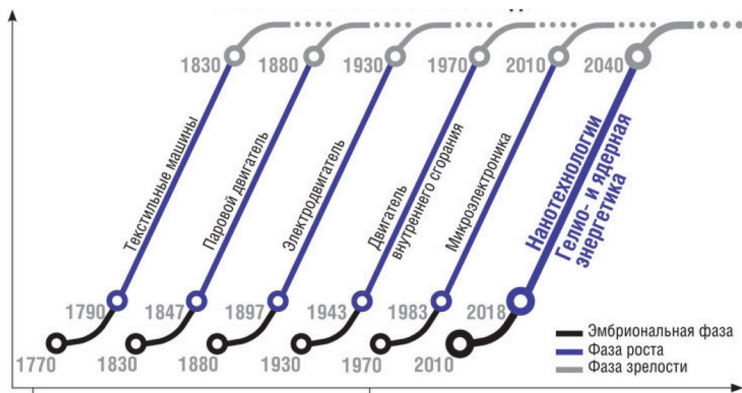

Рис. 6.3. Смена технологических укладов

Рис. 6.4. Структура нового (VI) технологического уклада и темпы роста его составляющих

Пока развитие событий идет по инерционному сценарию, который сопровождается расслоением ведущих стран мира по глубине кризиса. Наибольший ущерб несут открытые экономики, в которых падение промышленного производства и инвестиций составило в начальной фазе кризиса 15–30%. Страны с автономными финансовыми системами и емким внутренним рынком, защищенным от атак спекулянтов, продолжают расти, увеличивая свой экономический вес.

Для выхода на оптимистический сценарий необходимо формирование глобальных регулирующих институтов, способных обуздать турбулентность на мировых финансовых рынках и уполномоченных на принятие универсальных глобальных правил для финансовых учреждений. В том числе предусматривающих ответственность менеджеров, прозрачность фондовых опционов, устранение внутренних конфликтов интересов в институтах, оценивающих риски, ограничение кредитных рычагов, стандартизацию финансовых продуктов, проведение трансграничных банкротств.

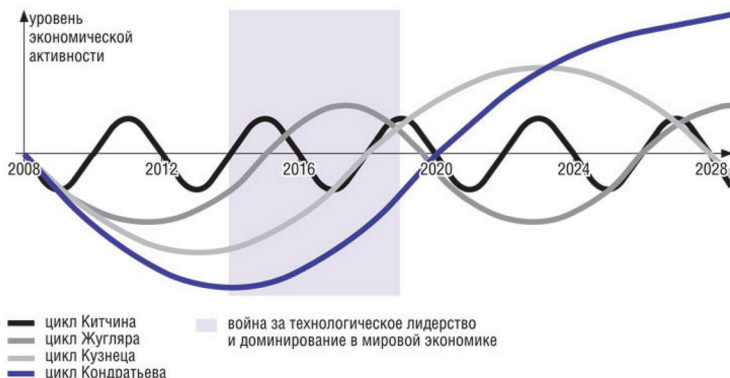

Рис. 6.5. Глобальный кризис как сочетание циклических кризисов

В любом из сценариев экономический подъем возникает на новой технологической основе с новыми производственными возможностями и качественно новыми потребительскими предпочтениями. Кризис закончится с перетоком, оставшегося после коллапса долларовой пирамиды и других финансовых пузырей, капитала в производство нового технологического уклада.

Однако по какому бы сценарию не пошло развитие мировой экономики, сохранение экономического доминирования западной цивилизации в мировой системе не представляется возможным. Теория длинных экономических циклов подтверждается историческим опытом, а смены технологических укладов, действительно, сопровождаются экономическим ростом. Но это относится к мировой экономике в целом и никак не отменяет закона неравномерности развития отдельных государств и цивилизаций. То есть мировая экономика в целом может расти, в то время как отдельные государства или группы государств могут находиться в стагнации или расти гораздо медленнее других. Соотношение экономических потенциалов государств постоянно меняется. Когда-то Англия была «мировой фабрикой», затем эта роль перешла к США, а сейчас к Китаю. Между тем, прошло уже более двухсот лет и поменялось несколько технологических укладов.

Поэтому нет никаких оснований предполагать, что переход к новому технологическому укладу как-то принципиально повлияет на тенденцию мирового развития, ведущую к снижению доли западной цивилизации в мировой экономике. Тем более, вовсе не факт, что новые технологии вытеснят все основные традиционные производства. Здесь могут быть разные варианты. Так изобретение автомобиля почти полностью вытеснило конную тягу. Но вот появление авиации вовсе не упразднило железнодорожный и морской транспорт. Интернет не ликвидировал телевидение. Изобретение атомной энергии помогло потеснить уголь в энергобалансе различных стран, но вовсе не привело к полному прекращению его добычи. Примечательно, что Глазьев в своем описании шестого технологического уклада назвал в качестве его «несущей» основы те отрасли, которые уже стали традиционными. А эти отрасли уже всюю развиваются в большинстве новых индустриальных стран.

Более того, основные товары, в которых нуждаются люди, вовсе не относятся к шестому технологическому укладу — пища, напитки, одежда, обувь, строительные материалы, мебель и многое другое, требуемое в повседневной жизни. Даже если предположить, что некоторые из этих товаров смогут быть произведены на базе шестого технологического уклада, то вовсе не факт, что потребитель, сделает выбор именно в пользу этого более современного, но также и более дорогого товара.

А ведь товары на основе новых технологий на первоначальном этапе их коммерциализации достаточно дороги. Удешевить их может только массовое производство, для которого нужны открытые рынки других стран. Поэтому неизбежно возникнет жесткая конкуренция с традиционными товарами стран периферии. Между тем, для поддержания свободы мировой торговли Запад не сможет идти на закрытие своих рынков для товаров из других стран. Таким образом, продукция нового технологического уклада на первых порах сможет занимать лишь нишевое положение в мировой экономике, в то время как основная продукция массового спроса будет все более сосредотачиваться в странах периферии.

К тому же, сохранить контроль над технологиями шестого уклада, имеющими гражданское назначение, запретив их переток в другие страны, будет достаточно сложно. В условиях свободы перемещения информации и свободы передвижения ученых и специалистов многие технологии смогут перетекать в страны периферии явочным порядком на коммерческой основе. Перейти же к системе закрытого общества будет значить подрывать всю ту основу, на которой сейчас стоит мировая и, прежде всего, сама западная экономика.

Не случайно, сам же Глазьев в своем докладе «Политика экономического роста в условиях глобального кризиса» отмечает, что «на волне роста пятого технологического уклада поднялись новые индустриальные страны, сумевшие заблаговременно создать его ключевые производства и заложить предпосылки их быстрого роста в глобальном масштабе»²⁸³. Следовательно, эти страны воспользовались многими передовыми технологиями своего времени, разработанными, прежде всего, на Западе. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что переход к шестому технологическому укладу будет прерогативой одних лишь западных стран. И Китай, и Индия, и Россия, и Япония, и новые индустриальные страны Азии неминуемо примут участие в этом процессе.

Конечно, у Запада остается определенное стартовое преимущество в научно-технической области, но это касается далеко не всех передовых технологий. Тем более, в технологической гонке успех не всегда определяется линейными процессами. Многие

²⁸³ <http://www.glazev.ru/>

зависит от таланта людей, двигающих научный прогресс. Опыт ядерной, ракетно-космической и авиационной отраслей СССР — наглядное тому подтверждение.

Между тем, усиление альтернативных экономических центров силы и нарастание межцивилизационных противоречий неизбежно будет вести к появлению валют — конкурентов американскому доллару и укреплению золотого стандарта. Этот объективный процесс уже начался с исключения доллара из ряда соглашений в качестве единственной резервной валюты во взаиморасчетах целого ряда государств — от КНР и России до Ирана. А по мере ограничения использования доллара в качестве единственной валюты будет сокращаться и его возможность универсального средства платежа.

Таким образом, в первой половине XXI века в финансово-экономической области будут развиваться две прямо противоположные, противоречивые и даже враждебные тенденции. Первая — укрепление валют и экономик новых индустриальных стран, и переход на взаиморасчеты в других валютах между ними. Так, прогнозируемый к 2050 году рост внешней торговли в мире радикально меняет всю ее структуру в пользу новых экономических центров силы, что неизбежно ведёт к постепенному возрастанию

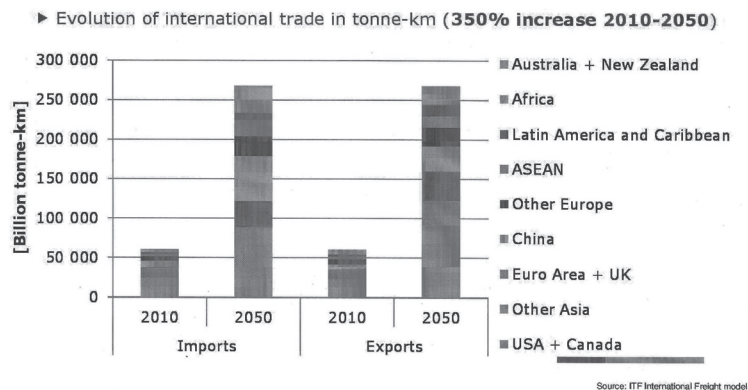

Рис. 6.6. Изменения в объемах перевозок в мире

Источник: International Transport Forum. 2014. Annual Summit [Электронный ресурс]. URL : <http://www.internationaltransportforum.org/jtrc/DiscussionPapers/DP201421.pdf>

роли национальных валют и ослаблению роли доллара. Вторая — усиление политического давления США на остальные страны с тем, чтобы сохранить позиции доллара в качестве основной мировой валюты.

При этом критическую роль может сыграть отказ КНР, России и других стран от торговли в долларах и переход к золотому стандарту или корзине национальных валют. В целом же следует отметить, что в странах БРИКС, концентрируется уже более 50% всех золотовалютных резервов мира, а Китай уверенно занимает в этой области первое место в мире²⁸⁴.

Золотовалютные резервы стран БРИКС, на 1 января 2013 г.

Страны	Объем золотовалютных резервов, млрд долл.	Доля в мире, %	Объем ВВП по ППС, млрд долл.	Резервы по отношению к ВВП, %
Россия	538	6,4	3261	16,5
Бразилия	373	4,4	2239	16,6
Индия	296	3,5	4749	6,2
Китай	3341	39,6	12 240	27,3
ЮАР	51	0,6	573	8,9
БРИКС в целом	4599	54,7	23 062	19,9
Мир в целом	8407	100	—	—

Таким образом, даже ускоренное внедрение западными государствами технологий шестого технологического уклада не сможет в перспективе 15–30 лет переломить тенденцию мирового развития, ведущую к сокращению доли Запада в мировой экономике.

²⁸⁴ БРИКС–2015: Сборник статей / Под ред. А. А. Климова. М. : ЛЕНАНД, 2014. С. 63.

6.2. Основные цивилизационно-политические тенденции

Противоречивость мирового экономического развития, привела к возникновению двух конкурирующих концепций глобализации — линейной, то есть глобализации, основанной на одном центре управления миром и не линейной, построенной на базе региональных экономических объединений и их сотрудничества в управлении мировыми делами. Если проводить аналогии с обычным государством, то борьба идет между двумя формами государственного устройства — унитарным авторитарным государством, управляющимся из единого центра, эту форму пытаются навязать миру из США. И договорной федерацией, которую отстаивают Россия, Китай, Индия и другие не западные цивилизации.

В основе этих двух концепций лежат не только противоречия экономических интересов самых разнообразных акторов мировой системы, но и разное представление о будущем мироустройстве. Если первая концепция призвана закрепить доминирующую роль западной цивилизации в системе международных отношений, то последняя направлена на создание полицентричной системы международных отношений, где все основные локальные цивилизации займут достойное место в управлении мировыми делами. Борьба этих двух концепций является сейчас преобладающей цивилизационно-политической тенденцией современности.

Столкновение этих двух тенденций привело к тому, что можно охарактеризовать как обострение политической борьбы между локальными человеческими цивилизациями. Именно на эту перспективу обратил внимание еще С. Хантингтон, который отмечал, что «столкновение цивилизаций будет доминировать в глобальной политике», а «линии противоречий между цивилизациями станут линиями фронта будущего». Хантингтон, также правильно обозначил главный водораздел этого противостояния как конфликт между западной цивилизацией и другими цивилизациями²⁸⁵.

²⁸⁵ Huntington, Samuel P., *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*, vol. 72, no. 3, Summer 1993 P. 22

Таким образом, можно ожидать усиления цивилизационно-политического противоборства между локальными человеческими цивилизациями в XXI веке. Как представляется, развитие этой тенденции может выглядеть следующим образом (рис. 6.7).

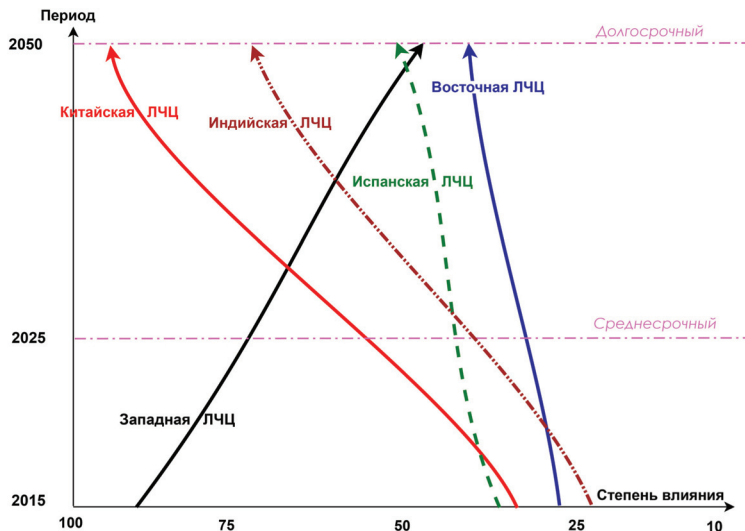

Рис. 6.7. Состояние и перспектива развития тенденции усиления цивилизационно-политического противоборства между ЛЧЦ в XXI веке

Как видно из рисунка, на фоне слабеющего объективного влияния западной ЛЧЦ (которая борется за его сохранение) происходит усиление влияния других ЛЧЦ, прежде всего китайской, исламской, а затем и индийской, чье влияние в долгосрочной перспективе должно быть не только сопоставимым, но и сравнимым.

По существу, Запад перешел к военно-политическим формам борьбы с другими цивилизациями еще в начале нынешнего столетия, запустив процесс борьбы с исламским терроризмом. Старт этой политике был положен террористическим актом в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Это событие позволило США раскрутить кампанию борьбы с международным терроризмом, что должно было легитимизировать использование Западом военной силы в различных районах мира. На волне этой кампании первая война

против режима «Талибан» в Афганистане была санкционирована ООН. Затем уже США не оглядывались на эту международную организацию. Последовали вторжения в Ирак и Ливию, поддержка исламских боевиков в Сирии, военно-политическое давление на Иран, военное окружение России и Китая. Широкое распространение получил инструмент экономических санкций против неугодных стран, режимов и отдельных политиков.

Для подчинения или свержения строптивых политических режимов стали использоваться инструменты запугивания, силового давления и прямого применения силы, а затем и «цветных революций». В последнее время стали применяться новые формы переворотов, сочетающие «цветные революции», осуществляемые под прикрытием вооруженных боевиков при политической, финансовой и военно-технической помощи Запада.

По существу западные государства приступили к ликвидации, каких либо центров влияния в мире, обладающих независимой международной субъектностью. То есть фактически Запад взял на вооружение доктрину «ограниченного суверенитета», которую в годы «холодной войны» он приписывал СССР.

Однако сохранение в мире нескольких независимых сильных государств, таких как Китай, Россия, Индия, Иран, а также некоторых государств поменьше, но также дорожащих собственным суверенитетом, до сих пор не позволило Западу добиться своих целей. Очень скоро стало очевидно, что для установления глобального доминирования западной цивилизации элементарно не хватает ресурсов. Даже локальные войны, развязанные в Афганистане и Ираке, вызвали огромные траты государственных средств. В условиях же ослабления западных экономик эти траты сделались весьма обременительными. Что уже говорить о возможности войны с такой крупной страной как, например, Иран?

Таким образом, на данном историческом этапе западная цивилизация оказалась в положении цугцванга. Без сокращения внешнеполитических обязательств и внешнего военного присутствия совершить маневр ресурсами для повышения конкурентоспособности собственных экономик не представляется возможным. С другой стороны, свертывание этих обязательств и присутствия сразу же ослабит возможности Запада диктовать свои условия другим странам и затруднит выгодное для себя решение глобальных

экономических проблем. В этих условиях даже удачный маневр ресурсами, скорее всего, не даст желаемого результата.

Между тем, вопрос повышения экономической конкурентоспособности не может быть решен быстро. На это потребуется не менее десяти лет. И вовсе не факт, что этот период западная цивилизация сможет пережить без серьезных потрясений. Ведь конкуренты наступают по всем фронтам, шаг за шагом отвоевывая у Запада контроль над экономическим, политическим и даже идейным пространством мира.

Поэтому при составлении стратегического прогноза развития МО ключевое значение в настоящее время и в среднесрочной перспективе следует уделить влиянию западной ЛЧЦ, которая начала активно бороться за сохранение своего влияния в мире перед лицом опасности усиления влияния российской, китайской, исламской и других ЛЧЦ.

Основные военно-политические тенденции, которые можно прогнозировать в среднесрочной перспективе до 2021–2024 годов и даже далее, позволяют предположить следующее:

1. Формирование вокруг ЛЧЦ и быстро растущих центров силы военно-политических коалиций, которые могут объединяться в относительно устойчивые конгломерации, например:
 - США — Западная Европа — ряд стран Персидского залива — некоторые страны Юго-Восточной Азии и АТР;
 - Бразилия — Мексика — Венесуэла — некоторые страны Латинской Америки;
 - Вьетнам и некоторые страны Юго-Восточной Азии;
 - Россия — ЕврАзЭС — некоторые страны Европы, Азии и даже Африки.
2. Создание широких коалиций и нескольких ЛЧЦ по аналогии с БРИКС.
3. Превращение внешней и военной политики государств и ЛЧЦ в единую сетецентрическую стратегию.

При этом главная политико-дипломатическая тенденция и особенность развития международной обстановки в первой четверти XXI века будет заключаться в том, что некоторые ЛЧЦ и нации будут проводить политику «всплесков инерционных поведенческих инстинктов» несогласия с претензиями США на мировое лидерство. Именно эта тенденция стала характеризовать отноше-

ния между ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века: однополярность и мировое лидерство США фактически сразу не признали четыре локальные человеческие цивилизации. Не признали, но вели себя в политическом плане совершенно по-разному:

- российская ЛЧЦ публично не признав, на практике выступила против;
- исламская ЛЧЦ заявила о непризнании, в частности, действиями ИГИЛ и терроризмом в западных странах;
- латиноамериканская ЛЧЦ;
- китайская ЛЧЦ.

Международная обстановка в прогнозируемый период будет во все большей степени формироваться под воздействием новых социально-политических факторов. Речь идет о следующих наиболее важных факторах, влияющих на формирование МО в XXI веке.

Наиболее важные социальные и политические факторы формирования МО в XXI веке

Название	Первый приоритет	Второй и другие приоритеты
1. Идеологические факторы	Социальная справедливость	Борьба с бедностью
2. Организационные факторы	Создание псевдо-государственных роевых структур в качестве «облачного противника»	Коалиционная политика и поиск союзников
3. Подчинение своему влиянию существующих и создание новых международных институтов	Эволюция ООН, ОБСЕ, МВФ, ВБ в полностью подчиненное положение	Создание новых международных институтов, подчиненных ЛЧЦ
4. Создание институтов управления человеческим сознанием (манипулирования)	Создание новой социальной реальности из виртуальной	Утверждение виртуальной реальности в качестве действительности

Идеологические и политические факторы будут выступать в качестве стимулов для создания новых международных институтов. Это выразится в том, что, во-первых, неизбежно произойдет резкое усиление значения традиционных и появление новых международных общественных институтов. Эти институты во многом смогут взять на себя функции государства (как, например, частные военные кампании — ЧВК) или содействовать этим функциям скрыто. В частности, речь идет о:

- формальных национальных и международных социальных институтах, (т. е. уже существующих какое-то время вполне легально), не только участвующих в формировании социально-политической системы общества и государства, но и влияющих на формирование МО в регионах и даже на планете. Речь идет, например, о многочисленных правозащитных, экологических и иных организациях, чье влияние ощутимо возросло еще в конце XX века;
- неформальных общественных институтах, которые создаются и развиваются вне всяких политических, правовых, нравственных и иных рамок. Это могут быть как религиозные, так и культурные и особенно информационные сообщества, например сообщества хакеров или фанатов. На Украине, например, большое значение имеет деятельность «КиберБеркута».

В последние десятилетия можно было наблюдать, как происходила стремительная эволюция таких структур из общественных организаций в политические партии, сетевые и, наконец, роевые структуры. Модели, которые со временем становились все сложнее, можно представить следующим образом (рис. 6.8).

По большому счету, роевые структуры повторяют прежний опыт создания общественных и политических структур, но на более высоком уровне: значительно быстрее, массовее и многофункциональнее. По существу, в конце XIX века в России по аналогичному сценарию была создана РСДРП:

- создание отдельных организаций, кружков и параллельных структур;
- создание территориальных организаций и органов управления;
- поиск союзников и партнеров.

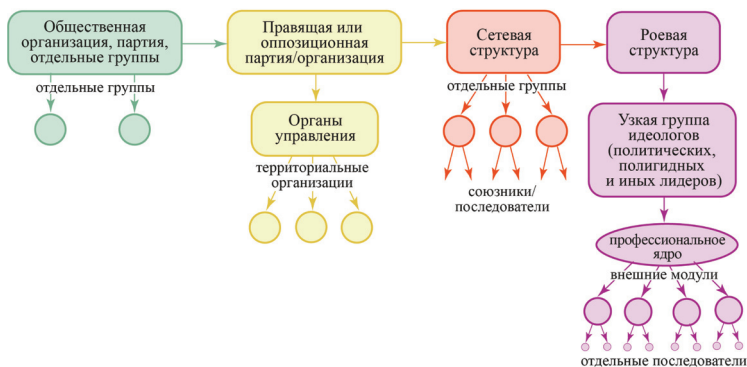

Рис. 6.8. Организационная эволюция идеологических структур в XX и XXI вв.

Но эта близость между «моделью РСДРП» и современной роевой моделью кажущаяся — такая же, как схожесть между первым паровым автомобилем и современным гибридом класса «люкс». Только на развитом, окончательном этапе, превратившись в правящую партию, РСДРП стала обладать возможностями государственных институтов. Не только идеологическими, но и финансовыми, и военными.

Нетрудно увидеть, что аналогов современным роевым структурам не существует. «Структура ИГИЛ, например, сама по себе является мощным и действенным организационным оружием, направленным против неповоротливых, бюрократизированных и в той или иной степени коррумпированных политических режимов стран Ближнего и Среднего Востока», — справедливо отмечает Е. Ларина²⁸⁶.

Вряд ли случайно, что впервые подобная структура была описана в работе Брюса Хоффмана из корпорации «RAND» «Военная исламистская угроза и эволюция Аль-Каиды». Работа была опубликована в 2006 г., а в 2009 г. ведущий американский теоретик и практик в сфере специальных операций и контртерроризма

²⁸⁶ Ларина Е. Инженеры хаоса: почему теракт в Париже совершили агенты спецслужб [Электронный ресурс]. URL : <http://topwar.ru/> (дата обращения: 17 января 2015 г.).

отставной офицер армии США профессор Клинт Вуудс издал книгу, углубляющую идеи Б. Хоффмана. Вуудс предположил, что в ближайшем будущем произойдет отход от иерархических и сетевых структур террористических организаций в пользу более сложных роевых образований. Роевые структуры, по мнению Вуудса, должны включать в себя: узкую взаимозаменяемую, в большинстве случаев непубличную группу религиозных, военных и гражданских руководителей; высоко подготовленное профессиональное ядро; внешние периферийные модули — военные и террористические группы, своего рода расходный материал; разветвленную сеть союзников, сторонников; и, наконец, формально не скрепленный никакими связями с организацией рой последователей»²⁸⁷.

Показателен в этой связи пример с влиянием ИГИЛ. Как отмечают исследователи МГИМО, «деструктивным внешним фактором, влияние которого может начать распространяться и на Афганистан, усугубляя тем самым внутреннюю обстановку в пользу вооруженных оппонентов правительства, в последнее время становятся не только отголоски „арабской весны“ на Ближнем Востоке, но и активность „Исламского государства Ирака и Леванта“ (ИГИЛ). По своей сути его идеология и методы достижения целей, тактика практических действий, фанатизм, агрессивность и непримиримость функционеров и боевиков в значительной степени напоминают деятельность талибов во второй половине 1990-х годов. Такое сходство может стать основой для практической координации их действий, причем не только в Афганистане (где наибольшие опасения пока вызывают северные районы), но и в сопредельных ареалах Центральной и Южной Азии, а также Северо-Западного Китая, на Кавказе и т. д. При этом по мнению ряда экспертов, до 10 процентов боевиков ИГИЛ являются выходцами из российского Северного Кавказа; в их рядах действуют также отдельные лица из Ханты-Мансийского округа, Новосибирска, Поволжья и т. д. Открытого проникновения моджахедов ИГИЛ на афганскую территорию пока не наблюдалось. Однако в ряде

²⁸⁷ Ларина Е. Инженеры хаоса: почему теракт в Париже совершили агенты спецслужб [Электронный ресурс]. URL : <http://topwar.ru/> (дата обращения: 17 января 2015 г.).

анклавов страны, в том числе в северных, стала появляться их религиозно-пропагандистская литература, а пакистанское крыло талибов уже открыто провозгласило себя союзниками „Исламского государства“»²⁸⁸.

Таким образом, государства уже сейчас сталкиваются с противником нового типа, которого условно можно назвать «облачным противником». Формирование такого противника по роевому принципу означает, что государству будет противостоять оппонент, чьи организаторы, кураторы, возможности, подлинные цели и способы борьбы остаются неизвестными. То что появляется на поверхности вовсе не обязательно отражает реальность. К тому же, рой не ограничен в выборе средств и форм борьбы, лишен любых сдерживающих факторов и моральных ограничений.

6.3. Основные тенденции в области идеологии

Обострение политической борьбы между основными локальными человеческими цивилизациями закономерно привело к резкому усилению идейной борьбы между ними. Это было связано, прежде всего, с теми трудностями, с которыми столкнулась западная цивилизация при реализации проекта линейной глобализации. В начале 90-х годов прошлого столетия казалось, что западный либерализм победил во всемирном масштабе и может праздновать победу. Появились торжествующие статьи о «конце истории» и начале «золотого века» в развитии человечества. Действительно, тогда сложилась ситуация, когда мир в целом согласился с идеологией западного либерализма. Модель либеральной рыночной экономики была принята практически всеми странами за редким исключением, а модель политической демократии — в большинстве стран мира. Те же государства, которые еще не внедрили у себя

²⁸⁸ Конаровский М.А. Состояние и перспективы развития военно-политической обстановки в Афганистане в свете завершения миссии Международных сил содействия безопасности: аналитическая записка. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 3.

модель политической демократии, согласились признать ее как идеал, к которому надо стремиться, и обозначили переход к ней как стратегическую цель своей политики.

Но очень скоро оказалось, что западная модель, пересаженная на почву других цивилизаций, не дает нужного результата. Как показала практика, эта модель создает в иных обществах экономическую и политическую систему, сильно отличающуюся от западной. И если в странах Восточной Европы западная модель в целом прижилась, то уже на постсоветском пространстве возникли общественные системы, несколько отличающиеся от западной. Схожая ситуация возникла и в странах Латинской Америки. Еще большие отличия имели место в государствах Азии, формально принявших западную модель. А в Африке продолжал господствовать традиционный трайбализм, облеченный в демократические одежды.

Таким образом, стало очевидно, что унифицировать человечество по западному образцу невозможно. И это неудивительно, ведь еще Данилевский писал о том, что переделать одну цивилизацию в другую нереально. Согласно его второму закону «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа»²⁸⁹. А это означало, что линейная глобализация не осуществима, поскольку управление человечеством из одного западного центра невозможно. Ведь управлять системой, компоненты которой по-разному реагируют на одни и те же вводные, нереально. Это подтолкнуло Запад к началу масштабной программы по уничтожению традиционной системы ценностей различных цивилизаций, включая свою собственную. На смену этим ценностям должны были придти новые, универсальные для всего человечества. Этому должна была, в частности, способствовать концепция ценностного релятивизма, позволяющая нивелировать ценностные различия между разными ЛЧЦ.

Расчет делался на то, что если удастся навязать эти ценности другим цивилизациям, то они станут мировоззренчески зависимы от западной ЛЧС. Естественно, при этом суверенитет этих

²⁸⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 113–114.

обществ будет утрачен, и они попадут под контроль западных центров влияния. Со временем это может привести к дезинтеграции соответствующих государств. Но при этом возрастет политическое влияние Запада, который конвертирует это влияние в экономические преимущества.

Неслучайно, на реализацию данной программы были брошены огромные ресурсы. Была создана обширная мировая сеть неправительственных организаций, призванных осуществлять продвижение «демократии» и «прав человека». На государственном уровне велась активная работа с национальными элитами, по их переориентации или подчинению, чтобы принудить их к сотрудничеству в насаждении западного мировоззрения в своих обществах. Данная политика вызвала естественную реакцию сопротивления во многих странах. Стремясь сломить это сопротивление, Запад стал переходить от информационно-пропагандистской работы к использованию инструментов «мягкой силы» в виде «цветных революций», а в ряде случаев даже к применению военной силы.

Тем не менее, эффект от таких действий оказался намного меньше ожидаемого. Внедрение ценностного релятивизма негативно сказалось, прежде всего, на самой западной цивилизации. Отказ от традиционной этики и морали, основанной на христианстве, привел к тому, что человеческие пороки и извращения стали преподноситься как норма. В сфере общественных наук, анализ сложных и многообразных явлений, заменился политкорректностью. Уровень образования и компетентности населения, в том числе управляющего слоя западных государств, стал снижаться. Защита демократических ценностей и прав человека превратилась в утилитарный инструмент политического влияния за рубежом. Это возвело лицемерие и двойные стандарты в норму международной жизни. В этих условиях основные принципы международного права фактически перестали работать. Все это привело к тому, что привлекательность западной модели общества существенно понизилась, а сопротивление насаждению западных ценностей по всему миру возросло.

Таким образом, в современном мире борьба ценностей уже вышла за рамки морали и не сводится к тому, кто будет лучше выглядеть в мировом общественном мнении. Сейчас идейная борьба приобрела реальный военно-политический аспект и напрямую

влияет на национальную безопасность государств. Причем тенденция к обострению этой борьбы сохраняется. А это, в частности, означает, что происходит:

1. Перенос противоречий между государствами и нациями из области борьбы за ресурсы в область борьбы и продвижения системы ценностей. Причем главный ресурс в XXI веке, от которого, в конечном счете, зависит противоборство ЛЧЦ, — человеческий потенциал, существующий в нации и ее институтах²⁹⁰.
2. Усиление бескомпромиссности борьбы, так как в области идеологии и системе ценностей поиск компромиссов затруднен.
3. Изменение основного объекта политического воздействия — абстрактного государства — на представляющую его элиту.
4. Усиление субъективности в принятии тех или иных решений и в оценке действительности.
5. Значительное усиление роли творческих (креативных) социальных групп в экономической и политической жизни государств.

Более того, в XXI веке происходит перераспределение влияния целых групп факторов, формирующих международную обстановку в пользу роста значения тех из них, которые так или иначе связаны:

- с человеческим капиталом ЛЧЦ, нации и общества;
- качеством правящей элиты и общества;
- средствами влияния на ЛЧЦ, общество и нацию.

Также происходит резкое усиление идеологических социальных институтов, формирующих идеологию и мировоззрение, а затем превращающих их в политический ресурс. Причем не только как субъектов, обладающих только политико-идеологическим, но и организационным и институциональным, а иногда и военным влиянием. ИГИЛ, «Правый сектор», талибы, «Братья мусульмане» — яркие примеры таких идеологических организаций, которые быстро превратились в политические и военные факторы влияния.

Происходящие внешние, формальные изменения в МО, в том числе в соотношении мировых сил, традиционно рассматривают-

²⁹⁰ Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. I–III. М. : МГИМО–Университет. 2011–2013.

ся в качестве основы для их анализа и стратегического прогноза. Они, естественно, продолжают оставаться важнейшим фактором, но в XXI веке не они стали главной особенностью формирования современных и будущих международных отношений, которые во все возрастающей мере становятся зависимыми от социального, в том числе субъективного, фактора. Именно этот субъективный фактор — «казаться важнее, чем быть» — становится доминирующим в международных отношениях. И не только в конфликте, как на Украине, где вербальные трактовки США и Киева во все возрастающей степени формируют реальность, но и в научной среде.

Рис. 6.9.

Соответственно внешняя политика становится не прагматичной, как прежде, а виртуальной. Руководство и МИД работают «на камеру», создавая новую реальность.

Таким образом, в формировании будущего сценария МО будут играть решающее влияние два фактора, которые необходимо не просто учитывать, но взять за основу в своей политике. Во-первых, это решающая роль идеологии и базирующейся на идеологии стратегии. Сегодня такая идеология и стратегия есть у двух ведущих ЛЧЦ — американской и китайской, но ее нет у российской. Поэтому в борьбе ЛЧЦ российская цивилизация рискует оказаться в проигрыше.

Во-вторых, усиление влияния субъективного фактора на формирование МО выражается, прежде всего, в усилении влияния национального человеческого капитала и институтов его реализации.

Это означает, что роль этого фактора в формировании будущей международной обстановки должна будет переоценена. Прежде всего, потому, что его культурный, образовательный и исторический потенциалы очевидно недооценены и не используются в полной мере в качестве внешнеполитических ресурсов²⁹¹.

Все это предопределяет тот факт, что анализ и прогноз развития МО во все большей степени предполагает анализ идеологического и мировоззренческого противостояния локальных человеческих цивилизаций, которые:

- во-первых, выходят по приоритетности и значению на первое место по сравнению с другими межцивилизационными и межгосударственными противоречиями, отодвигая на задний план даже традиционные противоречия, вытекающие из разницы экономических, финансовых, торговых и иных интересов;
- во-вторых, отодвигают межгосударственные и иные (включая социально-классовые) противоречия на второй план. Этот феномен не является абсолютно новым явлением в человеческой истории. И прежде мы знаем, что стремление сохранить цивилизационную и религиозную идентичность становилось важнее, чем сохранить государственный суверенитет. Религиозные войны в Европе, политика А. Невского — лишь часть примеров этого явления в прошлом.

Более того, субъективность восприятия правящей элитой международной обстановки и субъективность принимаемых ею военно-политических решений делают правящую элиту главным объектом влияния и воздействия со стороны внешних сил. Поэтому субъективность становится важнейшей особенностью в анализе и прогнозе международных отношений. А эти анализ и прогноз в свою очередь участвуют в формировании той реальности, с которой приходится иметь дело. Другими словами субъективный фактор играет не только важную роль в анализе и прогнозе международной реальности, но и в ее формировании.

Другая область, где сказывается возросшая роль субъективного фактора — идеологическая поддержка населения. Как пока-

²⁹¹ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО-Университет. 2011–2013.

зали примеры войн на Украине, в Афганистане, Югославии, Ираке и Ливии, эта область становится чрезвычайно важной для успеха внешней политики. Особенно хорошо эта возросшая роль видна на примере исламских государств и политики негосударственных акторов, прежде всего, общественных и политических организаций, которые стали реальными факторами формирования МО, не имея никаких существенных ресурсов, кроме идеологии. Яркий пример этому стремительный рост влияния ИГИЛ которое за 7–9 месяцев 2014 года превратилось во влиятельную политическую и военную силу, признанную не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Африке, и в Юго-Восточной Азии.

Массовая дезинформация, искажение действительности, сознательно создаваемые в элите и обществе, формируют иллюзию, которая воспринимается большинством как реальность. На Украине, например, никто не верит в использование тяжелого вооружения и даже баллистических ракет против гражданского населения. А обострение международной обстановки в 2014 году, имеющее стратегический и долгосрочный характер, воспринималось в России как «частное» мнение некоторых представителей российской элиты. Война, в которой фактически уже участвовала Россия в 2014 году, настойчиво не признавалась войной, а враждебная политика — «не всегда адекватными действиями партнеров».

Самое масштабное формирование неадекватного восприятия международной обстановки происходило в процессе развала ОВД и СССР. Геополитическая реальность в виде ОВД (и его экономической основы СЭВ) была практически заменена (лучше сказать подменена) советским руководством на новую, искусственную, нереальную. Причем как у ловкого фокусника эту подмену обнаружили не сразу, а только «вдруг» когда границы НАТО приблизились к Белоруссии. Тем более не сразу ее осознали. Потребовалось много лет для того, чтобы эти реальности (и то постепенно) осознали политические элиты бывших социалистических стран, которые стали объектом управления (манипуляции). К тому времени маскировочные символы «демократии», «равенства», «общечеловеческих ценностей», «гуманизма» и т. п. уже не требовались и от них спокойно избавились. Процесс сценарного программирования, составляющий суть сетевых

кой войны, против ОВД и СЭВ, в основном завершился к началу 90-х годов XX века.

Была в итоге достигнута главная политическая цель (равноценная победе в масштабной даже, глобальной войне) — противник был дезинтегрирован и принял условия поведения («нормы международных правил»). Новая международная обстановка полностью соответствовала этим результатам политической победы. Как отмечали позже американские эксперты: «Утрата государств-союзников, вывод войск, дислоцированных на их территории, распад социалистического содружества и затем Советского Союза привели к тому, что Россия оказалась на периферии не только европейской, но и в целом мировой политики во всех ее проявлениях. Данное положение значительно усугубляется тем, что в результате произошедшей трансформации Россия лишилась на Западе огромного предполья, глубиной свыше 1000 км. На этой территории были расположены ее наиболее боеспособные группировки Сухопутных войск, системы противовоздушного и противоракетного прикрытия и важные базы Военно-Морского флота. Оказались нарушены создаваемые десятилетиями достаточно эффективные глобальные системы связи, боевого управления, разведки, обеспечения жизнедеятельности войск. На территории России фактически остались лишь наименее боеспособные войска второго стратегического эшелона»²⁹².

Безусловной заслугой авторов информационной войны является то, что большинство элиты и общества в Восточной Европе, СССР и России так и не поняло масштабы произошедшего, а значительная часть не понимает этого и сегодня. Не считая сознательных политико-идеологических предателей, это большинство правящей элиты оказалось неадекватным в восприятии реалий международных отношений. Между тем, в результате развала ОВД и распада СССР вокруг России сложилась военно-политическая обстановка, которая с определенной долей условности может быть сравнима с обстановкой 1937–1940 годов, когда Советский Союз оказался в так называемом «кольце недружественного окружения».

²⁹² Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997.

6.4. Основные тенденции в области науки и техники

Одной из движущих сил человеческой истории является развитие науки и технологий. Если во второй половине XX века на структуру международных отношений, влияли открытия в ядерной сфере и авиации, то в настоящее время ведущими направлениями научно-технологического развития, воздействующими на международную политику, становится революция в области информационно-коммуникационных, био- и нанотехнологий. При этом скорость научно-технологического прогресса существенно возрастает, придавая динамику глобализационным процессам и ускоряя трансформацию структуры современной международной системы, способствуя формированию де-факто многополярного мира.

Для современного витка научно-технического прогресса характерны следующие тенденции и отличительные черты:

- в науке, наряду с собственно познавательными целями, все большую роль начинают играть цели экономического и социально-политического развития;
- на передний план выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности;
- специфику современной науки определяют комплексные и мультинациональные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания, страновых школ и научных традиций (культуры);
- ученый уже имеет дело не с «жесткими» предметами и свойствами, а со своеобразными «созвездиями возможностей», диктуемыми более сложными задачами;
- для общества интерес представляет наука, или точнее говоря, ее достижения, влияющие на прогресс, то есть прошедшие «горнило коммерциализации»;
- информационные технологии рассматриваются как инфраструктура, имеющая ключевое значение для развития новых перспективных направлений научно-технического прогресса и построения наукоемкой экономики;

- определяющее влияние на мировую политику в дальнейшем будут оказывать достижения в космических системах, новых видах энергии²⁹³, развитии «зеленых технологий», здравоохранения и электроники²⁹⁴.

Американский исследователь, профессор Массачусетского технологического института Е. Скольниковф следующим образом резюмировал влияние науки и технологий на мировую политику:

- изменение баланса сил, международного порядка, его структуры, принципов организации, взаимоотношений между различными субъектами международной политики (очевидно, что научно-технический потенциал во многом определяет уровень экономического развития государства, а стало быть, его военную мощь и — в целом — потенциал влияния на международной арене);
- трансформация процессов, протекающих в международной системе, а именно: дипломатии и переговоров, войны и конфликтов, международной торговли и иных экономических взаимоотношений и др. (разработка систем космической навигации и высокоточного оружия стали основой современной революции в военном деле);
- появление новых возможностей и ограничений во внешней политике государств, не только политических, но и социальных, а также позволяющих обойти физические, природные барьеры (например, возможность проецировать военную силу в различные точки планеты);
- создание новых образов, на основании которых мы воспринимаем международную действительность, теоретических концепций мировой политики, и информационных ресурсов для принятия внешнеполитических решений²⁹⁵.

²⁹³ See: The Global Technology Revolution 2020, Executive Summary: Bio/ Nano/ Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications. CA: RAND Corporation, 2006. 28 p

²⁹⁴ Кириченко Э. В. Международный трансферт технологий: оценка, проблемы, перспективы. // Новые явления в мировом обороте технологий: место России. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 6.

²⁹⁵ See: Skolnikoff E. The Elusive Transformation: Science, Technology, and the Evolution of International Politics. New York: Princeton University Press, 1994. xiii, 322 p.

Соревнование в области развития науки и техники начинает играть все большую роль в разворачивающемся противоборстве ведущих мировых цивилизаций. Западная цивилизация всеми силами пытается сохранить научно-технологическое превосходство над другими цивилизациями, которое она пока еще сохраняет. Без этого превосходства военное и политическое лидерство Запада в современном мире очень быстро сойдет на нет. Однако объективные тенденции в этой области складываются не в пользу западной цивилизации.

Высокотехнологичное производство постепенно расширяет свою географию. Расширяется география и центров зарождения инноваций. В XIX веке основными очагами инноваций были Великобритания, а позднее Германия и США. В XX веке испытательными полигонами для новых технологий стали США, Япония и другие страны ОЭСР, а ближе к концу века — некоторые новые индустриальные страны, такие, как Республика Корея, Сингапур, Израиль. В XXI веке, как уже очевидно, центр инновационной активности будет включать в себя страны БРИКС — Китай, Индия, Бразилию, Россию и ЮАР. Эти государства целенаправленно работают над приращением собственного научно-технического потенциала. Например, доля КНР в глобальных НИОКР, которая составляла 7% в 2004 г. выросла до 13% в 2009 г. Такие страны, как Индия и Бразилия, также стали уделять все большее внимание инновациям в своих государственных программах²⁹⁶.

Интересно в этой связи исследование, проведенное американской корпорацией RAND относительно тенденций мирового технологического развития до 2020 года. В исследовании страны были разделены на четыре группы по способности создавать и внедрять новые технологии:

- «продвинутые» (advanced) в научном плане, способные освоить весь диапазон так называемых критических, или макро-технологий (США, Канада в Северной Америке, Германия в Европе, Южная Корея и Япония в Азии, Австралия и Израиль);

²⁹⁶ OECD Science, Technology and Industry Outlook 2012. Highlights. — OECD publishing, 2012. — P. 3. — URL: <http://www.oecd.org/sti/sti-outlook-2012-highlights.pdf> (дата последнего обращения 04.03.2014)

- страны, имеющие значительный научный опыт, осваивающие двенадцать из шестнадцати основных макро-технологий (Китай и Индия в Азии, Россия и Польша в Европе);
- страны, развивающие науку, фокусирующиеся на девяти направлениях (Бразилия, Чили, Колумбия, Мексика в Южной Америке, а также Турция, Индонезия и Южная Африка);
- отсталые страны смогут внедрить только пять технологий (Египет, Кения, Камерун, Чад, Непал в Африке, Пакистан, Иран и Иордания в Азии, Грузия в Европе)²⁹⁷.

При этом аналитики RAND отмечали, что приобретение технологий не означает их внедрения и применения в повседневной жизни. Приобретение такой способности связано с общим состоянием научно-технологической базы, уровнем развития самостоятельных исследований, наличием конкурентной предпринимательской среды, с адекватным уровнем правового регулирования.

Успешное внедрение инноваций зависит также и от эффективности государственного управления, уровня коррупции в стране, состояния банковской и финансовой сфер, в частности, от зрелости рынка венчурного капитала, уровня научной подготовки и образованности населения, квалификации рабочей силы, критической инфраструктуры, демографического развития, способности быстрого трансферта технологий в коммерческий сектор, наличия природных ресурсов, особенностей социальной, политической и культурной среды²⁹⁸.

Особое значение на современном этапе приобретает экономическое измерение глобального инновационного развития. Ежегодный оборот наукоемкой продукции на мировом рынке в настоящее время составляет около 3 трлн долларов США. В 2015 г. оборот рынка наукоемкой продукции может возрасти до 4–4,5 трлн²⁹⁹. Иными словами, инновационный сектор выдвигается на одно из лидирующих мест в современной экономике.

²⁹⁷ See: The Global Technology Revolution 2020, Executive Summary: Bio/ Nano/ Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications. CA: RAND Corporation, 2006. 28 p.

²⁹⁸ Ibidem.

²⁹⁹ Инновационные направления современных международных отношений / под ред. А. В. Крутских, А. В. Бирюков. М.: Аспект-Пресс, 2010. — С. 28.

Все большее значение государства придают развитию образования как важному компоненту научно-технического и инновационного развития страны, повышения ее конкурентоспособности на мировой арене. Как отмечается в докладе ОЭСР, сектор высшего образования продолжает развиваться в большинстве стран, переходя на более децентрализованный способ организации, в котором университеты наделены автономией и ответственностью³⁰⁰.

Разумеется, государства являются наиболее влиятельными, но не единственными субъектами мировой научно-технической сферы. В качестве примера усиливающейся роли бизнеса в мировом инновационном процессе можно привести коммерциализацию космических систем в конце XX — начале XXI веков (до этого реализация проектов в космосе была прерогативой государств в силу сложности и ресурсоемкости этой отрасли). Статистические данные показывают, что именно в результате деятельности крупного бизнеса происходит распространение высоких технологий по миру. Крупные ТНК, базирующиеся в государствах-членах ОЭСР, финансируют развитие НИОКР в филиалах, расположенных в развивающихся странах, таким образом, создавая условия для принятия и внедрения технических достижений. Транснациональные компании малого и среднего бизнеса также во все большей степени вовлекаются в высокотехнологичное производство³⁰¹. Научные сообщества, внутригосударственные регионы, НПО являются значимыми субъектами мировой научно-технической сферы.

Научно-техническое развитие, помимо тех очевидных выгод, которые оно приносит человечеству, создает новые и обостряет существующие угрозы и вызовы безопасности и устойчивому развитию, трансформирует природу и формы протекания международных конфликтов, порождает новые виды преступности и терроризма. Продукты научно-технической революции позволяют небольшой группе людей наносить огромный ущерб, который раньше был под силу только государству. По имеющимся в литературе свидетельствам, создание ядерной бомбы в настоящее время

³⁰⁰ OECD Science, Technology and Industry Outlook 2012. Highlights. — OECD publishing, 2012. — P. 6.

³⁰¹ См.: OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2009. OECD publishing, 2009. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/47/16/44212130.pdf> (дата последнего обращения 06.03.2014)

оказывается посильной задачей для группы менее 20 человек при весьма небольших затратах³⁰².

В результате развития новых технологий появляются новые угрозы международной и национальной безопасности. Современные конфликты также характеризуются широким освещением в СМИ, а также ведением социально-психологических, «информационных войн». Благодаря использованию передовых технологий, а также формированию глобального информационного пространства, новые возможности асимметричного воздействия получают различные террористические и экстремистки настроенные группировки.

Новые технологии порождают как «жесткие», военно-политические угрозы безопасности, так и «мягкие», невоенные. При этом новые аспекты приобретают уже известные международные проблемы, такие, как обеспечение прав человека, защита окружающей среды и другие. В информационной сфере остро стоит вопрос защиты частной жизни, недопущения «электронного тоталитаризма», тотального государственного и корпоративного контроля с использованием достижений новейших информационных технологий. В контексте развития биотехнологий появляется целый ряд этических вопросов, в том числе защиты биологической идентичности человека.

Наибольшую опасность несут такие связанные с НТР вызовы, как возможность использования информационных технологий против других государств в военных и политических целях, распространение террористической опасности, угроза трансграничного использования террористами высоких технологий, как военного, так и двойного назначения; активизация международной организованной преступности, получающей доступ к новейшим техническим устройствам. Трансграничная деятельность организованных преступных групп, имеющих в своем арсенале высокотехнологичные средства, ежегодно становится причиной миллиардных экономических убытков.

Несмотря на то, что высокотехнологичные угрозы международной безопасности не всегда исходят от государств, именно государства играют ключевую роль в обеспечении международ-

³⁰² Лебедева М. М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. Учеб. пособие. М.: МГИМО–Университет, 2009. С. 17.

ной стабильности, а поскольку большинство современных угроз носят глобальный характер, бороться с ними невозможно без принятия согласованных мер. Требуется коллективное реагирование на новые вызовы и угрозы, многие из которых носят масштабный характер и требуют объединения усилий многих государств. Речь в частности идет о глобальном потеплении, продовольственной безопасности, нехватке пресной воды и распространении эпидемий.

Эти факторы стимулируют тенденцию к расширению международного научно-технического сотрудничества. Интернационализируется исследовательская деятельность — возрастает число патентов, зарегистрированных как результат сотрудничества ученых из различных стран, увеличивается количество статей, написанных в сотрудничестве учеными из нескольких государств. Как отмечают эксперты ОЭСР, производство научных знаний становится не индивидуальным, а групповым. Как правило, в нем задействованы несколько научно-исследовательских институтов, кроме того, оно переходит с национально-государственного на международный уровень³⁰³.

Сохраняют свое значение традиционные форматы международного сотрудничества: совместные инвестиции в фундаментальные и прикладные исследования, передача технологий, а также стипендии и стажировки для иностранных студентов и исследователей. Складываются межгосударственные альянсы, государства объединяются вокруг крупнейших научно-технологических, космических, телекоммуникационных проектов, реализация которых ни с финансовой, ни с технической точки зрения невозможна силами лишь одного государства.

Осуществляются такие проекты, как Большой андронный коллайдер (БАК) в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН), международный экспериментальный термоядерный реактор (ИТЭР) и др. Данные формы сотрудничества доказали свою эффективность. Так, исследователями ЦЕРН в результате работы БАК было получено подтверждение существования бозона Хигг-

³⁰³ OECD science, technology and industry scoreboard 2009. Highlights. OECD, 2009. — URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/47/16/44212130.pdf> (дата последнего обращения 04.01.2014)

са, что явилось важным этапом развития теоретической физики. В результате международного научного проекта был расшифрован геном человека.

Вместе с тем в условиях усложнения международной обстановки, традиционных форматов сотрудничества недостаточно. В международном научно-техническом сотрудничестве все чаще принимают участие негосударственные субъекты мировой политики, такие, как частный бизнес, гражданское общество, благотворительные организации и другие заинтересованные стороны. Эксперты ОЭСР пришли к выводу о необходимости создания международных научно-технических консорциумов, которые объединяли бы бизнес и государства и могли бы способствовать разрешению проблем, которые возникают вследствие трансграничного перетекания научных и технических знаний, в частности, выработке стандартов и применению технологий³⁰⁴.

Государства заинтересованы в расширении научно-технического сотрудничества, в том числе при участии негосударственных игроков. Включение национальных участников в глобальные сети знаний является важной политической целью. В число соответствующих инструментов входят юридические и финансовые стимулы, способствующие мобильности исследователей и международному сотрудничеству в исследовательских программах, направленных на решение глобальных задач.

Таким образом, развитие науки и технологий не только создает новые угрозы безопасности, но и стимулирует расширение международного сотрудничества. В этих условиях наметилось создание новых форматов регулирования глобальной научно-технологической сферы. При этом сотрудничество, учитывающее интересы негосударственных игроков, строится в основном на межгосударственной основе.

Развитие информационных технологий и интернета в 1990-х годах, получившее название «информационной революции», в наибольшей степени способствовало нарастанию разнородности

³⁰⁴ Meeting global challenges through better governance: international cooperation in science, technology and innovation. Policy brief. — OECD publishing, 2012. — 20 p. — URL: <http://www.oecd.org/sti/sci-tech/meetingglobalchallengesthroughbettergovernanceinternationalco-operationinsciencetechnologyandinnovation.htm> (дата последнего обращения 10.06.2014)

в мировой политике, существенному изменению сложившихся структур и отношений. Исследователь Дж. Най пришел к следующему выводу: «в мире, основанном на информации, дисперсия власти может представлять более серьезную опасность, чем ее смена. Согласно традиционным представлениям, доминирует государство с наибольшей армией, но в век информации может победить тот, кто способен представить себя в лучшем свете»³⁰⁵.

Развитие информационных технологий — яркий пример влияния научных открытий на политическую сферу. В формирующуюся глобальную технологическую и информационную среду переносятся ключевые составляющие международной политической, торгово-экономической, культурной деятельности. Быстро развивается сектор электронной коммерции. Широкое использование информационных технологий дало возможность правительствам в режиме реального времени обращаться ко всем гражданам государства, выходить практически на неограниченную международную аудиторию. В этих условиях дополнительные аргументы приобретает концепция эрозии суверенитета государств и нарастания транспарентности границ, особенно в информационной и финансовой сферах.

Подтверждение значимости информационного измерения международной безопасности — последние события, получившие широкое освещение в СМИ, такие как атаки вирусов Stuxnet против АЭС в Иране, публикация конфиденциальной дипломатической переписки сайтом WikiLeaks, действия хакерского движения Anonymous, массовая волна протестов в странах арабского Востока, получившая в прессе название «Twitter революции» и др. Важнейшей угрозой международной безопасности стало использование компьютерных технологий на уровне государств в отношении информационной инфраструктуры других государств (прежде всего, ее критически важных компонентов) в политических, в том числе военных, целях, а также преступная и террористическая деятельность в киберпространстве³⁰⁶.

³⁰⁵ See: Nye J.S. The future of power. New York: PublicAffairs, 2011. xviii, 300 p.

³⁰⁶ Крутских А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // Международные процессы — 2007 — № 5(1). С. 28–37.

При этом обеспечение информационной безопасности на международном уровне связано с рядом специфических трудностей. В информационном пространстве крайне сложно определить источник атаки. Более того, вследствие трансграничной природы, субъектами информационной безопасности выступают как государства, так и негосударственные субъекты мировой политики, такие как бизнес-структуры, террористические организации, преступные группировки.

Таким образом, при формировании сценариев развития международной обстановки необходимо учитывать информационный фактор, в частности, следующие показатели:

- количество пользователей интернета в мире и отдельных регионах и странах;
- количество пользователей социальных сетей в мире и отдельных регионах и странах (по каждой из популярных в глобальном масштабе социальной сети);
- информационные связи и потоки информации между странами и регионами;
- политические инициативы государств по созданию наступательных и оборонительных информационных потенциалов;
- перспективные тенденции и возможные прорывы в сфере компьютерных технологий.

Глобальные процессы информатизации способствовали увеличению числа участников международных отношений, а также повышению активности и эффективности участия в них. Благодаря формированию глобального информационного пространства у организаций гражданского общества и отдельных индивидов появилась возможность влиять на общественное мнение в глобальном масштабе, привлекать внимание к проблемам. Подтверждением тому являются разоблачения Эдварда Сноудена о методах работы Агентства национальной безопасности США в киберпространстве, согласно которым сотрудники данного ведомства использовали специальное оборудование и программное обеспечение, чтобы сканировать всю информацию в глобальной сети, в том числе конфиденциальную и секретную. Информация, разглашенная Сноуденом, несколько подорвала позиции США в области кибербезопасности и продемонстрировала ведущую роль национальных интересов при принятии в США решений по вопросам управления интернетом и кибербезопасности.

Между тем, в настоящее время управление интернетом в значительной степени находится под контролем США. Техническая координация интернета, управление пространством имен и адресов сети осуществляется некоммерческой организацией ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers — Корпорация по присвоению имен и адресов интернета), зарегистрированной в штате Калифорния и зависящей в принятии решений от Министерства торговли США. Сложившаяся ситуация создает целый ряд политических и экономических преимуществ для США, предоставляя возможность управления развитием и использованием интернета.

Россия выступает за интернационализацию управления интернетом, передачу функций технической координации Международному союзу электросвязи (специализированной организации ООН). Управление интернетом в рамках межправительственного подхода в рамках МСЭ позволит защитить государственный суверенитет во всемирной сети. Россия также выступает за необходимость контроля государствами собственного сегмента глобального информационного пространства и невмешательство во внутренние дела посредством использования компьютерных технологий.

На современном этапе государствам и иным субъектам мировой политики приходится встраиваться в уже существующую систему управления интернетом, вследствие чего в данной области широкое распространение получает многоуровневая или мультинаправленная дипломатия, формируются т. н. «гибридные» организации и складываются новые модели сотрудничества. В 2006 г. под эгидой Генерального секретаря ООН был создан Форум по вопросам управления интернетом, функционирующий как многоуровневая переговорная площадка, в рамках которой на равных принимают участие государства, бизнес, НПО и представители академического сообщества. Форум был создан по итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, проходившей под эгидой ООН, также в многоуровневом формате.

Многие исследователи склонны видеть в создании подобного рода переговорных площадок инструмент доминирования развитых стран, устанавливающих тесные связи с бизнесом и НПО и получающих, таким образом, дополнительный канал влияния

на международные процессы. Тем не менее, широкое распространение многоуровневых моделей глобального управления может рассматриваться как одна из современных тенденций мировой политики. Таким образом, складываются новые форматы регулирования международной среды, изменившейся под воздействием инновационного развития и научно-технического прогресса.

В условиях резкого повышения роли научно-технического фактора в конкуренции локальных человеческих цивилизаций важное значение приобретает прогнозирование развития передовых технологий. Источником информации для такого прогнозирования могут быть научные отчеты о «фронтах науки», основанные на наукометрических данных наиболее авторитетной базы данных Web-of-Science. Данные доклады ежегодно выпускает корпорация Thomson Reuters. В частности, эксперты корпорации выделили 10 инновационных технологий, которые будут широко использоваться в 2025 году³⁰⁷.

Первая такая технология связана с лечением старческих заболеваний сознания, таких как деменция и болезни Альцгеймера. Прорывы в сфере расшифровки ДНК позволяют надеяться, что этот спрос будет удовлетворен. Поэтому к 2025 г. уровень старческой деменции будет резко снижен.

Во-вторых, предполагается, что солнечная энергия к 2025 г. станет основным источником энергии для человеческой цивилизации. Уровень развития технологий к этому времени существенно снизит расходы на аккумуляцию, хранение и трансформацию солнечной энергии в электрическую. Критическими материалами для этого являются наноструктуры из оксида кобальта и титана. Самый крупный поставщик кобальта сегодня Демократическая Республика Конго. Также есть богатые месторождения кобальта в Канаде, США, Франции, Замбии, Казахстане и России.

В-третьих, прорывы в исследованиях РНК позволят победить сахарный диабет первого типа. К 2025 г. понимание и управление ключевыми составными частями биологической жизни — ДНК, РНК и белков — будет настолько продвинуто, что возникнет практика патентования искусственно созданных организмов и сегментов ДНК. Это создаст множество юридических и моральных

307 The world in 2025 10 predictions of innovation/ ThomsonReuters.URL: <http://sciencewatch.com/sites/sw/files/m/pdf/World-2025.pdf>

проблем, а также сотрет грань между биологической жизнью и коммерцией. Задача по созданию искусственного человека с заданными биологическими характеристиками будет близка к своему решению. В политической сфере этот прорыв может привести к управлению поведением человека.

В-четвертых, проблема колебаний мировых цен на продовольствие и его недостаток будет решена. Технологии искусственного освещения и генетического модифицирования позволят выращивать культуры в закрытых помещениях круглый год, исключая возможность заражения различными заболеваниями. Таким образом, будет решена проблема голода и миграции.

В-пятых, широкое распространение получит электрическая малая авиация. Способы перемещения из точки А в точку Б в 2025 году будут отличаться. Инженерные прорывы в сверхлегком авиакосмическом оборудовании, а также в создании эффективных аккумуляторов позволяют предположить, что малые летательные аппараты могут стать такой же нормой, как и автомобиль сегодня. Небольшие размеры электропланов позволят им взлетать с небольших площадок, т. е. они будут использоваться для передвижения в больших мегаполисах и между городами. Распространение малой авиации совершенно изменит планировку городов, а также еще больше сократит социальное пространство планеты. Более равномерное расселение людей по планете, позволит снизить антропогенную нагрузку на окружающую среду.

В-шестых, все в мире, начиная с мельчайших личных принадлежностей до континентов, будет объединено в цифровом пространстве и будет реагировать на желания и предпочтения пользователей. В основе технологического прорыва в сфере цифровой виртуализации физического пространства находятся углеродные наноструктуры, конденсаторы на основе графен-углеродных нанотрубок, беспроводные технологии 5G. К 2025 г. человек будет жить в действительно информационном мире, чувствительном к его желаниям. Актуальность вопросов информационной безопасности существенно возрастет.

В-седьмых, упаковочные материалы к 2025 г. будут делаться не из нефтепродуктов, которые не разлагаются и загрязняют окружающую среду, а из наноматериалов на основе целлюлозы, которые хорошо разлагаются.

В-восьмых, исследования в области биоинформатики и цитологии позволят значительно повысить направленность действия лекарств и сократить побочные эффекты. Лечение таких заболеваний как рак станет менее токсичным. Медицина и фармацевтика станут в высшей степени индивидуализированы, лечение будет адаптироваться к генетическим особенностям пациента.

В-девятых, к 2025 г. нормой станет картирование ДНК при рождении для определения предрасположенности заболеваний и особенностей лечения. Картирование ДНК может стать нормой и при плановых медицинских осмотрах.

В-десятых, успешные исследования в сфере кинематики элементарных частиц, приводящиеся на основе Большого андронного коллайдера, делают возможной квантовую телепортацию. Несмотря на то, что люди к 2025 г. пока не научатся телепортироваться, какую-то материю телепортировать все же смогут.

При этом следует учитывать, что время от изобретения новой технологии до ее широкого применения на практике постоянно сокращается. Так, если считать сколько потребовалось времени, чтобы 25% населения США стали использовать новую технологию с момента ее появления, то становится очевидной растущая скорость технологического освоения. Так для электричества потребовалось 46 лет (стало использоваться с 1873 г.), для радио 31 год (с 1897 г.), для цветного телевидения 18 лет (с 1951 г.), для мобильных телефонов 13 лет (с 1983 г.) и всего 7 лет для интернета (с 1991 г.).

Понятно, что не все из перечисленных выше технологий будут реально разработаны, а тем более внедрены к 2025 году. Но даже те технологии, которые достигнут уровня практической реализации должны будут еще доказать свою экономическую целесообразность. То есть их применение должно стать более выгодно с экономической точки зрения, чем применение уже существующих технологий. Между тем, известно достаточно случаев, когда передовые для своего времени технологии так и не прижились. Так, например, сверхзвуковые пассажирские самолеты оказались мало востребованными в гражданской авиации и после непродолжительного периода эксплуатации были сняты с производства.

Но еще более важно другое. Ни одна из перечисленных технологий не позволяет говорить о возможности принципиальных

технологических прорывов в военной сфере. Поэтому даже если предположить, что упомянутый прогноз технологического развития верен, то возможность перевода этого будущего технологического превосходства в факторы политического влияния вызывает сомнения. По той простой причине, что данные технологии не смогут оказать решающего влияния на изменение мирового баланса сил. Таким образом, общий анализ мировых тенденций в сфере науки и техники не предвещает каких-либо резких скачков и поворотов мирового развития, которые бы противоречили существующим тенденциям в других областях.

6.5. Основные тенденции в военной и военно-технической областях

Усиление межцивилизационного противоборства, с одной стороны, и относительное падение роли западных государств в мировой экономике, политике и идеологии, с другой, привело к резкому возрастанию роли военной силы в международных делах. Западная цивилизация всегда прибегала к военной силе тогда, когда не могла достичь своих целей методами экономической экспансии или политического давления. Наиболее, наглядно эта политика проявилась во время т. н. «опиумных войн» в Китае. В современную эпоху переход Запада к применению военной силы против других цивилизаций начался с агрессии НАТО против Югославии в 1999 году. Затем последовало вторжение в Афганистан, оккупация Ирака, разгром Ливии и диверсионно-террористическая война против Сирии. Фактически с началом XXI века военные операции Запада против других цивилизаций не прекращались ни на один день.

Таким образом, можно констатировать, что соотношение военных и не военных средств во внешней политике в XXI веке приобрело совершенно новое, пока еще до конца не осознанное значение. Основной особенностью развития международной обстановки в XXI веке стало повышение значения силовых средств во всей гамме инструментов внешней политики. И это при том, что еще в 70-е — 80-е годы XX века усиленно продвигался тезис

о «падении значения и роли военной силы во внешней политике государств». Этот вывод справедлив для всех развитых государств, но в наибольшей степени для стран-лидеров западной ЛЧЦ.

Характерным подтверждением данного вывода является сверхбыстрый рост военного бюджета США до 2010 года (с 350 до 700 млрд долл. за 10 лет), а также сохранение большой численности профессиональных армий. Но, главное, состоит в быстром росте числа конкретных эпизодов применения военной силы, включая также «заповедные» прежде регионы, такие как Европа. Эти качественные перемены в характере МО позволяют говорить о фактически начале во втором десятилетии XXI века формирования в мире такой стратегической обстановки, в которой отчетливо проявляется не только политическое, но и военное противостояние западной ЛЧЦ другим цивилизациям и прежде всего России.

Это объясняется тем, что полноценное применение Западом военной силы в мировом масштабе продолжает сдерживаться военным потенциалом России. Несмотря на идеологическое поражение в «холодной войне», распад ОВД и СССР, Россия сохранила военный потенциал, способный нанести Западу неприемлемый ущерб в ходе военного конфликта. Военно-стратегический паритет, сложившийся еще в советскую эпоху, Западу нарушить не удалось. Поэтому значительные усилия Запада и прежде всего США направлены сейчас на слом военно-стратегического паритета.

Традиционно западной цивилизации удавалось удерживать свое превосходство в мире за счет прогресса в военно-технической сфере. Только прорывы в этой области позволяют кардинально изменить мировой баланс сил в кратчайшие сроки. Если в экономике процесс изменения баланса сил занимает десятилетия, а в политической сфере многие годы, то достижение значимого военно-технического превосходства над потенциальным противником может изменить мировой баланс сил в течение нескольких месяцев. Наиболее наглядный пример — изобретение атомного оружия США.

В 1945 году СССР, разгромивший нацистскую Германию, стал безусловным гегемоном на евразийском континенте, и ни что не предвещало, что англо-американская коалиция сможет быстро сравняться с ним в сухопутной военной мощи. Преимущества США

и Англии в стратегической авиации, как показал опыт Второй мировой войны, было недостаточно для достижения военной победы. Однако появление у США атомной бомбы сразу же нивелировало военное превосходство СССР и более того, даже поставило СССР в положение стратегической уязвимости. Лишь по прошествии десяти лет, после изобретения собственного атомного оружия и межконтинентальных баллистических ракет Советскому Союзу удалось восстановить стратегический баланс сил.

С тех пор соревнование в военно-технической области продолжалось с переменным успехом. То одна, то другая сторона выходила вперед в области отдельных военных технологий, но ни одна не смогла достичь принципиального прорыва, резко меняющего военно-стратегический баланс. Возник стратегический паритет, который сохраняется и по сей день. И хотя западная цивилизация находится в постоянном поиске военно-технических возможностей для изменения военно-стратегического баланса в свою пользу, на современном этапе это представляется маловероятным.

Главной проблемой является состояние фундаментальной науки, прежде всего физики, которая оказалась в идейном тупике. Между тем, исторический опыт показывает, что революционным военно-технологическим скачкам всегда предшествуют масштабные открытия в области фундаментальных наук. Так, научные открытия конца XIX — начала XX века, заложили основы военных технологий, многие из которых мы продолжаем использовать до сих пор.

Понимание атомной структуры вещества обеспечило гигантский прогресс в химии и физике. На этой основе появилась возможность создания новых видов топлива, материалов и механизмов. Были изобретены двигатели, приведшие к возникновению принципиально новых транспортных средств. Как следствие, появились совершенно новые типы оружия — танки, самолеты, подводные лодки, ракетная техника. Они резко поменяли соотношение сил на поле боя и характер войн и вооруженных конфликтов.

Овладение энергией электричества проложило дорогу всеобщей электрификации промышленности и быта, созданию механизированных производств и принципиально новых аппаратов и устройств. Открытие электромагнетизма позволило осуществлять беспроводную передачу информации на любые расстояния. Это

привело к возникновению радиосвязи, радиолокации, различных электронных приборов. Наконец, открытие деления атомного ядра позволило создать ядерное оружие и атомную энергетику. Появилось оружие глобального удара — стратегические силы ядерного сдерживания.

В то же время за последние 50 лет в физике не произошло никаких прорывных открытий. Научная мысль топчется на месте. Плодятся многочисленные теории, которые безуспешно пытаются объяснить основные законы мироздания. Однако такие принципиальные вопросы как природа гравитации и электромагнетизма, включая теорию поля, распространение света и электромагнитных волн, по-прежнему остаются без ответа. Нет прогресса и в такой важной области применения теории атомного ядра как управляемая термоядерная реакция.

Между тем, накопившийся к настоящему моменту огромный экспериментальный материал на базе новейших приборов и технологий показывает несоответствие этих данных многим базовым постулатам современной физики, таким как, например, закон всемирного тяготения, теория относительности, корпускулярно-волновая теория и другие. Данный научный тупик является в значительной степени результатом той идейной деградации, которая охватила западную цивилизацию в последние несколько десятилетий.

Также как и в области общественных наук, в физике сложилась, своя политкорректная среда, научный монополизм, непрекращаемые авторитеты, что препятствует идейной конкуренции и душит любую живую и смелую мысль. А поскольку проведение серьезных научных экспериментов, в отличие от прошлых времен, требует существенных материальных затрат, то осуществление исследований, выходящих за рамки общепринятого консенсуса, становится невозможным. Таким образом, без слома системы научного монополизма тупик в физике, также как и во многих других областях науки, преодолеть не удастся. Однако на Западе такое переформатирование невозможно без изменения идейного основания всего западного общества.

Сейчас научно-технический прогресс идет лишь в прикладных областях физики. Прежде всего, это относится к сфере новых материалов, создаваемых при помощи нанотехнологий. Такие ма-

териалы реально повышают возможности вооружений. Но не на порядки и даже не в разы, а на проценты. Например, создание более совершенных и легких бронежилетов на основе нанотехнологий повышает выживаемость личного состава в стрелковом бою, что очень полезно для проведения контрповстанческих или диверсионных операций. Однако в крупномасштабном бою с использованием крупнокалиберных пулеметов и артиллерии такие бронежилеты не дадут существенных преимуществ.

Использование нанотехнологий для укрепления танковой брони может дать определенный эффект для повышения выживаемости в условиях применения имеющихся противотанковых средств. Но это приведет лишь к созданию нового поколения более мощных противотанковых снарядов, для чего имеется достаточный технический потенциал, даже на базе технологий сегодняшнего дня. А вот для такого принципиального скачка, какой произошел вследствие замены кавалерии танками, условия сейчас отсутствуют и вряд ли возникнут в перспективе до 2050 года.

Нанотехнологии могут и скорее всего приведут к созданию новых легких и сверхпрочных материалов, которые будут применяться в авиационной промышленности. Это повысит скорости летательных аппаратов, выводя их на уровень гиперзвука. А также позволит создать летательные аппараты выходящие из атмосферы в космическое пространство и возвращающиеся обратно в пилотируемом режиме. Это значительно усилит размах и скорость применения средств воздушного нападения.

В то же время военная эффективность гиперзвуковых летательных аппаратов, скорее всего, не будет столь значительной, как представляется некоторым экспертам. Проще говоря, самолеты класса воздух-космос, даже обладая гиперзвуковыми характеристиками, не смогут превзойти по эффективности современные баллистические ракеты с маневрирующими боевыми блоками. А использовать столь дорогостоящие самолеты для ведения обычной, неядерной войны, видимо, будет слишком дорогим удовольствием, особенно если учесть, что в нижних слоях атмосферы они не смогут реализовать свой гиперзвуковой потенциал, а следовательно не смогут добиться преимуществ в обычных воздушных боях.

В то же время новые материалы могут обладать еще одним полезным свойством — понижать радиолокационную заметность

самолетов. Однако сделать авиацию полностью невидимой для радаров и других средств слежения, и наблюдения они не смогут. Более того, такое повышение невидимости, вероятно, будет нивелировано совершенствованием средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ), которые в последнее время демонстрируют все возрастающий потенциал противодействия средствам наведения, управления и связи потенциального противника.

До последнего времени наращивание количества и качества высокоточного оружия, создание дистанционно управляемых или полностью автономных роботизированных систем считалось наиболее перспективным направлением развития вооружений. Предполагалось, что именно в этой области может произойти военно-технологический прорыв, который позволил бы США изменить военно-стратегический баланс в свою пользу. Сделав ставку на форсированное развитие высокоточных систем, Вашингтон предполагал, что с их помощью сможет реализовать доктрину молниеносного глобального удара, рассчитанную на то, чтобы вывести из строя систему управления и ударные комплексы сил ядерного сдерживания России или Китая. Однако развитие сил РЭБ поставило под серьезное сомнение перспективы высокоточного оружия и роботизированных комплексов.

Различные станции РЭБ, созданные в России позволяют дезориентировать и сбивать с курса высокоточные крылатые ракеты и снаряды противника. Более того, они позволяют перехватывать управление беспилотными летательными аппаратами, а также выводить из строя и ослеплять РЛС и другие средства наблюдения и слежения потенциального противника. В итоге, высокоточное оружие в противоборстве с российской армией может вообще потерять свою эффективность. А если учесть, что стоимость этого оружия чрезвычайно высока, то может начаться попятное движение — возвращение традиционных средств ведения войны, менее зависимых от электронных компонентов.

Конечно, Запад мог бы пойти по пути развития средств преодоления РЭБ. Однако этот путь представляется чрезвычайно затратным. Так как стоимость и без того очень дорогих высокоточных боеприпасов и ракет еще более возрастет. В итоге они могут оказаться слишком обременительными даже для богатого Запада. Это, конечно, не означает, что высокоточное оружие полностью

исчезнет из arsenалов современных армий. Оно будет использоваться для поражения некоторых высокоточных целей, а также для разгрома армий противника более низкого технологического уровня. Однако, всеобщее очарование высокоточным оружием, скорее всего, пойдет на спад.

Современные армии будут стараться поддерживать оптимальный баланс между высокоточными и стандартными типами боеприпасов, между БПЛА и пилотируемой авиацией, между электронной и визуальной разведкой, между спутниковыми и традиционными системами наведения. Таким образом, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что дальнейшее совершенствование высокоточного и роботизированного оружия не приведет к каким-то принципиальным военно-технологическим скачкам, способным кардинально повлиять на военно-стратегический баланс.

Маркером возникновения условий для военно-технологического рывка могло бы стать какое-нибудь важное научное открытие в области физики. Однако если судить по источникам, имеющимся в публичном доступе, таких открытий сейчас не просматривается. Но даже, если и предположить, что какое-то открытие такого уровня и будет сделано в ближайшие годы, этого все равно будет недостаточно, чтобы быстро изменить военно-стратегический баланс в чью-то пользу. Надо понимать, что от научного открытия до появления возможности создания принципиально новых военных технологий должно пройти достаточно много времени. Поэтому появление революционных видов вооружений до 2050 года является крайне маловероятным. То есть такое развитие событий, как появление у США атомной бомбы в 1945 году, в то время как у других государств ее не было даже на подходе, сейчас невозможно.

Если же взглянуть на более отдаленную перспективу, то можно представить теоретическую возможность военно-технологических прорывов в следующих направлениях. Например, понимание природы гравитации позволило бы создать антигравитационный двигатель, который стал бы основой для совершенно нового поколения транспортных средств. То есть произошел бы прорыв сопоставимый с переходом от конной тяги к двигателю внутреннего сгорания. На этой основе появился бы совершенно новый тип вооруженных платформ, позволяющий вести боевые действия

сразу в трех средах — в воздухе, в космосе и под водой. Скорость перемещения и маневренность этих платформ сделала бы невозможным их поражение современными средствами ПВО и ПРО.

Разгадка тайны электромагнитных волн позволила бы создать реальные виды оружия направленной энергии, которые сейчас находятся в зачаточном состоянии, так как уперлись в барьер энергетических возможностей. В то же время получение доступа к бесконечной энергии, заложенной в структуре пространства, позволило бы снять эти ограничения. Более того, это, видимо, открыло бы дорогу к созданию принципиально новых средств защиты в форме силовых полей. К тому же, понимание структуры строения пространства позволило бы овладеть технологиями полной невидимости, сплошного экранирования военных объектов, вооружений и военнослужащих. Однако, как уже отмечалось, подобные открытия в физике пока не вырисовываются.

Таким образом, можно предположить, что процесс развития вооружений будет пока протекать в форме постепенного совершенствования имеющихся систем на основе уже известных технологий. А это неспособно решительным образом изменить существующий баланс военных сил. Конечно, при том понимании, что и Россия не будет сидеть сложа руки. Так, например, если бы Россия не реагировала на развитие США глобальной системы ПРО, то это, безусловно, создало бы угрозу для российских стратегических сил ядерного сдерживания. И эта ситуация могла бы привести к неблагоприятному изменению военно-стратегического баланса. Напоминанием о последствиях подобного поведения может служить опыт Крымской войны, когда даже незначительное превосходство западной коалиции во флоте и стрелковом оружии вынудили Россию принять невыгодные условия мира.

Однако, создание Россией высокоманевренных МБР и БРПЛ типа «Тополь М», «Ярс», «Рубеж» и «Булава», а также разработка гиперзвуковых маневрирующих боевых блоков для этих ракет фактически обнуляет современные американские усилия в области ПРО. Между тем, Россия предприняла и дополнительные страховочные меры в области противодействия ПРО, приняв на вооружение крылатые ракеты сверхбольшой дальности (5500 км) и вводя в строй ударные атомные подводные лодки типа «Ясень» пониженной шумности. Таким образом, РФ приобретает потен-

циал массированного ядерного удара по всей территории США с использованием КРМБ. В этих условиях дальнейшее развитие американской системы глобальной ПРО неспособно подорвать стратегический паритет между Россией и США.

Таким образом, сейчас в мире сложилась уникальная ситуация, когда накопленные огромные запасы оружия страшной разрушительной силы не могут быть применены и даже полноценно конвертированы в реальное политическое влияние. Сложившийся в мире военно-стратегический паритет не позволяет западной цивилизации бесконтрольно использовать военную силу для навязывания человечеству своей воли. Простое количественное наращивание военно-силовой компоненты уже не дает эффекта. А попытки взломать военно-стратегический паритет путем создания новых видов оружия пока не дали заметных результатов и, скорее всего, не дадут в перспективе до 2050 года.

Более того, даже незначительные военно-технические преимущества над другими странами, имеющиеся сейчас у США продолжают неуклонно сокращаться. Не случайно в докладе Пентагона о перспективных военных технологиях прямо говорится: «Преимущества, обеспеченные нашим лидерством в таких возможностях, как GPS, интернет-коммуникации, космическое оповещение и технологии „невидимок“, будут сокращаться и во многих случаях ликвидированы. Для сохранения превосходства в военной области будет необходимо разработать новые технологии, тактику и процедуры, которые... компенсируют наше предыдущее превосходство, существовавшее два десятилетия»³⁰⁸.

Не случайно, что в этих условиях военная мысль стала искать новые формы и способы использования военной силы. И, надо сказать, преуспела в этом. Быстрое проникновение информационных технологий в различные сферы человеческой деятельности: экономику, политику, социальные отношения — породило новые возможности не только в сфере международной торговли, финансов, политической и культурной жизни, но также в сфере обороны и безопасности.

³⁰⁸ Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 // Report of the Defense Science Board. September 19, 2013 / Office of the Secretary of Defense. Wash., DC 20301–3140. P. VIII.

По существу, информационные технологии послужили основой для настоящей революции в области военного искусства. Информационное воздействие на противника становится сейчас важнейшим элементом стратегии и тактики применения вооруженных сил. Как отмечают некоторые эксперты, информационное пространство стало «пятым полем боя», наряду с сухопутным, морским, воздушным и космическим театрами военных действий³⁰⁹. Российский исследователь В. И. Слипченко, занимающийся анализом развития систем вооружений и революции в военном деле, полагает, что следующим поколением войн, седьмым по счету, будут информационные войны, которые будут вестись информационным оружием³¹⁰.

Хотя современное высокоточное оружие (т. н. оружие шестого поколения войн) включает в себя информационную компоненту, этим роль данной компоненты в ведении войны далеко не ограничивается. Как, например, отмечает А. В. Бедрицкий, «сегодня основная роль информационных систем в военной сфере заключается не столько в повышении точности поражения цели, сколько в том, что с их помощью можно реорганизовать структуру вооруженных сил, сделать их более гибкими и эффективными, повысить скорость реагирования на поле боя, а также выработать новые тактические приемы»³¹¹.

Российский исследователь Р. В. Болгов, сотрудник СПбГУ, выделяет следующие основные характеристики информационной войны.

1. Ведение информационной войны достаточно дешево. Хотя нужно признать, что сейчас существует тенденция к их подорожанию в связи с ростом спроса на средства их ведения, но по общему уровню капиталовложений в их организацию они пока что относительно дешевы. В отличие от традиционных военных технологий, информационные технологии не требуют обязательной государственной поддержки.

³⁰⁹ Lewis J., Timlin K. Cybersecurity and Cyberwarfare: Preliminary Assessment of National Doctrine and Organization, UNIDIR, 2011.

³¹⁰ Слипченко В. И. Война будущего: прогностический анализ. URL: <http://www.scribd.com/doc/26599/B-Слипченко-Война-будущего-прогностический-анализ>

³¹¹ Бедрицкий А. В. Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе : автореферат дисс... канд. полит.наук : 23.00.04 Москва, 2007. С. 7.

2. Стираются традиционные различия между общественными и частными интересами, между военными действиями и преступным поведением. Стираются признанные межгосударственные границы.
3. Индустриально развитые государства являются наиболее уязвимыми перед лицом информационных атак. Например, США являются наиболее развитой, но при этом и наиболее уязвимой в информационной сфере страной, поскольку их экономика, политика, дипломатия и другие сферы сильно зависят от информационных технологий и систем, и их разрушение грозит разрушению всей жизнеобеспечивающей инфраструктуры внутренней безопасности. Эти опасения нашли отражение в Национальной стратегии внутренней безопасности³¹².

Не случайно, средства информационного воздействия становятся важным элементом военного потенциала государств, эффективно дополняющим традиционные средства ведения войны. В структуре вооруженных сил появляются специальные подразделения, основной задачей которых является ведение информационного противоборства и отражение информационных атак (так, в США с 2009 г. действует киберкомандование Cybercom, планируется создание аналогичной структуры в России)³¹³. Международные организации, действующие в сфере безопасности, также координируют активность государств в данной сфере (так, действует Центр передового опыта по совместной киберзащите НАТО, а в рамках ОДКБ проводятся операции по противодействию киберпреступности «ПРОКСИ»).

Можно утверждать, что уже началась гонка кибервооружений и она будет только усиливаться. Эта гонка на национальном, международном и союзном уровне будет отражать текущий баланс сил на международной арене. В настоящее время в информационном пространстве, по мнению ряда исследователей, как российских, так и зарубежных, наметилась ситуация баланса сил, среди ключевых игроков отмечают США, Россию, КНР, Великобританию, Францию.

³¹² Болгов Р.В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях // Дисс. ... ученой степени кандидата политических наук. СПб: СПбГУ, 2011.

³¹³ Рогозин анонсировал создание киберкомандования в Вооруженных силах // Взгляд. 2012. 21 марта.

В будущем данные страны сохраняют свой ведущий потенциал в рассматриваемой области и к ним, возможно, присоединится Япония.

В этой связи важно рассмотреть перспективные тенденции развития тех информационных технологий, которые смогут оказывать существенное влияние на международную обстановку. К ним следует отнести следующие:

1. Основное количество пользователей информационных технологий будет проживать в странах Азии и Ближнего Востока. Таким образом, в рассматриваемом будущем мы станем свидетелями действительно многоязычного интернета. На современном этапе второй по распространенности язык в интернете — китайский³¹⁴ и у него есть все шансы обойти английский в будущем, особенно после внедрения многоязычных доменных имен (многоязычные доменные имена — имена, представленные символами национальных алфавитов, а не только латинского алфавита). Русский язык также сможет упрочить свои позиции, для этого были предприняты необходимые шаги, в частности, в 2010 г. был создан домен на кириллице «.рф».
2. Будет сформирована повсеместная сеть или Web 3.0. Большая часть подключений будет осуществляться не с помощью стационарных компьютеров (как это было предусмотрено создателями сети), а с помощью мобильных телефонов и иных типов устройств, использующих, как правило, динамические IP-адреса (динамические IP-адреса присваиваются устройству, подключаемому к сети, только на время подключения, в отличие от традиционных, статических IP-адресов, которые присваиваются устройствам (персональным компьютерам), на неограниченный период времени).
3. Широкое распространение получают блоги, социальные и peer-to-peer сети, вследствие чего пользователи уже не являются пассивными получателями информации, а ее активными создателями, зачастую создавая серьезную конкуренцию ведущим медиа-компаниям. После 2021 года число пользователей социальных сетей будет составлять более 50% населения

³¹⁴ Internet World Stats. Usage and population statistics. URL:www.internet-worldstats.org

- Земли. При этом будут усиливаться региональные социальные сети, ориентированные на отдельные регионы, как например, Вконтакте, широко используемая на пространстве СНГ.
4. Наметилась тенденция к конвергенции телекоммуникаций или появления унифицированных коммуникаций. Постепенно происходит объединение интернета и других телекоммуникационных технологий: радио, телевидения, телефона и др. на основе IP-сетей или сетей, основанных на пакетной передаче данных. Данная тенденция сохранится и в рассматриваемом будущем.
 5. К перспективным технологическим тенденциям развития интернета относят также появление т. н. «больших данных». Как правило, под большими данными понимают массивы данных, размер которых превышает возможности оборудования по хранению, управлению и анализу. Сам термин получил распространение во второй половине 2000-х гг. в связи с оцифровкой больших массивов данных, а также появлением значительных объемов цифровой персональной информации пользователей социальных сетей. Появление больших данных, а также программного обеспечения позволяющего их анализировать, в перспективе может стать очередным пунктом на повестке дня международной информационной безопасности. Как отмечают К. Н. Кукьер и В. Майер-Шёнбергер «Если говорить об ускорении экономического роста, оказании услуг населению или о ведении войн, преимущества получат те, кто сможет поставить большие данные себе на службу»³¹⁵.

Также следует отметить, что глобальное информационное пространство, первоначально сформировалось как единая система с центром информационных потоков и инфраструктуры в США. Однако по мере развития интернета и осознания его значимости, появилась тенденция к регионализации глобального информационного пространства. Сейчас в потоках мирового интернет-трафика (рассчитанного на основании анализа передачи пакетов данных по открытым сетям) США остается центральным

³¹⁵ Кукиер К., Майер-Шёнбергер В. Большие данные // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bolshiedannye--16038>

информационным хабом (34.2% трафика проходит через США). Однако в период до 2040 года США утратят свое значение центрального информационного хаба.

Вместе с тем интенсифицируются информационные потоки между культурно и территориально близкими государствами (исследователи выделяют Латиноамериканский кластер, кластер стран Юго-Восточной Азии (с очень большим количеством смежных взаимосвязей), постсоветский кластер, Евроатлантический кластер (внутри которого отдельно выделяют Североевропейский и Южноевропейский кластеры). При этом в перспективе можно ожидать, что интенсифицируются потоки пакетной коммуникации между государствами ШОС и БРИКС, что обусловлено, прежде всего, политическими причинами и стремлением государств создать альтернативный проект интернета³¹⁶ (однако, пока рано говорить о формировании кластера, так как культурные и языковые различия препятствуют коммуникации на уровне обществ).

Таким образом, тенденция к регионализации, характерная для современной международной политики и мировой экономики³¹⁷, характерна также и для информационного пространства. Регионализация происходит как часть более широкой тенденции к «балканизации» интернета, выделению сегментов сети с целью защиты «информационного суверенитета», что обусловлено, с одной стороны, сохраняющимися межгосударственными противоречиями, а с другой стороны, стремлением обеспечить информационную безопасность и извлечь коммерческую выгоду из развития интернет-технологий.

Далее следует также обратить внимание на контентную составляющую, то есть на модели взаимодействия при получении знаний в интернете. Иными словами, следует рассмотреть процесс использования общих веб-сайтов, в качестве источников информации в разных странах. Такой подход позволит дополнить предыдущий анализ, сделав его более содержательным, так как он дает представление не только о потоках данных, но и моделях взаимодействия при их использовании.

³¹⁶ Страны БРИКС создадут независимый от США интернет // Новости RT на русском. 29.10.2013. URL: <http://russian.rt.com/article/17519>

³¹⁷ См. напр.: UNCTAD World investment report 2014 — Investing in the SDGs: an Action Plan. UNCTAD/WIR/2014. Geneva, 2014. URL: <http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=937>

При использовании общих веб-сайтов главным фактором, определяющим предпочтения пользователей интернета является культурная и языковая близость, без которой труднодостижимо формирование единого информационного пространства в регионе. Китай вместе с Гонконгом, Тайванем и Малайзией формируют отдельный кластер, КНР в свою очередь имеет прочные взаимосвязи с Кореей, Сингапуром и Японией. Россия и постсоветские страны формируют единый информационный кластер. При этом связи Китая с Россией в данном измерении не столь значимы. Третий кластер глобального интернета представляет из себя группу арабских стран, среди которых Саудовская Аравия, Египет, Алжир, Кувейт, Катар, Объединённые Арабские Эмираты.

Население стран в рамках одного кластера использует одни и те же сайты для получения информации, общения и пр., что отражается на мировоззрении и самоидентификации населения данных стран. В определенной степени данная тенденция к регионализации обусловлена политическими причинами, а именно стремлением обособиться от глобального информационного пространства, сохранив собственную идентичность в условиях глобальной информатизации. Кроме того, определенное влияние оказывают языковые различия и запреты на использование американских социальных медиа в указанных государствах, которые рассматриваются как каналы распространения «мягкой силы» и влияния США.

Таким образом, если на начальных этапах своего развития информационное пространство многими исследователями и экспертами рассматривалось как новая сфера, к которой неприменимы традиционные для международной политики правила политического взаимодействия, то сейчас очевидно, что международная политика все больше становится определяющим фактором развития информационного пространства.

События «Арабской весны», получившие в СМИ название «Twitter-революций», актуализировали проблему информационной безопасности и способствовали стремлению государств укрепить свой суверенитет в глобальном информационном пространстве. Дополнительный импульс придают учащающиеся кибератаки, в частности, атаки вируса Stuxnet на ядерные объекты Ирана в 2011 году, которые наглядно демонстрируют,

что информационные войны и информационное оружие — это уже не абстрактные сценарии футурологов, но вполне реальная международная практика. Передача управления интернетом на межгосударственный уровень видится как важное условие более безопасного и стабильного интернета.

Интернет как глобальная сеть, не знающая границ, вступает в противоречие с существующей Вестфальской политической системой мира. Значительная часть государств стремится усилить свой контроль над национальными сегментами сети, при этом обеспечив их эффективное участие в общемировых информационных процессах. Намечилось перенесение характерных для мировой политики отношений и институтов в глобальное информационное пространство. «Цифровой Вестфаль» предполагает формирование такой тенденции развития международной политики в глобальном информационном сообществе, которая основана на уважении суверенитета в информационном пространстве.

Вместе с тем, использование информационных технологий в военно-политических целях лишь в ограниченной степени попадает в сферу действия норм международного права. Поэтому все более актуальной становится адаптация международного права к особенностям информационной сферы. Россия стала первым государством, поднявшим на международном уровне вопрос о появлении принципиально новых — информационных угроз национальной и международной безопасности в XXI веке.

С 1998 г. по инициативе России резолюция «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» принималась Генеральной Ассамблеей ООН ежегодно. Россия ориентирует международное сообщество на исследование угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер по их устранению, в том числе на создание международно-правового режима, ограничивающего возможности использования компьютерных технологий во враждебных целях. Кроме того, Россия инициирует обсуждение проблемы информационной безопасности на региональном уровне, в рамках таких организаций и форумов, как ШОС, АТЭС, БРИКС, ОБСЕ, ОДКБ и др.

Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности в регионе АТР ограничивается проти-

воречиями в государственных интересах ряда ведущих игроков. Прежде всего, растут разногласия между США и Китаем в сфере обеспечения информационной безопасности³¹⁸. Эти два государства предлагают противоположные видения проблемы обеспечения информационной безопасности. Если Китай, как и Россия, выступает за государственное регулирование информационной сферы и обеспечение информационной безопасности на основании международных договоров, то США предпочитают частную модель регулирования.

До недавнего времени США уклонялись от признания военно-политической составляющей информационной безопасности, делая акцент на террористической и преступной компонентах. В настоящее время США признают наличие военно-политических угроз международной информационной безопасности, при этом основываясь на праворегулирующем, а не предотвращающем подходе. В то время как Россия выступает за исключение интернет-пространства из военных действий (что нашло, в частности, отражение в проекте «Правил поведения в информационном пространстве»³¹⁹, предложенном государствами ШОС для принятия в качестве официального документа ООН), США предлагают распространить на данную сферу нормы и принципы международного гуманитарного права.

Позицию стран НАТО, прежде всего США, по вопросу международно-правового регулирования военно-политического аспекта информационной безопасности отражает опубликованное 19 марта 2013 года Таллинское руководство о применимости международного права к конфликтам в киберпространстве³²⁰. Данный документ, подготовленный группой экспертов Центра совместной

³¹⁸ See: Lieberthal K., Singer P. *Cybersecurity and U.S.-China Relations*. Washington: Brookings institute. Jonh L. Torton China Institute in Brooking, 2012. 41 p.

³¹⁹ Письмо постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря. Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности. A/66/359. URL: <http://rus.rusemb.org.uk/data/doc/internationalcoderus.pdf> (дата последнего обращения 06.05.2014)

³²⁰ Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare. / ed. by M. Schmitt. Cambridge University Press, 2013. xix, 282 p

киберзащиты НАТО в Таллине, посвящен вопросам применения международного права к конфликтам в информационной сфере, прежде всего, в ее технологическом измерении. Таллинское руководство исходит из возможности ведения военных операций и таким образом может способствовать милитаризации информационного пространства, в то время как Россия подчеркивает необходимость полного запрета информационного оружия. Признание информационной сферы в качестве объекта регулирования международного гуманитарного права (права ведения военных действий) легитимизирует возможность информационных войн, подчиняя их, однако, определенным правовым ограничениям (недопущение атак на объекты гражданской инфраструктуры и пр.).³²¹

Долгое время США занимали лидирующие позиции в области развития информационных технологий, и, следовательно, не были заинтересованы в принятии на себя международных обязательств в данной сфере. Однако в последние годы намечилось изменение баланса сил в глобальном информационном пространстве. В США приходит осознание того, что они сами оказываются весьма уязвимыми. На современном этапе США более склонны поддерживать многосторонние инициативы по обеспечению информационной безопасности (в американской терминологии «кибербезопасности»), что открывает возможности для формирования международного режима в данной сфере. Намечилось развитие сотрудничества США с Россией, была создана «горячая линия» Москва-Вашингтон для предупреждения эскалации враждебности вследствие возможной кибератаки. Решение о создании «горячей линии» было достигнуто в ходе переговоров на саммите «Группы восьми» в Северной Ирландии в июне 2013 г. как часть общего пакета договоренностей о мерах укрепления доверия в киберпространстве.

³²¹ Rauscher K., Korotkov A. Working towards rules for governing cyber conflict. Rendering Geneva and Hague conventions in cyberspace. East-West Institute, 2011. — 58 p.

Глава VII
Динамика развития
основных субъектов
международной системы:
локальных человеческих
цивилизаций, государств
и коалиций

7.1. Роль ЛЧЦ в современной системе международных отношений

Правомерность рассмотрения локальных человеческих цивилизаций в качестве субъектов международной системы на первый взгляд вызывает определенные сомнения, так как ЛЧЦ являются довольно аморфными образованиями и очень редко имеют единый центр принятия решений. Иерархические ЛЧЦ существуют, как правило, только в рамках имперских образований, каковыми являлись, например, Римская или Китайская империи. Но даже в этих случаях границы распространения ЛЧЦ не полностью совпадали с границами империй. С одной стороны, империи поглощали страны и народы, которые относились к другим цивилизациям, и их ассимиляция в имперскую ЛЧЦ далеко не всегда заканчивалась успехом. С другой стороны, влияние имперской ЛЧЦ могло распространяться на страны и народы, формально не входившие в границы империи, но, тем не менее, ориентировавшиеся на эту империю политически и идеологически.

Тем не менее, даже ЛЧЦ, которые не имели иерархической структуры располагали институтами, способными принимать решения, оказывающие влияние на данную ЛЧЦ в целом. Эти институты, как правило, были построены по сетевому принципу. Наиболее наглядный пример — это Римская католическая церковь, оказавшая решающее влияние на формирование западной цивилизации. Таким образом, религиозные организации, тайные общества, система династических родственных связей, а в нынешние времена бесчисленные международные организации промышленников, финансистов, ученых, экспертов и т. п. являются тем самым каркасом, на котором строится функционирование ЛЧЦ в качестве субъекта международных отношений.

К тому же, в каждой ЛЧЦ всегда имеется одно или несколько государств-лидеров, которые действуют на международной арене не только как самостоятельные субъекты международных отношений, но и как представители определенных ЛЧЦ. При этом эти государства защищают не только собственные национальные интересы, но и интересы других государств и народов своей ЛЧЦ. И это является не просто абстрактным благодеянием, но и вполне прагматичным стремлением укрепить собственное влияние в международных делах. Так, например, Российская империя традиционно выступала в качестве защитника православных народов от притеснения со стороны Османской империи. При этом Россия стремилась вытеснить Турцию из районов проживания христианского населения, прежде всего, в Закавказье и на Балканах. В настоящее время шиитский Иран выступает как защитник всего шиитского населения Ближнего Востока, ослабляя влияние суннитских государств, прежде всего, своего основного конкурента в регионе Саудовской Аравии. Одновременно, Иран позиционирует себя как лидер всех мусульман Ближнего Востока, выступающих против оккупации Израилем территории Палестины.

Государства, принадлежащие к той или иной ЛЧЦ, вынуждены как то себя позиционировать в отношении стран-лидеров своей ЛЧЦ. А поскольку деятельность последних направлена на защиту не только собственных интересов, но и ценностей всей ЛЧЦ, то эти государства так или иначе вынуждены следовать в фарватере политики стран-лидеров. Более того, страны лидеры получают возможность не только влиять на политику правительств других государств собственной ЛЧЦ, но вступать в прямое взаимодействие с обществами и элитами этих государств, причем не только властными, но и оппозиционными. Используя для такого взаимодействия собственные национальные институты, страны-лидеры создают сетевые структуры, имеющие влияние на всю ЛЧЦ. Причем, со временем складывается парадоксальная ситуация, когда данные сетевые структуры начинают оказывать обратное влияние, на национальные институты стран-лидеров, вынуждая эти институты действовать уже не столько в национальных интересах, сколько в интересах всей ЛЧЦ в целом.

Наиболее рельефно данная ситуация проявляется сейчас в Западной Европе. Ни один лидер даже крупного государства,

таких как Франция или Германия, не может поставить интересы собственной страны на первое место, по сравнению с интересами Запада в целом. Такой лидер сразу же становится объектом нападков СМИ, различных общественных организаций и элитных групп за нарушение «солидарности». Причем, последствия таких нападков могут быть самыми плачевными — от отставки с занимаемого поста до обвинений в коррупции и тюремного заключения. По существу, можно говорить о появлении в Евросоюзе своеобразной инквизиции нового образца.

Таким образом, локальные человеческие цивилизации можно по праву считать полноценными субъектами международных отношений. Причем, есть основания полагать, что значение противоборства ЛЧЦ в международной политике XXI века будет стремительно возрастать. Именно на их основе будут формироваться будущие центры силы и международные коалиции³²². Это связано

Тенденция роста значения отдельных ЛЧЦ в мировой политике (в баллах — от 1 до 100)

Субъект международных отношений в настоящее время	2015	2020	2024	2030	2040	2050
Западная ЛЧЦ	60	55	50	40	35	30
Китайская ЛЧЦ	15	15	20	35	40	45
Российская ЛЧЦ	10	10	10	10	10	10
Индийская	5	5	10	15	20	25
Мексиканско-бразильская	5	5	10	20	25	25
Индонезийская	3	5	5	5	10	10
Остальные	3–5	5	5	10–15	15	15

³²² Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 90–99.

с тем, что на фоне кризиса западной системы ценностей и западной экономической модели, мировоззренческая борьба за выбор нового пути развития человечества резко обострилась. Как видно из нижеследующей матрицы, борьба за «свое место» в иерархии человеческих цивилизаций идет, и будет идти очень сильно, параллельно с усилением отдельных политических центров силы.

Самая простая конфигурация мировых сил после 2021 года сегодня выглядит следующим образом:

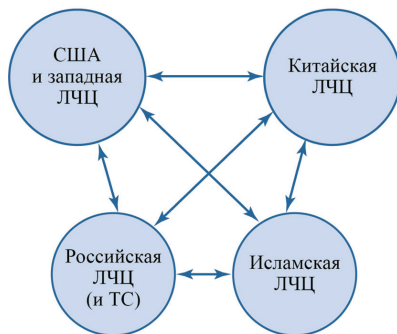

Рис. 7.1. Конфигурация мировых сил (ЛЧЦ) после 2021 года (общепринятый взгляд)

Применительно к этой конфигурации, как правило, ведутся споры о том, какие отношения будет между западной ЛЧЦ и китайской — партнерские или враждебные? При этом роль российской ЛЧЦ нередко рассматривается в качестве союзника КНР или США, «склоняющего чашу весов противоборства» на ту или иную сторону.

Между тем Китай может выбрать (и, похоже, так и делает) другую мировую модель взаимоотношений, которая строится на «равноудаленности» (или «равноприближенности») со всеми цивилизациями и странами, позиционируя Поднебесную в центре этой модели (рис. 7.2).

Не случайно, например, КНР выстраивает, во-первых, именно систему двусторонних, а не многосторонних отношений. Во-вторых, инвестирует в транспортные коридоры. А в-третьих, избегает стратегических военно-политических союзов. В «набор» двусторонних встреч и контактов руководства КНР входят все страны и регионы. Не случайно и то, что объем торговли КНР выглядит

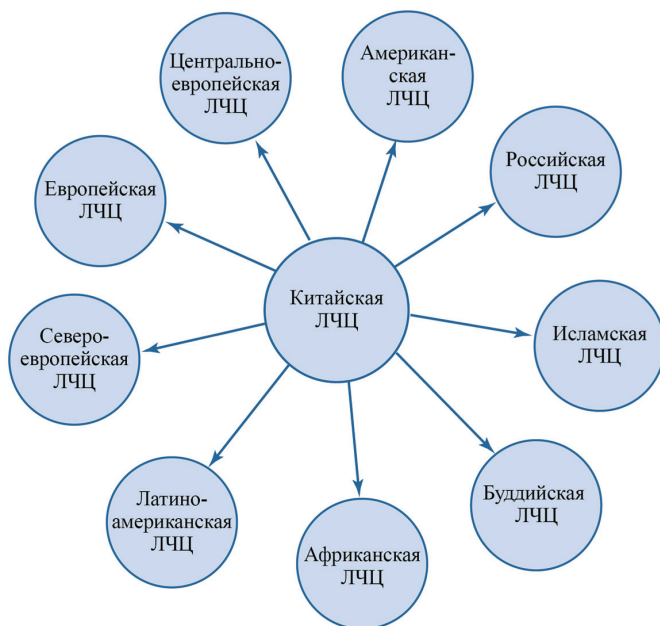

Рис. 7.2. Конфигурация мировых сил (ЛЧЦ) после 2021 года (китайский взгляд)

очень сбалансировано со всеми центрами силы. На конец 2013 года с ЕС — 560 млрд долл.; США — 520 млрд долл.; АСЕАН — 443 млрд долл. Таким образом, КНР создает — спокойно, целенаправленно и последовательно — ту «параллельную реальность» в мире, которая ему необходима.

Как отмечает эксперт А. Виноградов: «Вся эта активная деятельность Пекина — строительство портов и дорог, активное развитие экономического сотрудничества с самыми различными странами, формирование инфраструктуры, способной накрепко соединить Китай с самыми различными уголками мира и обеспечить бесперебойную поставку китайских товаров во все страны — это на самом деле лишь часть той кропотливой работы, которую ведёт Китай, по-прежнему стараясь не вступать в открытую конфронтацию с существующим миропорядком (и в этом смысле известный завет Дэн Сяопина — «не высовываться» — по-прежнему

может считаться одной из основ внешнеполитической деятельности руководства КНР на международной арене).

Работа по созданию «параллельной реальности», существующей независимо от тех, кто сегодня пока ещё определяет судьбы мира — США, стран Запада и международных финансовых структур, — ведётся постоянно и активно. И в тех случаях, когда эта реальность нуждается в защите, Китай уже способен действовать жёстко и твёрдо, отстаивать свои интересы (именно на это и намекают те, кто уже сегодня в Китае призывает отказаться от вышеупомянутого постулата Дэна).

Международные организации, созданные без участия США и западных стран, — ШОС, БРИКС и др., переход на расчёты в юанях, которые уже сегодня практикуются (на основе прямой взаимной конвертации) с Японией, Гонконгом, Макао, странами АСЕАН, Великобританией (обсуждается переход на подобные расчёты с Россией и другими странами БРИКС), создание под эгидой Китая многочисленных зон свободной торговли по всему миру, формирование независимой от МВФ и США международной финансовой системы — банки в Азии и банк БРИКС — всё это шаги, ведущие к построению такой «параллельной реальности».

Замечу, что параллельная реальность, независимая от руководства Европейского союза, уже существует и в Европе. Это созданный несколько лет назад и успешно функционирующий форум КНР — страны Центральной и Восточной Европы.

Пекин некоторое время назад без оглядки на Брюссель начал активно налаживать двусторонние экономические связи с проблемными европейскими странами (страны Центральной, Восточной и Южной Европы), вовлекая их в свою орбиту. А с началом второго десятилетия нынешнего века даже перешёл к формированию так называемого субрегионального формата сотрудничества, создав независимый от отношений с Брюсселем форум Китай — страны ЦВЕ со штаб-квартирой (вернее, представительствами стран-участниц) в Пекине»³²³.

Как вино на примере КНР, каждая ЛЧЦ будет стремиться «приспособить под себя» будущую модель мирового устройства. Но далеко не каждой это удастся: если китайская стратегия может

³²³ Виноградов А. Асимметричный ответ, или Стратегия Китая в глобальном мире. Ч. 2 / Эл. ресурс: «Однако». 2015. 6 февраля / <http://www.odnako.org/>

быть названа сегодня наиболее перспективной и результативной, американская — наиболее влиятельной, а исламская — радикально-наступательной, то российская — в лучшем случае только как «перспективная».

Особенно важное значение приобретает в этой связи развитие отношений между западной и китайской ЛЧЦ, которые определяют основной характер МО уже в среднесрочной перспективе. Это хорошо видно на примере долгосрочного прогноза двух базовых показателей — ВВП государств и душевого ВВП ведущих стран до 2030 года. Так, если верить прогнозу, то ВВП США и КНР могут практически сравняться к 2030 году (хотя, по данным ВБ, это уже произошло в 2014 году по ППС). Соответственно, для МО 2030 года это будет означать, что два мировых центра силы будут формировать мировую повестку дня, а с точки зрения господствующего сценария противоборства цивилизаций, это будет означать неизбежный конфликт в борьбе за влияние в мире.

7.2. Состояние и перспективы развития основных ЛЧЦ

7.2.1. Западная цивилизация

В XXI веке западная цивилизация продолжает оставаться наиболее влиятельной ЛЧЦ. Она сохраняет мощные экономические, военно-политические и информационные инструменты влияния на всю систему международных отношений. Очевидна также державалидер западного мира, это — США. Попытки ЕС выдвинуться на роль «второго лидера» в военно-политической области наталкиваются постоянно на внутреннюю политическую раздробленность «единой Европы». С учетом хронического политического кризиса в ЕС и постоянных разногласий стран-членов относительно общеевропейской военной и внешней политики, маловероятно, что Европе удастся утвердиться в качестве равноправного второго центра западного мира.

Запад в противостоянии с основными цивилизационными конкурентами продолжит путь к созданию коалиций, противо-

стоящих новым, нарождающимся центрам силы. Противники при этом изолируются, превращаются в «государства-изгои». Правда, возможности для реализации такой стратегии продолжают сокращаться в связи с общим увеличением роли и веса азиатских стран (Китай, Индия, Иран) в системе международных отношений.

Сейчас за тем, что называется западный мир, стоит одна, достаточно определенная модель развития. Она предполагает идеологию и систему ценностей, сочетающую принципы: а) приоритета прав атомарного индивида над групповыми общностями («права человека»); б) конкурентной политической системы со свободными выборами как единственной легитимной формы политического правления («демократия»); в) распределения ресурсов на свободном рынке как единственной эффективной формы хозяйствования («рыночная экономика»); г) приоритета указанных выше принципов по отношению к национальным законодательствам государств («ограничение национального суверенитета»)³²⁴. На практике западный мир также связан с военно-политическим лидерством США.

Существенно то, что эти принципы и многие попытки их реализовать, в мировом масштабе, не лишены потенциальных внутренних противоречий. Например, демократия, понятая как неограниченное господство большинства над меньшинством, может противоречить идее прав человека. В неменьшей степени предполагаемое демократией и правами человека равенство противоречит неравенству, на котором основана рыночная экономика. Возможность международного вмешательства же в реальности может часто реализовываться через практику «двойных стандартов» в соответствии с настроениями, доминирующими в элитных и массовых кругах в США.

В дополнение к описанным выше противоречиям специфические социально-политические модели многих азиатских и африканских стран трудно адаптируются под эти принципы. Например, индивидуализм противоречит высокой роли кла-

³²⁴ Предполагалось даже, что «национальное государство исчезнет под воздействием глобальных коммуникаций». См. Negroponte N. Being digital. — New York: Knopf, 1995. — 243 p.

ново-групповой лояльности. Рыночная экономика плохо уживается с политическими системами, основанными на личном патронаже, и т. п.

Существует и еще одно противоречие западного варианта создания структуры глобального порядка. Параллельно с глобализацией во всем мире повышается ценность локальных культур, все более распространенной становится практика поощрения разнообразия культурно-цивилизационных форм, борьба с попытками любого навязывания внешних норм. В частности, это проявляется в распространенном на Западе постмодернизме.

В незападных странах глобализация вызывает к жизни противостоящие ей феномены традиционализации³²⁵. «Чем больше растет экономическая взаимозависимость, тем сильнее будем мы подчеркивать свои различия, в особенности языковые. Глобализация экономики будет сопровождаться ренессансом в языковом и культурном самоутверждении»³²⁶. Протесты против западнотрихичной глобализации в разных формах проявляются в различных культурных средах. На Западе речь идет о разгроме «Макдоналдсов» антиглобалистами. В исламском мире традиционализация принимает форму джихада против глобальной экспансии западных ценностей³²⁷.

Западный мир — это, прежде всего, коалиция эффективно действующих государств Европы и ее переселенческих колоний (США, Канада, Австралия). Эта группа стран имеет единый цивилизационный фундамент (западное христианство), общую историю и культуру, связанную с Европой, сходный набор общих неформальных институтов (ценности демократии, рынка, прав человека, индивидуализма и т. д.). Эти страны тесно интегрированы целым рядом региональных организаций: НАТО, ЕС, АНЗЮС и т. д. Деятельность многих ключевых международных организаций («Группа восьми индустриально развитых государств», МВФ, МБРР, ЕБР) тесно связана с интересами этой коалиции.

³²⁵ Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2006.

³²⁶ Нейсбит Д. Мегатренды. — М.: АСТ: Ермак, 2003. — 380 с.

³²⁷ Barber B. R. Jihad vs. McWorld: how globalism and tribalism are reshaping the world. — New York: Ballantine Books, 1996. — 432 p.

Вступление в эту коалицию приносит много разнообразных преимуществ. Поэтому к ней тесно примыкают и многие другие развитые (Япония) и развивающиеся страны, имевшие исходно другой культурно-цивилизационный базис. Тем не менее, многие достаточно сильные государства (особенно, Россия, Китай, Иран, Индия, Бразилия, ЮАР) не входят в эту коалицию, лишь эпизодически с ней сотрудничая или конкурируя. При этом они официально поддерживают идею «многополярного мира», что тоже является одной из форм борьбы с линейной глобализацией.

Ключевым фактором, который будет определять эволюцию западного мира в долгосрочной перспективе, является его демографический и экономический упадок. Первый будет проявляться относительно, прежде всего, быстро растущего населения стран Африки и ряда стран Азии. Второй будет связан с относительным уменьшением доли экономики ЕС и США в мире относительно, прежде всего, Китая, Индии и ряда стран азиатско-тихоокеанского региона.

Впрочем, все это отнюдь не означает абсолютного упадка западного мира. Пока нет объективных данных, которые бы позволили его прогнозировать. Уровень жизни на Западе будет оставаться высоким, но США и ключевые государства ЕС, уступая многим азиатским и африканским странам по населению, а также уступая новым экономическим гигантам (прежде всего, Китаю) по размеру ВВП, не смогут объективно решать все основные мировые вопросы.

Дополнительно к этому Запад все больше будет сталкиваться с вызовом, связанным с инкорпорацией мигрантов. По мере роста демографического разрыва между Западом, с одной стороны, азиатскими и африканскими странами, с другой, миграция будет только усиливаться. При этом кризис модели «мультикультурализма» на Западе делает все более сложным интеграцию мигрантов. Эта культурно-цивилизационная проблема уже имеет важное военно-политическое измерение: например, в виде готовности большого количества мусульман-мигрантов отправляться на войну с Западом в Сирию, Ирак или Афганистан, а также в виде проблемы роста террористической деятельности в самих западных странах. В дальнейшем эта культурно-цивилизационная проблема будет только усиливаться. Путь ее решения пока не найден, и трудно предполагать, что это удастся сделать в будущем.

7.2.2. Российская цивилизация

Россия является особым государством-цивилизацией. Охват российской цивилизации, в отличие от китайского или западного миров, включает целый набор перекрещивающихся цивилизационных идентичностей. Это объясняется тем, что российская цивилизация изначально строилась по принципу единства в многообразии, то есть своего рода симбиоза народов, когда к русскому православному ядру присоединялись различные народности, этнические группы и общества с другой цивилизационной идентичностью. Дальнейшее развитие этих народов в условиях мирного сосуществования, сотрудничества, минимизации противоречий и купирования конфликтов позволяет говорить об уникальности российской цивилизации, которая включает не только все пространство русского мира, но и постсоветское пространство. Таким образом, реинтеграцию постсоветского пространства в рамках ЕАЭС можно рассматривать не только с точки зрения воссоздания единого рынка и хозяйственных связей, распавшегося СССР, но и в контексте восстановления целостности российской цивилизации.

Большую роль в политике Москвы в последние годы играет также противостояние с Западом в ряде отдаленных регионов мира, прежде всего на постсоветском пространстве. Это является одной из предпосылок, возможно главной из них, для будущего образования коалиций. При обострении отношений с Западом для России будет естественно вступать в коалиции со всеми антизападными силами, за исключением тех, которые практикуют международный терроризм (например, ИГИЛ).

В связи с относительной слабостью российской экономики, в сравнении с Западом, в наборе инструментов российского влияния очень большую роль должна играть военная сила. Опыт отказа от этого фактора влияния по идеологическим мотивам в прошлом сразу же приводил к существенному падению роли России в мире. В то же время, наличие больших запасов сырья — один из важных ресурсов России, который всегда будет повышать ее экономический вес в международных отношениях. Хотя эффективное использование этого инструмента влияния пока еще не до конца освоено российским руководством.

В 1990-е гг. после распада СССР Россия пыталась полностью следовать в русле модели развития, характерной для западного мира. В 2000-е гг. началась существенная модификация этой модели (государственническая идеология стала доминировать). К 2013–2014 гг. ключевым элементом политической идеологии российской политической системы стал консерватизм и опора на традиционные ценности. Важным элементом новой российской идеологии стало евразийство.

Между тем, цивилизационные факторы имеют огромное влияние на интеграционные процессы в Центральной Евразии. Как подчеркивают некоторые авторы, «... народы Евразии уже объединялись четыре раза». Самыми первыми объединителями евразийских народов были гунны. Затем континент был объединен в рамках Тюркского каганата. В XIII веке территорию Евразии объединили татаро-монголы. Четвертое объединение состоялось в рамках Российской империи и СССР³²⁸.

Как следствие этих процессов, усилились ценностно-идеологические противоречия между Россией и западным миром. Наиболее острым их проявлением стал нынешний кризис на Украине. Как показывают социологические опросы, сейчас неприятие западных ценностей (например, «политкорректности»), а также антиамериканские и антиевропейские настроения, имеют достаточно устойчивую основу в массовом сознании большинства россиян. Можно предположить в этой связи, что на долгосрочную и среднесрочную перспективу указанные ценностно-идеологические различия между Россией и Западом будут сохраняться в той или иной мере, а, следовательно, культурно-цивилизационная динамика (в частности, самоидентификация большинства россиян как представителей отдельной цивилизации, в ряде черт отличной от западного мира) будет играть важную роль в определении контуров будущих военно-политических конфликтов, в которые может быть вовлечена Россия.

Развитие России и окружающих ее стран Центральной Евразии, исторически связанных с РФ, будет обусловлено в долгосрочной перспективе с преодолением целого ряда объективных вызовов.

³²⁸ Мансуров Т. ЕврАзЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу // Международная жизнь. 2014. № 14. С. 17.

Первый такой вызов касается сложившейся сырьевой ориентации экономики. Она ограничивает возможности для активной внешней политики и препятствует эффективной интеграции постсоветских государств вокруг России (у них, в большинстве случаев, также сырьевые экономики).

Второй вызов касается ряда демографических проблем, сходных, в чем-то, с западным миром, а в чем-то, с рядом развивающихся стран. В России и других славянских странах СНГ наблюдаются объективная тенденция к старению населения, низкая рождаемость, беспрецедентный разрыв в продолжительности жизни мужского и женского населения, отстающая от западных стран общая продолжительность жизни. Соответственно, формируется потребность во внешней миграции, которая, в связи с постепенным исчерпанием «резерва» соотечественников в других постсоветских странах и резерва населения в европейских постсоветских странах (Украина, Белоруссия, Молдова) и даже на Южном Кавказе, постепенно все больше переориентируется на источники из Центральной Азии.

Уже в настоящее время Россия по числу проживающих на ее территории мигрантов является второй страной в мире после США. Одновременно внутри России постепенно в процентном отношении растет неславянское население в ряде национальных республик, прежде всего, на Северном Кавказе. Это ставит цивилизационную проблему интеграции населения России, формирования какой-то устойчивой культурно-ценностной модели, обеспечивающей стабильность и развитие. Последняя является и предпосылкой обеспечения стабильности в военно-политическом смысле.

Третий вызов касается проблемы взаимодействия России с другими постсоветскими государствами. Ключевые интересы обеспечения безопасности РФ связаны именно с постсоветским пространством. Без развития разных форм эффективного оборонного взаимодействия со странами СНГ обеспечить надежную безопасность в регионе будет затруднительно.

Четвертый вызов касается взаимоотношения с другими цивилизационными центрами силы по периметру постсоветского пространства: исламской и китайской цивилизациями. Это касается как роста исламского экстремизма, так и растущего могущества

Китая. При этом острота указанного вызова заключается в том, что даже при самом благоприятном сценарии развития российской цивилизации доля населения России и центрально-азиатских стран в мире будет уменьшаться по чисто объективным причинам.

Все указанные выше вызовы цивилизационного характера будут неизбежно трансформироваться в военно-политические вызовы. Для успешного преодоления этих вызовов в описанной сложной ситуации объективно потребуются, в частности, резкое повышение интеллектуальной составляющей в выработке и реализации российской внешней и военной политики. Это потребует налаживания более активного взаимодействия всех инстанций, вовлеченных в выработку и реализацию внешней политики, с академическим и экспертным сообществом. Потребуется также повышение качества исследовательской и экспертной работы, что связано с усилением финансирования университетов и научно-исследовательской деятельности. Ответить на вызовы, стоящие перед Россией, невозможно без развития науки и образования.

Необходимость повышения интеллектуальной компоненты во внешней и военной политике диктуется и сложной динамикой коалициообразования в условиях турбулентного мира. Россия в долгосрочном плане неизбежно столкнется с достаточно большим количеством конфликтов, в которые будут вовлечены, в том числе, и цивилизационные компоненты. При этом для борьбы с разными противниками придется искать разных союзников. В этой связи при ведении любого конфликта в XXI веке желательно твердо осознавать, что нынешний противник в условиях турбулентности может оказаться через какое-то небольшое время союзником. Например, в феврале 2015 г. В условиях жесткого конфликта России и США вокруг Украины состоялся визит в Америку директора ФСБ Бортникова, который договорился с американскими спецслужбами о совместной борьбе против ИГИЛ на Ближнем Востоке.

Россия и страны Центральной Евразии в цивилизационном плане соприкасаются с тремя ключевыми границами: с Европой на западе, исламскими миром на юге и Китаем на востоке. Согласно прогнозу С. Хантингтона конфликты в XXI веке будут вспыхивать, в основном, в зонах соприкосновения цивилизаций. Следовательно, любой конфликт в одной зоне соприкосновения потребует

образования специальной коалиции для противостояния данному противнику.

В целом, в случае конфликтов России и Запада Москва неизбежно будет искать поддержку среди постсоветских государств, прежде всего, членов ОДКБ, а также — у некоторых азиатских стран, прежде всего, Китая. В случае конфликтов с исламскими игроками, прежде всего, экстремистскими структурами, типа ИГИЛ, «Талибана» или центрально-азиатских исламистских группировок (Исламское движение Узбекистана, и т. п.), Россия будет сотрудничать со всеми противостоящими им законными правительствами, а среди основных мировых игроков неизбежно определенное сотрудничество с Западом. В случае актуализации потенциальных противоречий с Китаем, для чего в краткосрочном плане предпосылок пока нет, России придется усилить сотрудничество с Индией (давний противник Китая) и Западом (с учетом серьезных противоречий между США и КНР).

7.2.3. КНР и «синоцентричный мир»

Китай — это классическое государство-цивилизация. КНР в настоящее время все активнее формирует вокруг себя зону влияния, связанную с такими структурами, как недавно выдвинутый председателем Си Цзиньпином проект «Экономической зоны Шелкового пути», и ШОС (Китай активно продвигает в рамках этой структуры идею «зоны свободной торговли»). Возможно, эти направления станут основными контурами китайской политики по образованию коалиций в XXI веке.

Высока степень внутренней культурной интегрированности Китая как одной из древних локальных цивилизаций. Правда, древняя традиция «синоцентризма» не способствует росту влияния китайской культуры за рубежом. Другие инструменты китайского влияния — экономическая (массированные инвестиции в странах Азии, Африки и Латинской Америки) и «мягкая сила» (мощная сеть «институтов Конфуция» по всему миру). Поскольку недавно КНР превзошла США по ВВП по паритету покупательной способности (причем, китайская экономика продолжает расти более быстрыми темпами, чем американская), то экономика — основной козырь КНР.

В чисто военно-политическом плане амбиции Китая пока не идут дальше региональных масштабов — оборона собственной территории, в том числе, от исламских экстремистов в Синьцзяне, и давление на соседние государства по поводу спорных земель (добровольная передача КНР спорных территорий постсоветскими государствами, военное давление на соседей по АТР по поводу спорных территорий), а также — нерешенная «Тайваньская проблема». С учетом исторических традиций «синоцентризма» (тенденция к военно-политическому самозамыканию и экспансии Китайской империи лишь на сопредельные, легче осваиваемые территории) такую картину можно с большой вероятностью спроецировать и на будущее.

К середине XXI века можно спрогнозировать и выход Китая на первое место в мире по ВВП, в денежном выражении. Одновременно стремительно растут технические возможности китайских вооруженных сил. На это отреагировали США в так называемой «доктрине Обамы», предусматривающей перебазирование основных американских сил на Тихий океан (эта тенденция несколько замедлилась в связи с конфликтом на Украине).

Для понимания перспектив эволюции китайской внешней политики в XXI веке следует учесть традиционную для Поднебесной геополитическую модель. «Рассмотрение традиционной китайской идеологией вселенского пространства как единого политического целого во главе с императором Поднебесной формировало практику международных отношений и внешнеполитическую доктрину Китая. Государственная идеология отождествлялась с вселенской, а фактором сущностного сплочения были идеи распространения культуры и защиты „варваров“, ищущих в китайском монархе опору. Традиционная китайская идеология связывала основные функции по разделению и организации пространства со сверхъестественной индивидуальной силой-дэ государя Поднебесной. Считалось, что благотворное влияние этой силы-дэ испытывают не только ханьцы, но и „дальние“ народы, которые сами покоряются и прибывают ко двору с данью. В связи с этим все народы и племена, находившиеся в разной степени удаленности от Китая, рассматривались либо как реальные, либо потенциальные вассалы китайского государства, а имперские шаги, направленные на включение новых земель в административно-территориальную

структуру, официальная идеология объясняла либо патронажем этнических периферий, либо необходимостью наказания за нарушение вассальных обязанностей»³²⁹.

Существенно, также то, что мир в рамках китаецентричной модели мыслился как серия концентрических кругов китаизации: сама территория Поднебесной — китаизированные («вареные») и покоренные варвары — некитаизированные («сырые»), но посылающие посольства варвары — потенциально покорные варвары на краях мира.

Одновременно Китай исторически редко стремился к бесконтрольному расширению территории, собственно контролируемой империей. Согласно традиционной идеологии это вело к «упадку нравов» и подрыву стабильности. Вопиющим примером такой цивилизационной специфики является отказ Китая при средневековой династии Мин от морской экспансии (на тот период китайцы немного обогнали европейцев в исследовании Африки). Императоры Мин добровольно отказались от заморской экспансии, а корабли были сожжены, чтобы не «способствовать развращению нравов и отказу от норм предков».

Видимо, такая специфическая культура китаецентризма будет задавать контуры экспансии Китая и в XXI веке. Китай имеет достаточно строго соблюдаемую официальную доктрину о неиспользовании своих вооруженных сил за пределами национальной территории. Все территориальные противоречия КНР и соответствующая гонка вооружений связана на данный момент с территориями, которые Китай считает своими (Тайвань, официально являющийся частью Китая, но находящийся под управлением независимого правительства и спорные острова в Тихом океане). Видимо, это и останется ключевой военно-политической тенденцией для Китая в XXI веке.

Сохраняется, правда, вопрос о том, не станет ли Китай воспринимать в перспективе двух–трех десятилетий наличие своих больших диаспор в Юго-Восточной Азии или даже на постсоветском пространстве как повод для расширения сферы применения воору-

³²⁹ Попова И.Ф. Танский Китай и Центральная Азия // Центральноазиатский исторический сервер [Электронный ресурс]. — 1999–2007. URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=264> (дата обращения: 18.02.2009).

женных сил. Но в целом следует ожидать, что китайская экспансия будет принимать в обозримой перспективе экономические формы и формы проецирования вовне «мягкой силы». На это направлены, в частности, проекты вроде развития международной сети «институтов Конфуция» и создания экономической зоны «Шелкового пути».

Китайская экспансия идеологии принимает формы традиционного конфуцианского учения. Китай как новый экономический лидер мира, т. е. «старший» по конфуцианской идеологии, должен брать на себя все большую долю ответственности (в плане увеличения расходов на внешнюю помощь). В данной трактовке такое расширение влияния будет полезно для всего мирового сообщества, и его можно только приветствовать. Правда, остается вопрос, не будет ли со временем на геополитическую сферу спроецирована и традиционная авторитарная модель конфуцианских отношений: все «младшие» подчиняются старшему, в обмен старший заботится о младших. Пока Китай проецирует только второй элемент конфуцианства: т. е. заботу старших о младших. Видимо, по крайней мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективе, эта тенденция сохранится. При таком росте могущества КНР просто за счет экономических факторов нет смысла вообще прибегать к военно-политическому давлению на другие страны.

7.2.4. Исламский мир

Исламская цивилизация является наиболее аморфной и разобщенной, по сравнению с другими ЛЧЦ, несмотря на общую религиозную идентичность. К числу важных факторов, способствующих усилению влияния акторов исламского мира можно отнести демографический рост, контроль за рядом ключевых природных ресурсов (нефть и газ), а также идеологическую интегрированность на основе ценностей исламской религии. К числу недостатков, снижающих это влияние, — сырьевые экономики, политическую нестабильность, экстремизм и внутренние конфликты, отсутствие общих интересов между многими исламскими государствами и конкуренцию этих государств за влияние в исламском мире. Исламский мир в обозримой перспективе не будет представлять одну единую коалицию.

Исламский мир сейчас раздроблен на ряд региональных субцивилизаций, которые имеют конкурирующие между собой идентичности. В частности, есть очевидное противостояние между «Иранским миром» (преобладают шииты и наследие персидской культуры) и «Арабским миром» (преобладают сунниты и наследие арабской культуры). Это противостояние, в частности, проявилось в «большой суннитско-шиитской войне», разворачивающейся в настоящее время (военные конфликты в Сирии, Ираке, Йемене, вооруженное противостояние в Ливане и политические волнения на Бахрейне), а также — в гонке вооружений между Ираном и арабскими монархиями в районе Персидского залива. Данное противостояние, видимо, задает определенную динамику коалицееобразования в регионе Персидского залива на обозримую перспективу.

Важным игроком в исламском мире является Турция и поддерживаемый ею «Тюркский мир». Этот игрок имеет серьезные культурно-идеологические ресурсы в ряде тюркских государств, в том числе, на постсоветском пространстве. Однако его влияние снижается из-за внутривнутриполитической нестабильности, относительно слабых экономических и военных ресурсов. Турция в обозримой перспективе будет сохранять членство в НАТО, хотя в последнее время наметилась тенденция к отдалению Анкары от евроатлантического партнерства (исламизация, рост антиевропейских настроений, более независимая политика по отношению к России по сравнению с другими странами НАТО).

Среди прочих стран исламской культуры, формирующих свою сферу влияния, и имеющих перспективы выдвижения в основные государства исламского мира, можно выделить Пакистан (большие перспективы демографического роста, обладание ядерным оружием), Индонезию (большие перспективы экономического и демографического роста), Египет (большие перспективы демографического роста, стратегически важное положение, контроль над Суэцким каналом). Пакистан традиционно имеет альянс, как с США, так и с КНР, а его внешняя политика в основном определяется динамикой противостояния с Индией. Можно ожидать, что у Пакистана все более будет усиливаться прокитайский вектор и отдаление от США, что объективно будет подталкивать Индию в сторону Запада. Тенденции коалицееобразования для Египта и Индонезии пока трудно предсказуемы.

Ислам — чрезвычайно многоликая религия, включающая в себя огромное количество разнообразных измерений и обогатившая человечество многими великими духовными свершениями. В плане наличия специфической исламской цивилизации при всей ее многоликости можно вычленить некие общие социально-политические и психологически-политические последствия, которые вызывает принадлежность того или иного общества к миру ислама.

Известный востоковед-компаративист Л. С. Васильев отмечал следующее: «... мусульманские государства были, как правило, весьма могущественными. Несложная их внутренняя административная структура обычно отличалась простотой и стройностью. Эффективность центральной власти, опиравшейся на принцип власти-собственности, господство государственного аппарата власти и взимание в казну ренты-налога с последующей ее редистрибуцией, подкреплялась, как не раз уже упоминалось, сакральностью власти и покорностью подданных»³³⁰. В результате для всех современных исламских государств характерны элементы этатизма, патернализма, непомерно раздутого государственного сектора, нераздельности политико-административной власти и контроля над собственностью, низкой степени экономической свободы. Эти «антирыночные» тенденции еще более усилены специфическим для исламского мира эгалитаризмом, представлением об исходном равенстве возможностей всех людей и антиэлитизмом. В результате массовые движения в исламских государствах, как правило, антилиберальны.

В не меньшей степени для исламских обществ характерны «чувство совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама, опутывавшего общество наподобие густой паутины, что всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман, чуть ли не ежедневно (вспомним об обязательной ежедневной пятикратной молитве!) призванных подтверждать свое религиозное рвение»³³¹. Это часто приводит к очень высокой степени консерватизма, к неприятию инноваций, подозрению ко всякой самостоятельной творческой деятельности. Очень большую роль в росте консервативных настроений сыгра-

³³⁰ Васильев Л. С. История Востока: учеб. для вузов: в 2 т. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 2001. Т. 2. С. 184.

³³¹ Там же, с. 184.

ло закрытие «врат итджихада» (то есть, запрет самостоятельной рациональной интерпретации принципов и норм ислама) в X в. Запрет сохраняется и до настоящего времени.

В сочетании с могуществом патерналистского государства и эгалитаризмом консерватизм исламского мира приводит к очень серьезным сложностям с развитием не только постиндустриальной, но даже индустриальной экономики. Достаточно сложно опровергнуть тот факт, что экономики всех мусульманских обществ носят преимущественно аграрный или сырьевой характер. Из более современных сфер экономики в исламском мире хорошо развиваются только торговля и сфера услуг. Единственным исключением из этого правила являются Малайзия и, до определенной степени, Турция. Однако Малайзия цивилизационно относится к азиатско-тихоокеанскому региону, а ключевую роль в ее экономическом развитии играет китайское меньшинство. Турция же, со времен Ататюрка, проводила последовательную деисламизацию всех сфер жизни.

То обстоятельство, что исламскому миру очень трудно принять либеральную демократию, трудно опровергнуть. Более или менее стабильные демократические режимы были характерны только для двух стран: Турции и Ливана. Тем не менее, для Турции характерны периодические военные перевороты, а ее армия в соответствии с заветами Ататюрка считала себя гарантом светского пути развития государства. Демократия в Ливане основывалась на преобладающей роли христиан-маронитов и дестабилизировалась по мере роста влияния мусульманского населения страны.

Важной характеристикой традиционного ислама является его воинственность и склонность к конфликтам с внешним миром. Разумеется, этот мобилизационный потенциал религии реализуется в реальности не столь уж и часто.

Нельзя в соответствии с широко распространенными на Западе заблуждениями в духе «столкновения цивилизаций» считать большинство мусульман мира экстремистами и джихадистами. Традиционные для мира ислама представления о глобальном единстве общины верующих — уммы — достаточно редко принимают характер борьбы за «всемирный халифат». Куда более широкое распространение среди теологов и исламистской интеллигенции получил исламский национализм. Его сторонники выступают за приоритет идей ислама, но в рамках национальных государств. Еще большее ко-

личество сторонников в мире ислама имеет модернистская трактовка, которая позволяет тем или иным образом согласовывать нормы ислама с требованиями современности. И даже среди сторонников «всемирного халифата» достаточно много приверженцев мирных, просветительских путей борьбы. В этом случае речь идет, скорее, об интеграционном движении внутри исламского общества.

Однако практически среди всех направлений современного ислама идет поиск альтернативных Западу форм внутривнутриполитической жизни и внешнеполитической ориентации. Это характерно даже для большей части исламских модернистов, которым часто свойственна идеология «третьего пути», популизм, социальный консерватизм, этатизм, неприятие либеральной демократии и свободного рынка.

«...исламское движение — умеренно-либеральное или радикальное — ориентировано на поиск „исламского решения“ современных, в том числе политических проблем. Однако представление о том, что такое „исламское решение“, у представителей различных политических и социальных сил, идеологов и лидеров разное, каждый по-своему толкует исламские истины. Но общим остается стремление использовать в политике концепцию планетарного единства мусульманской общины, основанную на тезисе, что ислам есть интегрированная социально-политическая, социально-экономическая и социально-культурная система, выступающая против экспансии индустриально-развитого евро-американского мира. Сегодня это имеет форму движения исламской солидарности»³³².

«Альтернативность» ислама в существенной степени реализуется в международно-политической жизни. «Во всем этом просматривается относительная альтернативность всей системы международных организаций исламского мира и норм, которыми они руководствуются, — по отношению к так называемой западной, т. е. предполагаемо неорганичной для исламских государств системе международного права и международных отношений»³³³.

³³² Левин З. И. Общественная мысль на Востоке: постколониальный период. — М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. С. 114.

³³³ Игнатенко А. А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика: (взаимодействие ислама и политики в странах Ближ. и Сред. Востока, на Кавказе и в Центр. Азии): сб. ст. / отв. ред.: В. Я. Белокреницкий, А. З. Егорин. — М., 2001. С. 8.

Более того, исламские организации имеют четкую тенденцию дублировать «западные» глобальные международные организации. ОИК — аналог ООН; Исламская комиссия Международного Красного полумесяца — аналог Международного Красного Креста; Исламский банк развития — аналог Международного банка развития; Исламская организация по образованию, науке и культуре — аналог ЮНЕСКО; Исламская федерация спортивной солидарности — аналог Всемирного олимпийского комитета. Ключевые международные документы также имеют альтернативные исламские аналоги: Всеобщая Декларация прав человека — Исламская декларация прав человека; комплекс международных документов по борьбе с терроризмом — исламский договор о борьбе против международного терроризма ОИК и т. д.³³⁴

В целом, исламский мир, несмотря на разделяющие его противоречия, так же, как и Запад, представляет собой цивилизационную общность государств. Ее интегрирует наличие большого количества международных государственных и неправительственных организаций и распространение среди масс мусульман ощущение исламской солидарности. Материальным показателем жизнеспособности такой международной коалиции выступает большая финансово-экономическая помощь, которую богатые (прежде всего, нефтедобывающие) исламские страны оказывают более бедным. Специфический характер этой помощи заключается в том, что она тесно идеологически увязывается с различного рода «исламскими» целями: исламским просвещением, исламской солидарностью и т. д. Наконец, показателем реального существования «исламской коалиции» в мире является то, что она поддерживает «свой» вариант формирования структуры глобального порядка, основанный на исламе (при всей реальной вариативности понимания ислама).

В XXI веке все указанные выше характеристики мира ислама сохранятся. Он по-прежнему будет искать «исламскую альтернативу» западноцентричной глобализации. Продолжающийся демографический рост приведет даже к усилению относительной роли мира ислама в глобальном масштабе. Впрочем, увеличение

³³⁴ Там же. С. 8–9

населения без серьезного экономического роста — это еще и вызов развития и даже стабильности. Одновременно с демографическим ростом будет сохраняться отставание в экономическом и технологическом развитии большинства мусульманских стран от других цивилизаций. В то же время ряд государств, в частности, Малайзия, Индонезия, Иран и Турция имеют шанс стать точками быстрого экономического и технологического роста в исламском мире. Тогда они смогут предложить исламскому миру те модели развития, которые позволят ускорить прогресс исламской цивилизации в целом. Соответственно эти страны могут стать лидерами исламской цивилизации и своеобразными полюсами силы, вокруг которых будет сосредоточен силовой потенциал этой цивилизации.

Еще одна важная тенденция исламского мира в XXI веке — продолжение роста религиозного экстремизма. Этот рост будет происходить в случае углубления экономического отставания исламских государств и увеличения в них перенаселенности. Религиозный экстремизм будет задавать динамику разного рода серьезных конфликтов, куда будут вовлечены не только исламские страны, но и государства других цивилизаций.

Третья тенденция — сохранение высокой угрозы образования «несостоявшихся государств» в мире ислама. К этому ведут негативные социально-экономические факторы, перенаселенность, а также рост исламского экстремизма.

Четвертая тенденция — внутренняя раздробленность мира ислама и тяжелые внутренние конфликты между различными направлениями внутри исламской религии, проявляющиеся как в противостоянии государств (например, в настоящее время — Ирана и Саудовской Аравии), так и в экстремистско-террористической деятельности.

7.2.5. Другие локальные человеческие цивилизации

Одной из потенциально влиятельных, но пока только набирающих силу ЛЧЦ, является индуистская цивилизация. Опорной страной индуистской цивилизации является Индия, роль которой

в мире продолжает расти довольно быстрыми темпами. Индия — не только государство-цивилизация, но и естественный лидер на индийском субконтиненте, а также — лидер индуистско-буддистского мира и ключевое государство акватории Индийского океана. Высока степень внутренней культурной интегрированности Индии как одной из древних локальных цивилизаций. Индия, как и КНР, входит в число наиболее перспективных мировых лидеров XXI века.

Однако Индия в еще большей мере, чем КНР, в военно-политическом плане, не может пока выйти за пределы региональных интересов. При этом ключевыми потенциальными противниками Индии, в том числе, на Индийском субконтиненте и в Индийском океане, являются Пакистан и КНР, имеющие давний антииндийский альянс. Противостояние Пакистану и, возможно, Китаю, будет в долгосрочной перспективе определять готовность Индии к вступлению в коалиции. При хороших отношениях с Россией (у Индии и России практически нет стратегических разногласий), альянс между двумя государствами невозможен в связи со стратегическим партнерством России и КНР (он будет воспринят в КНР как враждебный). Существует целый ряд факторов, которые будут способствовать росту значимости Индии в международных делах в XXI веке. К их числу можно отнести демографический фактор (в Индии продолжается рост населения) и экономический фактор (Индия сумела создать мощную постиндустриальную экономику, хотя в ней в качестве пережитков сохраняются и очень архаичные, отсталые социально-экономические элементы). Индийская армия и флот традиционно (со времен Британской империи) отличаются высоким профессионализмом, а экономико-технологическое развитие позволяет провести их эффективное перевооружение.

Ключевым стратегическим моментом для Индии продолжает оставаться противостояние с Пакистаном и исламским экстремизмом. Индия многократно подвергалась завоеваниям с Севера. Одновременно в связи с территориальными трениями Индии и Китая, а также китайским альянсом с Пакистаном возникло индийско-китайское противостояние, которому уже более полувека. Почти вся военная политика Индии определяется военно-стратегическими соображениями в рамках

противостояния с Пакистаном (а также — пакистано-китайской коалицией)³³⁵.

Важной тенденцией, наблюдающейся уже по окончании «Холодной войны» стало превращение Индии в региональную сверхдержаву, абсолютно самостоятельный центр силы, доминирующий на южной оконечности Азии³³⁶. Эта тенденция, очевидно, продлится и в XXI веке.

Логика борьбы с Пакистаном за региональное преобладание первоначально привела к превращению Пакистана в союзника США и Китая, а Индии — в союзника СССР. Даже после распада СССР Индия была последней страной, оказывавшей поддержку антипакистански настроенному режиму Наджибуллы в Афганистане. Затем Индия была одним из наиболее последовательных противников «Талибана». Большую озабоченность Индии вызывает возможность утверждения исламского фундаментализма в Центральной Азии. Учитывая роль поддерживаемой Пакистаном диверсионно-

³³⁵ См. о центральноазиатской политике Индии в контексте военно-стратегических проблем: Hass R.N., Halperin M.H. After the tests: U.S. Policy toward India and Pakistan: report of an independent task Force. — New York: Council of Foreign Relations, 1998. — 69 p.; Gottemoeller R., Longworth R. Enhancing nuclear security in the counter-terrorism struggle: India and Pakistan as a new region for cooperation. — Washington: Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2002. — 19 p.; Anand V. Evolution of a joint doctrine for indian armed forces // Strategic Analysis. — 2000. — Vol. 24, №4. — P. 733–750; Chattopadhyay R. Indian maritime security: case for a blue water fleet // Indian Defence Rev. — 1994. — Vol. 9, №3. — P. 79–85; Evans A. India, Pakistan, and the prospect of war // Current History. — 2002. — April. — P. 160–165; Sakhuja V. Sea based deterrence and Indian security // Strategic Analysis. — 2001. — Vol. 25, №1. — P. 21–32; Shrivastava V.K. Indian army 2020: A vision statement on strategy and capability // Strategic Analysis. — 2001. — Vol. 25, №6. — P. 753–764; Sidhu W.P.S. The U.S. and Kargil // The Hindu [Electronic resource]. — 1999. — 15 July. — URL: http://www.indianembassy.org/new/newdelhipressfile/Kargil_July_1999/US_Kargil_July_15_1999.html (Date of access: 19.02.2009).

³³⁶ Cohen S.P. India: emerging power. — Washington: Brookings Inst. Press, 2001. — 377 p.; India's foreign policy towards 2000 A.D. / ed. R.S. Yadav. — New Delhi: Deep & Deep Publ., 1993. — 197 p.; Mathur, K.D. Conduct of India's foreign policy / K.D. Mathur, P.M. Kamath. — New Dehli: South Asian Publ., 1996. — 186 p.

террористической деятельности в кашмирском конфликте, а также рост религиозно-этнических столкновений в Индии, подобный сценарий был бы для нее катастрофичен.

Среди историко-культурных факторов, которые могут способствовать довольно успешному сотрудничеству Индии с Россией, следует назвать достаточно тесные отношения СССР с данной страной. Активное военно-техническое сотрудничество между Россией и Индией продолжается и теперь. Правда, перспективы формирования альянса между Россией и Индией не просматриваются, пока существует российско-китайское стратегическое партнерство. Кроме того, Индия постоянно колеблется по поводу возможного включения в альянс с США (в том числе, на основе противостояния исламскому экстремизму и Китаю). Правда, активная взаимная критика в западной и индийской прессе показывает, что определенные цивилизационные факторы препятствуют полному включению Индии в западный мир.

Еще одной ЛЧЦ, роль которой в XXI веке будет возрастать, является латиноамериканская цивилизация. В отличие от индуистской цивилизаций, латиноамериканская ЛЧЦ является полицентричной. Латинская Америка имеет целый ряд потенциальных государств-лидеров (Бразилия, Аргентина, Венесуэла). В пользу значимости данного региона говорит его демографическая динамика и определенный экономический рост. Но пока этот регион остается политически раздробленным, несмотря на регулярные попытки экономической и политической интеграции. К тому же, США со времен «доктрины Монро» оказывают на латиноамериканские страны дестабилизирующее влияние. И хотя в последние десятилетия потенциал этого влияния заметно понизился, оно продолжает оставаться важным фактором политического развития континента.

Кроме того, Латинская Америка в плане культурно-цивилизационной идентификации пересекается с двумя другими важными идентификационными общностями: испаноязычный мир (Испания и испаноязычные страны Северной и Южной Америки) и лузофонный мир (Португалия, Бразилия, бывшие португальские колонии в Африке). В целом, все эти идентичности пока, скорее, объекты мировой политики, чем ее субъекты, хотя у Бразилии, Аргентины и Венесуэлы есть большой потенциал международного влияния в, соответственно, лузофонном и испаноязычном «мирах».

Большинство государств Латинской Америки вряд ли будет в обозримой перспективе вступать в коалиции, выходящие за пределы региона. Хотя, возможно формальное (без реальных серьезных обязательств) участие в коалициях, организуемых как США, так и на антиамериканской основой.

Другие ЛЧЦ, в том числе африканская цивилизация, охватывающая страны Африки южнее Сахары, не будут играть в XXI веке какой-либо существенной роли. Несмотря на большой географический ареал и значительную численность населения африканская цивилизация будет оставаться не столько субъектом, сколько объектом мировой политики. Этот вывод касается в меньшей степени ЮАР, которая в последнее время проявляет активность в рамках БРИКС, но пока не имеет ресурсов, чтобы стать лидером африканской цивилизации и перевесить влияние других центров силы, действующих на Африканском континенте.

Между тем, сам этот континент традиционно был полем соперничества западноевропейской и исламской цивилизаций. Этот фактор важен до сих пор, например, в плане военно-политического противостояния христиан и мусульман в Нигерии или в плане недавнего раскола государства Судан на мусульманский Северный Судан и христианско-анимистский Южный Судан. В период «Холодной войны» Африка южнее Сахары также была объектом противостояния двух сверхдержав, СССР и США. В настоящее время в регионе разворачивается политико-экономическое соперничество между Китаем и США, хотя у него пока нет военно-политического измерения, в отличие от противостояния периода «холодной войны». Видимо, эта динамика и будет определять основные тенденции развития африканской цивилизации в XXI веке.

7.3. Состояние и перспективы развития АТР как региона цивилизационного многообразия

Азиатско-тихоокеанский регион не является единой цивилизацией, а наоборот, представляет собой сплетение самых разных цивилизаций, которые, тем не менее, образуют систему устойчи-

вого экономического взаимодействия. Поэтому, несмотря на значительные культурные и религиозные различия, АТР становится в XXI веке важным интегрированным регионом мира. По-существу, эта многообразная, многоуровневая и разноскоростная модель экономических взаимоотношений имеет потенциал для того, чтобы послужить прообразом будущей полицентричной системы международных отношений в масштабе всей планеты.

Росту интегрированности АТР способствует как его экономическая роль в мировой экономике (АТР — мощнейший экономический район мира, опередивший в этом плане Евroatлантический регион), так и наличие общих «азиатских» ценностей у многих стран региона. Так, ключевой политической группой в АТР является субрегиональное объединение АСЕАН. Взаимодействовать с ним пытаются все основные региональные игроки, особенно Китай и Япония, но также и страны другой цивилизационной идентичности — Австралия, Новая Зеландия, США и Россия. Последние все больше позиционируют себя как естественные составные части АТР. Причем, Китай и США — ключевые конкуренты за лидерство в этом регионе. Между ними в настоящее время развернулась гонка морских вооружений. Тенденции образования коалиций в XXI веке будут определяться именно динамикой противостояния США и КНР.

Азиатизм (или паназиатизм) — достаточно сложный комплекс идеологий, распространенных в современном Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), вплоть до Китая и Индии³³⁷. Единство этих народов возникло благодаря становлению гигантской торговой и культурно-цивилизационной зоны, связывавшей все страны региона (испытывавшие влияние китайской конфуцианской культуры, индийских буддизма и индуизма, наконец, ислама, пришедшего через Индию) еще до прихода европейцев³³⁸. В рамках этой зоны происходил также и культурный синтез. Причем движение навстречу друг другу шло с обоих концов Азии. Еще в период империи Мин (1368–1644 гг.), до европейских Великих географических открытий,

³³⁷ Левин З. И. Общественная мысль на Востоке: постколониальный период. — М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. — 196 с.

³³⁸ Бродель Ф. Время мира: в 3 т. — М.: Прогресс, 1992. — Т. 3: Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. — 679 с.

китайские военно-торговые флоты огибали всю Азию, доходя до Африки. С другого конца Азии тот же морской путь проложили исламские торговцы из Индии и Юго-Восточной Азии, где уже осуществлялся синтез исламской и индуистско-буддистской культур.

Европейские колонизаторы, ставшие доминировать над этими морскими путями с XV–XVI вв., только присвоили себе уже существовавшую систему торговых связей. При этом Китай сохранял роль наиболее экономической развитой части мира почти до опиумных войн (XIX в.), после которых эта роль окончательно перешла к Англии. Однако уже к концу XIX века все страны этого гигантского региона, кроме Японии (частично, также Китая и Таиланда), представляли собой колонии, полуколонии или зависимые страны.

Начало роста идеологии азиатского единства можно усмотреть в реакции на победу Японии над Россией в войне 1905–1907 гг. До этого среди народов этого обширного международного региона, под влиянием стереотипов европейцев, было распространено мнение о собственной отсталости и даже расовой неполноценности, необходимости полностью отказаться от традиционных ценностей. Тем не менее, успешная военно-экономическая модернизация Японии, сумевшей даже победить великую мировую военную державу, показала, что азиатские народы способны эффективно ответить на вызовы современности. Более того, оказалось, что при этом могут быть сохранены многие традиционные институты и ценности (как это имело место в Японии). Напротив, именно они могут оказаться базисом эффективности в соревновании с европейцами.

Попав в контекст борьбы с колониализмом, азиатизм принял вид лозунга «Азия для азиатов». При этом вполне в духе многих научно-идеологических представлений, распространенных и в Европе того же времени, предполагалось, что за расовым «азиатским» единством прослеживается и единство «азиатских» ценностей и культур. Часто просматривалось и определенное сходство интересов как всех антиколониальных движений в АТР, так и японского экспансионизма, заинтересованного в вытеснении европейцев из Восточной Азии (собственно, японский конструкт, призванный подчеркнуть лидерство Японии в регионе). Так возникли элементы коалиционных взаимодействий между различными азиатскими народами, которые сохранились и воспроизвелись в послевоенный период.

Япония, много сделавшая для рождения азиатизма в период войны с Китаем и Второй мировой войны совершила много претуплений, настроивших против нее другие азиатские народы. Тем не менее, именно чудесный экономический подъем Японии после Второй мировой войны привел к изменению характера азиатизма. Наряду с различного рода антиколониальными и антипостколониальными настроениями в него включились представления о социально-экономической модернизации с опорой на традиционные ценности и структуры в торгово-инвестиционном взаимодействии с Западом. Вслед за Японией возникли новые азиатские «тигры» (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея). К ним начали приближаться Малайзия и, в меньшей степени, Индонезия. Наконец, после реформ Ден Сяопина процесс бурного экономического роста охватил и Китай, который вновь в 1990-е гг. вернул себе статус «мастерской мира».

В настоящее время благодаря одновременному экономическому подъему АТР (прежде всего, Китая) и Тихоокеанского побережья США, уже произошел перенос центра «тяжести» мировой экономики с Евroatлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион. Более того, появились даже рассуждения о том, что США и Китай сейчас являются «одной экономикой с двумя разными политическими системами». Действительно, при всей глубине политических разногласий между США и КНР степень их экономической взаимозависимости очень высока (КНР является основным кредитором США, США — основной инвестор и источник технологий для КНР, оба государства являются также друг для друга ключевыми торговыми партнерами). Все эти тенденции в XXI веке будут смягчать военно-политическое противостояние КНР и США.

В области политической культуры народы АТР объединяет ярко выраженный прагматизм и стремление максимально использовать потенциал традиционных ценностей для социально-экономической модернизации. С точки зрения политических систем, эти страны представляют достаточно пеструю картину. Авторитарные, полуавторитарные или посткоммунистические режимы, в целом, преобладают. В регионе очень мало классических демократий. При этом одни из них очень молодые (Южная Корея, Тайвань), другие отличаются специфическими «азиатскими» особенностями (доминирование одной партии в Японии).

Таким образом, возникла чрезвычайно привлекательная для многих неевропейских обществ модель развития, сочетающая необычайно успешное развитие рыночной экономики с сохранением существующих социально-политических институтов, часто авторитарного или полуавторитарного типа. В этом плане модель, сложившаяся в АТР, представляет собой в XXI веке одну из реальных альтернатив западной модели развития, основанной на сочетании вестернизации, демократизации и экономической либерализации.

Международное сотрудничество в регионе также стало все больше строиться на основании принципа «азиатские дела должны вершить азиаты». Таким образом, страны региона взяли на себя ответственность за формирование собственной структуры регионального порядка, ревниво относясь к попыткам западных стран вмешаться в этот процесс. Эта тенденция продолжится и в XXI веке, хотя в президентство Обамы она столкнулась с контртенденцией — стремлением США сформировать систему военно-политических союзов по периферии КНР. Однако эта политика сталкивается и с сопротивлением Китая, и с неприятием многих представителей азиатских политических элит.

Это видно, например, по работе различных интеграционных структур в АТР. Базисом интеграции в регионе стали «азиатские ценности», противопоставляемые политическому давлению Запада. Зачастую это официально провозглашаемая государственная политика. Так, в Малайзии с начала 1980-х гг. официально объявлена «ориентация на Азию». Сингапур, поддерживающий иммиграцию на свою территорию высококвалифицированных специалистов из других стран, специально поощрял въезд азиатов, а не европейцев, и т. д. При этом его руководство постоянно подчеркивало роль «азиатских ценностей» в функционировании политической системы государства.

На неформальном уровне азиатские страны также легче взаимодействуют, преимущественно, между собой. В целом, между ними, несмотря на определенные разногласия (например, территориальные споры или претензии к Японии за зверства периода оккупации), складывается очень эффективная международная коалиция, в ряды которой стараются не пускать носителей «чужих» ценностей. Так, например, АСЕАН отвергла предложение об установлении зоны свободной торговли совместно с соседни-

ми Австралией и Новой Зеландией. «Вопрос о слиянии был снят с повестки дня после того, как в октябре 2000 года три ведущих члена АСЕАН — Малайзия, Индонезия и Филиппины — отказались начать соответствующие переговоры. В первую очередь, из-за недовольства регулярными попытками австралийского правительства навязывать этим странам свое видение мира»³³⁹.

Более того, по мере роста экономического влияния стран АТР, прежде всего, Китая, их представления о наиболее оптимальной структуре регионального порядка, основанной на «азиатской» культуре, начинают переноситься и на глобальный уровень. Наиболее активно в этом плане действуют такие государства как Малайзия и Китай. Очевидно, что эта тенденция продолжится и в XXI веке.

7.4. Государства как основные акторы международных отношений в XXI веке

В XXI веке государства сохраняют свою роль, в качестве основных субъектов системы международных отношений. На это, в частности, указывал С. Хантингтон, который отмечал: «Основными игроками на поле мировой политики остаются национальные государства. Их поведение, как и в прошлом, определяется стремлением к могуществу и процветанию, но определяется оно и культурными предпочтениями, общностями и различиями»³⁴⁰. Таким образом, классическое противоборство государств продолжится, хотя оно неизбежно трансформируется и будет все больше находиться под влиянием цивилизационных факторов.

С другой стороны, процессы глобализации размывают влияние государств в современном мире, частично перенося в различные межгосударственные структуры. Это вносит определенные изменения в процесс формирования МО. Если попытаться оценить изменение значения государств в будущей структуре

³³⁹ Цыганов Ю. Австралия и Восточная Азия // Проблемы Дальнего Востока. — 2006. — № 2. — С. 71–81.

³⁴⁰ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 17.

международных отношений в балах, то ситуация может выглядеть следующим образом:

Значение отдельных групп факторов на формирование МО

	до начала XX века	до середины XX века	до конца XX века	до середины XXI века
— значение государств-наций для формирования МО	– 90 баллов	75 баллов	50 баллов	– 30 баллов
— международные (государственные) акторы:	– 10 баллов	10 баллов	25 баллов	– 30 баллов
— (негосударственные) акторы	– 0 баллов	0 баллов	10 баллов	– 10 баллов
— цивилизационные факторы	– 0 баллов	15 баллов	15 баллов	– 30 баллов

Сохранение за государствами ведущей роли в мировых делах объясняется тем, что именно они создают, финансируют и оказывают различные формы поддержки другим международным акторам, в том числе транснациональным. Поэтому за внешней автономностью этих структур зачастую стоит обычная государственная мощь. Так, например, международная террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта», неожиданно появившаяся в 2014 году и за несколько месяцев ставшая влиятельным актором не только на Ближнем Востоке, но и в других регионах, была искусственно созданным продуктом третьих стран, заинтересованных в изменении соотношения сил не только в арабском мире, но и глобально. Сейчас эта организация перенацеливается на дестабилизацию ситуации в Центральной Азии, выделяя для этих целей 70 млн долларов³⁴¹. Метод, кстати говоря, совсем не новый, если учесть, что, например, в средние века Великобритания

³⁴¹ Панфилова И. ИГИЛ намерен открыть второй фронт в Центральной Азии // Независимая газета. 2015. 21 января. С. 1.

поддерживала и создавала различные пиратские сообщества для борьбы со своим основным конкурентом Испанией.

Поэтому можно говорить о двух основных моделях искусственного формирования международных факторов влияния, за которыми в любом случае стоят государства. На рисунке это может выглядеть следующим образом (рис. 7.3).

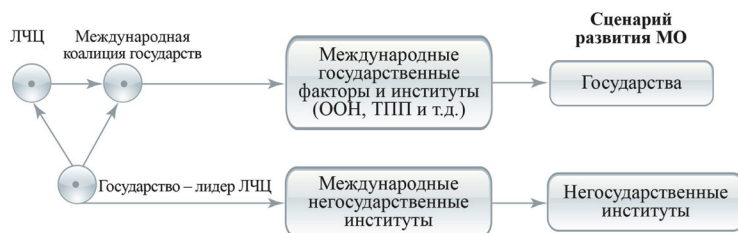

Рис. 7.3. Логика создания искусственных факторов влияния

В XXI веке субъектность государств-наций будет оставаться важной не сама по себе, а потому, что она будет центром политического и экономического притяжения других государств, наций и акторов мировой политики. Это явится, в конечном счете, важнейшим условием консолидации вокруг одной локальной человеческой цивилизации, превратившейся в мировой центр силы³⁴². Для России это перспектива становления «русского ядра» в качестве центра российско-евразийской цивилизации.

Надо понимать, что анализируя основные тенденции в развитии наций и государств, их влияние на формирование МО и прогноз развития сценария МО, необходимо учитывать влияние указанных выше двух групп факторов — международных коалиций и локальных цивилизаций, без которых только прогноз развития потенциалов государств будет неполным. Тем не менее, анализ потенциала отдельных государств остается важным элементом составления стратегического прогноза.

Один из способов определения влияния государства на формирование МО является оценка его относительной мощи в мировой экономике. Для этого производится измерение доли тех или

³⁴² Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014.

иных стран в мировом ВВП. В тоже время методы такой оценки требуют уточнения и корректировки. Речь идет, прежде всего, о единицах измерения экономической мощи. Как отмечает в этой связи профессор МГИМО С. Лунев: «Данные по ВВП вычисляются очень просто. Берется официальная статистика, тупо умножается на официальный курс местной валюты к доллару и получается объем экономики. Это совершенно несправедливый счет. Надо считать, хотя это и гораздо сложнее, по паритету покупательной способности»³⁴³.

Между тем, по оценке МВФ, Китай по паритету покупательной способности уже вышел на первое место в мире. А Индия, по всем основным прогнозам Запада, к середине века опередит США и выйдет на второе место в мире. Тот же С. Лунев отмечает, что сейчас Индия, если считать по ППС уже опередила Японию и является третьей экономической державой мира. «К 2030 году Индия станет самой населенной страной мира. Средний возраст там, на 10 лет ниже, чем в Китае, и на 20 лет ниже, чем в Германии и Японии. Значит, будет больше рабочей силы. Конечно, вопрос в том, насколько она квалифицирована, но квалифицированных специалистов в Индии много. Нужно добавить, что там фантастическими темпами развивается инфраструктура», — указывает он³⁴⁴.

Еще один способ оценки степени влияния государств мира — определение их доли в военных расходах. Так, военный бюджет США составляет 35% или в 2 раза выше доли США в мировом ВВП и в 10 раз превышает долю США в мировом населении. Наконец, военные расходы США превышают аналогичные расходы последних 8 стран, вместе взятых. Эти данные говорят об очевидном акценте политики США на военной силе³⁴⁵.

Более комплексный анализ национальной мощи государств, как правило, включает совокупность различных параметров. Помимо ВВП или военных расходов, туда входят размер территории, численность населения, наличие стратегических природных ре-

³⁴³ Скосырев В. Индия обошла Китай по темпам экономического роста // Независимая газета. 2015. 13 февраля.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 83–90.

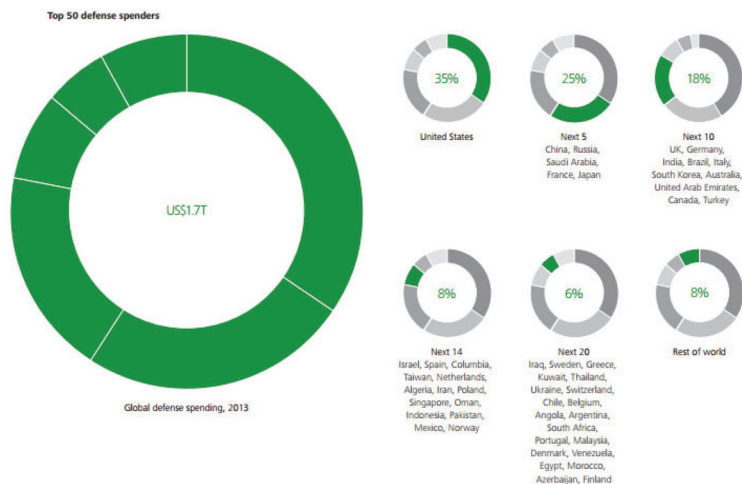

Рис. 7.4.³⁴⁶ Доля военных расходов США в мире

сурсов, потенциал вооруженных сил и другие. На основе прогноза развития пяти-шести государств по 10–12 основным параметрам получается некий прогноз международных отношений. По сути дела, это экстраполяция существующих в настоящее время количественных параметров субъектов международных отношений, перенесенная механически на будущее. Такой анализ сохраняет свою актуальность, однако в целях существенного улучшения точности стратегического прогноза предлагается:

- расширить число участников до нескольких десятков ключевых государств,
- расширить число параметров до нескольких десятков и установить соотношение между ними,
- рассмотреть возможность сравнения качественных характеристик через использование коэффициентов и поправок³⁴⁷.

³⁴⁶ Global Defense Outlook 2014. Adapt, collaborate, and invest. Wash., 2014. P. 5.

³⁴⁷ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. С. 553–587.

Таким образом, выбрав группу наиболее значимых государств, следует проанализировать их с точки зрения современного влияния и изменения их влияния на МО в среднесрочной и долгосрочной перспективах. В результате заполнения нижеприведенной матрицы можно будет получить приблизительную картину соотношения сил в системе международных отношений в некоторой точке в будущем.

Матрица влияния субъектов международных отношений (государств) до 2050 гг.

Название субъекта	Состояние, степень влияния в н/в (в баллах)	Состояние, степень влияния в 2021–2025 гг.	Состояние, степень влияния в 2045–2050 гг.
1. Российская Федерация	Великая держава (40 баллов)	Великая держава (45 баллов)	Великая держава (50 баллов)
2. Соединенные Штаты Америки	Великая держава (85 баллов)	Великая держава (80 баллов)	Великая держава (75 баллов)
...			
20. Турция	Региональная держава (25 баллов)	Региональная держава (20 баллов)	Региональная держава (30 баллов)

Важно, чтобы выводы о влиянии, сформулированные в матрице, были достаточно обоснованы и минимально субъективны. Поэтому необходимо ввести достаточное количество критериев, характеризующих мощь и влияние государств в мире. В самом общем виде это может быть 10 групп по 10 критериям, т. е. 100 критериев для одного государства (или $100 \times 100 = 10\,000$ для всех отобранных государств).

Влияние того или иного государства может определяться, например, по следующим основным 10 группам количественных и качественных критериев:

- экономическим (10 критериев);
- демографическим (10 критериев);
- военным (10 критериев);
- гуманитарным (10 критериев) и т. д.³⁴⁸

В частности, очень важный критерий, значение которого все более увеличивается, связан с коалиционными военно-политическими и экономическими возможностями государств. Так, например, влияние рядового западноевропейского государства во многом усиливается его участием не только в военно-политических интеграционных объединениях типа НАТО, но и экономических — ЕС.

Например, важное значение этого фактора становится стимулом для усиления военного тандема Швеция-Финляндия, который формирует региональные связи с государствами-членами НАТО в Северной Европе, прежде всего, Норвегией, Прибалтийскими государствами, а также Польшей. Речь идет о концепции «Северного кулака» как наиболее приоритетной цели для складывающейся коалиции. По мнению эксперта Л. Нерсияна, эта тенденция находится, прежде всего, в русле интересов США, глобальная политика которых ориентирована на создание непосредственной военной угрозы максимально близко к территории России³⁴⁹.

7.5. Межправительственные организации и союзы

Спектр государственных международных акторов, влияющих на формирование МО, чрезвычайно широк — от государств, наций, до союзов, коалиций и межправительственных организаций неблокового типа. По ряду оценок, в связи с процессом глобализации роль различных международных структур, в том числе

³⁴⁸ Существует множество количественных способов оценки мощи и влияния государства в мире, о которых речь пойдет ниже в специальном разделе работы.

³⁴⁹ Нерсиян Л. «Северный кулак» США против России: угроза Калининграду и ядерным силам. 2015. 10 апреля / ИА «Регнум» / <http://www.regnum.ru/news/polit/1913924.html>

межгосударственного характера, будет возрастать, в то время как роль отдельных государств как субъектов международных отношений — ослабевать. Причем, в создании союзов и коалиций все более значимую роль будет играть цивилизационный фактор. На это, в частности, указывал С. Хантингтон, отмечая, что «в мире после «холодной войны» государства все больше определяют свои интересы с учетом цивилизаций». По его мнению, государства «сотрудничают и заключают союзы с государствами, имеющими схожую или общую культуру, а конфликтуют намного чаще со странами с другой культурой».

«Страны определяют угрозу в зависимости от намерений других государств, и эти намерения — а также способы их реализации — в сильнейшей степени обуславливаются культурными соображениями. Общественные и политические деятели в меньшей мере склонны видеть угрозу в людях, которых, как им кажется, они понимают. Они склонны доверять им из-за родства языка, религии, системы ценностей, законов и культуры. И те же политики куда более предрасположены видеть угрозу в странах с чуждой культурой, и таким образом, они не доверяют им и не понимают их», — подчеркивал Хантингтон³⁵⁰.

Большинство таких коалиций, как показывает практика, не являются четко оформленными. (НАТО в данном случае следует рассматривать скорее как исключение, чем правило). Они характеризуются аморфностью, часто ситуативностью и сложносоставным характером. Тем не менее, политический вектор действия таких коалиций проявляется достаточно четко. Это видно, например, по различным решениям и декларациям, принимаемым латиноамериканскими государствами или созданием коалиции суннитских государств Ближнего Востока и Северной Африки по противодействию йеменским хуситам.

Что касается межцивилизационных организаций, то их роль будет возрастать, исходя из утилитарных соображений для облегчения международного общения. Как, например, пишет отечественный исследователь Т. П. Лебедева: «глобализация провоцирует потребность в общеобязательных международных регламентациях,

³⁵⁰ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. С. 36.

в международных конвенциях и институтах для транзакций, перешагивающих границы»³⁵¹.

В самом общем виде под международной межправительственной организацией (ММПО) понимается объединение трех или более государств или их органов власти, созданное на основе международного договора для достижения общих целей, и обладающее постоянно действующими органами³⁵². На практике в число ММПО можно включить и более широкое число акторов, включая такие неформальные структуры как «Большая семерка», «Большая двадцатка», Группа 77 и ряд других.

ММПО можно условно разделить на три группы — универсальные организации семьи ООН, специализированные организации и региональные организации. В то же время, никакая схема не может долгое время отражать быстро изменяющуюся действительность. Множество организаций постоянно подвергается реформам, при этом меняется не только их структура, но и объем выполняемых ими функций, и, как следствие, степень влияния на международные политические процессы.

В последние годы наметилась тенденция разрастания функций специализированных организаций, которые постепенно расширяют свою сферу ответственности, включая в сферу своего регулирования новые и новые проблемные сферы. Это объясняется тем, что в условиях глобализации число проблем, для разрешения которых необходимо межгосударственное соглашение возрастает, и создавать столь большое число ММПО было бы экономически и организационно невыгодным. Данная тенденция нашла свое отражение и в сфере управления интернетом, в качестве примера можно привести деятельность таких организаций как ВТО, МСЭ и ВОИС, расширяющих свою сферу ответственности за счет включения регулирующих функций в интернет-пространстве.

³⁵¹ Лебедева Т.П. Каким быть глобальному управлению? // Вестник Московского университета. — 2006 г. — № 1. Серия 21. Управление (государство и общество). — <http://www.spa.msu.ru/images/File/Vestnik/Lebedeva.pdf>

³⁵² Кутейников А.Е. Международные организации: функции и деятельность. Введение в социологию международных межправительственных организаций. Учебное пособие. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. — 131 с.

В самом общем понимании можно выделить три типа функций, выполняемых ММПО — регулирующая (установление норм и образцов морального и юридического характера, призванных формировать поведение участников международных отношений), контрольная и оперативная (непосредственное оказание организацией различных услуг)³⁵³. Чаще всего осуществляются небольшие вспомогательные фрагменты действий в рамках согласования внешних политик, которые ведутся государствами.

С позиций самостоятельности ММПО можно выделить две роли или функции ММПО на международной арене — либо они представляют форумы, обеспечивая государствам возможность обсудить проблемы в «широкой увязке», в этом случае они нейтральны, и не несут в международную среду ничего, кроме того, что в них вкладывают государства; либо ММПО оказывают самостоятельное влияние на международные отношения. Во втором случае наибольшее влияние ММПО могут оказывать в ходе формирования международной повестки дня (так, МСЭ инициировал проведение ВВУИО) или же легитимация (ООН, обладающая большим ресурсом легитимности, смогла экстраполировать ее на ФУИ).

Как уже отмечалось, в отношении самостоятельного влияния международных организаций среди исследователей нет единого мнения. Многие исследователи считают международные организации производным, вторичным субъектом международных отношений. В данном случае ММПО рассматриваются как инструменты, используемые государствами для достижения определенных целей. Другие же исследователи полагают, что ММПО в ряде случаев могут выступать как самостоятельные субъекты международных отношений.

Так, по мнению П. А. Цыганкова актерами являются не все, а только самостоятельно действующие элементы международной жизни, которые способны внести изменения в окружающую среду³⁵⁴. Этот же исследователь выделяет три основные черты между-

³⁵³ Кутейников А.Е. Международные организации: функции и деятельность. Введение в социологию международных межправительственных организаций. Учебное пособие. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. — 131 с.

³⁵⁴ Цыганков П.А. Актеры и факторы в международных отношениях и мировой политике // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. / Под ред. Лебедевой М.М. — М. 2008 — С. 30–53.

народных организаций, свидетельствующие у них о самостоятельности, как признаке актора — политическая воля к сотрудничеству, зафиксированная в учредительных документах, постоянный аппарат, обеспечивающий преемственность в развитии организации, автономность компетенций и решений³⁵⁵.

Д. Коляр утверждает, что ММПО нуждаются в сторонних силах, которые должны их оживлять, а такими силами являются государства. ММПО создаются по решению государств, и получают от них свои организационные формы, компетенции и финансирование. Что же касается региональных и специализированных организаций, то здесь можно согласиться с выводом А. Е. Кутейникова, который утверждает, что ММПО являются вторичными субъектами международных отношений, проводящими ту политику, которую в них вкладывают государства-создатели, и выступающими, в первую очередь, в качестве форумов для обсуждения тех или иных международно-политических проблем и координации внешней политики государств-членов³⁵⁶.

Есть и третья точка зрения, которая представляется наиболее обоснованной. Согласно этой точки зрения ММПО обладают лишь ограниченной акторностью. Данной позиции придерживаются, в частности, Е. А. Клочихин, Дж. С. Баркин и ряд других исследователей. Согласно их оценкам, цели международных организаций определяются уставными документами, разрабатываемыми и подписываемыми государствами. Поэтому целесообразно говорить, что государства изначально наделяют международные организации акторностью и стремятся контролировать их в наибольшей степени³⁵⁷.

³⁵⁵ Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Издание 2-е, переработанное и дополненное. / Под ред. Цыганкова П. А. — М.: Альфа-М, Инфа-М, 2007 С. 125.

³⁵⁶ Кутейников А. Е. Международные организации: функции и деятельность. Введение в социологию международных межправительственных организаций. Учебное пособие. — СПб.: Из-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. — 131 с.

³⁵⁷ Клочихин Е. А. Место межправительственных организаций среди акторов мировой политики // «Приватизация мировой политики»: локальные действия — глобальные результаты. / Под ред. Лебедевой М. М. — М., 2008. С. 99–115.

Тем не менее, возникновение международной бюрократии и несовпадение интересов государств-членов международных отношений приводит к выделению международных организаций в качестве самостоятельных акторов международной политики, не всегда говорящих устами своих лидеров. Вследствие этого при анализе деятельности международных организаций важно различать интересы бюрократического аппарата организации, интересы отдельных государств (касаемо деятельности рассматриваемой организации), групп государств (группа 77) и всей организации в целом.

Деятельность ММПО достаточно дорогостоящая для государств-участников. Более того, организации часто критикуют за неэффективное выполнение ими своих функций, расточительное использование ресурсов и участие в дорогостоящих и не всегда востребованных видах деятельности. Однако основным объектом критики является жесткость и неэффективность бюрократического аппарата организаций. Деятельность организации часто влечет за собой непредвиденные и нежелательные последствия, которые зачастую являются препятствиями на пути к достижению поставленных перед организациями целей.

Таким образом, государства являются членами и донорами ММПО, пользуются ими как форумами для достижения общих целей, имея возможность ограничивать или расширять возможности тех или иных ММПО. Однако в ряде случаев ММПО могут выходить из-под контроля создавших их государств и проводить достаточно самостоятельную политику, как правило, соответствующую интересам секретариата, иначе говоря, международной бюрократии. Однако это становится возможным лишь при поддержке определенной группы государств-членов.

Взаимодействие бизнес-структур и международных организаций происходит приблизительно по той же схеме, что и взаимодействие корпораций с государственным аппаратом любой страны. Единственное отличие, что на месте национальной бюрократии — международная, однако наделенная таким же правом принимать решения, в том числе и финансовые. Поэтому в ряде случаев бизнес-структуры, в особенности, крупные ТНК могут оказывать давление на ММПО, лоббируя принятие тех или иных, выгодных им политических решений. Более того, в последние годы получило

широкое распространение привлечение бизнес-структур к участию в различных инициативах, принимаемым в рамках ММПО. А это расширило возможности и тех и других, позволяя ММПО опираться на ресурсы бизнес-структур, а бизнес-структуры, в свою очередь, получили больше возможностей воздействовать на принимаемые в рамках ММПО международно-политические решения.

Другой усиливающейся тенденцией является подключение к деятельности ММПО различных неправительственных организаций (НПО), как национальных, так и международных. Это объясняется возрастающим влиянием НПО на различные мировые процессы. При этом, все большее число НПО становятся консультативными членами ММПО, выступая в качестве экспертов по определенным вопросам. В ряде случаев НПО лучше владеют обстановкой, обладают информацией «с места событий» и могут оказывать влияние на формирование общественного мнения. Сами же представители НПО получают возможность выйти на международную арену и заявить о своей позиции на весь мир. Так в ООН сегодня существует целая система предоставления консультативного и ассоциированного статуса НПО.

Кроме того, в последние годы распространение получили так называемые «гибридные организации», сочетающие в себе элементы НПО и ММПО — в качестве примеров можно привести Интерпол, МСЭ, МОК. По мнению ряда исследователей, управление интернетом — это такая область международных отношений, где взаимодействие ММПО с НПО и бизнесом получило наибольшее распространение, и даже институциональное оформление³⁵⁸.

В последнее время набирает силу еще более продвинутая форма взаимодействия ММПО с различными международными и национальными акторами, известная как многостороннее партнерство. Некоторые исследователи также используют такие

³⁵⁸ Михеев А.Н. Информационно-коммуникационные технологии: глобальные проблемы и/или глобальные возможности? // Современные глобальные проблемы мировой политики / под ред. Лебедевой М.М. — М.: Аспект-Пресс, 2008. С. 139–152; Kleinwächter W. Internet Co-Governance. Towards a Multilayer Multiplayer Mechanism of Consultation, Coordination and Cooperation (M3C3) // E-Learning. — 2006. — No. 3(3). — http://www.words.co.uk/pdf/viewpdf.asp?j=elea&vol=3&issue=3&year=2006&article=18_Kleinwachter_ELEA_3_3_web&id=212.16.10.52

определения как «многоуровневая дипломатия», «неофициальная дипломатия» (track two diplomacy). Многосторонние партнерства складываются в различных областях мировой политики и международных отношений — при урегулировании конфликтов, решении экологических проблем (Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам устойчивого развития, Йоханнесбург, 2002 г.), при заключении соглашений о запрете отдельных видов оружия (противопехотных мин) и др.

Многосторонние партнерства имеют целый ряд ограничений. Одно из них, отчасти являющееся следствием недостаточности накопленного опыта сотрудничества в подобном формате — это сложности с согласованием большого числа разнородных интересов, необходимые для достижения консенсуса. Как отмечает П. А. Цыганков, сосредоточенный на разных уровнях многослойный конгломерат разнообразных политических субъектов, которые имеют как совпадающие, так и противоположные интересы, потребности и цели, обладают неодинаковым потенциалом, используют разные и зачастую неожиданные средства, очень трудно свести к «единому знаменателю». По мере роста количества акторов, участвующих в управлении, все сложнее становится обеспечить их устойчивое, эффективное и, главное, результативное взаимодействие³⁵⁹.

Ситуация усугубляется разрывом в компетенциях и ресурсах, которыми обладают акторы, что в итоге приводит к принятию рядом акторов пассивных стратегий, или еще хуже, прямому противодействию принимаемым решениям. Это, в частности, вызывает резкую критику многосторонних механизмов управления. Как следствие, звучат призывы исключить НПО и бизнес-акторов из процесса принятия решений. Но имеется и положительный опыт в этой сфере. Речь идет о работе по заключению Соглашения о запрете противопехотных мин³⁶⁰.

³⁵⁹ Цыганков П. А. Мировая политика и ее содержание. // Международные процессы. — 2005. — № 1 (7). — <http://www.intertrends.ru/seventh/005.htm>

³⁶⁰ Comments of the Internet Governance Project on The Continued Transition of the Technical Coordination and Management of the Internet's Domain Name and Addressing System: Midterm Review of the Joint Project Agreement submitted to The National Telecommunications and Information Administration U.S. Department of Commerce — February 15, 2008 — <http://www.internetgovernance.org/pdf/IGP-JPA-08-comments.pdf>

Данный опыт показывает, что необходима такая модель сотрудничества, при которой решения (официальные документы, имеющие силу международного права) принимаются исключительно государствами, которые ответственны перед гражданами, обладают легитимностью, правосубъектностью и ресурсами, необходимыми для реализации достигнутых соглашений. В то же время мнение других акторов (в том числе и представителей НПО) должно быть услышано и принято во внимание.

В любом случае повышение роли и значения ММПО в XXI веке определяется не формами взаимодействия этих структур с государствами-членами, бизнес сообществом, различными НПО и другими международными акторами. Главная причина повышения значения ММПО в мировой политике заключается в том, что в условиях противоборства цивилизаций существенно возрастает роль коалиционного потенциала. В современную эпоху даже самые сильные государства мира в одиночку уже не в состоянии оказывать решающего влияния на международные отношения. Между тем, сейчас формирование коалиций, союзов и организаций происходит во многом по цивилизационному принципу.

Тенденция формирования широких военно-политических коалиций отчетливо проявилась в конце 90-х годов прошлого века, в ходе военных кампаний, предпринятых Западом в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии, а в 2014–2015 годах — на Украине. Застрельщиком создания этих коалиций выступали США. Однако в состав коалиций входили не только союзники США по НАТО, но и широкий круг «партнеров», которые участвовали в них на основании двусторонних соглашений и договоренностей.

К 2020 году завершится формирование и усиление цивилизационных центров силы в Китае, Индии, России, Латинской Америке, Индонезии, а также создание двух противостоящих друг другу центров силы исламской цивилизации. Общий процесс поляризации различных центров силы будет сопровождаться коалиционным строительством, которое к 2020 годам XXI века приведет:

- к созданию широкой коалиции по защите существующей финансово-экономической и военно-политической системы западной ЛЧЦ, с одной стороны, и коалиции, объединяющей другие ЛЧЦ, заинтересованных в изменении этой системы;

- вероятная форма таких коалиций будет со стороны Запада представлена в виде НАТО+ (ГТП и ТАП), а со стороны других ЛЧЦ — БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС.

Активность США в деле создания коалиций закономерна. В среднесрочной перспективе до 2021–2024 годов МО и соотношение сил во многом будут зависеть от того, насколько западной локальной цивилизации во главе с США удастся создать военно-политическую коалицию, способную нейтрализовать последствия быстрого развития других ЛЧЦ и новых мировых центров силы. Таким образом, коалиционная политика США становится их высшим политическим приоритетом.

При этом ключевым элементом этой политики является курс на максимальное расширение блока НАТО. По оценке Начальника Генерального Штаба ВС РФ В. Герасимова, общая численность вооруженных сил НАТО превысила сейчас 3,7 млн человек. А число

Матрица международно-общественных акторов, влияющих на формирование МО в настоящее время и на среднесрочную и долгосрочную перспективы

Подгруппы международных акторов	Состояние и влияние в н/в	Состояние и влияние в среднесрочной перспективе (до 2021–2022 гг.)	Состояние и влияние в долгосрочной перспективе (до 2045–2050 гг.)
Политические международные организации			
Экономические международные организации			
Военные международные организации			
Гуманитарные и пр. международные организации			

членов блока с 1999 года возросло на 12 стран, в то время как за весь период «холодной войны» их количество увеличилось только на 4 страны³⁶¹.

В этой связи очень важно попытаться взглянуть на всю картину формирования МО целиком, во взаимосвязи. Не бывает «чисто» политических или «чисто» военных международных организаций в принципе, но в условиях сетецентрической войны (или системного влияния) эта взаимосвязь становится политической и технологической. Если использовать аналогию с современным крупным авиалайнером, состоящим из 2 млн деталей, то нам, в конечном счете, важно не количество и даже качество этих деталей (каждая из которых очень важна), а куда этот самолет и за сколько времени долетит, сколько пассажиров он перевезет и какие последствия для внешнего мира (экологии и т. д.) будут получены.

³⁶¹ В Генштабе РФ назвали опасным расширение НАТО к границе России / Эл. ресурс: «РГ». 2015. 16 апреля / www.rg.ru

Глава VIII
Национализм
и религиозный
фундаментализм
как существенные
факторы современной
международной системы

В начале третьего тысячелетия процессы глобального развития, представлявшегося после окончания «холодной войны» как универсальное движение к «демократическому миру», стали характеризоваться все большей фрагментарностью политической эволюции различных стран и регионов. К числу важнейших факторов этой фрагментации относятся национализм и религиозный фундаментализм. Это явилось реакцией человечества на усиление процесса глобализации, что подхлестнуло противоположную мировую тенденцию, направленную против унификации и в пользу фрагментации мирового пространства. Данная реакция является следствием действия объективных факторов и поэтому является неотвратимым результатом процесса глобализации. Поэтому очевидные попытки правящих кругов США установить формальный и неформальный контроль над человеческими ресурсами в интересах «однополярного» мира, встретили мощное сопротивление в самых разных районах планеты.

В настоящее время национализм и религиозный фундаментализм выступают не только как идеологические, но и как политические проекты, пользующиеся широкой массовой поддержкой. Несмотря на большую вариативность конкретных проявлений и типологические различия своей природы, национализм и религиозный фундаментализм, в их политическом прочтении ориентируют сторонников на активную борьбу за власть, стремятся к созданию командных структур, альтернативных существующей системе властных отношений. В этой связи они становятся субъектами динамичных политических процессов.

С одной стороны, нестабильность режимов и государств, переживающих подъем националистических или фундаменталистских движений проецируется на региональный и международный уровень, как это, было, например, в случае с Югославией или Афганистаном. С другой стороны, особенно в контексте германского опыта тридцатых–сороковых годов XX века и современных лозун-

гов радикальных исламистов, существует реальная перспектива перехода ряда националистских и фундаменталистских движений к стратегии установления нового мирового порядка.

Строго говоря, возникновение политических движений на основе идей национализма или религиозного фундаментализма не является феноменом постбиполярного периода или реакцией на глобализацию. Примеры этих движений можно проследить в весьма отдаленном прошлом. Однако, в силу уникальной по своему характеру взаимозависимости всех сегментов современного мирового пространства, вызовы, которые создают националистические и фундаменталистские проекты, приобретают транснациональные последствия. Кроме того, в контексте распространения современных технологий и глобализации финансовых потоков, ресурсы националистических и фундаменталистских организаций возрастают, а риски, связанные с используемыми ими средствами, неизмеримо усиливаются даже по сравнению с недавним прошлым.

В настоящее время национальные и фундаменталистские движения получили распространение не только в регионах «Юга», но и «Севера», что позволяет рассматривать их как особый тип акторов, действующих на мировой арене, но обладающих различным потенциалом и различными перспективами. При этом следует оговориться, что ставить в один ряд национальные и фундаменталистские движения можно лишь при известной доле допущения. Их типологическая социальная общность относительна. Скорее это только «пересекающиеся» сущности, нередко конкурирующие в реальной политической жизни. Так главной ценностью, которую объективно стремится утвердить национализм, является создание национального (моноэтничного) государства, а для религиозного фундаментализма неизмеримо более важным представляется идеальное «царство бога», т. е. порядок бытия, определяемый не гражданскими, а теократическими правителями.

В этой связи национализм и фундаментализм обычно «сотрудничают» только на ранних стадиях своего зарождения, т. е. на фоне преимущественной политизации либо национальной, либо духовно-религиозной сферы жизни того или иного общества. В условиях общего роста протестного социального потенциала они могут активно поддерживать друг друга, как это часто происходило в истории антиколониальной борьбы, однако в даль-

нейшем, когда начинается процесс консолидации национального государства, их стратегии либо вообще резко расходятся (Турция, Египет, Алжир), либо один из массовых политических субъектов интегрируется другим (Афганистан). Пример длительного параллельного «сосуществования» национализма и фундаментализма, который представляет в настоящее время Пакистан, является скорее исключением из правил. Однако этот феномен консервирует неустойчивость институциональных основ политической жизни, слабость гражданских органов управления и, в конечном итоге, «продлевает жизнь» авторитарному политическому режиму.

В целом же политическая субъектность национализма и религиозного фундаментализма обусловлена существованием протестной социальной базы, но варьируется в зависимости от характеристик ее идентичности. Другими словами, националистические и фундаменталистские проекты в реальной политике отличаются друг от друга так же, как отличаются и их конечные цели — создание этнократического или теократического государства.

Тем не менее, современные националистические и фундаменталистские движения обладают рядом важных общих качеств, позволяющих определять их как новых акторов мировой политики. В основе большинства современных международных конфликтов в мире лежит или фундаментализм, или стремление к этнической самобытности, или смесь из этих двух вещей, т. е. этнофундаментализм³⁶². Влияя на страновую и международную среду, они провоцируют политические изменения, направленные либо на адаптацию сложившихся систем управления к различным вызовам (централизацию, дифференциацию, трансформацию), либо на адаптацию самих источников вызовов (подавление, фрагментацию, интеграцию) существующими властными структурами. Отношения, которые складываются в ходе конституционных реформ, миротворческих операций или смены политического режима неизменно формируют новую систему участия и новые интересы.

В «актив» националистов и религиозных фундаменталистов принято зачислять такие радикальные изменения на мировой арене как победа исламской революции в Иране, утверждение режима

³⁶² Бассам Тиби. Политизация религии.//Интернационале политик., № 2, 2000; Источник: <http://dddm.iatp.az/ddm/tibru.html>

талибов в Афганистане, распад Югославии и СССР. Конституционная реформа в Канаде 1983 года, расширение региональной автономии в Испании и Бельгии, повышение статуса парламента Шотландии, курс ЕС на поддержку прямых связей между внутренними регионами различных стран-членов, также как и европейская политика по предотвращению и урегулированию межнациональных конфликтов, отражают достаточно сложное переплетение превентивного и посткризисного реагирования на рост националистических движений в постиндустриальной зоне мира.

Многосторонние усилия по урегулированию масштабных этнополитических конфликтов в Африке, контекст борьбы с международным терроризмом на территории Афганистана, координация деятельности силовых структур стран-членов ШОС по ряду вопросов безопасности в Центральной Азии составляют лишь небольшую часть примеров противодействия агрессивным проявлениям субъектности национализма и религиозного фундаментализма в мировой политике.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что акторство националистических и фундаменталистских движений как в отечественной, так и зарубежной научной литературе не получило пока системного освещения. Определенные попытки оценить международные последствия современных этнонациональных конфликтов предпринимались в 90-е годы XX века, когда достаточно широко изучались конкретные примеры их влияния на региональную безопасность³⁶³. Но в большинстве случаев авторы стремились не выходить на уровень концептуальных заключений.

Сдвиг представлений наступил в начале нынешнего десятилетия, когда ряд исследователей акцентировали внимание на имманентной, но не антагонистической связи национализма с глобализацией³⁶⁴. Однако вопрос мирополитической субъектности на-

³⁶³ Ethnic nationalism and regional conflict: the former Soviet Union and Yugoslavia. Ed by W. Raymond Duncan and G.P. Holman. Boulder Univ. Press 1994, 218 p.; Reyan Stephen. Ethnic conflict and international relations., 1995, 286 p.; Lake D. and Rotshild D. (eds.). The International Spread of Ethnic Conflict. Princeton Univ. Press, 1998, 392 p.; Gurr Ted Robert. Peoples versus States: Minorities at Risk in the New Century. — Washington, 2000, 112 p.

³⁶⁴ Боришполец К.П. Национальное измерение «глобального» мира// Вестник МГУ, 2001, Сер. 18. № 1.

циональных движений в целом не ставился. Что касается изучения религиозных фундаменталистских движений, то представления об их международных аспектах остаются очень фрагментарными³⁶⁵.

Поэтому целесообразно уделить специальное внимание анализу характеристик современных национальных и религиозно-фундаменталистских движений, которые позволяют им влиять на универсальные политические процессы и выступать акторами мировой политики.

8.1. Национальные движения в международном контексте

События последнего десятилетия все более наглядно подтверждают, что мир вступил в период глобального подъема национализма. Распространение националистических настроений и движений, выступающих под националистическими лозунгами, стало характерной чертой политической жизни во многих странах ЕС, особенно таких крупных как Франция, Германия, Великобритания. Выборы 2014 года в Европейский парламент подтвердили, что сегодня сложилась устойчивая тенденция усиления национализма в региональном политическом развитии. Национализм стал очевидным элементом и электоральных процессов в Азии, где правящие партии Индии и Японии пришли к власти, активно прибегая к националистической риторике. Национализм постоянно присутствует и в политической жизни стран постсоветского пространства, включая Россию.

В каждом случае рост национализма обусловлен разными причинами. Но есть и некоторые общие основания:

³⁶⁵ Среди недавних интересных работ, затрагивающих эту связь: Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов. \\\ Восток-Orient, 2006, № 1, 5–25; Olivier Roy, Globalised Islam: The Search for a New Ummah, London, Hurst, 2004, 277 pp.; Al-Qaida's Jihad in Europe: The Afghan-Bosnian Network by Evan F. Kohlmann. Oxford, UK, 2004. 288 pp.; Quantian Wiktorowicz, Karl Kaltenthaler. Globalization and Diversification of Islamic Movements: three Turkish Cases \\\ Political Science Quarterly, Summer 2005, pp. 233–274.

- первая причина — мир переходит от однополярного миропо-
рядка к многополярному, при котором мобилизующие силы
полюсов и региональных акторов проецируют стремление к по-
вышению статуса «своего» в контексте универсальных моделей;
- вторая причина — отсутствие иных средств, возможностей
остановить массовую реакцию отторжения населением уста-
новок неолиберального космополитизма, идейного сопровож-
дения экономической глобализации и отрицания ценности
национального государства.

Представления о национальных движениях как одном из
важнейших участников мировых политических процессов сфор-
мировались в условиях борьбы за независимость народов коло-
ниальных владений Англии, Франции, Португалии и Испании,
и кризиса режима апартеида в Южной Африке. Начиная со второй
половины 60-х годов национальные движения активно изучаются
специалистами, получают все более разнообразное освещение³⁶⁶.

³⁶⁶ Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нация и национализм. — М., 2002; Альтерматт У. — Этонационализм в Европе. — М., 2000; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Лозанский Э.Д. Этнос и лоббизм в США. М., 2004; Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации. «Полис», 2003, №2. С. 96–111; Смит Э.Д. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. — М.: 2004, 459 с.; Malitza M. Ten Thousand Cultures, A Single Civilization // International Political Science Review (2000), Vol. 21, № 1; Taras R. Liberal and liberal Nationalismus. — New Orleans, 2002; Vincent A. Nationalism and Particularity. — Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2002; Gans Chaim. The Limits of Nationalism, Cambr. Univ Press, UK, 2003, 192 p.; Kukathas Ch. Nationalism and Multiculturalism. In: Gaus G. and Kukathas Ch. (eds.) Handbook of Political Theory, SAGE, London, 2004, 448 p.; Catt H. and Murphy. Sub-state Nationalism: a comparative analysis of institutional design. London, 2002; Castels St. (Ed.) Ethnicity and globalization: from migrant worker to transnational citizen., L., 2000; Engel Chr., Kellr K. (eds.); Governance of Global Networks in the Light of differing Local Values, Baden-Baden, 2000; Gelke A. (ed.) Democracy and Ethnic Conflict Advancing Peace in Deeply Divided Societies, Basingstoke, 2004; Smith A. Theories of Nationalism. London, 1971; Yochinodu Yamamoto. Globalism, Regionalism and Nationalism. \ Asia Search of its Role in the 21st Century, Oxford 1999, 260 p.; Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair by Adeed Davisha. Princeton NJ, Princeton University Press, 2003, 352 pp.; Greenfield Liah. The Spirit of Capitalism: Nationalism and Economic Growth. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. 541 p.;

Но итоги этого изучения не менее противоречивы, чем реальная действительность. Национальный компонент общественной жизни как развивающихся, так и развитых индустриальных стран очень вариативен по своим проявлениям.

Актуальность внимания к политизации национальных (а, точнее, этнонациональных) отношений и формированию на этой основе массовых общественных движений очевидна³⁶⁷. Подавляющее большинство современных государств полиэтничны по составу населения. Только 12 стран имеют более 90% жителей, которые представляют один этнос. При этом в мире существует примерно 300 очагов национальных конфликтов (т. е. национальных движений, достигших определенной зрелости и актуализирующих свои требования через спорадические или регулярные насильственные действия)³⁶⁸.

Однако только чуть более двадцати из этих «горячих точек» способны по своим масштабам оказать дестабилизирующее воздействие на международную безопасность регионального уровня.

Spenser Ph. and Wolman H. *Nationalism: a critical introduction*. London: Sage, 2002, 248 p.; McRoberts K. *Catalonia: nation building without a state*. Toronto: Oxford University Press, 2001, 264 p.; Snyder Jack. *From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict*. New York: W.W. Norton and Company, 2000. 384 p.; Vincent A. *Nationalism and Particularity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 300 p.; Essman M.J. and Herring R.J. *Carrots, Sticks and Ethnic Conflict: Rethinking Development Assistance* Ann Arbor; Univ. of Michigan Press, 2001, 272 p.; Sislin J. and Pearson F. *Arms and Ethnic Conflict*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2001, 224 p.; Fearon J. and Latin D. *Ethnicity, Insurgency and Civil War*. *American Political Science Review*, Vol. 97, No 1, February 2003; Charney Evan. *Identity and Liberal Nationalism*. *American Political Science Review*, Vol. 97, No 2, May 2003; *Ethnicity and nationalism in Africa: constructivist reflections and contemporary politics*, Ed by Paris Yeros, N-Y., 1999, 146 p.; *Nationalism. Critical Concepts in Political Science*. Ed by John Hutchinson and Anthony D. Smith. L and N-Y, 2000, V. 1-V; *Nationalism and Ethnic Conflict*. Ed by Nenad Miscevic. N-Y., 2000, 331 p.

³⁶⁷ Определенную трудность разработки проблематики составляет то, что среди специалистов нет единого понимания природы национальных движений. В ряде исследований национальные движения выступают как явление, тесно связанное с этничностью, в других эти понятия существенно различаются.

³⁶⁸ *Encyclopedia of Modern Ethnic Conflicts*. Ed. by Joseph R. Rudolph, Jr., L, 1999. — 430 p.

Вероятно, с учетом материалов исследований конца 90-х годов, где были проанализированы факторы, выступающие естественными преградами на пути эскалации национальных конфликтов³⁶⁹, реальный список национальных движений, обладающих актуальным или потенциальным акторством международного уровня даже еще более ограничен³⁷⁰.

В отличие от 70-х годов XX века современные национальные движения не расширяют зону противостояния военно-политических блоков, не несут прямой угрозы возникновения «эффекта домино» и только небольшое их число имеет шансы добиться государственной власти или изменения признанных международных границ. Неоднозначная ситуация, сложившаяся в связи с многолетней борьбой курдов за свою национальную государственность, отказ мирового сообщества от признания Турецкой Республики Кипр, противоречивые перспективы ситуации в Косово, Абхазии, Приднестровье и Южной Осетии, население которых высказалось на проведенных недавно референдумах за независимость, осложняют практику международного взаимодействия, но не блокируют сотрудничество между членами мирового сообщества.

Вместе с тем, как указывают многие исследователи, «национальный вопрос» связан с чрезвычайно широким спектром общественных и политических отношений³⁷¹. Его «встроенность» в административные, конфессиональные, культурные, личностные и многие другие области социального взаимодействия указывает не только на «живучесть» феномена в обозримом будущем, но и на способность к «качественным прорывам» в политической практике, переходу национальных проблем из относительно латентного состояния к роли важнейших стимулов массовой мобилизации. Поэтому рассмотрение акторства национальных движений должно предприниматься не только в связи с перспективами влияния на международную безопасность (непосредственными — как результат интернационализации этнического конфликта или косвенными,

³⁶⁹ Lake D. and Rotshild D.(eds.). The International Spread of Ethnic Conflict. Princeton Univ.Press, 1998, 392 p.;

³⁷⁰ См.: Encyclopedia of Modern Ethnic Conflicts... подробно рассматриваются 22 межнациональных конфликта.

³⁷¹ Альтерматт У. — Этонационализм в Европе. М., 2000.

вследствие дестабилизации или развала конкретного государства), но и в более широком социальном контексте: расширения миграционных потоков, интернационализации бизнеса, деятельности этнических лобби, сотрудничества представителей национальных движений с международными криминальными группировками и некоторыми другими.

Каждое национальное движение содержит в своей идейной программе гражданские и этнические элементы, которые представлены в разной степени и в разных формах³⁷². Однако наиболее распространенная типология современных национальных движений основана на характере их требований: сепаратистские (направленные на отделение от существующего государства), реформаторские (имеющие целью придать более национальный характер уже существующему государству) и ирредентистские (направленные на объединение нескольких государств или присоединение части одного государства к другому). Каждый из этих типов в свою очередь подразделяется в зависимости от того, идет ли речь о движении «против», или в поддержку уже сложившегося национального государства (государств) или о донациональных формах государственности (империя, совокупность разобщенных княжеств и т. д.)³⁷³.

Но, несмотря на широкое разнообразие программных установок современных националистических движений, их главное содержание неизменно ориентирует на признание абсолютного приоритета этнических связей над другими типами социальных отношений. Обычно их основное требование проявляется как призыв к политическому оформлению нации, создания независимого государства. Вторым типичным для всех моментом выступает отношение к общественному статусу и распределению материальных благ в обществе. Третьим элементом программных требований, который, как правило, сформулирован либо радикально, либо крайне туманно, — методы борьбы за изменение существующего положения дел (насильственные или ненасильственные, роль внешних сил в лице международных организаций, отдельных членов мирового сообщества и т. д.).

³⁷² Smith A. *The Ethnic Origin of Nation*. Oxford, 1986. P. 146.

³⁷³ Breuilly J. *Nationalism and the State*. Manchester, 1982. P. 11.

Таким образом, национальные движения опираются как на идеологическое понимание природы общества, так и на рефлексии по поводу экономического прогресса. Третий (деятельностный и собственно акторский) компонент определяется с одной стороны радикализмом идеологии, а с другой — личностными характеристиками лидеров, протестным потенциалом населения, государственной системой. Однако однозначно оценить отношение идейных, материальных и персональных стимулов формирования национальных движений трудно.

Англо-американские авторы, рассматривающие вопросы преодоления напряженности этнополитической ситуации, в основном исходят из возможности совершенствования общественного уклада путем создания рыночной экономики, считая, что в рамках либеральных экономических систем национальные движения выражены намного слабее, чем в авторитарных обществах. В то же время, пример автономистских движений басков и каталонцев в Испании, а также ситуация в ряде стран Африки, Восточной Европы и СНГ доказывает обратное.

Националистические движения демонстрируют высокую активность, которая особенно усилилась с началом демократического транзита. Характерно, что политические движения под националистическими лозунгами возникают не только среди групп населения, находящимися в худшем, по сравнению с другими экономическом положении, но, среди тех (как, например хорватов и словенцев), которые живут лучше, чем их сограждане. Роль культурных и религиозных различий, статусных стереотипов, исторических мифов, т. е. факторов, попавших в фокус внимания исследователей при рассмотрении конфликтов нового поколения, также носит во многом ситуативный характер.

Примечательно, что в зарубежном дискурсе существует значительное число подходов к анализу идейной составляющей национализма. Часто утверждается, что с либеральной моделью общественного развития совместимы лишь «гражданский», а не «этнический»; «культурный», а не «политический» смысл националистической доктрины. Обычно такие противопоставления предлагаются исключительно в контексте отсылок к опыту развитых индустриальных стран, т. н. «первичной модернизации» (см., например, работы Г. Кона, Х. Сетона-Уотсона, Л. Гринфельд

и др.), в которых, по мнению Г. Кона, национализм способствовал личной свободе и процветанию человечества, но теперь он подрывает их и подчиняет целям своего собственного существования, которое уже не представляется оправданным, тем более, что теперь он может стать серьезной угрозой на пути гуманизма.

В этой связи, описание исторической эволюции национализма, в западных исследованиях обычно подразумевало, что в постбиполярный период национализм стал идеологией, утратившей связь с идеями национального освобождения и социального прогресса и апеллирует главным образом к традиции³⁷⁴. Однако, при внимательном рассмотрении, такая оценка содержания национализма остается лишь очередной идеологемой и не выдерживает испытание практикой.

Радикальная позиция США и других западных держав в вопросе поддержки албанских сепаратистов Косово при столь же радикальном отрицании права народов Крыма, Юго-Востока Украины, Абхазии, Приднестровья, Южной Осетии, Нагорного Карабаха и ряда других регионов мира на самоопределение, со всей очевидностью выстраиваются не в соответствии с либеральными представлениями, а с конкретными политическими интересами, причем интересами, вступающими в явное противоречие с принципами международного права и демократии. Народы, добившиеся самоопределения, будь-то путем референдума, или в ходе вооруженной борьбы, не могут быть «возвращены» под управление властей, против которых они выступали.

В настоящее время мы можем наблюдать несколько десятков латентных и актуализированных конфликтов на национальной почве в самых различных регионах мира, в том числе и странах «первичной» модернизации, т. е. развитых индустриальных обществах. И далеко не все из них деструктивны по своим установкам и последствиям. При характеристике политического потенциала большого числа этих точек локальной (внутристрановой) и международной напряженности скорее следует применить подход из области классической теории конфликтов, утверждающей, что насильственные столкновения, свидетельствуют, во-первых, о накоплении ими недостатков в рамках конкретных общественных

³⁷⁴ Баранов Н. Национализм как идеология. http://nicbar.ru/ideologii_14.htm

систем, а, во-вторых, о перспективах установления нового, более справедливого и совершенного порядка вещей, позволяющего в большей степени, чем до возникновения конфликта, соотносить общественное бытие с идеалами гуманизма и прав человека.

В этой связи представляется, что современные движения, выступающие под лозунгами национального самоопределения, за отделение от государства, в котором их приверженцы составляют этническое меньшинство, нецелесообразно рассматривать априори как врага цивилизованного общества и международной безопасности. Необходим конкретный анализ конкретной ситуации. Однако наличие латентных или актуализированных проявлений национализма неизменно представляет собой комплекс политических рисков, которые далеко не во всех случаях удастся преодолевать цивилизованным путем, посредством переговоров, политических реформ и кадровых инициатив.

В сфере политической практики существуют различные модели поведения национальных движений, получивших массовую поддержку, но характеризующихся разными стратегическими целями и по-разному выстраивающими отношения с социальной средой. Их стратегические и тактические установки определяются стремлением к созданию самостоятельного государства, расширению прав коренного населения или региональной автономии, улучшению положения мигрантов, защите интересов представителей титульных национальных групп в условиях растущей иммиграции. Динамика политизации этничности и массовой мобилизации во всех этих случаях различна, но общим моментом является ориентация основной части лидеров движений на расширение противостояния с политическими оппонентами в рамках самих национальных групп и за ее пределами³⁷⁵.

Однако вызовы, которые национальные движения как акторы создают политическим системам странового и международного уровня, не всегда превращаются в риски радикального изменения статус-кво. Опыт изучения этнополитических конфликтов нового

³⁷⁵ Snyder J. From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. New York: W.W. Norton and Company, 2000; Gelke A. (ed.); Gurr Ted Robert. Peoples Versus States: Minorities at Risk in the New Century. — Washington, DC: US Institute of a Peace Press, 2000; Democracy and ethnic Conflict Advancing Peace in Deeply Divided Societies. — Basingstoke, 2004.

поколения в теоретическом и в практическом плане существенно углубил представления об их динамике. На значительном эмпирическом материале авторитетные исследователи показали, что не каждый конфликт на национальной почве способен провоцировать эффект цепной реакции и сдерживается как объективными причинами, так и целенаправленными политическими усилиями противников националистических движений в лице централизованного государства, конкурирующих национальных или универсалистских религиозных организаций, а в трансграничном формате, для разделенных этносов, большую роль играют факторы традиционного субэтнического деления. Важным моментом выступает также и реакция мирового сообщества, перспективы получения признания на международной арене, которые сокращаются для группировок, действующих в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН³⁷⁶.

Реалии постбиополярного развития вряд ли целесообразно рассматривать как «конец истории» национальных движений или окончательный кризис их силовой стратегии. Перспективы назревающих гуманитарных кризисов, к которым буквально «предрасположены» именно те общества, где существует напряженность межнациональных отношений, и где находят свою политическую нишу радикальные национальные движения, опровергает надежды, что потенциальные «горячие точки» останутся в латентном состоянии десятки лет. Другими словами, национальные движения, независимо от форматов — радикальные политические партии, или только еще делающие первые шаги группировки, выступающие под этническими лозунгами, меняют на наших глазах картину мира, заметно подрывая стабильность международной системы.

Другая, также крайне неоднозначная по своим мирополитическим последствиям область проявления акторства национальных движений формируется в связи с международными усилиями по преодолению прямых последствий этнополитических/национальных конфликтов. Реакция членов мирового сообщества на конфликты «нового поколения», т. е. конфликтов, генерируемых в своем большинстве этнополитическими противоречиями, де-факто меняет смысл применения многих принципов международного права.

³⁷⁶ Jenonne Walker. International Mediaion of Ethnic Conflicts. In: The International Spread of Ethnic Conflict, pp. 165–180.

Можно указать на такие проблемы, которые служат постоянным предметом дискуссий международного уровня, как разработка правовых норм, отражающих, например, потребности превентивного регулирования межнациональных столкновений, преодоления противоречия между правом народа на национальное самоопределение и защитой территориальной целостности государств, совершенствования практики многосторонних институтов по урегулированию конфликтов идентичности, расширения участия бизнеса в социальных программах развития многонациональных социумов.

Позитивных ответов на эти вызовы у мирового сообщества пока практически нет. Международное миротворчество, причем часто неотличимое от простого внешнего вмешательства, в некоторых случаях прекращает, но в большинстве ситуаций не ведет к урегулированию конфликтов с элементами межнациональных противоречий. А такие примеры, как Ближний Восток, Косово или Украина демонстрируют возможности возникновения самых серьезных международных кризисов с трудно преодолимыми последствиями для международной безопасности. Сомали, Ирак, Афганистан, Ливия также являются примерами сравнительно «легкого» разрушения многонациональных государств, но фактической невозможности вернуть их из состояния хаоса и национального разобщения к нормальной гражданской жизни.

Происходит умножение «горячих точек» мирового пространства, где локальные этнополитические силы оказывают активное сопротивление всем местным (внутренним) и иностранным (внешним) инициативам по восстановлению связей с международной системой, что усиливает процессы ее эрозии. Разумеется, взявшие за оружие ливийские племена или афганские пуштуны, воюющие друг с другом и с миротворцами сомалийские кланы не стремились к такому результату. Просто в XXI веке национальный фактор локального уровня все чаще становится средством проведения стратегии США по созданию однополярного, в политическом и цивилизационном плане, мира, расширения контроля в зоне развивающихся стран. А существенное снижение международной безопасности в ряде регионов, воспринимается американскими стратегами как «допустимые издержки». В рамках таких подходов локальный этнонационализм превращается в союзника США в деле активного разрушения современного мирового порядка.

8.1.1. Националистические вызовы: координаты точек риска

На основании авторитетной справочной информации их номенклатура охватывает несколько сотен актуальных и локальных очагов этнополитической напряженности, существующих практически на всех континентах. Акторами, активными движущими силами ситуации, выступают, достаточно многочисленные, хотя и разнообразные по масштабам, составу и целям национальные движения. В отечественном дискурсе под этим термином обычно обозначают общественные или народные движения, ставящие своей целью освобождение населения какой-либо страны от иностранного господства или политическое объединение отдельных частей нации, раздробленной между несколькими государствами.

Однако во второй половине XX века и до настоящего времени определение «национальное движение» все чаще используется применительно к группировкам, действующим от имени одной из этнических групп населения суверенного государства, которые, как правило, стремятся к его расколу и лишь в отдельных случаях готовы согласиться с предоставлением территориальной автономии в составе федерации. Согласно экспертным оценкам, в мире насчитывается более 50 основных очагов сепаратизма с населением около четверти миллиарда человек. В географическом плане их распространение достаточно универсально, причем в 20 районах сепаратистских движений, апеллирующих к национальной идентичности сторонников, конфликты носят вооруженный характер и длятся на протяжении жизни минимум двух-трех поколений.

Национальные движения могут действовать как самостоятельные участники политической/вооруженной борьбы, либо вступать в различные коалиции. Сравнительно новым явлением является деятельность нескольких международных альянсов в статусе МНПО, призванных повысить влияние политических организаций, выступающих от имени национальных меньшинств, реже внутренних регионов, против центральных властей в десятках государств и одновременно поддерживать неформальную управляемость этих группировок.

К числу таких организаций относятся, в частности, «Организация наций и народов, не имеющих представительства» «Unrepresented Nations and Peoples Organization (UNPO)»³⁷⁷. Еще одним примером МНПО, стремящимся объединить активистов национальных движений является «Европейский Свободный Альянс» «European Free Alliance (EFA)»³⁷⁸.

Каковы правовые основания для урегулирования этнополитических конфликтов? Есть ли надежда, что ненасильственные подходы позволят на этапе 2025 и 2050 годов снизить уровень международной напряженности за счет преодоления вызовов, исходящих от национальных движений как акторов мировой политики?

8.1.2. Национальное самоопределение versus территориальная целостность государств как дилемма мирового сообщества

Право на самоопределение — один из общепризнанных принципов международного права, получил признание в процессе распада колониальной системы в первой статье Устава ООН (1945)³⁷⁹, а затем в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам (Рез. № 1514 XV ГА ООН, 14.12.1960)³⁸⁰, и последующих документах универсального значения: первой статье Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и первой статье Международного пакта о гражданских и политических правах (16.12.1966)³⁸¹, в Декларации о принципах международного права (24.10.1970), Хельсинкском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975), Итоговом документе Венской встречи (1986), документе Копенгагенского совещания Конферен-

³⁷⁷ <http://unpo.org/>

³⁷⁸ <http://www.e-f-a.org/home>

³⁷⁹ <http://www.un.org/ru/documents/charter/>,

³⁸⁰ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам UN General Assembly Resolution 1514 (XV), 947th plenary meeting, December 14, 1960.

³⁸¹ http://www.medialaw.ru/laws/other_laws/european/pakt-gr-polit-pr.htm

ции по человеческому измерению СБСЕ 1990 года и неоднократно подтверждался в других международно-правовых актах.

Вместе с тем международная политическая практика неоднократно сталкивалась с коллизиями, связанными с противоречиями между правом на самоопределение и другим основополагающим принципом мирового сообщества — принципом территориальной целостности государств. Разрешения этих коллизий всегда являются крайне болезненным вопросом мировой политики, поскольку порядок урегулирования конфликтов, возникающих между центральными властями государств и движениями, выступающими под лозунгами национальной (региональной) независимости, автономизации и т. д. всегда разрешается ситуативно. Поиск его форматов обычно очень продолжителен и происходит на фоне эскалации вооруженного насилия с обеих конфликтующих сторон.

В первые десятилетия постбиполярного периода в исследованиях, посвященных коллизии двух основополагающих принципов международного права, акцент стал смещаться в сторону признания большей значимости принципа территориальной целостности, хотя сохранялось также мнение, что этот принцип направлен исключительно на защиту государства от внешней агрессии, поскольку его формулировка в п. 4 ст. 2 Устава ООН гласит, что «Все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или её применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединённых Наций»³⁸², и в Декларации о принципах международного права: «Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны»³⁸³.

Компромиссным для сближения различных представлений выступало заключение, что принцип территориальной целостности

³⁸² <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml>

³⁸³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании ГА ООН). UN General Assembly Resolution 2200 (XXI), 1496th plenary meeting, December 16, 1966.

неприменим к государствам, не обеспечивающим равноправие проживающих в нём народов и не допускающим свободное самоопределение таких народов. Однако попытки трансформировать интеллектуальные усилия в практические рекомендации по системному пересмотру основ международного права можно определить скорее как показательные, чем успешные. 4 октября 2011 года на заседании ПАСЕ в Страсбурге была принята резолюция № 1832, согласно которой «право этнических меньшинств на самоопределение не предусматривает автоматического права на отделение» и что «в первую очередь должно быть реализовано методом защиты прав меньшинств, как то означено в Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств и в резолюции Ассамблеи № 1334 (2003) о положительном опыте автономных регионов как стимула для разрешения конфликтов в Европе». Таким образом эти положения реализуются политикой режима П. Порошенко, и как структуры ПАСЕ побуждают правительство радикальных националистов А. Яценюка использовать европейские ценности, оказывая разнообразную поддержку т. н. антитеррористической операции в юго-восточных районах Украины, и не замечают преступлений украинских вооруженных сил против человечности, не нуждается в дополнительных пояснениях.

Особую группу вызовов для мировой политики создают национальные движения, одержавшие важные успехи в обретении независимости своих народов и сумевшие возглавить создание государств, которые, однако, не получили международного признания, и которые принято определять, как непризнанные или частично признанные государства. Непризнанные государства могут характеризоваться другими международными акторами как сепаратистские образования, отколовшиеся регионы либо оккупированные территории. Точно такие же характеристики получают и частично признанные государства от тех стран и организаций, которые не поддерживают их независимый статус.

Непризнанные государства являются объективной реальностью современной международной системы и не только подчеркивают несовершенство ее механизмов регулирования, но и усиливают элемент непредсказуемости развития в сфере безопасности. Непризнанные государства длительное время существуют в условиях замороженных конфликтов, в которые вовлечены многие внешние

участники, включая региональные и великие державы. Множественность внешних интересов, сфокусированных в зонах таких замороженных конфликтов препятствует нормализации жизни населения и постоянно генерирует новые угрозы вооруженного противостояния. Что будет в случае силового подавления непризнанных государств, их насильственного возвращения в систему государственного управления, связи с которой они разорвали самым драматическим образом?

Не вызывает сомнения, что последствия будут самыми печальными: расстрелы представителей силовых структур, репрессии против политических активистов и членов их семей, жесткое отношение ко всему «мятежному» населению. Примеров подавления восставших народов в современной истории немало. «В 1987–1988 годах Саддам Хусейн предпринял „чистку“ Курдистана, известную как операция „Анфаль“. 182 тыс. курдов было вывезено на армейских грузовиках и уничтожено, еще 700 тыс. депортировано из Курдистана в особые лагеря; к 1991 году из 5 тыс. населенных пунктов в Курдистане было уничтожено 4,5 тыс. Деревни и небольшие городки сносились бульдозерами; для того чтобы сделать среду непригодной для обитания, вырубались леса и бетонировались колодцы»³⁸⁴.

Другой пример уже на европейской почве это «зачистка» Сербской Краины — части территории Хорватии, населенной этническими сербами. После поражения сербов в гражданской войне, хорваты изгнали жителей Краины из мест их традиционного проживания, до 250 тыс. человек вынуждено было бежать из региона. И ни одна западная страна не призвала к предоставлению культурной автономии сербскому населению. Вероятно, что в случае поражения ЛНР и ДНР украинский юго-восток ожидает такая же судьба, учитывая стремление киевских властей к построению этнократического, монокультурного государства, опору украинского режима на ультранационалистов фашистского толка.

Однако дилемма: национальное самоопределение versus территориальная целостность государств не обязательно находит решение в формате замороженных конфликтов с неопределенными перспективами их мирного урегулирования. В XXI веке к мировому

³⁸⁴ <http://expert.ru/expert/2014/24/myi-ih-ne-brosim/>

сообществу присоединилось четыре страны, возникших как результат деятельности национальных движений: Восточный Тимор (2002), Черногория (2006), Кюрасао и Сент-Мартен (2010), Южный Судан (2011). Финальная точка пока не поставлена в деле международного признания Косова. Она не поставлена также в отношении таких государств на постсоветском пространстве как Республика Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика, Приднестровская Молдавская Республика и Республика Южная Осетия.

8.1.3. Подъем национализма в странах Европы: локальные акторы и глобальные последствия

Рост националистических движений в странах западной Европы, происходящий на фоне процессов региональной интеграции, стал достаточно неожиданным явлением начала XXI века. Партия Марин Ле Пен во Франции, Партия финнов в Финляндии, Партия свободы в Нидерландах и Партия независимости в Великобритании еще сравнительно недавно считались маргинальными игроками политической жизни, но теперь становятся серьезными конкурентами правящих либеральных партий, а ирландские, каталонские, шотландские, баскские, корсиканские и другие менее известные группировки националистов, последовательно расширяют свою массовую базу.

Хотя еще ни в одной западноевропейской стране национал-радикалы не захватили власть, они сформировали своеобразную «дорожную карту» для активизации борьбы за умы и сердца европейских граждан, недовольных правительственной политикой, «подавляющей титульную идентичность», «не способной противостоять наплыву мигрантов» и «следующей в фарватере США». Если учесть динамику вхождения националистов в большую европейскую политику, то уже в среднесрочной перспективе Евросоюз должен будет серьезно пересматривать свои принципы, повышая статус не наднациональных органов региональной интеграции, а роль структур, представляющих национальные интересы стран-членов ЕС, требования различных националистических партий, которые звучат с общеевропейской трибуны.

В 2015 году масштабы националистических настроений в Европе, безусловно, значительно выше, чем на этапе «до финансового кризиса». Они обострились не только в тех странах, по которым кризис ударил сильнее всего, например, в Греции или Венгрии, но и там, где, последствия были не столь драматическими — например, в Шотландии, Каталонии, Нидерландах, Финляндии. Оценивая современный европейский национализм, можно констатировать, что общий экономический знаменатель является при формировании националистического тренда политики не более чем условной величиной.

Строго говоря, современный европейский национализм, или в более точной терминологии — национализм в странах Европы, начал свое восхождение к власти еще в последней четверти XX века. Интересна панорама процесса, развернутая международной группой исследователей под руководством Яна Эгберта в книге «Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств»³⁸⁵. Согласно материалам ученых, после крушения коммунизма в Восточной Европе можно было насчитать более 200 национальных движений, действовавших в 70 территориальных единицах различного уровня, а возродившееся в середине 1980-х гг. этнонациональное сознание послужило причиной того, что, после 1990 года в течение лишь 17 месяцев на европейском континенте появились 17 новых государств. Участники проекта не сомневаются в том, что с завершением «холодной войны» Европа вступила в полосу нового подъема национализма³⁸⁶.

Расколы и распады государств, стали характерной особенностью постбиполярной эпохи во всех частях Европы. «Подавляющее большинство всех 44 государств региона, а именно 33, существуют благодаря национально-мотивированному сецессионизму во имя независимости...»³⁸⁷ И, хотя сегодня каждое из западноевропейских государств, за исключением Боснии и Герцеговины, располагает абсолютным этническим большинством, среди них почти нет этнически гомогенных стран. Но многонациональный состав населения

³⁸⁵ Эгберт Я. «Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств» / РОССПЭН, 2010. М. : — 431 с.

³⁸⁶ <http://www.rosspen.ru/news/view/id/459/>

³⁸⁷ Т.е. образовались из различных фрагментов больших и малых этнонациональных групп (прим. К. Боришполец).

требует от политических власти особой осмотрительности; процесс национального строительства, неизбежно идущий в подобных странах, должен уравниваться формированием гражданской нации, объединяющей население вопреки этническим барьерам»³⁸⁸.

Однако оптимистические ожидания и соответствующие позитивные сценарии национальной интеграции стран Европы являются в своей основе малореалистичными. Прежде всего, необходимо учитывать тенденцию радикализации националистических движений, ужесточения лозунгов ксенофобии и политической нетерпимости. Об этом свидетельствуют материалы Международного правозащитного движения «Мир без нацизма» — «Белая книга нацизма» за 2012 год, проводившего в сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии РАН и Центром по изучению ксенофобии и антисемитизма при Техническом университете Берлина мониторинг по 18 странам Европы.³⁸⁹ Самые высокие рейтинговые баллы были отмечены в таких странах, как Греция, Эстония, Латвия, Украина, Венгрия, Литва, Молдова, Болгария, Румыния, Франция. Эксперты по-разному объясняют причины национального радикализма, который за последние три года существенно усилился и в странах, не вошедших в число лидеров оценочных рейтингов 2012 года.

Наблюдается ухудшение массового отношения европейцев к структурам ЕС, действиям евробюрократии, диктующим народам Европы нормы не только социальной, но и буквальном смысле «антисоциальной» жизни, заставляющих принимать все агрессивные проявления различных субкультур как неотъемлемый элемент демократии. В то же время немецкая, французская

³⁸⁸ Эгберт Я «Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств»/ РОССПЭН, 2010. М. : РОССПЭН, 2010. С. 58.

³⁸⁹ В основу исследования была положена методика совокупного анализа проявлений неонацизма и радикального национализма применительно к факторам общественной стабильности/разрушения стабильности в каждом отдельном государстве. Анализу была подвергнута законодательная база на момент проведения мониторинга, правоприменительная практика в отношении меньшинств, проявления расизма и нетерпимости, а также их правовые последствия, уровень ксенофобии в обществе, политические программы и деятельность радикально-националистических партий и групп, международные факторы и многое другое (всего 14 критериев).

и иные национальные идентичности сопротивляются проекту построения «европейской нации» через ослабление национальных государств и идентичностей, который проводит в жизнь ряд деятелей внутри ЕС.

Значительную роль в подъеме националистических настроений в Европе играет государственная политика Германии. Позиция правительства А. Меркель в отношении установления в Еврозоне режима жесткой бюджетной экономии и попытки перейти от принятой в период после Второй мировой войны военно-оборонительной стратегии к военно-интервенционистской (афганский опыт Бундесвера, политика в украинском вопросе), заявление, сделанное председателем внешнеполитического комитета Бундестага, К. Реттгеном о том, что «от Германии ждут лидерства», вызывают настороженность во многих странах Европы, усиливают опасения превращения Германии в доминирующий центр региональной европейской политики.

Радикализацию локальных национальных движений крупных европейских странах стимулируют и проблемы, связанные с адаптацией большой массы мигрантов, прибывающей на континент легальным и нелегальным путем, создающей все более ощутимую нагрузку на социальные статьи бюджетов и формирующей иную культурные анклавы. По данным Еврокомиссии, в 2012 г. в странах Евросоюза на легальных основаниях проживали 34 млн иностранцев (порядка 7% населения), из которых около 21 млн человек (4,1%) были гражданами государств, не входящих в ЕС.

Здесь наблюдается сильнейшее расхождение в оценках. Так, сторонники толерантного отношения к иммигрантам считают, что уровень в 4,1% является сравнительно невысоким, а потому тезис «о засилье иностранцев» не отражает действительность. Аргументы оппонентов сводятся к нескольким пунктам. Во-первых, статистика оперирует только официальными данными, не учитывает нелегальных иммигрантов, количество которых, непрерывно возрастает. Во-вторых, иммигранты, как правило, более энергичные люди, поэтому простой арифметический подход к оценке их веса в обществе принимающей страны не вполне корректен. И, в-третьих, приезжие не проживают равномерно по всему Евросоюзу, а концентрируются в наиболее развитых государствах. Так, на пять крупнейших членов ЕС — Германию, Францию, Великобританию,

Италию и Испанию — приходится 78% (свыше 16,2 млн) всех легально живущих в ЕС иностранцев, не являющихся гражданами Евросоюза. Одновременно в семи странах проживают менее 230 тыс. иностранцев, что составляет лишь 0,1% их общего числа (см. таблицу 8.1).

Таким образом, ситуация достаточно сложная и оставляет простор для политических спекуляций и распространения в Европе националистических и ксенофобских настроений. Вместе с тем нельзя игнорировать и законное беспокойство европейской общественности, вызванное плохо контролируемой нелегальной иммиграцией.

Пессимизм в отношении перспектив преодоления последствий подъема национализма в Европе усиливается и в связи с неудачными попытками правящих кругов принять адекватную стратегию управления многонациональным обществом своих стран. Здесь можно выделить комплекс мер, направленных на управление национализмом «снизу», т. е. проведения современным государством политики мультикультурализма. Однако, начиная с 2011 года, лидеры Германии, Франции и ряда других стран вынуждены были признать провал мультикультурализма как формата интеграции иммигрантов в европейское общество. Новой комплексной политики, ни на национальном, ни на региональном уровне, пока не выработано.

Однако и ответ на вопрос, что должно стать политико-правовыми скрепами общества вряд ли будет найден. «Мультикультурализм без берегов» не сочетается с классическим либерализмом, он неизбежно предполагает, по крайней мере, частичное делегирование как личной, так и правовой, юридической ответственности группе, в которую входит индивид. Но все большую критику вызывает бюрократизация государственной политики в области национальных отношений, попытки строить управление национализмом «сверху», игнорируя локальный опыт и инициативы на местах.

Негативные оценки получила, в частности, модель регулирования, которую власти стремятся проводить на основании принятой 24.09.2014 г. СБ ООН резолюции 2178. Она закрепляет на международном уровне британскую и нидерландскую модель предотвращения терроризма, в которой центральная роль в работе

Таблица 8.1. Доля легально проживающих иностранцев (не граждан ЕС) в населении стран — членов Евросоюза (официальные данные на 2012 г.)

Страна	Число иностранцев	Доля иностранцев (%)
ЕС-27	20 709 900	4,1
Латвия	326 200	16,0
Эстония	192 200	14,6
Кипр	64 100	7,4
Греция	824 200	7,3
Испания	3 207 600	6,9
Австрия	565 000	6,7
Люксембург	31 200	5,9
Германия	4 665 000	5,7
Италия	3 375 400	5,6
Бельгия	446 300	4,0
Дания	223 800	4,0
Словения	79 500	3,9
Швеция	370 100	3,9
Великобритания	2 458 200	3,9
Франция	2 505 200	3,8
Португалия	331 100	3,1
Чехия	271 700	2,6
Ирландия	99 100	2,2
Финляндия	113 400	2,1
Нидерланды	336 900	2,0
Венгрия	79 700	0,8
Литва	17 600	0,6
Болгария	31 100	0,4
Хорватия	15 600	0,3
Словакия	16 700	0,3
Польша	39 000	0,1
Румыния	29 500	0,1

Источник: Eurostat. — <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/>

с инокультурным населением на местах отводится силам полиции. Новая модель пока что совершенно не доказала свою эффективность даже в масштабе двух стран, и может быть использована для установления полицейского произвола в отношении мигрантов, что дало основания окрестить новый курс, как «полицейский мультикультурализм».

Динамика национальных движений в странах Европейского континента очень вариативна. Но нарастание националистических вызовов, исходящих как собственно от политических движений, выступающих под лозунгами сепаратизма, независимости или хотя бы даже автономии, дополняется реакцией отторжения, провоцируемой стратегией некоторых крупных европейских стран в контексте интеграционных процессов. Неравномерность развития в европейском регионе усиливается, и все современные форматы обособления имеют глобальную проекцию: архитектура мировой системы в одном из ее наиболее индустриально развитых сегментов будет все более ощутимо меняться в период 2025 и 2050 гг.

8.1.4. Новые государства, которые могут появиться на карте Европы к 2025 году

Вектор движения к «Большой Европе», декларированный в феврале 2015 г. «нормандской четверкой» на встрече в Минске, подразумевает построение общего гуманитарного и экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока». По мере практической реализации этого проекта неизбежно возникнет проблема преодоления вызовов сепаратизма, которые усиливаются в целом ряде европейских государств. Станут ли локальные националистические движения, выступающие под лозунгами самоопределения «своих» территорий, акторами радикального изменения границ на карте Европы», может продемонстрировать уже ближайшее будущее.

В Испании уже целые регионы управляются политиками, демонстрирующими стремление к большей независимости от Мадрида. Странники отделения от центра сильны, прежде всего, в Каталонии и в Стране Басков. Но их политические позиции укрепляются в Галисии, Андалусии, Валенсии и на Канарских островах.

Каталония

В числе главных доводов в пользу своей независимости от Испании каталонцы называют культурные и языковые различия с остальными подданными короны. Каталонцы очень гордятся этими различиями, старательно подчеркивая, что являются испанцами лишь отчасти, а все предпринимавшиеся в истории попытки их «испанизации» оканчивались неудачей.

С 1978 года Каталония существует в виде автономного сообщества — одного из 17 регионов Испании, имеющих собственные правительство и парламент. Однако по сравнению с остальными областями каталонцы гораздо более самостоятельны: большинство сфер общественной жизни, начиная от образования и заканчивая судами и полицией, находится в их руках. Однако регион лишен права распоряжаться своими доходами, и все налоговые поступления направляются в общую государственную казну. Будучи одной из наиболее процветающих областей Испании, Каталония регулярно становится донором менее благополучных соседей, и все большее число жителей региона уверены, что, став гражданами отдельного от Испании государства, они существенно повысят свое благосостояние.

Всплеск сепаратистских настроений в Каталонии спровоцировала неудачная попытка ее властей добиться правового оформления региональных привилегий. В 2010 году, когда Конституционный суд Испании вернул принятую четыремя годами ранее новую версию каталонского регионального статута (конституции). Одновременно суд отменил привилегированное положение каталонского языка и отобрал у региона налоговую автономию. С тех пор число сторонников независимости от Испании в Каталонии постоянно росло.

Сепаратистские настроения подогревались и националистической риторикой Артура Маса, возглавившего региональное правительство в 2010 году. Под его руководством каталонские власти не раз заводили разговор о референдуме и даже приняли символическую декларацию о независимости. Однако все инициативы националистов пресекали в Мадриде: центральные власти опасаются, что, позволив отсоединиться одному региону, они спровоцируют развал всего государства.

Сторонники независимости Каталонии намерены отделиться от Испании, но хотят при этом остаться в Евросоюзе и сохранить

в качестве валюты евро. Опросы показывают, что численность каталонцев, выступающих за отделение, упадет до 37%, если при этом им придется покинуть ЕС. Еще одним немаловажным препятствием на пути независимости может стать экономика. Хотя каталонская экономика составляет 19% ВВП Испании и обладает высокой степенью самодостаточности, но некоторые крупные компаний уже заявили, что в случае объявления независимости уйдут из региона и, следовательно, возможности сохранить экономическое благополучие у региона сократятся.

Тем не менее, более 80% участников опроса, который состоялся в Каталонии 9 ноября 2014 г., поддержали отделение этой культурно-исторической области от Испании. Состоявшееся событие многие приравнивают к полноценному референдуму. Но все-таки это еще не полноценный правовой акт, а только активизация политического торга региональных каталонских и центральных испанских властей, хотя результаты мирного волеизъявления каталонцев стали знаковыми далеко за пределами и самой Каталонии и Испании. Чтобы не допустить стихийного развития событий, центральным испанским властям предстоит теперь не просто учитывать позицию каталонских лидеров по многим вопросам, но и находить договоренности с ними на приемлемой для обеих сторон основе.

Страна Басков

Критический уровень сепаратизма демонстрирует и еще один испанский регион — Страна Басков, часть жителей которого десятилетиями добивалась независимости с оружием в руках. Наряду с Испанией, хотя и в меньшей степени, в конфликт оказалась замешана Франция, где в департаменте Атлантические Пиренеи расположена небольшая область — Северная Страна Басков.

Националистическое движение басков зародилось в XIX веке, когда их впервые за сотни лет лишили автономии. В условиях франкистского режима оно радикализировалось и вступило на путь вооруженной борьбы, которую радикальное крыло баскских националистов — ЕТА с переменным успехом вело и после установления демократии в Испании. За прошедшие десятилетия ЕТА несколько раз объявляла о прекращении огня, но всегда нарушала мирные обещания. Однако, после жестких полицейских операций, с 2011 года боевики ЕТА не совершили ни одного теракта.

Но целью баскских националистов по-прежнему является независимость Страны Басков, включая французские территории. Стремление к отделению, но прежде всего, от Испании, демонстрируют и не поддерживающие идеи политического насилия лидеры, представляющие политические силы региона. Свои требования об обособлении они выдвигали, несмотря на то, что условия баскской автономии более широкие, чем в случае с Каталонией. Сегодня в парламенте Страны Басков сепаратистам принадлежит две трети мест. Но в легальном поле баски действуют не так активно, как каталонцы. В 2008 году председатель регионального парламента Хуан Хосе Ибаречче попытался организовать референдум, на котором предполагалось определить, стоит ли начинать диалог о праве басков на самоопределение. Но в Мадриде плебисцит запретили.

Многие видные испанские политики считают, что отделение как Каталонии, так и Страны Басков будет означать конец Испании как государства, поскольку тогда сработает принцип домино. Без Каталонии и Страны басков экономика Испании уменьшится на четверть, а доход на душу населения — на 5%.

Шотландский вопрос

В центре сепаратистских устремлений Шотландии лежат, прежде всего, экономические интересы. Основной источник дохода, которым Эдинбург не желает делиться с Лондоном, — нефтяное месторождение Brent в Северном море, открытое в начале 1970-х. Именно тогда шотландцы стали всерьез задумываться об усилении контроля над налоговыми потоками.

Но предпринятая в 1979 годы попытка Эдинбурга создать парламент, с помощью которого можно было бы отвоевать хоть часть финансов, удалась лишь в 1999 году и идеи сепаратизма развивались как латентные течения региональной политики. На новый уровень сепаратистская риторика вышла в 2007 году, когда о планах сделать Шотландию независимой объявил ее новый первый министр (премьер-министр) Алекс Сэлмонд, лидер Шотландской национальной партии (SNP). По его мнению, выход Шотландии из состава Соединенного Королевства принесет ее жителям только пользу, прежде всего в виде роста доходов. Реальной подготовкой референдума А. Сэлмонди и его сторонники смогли заняться только в 2011 году, когда SNP получила большинство в местном парламенте.

В Лондоне планы лидера шотландских националистов восприняли крайне негативно, однако, в конечном итоге решили им не препятствовать. Голосование было назначено на 18 сентября 2014 года и прошло в крайне напряженной для всей британской политики атмосфере. На шотландских избирателей было оказано массированное информационное давление, в котором приняла участие даже сама Елизавета II. В конечном итоге сторонники сохранения Шотландии в составе Великобритании добились поддержки у местных избирателей, однако, количество голосов противников единства, указывает, что идея независимости региона является скорее «замороженной», чем отвергнутой.

Сторонники и противники независимости выдвигают свои аргументы. Националисты, утверждая, что, свергнув иго английских евроскептиков, они обеспечат независимой Шотландии блестящее будущее, потому что будут сами распоряжаться нефтью в Северном море. SNP обещает, что выплаты государственный пенсий начнутся на год раньше запланированной даты и что примерно 200 тыс. семей смогут увеличить детские пособия. Бизнесменов сторонники независимости пытаются привлечь на свою сторону обещаниями снижения налогов для того, чтобы дать толчок развитию шотландской экономики и привлечь инвестиции из-за рубежа. Немаловажное место в их доводах занимает и обещание вывода ядерных подводных лодок с базы в Клайде.

Противники независимости спорят с националистами по всем пунктам. Они, к примеру, уверены, что шотландцы станут жить беднее, что в стране поднимутся цены на все, начиная от продуктов питания и заканчивая услугами. Они указывают, что шотландцы живут сейчас лучше англичан, потому что на среднего жителя Шотландии приходится на 1200 фунтов больше всевозможных выплат, чем на жителя Англии.

Лондон, в случае выхода Шотландии из Соединенного королевства, тоже ждут большие потери. Все их представить сейчас крайне трудно, но главные: потеря нефтяных миллиардов, необходимость открытия новой базы для подводных лодок, которая будет стоить тоже миллиарды; и смена названия и флага, из которого исчезнет синий цвет, лежат на поверхности.

В Брюсселе к независимости Шотландии относятся отрицательно и не особенно скрывают это. Евросоюз уже предупре-

дил Эдинбург, что, если Шотландия выйдет из Великобритании, то об автоматическом вступлении в ЕС и тем более вступлении в еврозону ей придется забыть. Все процедурные вопросы она будет решать в общем порядке так же, как, например, те же Турция или Сербия.

Секейский край (Румыния)

Секеи — румынские венгры, проживающие в Трансильвании, вошедшей в состав Румынии после Первой мировой войны. Они не требуют создания независимого государства, а стремятся к правовому оформлению статуса автономии, который в настоящее время отсутствует. Более того, три уезда, в которых они проживают, не образуют даже подобия единой административной единицы. В своих требованиях секеи ориентируются на ситуацию, которая сложилась в 1952 году, когда правящая коммунистическая партия предоставила им автономию, просуществовавшую около 16 лет (до 1968 г.) и упраздненную в ходе административной реформы Н. Чаушеску.

С 2003 года секеи пытаются организовать референдум о создании автономии под условным названием Секейский край. Особенно активно они начали действовать в 2013 году, в преддверии новой территориальной реформы. Как оказалось, Бухарест все же решил выделить секейские жудецы в отдельную административную единицу, однако ни о каком самоуправлении и финансовой самостоятельности речи по-прежнему не идет. Кроме того, в соответствии с проектом реформы в состав венгероязычного региона войдет и один румыноязычный уезд (район), что существенно усложнит картину состава местного населения, а перспективы дальнейшего оформления автономизации будут заблокированы.

Южный Тироль

Итальянская провинция Южный Тироль (официальное название — Автономная провинция Больцано-Боцен — Южный Тироль) до 1919 года входила в состав Австро-Венгрии. Большинство жителей Южного Тироля говорят на диалектах немецкого языка.

В 1972 году территория получила статус автономии с правом решать многие вопросы на местном уровне. Данный шаг на некоторое время снял накал сепаратистских устремлений. Однако,

с усугублением кризиса в итальянской экономике, лозунги о независимости от Рима в Южном Тироле стали всё более громкими. Тироль больше не получает тех налоговых поступлений, которые ему полагаются. Об отделении от Италии в Южном Тироле всерьез заговорили только в 2000-х по инициативе националистической партии «Свобода Южного Тироля» (Südtiroler Volkspartei), однако готовой программы преобразований она не предложила и организовала серию опросов и консультативных референдумов, по итогам которых выяснилось: несмотря на то, что большинство тирольцев хотят размежевания, их конечные цели разнятся.

В вопросе обретения суверенитета, мнения тирольцев расходятся между несколькими сценариями: 1 — оставаться в Италии на правах ещё более широкой автономии; 2 — становиться независимым государством; 3 — вновь вернуться к Австрии; или же 4 — попытать счастья, став новым кантоном Швейцарии. Пока ни один из вариантов не может заручиться поддержкой абсолютного большинства, местную политику определяют умеренные силы, выступающие за сохранение статус-кво под руководством Народной партии Южного Тироля, которые никаких шагов к отделению не предпринимают. Однако, учитывая итоги парламентских выборов в Италии (2014 г.) сторонники размежевания постепенно набирают вес в Тироле, и нынешним властям придется пойти на компромисс и поддержать сепаратистскую повестку³⁹⁰.

Тирольцы гордятся одним из самых высоких уровней жизни в Старом Свете. Южный Тироль ежегодно посещают свыше 5 млн туристов, тирольские электростанции дают энергию почти всему северу Италии. Сейчас тирольцы не без оснований опасаются потери привилегий и субсидий, положенных им по соглашению об автономии 1972 года. Они явно не хотят жить так же, как остальные итальянцы. Особенно на юге полуострова.

Страсти по свободе умело разжигают националистические партии, имеющие в провинциальном парламенте больше 20% мест. Антиитальянские настроения в Южном Тироле разгорелись с новой силой после того, как правительство Марио Монти начало проводить программу жесткой экономии и сокращения расходов. Рим потребо-

³⁹⁰ <http://business-swiss.ch/>; <http://business-swiss.ch/2014/09/yuzhny-j-tirol-mezhdu-italiej-avstrij-i-shvejtsariej/>

вал, чтобы Южный Тироль сократил расходы почти на 1 млрд евро, несмотря на то, что это требование противоречит соглашению, в котором говорится, что 90% собранных в провинции налогов должны возвращаться в виде субсидий. Трудные переговоры о разделении доходов сейчас идут с правительством Энрико Летты, который в вопросе отношений с регионами повторяет политику предшественника.

Фландрия и Валлония

Разделение голандскоязычных и франкоязычных регионов давно дебатруется в Бельгии и если надежды националистов, хотя бы с одной стороны будут исполнены, с карты Европы исчезнет целое государство.

В основном речь идет о фламандских националистах, желающих избавиться от необходимости обеспечивать экономически менее развитую Валлонию. Ситуация усугубляется крайне резким разграничением внутри Бельгии по языковому признаку, которое накладывает отпечаток практически на все сферы жизни. Обостряет ситуацию то, что представители севера и юга страны не способны договориться о формировании парламента, в котором обязательно должны быть представлены обе языковые общины. Из-за этой несговорчивости по итогам выборов 2010 года страна провела без постоянного правительства рекордно долгий срок — 541 день. Гарантом пусть и непрочного, но все же, единства Бельгии в последние годы был король Альберт II, недавно отрекшийся от престола в пользу сына Филиппа. Чтобы удержать страну от распада, он не раз и не два прибегал к челночной дипломатии, склоняя к сотрудничеству то фламандцев, то валлонцев.

Если Фландрия объявит о своей независимости, Бельгии не просто придет конец — на ее месте, скорее всего, начнется хаос. Валлония может распасться на части, которые распределятся между Францией, Германией и Люксембургом. К немцам же, скорее всего, отойдет и немецкоговорящая община, расположенная на востоке Валлонии. Кроме того, неясными остаются перспективы Брюсселя, который практически поровну поделен между голландско- и франкоязычными общинами.

Наблюдаемые в целом по Европе тенденции таковы, что говорить о скором появлении там новых государств, вряд ли приходится. Ближе всего к независимости находятся Шотландия и Фландрия,

однако по разным причинам даже их шансы получить суверенитет не очень высоки. Что же до остальных стран Европы, то угроза их единству, скорее всего, еще меньше.

Сепаратисты европейского Севера

Мечты о независимости получают все большее распространение и в Гренландии, часть жителей которой стремится к будущему без Дании, рассчитывая на доходы от полезных ископаемых. Гренландия обладает широкой автономией и имеет свой парламент и правительство, а также сама распоряжается своими богатейшими природными ресурсами. Особый интерес представляют крупные месторождения редкоземельных металлов. По оценкам геологов, крупнейший на планете остров может иметь 9,16% их мировых запасов. Кроме них, в Гренландии есть большие запасы углеводородов, алмазов, золота, металлических руд и т. д.

Дания провозгласила Гренландию своей колонией в 1776 году. И хотя через два столетия, в 1979 г., Нуук получил внутреннюю автономию, главой острова остается датская королева Маргрет II. В ноябре 2008 года 76% гренландцев проголосовали за самоуправление. 22 мая закон о полном самоуправлении Гренландии был утвержден датским парламентом. Сейчас под юрисдикцией гренландцев находятся суды, полиция и береговая охрана. Копенгаген сохранил контроль над обороной, внешней политикой и валютными операциями. Только теперь датчанам необходимо советоваться с гренландцами при принятии решений, которые будут затрагивать и их остров.

По новому соглашению между Копенгагеном и Нууком, первые 75 млн крон, заработанные гренландцами, должны идти в бюджет острова, а все, что превышает эту сумму, будет делиться с Данией пополам. Но экономисты считают, без субсидий Копенгагена, которые составляют сейчас 3,6 млрд датских крон (655 млн долларов), т. е. почти две трети бюджета автономной области Датского королевства, Нуук выжить не сможет. Подняться на ноги и стать по-настоящему независимыми гренландцы смогут не раньше, чем лет через 25, и то при условии, что сумеют открыть 24 крупных шахты или карьера для добычи полезных ископаемых, каждая из которых стоит 5 млрд крон. Очень большой проблемой будет нехватка рабочей силы, так как население Гренландии составляет всего 57 тыс. человек.

Конечно, к подобным исследованиям следует относиться с известной долей скептицизма или хотя бы доверять их полностью независимым экспертам. Очевидно, этой точки зрения придерживается и гренландский премьер-министр Алека Хаммонд, которая в ответ на просьбу журналистов прокомментировать результаты исследования, заявила, что по-прежнему мечтает, чтобы Гренландия обрела независимость еще при ее жизни.

Результаты каталонского референдума вдохновляют сторонников независимости во всех испанских регионах, шотландских, фламандских, североитальянских, баварских автономистов и сепаратистов в странах Евросоюза. «Призрак сепаратизма бродит по Европе», писал американский журнал *The National Interest*. Автор статьи Gordon N. Bardos подчеркивал, что «если Европейский союз не выберется из нынешнего кризиса, угрожающего его существованию, то, как показывает история, эти движения могут еще больше усилиться и добиться новых успехов, преобразив Европу, известную нам на протяжении последних двадцати лет». Вопреки распространенным оценкам, европейские сепаратисты хотят не только денег, но и независимости.

Но стабильность европейских границ угрожают не только сепаратисты, но и вызовы, связанные с национализмом государственного формата. В настоящее время в Европе официально существует десять вялотекущих территориальных споров, в которых претензии каждой из сторон подкрепляются симпатиями населения. Это позволяет прибегать не только к правовым или историческим аргументам, но и к манипулированию национальными чувствами граждан европейских стран.

Сейчас, когда Евросоюз сталкивается с экономическими трудностями, территориальные споры на европейском пространстве грозят проявиться с новой силой. Такими точками латентного национализма, который может актуализироваться по подсказке из высоких кабинетов, являются: Боденское озеро (Швейцария, Австрия и Германия), Монблан (Италия и Франция), Гибралтар (Испания и Великобритания), залив Пиран (Словения и Хорватия), Эгейский спор (Греция и Турция), остров Шаренград (Хорватия и Сербия), Оливенса (Португалия и Испания), залив Лох-Фойл (Ирландия и Великобритания), Долларт Бей (Нидерланды и Германия), Северное Косово (Сербия и Республика Косово).

Масштабный эксперимент наднационального объединения в Европе стал очевидным вызовом представлениям о том, что национальное государство является главным действующим лицом современной мировой политики. Возрождение национализма стало важной составляющей трудностей, испытываемых сегодня Европейским Союзом. Попытки решения долговых проблем еврозоны очень сильно осложняются национальными стереотипами, когда северные европейцы считают южан лентяями, а южане осуждают надменность северян. Усиление национальных настроений в Европе проявляется на всех уровнях и в самых разных формах, вплоть до спортивных турниров и конкурса Евровидение.

В целом передача ряда государственных полномочий из национальных столиц в Брюссель лишь на очень короткое время смягчила националистические настроения европейских сепаратистов и одновременно создала и некую легальность для действий народов, активно добивающихся права на самоопределение. Каким бы успешным ни был европейский эксперимент в плане экономики и предотвращения региональных войн, он еще далек от создания общеевропейской идентичности, способной вытеснить представления о национальной принадлежности, основанной на общем языке, культуре и исторических традициях. Как показывает опыт Латинской Америки, даже очень глубокая культурно-языковая близость народов различных стран не может компенсировать чувство принадлежности к государству-нации.

В целом, национальные движения стали сегодня не только постоянным игроком на поле мировой политики, но и формируют специфический круг проблем, в решение которых вовлечены все другие акторы — прежде всего государства и многосторонние институты.

8.2. Религиозный фактор и религиозные фундаменталисты в мировой политике

Развитие международной ситуации в самых разных регионах мира все острее ставит на повестку дня проблемы взаимодействия общественных систем, сложившихся в различных социокультурных условиях, опирающихся на различные исторические традиции

и апеллирующих к различным идейным обоснованиям общественного порядка. В этой связи конфессиональная дифференциация мирового пространства создает широкие возможности, как для усиления, так и для снижения конфликтности международных отношений.

Характерно, что, несмотря на популярность идей диалога цивилизаций и сотрудничества представителей различных религиозных общностей, в практике человеческого развития религиозная принадлежность остается преимущественно разъединяющим моментом. Это обстоятельство особенно заметно в контексте отмечаемого сегодня подъема фундаменталистских настроений среди приверженцев ислама и христианства, а также многочисленных примеров политизации религиозной принадлежности в различных странах. Тем самым влияние религии в сфере международных отношений является долговременным, но ситуативным по своим конкретным проявлениям, фактором.

8.2.1. Конфессиональная динамика в условиях глобализации

Современный этап мирового развития опровергает распространенные представления об ослаблении мировоззренческих начал человеческого поведения. На фоне размывания идеологического компонента политической деятельности, самым существенным образом возросла роль религиозных установок, которые включаются в систему ориентиров общественных и государственных структур. Противоречия глобализации повсеместно затормозили процесс ухода религии в область «личной духовности». Как показывает международный опыт, религия все больше определяет образ жизни среди приверженцев ислама, а религиозный ренессанс в его различных формах ощущается среди христианских и других религиозных общин. Характерно, что религиозные деятели, представляющие, прежде всего, мировые конфессии, активно высказываются по вопросам международной политики.

Современная конфессиональная динамика характеризуется не только тенденциями активизации религиозной жизни в среде различных культурно-цивилизационных блоков мирового сообщества. К настоящему моменту произошли существенные изменения числен-

ности основных конфессиональных групп населения земли, среди которых теперь преобладают мусульмане, главным образом суннитского толка. Три года назад христиане, традиционно относящиеся к католикам, православным и протестантам, уступили многовековое количественное первенство последователям ислама. Другие религиозные общности испытали не столь динамичные изменения своей численности, однако сохраняется неопределенность относительно масштабов распространения приверженцев сект, неоязычества и сатанистских культов, укрепивших позиции во всех мегаполисах.

Значимость количественных изменений в соотношении ведущих по численности религиозных общностей особенно усиливается в свете интенсификации миграционных процессов, направленных из зоны распространения ислама в зону стран, чья культура сложилась под влиянием христианских ценностей, расширения в Европе и Северной Америке инорелигиозных, главным образом мусульманских, анклавов. В переводе на язык политической практики, это означает продолжение экстенсивного роста численности приверженцев исламских верований и необходимость качественных изменений в деятельности всех ветвей христианства.

Асимметричность глобальной динамики конфессиональных структур мирового сообщества оказывает существенное влияние и на состояние внутренних процессов организации различных конфессий. Так, активный рост и расширение границ исламского общества обуславливает потенциальные изменения в системе духовного лидерства исламского мира, а также усиление влияния религиозных деятелей среднего звена в формировании массовых религиозных установок.

Что касается христианских течений, то для их традиционных форматов в большей степени характерна консолидация исторически сложившихся механизмов централизованного церковного управления. В то же время роль среднего звена церковной иерархии в ближайшее время также будет повсеместно возрастать, что связано с расширением социально-просветительской работы в сфере образования, миссионерской деятельностью, расширением проектов по воспитанию подростков и детей.

Наряду с основными тенденциями конфессиональной динамики в условиях глобализации, связанными с изменениями численности основных религиозных групп, характерной чертой

современного положения является эффект «перемешивания» мирового конфессионального пространства, который особенно ощутим в зоне развитых индустриальных стран и, как ни парадоксально, на Африканском континенте. В нынешнем десятилетии этот эффект оказывает все большее влияние и на деятельность РПЦ, которая стремится укрепить связи с зарубежными православными общинами, а в последние годы развернуть миссионерскую деятельность в странах АТР.

Таким образом, все мировые религии переживают в настоящее время период трансформации, связанный с перспективами изменения соотношения массовых ресурсов, на которые опираются основные конфессии. В этой связи повышается общественный запрос на сотрудничество религиозных и административных элит в сфере социального управления современных государств. Для государственных участников такое взаимодействие позволяет сохранить или даже упрочить потенциал «мягкой силы» на международной арене, а для религиозных кругов — укрепить статус своей иерархии в ходе адаптации к условиям глобализации.

8.2.2. Религиозный фундаментализм как политический вектор

Религиозные фундаменталистские движения получили сегодня значительное распространение, как в зоне развивающихся, так и развитых стран. Под религиозным фундаментализмом понимают мировоззрение, основанное на жесткой приверженности к определенной вере и нетерпимости к любым другим проявлениям человеческого сознания³⁹¹. В научный оборот

³⁹¹ Термин восходит к серии предпринятых некоторыми североамериканскими протестантами антимодернистских публикаций «The Fundamentals. A Testimony to the Truth» 1910–1912 гг. В настоящее время термин приобрел более широкое значение: с ним ассоциируется устойчивая религиозная установка или один из типов современного религиозного сознания, характерных прежде всего для т.н. авраамических религий — иудаизма, христианства и ислама, но имеющих также параллели в индуизме, сикхизме, буддизме, конфуцианстве. Источник: <http://www.archipelag.ru/authors/kirlejev/?library=941&vrsion=forprint>

термин был введен в начале XX в., но «насилие от имени религии является столь же старым, как история»³⁹². Ряд специалистов полагает также, что наряду с религиозным фундаментализмом яркие исторические примеры универсальных теорий фундаменталистского типа представляют собой фашизм и коммунизм. Общим моментом здесь является то, что доктринальные соображения превалировали над любыми другими человеческими ценностями³⁹³.

В современных условиях религиозный фундаментализм все активнее проникает в политику. Начало этого процесса принято датировать серединой 70-х гг. XX века, отмеченных ростом христианского фундаментализма в протестантских церквях США и Латинской Америки, подъемом типологически схожих католических движений, т. н. «исламским фундаментализмом» и различными сионистскими организациями. Как отмечают исследователи, религиозный фундаментализм пришел на смену коммунизму как призыв, преследующий западное сознание, который принимает еще большие размеры вследствие трагедии, произошедшей в Америке 11 сентября, и явной неспособности западных держав искоренить скрытую и загадочную сеть Аль-Каиды, которая стоит за организацией террористических атак³⁹⁴.

Несмотря на конфессиональные различия, все приверженцы религиозного фундаментализма апеллируют к абсолютному авторитету божественного откровения и стремятся утвердить свое исключительное право на управление обществом в соответствии с этими принципами. Они жестко выступают против инакомыслия и демонстрируют приверженность к радикальным формам борьбы с любыми оппонентами. Призывая к очищению веры и восставлению верховенства религии над светской властью, отрицая разделение светского и религиозного в культуре, образовании,

³⁹² Jacquard R. In the Name of Osama Bin Laden: Global Terrorism and the Bin Laden Brotherhood. N.Y.; L., 2002. P. Цит. по: Челищев В. И. Феномен фундаментализма в современном мире: истоки и формы. \Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и Политология. 2006. №4, стр. 98–116, стр. 99.

³⁹³ Челищев В. И. Феномен фундаментализма в современном мире: истоки и формы. \Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2006. №4, стр. 98–116. стр. 100.

³⁹⁴ <http://www.archipelag.ru/authors/kirlejev/?library=941&vrsion=forprint>

бытовом поведении, современные фундаменталисты принимают технические достижения цивилизации, но решительно выступают за отказ от принципов гуманизма и демократии как универсальных человеческих ценностей.

Фундаменталисты противостоят модернизации в той степени, в какой она связана с секуляризмом и индивидуализмом, но готовы использовать ультрасовременные средства коммуникации, технологии и даже ядерное оружие. Основы миропорядка, который религиозные фундаменталисты рассматривают как идеальный, подчиняют человека тоталитарной власти в духовном и политическом отношениях с беспрецедентными материальными возможностями удержания этой власти.

Считается, что религиозный фундаментализм является реакцией на расширение ареалов модернизма, т. е. феноменом самообороны традиционных форм бытия и сознания. Он может использоваться и как средство укрепления национальной или этнической идентичности³⁹⁵. Однако часто религиозный фундаментализм вторгается в политику благодаря деятельности узкой группы лиц, стремящихся получить общественную власть в своих корпоративных целях. Религиозное учение обрастает бизнесом, исходные задачи размываются, а организационные структуры, опосредующие борьбу за веру, строятся по аналогии с коммерческими сетями ТНК.

Усама Бен Ладен и многие его ближайшие сторонники, хотя и принадлежали к богатым семьям, по статусу не могли рассчитывать на ключевые государственные посты у себя на родине. Власть, известность и многократное умножение личного богатства принесло им создание военизированной политической силы, действующей под радикальными фундаменталистскими лозунгами. Именно амбивалентность фундаментализма, неоднозначность соотношения между идеальной и материальной (или даже откровенно корыстной) мотивацией приверженцев часто затрудняет оценки его потенциала и перспектив социальной эволюции.

³⁹⁵ Parekh B. The Concept of Fundamentalism // The End of "Isms"? Reflections on the Fate of Ideological Politics after Communism's Collapse. Oxford, 1994. P. 28.

Фундаментализм как вектор политизации религии и, тем самым, культурных различий между цивилизациями, представляет собой глобальное явление, отмеченное универсальными чертами, независящими от конфессиональной принадлежности. Во-первых, он является в большей степени воплощением *Homopoliticus*, нежели *Homoreligiosus*, поскольку приверженцы фундаменталистских взглядов борются за достижение идеального божественного порядка, используя политические средства³⁹⁶. Во-вторых, лишь сравнительно небольшая часть фундаменталистов готова применить крайние вооруженные формы борьбы или терроризм, чтобы претворить свои представления о божественном порядке в жизнь. Поэтому в политической практике насилие — лишь один из аспектов фундаментализма, к которому нельзя сводить весь спектр фундаменталистских установок. Его воззрения на общественное управление и ценностные моменты, входящие в политизированный контекст, разнообразнее, чем призывы к насильственным действиям. Другими словами, в фундаменталистских политических проектах связь между религиозными принципами и средствами их осуществления была и остается вариативной.

Хотя фундаменталисты различных конфессий уже несколько десятилетий стремятся войти в политику, их роль международного уровня наиболее заметна благодаря действиям исламских радикалов. Мирополитическое акторство фундаментализма, связанного с другими религиозными средами, сдерживается различными внутриконтфессиональными механизмами, регулирующими отношения между «миром идеальным» и «миром сущим», а в ряде случаев конкуренцией религиозных иерархий. Одновременно секуляризация как процесс, развивающийся, в частности, в христианском мире, обеспечивает в большинстве случаев устойчивую дистанцию между религиозными убеждениями людей и их политическими действиями.

Но это не означает, что исламский фундаментализм — единственный тренд политизации религиозного мировоззрения с использованием ультраконсервативных стереотипов

³⁹⁶ Бассам Тиби. Политизация религии.//Интернационале Политик, №2, 2000 г. Источник: <http://ddm.iatp.az/ddm/tibru.html>

и экстремально радикальной политической практики. Международным альянсом радикалов активно формируется в Юго-Восточной Азии, апеллируя к буддистским верованиям, в качестве обоснования своей программы. В странах региона буддийских монахов часто можно видеть в авангарде массовых беспорядков.

«В 2010-е годы оформилась тенденция к становлению воинственного буддийского национализма: радикалы Индокитая и Шри-Ланки обвиняют мусульман в том же, в чем и европейские крайне правые, и угрожают изгнать со своей земли. В наши дни радикальный буддизм, представленный мьянманским „Движением 969“ и шри-ланкской „Буддийской силой“, набирает обороты. В островном государстве буддисты атакуют мечети, дома мусульман, а также христианские церкви. Часто в ход идут экономические методы, радикалы пытаются вытеснить исламские фирмы с рынка. К слову сказать, мусульманский бизнес, контролирующей промышленность, наравне со сверхвысокой рождаемостью в исламской среде, националистами считается основной опасностью для страны.

К настоящему времени риторика „Буддийской силы“ может показаться неотличимой от заявлений европейских крайне правых, что диктует и общую повестку дня. На протяжении последних лет объединение ведет борьбу с сертификацией халяльной продукции на рынках Шри-Ланки. Распространение этой практики, по мнению радикалов, — шаг к „введению шариата“. Противостоять пугающей тенденции следует, поддерживая буддизм, просто потому, что это вера предков.

Буддийский радикализм существенно подпитывают тесные двусторонние связи, существующие между Мьянмой и Шри-Ланкой. Вместе с тем у этого течения есть перспективы распространиться и на весь Индокитай. В Лаосе в 2014 году отмечены случаи нападения на христиан с целью их насильственного обращения в буддизм. Наиболее характерный пример — изгнание 8 христианских семей из лаотянского Натахалла: по утверждению пострадавших, их называли приверженцами „американской религии“ и обещали отправить за решетку при первом удобном случае. Ранее столкновения между мусульманами и буддистами привели к фактической гражданской войне

в Таиланде. С 2004 по 2011 год жертвами боев стали не менее 6 тысяч человек»³⁹⁷.

Исламский формат фундаментализма оказался в центре особого внимания, поскольку в нем в большей степени, чем в других конфессиях, светские и духовные начала выступают нераздельно, что усиливает проекцию внутренних общественных конфликтов на международную среду. Одновременно, многочисленные и «эффектные» террористические акты, предпринимавшиеся под флагом мученичества во имя веры, способствуют распространению представлений об исламе как источнике агрессивного фундаментализма, идеологической основе экстремизма и терроризма.

Но это искаженное понимание феномена. Необходимо обратить внимание, что «успешное научное освоение существующих в современном исламе течений, доктрин и движений осложнено нерешенностью вопроса о дефинициях... К примеру, как западные, так и российские исследователи ислама злоупотребляют термином „фундаментализм“, которым они склонны обозначать широкий спектр известных явлений»³⁹⁸. Поэтому вновь приходится оговориться, что рассматривать политическую субъектность религиозного фундаментализма и исламского фундаментализма в частности, можно лишь в самом первом приближении.

«В последние годы в мусульманских странах идет процесс политизации и радикализации ислама. С одной стороны, политизация ислама — это процесс „возрождения“ религии и клерикализации политики, использования религии, в данном случае ислама, в политических целях. С другой стороны, политизация ислама представляет собой попытку переноса части нерешенных социально-экономических и духовно-идеологических проблем в политическую сферу, означает их наивысший накал, обостренную общественную значимость и актуальность, а также неспособность традиционных субъектов принимать политико-управленческие решения и справляться с ними при помо-

³⁹⁷ Гашков И. Буддисты собираются в кулак. 21 мая 2014 НГ-Религии. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1400642820>

³⁹⁸ Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов// Восток-Оrient, 2006, № 1, 5–25.

щи общепринятых методов воздействия. Политический ислам, представляя собой форму проявления неполитических явлений в сфере политики, пытается найти разные варианты решения этих проблем»³⁹⁹.

Акторство исламского фундаментализма на международной арене формируется преимущественно в процессе усиления универсалистской ориентации различных группировок, действующих на периферии мусульманского мира. В ее контексте исламский фундаментализм создает положительную мотивацию массового движения («за») но существенно более конкретно определяет «образ врага». Он противостоит светским режимам не только в силу их секуляризации и сотрудничества с США, т. е. на тактическом этапе политического развития. Фактически фундаменталисты все отчетливее выступают и как стратегический противник национальной консолидации государств в исламском мире, которая в ряде случаев еще не завершилась.

Эту особенность религиозного фундаментализма и вытекающие из нее риски осознают ведущие члены мирового сообщества (хотя реагируют на ситуацию не солидарно), а в исламских кругах, главным образом — высшие административные руководители и часть национальной интеллигенции. Поэтому возможности противодействия исламскому фундаментализму в рамках только отдельных политик ограничены. Но идеи установления единого фронта против «фундаменталистской угрозы» также более чем утопичны. Фундаменталистские группировки, несмотря на идейную близость, слишком мозаичны, «завязаны» своими краткосрочными целями на специфику локальных обществ и разобщены отличиями между суннизмом и шиизмом. Любые обобщения при столкновении с фундаментализмом не работают, а его вызовы в каждом конкретном случае разновекторны. Однако обобщающие подходы достаточно продуктивны при анализе политических проекций фундаментализма, обозначаемых терминами «исламский радикализм», «исланизм», и некоторыми другими.

³⁹⁹ Бобохонов Р. Возникновение ИГИЛ — как результат активной политизации ислама, — :33 <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1419067980> — 20.12.2014

Исламский радикализм или исламизм⁴⁰⁰ как политическое продолжение фундаменталистских течений в мусульманстве, возник вследствие слабости ряда светских режимов главным образом в арабских странах. «Ислам — вот решение» — это лозунг созданной в Египте организации «Братья-мусульмане» стал лозунгом мусульманских радикалов от улемов-фундаменталистов, формально стоящих вне политики, до джихадистов, призывающих к священной войне, включая террор против всех врагов ислама... Исламисты убеждены, что Запад — это система жизни по своей природе отличающаяся от того, что требует ислам, что базовые ценности двух цивилизаций различны»⁴⁰¹.

Суть политической роли исламского фундаментализма не ограничивается идеологической подпиткой радикальных группировок в мусульманских странах. Современный исламский фундаментализм трансформировал глубинный протестный за-

⁴⁰⁰ Отечественный исламовед В. Наумкин полагает, что наиболее адекватно объясняющим связь исламского радикализма и фундаментализма понятием является салафизм (близкий к терминам обновление, ревизионизм), но одновременно нельзя ставить знак равенства между всем салафизмом и политическим исламом (термин «политический ислам» был введен в оборот после победы антишахской революции в Иране в 1979 г.). Вплоть до относительно недавнего времени саудовские салафиты, или ваххабиты — последователи Мухаммада 'Абд ал-Ваххаба (1703/4–1797/8), аравийского проповедника, чьи концепции стали официальным саудовским толком ислама, были весьма мало политизированы. Только в 60-е гг. XX в. ваххабиты развернули активную деятельность за пределами королевства. Термин джихадисты часто используется и самими радикальными исламскими группировками. Причем не только салафиты могут быть джихадистами, т.е. сторонниками вооруженного джихада (священной войны за ислам). В частности, палестинские группировки, ведущие вооруженную борьбу против Израиля под лозунгами джихада, в том числе и с использованием террористических методов — не могут быть причислены к салафитам. Применять термин ваххабизм к другим салафитским течениям, не связанным с учением 'Абд ал-Ваххаба, не вполне корректно, хотя все салафитские группы имеют немало общего. Не случайно в оборот был введен термин неоваххабизм, который чаще используют исследователи ислама для того, чтобы различать группировки, находящиеся под влиянием ваххабитских идей, а также и группы близких им фундаменталистов. (См.: Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов. \ \ Восток-Orient, 2006, № 1.)

⁴⁰¹ Там же.

ряд в потенциально полномасштабные политические программы и миссионерские идеи. На современном этапе ему удастся активно реализовывать свой мощный политический потенциал, как оказывая разнообразное воздействие непосредственно на центральные институты соответствующих политик, так и практикуя миссионерский экспансионизм. Размах этого процесса, вовлеченность в него государств и народов, по сути, делают исламский фундаментализм влиятельным субъектом мировой политики⁴⁰².

К сожалению, это влияние особенно ярко проявляется благодаря действиям джихадистов, для которых Афганистан, Балканы, Кашмир, Ирак, Сирия, Филиппины, Таджикистан, Чечня и многие другие «горячие точки» рассматриваются как очаги глобальной священной войны мусульман против неверных. В то же время окончательные заключения в отношении международной роли исламского фундаментализма сужают аналитическую перспективу. «Давать оценку исламскому фундаментализму необходимо в привязке к чему-либо, к географии, государству, историческому контексту, религиозной ситуации и международной обстановке... все зависит от предмета исследования и угла зрения»⁴⁰³.

Например, на постсоветском пространстве условия для распространения влияния исламского фундаментализма, в том числе в его террористических формах, создания боевых подпольных группировок возникли благодаря взаимодействию внутренних и внешних факторов. С одной стороны, трудности переходного периода, слабость новой государственной власти обусловили рост политизации социальных начал ислама. С другой стороны, исчезновение биполярной системы, привело к расширению сферы исламского политического и культурного влияния в целом. Турция, Иран, Саудовская Аравия, Кувейт, лидеры афганских талибов, отчасти Пакистан в рамках новой геополитической ситуации активно осуществляли проникновение на территорию стран Центрально-азиатского региона и в Россию.

Международное партнерство расширилось не только по линии официальных государственных миссий, но и многочисленных

⁴⁰² Кудряшова И. Исламский фундаментализм как тип политического сознания. Источник: <http://bank-referatov.rudiplom.ru/i/6636>

⁴⁰³ Аскар Нурша (Казахстан)

миссионерских структур, возглавлявшихся исламскими радикалами. Новые зоны устойчивой активности исламистов фундаменталистского толка появились в Таджикистане, в Узбекистане, на юго-западе Казахстана и Киргизии, на Северном Кавказе и Поволжье⁴⁰⁴. Тем самым не просто усиливался фактор культурной мозаичности на значительной части мирового пространства, но и возникали предпосылки сепаратизма, а в ряде случаев и прямой угрозы территориальной целостности новых независимых государств.

Характерную картину можно наблюдать сейчас в Центральной Азии, где ситуация отмечена появлением третьей за последние 25 лет волны исламского радикализма в лице организации «Хизб ут-Тахрир». По оценкам экспертов ее деятельность является очень схожей с деятельностью движения «Талибан» и включает в себя как религиозные, так и мирополитические моменты. Определенная финансовая поддержка со стороны Хизб ут-Тахрира наиболее бедных слоев населения, способствовала в первом десятилетии нашего века быстрому расширению числа ее сторонников. Вступив в конфронтацию с государственными структурами центрально-азиатских стран Хизб ут-Тахрир, стремится не только закрепиться в местных обществах, но и «подключить» сторонников к операциям исламистов, ведущих вооруженную борьбу против США в Афганистане и Ираке.

Ислам — это мировая религия, приверженцы которой составляют примерно пятую часть населения планеты. Дискуссия о том, преследуют ли исламисты фундаменталистские религиозные цели, или же напротив, превращают религию в орудие нерелигиозных интересов, продолжается длительное время. Среди представлений об истоках исламизма в самом общем виде выделяют экономические, политические, идеологические, бихейвиористские, психологические, функционалистские, основанные на концепциях безопасности, на роли индивида или же институтов причины⁴⁰⁵.

Кроме того, внутри широкого спектра исламистских политических движений отдельные группы могут различаться по их

⁴⁰⁴ О противоречивых последствиях возрождения ислама в России См.: Малашенко А. Ислам и политика в России // Pro et Contra., № 5–6(34), 2006, С. 76–94.

⁴⁰⁵ Наумкин В. В. Ук. соч.

отношению к применению насилия и представлениям о политике. В частности, в рамках исламизма суннитского толка выделяют: политических исламистов, поднимающих вопрос о плохом мусульманском управлении и социальной несправедливости, но предпочитающих путь реформ; исламистов-миссионеров типа Дава, которые поднимают вопрос об упадке исламских ценностей и выдвигают на первый план такую форму морального перевооружения, которая защищает индивидуальную добродетель; исламисты-джихадисты, выступающие против гнета немусульманской политической и военной власти в исламском мире и ставящие во главу угла вооруженное сопротивление. В свою очередь среди джихадистов выделяют группировки, ориентирующиеся на глобальный джихад и тотальную войну с Западом⁴⁰⁶.

Особое «акторское место» в среде исламских фундаменталистов принадлежит печально известной Аль-Каиде. Она демонстрирует черты преемственности и новаций по сравнению с другими террористическими группами, которые существовали и существуют в исламских странах. Аль-Каида планомерно вывела деятельность части сторонников за пределы исламского мира, диверсифицировав тем самым позиционные условия своей стратегии. Сетевая структура организации, позволяющая в течение многих лет противостоять военному давлению международной антитеррористической коалиции во главе с США, блокирует все большие военные ресурсы западных стран в рамках по существу бесконечной кампании, заставляет своих противников менять подходы к проблемам безопасности с учетом фактора международного терроризма, наркотрафика и транснациональной преступности.

Большое внимание, как активный международный актер, привлекла в последнее десятилетие организация ливанских шиитов Хезболла. Она демонстрирует пример того, как неожиданно религиозный фундаментализм слился с национализмом⁴⁰⁷. Первоначально радикальные группы шиистских исламистов в Газе и на западном берегу реки Иордан не вызывали опасений Израиля,

⁴⁰⁶ Кирсти Вестфален. Взаимоотношения ЕС с арабским миром. //Азия и Африка сегодня, 2006. С. 27–31.

⁴⁰⁷ Хазанов А. Израиль — «Хезболла»: невыученные уроки.//Азия и Африка сегодня. № 10, 2006. С. 44.

рассматривавшего их как потенциальных конкурентов ООП. Однако постепенно «Партия Аллаха» развернула свою активность в другом направлении. Она приобрела популярность среди шиитов Ливана, прежде всего потому, что в течение ряда лет вела упорную войну против израильских войск, оккупировавших юг страны.

Примерно за 20 лет при поддержке Ирана Хезбола выросла в крупную организацию, которая под руководством Хасана Насраллы превратилась в единую политическую силу, имеющую в парламенте своих представителей. «Лидер организации Насралла одевается как священнослужитель, но говорит как проницательный политик, ... о целях и задачах организации, о видении общей политической ситуации на Ближнем Востоке, о перспективах взаимоотношений с Западом вообще и с государством Израиль, в частности. Он транслирует свои мысли не только на весь Ливан, но и на значительную часть исламского мира. Он, не уставая, говорит, что цель организации — бороться...»⁴⁰⁸.

Политический радикализм, основанный на исламском фундаментализме, маскирующийся под него или заимствующий фундаменталистские установки в ходе борьбы за власть может рассматриваться как анахронизм человеческой истории. Религиозные войны в их тотальном средневековом варианте вряд ли возможны в обозримом будущем, но вектор поляризации массовых слоев населения обозначен вполне четко. По существу фундаменталисты ускоряют развитие кризиса политической системы в странах Ближнего Востока, которые в своей массе живут в условиях авторитаризма.

Международное акторство христианских фундаменталистов, наиболее известными среди которых выступают американские евангелисты, проявляется в иных аспектах, чем у исламских фундаменталистов и также мало изучено. Религия всегда была и остается важнейшим фактором, определяющим политику, стратегию, национальную идентичность и культуру США, но баланс сил между религиозными направлениями в обществе изменяется⁴⁰⁹.

⁴⁰⁸ Петров Н. Партия Аллаха в зеркале мировой прессы.//Азия и Африка сегодня, № 1, 2006+ С. 45–47

⁴⁰⁹ Уолтер Рассел Мид. Божья страна?// Россия в глобальной политике. Т. 4, № 5, сентябрь–октябрь 2006. С. 30–42.

Более консервативные течения американского протестантизма расширили число своих сторонников, а позиции либерального протестантизма ослабли.

Этот сдвиг общественных предпочтений проецируется на внешнюю политику США, поскольку либеральные и консервативные течения американского протестантизма расходятся во взглядах на возможности установления стабильного, мирного и просвещенного миропорядка, а также на методы содействия развитию (программы международной помощи). В связи с растущим влиянием консервативных евангелистов руководство США меняет внешнеполитические приоритеты в сфере гуманитарной помощи и прав человека, а также ближневосточной проблеме.

Так, в последние годы помощь США странам Африки выросла почти на 70%. Более важную роль в американской внешней политике стала играть кампания по искоренению торговли людьми. Однако в целом евангелисты осторожно относятся к правительственным программам помощи развивающимся странам и посткоммунистическим режимам, а также многосторонним международным институтам. В качестве зарубежных партнеров они предпочитают светские неправительственные или религиозные организации, демонстрируют готовность поддержать решение конкретных проблем, однако скептически оценивают крупные программы.

Каковы же перспективы христианского фундаментализма как актора международного масштаба, самостоятельно действующего за пределами государственных границ и оказывающего влияние на внешнюю политику крупнейшей мировой державы? Вероятно, следует принять во внимание что, «религия в Соединенных Штатах слишком плюралистична для того, чтобы допустить господство какого-либо одного единственного течения. Растущее присутствие и влияние нехристианских общин в стране — иудеев, мусульман, буддистов, индуистов и, прежде всего, секуляристов — будут по-прежнему ограничивать способность какой-либо одной религиозной группы навязать свои ценности всем остальным»⁴¹⁰.

⁴¹⁰ Уолтер Рассел Мид. Ук. соч. С. 39.

Тем не менее, представляется, что многоформатная модель религиозного плюрализма, в которой сегодня лидируют настроения фундаменталистов-евангелистов, сможет служить основой внешней политики США только в случае, если на международной арене удастся избежать нагнетания конфронтации по линии культурных и религиозных границ, смягчить растущее недоверие к односторонним проектам управления мировым развитием.

Спектр религиозных фундаменталистских движений, выступающих акторами мировой политики, не ограничивается исламистами и евангелистами. Он существенно более разнообразен. Но возникает вопрос, сможет ли деятельность двух наиболее крупных конфессиональных сегментов фундаментализма найти мирный путь воплощения своих идеалов? Ответ вряд ли будет однозначным, но хотелось бы отметить, что евангелисты и исламисты проявляют схожие взгляды на многие проблемы. Их беспокоит глобальная бедность, они выступают против доминирования секуляристских подходов в образовании и решении общественных вопросов, они считают, что необходимо с уважением относиться к религиозным ценностям; осуждают пропаганду внебрачных отношений в СМИ и массовой западной культуре.

Мусульмане и евангелисты противостоят друг другу в вопросах веры, но практика сотрудничества, невзирая на конфессиональные различия, представляется вполне возможной и реальной. Перспективы такой работы заложены в идее Диалога цивилизаций, выдвинутой в конце 90-х годов XX века руководством Ирана, страны, где чрезвычайно сильны позиции исламских фундаменталистов. Надежда на сотрудничество радикальных оппонентов во имя более благополучного мира содержится и в усилиях представителей евангелистов по защите не только христиан, но и мусульман в Дарфуре. Однако реальное понимание императивов кооперативного, а не конфронтационного поведения между наиболее значительными представителями исламского и христианского фундаментализма в обозримом будущем практически полностью исключено.

Таким образом, фундаментализм как вектор политизации религии представляет собой глобальное явление, отмеченное универсальными чертами, независящими от конфессиональной принадлежности. Однако в рамках всех фундаменталистских проектов связь между религиозными принципами и средствами их политической реализации вариативна.

8.2.3. Религиозные организации в контексте международного сотрудничества

Включение религиозных организаций в разнообразные формы международного сотрудничества не являются практикой исключительно постбиполярного периода. Однако она получили особое развитие под влиянием таких крупных инициатив последних десятилетий, как «Диалог цивилизаций» (иранский проект), «Партнерство цивилизаций» (российский проект), усилий Ватикана по установлению взаимодействия с исламскими кругами и приверженцами иудаизма, участвовавших в контактах лидеров различных конфессиональных групп. Существенную роль играет и политика развития межцерковных связей, проводимая РПЦ, ее шаги по развитию контактов с Советом Европы⁴¹¹.

В этой связи можно констатировать, что руководство крупнейших церковных организаций включилось в процесс противодействия современным вызовам и угрозам, продвижение позитивных стимулов сближения разнородных в культурно-цивилизационном и конфессиональном отношении фрагментов мирового пространства. Однако четких представлений о координации усилий, которые предпринимаются по линии церковных и гражданских организаций, пока не сложилось. Частичная формализация идеи о роли религии в контексте «Диалога цивилизаций» была отражена в тексте «Родосской декларации 2009», где указывалось, что мировые религии способны играть особо важную роль в выделении духовных и гуманистических ценностей, напоминая людям об их ответственности за общее благо человечества, а сами религии демонстрируют общность духовных ценностей и ориентиров человечества.

Другими словами, религии и религиозные структуры рассматриваются в качестве посредника стратегических гражданских

⁴¹¹ См.подробнее: Касаткин П.И. Заграничные учреждения Русской православной церкви сегодня / П.И. Касаткин // Мировая политика: новые проблемы и направления: сб. научн. статей / Под ред. М.М. Лебедевой. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. мировых политических процессов. — М.: МГИМО–Университет, 2009. — С. 92–133; Касаткин П.И. Русская православная церковь как актор современной мировой политики / П.И. Касаткин // Вестник МГИМО–Университета. — 2010. — №6 (15). — С. 141–151.

инициатив. В то же время участники межрелигиозных форумов и конференций неизменно подчеркивают необходимость утверждения нравственных начал в международной политике, как важнейшего условия преодоления рисков человеческого развития. Подобная установка предполагает признание ведущей роли религиозных организаций в определении реальных политических приоритетов, причем уже в краткосрочной перспективе.

Межрелигиозные конференции, в формате «Всемирный форум религиозных лидеров», регулярно проводимые с 2003 года в столице Казахстана Астане, демонстрируют устойчивый рост числа участников многостороннего обмена мнениями о роли религиозных лидеров в построении мира, основанного на толерантности, взаимном уважении и сотрудничестве. Кроме того, достигнуты заметная диверсификация спектра совместных интересов и ограничение предпосылок конфронтации различных религиозных организаций, что объективно содействует сдерживанию проявлений фундаментализма и консерватизма, которыми отмечены все современные общества и органично дополняет инновационные моменты в области многостороннего регулирования международных отношений.

Практическое участие религиозных организаций в развитии международного сотрудничества особенно заметно на таких направлениях деятельности мирового сообщества как искоренение бедности, борьба с ВИЧ инфекцией (СПИД) в Африке, где во многом благодаря программам, проводимым представителями католической и протестантских церквей, удалось добиться снижения темпов распространения этого заболевания. Мобилизация усилий религиозных организаций, их нравственного авторитета на мировой арене рассматривается и как важнейший элемент антитеррористической борьбы. Речь идет об объединении представителей всех религиозных традиций в совместном осуждении действий террористов, которое последовательно проводится пока только христианскими и буддистскими религиозными структурами.

Несмотря на заметный положительный вклад ведущих религиозных организаций мира в решение современных проблем, рост значимости религиозного фактора в международном сотрудничестве ставит на повестку дня ряд сложных вопросов. Во-первых, проведение внешней государственной политики в духе религиозных установок чревато воспроизводством догматических стереотипов,

способных вступить в противоречие с современными гуманистическими ценностями.

Во-вторых, договоренности о сотрудничестве, согласованные на уровне высших иерархов различных конфессий, очень сложно реализуются в повседневной религиозной практике. В то время как религиозные организации сходятся во мнении о важности следования общим духовным ценностям, механизм реализации этих ценностей и методы борьбы с современными общественными вызовами существенно варьируются в жизни различных конфессий. Даже подходы религиозных организаций, представляющих одну конфессиональную общность, существенно отличаются от страны к стране, что во многом связано со спецификой отношений представителей религии с гражданскими властями, особенно на местном, внутристрановом уровне.

В-третьих, при углубленном рассмотрении религиозных учений становится очевидным, что даже нравственные установки, которые, на первый взгляд, кажутся универсальными, сильно отличаются друг от друга, не говоря уже о светской (антропологической) и богословской трактовке реалий человеческого бытия. Поэтому любые диалоговые площадки в межконфессиональном формате еще долго будут оставаться, прежде всего, способом анализа тенденций развития конфессиональной среды, а не управления ими.

Таким образом, участие религиозных организаций различной конфессиональной принадлежности в международном сотрудничестве делает лишь первые шаги в деле координации практических инициатив. Переход к практике совместных масштабных проектов, который с 2013 года стремится развивать Папа Римский Франциск под лозунгом «делание добра и атмосфера братства», представляется длительным и выходящим за рамки среднесрочной перспективы. В этой связи основным прагматическим итогом межконфессионального сотрудничества выступает частичное преодоление взаимного отчуждения высшего звена религиозных элит, которые играют заметную роль в общественной и политической жизни различных стран. Однако, к сожалению, такие позитивные моменты абсолютно не работают в условиях военных столкновений, к которым относится, в частности, Ближневосточный конфликт.

Поэтому оценивая роль религиозного фактора в международных отношениях, необходимо подчеркнуть, что она продолжает

оставаться дискуссионной. С одной стороны, несмотря на сравнительно невысокие темпы продвижения к практическому сотрудничеству представителей различных конфессий, попытки отрицания религиозного фактора заводят все политические дебаты в тупик, а, с другой, — религия все еще достаточно часто выступает с оправданием насилия или, как это делает, например, Украинская православная церковь Киевского патриархата, прямо призывает к нему. Снять укоренившиеся в сознании противоречия представлений между «должным» и «сущим», традиционно разобщающих приверженцев различных конфессий, вряд ли можно добиться через стратегию малых шагов типа межконфессиональных футбольных матчей или громких заявлений о начале третьей мировой войны, на которые возлагают надежды высшие католические иерархи.

В этом контексте, когда многие лидеры мировых конфессий формально дистанцируются от политики, а на практике стремятся избегать конфронтации с господствующей на том или ином временном этапе системой этатоцентричных интересов, наблюдаемый сегодня подъем общественного внимания к религиозным вопросам, может принести к укреплению конкурентов официальных церковных властей в лице фундаменталистских сект и движений.

Фундаменталистские течения, развивающиеся в недрах различных конфессий, создают серьезные вызовы процессам преодоления фрагментации глобального гуманитарного пространства, а в ряде случаев и пространства международной безопасности. Суть роли фундаментализма не ограничивается идеологической подпиткой политического радикализма. Так, в мусульманских странах современный исламский фундаментализм трансформировал глубинный протестный заряд в потенциально полномасштабные политические программы и миссионерские идеи. Размах этого процесса, по сути, делает исламский фундаментализм влиятельным субъектом мировой политики.

Это влияние, в частности, ярко проявляется в регионах, переживших оккупацию коалиционных военных сил во главе с США, и проецируется на сопредельные территории. Перемещение активности Аль-Каиды в зону Ближнего Востока, масштабный силовой проект ИГИЛ и, без сомнения, многие будущие события из этого ряда определяют долгосрочную тенденцию нарастания конфликтного потенциала в мире под влиянием религиозного фактора.

Пессимистический сценарий усиления влияния фундаментализма сводится к тому, что XXI век будет эпохой этноконфессиональных конфликтов, неизменным фигурантом которых станет ислаимзм. Более оптимистическими представляются концепции управления новыми рисками путем поэтапного снижения конфронтации между конкретными государственными акторами и различными кругами (группировками) исламских фундаменталистов. В некоторых случаях эти предложения подразумевают сотрудничество с умеренной частью оппонентов, в других — сочетание увеличения материальной поддержки мусульманских общин в иноконфессиональной среде с более жесткими требованиями к их лояльности в отношении культуры и традиций принимающей страны. Но пока уязвимыми точками анализа роли религиозных фундаменталистских движений на мировой арене остаются те же моменты, которые обычно характерны для традиционных стратегий национальной безопасности странового уровня, однако с намного большим числом неопределенных заключений, чем по другим предметным областям.

Идея развития международного взаимодействия в формате межконфессионального сотрудничества выступает не только как альтернатива глобальным прогнозам апокалиптического толка, но и как важнейшая дополнительная основа урегулирования многих локальных конфликтов современности. Вместе с тем она остается скорее факультативным фактором, значимость которого варьируется в зависимости от политических условий.

8.2.4. ИГИЛ в настоящем и ближайшем будущем

В последнее время на первое место среди наиболее активных международных субъектов религиозно-фундаменталистского толка выдвинулось т. н. «Исламское государство» (ИГИЛ). Эта террористическая организация формировалась путем объединения радикальных исламистских группировок, в том числе — связанных с Аль-Каидой. Цель ИГИЛ — создать радикальное исламское государство на территории Ливана, Сирии и Ирака, однако версии возникновения ИГИЛ, авторства и последствий этого политико-религиозного проекта очень много, включая спонсорство этой организации со стороны Запада и монархий Персидского залива.

Летом 2014 г. боевики ИГИЛ захватили часть северного Ирака. Террористам удалось завладеть нефтеносными территориями не только в Ираке, но и в Сирии, а иракские вооруженные силы не смогли эффективно сопротивляться исламистам. В активную борьбу с ИГИЛ включились местные курды, но и их ресурсов явно недостаточно, чтобы одержать военную победу над хорошо организованным противником. К тому же курды не склонны вести боевые действия за пределами своей традиционной территории.

ИГИЛ «поднялась» на волне т. н. суннитского восстания на территории Ирака, которое было спровоцировано политикой проамериканских властей этой страны. Возможно, его потенциал пытались перенаправить против легитимного правительства Сирии. К настоящему времени группировка ИГИЛ стала одной из самых опасных фундаменталистских группировок в мире. Но у нее нет четких организационных аналогов. Ее структура, которую специалисты определяют новым термином «роевая», является весьма эффективным наступательным оружием в условиях противодействия регулярным армиям большинства ближневосточных стран⁴¹².

По мнению В. Титова, ИГИЛ «создавался для борьбы с правительством Б. Асада в Сирии и был далеко не самым мощным отрядом антисирийской оппозиции. Формированию этой экстремистской структуры способствовали в первую очередь США и Саудовская Аравия. Эр-Рияд платил деньги, а Вашингтон обучал боевиков в лагерях пограничных с САР районах Иордании и Турции. Есть данные, что часть лагерей была также на саудовской территории. Где, помимо чисто военной подготовки, которой руководили инструкторы ЦРУ и Пентагона, и спецслужб КСА, идеологами салафизма осуществлялась «промывка мозгов» в идеологическом плане. Одновременно на саудовские средства и деньги частных исламских фондов Кувейта, Катара и ОАЭ в ряды ИГИЛ рекрутировались исламисты и террористы из тех радикальных организаций, роль которых по разным причинам сходила на нет. Речь в первую очередь идет об алжирцах, марокканцах, ливийцах,

⁴¹² Впервые подобную структуру подробно описал в 2006 г. ведущий сотрудник RAND Corporation Брюс Хоффман в работе «Военная исламистская угроза и эволюция Аль-Каиды».

египтянах, йеменцах, афганцах, чеченцах, дагестанцах, гражданах стран ЕС как исламского, так и европейского происхождения и т. д. Их костяк, конечно, составляли иракцы и сирийцы, хотя в основном они служили «пушечным мясом»⁴¹³.

Под контролем ИГИЛ находятся большие участки территории в Сирии и Ираке, она имеет тысячи бойцов, в том числе из Западной Европы. В коалицию против ИГИЛ под руководством США вступило более 60 стран, включая ряд арабских государств. В то же время после нескольких месяцев авиаударов, в 2015 году боевики ИГИЛ продолжали расширять свое оперативное пространство, вербовать иностранных бойцов и убивать заложников. В октябре 2015 года по согласованию с правительством Б. Асада к операции против ИГИЛ подключилась авиация России.

Сейчас в рамках ИГИЛ и близких организаций в разных странах («Боко Харам» в Нигерии, «Аш-Шабаб» в Сомали, группы в Ливии, индо-пакистанском регионе, на Северном Кавказе, в Юго-Восточной Азии) находит себя новое поколение радикальных исламистов, готовых продолжать джихад, объявленный Аль-Каидой и ассоциированными с ней террористическими группами⁴¹⁴. Численность армии ИГИЛ составляет — 10–20 тыс. человек, сочувствующие и подсобный персонал — 15–20 тыс., мобилизационный потенциал — 15 тысяч. Точные данные о численности сторонников «Исламского государства» отсутствуют. Экспертные оценки сильно разнятся. Встречаются цифры от 10 до 80 тыс. человек.

Эксперты и аналитики также дают противоположные оценки тому, что можно ожидать от ИГИЛ, но общий прогноз в ближайшем будущем неутешителен: захват большей территории в Ираке, интенсификация авиаударов коалиции, расширение поддержки США суннитским племенам в регионе, продолжение вербовки новых сторонников радикальными религиозными проповедниками, полицейские контртеррористические операции, рост числа тренировочных лагерей ИГИЛ. Но риторика США, объявивших ИГИЛ одним из своих основных врагов на международной арене,

⁴¹³ Титов В. Кто стоит за «Исламским государством»: куда движется конфликт на Ближнем Востоке — Новое Восточное Обозрение <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1413786000-20.10.2014>

⁴¹⁴ Составлено по: Террористическая организация: «Исламское государство». Досье// <http://tass.ru/info/1264570>.

не имеет пока никаких практических последствий для большинства боевиков.

Амбиции ИГИЛ не ограничиваются уже захваченными территориями или Афганистаном. Группы боевиков в Пакистане, на Филиппинах, в Израиле и в секторе Газа, а также в Ливане, Индонезии, и Иордании, и других областях, как сообщается, взяли на себя обязательство оказывать формальную поддержку ИГИЛ. Беспокойство вызывает и то, что у идей ИГ немало сторонников во всем мире. По данным ЦРУ, в рядах ИГ воюет от 20 до 31,5 тыс. наемников, среди которых около 2 тыс. граждан западных стран.

По мере успехов ИГИЛ пересматриваются планы внешних сил, стоявших у его истоков США и Саудовской Аравии. «Стратегическая цель — раздел страны на три части по конфессиональному признаку. Суннитская часть в этом случае перейдет под власть ИГИЛ. А далее богатые нефтью Кувейт и восточные районы Саудовской Аравии. Ну а дальше Катар и ОАЭ. Спецслужбы КСА все-таки просчитали, правда с огромным опозданием, что США гораздо легче контролировать углеводороды всего Персидского залива и Ближнего Востока из одного центра, пусть даже им будет „Исламское государство“, нежели вести сложную политику с несколькими крупными региональными игроками — Ираком, КСА, Ираном, ОАЭ, Кувейтом и Катаром. Последние намеки в саудовских СМИ на это уже проскочили, тем более что в Эр-Рияде уже не скрывают своего возмущения тем, как США понижают своей сланцевой нефтью и ее вбросом на мировой рынок цены на саудовскую нефть. Упала она еще на 10–15 долларов — и всем социальным программам королевства, равно как и других арабских монархий, за исключением карликового Катара, наступит конец. А это — продолжение „цветных“ революций в арабском мире со сценариями по ливийскому варианту, только на этот раз в Аравии...»⁴¹⁵. В целом, фундаменталистская террористическая группировка ИГИЛ фактически стало символом новой террористической угрозы и одновременно катализатором перегруппировки военно-политических сил на Ближнем Востоке.

⁴¹⁵ Титов В. Кто стоит за «Исламским государством»: куда движется конфликт на Ближнем Востоке// Новое Восточное Обозрение <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1413786000-20.10.2014>

8.3. Фактор националистических и религиозных фундаменталистских организаций в стратегическом прогнозировании международных отношений

Акторство националистических и фундаменталистских движений на мировой арене представляется как исторический процесс, в котором можно выделить волны, циклы и фазы. Их влияние на международные отношения в большинстве случаев проявляется опосредовано, как вызовы системе, в которой ведущую роль играют государственные субъекты. Характерно, что по данным ряда западных авторов террористические группировки националистического и фундаменталистского толка намного долговечнее, чем структуры с другими идейными корнями⁴¹⁶. Но сколь бы, ни были велики риски, связанные с действиями экстремистов-националистов или фундаменталистов, вряд ли можно оценивать будущее только через эту призму.

Пессимистический сценарий усиления влияния национализма и фундаментализма сводится к тому, что XXI век будет эпохой этнических и этноконфессиональных конфликтов. В условиях идеологического противостояния двух мировых систем они оставались «замороженными». Но теперь нации, этнические группы, конфессиональные сообщества принялись сводить друг с другом старые счета⁴¹⁷.

Более оптимистическими представляются концепции управления новыми рисками путем поэтапного снижения конфронтации между конкретными государственными акторами (например, США) и различными кругами (группировками) националистов и исламских фундаменталистов. В некоторых случаях эти предложения подразумевают сотрудничество с умеренной частью оппонентов, в других — сочетание увеличения материальной

⁴¹⁶ См: Andrey Kurth Cronin. *Howal-Qaida Ends. The Decline and Demise of Terrorist Groups*// International Security, 31:1 pp. 7–48, p. 13.

⁴¹⁷ Мирский Г. Возврат в Средневековье?//Россия в глобальной политике Т. 4, №5 сентябрь–октябрь 2006. С. 8–15.

поддержки мусульманских общин в Европе с более жесткими требованиями к их лояльности в отношении культуры и традиций принимающей страны. Созвучны, этим идеям являются концепции некоторых авторитетных представителей «европейских» мусульман, полагающих решение проблемы в формировании особой единой идентичности всех верующих мусульман в государствах ЕС⁴¹⁸.

Однако как пессимистические, так и относительно благополучные сценарии выдвигают в качестве императива необходимость изменения традиционной стратегии безопасности, которой продолжают следовать современные государства. На ее основе невозможно дать адекватные ответы действиям новых акторов. Но пока необходимые практические действия членов мирового сообщества запаздывают. С одной стороны нет четкого ответа с кем и как сотрудничать, а против кого конкретно неизбежно следует применить силу. Нет также единого мнения о масштабах силовых действий, их политических последствиях и многих других вопросах. Фактически болевыми точками анализа роли националистических и религиозных фундаменталистских движений на мировой арене остаются те же моменты, что и в рамках традиционных стратегических схем, но с намного большим числом неопределенных конечных результатов.

Религиозный фундаментализм, активно развивающийся в русле мировых конфессий, обладает значительным мобилизационным потенциалом и способностью инициировать массовые вооруженные действия своих приверженцев. В начале XXI века такие действия стали носить все более регулярный характер в исламских странах. Сплав политического экстремизма, фундаменталистских проповедей и терроризма обусловил возникновение нескольких конфликтных очагов в мусульманском мире, имеющих все основные признаки религиозных войн. Воинствующий фундаментализм исламского толка не только не ушел с исторической сцены вместе с Усамой бен Ладеном, подрывом влияния Аль-Каиды в Афганистане, но и укрепил свои позиции после смены силами США и их союзников по НАТО иракского и ливийского режимов, в контексте иностранной

⁴¹⁸ Глебова Н. Интеллектуальная элита современного арабо-мусульманского мира: Тарик Рамадан. Азия и Африка сегодня № 9, 2006. С. 68–71; Islam in Europe: Integration or Marginalization? by Robert Z. Pauly Jr., Burlington: Ashgate Publishing, 2004. — 191 pp.

поддержки лидеров «Арабской весны» и боевиков в Сирии, игры западных СМИ на антиисламских настроениях титульного населения европейских стран. Формально неожиданное, но реально вполне предсказуемое появление в 2014 году нового участника мировых политических процессов — Исламского Государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), является доказательством уязвимости системы международной безопасности перед вызовами политизированных религиозных структур, стремящихся любой ценой перестроить жизнь общества в соответствии с фундаменталистскими установками.

Будущее развитие международной обстановки, в условиях волны религиозных войн, риски которых уже очерчены политикой ИГИЛ, зависит от нескольких моментов: во-первых, возможностей локализации проявлений воинствующего фундаментализма и предотвращения его экспансии за пределы отдельных регионов исламского мира; во-вторых, от способности мирового сообщества принять единую стратегию действий против ИГИЛ, других значимых очагов религиозного экстремизма; в-третьих, от своевременного блокирования спекуляций по поводу ислама и насилия, совершаемого под прикрытием лозунгов исламского фундаментализма.

Подходы к внешнеполитическому планированию с учетом межконфессионального сотрудничества создают предпосылки для включения новых элементов международного регулирования процессов, выходящих за рамки отдельных государств. Однако основная результативность таких подходов, как представляется, связана с ситуациями, ожидаемыми за пределами краткосрочной перспективы. Практическая сторона ожидаемых результатов будет формироваться как поиск стратегии кооперативного управления, прежде всего, на уровне регионального развития, которое в первом приближении будет включать, во-первых, определение круга актуальных и перспективных проблем, решение которых требует многосторонних усилий, а, во-вторых, мобилизацию и институционализацию потенциала религиозных организаций. При этом правительство сохраняет за собой монополию на закрепление и проведение общего политического курса, а религиозные структуры смогут играть все более весомую роль на этапах определения проблем, анализа проблемных связей и непосредственного исполнения согласованных решений.

Глава IX
Динамика развития
негосударственных акторов
мировой политики

В иерархии основных участников международного взаимодействия, формирующих систему международных отношений и определяющих главные тренды ее развития, негосударственные акторы мировой политики играют все более значимую роль. При этом их круг к концу XX века заметно расширился и по всеобщему признанию включает сегодня НКО, СМИ, крупные партии, транснациональные компании, международные террористические организации и многое другое. Характерно, что негосударственные акторы выступают, с одной стороны, в качестве активной силы, влияющей на общую динамику международных процессов, а с другой являются объектом внешнего воздействия и манипулирования со стороны традиционных, прежде всего государственных акторов мировой политики.

Между тем, хорошо известно, что «обеспечить согласие» со стороны самих управляемых можно, только если удастся изменить мировоззренческую основу их поведения. Для этого нужны не только идеи и средства коммуникаций, прежде всего СМИ, но и соответствующие общественные институты, способные трансформировать общественное сознание других народов, как это было, например, на Украине в последние десятилетия, а до этого — в СССР и странах Восточной Европы. Поэтому роль общественных (негосударственных) институтов в формировании МО в XXI веке стала исключительно важной.

Отчасти это связано также с тем, что использование государственных институтов из-за разного рода рисков, во-первых, ограничено, а во-вторых, далеко не всегда эффективно. В целом ряде случаев (отсутствия отношений между государствами, открытой враждебности, состояния конфликта или войны, либо нежелания чрезмерного риска) именно общественные институты играют уникальную роль фактора влияния на другое государство. Показательно в этой связи то противостояние, которое возникло в конце 2014 года в киберпространстве между США и КНДР, повлекшее за собой кратковременные отключения КНДР от глобального интернета. Согласно СМИ, проблемы с подключением были вызваны внешними атаками.

Кроме того, ответственность за перебои в доступе к интернет в КНДР взяла на себя группа хакеров «Anonymous».

Источником противоречий стал фильм «Sony Pictures», в комичном и негативном свете представляющий главу КНДР, после выхода, которого в прокат компания подверглась кибернападением со стороны КНДР, а фильм был изъят из проката. Данный инцидент, несмотря на некоторую надуманность его предпосылок, иллюстрирует значительный информационный потенциал США и готовность его использовать для защиты своих национальных интересов.

В том же 2014 году США наложили эмбарго на предоставление товаров и услуг населению Крыма, под действие которого подпадает и сфера информационных технологий. Одним из последствий может стать «интернет-блокада» Крыма в результате блокировки «Gmail», «Skype», закрытия доступа к «Firefox», «Google Chrome» или «Java».

Таким образом, геополитическое противостояние государств переносится в информационную сферу, а негосударственные акторы, такие как бизнес-структуры и общественные движения, выступают скорее в роли проводников государственных интересов, чем независимых игроков. Не случайно, в последней редакции Военной доктрины России было отмечено «смещение военных опасностей в информационную сферу»⁴¹⁹. Осознанию этой угрозы способствовали также разоблачения Э. Сноудена о масштабной слежке в интернет-пространстве, осуществляемой спецслужбами США⁴²⁰.

9.1. Международные неправительственные организации как субъекты международных отношений

Несмотря на достаточно долгую по меркам науки о международных отношениях историю исследования негосударственных акторов, единого теоретического подхода к их деятельности и роли

⁴¹⁹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 26 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kremlin.ru/>

⁴²⁰ Зиновьева Е. «Балканизация» интернета [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mgimo.ru/> (дата обращения: 20.01.2015).

на мировой арене не сложилось, что в значительной степени обусловлено разнообразием НПО, представленных на мировой арене. Даже среди акторов, традиционно относимых к международным НПО (МНПО), различие с точки зрения размеров, истории, сфер деятельности, идеологических и культурных установок, организационной структуры и статуса очень велико.

В настоящее время наиболее широкое международное признание получило определение МНПО, данное в резолюции ГА ООН 1296 (XIV) от 23.05.1968 г., согласно которой МНПО считается «любая международная организация, не учрежденная на основе межправительственного соглашения»⁴²¹. В Ежегоднике международных организаций понятие МНПО конкретизируется через перечисление ее основных признаков: отсутствие целей извлечения прибыли, признание, по крайней мере, одним государством или наличие консультативного статуса при ММПО, получение денежных средств более чем из одной страны⁴²².

В Европейской конвенции о признании правосубъектности ММПО выделяются три признака: некоммерческая цель деятельности, создание в соответствии с внутренним актом какого-либо государства, осуществление деятельности, по меньшей мере, в двух государствах⁴²³.

Исследователями был предпринят ряд попыток выделить различные категории неправительственных объединений, основанные на их целях, направлениях и методах деятельности, организационных особенностях и т. д. Так, например, Т. Риссе предлагает следующую классификацию негосударственных акторов — с точки зрения организационной структуры (формальные организации и сети); а также с точки зрения цели — ставящие

⁴²¹ Цит. по Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Издание 2-е, переработанное и дополненное. / Под ред. Цыганкова П. А. — М. : Альфа-М, Инфа-М, 2007. С. 166.

⁴²² Цит. по Молчанов С. Н. О международной аккредитации общественных организаций (информационно-аналитический обзор). // Международное агентство культурно-правовой информации, 2007. — <http://www.culturallaw.ru/accreditation.pdf>

⁴²³ Цит. по Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Издание 2-е, переработанное и дополненное. / Под ред. Цыганкова П. А. — М. : Альфа-М, Инфа-М, 2007. С. 166.

целью достижение собственного благосостояния («группы интересов») и достижение «общего блага» (экологические, правозащитные объединения). При этом автор подчеркивает, что речь идет не о четко разграниченных категориях, а о континууме, в котором наряду с «идеальными» моделями существует множество промежуточных вариантов.

А. Н. Михеев отмечает, что в последние годы наметился рост числа МНПО, организованных по сетевому признаку. Это проявляется в увеличении количества связей МНПО между собой и с другими акторами. Он также обращает внимание на увеличение количества так называемых «организаций особой формы» — разного рода фондов, информационных сетей, а также «временных структур» — то есть тех, которых он относит к категории распределенных организаций. Эти тенденции нашли отражение и в сфере управления интернетом, хотя они и не «играют на руку» МНПО.

В целом среди негосударственных акторов можно выделить следующие группы.

1. Политические, общественные и иные организации и объединения, в особенности националистического или религиозного толка, которые в зависимости от своих возможностей могут решать частные или общенациональные задачи — от создания «очагов инакомыслия» до повстанческих групп.
2. Средства массовой информации, обладающие либо корреспондентской сетью, либо открыто работающие на территории противника. Особенное значение в этой связи имеют средства глобального интернета.
3. Институты образования, прежде всего высшего, которые фактически монополизированы западной ЛЧЦ.
4. Частные фирмы, компании, фонды и ассоциации, управляемые государством.

Увеличение количества сетевых и неформальных организаций осложняет переговорные процессы МНПО как с другими акторами международных отношений (в первую очередь ММПО и государствами), так и между собой. В результате, отсутствует единая позиция МНПО по ряду вопросов, и подобные организации не рассматриваются как серьезный партнер в рамках международных переговоров, в частности ВВУИО и ФУИ.

Чаще всего эксперты рассматривают МНПО как организации гражданского общества, действующие на международном уровне, а в ряде случаев даже в глобальном масштабе. Однако ими не исчерпывается вся совокупность МНПО, действующих на международной арене. Так, в сфере управления интернетом, где негосударственные акторы традиционно были наиболее активны, спектр МНПО — участников особенно широк. Среди всего множества МНПО, участвующих в управлении интернетом следует выделять две подгруппы: организации гражданского общества и специализированные организации «интернет-сообщества».

По мнению С. Карновитца, деятельность МНПО наиболее эффективна в ходе создания новых областей международного права, или разработки новых межправительственных соглашений⁴²⁴. МНПО также участвуют в интерпретации положений международного права или же могут в ряде случаев контролировать выполнение государствами или иными акторами взятых на себя обязательств в рамках того или иного международного режима. МНПО и государства сами очень редко участвуют в поиске информации относительно соблюдения правил международных режимов. Как правило, для этих целей они привлекают МНПО, которые лучше информированы, и обладают ресурсами мобилизации электората страны-нарушителя, что зачастую позволяет правительству пересмотреть свою позицию по тому или иному вопросу⁴²⁵.

Кроме того, МНПО могут стимулировать создание новых МНПО, или же выполнять ряд функций в сотрудничестве с межгосударственными акторами. Все большее число МНПО становятся консультативными членами ММПО, выступая в качестве экспертов по определенным вопросам. Это объясняется тем, что в ряде случаев МНПО лучше информированы, обладают информацией «с места событий» и могут оказывать влияние на формирование общественного мнения. В этом случае представители НПО получают возможность выйти на международную арену и заявить

⁴²⁴ Charnovitz S. Nongovernmental Organizations and International Law // The American Journal of International Law. — 2006. — № 2 (100). — P. 348–372. — <http://links.jstor.org/sici?sici=0002-9300%28200604%29100%3A2%3C348%3ANOAI%3E2.0.CO%3B2-1>

⁴²⁵ Dai X. International institutions and national policies. — N.Y.: Cambridge University Press, 2007. — 187 p.

о своей позиции на весь мир. Так, в ООН сегодня существует целая система предоставления консультативного и ассоциированного статуса НПО⁴²⁶.

Таким образом, МНПО выполняют множество различных функций на международной арене, при этом надо отметить, что их функции более узкие, чем у ММПО, а возможности влияния на международные процессы незначительны.

В соответствии с традиционным подходом к исследованию роли МНПО в мировой политике, они изучались исключительно в их отношениях с государствами и межгосударственными организациями и преимущественно рассматривались как глобальные «группы интересов» или «группы давления», которые «скорее добиваются результата путем изменения политики правительства, чем путем прямых действий».

Однако в последние годы многие исследователи стали рассматривать негосударственные образования в качестве самостоятельных акторов, принимающих собственные решения и осуществляющих деятельность независимо от государств. Это касается, в первую очередь, организаций, предоставляющих разнообразные услуги, в особенности так называемых «транснациональных движений за социальные перемены», проводящих самостоятельную, независимую от органов власти (а часто и противодействующую им), образовательную, правозащитную и другую деятельность. Однако и организации, не вовлеченные напрямую в практическую деятельность по изменению ситуации, могут влиять на политические процессы в мире не только путем лоббирования государственных органов.

Как отмечает П. Уопнер, МНПО могут также «оказывать влияние на ценности, поведение и коллективный выбор больших групп людей» (например, призывая не приобретать экологически вредные товары или продукцию определенной фирмы или страны) и, таким образом, опосредованно оказывать давление на властные структуры, поскольку значение принимаемых ими решений в такой ситуации уменьшается. Во многих случаях, как указывает, например, эксперт Фонда Карнеги П. Дж. Симмонс,

⁴²⁶ Лебедева М.М. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира. // Космополис. — 2003. — № 1 (3). С. 28–38.

негосударственные акторы способны де-факто устанавливать новые нормы и стандарты, которые впоследствии подвергаются кодификации в виде государственных законов или межгосударственных соглашений⁴²⁷.

П. А. Цыганков полагает, что ряд МНПО могут функционировать как влиятельные международные акторы, и при этом располагают достаточными ресурсами, чтобы воздействовать на государства и ММПО в важных сферах международной жизни. В качестве примера можно привести действия Международного олимпийского комитета, и Международной федерации ассоциаций пилотов гражданской авиации⁴²⁸. По мнению ряда исследователей, МНПО являются более независимыми, чем национальные государства, вынужденные преследовать определенный национальный интерес. Таким образом, МНПО могут отстаивать «глобальную точку зрения». С данным утверждением можно поспорить — так зачастую МНПО могут выступать в качестве ширмы для проведения в жизнь интересов тех или иных влиятельных акторов (будь то бизнес-структуры или государства) на международной арене.

Негосударственные акторы международных отношений в разных странах имеют совершенно различные векторы развития, которые задают принципиально разные возможные траектории эволюции всей системы международных отношений. В этой связи интересно проследить некоторые существенные тенденции в эволюции отдельных типов акторов, в частности, транснациональных компаний, НКО, СМИ, политических партий и движений.

Так, уже во второй половине XX века наметилась достаточно четкая тенденция к формированию транснациональных корпораций (ТНК) и их выходу в систему международных отношений в качестве самостоятельных акторов, зачастую, не менее влиятельных, чем даже небольшие государства. К началу XXI века эта тенденция только укрепилась. Более того, состоялся активный

⁴²⁷ Цит. по Михеев А.Н. Принятие внешнеполитических решений в условиях развития новых информационных технологий: роль международных неправительственных организаций: Диссертация канд. полит.наук: 23.00.04 / МГИМО МИД России. — М., 2005. — 195 с.

⁴²⁸ Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Издание 2-е, переработанное и дополненное. / Под ред. Цыганкова П. А. — М.: Альфа-М, Инфа-М, 2007. — 319 с.

вход ТНК (в виде частных военных компаний) в сферу военно-политических отношений на мировой арене. Можно предположить, что тенденция влияния ТНК на международную обстановку будет и далее усиливаться.

С другой стороны, эта тенденция не приведет к превращению ТНК в полностью независимых игроков, чьи действия могут противостоять политике своих опорных государств. Скорее всего, ТНК будут стремиться оказывать больше влияния на проведение правительственного курса своих государств и использовать государственные ресурсы для достижения своих целей на международной арене. В то же время увеличение общего числа ТНК и их ресурсов влияния в ключевых странах мира, скорее всего, приведет к взаимному уравниванию их противоречивых устремлений. Поэтому степень влияния ТНК на политику ведущих государств будет зависеть от их способности создавать коалиции по интересам с участием других ТНК.

В период до 2040 года также продолжится усиление влияния СМИ на международную политику. Особенно это касается глобальных и крупных региональных СМИ, то есть тех из них, которые выходят за границы собственных государств и оказывают влияние на другие страны и народы. События, происходящие в реальности, будут утрачивать свое значение, в то время как будет увеличиваться роль интерпретации этих событий со стороны СМИ. По существу уже сейчас отчетливо наблюдается тенденция по превращению «виртуального пространства» СМИ в ключевое измерение военно-политических конфликтов.

Осознание этой новой роли глобальных и региональных СМИ все более овладевает умами не только профессиональных журналистов, но и работников государственного управления, политиков, представителей бизнеса и экспертов. На этой почве начинает проявляться тенденция к созданию эффективных коалиций между СМИ и государственными структурами в реализации общенациональных задач. Таким образом, можно ожидать, что СМИ превратятся из инструмента информирования общества в инструмент формирования общественного сознания. Причем, не стихийным путем, отражая преобладающие в элите того или иного общества настроения, а путем целенаправленного, сознательного и управляемого воздействия на общество.

Более того, охват такого воздействия, в отличие, например, от опыта СССР или Германии 30-х годов, выйдет далеко за пределы границ отдельных стран, охватывая целые регионы и даже весь мир. А это в свою очередь приведет к эффекту бумеранга, когда пропаганда, транслируемая СМИ будет оказывать воздействие не только на общественность различных стран, но и на элитарные круги, иницирующие эту пропаганду. В итоге сами эти круги окажутся в зависимости от СМИ и той реальности, которую они формируют. Как следствие, политики, использующие СМИ как мощный инструмент формирования реальности сами окажутся в зависимости от концепций и интерпретаций, вырабатываемых в недрах глобальных информационных корпораций.

Похожий процесс будет происходить с неправительственными организациями (НПО). Поскольку они рассматриваются некоторыми ведущими государствами как удобный инструмент ведения информационной и гибридной войны можно ожидать, что их роль в международных отношениях будет возрастать. Однако по мере того, как все большая часть внешнеполитической деятельности различных стран будет осуществляться через НПО, сами НПО будут во все большей степени воздействовать на политику своих правительств.

Во-первых, НПО приобретут значительное влияние на общественное мнение своих стран, а иногда даже популярность, лидерский потенциал и массы последователей. Во-вторых, в их руках окажутся значительные финансовые ресурсы, позволяющие привлекать к работе грамотных специалистов и талантливых людей. В итоге их интеллектуальный потенциал сравняется с государственным, а то и будет превосходить его. В-третьих, внутри государственного аппарата сформируются мощные лоббистские структуры, из лиц, связанных с работой тех или иных НПО, которые будут кровно заинтересованы в расширении спектра деятельности «своих» НПО и в увеличении государственного финансирования этой деятельности. В результате возникнет ситуация, когда сами НПО начнут формировать повестку дня для своих государств, а не наоборот. Видимо схожие отношения будут складываться между НПО и МНПО, с одной стороны, и ММПО, с другой.

Одновременно с ростом влияния НПО, будет ослабевать значение традиционных политических партий с их фиксированными партийными программами, построенными на жестких

идеологических моментах. Напротив, наблюдается расцвет разнообразных политических движений, которые имеют более гибкую систему ценностных и идеологических представлений. Так, по мнению многих европейских парламентариев, посетивших форум Совета Европы о роли политических партий, проходивший в Москве в октябре 2006 года, «политические партии в Европе находятся в периоде заката». Причем основные из них уже мало чем отличаются в программах и методах от своих основных политических конкурентов. При этом все большую роль начинают играть «непартийные структуры» гражданского общества, в первую очередь разнообразные НПО.

В условиях, когда реальность жизни становится все более виртуальной и зависящей от СМИ, а различные лоббистские группы, в том числе НПО, преследуют свои узкие цели, работа традиционных политических партий будет становиться все менее эффективной. С одной стороны, достижение политических целей будет все более зависеть не от реального результата, а от способности представить тот или иной результат в выгодном свете в информационном поле. С другой стороны, лоббистские группы, будут все более влиять на позицию партийных структур, навязывая им узкие утилитарные цели, без достижения которых будет невозможно добиться выгодного пропагандистского эффекта и соответственно влияния в обществе.

На международную политическую арену также все активнее выходят не традиционные организации, а сетевые структуры, например, криминальные и террористические. Они оказываются в состоянии влиять на политику стран, не имеющих устойчивой государственности. В ряде таких стран власть фактически оказывается под контролем криминальных сообществ, в особенности тех из них, которые связаны с наркоторговлей. Более того, криминальные и террористические организации играют все более важную роль и в формировании военно-политической обстановки в различных регионах. Эти структуры отличаются тем, что они принципиально не регулируются национальным правом, стремятся к укоренению в зонах, где отсутствует какая-либо государственная власть, в частности, там, где произошел коллапс государственных структур, вызванный иностранным военным вторжением, а также в т. н. «несостоявшихся государствах».

9.2. Международно-политические и военно-политические аспекты деятельности негосударственных акторов в их взаимодействии с государствами

В условиях усложняющейся системы международных отношений и мировой политики, государства обнаружили, что им для повышения собственного влияния необходимо взаимодействовать не только с другими правительствами, но и с другими обществами. Практика общения с обществами в других государствах (поверх национальных структур соответствующего государства) существовала и ранее. В частности, она была отработана в период «холодной войны», как в СССР, так и в США в рамках пропагандистских и «информационных войн» того времени. Уже тогда стали возникать не только государственные структуры, занятые работой с общественными структурами других государств, но и общественные структуры в одном государстве, предназначенные для работы с общественными структурами других государств. Примерами могут служить общества дружбы с зарубежными странами в СССР. Правда, в ту эпоху такие формы носили зачаточный характер.

В более глобализованном мире современности возможности государственных акторов по общению и воздействию на другие общества существенно возросли. Это связано с большей гибкостью, сетевым характером построения и неочевидной связью с государственными учреждениями и финансированием НПО. Как следствие, в современной мировой политике развиваются многочисленные формы взаимодействия, где имеют место сложные коалиции разнообразных акторов. Эти коалиции могут включать в себя следующие элементы: структуры государства — субъекта воздействия, структуры общества, являющегося объектом воздействия, структуры общества государства-субъекта. Структуры государства-объекта воздействия могут, как входить в эту коалицию, если государства дружественные, так и противостоять ее деятельности (если имеют место конфликты

и противоречия). Причем, соответствующие сложносоставные коалиции могут иметь разный состав и структуру в разных сферах внешнеполитической практики (публичная дипломатия, военно-политическая сфера, социально-экономическая сфера, культурно-гуманитарная сфера).

9.2.1. Формы и методы взаимодействия негосударственных акторов с государствами

В соответствии с традиционным подходом, негосударственные акторы, в частности НПО и МНПО, рассматриваются как «группы интересов» и «группы давления», которые скорее добиваются результата путем изменения политики правительств, чем путем прямых действий. Так, оказывая воздействие на общественное мнение внутри того или иного государства, МНПО оказывает давление и на правительство того или иного государства в ходе принятия внешнеполитических решений. По мнению отечественного исследователя П. А. Цыганкова — главное условие воздействия МНПО на мировые процессы — их связь с межправительственными организациями⁴²⁹.

Кроме того, государства часто привлекают МНПО для сбора информации и предоставления экспертных оценок. В обмен МНПО рассчитывают получать от государства поддержку, в том числе информационную. Растущая взаимозависимость между государствами и МНПО — лишь один из примеров их взаимозависимости.

Предоставляя информацию и мобилизуя общественное мнение, МНПО получают возможность влиять на процесс принятия решений принимаемых в рамках ММПО, высказывая свое мнение по интересующим их вопросам. В последние годы масштабы сотрудничества ММПО и МНПО постоянно возрастают, что ведет к усилению влияния МНПО на международные процессы.

⁴²⁹ Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Издание 2-е, переработанное и дополненное. / Под ред. Цыганкова П. А. — М.: Альфа-М, Инфа-М, 2007. С. 166.

Также происходит расширение взаимодействия МНПО с бизнес сообществом. В последнее время различные компании все более привлекают потенциал МНПО для практической реализации концепции «социально ответственного бизнеса». Однако взаимодействие МНПО и бизнес-структур характеризуется не только сотрудничеством, но и конфликтностью. По мнению исследователей Британского центра Sustain Ability, можно выделить пять направлений влияния МНПО на бизнес:

- публичные кампании против конкретных корпораций и их объединений;
- использование «знания рынка», то есть воздействие на тех, от кого зависит деятельность компании: сотрудников, клиентов и поставщиков, инвесторов — с целью повлиять на политику целевой компании;
- «вовлечение бизнеса» — создание постоянно действующих партнерских объединений, совместных советов и других структур, включающих представителей бизнеса и общественности, и направленных на достижение долгосрочных целей (например, в сфере экологии);
- «умные рынки» — использование рыночных механизмов (например, формирования спроса на определенные товары, установления общих для всех участников рынка правил, стандартов, процедур) для поддержки компаний, политика которых соответствует целям МНПО и наоборот;
- «разрушение рынка» — взаимодействие с регулирующими структурами (чаще всего государственными), включение в процесс выработки экономической политики (на национальном и международном уровне) с целью изменить принципы функционирования рынка в том случае, где достичь поставленной цели в рамках существующей системы невозможно⁴³⁰.

Существует, по меньшей мере, 4 сферы — публичная дипломатия, военно-политическая, социально-экономическая и культурно-

⁴³⁰ Цит. по Михеев А. Н. Неправительственные объединения как акторы мировой политики. // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. / Под ред. Лебедевой М. М. — М. 2008. С. 131

гуманитарная сферы, в которых в современном мире возможно налаживание эффективного взаимодействия государственных и негосударственных акторов. Причем характер отношений, внутри каждой из этих сфер, постоянно усложняется. Так, в сфере публичной дипломатии происходит переход от простой пропаганды времен «холодной войны» к сложным, менее идеологизированным и более опосредованным формам взаимодействия государства с разнообразными негосударственными структурами (как на собственной территории, так и на территории других государств). Наблюдается формирование сложных, многосоставных коалиций (в отличие от достаточно простых форм использования государственных или подконтрольных общественных структур в период «холодной войны»). Можно, также обнаружить более сложный и ситуативный характер коалиций, возникающих вокруг той или иной темы.

В сфере экономики в настоящее время наблюдаются более сложные схемы взаимодействия государства и ТНК. В период глобализации ТНК фактически вышли из национальной юрисдикции. Однако через лоббизм они продолжают взаимодействовать с государствами, а государства через различные юридические, политические, экономические и кадровые механизмы продолжают влиять на ТНК. Это и создает очень сложную структуру коалиционных взаимодействий в данной области.

В военной сфере наблюдается переход от простых схем опоры на государственные структуры в проведении военно-политических кампаний к аутсорсингу. Эта тенденция может принимать разные, достаточно причудливые формы, а сопротивление этому процессу может быть особенно интенсивным. Военная сфера более государство-центрична (т.е. традиционно основную роль в военном деле играют государственные структуры, и здесь труднее использовать гражданское общество). К тому же военная сфера наиболее национацентрична, т.е. она обычно ориентирована на защиту интересов данной конкретной нации против других наций, а не на реализацию каких-то функций глобального характера.

Гуманитарно-культурная сфера характеризовалась широким и интенсивным взаимодействием государственных и негосударственных структур уже во время «холодной войны». Однако в период глобализации эта тенденция усилилась. В частности,

на завершающем этапе «холодной войны» и, особенно, после ее окончания сформировалась и в политическом плане консолидировалась универсальная правовая база для взаимодействия государств и негосударственных игроков. Речь здесь идет о различных международно-правовых актах — Декларации прав человека и других документов ООН, а также третьей корзине СБСЕ/ОБСЕ.

В сфере культуры уже в период «холодной войны» четко обнаружилось, что для усиления позиций государства нужно взаимодействовать с гражданским обществом, причем, не только своей страны, но и с обществом страны-объекта воздействия. Скажем, для организации концертов, выступлений театров, издания книг в других странах и т. п. нужны очень тонкие формы взаимодействия государственных структур и гражданского общества в разных странах. Такие формы взаимодействия достаточно четко наметились еще до периода глобализации, но в связи с усилением взаимозависимости человечества и интенсификацией культурных контактов они только усилились.

Следует отметить, что первая и четвертая сфера взаимодействия государственных и негосударственных акторов больше относятся к сфере «мягкой силы», вторая и третья — к сфере «жесткой силы». Таким образом, тенденция к взаимодействию государственных и негосударственных игроков усилилась после окончания «холодной войны» как в сфере «мягкой силы» (публичная дипломатия, культурно-гуманитарная сфера), так и в сфере «жесткой силы» (военная и экономическая сферы).

В современной мировой политике обнаружили также два ключевых метода (или, скорее, набора методов) взаимодействия. Во-первых, это простые прямые контракты. То есть речь идет о ситуации, когда государства прямо нанимают неправительственные организации, чтобы они осуществляли конкретную работу. Это включает аутсорсинг, выделение грантов, субсидий и т. п. Во-вторых, может иметь место коалиционное взаимодействие, когда государство состоит в ситуативных коалициях с негосударственными акторами, оказывая поддержку (в том числе, политическую, дипломатическую, информационную, моральную и т. п.) путем использования инструментов прямого или косвенного влияния.

9.2.2. Влияние коммерциализации и глобализации на взаимодействие государств и СМИ

В эпоху глобальных обменов информации, активного внедрения новых технологий массовых коммуникаций и новых методов работы СМИ наибольшие изменения во взаимодействии государства и негосударственных акторов коснулись именно этой сферы. Еще во времена «холодной войны» даже в западных демократиях, где СМИ, зачастую, относились к частному сектору, вмешательство государства в их деятельность было довольно значительным. Об этом, в частности, писал Монро Прайс, охарактеризовавший складывающуюся систему отношений, как «рынок для своих». По его словам, средство массовой информации может быть допущено на рынок, если его редакционная политика следует формальным и неформальным правилам, определяемым элитными кругами. Вход на рынок при этом ограничивается, что препятствует конкуренции и способствует увеличению прибылей уже присутствующих на рынке компаний⁴³¹. Однако все это относилось, в основном, к «внутреннему» информационному пространству государств.

Ключевым инструментом государств во внешнем мире были структуры «ино вещания». Последние были ближе к государственным органам, чем к частным СМИ, особенно, если они финансировались напрямую из государственного ведомства (как Voice of America), а не через общественную вещательную компанию (как BBC)⁴³². После окончания «холодной войны» господство государственных (или косвенно связанных с ним, как BBC) «ино вещательных» компаний прекратилось по двум причинам. Во-первых, в моду в связи с господством неолиберализма в экономической науке вошел рыночный подход к решению всех социальных и государственных проблем. В связи с этим во многих странах имела место либерализация информационного пространства.

⁴³¹ Monroe Price. Media and Sovereignty : The Global Information Revolution and its Challenge to State Power. 2002. Pp. 31–33.

⁴³² Andrew M. Clark, Olaf Werder Analyzing International Radio Stations: A Systems Approach. // The International Communication Gazette. VOL. 69(6). Pp. 531–532.

Это способствовало снижению популярности традиционного «иновещания»⁴³³.

Во-вторых, начали меняться предпочтения публики, воспитанной на изолированных методах подачи информации частными компаниями (вроде «soft news» и других маркетинговых уловок). Многие международные проблемы сейчас подаются через действия звезд киноиндустрии или музыкальной индустрии. Например, обсуждение проблем Африки начало интересовать мировые СМИ после усыновления актрисой Анджелиной Джоли ребенка в Намибии. Обсуждение проблем Тибета активизировалось после того, как актер Ричард Гир принял буддизм. Жители США все чаще получают новости из подобных «мягких» источников (например, по каналу MTV). В то же время, традиционные новостные сообщения пользуются все меньшей популярностью. В частности, это сказывается на падении рейтинга и доходов CNN⁴³⁴.

Поэтому в практике государств появилась новая тенденция — создавать или содействовать формированию СМИ. Последние при этом организованы как независимые, действующие в рыночной среде. Тенденция содействия созданию коммерческих СМИ — важный аспект взаимодействия государственных и негосударственных акторов в новых условиях. При этом частные компании вступают с государственными структурами в сложные коалиционные взаимодействия, так как содействие созданию идет для того, чтобы реализовать какие-то интересы государства.

Глобализация и развитие технологий привели также к появлению технической возможности трансляции в прямом эфире из любой точки планеты. В результате возник «эффект CNN», который, по мнению разных исследователей, либо напрямую стал влиять на политические решения⁴³⁵, либо стал способствовать

⁴³³ Juyan Zhanga, Brecken Chinn Swartz. Toward a model of NGO media diplomacy in the Internet age: Case study of Washington Profile. // *Public Relations Review* 35 (2009). P. 48.

⁴³⁴ Matthew A. Baum. Sex, Lies, and War: How Soft News Brings Foreign Policy to the Inattentive Public. // *The American Political Science Review*, Vol. 96, No. 1 (Mar., 2002), pp. 104–106.

⁴³⁵ Livingston, S., & Eachus, T. Humanitarian crises and U.S. foreign policy: Somalia and the CNN effect reconsidered. // *Political Communication*, 12. 1995. P. 413.

популяризации принимаемых правительством решений среди избирателей⁴³⁶. Таким образом, у государств усилился интерес к формированию эффективно действующих коалиций с прессой. Впрочем, общеизвестное влияние результатов соцопросов на принятие решений в разных странах мира в современных условиях сближает эти две точки зрения⁴³⁷.

К настоящему времени тенденция к влиянию масс-медиа на население еще более усилилась за счет развития новых средств коммуникации (интернет, социальные сети), зачастую, даже в ущерб традиционным средствам информации (в частности, в последнее время из-за конкуренции интернета резко снизились доходы не только у «бумажной» прессы, но даже и у ведущих электронных СМИ, типа CNN). В частности, эта тенденция проявилась в развитии нового поколения массовых движений, как в западном мире, так и за его пределами. Новые «сетевые» движения вроде «Tea Party Movement» в связи с развитием новых «безбарьерных», сетевых коммуникационных технологий оказали решающее влияние на эволюцию Республиканской партии в США⁴³⁸, а движение «Occupy Wall-street» может оказать сходное влияние на Демократическую партию⁴³⁹.

Данная тенденция вышла далеко за пределы западного мира. Новые масс-медиа сильно повлияли на «цветные революции» на постсоветском пространстве⁴⁴⁰ и «арабскую весну»⁴⁴¹. Очевидно, что затронутой ей оказалась не только сфера внутренней, но и внешней политики, которые в современном глобализованном мире неизбежно сливаются в единую сферу «мировой политики».

⁴³⁶ Gilboa E. The CNN effect: the search for a communication theory of international relations. // *Political Communication*. 2005. 22(1). P. 34.

⁴³⁷ Бурдые П. Общественное мнение не существует // *Социология политики*: Пер. с фр. Г. А. Чередниченко/Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 159–177.

⁴³⁸ Theda Skocpol, Vanessa Williamson. *The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism*. Oxford Univ. Press, 2012.

⁴³⁹ Sarah Van Gelder, Staff of Yes! Magazine. *This Changes Everything: Occupy Wall Street and the 99% Movement*. Berett-Koehler Publishers, 2011.

⁴⁴⁰ Lincoln A. Mitchell. *The Color Revolutions*. University of Pennsylvania Press, 2012.

⁴⁴¹ Philip N. Howard, Muzammil M. Hussain. *Democracy's Fourth Wave?: Digital Media and the Arab Spring*. Oxford University Press, 2013

Эти тенденции также привели к заинтересованности государственных структур к взаимодействию с новыми негосударственными игроками, в том числе, и путем образования сложных коалиций не только со СМИ, но и с различными акторами, проявляющими активность в интернете (вплоть до отдельных популярных блоггеров, влияние которых даже по формальному критерию числа подписчиков и «друзей» может приближаться к СМИ).

9.3. Новые тенденции во взаимодействии США с негосударственными акторами во внешнеполитической сфере

Наиболее четко тенденции по росту взаимодействия государственных и негосударственных акторов в современной мировой политике проявляются в практике самых развитых и влиятельных государств мира, прежде всего, США и стран ЕС (а также ЕС как структуры, в целом). Именно на эти примеры взаимодействия государственных и негосударственных игроков обычно ориентируются и другие влиятельные державы современного мира. Поэтому опыт взаимодействия с негосударственными акторами во внешней политике ведущих западных государств, включая ключевые методы и сферы этого взаимодействия, может рассматриваться как наиболее репрезентативный, наиболее передовой. Он также может использоваться (разумеется, после соответствующего критического анализа и адаптации) и в практике российских ведомств.

Новые формы взаимодействия государственных структур США с негосударственными акторами стали возникать вследствие экономической глобализации и борьбы с терроризмом. Обе эти сферы достаточно четко связаны с двумя ключевыми элементами «жесткой силы» (hard power) — экономическим и военным⁴⁴².

⁴⁴² В западной литературе эти элементы достаточно явно противопоставляются нематериальной «мягкой силе». В российской литературе в «мягкую силу» иногда включают экономический компонент, что явно противоречит логике создателей теории «мягкой силы», в частности, Дж. Ная.

В этом сказались две отличительные особенности США, наложившие свой отпечаток на военные и экономические аспекты жизни страны:

1. огромная роль бизнеса и частного предпринимательства во всех сферах жизни страны, сопровождающаяся развитием наиболее передовых технических средств и образцов организации;
2. роль США как военного лидера западного мира.

Такое преимущественное развитие элементов «жесткой силы» при взаимодействии государства и негосударственных игроков предопределило сам характер американского «вклада» в эту сферу: особенно развивались инструментарные, технические аспекты взаимодействия государства и негосударственных акторов. В этой инструментарной, технической сфере США стали пионером в области налаживания взаимодействия государства и негосударственных акторов. Анализ этих достижений в плане развития прикладных инструментов важен потому, что, как показывает анализ в предыдущем параграфе, они быстро стали заимствоваться всеми ведущими державами мира, в том числе, и азиатскими. В частности, представляют они интерес и для России.

Следует отметить, что при внедрении в практику новых методов взаимодействия государства и негосударственных структур возникали и определенные конфликты. Последние, в каком-то смысле, даже неизбежны, если речь идет о сфере военно-политической, которая, по определению, государственно-центрична. В частности, во всех развитых странах уже привыкли к тому, что легальной монополией на насилие обладает только государство. Противоречия с этой моделью возникли при внедрении взаимодействия государственных и частных компаний на новой основе (путем «аутсорсинга» существенной части задач, возникающих в ходе военных операций за рубежом, частным военным кампаниям). Непростое восприятие в обществе, даже американском, привыкшем к свободному предпринимательству во всех сферах, деятельности частных военных компаний, показывает история компании «Блэкуотер»⁴⁴³. Несмотря на эти противоречия, как мы

⁴⁴³ Scahill Jeremy. Blackwater: The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army. Washington, Nation Books 2007.

покажем ниже, именно военно-политическая сфера (в частности, проблематика «войны с терроризмом» и борьбы с другими новыми и нетрадиционными угрозами) была «драйвером», одним из основных стимулов для продвижения новых методов взаимодействия государства и негосударственных акторов.

9.3.1. Новые тенденции взаимодействия правительства США и СМИ

Военные операции США и их союзников по «антитеррористической коалиции» в Афганистане и Ираке продемонстрировали резкое усиление роли частных масс-медиа в современных конфликтах⁴⁴⁴. В докладе группы американских и английских экспертов о трансформации военных операций отмечается, что уровень освещения военных операций в СМИ и сети интернет (виртуальный уровень) стал самостоятельным и чрезвычайно важным аспектом боевых действий⁴⁴⁵. В соответствии с этим два традиционно признанных наукой уровня боевых действий (стратегический и операционно-тактический) предлагается дополнить третьим, виртуальным уровнем. При этом стратегический и виртуальный уровень являются двумя пересекающимися сферами, а сфера их пересечения создает оперативно-тактический уровень.

Все оперативно-тактические действия в современных условиях могут быть освещены прессой и оказаться, таким образом, в виртуальном пространстве СМИ и сети интернет⁴⁴⁶. Весь ход операции, поэтому, в равной степени виртуален и реален, он происходит на поле боя и отражается в масс-медиа. События в их реальной (стратегической) глубине зачастую ускользают от общественного мнения, поэтому в виртуальном пространстве СМИ существует масса противоречивых оценок ситуации.

⁴⁴⁴ Denis McQuail. On the Mediatization of War. A Literature Review. // The International Communication Gazette. Vol. 68(2). P. 107.

⁴⁴⁵ Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005.

⁴⁴⁶ Gowing Nik. Real Time Crises: New Real Time Tensions. Report. Conflict, Security and Development Research Programme of King's College. — London. 26 April 2005. — <http://www.kcl.ac.uk/depsta/wsg/research/csdresch.html>

Поэтому две сферы — стратегическая (уровень объективной реальности) и виртуальная (уровень ее отражения в СМИ) пересекаются лишь частично. Это дает широкие возможности для манипулирования общественным мнением, несмотря на то, что все события «оперативно-тактического» уровня освещаются СМИ. Аудитория СМИ может видеть картинку операции, но она не понимает стратегической сути событий. Поэтому военные могут через сотрудничество со СМИ навязать публике выгодную себе перспективу, сквозь которую видятся тактические события.

Другую причину возможности искажения восприятия ситуации аудиторией СМИ в начале военных кризисов осветили Мэттью Баум и Филипп Поттер⁴⁴⁷. Они применили к данной ситуации формулу соотношения спроса и предложения на рынке. В момент начала конфликта политические элиты обладают большим объемом информации о ситуации, тогда как аудитория не обладает практически никаким. Поэтому именно лидеры поставляют СМИ первичную информацию. В дальнейшем знание о ситуации аудитории увеличивается быстрее, чем информация, доступная лидерам. Поэтому последние теряют свою монополию. В случае, если лидеры навязали обществу мифы о причинах конфликта, последние разоблачаются (пример — ситуация с несуществующим химическим оружием, ставшая поводом для конфликта в Ираке). Однако возможность навязать общественному мнению изначальную структуру восприятия ситуации для властей достаточно ценна. Ведь именно в начале каждого события для большинства общества формируется структура его восприятия. Критически мыслящие люди, способные под влиянием новой информации пересмотреть свою позицию, в большинстве случаев не столь уж и многочисленны. Поэтому последующие разоблачения, как правило, влияют в меньшей степени на восприятие событий. И уж точно, даже если разоблачительные сообщения превысят какую-то критическую массу и изменят мнения большинства, они не смогут предотвратить действия властей, они смогут лишь снизить репутацию последних постфактум. В частности, это имело место в ходе событий в Ираке.

⁴⁴⁷ Matthew A. Baum, Philip B.K. Potter. The Relationships Between Mass Media, Public Opinion, and Foreign Policy: Toward a Theoretical Synthesis. // Annual Review of Political Science. 2008. 11. Pp. 42–51.

Вал разоблачительной информации о ситуации в Ираке и о причинах ввода туда американских войск привел со временем к резкому снижению репутации всей администрации Дж. Буша-младшего и лично президента. Однако в ходе самого вторжения в Ирак рейтинги руководства США были очень высокими, общественная поддержка внешней политики была обеспечена, что и требовалось. Разоблачения серьезно сказались на администрации уже во второй половине второго срока президентства Дж. Буша-младшего, когда для судьбы последнего они уже никакой роли не играли: бывший президент по традиции все равно отходит от активной политики.

Итак, в ходе последних конфликтов с участием США выявился интерес государства (в лице военных кругов) в специфических способах взаимодействия со СМИ. С другой стороны, структура распространения информации в начале военных конфликтов дает возможность реализовывать этот интерес. Это создало новый, чрезвычайно актуальный способ коалиционных взаимодействий государственных и негосударственных структур в информационном поле. Последний, по сути, превратился в новое, почти самостоятельное измерение военных действий.

9.3.2. Новые тенденции взаимодействия правительства США с бизнес сообществом

В США сложились устойчивые формы взаимодействия государства и крупного бизнеса, проявляющиеся в кадровом обмене между корпорациями и госаппаратом, а также в лоббизме различных законопроектов и финансовых ассигнований через Конгресс США. Государство также постоянно оказывало поддержку американским корпорациям на международной арене, в том числе путем организации госпереворотов и смещения неугодных режимов в различных странах, прежде всего, в Латинской Америке. Со временем эти взаимоотношения стали формализоваться. Первый Деловой Совет за международное понимание был создан еще в 1953 году. В дальнейшем его заменили другие структуры⁴⁴⁸.

⁴⁴⁸ Crocker Snow Jr. Public diplomacy practitioners: a changing cast of character. // Journal of Business Strategy. Vol. 27 No. 3 2006. P. 20.

В 2000-е гг. можно зафиксировать новый этап во взаимодействии государства и бизнеса, характеризовавшийся особо активным заимствованием бизнес-практик в политике и военном деле. При этом импульсы в этом направлении проистекали от самого бизнеса. Так, например, в 2007 году организация «Бизнес за дипломатическое действие» выпустила доклад о роли делового сообщества во внешней политике государства. В докладе подчеркивается, что государственным структурам необходимо учиться у бизнеса умению исследовать настроения, доминирующие среди обществ других стран и адаптироваться под него. Также госструктурам желательно поучиться у фирм опыту продвижения собственного бренда на зарубежные рынки⁴⁴⁹.

Тенденция к взаимодействию внешней политики государства и бизнеса, особенно, большого, очень широко проявилась в период двух президентских сроков Дж. Буша-младшего. Именно в этот период можно зафиксировать новый этап такого взаимодействия, характеризовавшийся активным переносом бизнес-практик во внешнюю политику и в военную сферу. Среди причин этого можно упомянуть распространение неолиберальной экономической идеологии, которая считала, что частные компании во всех случаях лучше выполнят соответствующие функции, чем государственные структуры.

Кроме того, администрация Дж. Буша-младшего была очень тесно связана с крупным бизнесом и проводила, таким образом, его интересы. Зачастую, приватизация части функций государства и «аутсорсинг» сопровождались лоббистскими скандалами⁴⁵⁰. Все эти тенденции быстро проявились и в дипломатической практике. В частности, сотрудничество государства с частными компаниями стало одним из основных элементов концепции «трансформационной дипломатии», предложенной госсекретарем США Кондолизой Райс⁴⁵¹.

⁴⁴⁹ Business for Diplomatic Action. *America's Role in the World: A Business Perspective on Public Diplomacy*. October 2007. http://www.businessfordiplomaticaction.org/learn/articles/bdawhitepaper_oct07final.pdf

⁴⁵⁰ Scahill Jeremy. *Blackwater: The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army*. Washington, Nation Books 2007.

⁴⁵¹ Condoleezza Rice. *Private Sector Summit on Public Diplomacy. A Cooperative Initiative of the U.S. Department of State and the PR Coalition*. 2007. http://72.32.147.97/pr_coalition/pdf/PrivSectorSummitPaper_4-5.pdf

Джеффри Пигман и Энтони Деос выделяют три формы взаимодействия внешней политики государства и бизнеса на современном этапе.

1. Выделение площадки для взаимодействия частного сектора и государств (например, Всемирный Экономический Форум в Давосе).
2. Совместная работа по продвижению бренда государства.
3. Использование коммерческих пиар-агентств для представительства интересов государств⁴⁵².

Американское государство и американский бизнес изначально были среди глобальных лидеров в плане развития всех трех форм, однако в дальнейшем соответствующие распространились по миру. Одной из форм такого распространения стал наем американских пиар-агентств для продвижения интересов государств, в том числе, и имеющих сложные отношения с США (например, частная компания Capitol Links является представителем интересов Республики Сербской⁴⁵³). Однако американские власти имеют возможность законодательно блокировать такого рода работу агентств, с теми государствами, с которыми США находятся в прямом конфликте. Поэтому речь здесь идет не только о продвижении интересов других государств в США, но и о продвижении внешнеполитических интересов США. По ряду оценок другие государства тратят не менее 150 миллионов долларов в год на работу американских компаний, специализирующихся в сфере связей с общественностью⁴⁵⁴.

Очень большую роль в организации деятельности американских военных к настоящему времени стала играть передача части функций (включая снабжение, охрану, сервис, и т. п.) от армии частным компаниям (аутсорсинг). Этот процесс не был бесконфликтным, он сопровождался сопротивлением со стороны общества. Одним из крупнейших подрядчиков в этой сфере стала компания «Блэкуотер», подвергшаяся многочисленным разоблачениям

⁴⁵² Geoffrey Allen Pigman, Anthony Deos. *Consuls for Hire: Private Actors, Public diplomacy.* // *Place Branding and Public Diplomacy.* 2008. Vol. 4, 1. P.

⁴⁵³ Geoffrey Allen Pigman, Anthony Deos. *Consuls for Hire: Private Actors, Public diplomacy.* // *Place Branding and Public Diplomacy.* 2008. Vol. 4, 1. P.

⁴⁵⁴ Yasin Al-Yasin, Ali A. Dashti. *Foreign Countries and U.S. Public Relations Firms: The Case of Three Persian Gulf States.* // *Journal of Promotion Management, Volume 14, Issue 3 & 4* 2008. P. 355.

в СМИ⁴⁵⁵. Как мы покажем ниже, аутсорсинг фактически применяется и в сотрудничестве государства и общественных организаций (правда, он может принимать в этой сфере более тонкие формы, например, проявляться в форме грантового финансирования).

В рамках операций в Ираке и Афганистане огромную роль сыграли негосударственные структуры⁴⁵⁶. Последние включают в себя как различные некоммерческие организации (правозащитные, благотворительные, просветительские), так и бизнес-структуры (фирмы, занимающиеся различными видами охранной деятельности). Все эти организации стали ключевыми союзниками американского государства в борьбе с такими новыми вызовами и угрозами безопасности, как терроризм. При этом возникла практика «отбора» наиболее «ответственных» и «общественно полезных организаций» и взаимодействия официальных структур с ними, в том числе, путем передачи им бюджетных средств для решения государственных задач.

Важную роль в сотрудничестве государственных и негосударственных структур (как коммерческих, так и НГО) сыграл опыт, полученный США в ходе операций по постконфликтному восста-

⁴⁵⁵ См., например: Scahill Jeremy. *Blackwater: The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army*. Washington, Nation Books, 2007.

⁴⁵⁶ Davidson L.W., Hayes M.D., Landon J.J. *Humanitarian and Peace Operations: NGOs and the Military in the Interagency Process*. — Wash., 1996; De Ruyter A.J.C. *Civil-military Cooperation: Core Business in (Future) Peace Support Operations*. — Carlisle Barracks: U.S. Army War College, 1999; Gibson C.P., Snider D.M. *Explaining Post-Cold War Civil-Military Relations: A New Institutional Approach*. Project on U.S. Post-Cold War Civil-Military Relations Working Paper №8. — Cambridge (Mass.): Harvard Univ., John M. Olin Institute for Strategic Studies, 1997; Gregor W.J. *Toward a Revolution in Civil-Military Affairs: Understanding the US Military in the Post-Cold War Period*. Project on U.S. Post Cold-War Civil-Military Relations Working Paper №6. — Cambridge (Mass.): Olin Institute for Strategic Studies, Harvard Univ., 1996; London J.J., Hayes R.E. *National Approaches to Civil-Military Coordination in Peace and Humanitarian Assistance Operations*. — Vienna (Virg.): Evidence Based Research, Inc., 1996; Weiss T.O. *Learning from Military-Civilian Interactions in Peace Operations // International Peacekeeping*. — 1999. — Summer. — V. 6. — № 2. — P. 112–128; Zandee D. *Civil-Military Interaction in Peace Operations // NATO Review*. — 1998. — Spring. — V. 47. — № 1. — P. 10–13; Williams M. *Civil-Military Relations and Peacekeeping*. Adelphi Paper № 321. — L., 1999.

новлению в Афганистане и Ираке⁴⁵⁷. В США для интеграции усилий по постконфликтному восстановлению было создано Управление государственного координатора по реконструкции и стабилизации (Office of the State Coordinator for Reconstruction and Stabilization), координирующее усилия всех федеральных ведомств и негосударственных структур.

Сходные тенденции взаимодействия государства и общественных структур проявились далеко за пределами чисто военной сферы. В США широкое распространение получила практика финансирования ряда программ в сфере публичной дипломатии из бюджета. Деньги выделяются в федеральном бюджете, затем проводится конкурс неправительственных организаций, среди которых выбирается оператор программ. Пример Freedom House (формально независимой исследовательской организации, на 80% финансируемой федеральным правительством США⁴⁵⁸) показывает, что важные информационно-пропагандистские функции также могут являться объектом аутсорсинга. Причем, эта организация была создана еще в 1941 г. супругой Президента США Рузвельта Элеонорой, так что данную тенденцию трудно назвать совсем новой⁴⁵⁹.

В целом, рассматривая общие тенденции во взаимодействии государственных и негосударственных структур во внешней политике США в эпоху глобализации, можно отметить следующее:

- США стали пионером в области налаживания взаимодействия государства и негосударственных акторов во многих сферах, в частности, в сфере военно-политической.

⁴⁵⁷ Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005; Binnendijk Hans and Stuart Johnson, eds. Transforming for Stability and Reconstruction Operations. NDU Press. — April 2004. Executive Summary. — Chapters 4–7; Arnas Neyla, Charles L. Barry and Robert B. Oakley. Harnessing the Interagency for Complex Operations, Defense and Technology Paper. NDU-CTNSP. — August 2005; Millen Raymond A. Afghanistan: Reconstituting a Collapsed State, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. — April 2005; Ward Celeste. The Coalition Provisional Authority's Experience with Governance in Iraq: Lessons Learned. United States Institute of Peace Special Report # 139. — May 2005.

⁴⁵⁸ Freedom House 2006 Annual Report. P. 24. http://www.freedomhouse.org/uploads/special_report/49.pdf

⁴⁵⁹ freedomhouse.org: About Us. <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=2>

- Американцы стали налаживать такое взаимодействие во всех сферах (включая даже аутсорсинг в военной сфере). Причем, зачастую, несмотря на скандальные ситуации, типа проблем с имиджем частных военных компаний, именно военно-политическая сфера (в частности, проблематика «войны с терроризмом» и борьбы с другими новыми и нетрадиционными угрозами) была «драйвером», основным стимулом для продвижения новых методов взаимодействия государства и негосударственных акторов.
- Наибольшие достижения США — в плане развития разного рода прикладных инструментов проведения политики государства через негосударственных акторов. Это связано с концентрацией на элементах «жесткой силы» государства, проводимых (в виде «умной силы») через негосударственные структуры. Эти достижения в плане развития прикладных инструментов затем заимствуются всеми ведущими державами мира. В частности, представляют они интерес и для России.

9.3.3. Взаимодействие правительства США с негосударственными акторами в военно-политической области

Активизация новых вызовов и угроз в третьем тысячелетии привела к тому, что в США была выдвинута концепция «операций переходного типа»⁴⁶⁰. В ее рамках в современной военной науке была создана новая концепция взаимодействия государственных и негосударс-

⁴⁶⁰ Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — Norfolk, Virginia. 14–15 March 2005. См. также: Military Operations Research Society. Warfare Analysis and Complexity. Workshop Report. — Johns Hopkins University, Maryland. 15–17 September 1997; Naval Studies Board, National Research Council, Modeling and Simulation, Volume 9 of Technology for the United States Navy and Marine Corps, 2000–2035; Becoming a 21st Century Force, National Academy Press. — Washington (DC), 1997; Waldrop, M. Complexity, the Emerging Science at the Edge of Order and Chaos. — New York, 1992; James, Major Glenn E. Chaos Theory: The Essentials for Military Applications. — Newport, Rhode Island, 1996; Wood John R. Experimenting for Operations on the Cusps. — *RUSI Journal*, August 2005.

твенных акторов. Она включает в себя сотрудничество государства со СМИ, новые методы подготовки и проведения военно-политических кампаний, усовершенствования в области взаимодействия государства с негосударственными (коммерческими и некоммерческими) структурами; реформы, направленные на улучшение взаимодействий между различными ведомствами и негосударственными акторами в процессе постконфликтного восстановления, и т. п.⁴⁶¹

Новые типы операций требуют усиления обмена информацией внутри ведомств, между различными ведомствами и другими структурами, вовлеченными в операции (иностранные союзники, дружественные негосударственные, общественные и коммерческие организации). Очень много информации, своевременное обладание которой играет ключевую роль, например, в борьбе с террористами, пропадает на границах между различными структурными подразделениями и уровнями одного ведомства, либо разными ведомствами и организациями. Данная задача имеет организационные, кадровые и технические аспекты.

С организационной точки зрения необходимо создание военных подразделений, которые бы занимались обменом информацией, в том числе, с негосударственными акторами. Традиционный пример — спецподразделения по пропаганде и взаимодействию со СМИ, подразделения сотрудников, занятые взаимодействием с частными коммерческими структурами, и т. п. С кадровой точки зрения целесообразна соответствующая подготовка всего персонала. С технической точки зрения нужна разработка взаимно совместимых электронных баз данных, сетевым образом включающих в себя государственные и негосударственные структуры⁴⁶².

⁴⁶¹ Interagency Coordination During Joint Operations. Joint Pub 3–08. — Wash.: Joint Chiefs of Staff. — 9 Oct. 1996; Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005. — P.5–6; Arnas Neyla, Charles L. Barry and Robert B. Oakley. Harnessing the Interagency for Complex Operations, *Defense and Technology Paper*. NDU-CTNSP. — August 2005; Millen Raymond A. Afghanistan: Reconstituting a Collapsed State, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. — April 2005; Ward Celeste. The Coalition Provisional Authority's Experience with Governance in Iraq: Lessons Learned. *United States Institute of Peace Special Report # 139*. — May 2005.

⁴⁶² Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005. — P. 4–5.

В ходе подготовки современной кампании военные создают синтетические компьютерные модели, учитывающие максимально большое количество ее аспектов с позиций различных организаций, включая негосударственные. Модель используется в дальнейшем с целью вовлечения в процесс проведения кампаний всех возможных инструментов, включая возможности СМИ, бизнеса и НПО. Эта задача требует и соответствующего пересмотра законодательства с целью оптимальной консолидации усилий всех ведомств и негосударственных организаций в борьбе с новыми угрозами⁴⁶³.

Отмеченная выше тенденция к усилению взаимодействия государственных и негосударственных акторов проявилась не только в военной, но и в дипломатической практике, связанной с проблемами безопасности. Трагедия 11 сентября 2001 г. привела к изменению парадигмы взаимодействия Госдепартамента и негосударственных акторов за счет возникновения потребности в новых средствах психологической борьбы. США повели информационную кампанию, в которой они пытались доказать, что именно Вашингтон являются другом для мусульман всего мира, защищающим их в разных конфликтах (например, в Боснии)⁴⁶⁴.

Ричард Холбрук, бывший заместитель госсекретаря США, написал в газете *Washington Post* в связи с терактами в Нью-Йорке и Вашингтоне: «Называйте это публичной дипломатией, связями с общественностью, психологической борьбой, или — если хотите говорить прямо — пропагандой. Как вы это ни назовете, самое важное, исторической важности, — это определение целей этой войны для миллиарда мусульман в мире»⁴⁶⁵. При этом Холбрук отметил, что техническое превосходство США должно обеспечить победу в этой информационно-психологической войне: «Как человек из пещеры может победить в коммуникации лидирующее в этой сфере общество?»⁴⁶⁶.

⁴⁶³ Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005. — P. 4–5.

⁴⁶⁴ Antony J. Blinken. Winning the War of Ideas. // *The Washington Quarterly*. 25:2. P. 102.

⁴⁶⁵ Цит. по Eytan Gilboa. Searching for a Theory of Public Diplomacy. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science* 2008. P. 56.

⁴⁶⁶ Цит. по David Hoffman. Beyond Public Diplomacy. // *Foreign Affairs*. March/April 2002. <http://www.foreignaffairs.com/articles/57813/david-hoffman/beyond-public-diplomacy>

Для ведения психологической борьбы после трагедии 11 сентября позицию заместителя госсекретаря по публичной дипломатии заняла Шарлот Бирс, всю жизнь проработавшая в сфере коммерческой рекламы⁴⁶⁷. Она перенесла в сферу внешнеполитической пропаганды методы из соответствующей области (реклама и маркетинг), что уже показательно для понимания направления трансформации дипломатии в эпоху глобализации. Кстати, это вызвало серьезную критику со стороны большей части специалистов по внешней политике⁴⁶⁸ и, возможно, привело к ее отставке в 2003 г. Тем не менее, ее деятельность «запустила» процесс дальнейшей интеграции чисто коммерческой работы СМИ и работы СМИ в рамках их сетевого, коалиционного сотрудничества с государством в проведении его внешней политики.

Создание ситуационных коалиций между СМИ и государством было закреплено интеграцией методов работы государственных и коммерческих структур, а также — обменом кадрами между ними. Однако такой обмен кадрами и методами не ограничился чисто дипломатической сферой, он перешел и в сферу военную. Эксперты отмечают, что американские военные с того времени в методах ведения психологической борьбы очень приблизились к технологиям коммерческого маркетинга⁴⁶⁹.

Эта тенденция, заложенная уже в самом начале «войны с терроризмом», сохранилась. В дальнейшем пересмотру подверглась не столько сама практика взаимодействия коммерческих и внешнеполитических целей и методов, а отсутствие учета специфики обществ, выступающих объектом информационной кампании, и односторонний характер коммуникации, дефицит диалога.

⁴⁶⁷ Liam Kennedy, Scott Lucas. Enduring Freedom: Public Diplomacy and U.S. Foreign Policy. // *American Quarterly* — Volume 57, Number 2, June 2005. P. 317.

⁴⁶⁸ Finding America's Voice: A Strategy for Reinvigorating U.S. Public Diplomacy. Report of an Independent Task Force Sponsored by the Council on Foreign Relations. http://www.cfr.org/content/publications/attachments/public_diplomacy.pdf; John Brown. Memo to Karen Hughes. Published on Sunday, April 24, 2005 by CommonDreams.org. <http://www.commondreams.org/views05/0424-20.htm>

⁴⁶⁹ Dwayne Winseck. Information Operations 'Blowback': Communication, Propaganda and Surveillance in the Global War on Terrorism. // *The International Communication Gazette*. Vol. 70(6). P. 424.

То есть, методы коммерческого маркетинга, адаптированные для рынка США, стали более тонким образом «подстраивать» под информационные рынки стран с другой культурой.

Многие эксперты стали обвинять политику США времен Буша в попытках доминирования в информационном пространстве грубыми методами и любой ценой без учета логики «мягкой силы»⁴⁷⁰. Эту тенденцию удалось преодолеть только ко времени первого президентства Б. Обамы, когда во главу угла была поставлена концепция «умной силы» (smart power). Она предполагает большую тонкость в методах работы, чем раньше, хотя сама суть сложного взаимодействия между государством и частными СМИ не только сохраняется, но даже усиливается.

Впрочем, идея доминирования в информационном пространстве сохраняется среди военных, в том числе, в связи с особенностями их представлений о мире, хотя от нее и отказались дипломаты, привыкшие работать более тонкими инструментами. Еще в октябре 2003 г. вышла «Дорожная карта информационных операций», где главной целью было обозначено «доминирование в информационном пространстве»⁴⁷¹.

В появившемся несколько позже полевом уставе информационных операций армии США задачей, также ставится достижение информационного превосходства. Последнее понимается как контроль над информационным пространством в военное и мирное время⁴⁷². При этом задача «подстройки» под специфику местных информационных рынков, которые могут серьезно отличаться от американских в плане систем ценностей и стереотипов восприятия, перед военными, практически, не ставилась. Это привело в дальнейшем к серьезным проблемам для американской пропаганды, в том числе, в Афганистане и Ираке.

Заместитель госсекретаря США по публичной дипломатии Шарлот Бирс начала свою информационную кампанию, направ-

⁴⁷⁰ Nancy Snow, Philip M. Taylor. The Propaganda State: US Propaganda at Home and Abroad since 9/11. // The International Communication Gazette. 2006. Vol. 68(5–6). Pp. 399–400.

⁴⁷¹ Information Operations Roadmap. United States of America Department of Defense. October 2003. P. 3.

⁴⁷² Information Operations: Doctrine, Tactics, Techniques, and Procedures. November 2003. P. 19.

ленную на арабо-мусульманские страны, в 2002 г. Эта кампания включала в себя:

- создание новой радиостанции, вещающей на Ближнем Востоке (Радио Савва) и арабоязычного новостного телеканала Аль-Хурра;
- показ в арабских странах серии рекламных роликов о жизни мусульман в США;
- программу «Общие ценности», включавшую, кроме упомянутого выше показа рекламы по телевидению, создание интернет-сайта, публикации в прессе, серию конференций с участием госсекретаря США Колина Пауэлла, и т. д.;
- идейной основой программы «Общие ценности» стало выделение тех ценностей, которые, по мнению экспертов-социологов, высоко оценивались как в мусульманском мире, так и в США (религия, семейные ценности, и, что характерно для американских представлений о мире, демократия, также фигурировала среди этих «мусульманских» ценностей⁴⁷³);
- послы США в арабском мире также должны были активно выступать в местных масс-медиа⁴⁷⁴.

Эта кампания также дополнялась более традиционными средствами публичной дипломатии: международные обмены, культурная дипломатия, и т. д.

Когда Шарлот Бирс подала в отставку после начала войны в Ираке, это привело к активным дискуссиям как практического, так и теоретического характера, сущность которых сводилась к необходимости усиления элемента диалога и взаимодействия, в том числе, и между государственными и негосударственными акторами.⁴⁷⁵

Таким образом, можно констатировать наличие тенденции к внедрению в практику государственных структур США коммерческих методов ведения психологических кампаний непосредственно после терактов 11 сентября. При этом активно заимствуются

⁴⁷³ Alice Kendrick, Jami A. Fullerton. Advertising as Public Diplomacy: Attitude Change among International Audiences. // Journal of Advertising Research. September 2004. P. 298.

⁴⁷⁴ Blinken. Op. cit. P. 107.

⁴⁷⁵ William A. Rugh. Repairing American Public Diplomacy. // Arab Media & Society (February, 2009). P. 7.

не только методы, но и кадры из частных коммерческих компаний, работающих в сфере рекламы и маркетинга. Это — одна из форм взаимодействия государства и негосударственных акторов.

В дальнейшем, особенно, при президенте Обаме, тенденция к взаимодействию, в том числе, между государственными и негосударственными акторами, еще больше усилилась за счет понимания необходимости диалога и сотрудничества с теми обществами, которые выступают объектами информационной кампании⁴⁷⁶. То есть, структура коалиций, выстраиваемых американскими государственными структурами, усложнилась. При «раннем» Буше она, в основном, включала негосударственные структуры собственного общества и других западных обществ. Теперь стали стремиться как можно шире интегрировать в нее и негосударственные структуры незападных обществ путем активизации диалога с ними.

Важнейшим инструментом такого диалога стали международные обмены, в том числе, с негосударственными структурами. Эту позицию стала активно продвигать пришедшая на смену Шарлот Бирс заместитель госсекретаря США по публичной дипломатии Карен Хьюз. В 2006 г. в США был создан межведомственный координационный комитет по публичной дипломатии и стратегической коммуникации. Этот комитет в 2007 г. разработал стратегию публичной дипломатии, где основным приоритетом стало расширение образовательных и обменных программ⁴⁷⁷. Последнее, по необходимости, включает в себя диалог государственных и негосударственных игроков (например, университетов, СМИ⁴⁷⁸, структур гражданского общества). В дальнейшем, уже в рамках концепции «умной силы», администрация Обамы еще больше усилила эти тенденции.

⁴⁷⁶ Karen P. Hughes. "Waging Peace": A New Paradigm for Public Diplomacy. // *Mediterranean Quarterly*. 2007. 18:2. P. 28.

⁴⁷⁷ U.S. National Strategy for Public Diplomacy and Strategic Communication. Strategic Communication and Public Diplomacy Policy Coordinating Committee (PCC). June 2007. http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/state/natstrat_strat_comm.pdf

⁴⁷⁸ The Aspen Institute. Arab-US Media Forum. <http://www.aspeninstitute.org/policy-work/communications-society/programs-topic/journalism/arab-us-media-forum>; Sheila S. Coronel. The Role Of The Media In Deepening Democracy. <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan010194.pdf>

9.4. ЕС как образец современных сетевых практик взаимодействия государственных и негосударственных акторов

В современном глобализованном мире резко выросла значимость новых акторов мировой политики (НГО, ТНК, масс-медиа, и т. п.). Распространение системы интернет ведет к переплетению между собой этих игроков в виде сетевых организационных структур⁴⁷⁹. Последние превращаются в один из ключевых методов организации взаимодействия государства и негосударственных акторов в современной мировой политике.

Как показывает проект национального совета по разведке США «Глобальные тенденции к 2030 г.: Альтернативные миры» существует тенденция к дальнейшему росту влияния этих новых игроков. Национальный совет по разведке даже сформулировал новый сценарий будущего «негосударственный мир». Согласно этому сценарию «НГО, ТНК, академические институты и богатые индивиды, точно также, как субнациональные единицы, такие как крупные города, процветают и лидируют в противодействии глобальным вызовам. Новые возникающие технологии, которые способствуют большему усилению индивидов, малых групп и случайных коалиций подхлестывают увеличивающуюся силу негосударственных игроков. Возникает транснациональная

⁴⁷⁹ Понятие «сеть» — достаточно многоаспектное. См. Общую дискуссию по этому вопросу в социальных науках: Jackson, Matt. *Social and Economic Networks*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2008; Knoke, David and Song Yang. *Social Network Analysis*. Second Edition. Thousand Oaks, CA: Sage Press. 2008; Martin, John Levine. *Social Structures*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009; Wasserman, Stanley and Katherine Faust. *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1994. См. также специфическое приложение понятия «сеть» к проблематике силы в международных отношениях: Grewal David Singh. *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*. New Haven, CT: Yale University Press, 2008.

элита, которая руководит ключевыми негосударственными акторами. Глобальный консенсус общественного мнения по поводу основных вызовов, объединяющий элиты и средний класс, образует базу для их поддержки и силы. Страны не исчезают, но правительства все больше видят свою роль в качестве сил, организующих и оркестрирующих „гибридные“ коалиции государств и негосударственных акторов, которые изменяются в зависимости от конкретных вызовов»⁴⁸⁰. В приведенной цитате следует особенное внимание обратить на изменение функций государственных структур в эпоху глобализации, которые все больше начинают походить на функции дирижера разного рода ситуационных гибридных коалиций.

Способ объединения негосударственных структур в мировой политике, который характерен для современного мира, обычно понимают как «сетевой». Сеть — это совокупность элементов, соединенных между собой теми или иными связями. Можно выделить три важных типа сетей. Это — технические сети, где элементами являются технические устройства (например, компьютеры). Это — социальные межличностные сети, где элементами являются отдельные личности. Наконец, это — социальные межорганизационные сети, где элементами являются организации⁴⁸¹. Именно к последнему типу относятся сети, включающие в себя государственных и негосударственных акторов. Тем не менее, современные сетевые технологии, как правило, обеспечивают взаимодействие между всеми тремя типами сетей, добиваясь недоступных ранее, в рамках более традиционных технологий, результатов. Поэтому сети, включающие в себя государственных и негосударственных акторов, взаимодействуют и тесно переплетаются с техническими и межличностными сетями.

По ряду причин элементы социальной сетевой организации в сфере политики оказались особенно широко распространены в Европе. В этом плане ЕС можно вполне рассматривать как образ того мира будущего, который рисует нам упомянутый выше

⁴⁸⁰ National Intelligence Council of USA, *Global trends 2030: Alternative worlds*, December 2012 (available: www.dni.gov/nic/globaltrends).

⁴⁸¹ См.: Сергеев В.М., Казанцев А.А., Коктыш К.Е. *Сетевые аспекты проблем обучения в социальных науках*. — М.: Проспект, 2010.

доклад национального совета по разведке США (недаром, в самой Европе встречается даже выражение «постмодерновая сила» (post-modern power) в применении к ЕС⁴⁸²).

Данная специфика Европы сказывается на некоторых ключевых международно-политических проблемах, имеющих актуальность, в том числе, для нашего государства. Широко известное среди экспертов разделение труда внутри стран НАТО по принципу: «США проводят военные операции, а ЕС осуществляет постконфликтное урегулирование» также предопределило особенно широкое применение сетевых практик организации государственных и негосударственных акторов в европейской политике. Причиной этого является то, что, как мы покажем ниже, сетевые практики позволяют Европе защищать свои интересы и продвигать свои ценности без использования традиционной «жесткой силы».

В целом, проведенный анализ опыта США и ЕС показывает, что на период до 2050 года можно спроецировать следующие тенденции в развитии роли негосударственных акторов в системе международных отношений:

- усиление роли новых акторов по мере глобализации и роста новых угроз безопасности;
- необходимость для государств формировать эффективные коалиции с этими новыми акторами для решения общенациональных задач;
- сетевой характер взаимодействия между государствами и новыми акторами.

Таким образом, сетевые практики взаимодействия государственных и негосударственных акторов становятся формой проявления «мягкой силы» в условиях глобализации. Европа же именно в силу специфики разделения труда внутри стран НАТО стала пионером в плане отработки технологий взаимодействия государственных и негосударственных акторов в сфере «мягкой силы» (в отличие от США, где основной «фокус» внимания пришелся на элементы «жесткой силы»).

⁴⁸² Batora Jozef, Brian Hocking. Bilateral Diplomacy in the European Union: towards 'post-modern' patterns? // ECPR/SGIR 6th Pan-European Conference: Turin 12–15 September 2007. Section: Post-Modern Foreign and Security Policy in the Enlarged European Union. <http://archive.sgir.eu/uploads/Batora-Batora%20and%20Hocking.pdf>

9.5. Использование негосударственных акторов во внешнеполитической практике незападных стран

Использование «мягкой силы» и привлечение (и даже создание) для этой цели негосударственных структур не является прерогативой одних лишь западных государств. Другие крупные и влиятельные страны все чаще прибегают к этому эффективному инструменту международного влияния. Данная тема, например, активно обсуждается в руководстве Китая. Так, в 2007 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзинтао заявил на заседании 17 съезда партии, что КНР должна увеличить свою «мягкую силу».

Западные эксперты считают, что объектом применения Китаем «мягкой силы» является, прежде всего, Африканский континент. Там КНР соревнуются с Западом за природные ресурсы. Другой объект конкуренции — некоторые страны Азии⁴⁸³ (в том числе, и страны постсоветского пространства, так, в частности, центрально-азиатским государствам предложено поучаствовать в китайском проекте «нового шелкового пути»). Для реализации подобного рода проектов Китай активно развивает различные формы взаимодействия государственных структур и крупного бизнеса.

Одним из инструментов «мягкой силы» Китая стала, также глобальная сеть институтов Конфуция. На этих примерах видно, что КНР развивает свою «мягкую силу» путем налаживания взаимодействия государственных и негосударственных, в частности, экономических и научных структур. Например, в Африке сейчас почти два десятка институтов Конфуция. Китай развивает свою «мягкую силу» и через СМИ. Так, например, китайское иновещание пришло на рынки стран Юго-Восточной Азии существенно позднее американского CNN. Однако ему удалось опередить американских конкурентов⁴⁸⁴. Основным инструментом китайской «мягкой силы» можно считать очень тесное переплетение внешней политики го-

⁴⁸³ Friedberg, Aaron L. *A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia*, New York: Norton Publishing, 2011.

⁴⁸⁴ Amos Owen Thomas, *Imagi-Nations and Borderless Television: Media, Culture and Politics across Asia* (New Delhi; Thousand Oaks: Sage Publications, 2005). P. 25

сударства и действий китайских компаний на внешних рынках (в том числе, и частных или смешанной формы собственности). Зачастую взаимодействие это носит традиционные для китайской цивилизации «клановые» формы, например, существенная часть менеджеров и руководителей крупных компаний является родственниками или ставленниками крупных партийных и государственных деятелей, формирующих, таким образом, свои «кланы». Здесь, таким образом, имеет также место специфическое взаимодействие государства и негосударственных актоДругой азиатский гигант — Индия — также активно продвигает свою «мягкую силу» за рубежом. Как и в случае Китая, ее ключевым элементом являются индийские фирмы. Однако у Индии сложилась своя специализация на мировых рынках, в частности, страна играет ведущую роль в изготовлении программного оборудования и развитии коммуникационных технологий. Именно в эти сферы западные ТНК наиболее активно инвестируют в данной стране, например, путем создания подразделений программистов, дорабатывающих западные программы, или международных колл-центров в Индии. В Индии нет столь мощной клановой структуры и столь всеобъемлющего государственного контроля над экономикой. Однако и в условиях индийской демократии выработаны свои, в том числе, основанные на традиционных формах общности (в том числе, кастовых и региональных), пути взаимодействия государственных и крупных коммерческих структур. Индийские корпорации, как и китайские, осуществляют активную коммерческую экспансию за рубежом при поддержке Нью-Дели.

Специфический инструмент индийской «мягкой силы» — Болливуд. Уже в начале 2000-х гг. Болливуд производил намного больше фильмов, чем Голливуд. В частности, в 2001 г. Болливуд произвел 1013 фильмов, а Голливуд — 739. Превзошел Болливуд Голливуд и по числу проданных билетов (3,6 млрд против 2,6 млрд). Правда, при этом Болливуд получил почти в 50 раз меньше доходов. С тех пор разрыв в количестве продукции (но не в ее доходности) только увеличивался, так как количественная «отдача» Болливуда растет в два раза большими темпами, чем в Голливуде⁴⁸⁵. Продукция

⁴⁸⁵ K. Jha; Subhash. The Essential Guide to Bollywood. New Dehli, Roli Books, 2005.

Болливуда вытесняет американскую продукцию с рынков развивающихся стран. Например, индийский кинематограф после разгрома Талибана продемонстрировал свое абсолютное превосходство над американским на рынке Афганистана. При этом США в военно-политическом плане полностью контролировали данную страну⁴⁸⁶. В «мягкой силе» Индии взаимодействие с негосударственными акторами играет куда большую роль, чем в «мягкой силе» Китая.

Активное применение «мягкой силы» с акцентом на взаимодействие государственных и негосударственных игроков просматривается и в политике Турции⁴⁸⁷. Идеологически эти практики

⁴⁸⁶ Joseph D. Straubhaar, *World Television: From Global to Local* (Los Angeles: Sage, 2007). — P. 224.

⁴⁸⁷ Baran Z. *Torn Country. Turkey Between Secularism and Islamism*. Stanford: Hoover Institution Press, 2010; Landau J.M. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. London, Hurst and Company, 1995; Larrabee F.S., Lesser I.O. *Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty*. Pittsburg: RAND, 2003; Rabasa A., Larrabee F.S. *The Rise of Political Islam in Turkey*. Pittsburgh: RAND, 2008; Vertigans S. *Islamic Roots and Resurgence in Turkey*. Praeger, London, 2003; Yavuz M.H. *The Emergence of a New Turkey. Democracy and the AKP*. Utah, 2006; Аватков В.А. «Пантюкистский» аспект в дискурсе современного татарского национального движения / В.А. Аватков, А.Ш. Бадранов // Национальная безопасность / nota bene. — 2014. — № 2; Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. — 2014. — № 3. — С. 71–78; В.А. Аватков, А.Ш. Бадранов. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление XXI. № 2(27), 2013. С. 5–11; Аватков В.А., Чулковская Е.Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре — «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. — 2013. — № 2(22). — С. 116–123; Аватков В.А., Иванова Н.А. Россия и Турция: противостояние идеологий // Свободная мысль. — 2012. — № 9–10 (1635); Демоян Г.А. Культурно-образовательный пантюкизм: история и современность. // Восточноведный сборник. Выпуск четвертый. Под ред. Федорченко А.В., Филоника А.О. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002; Дружиловский С.Б. Политика Ирана и Турции в регионе Центральной Азии и Закавказья / С.Б. Дружиловский, В.В. Хуторская // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: Возможности и вызовы для России/ Под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина; МГИМО (У) МИД России; ИНО-Центр. — М.: Логос, 2003; Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. № 6, 2005; Надеин-Раевский В.А. Пантюкизм, миф или реальность: исследование идеологии и политики современного пантюкизма. М., ИМЭМО, 1995; Российско-ту-

оформлены в виде сложного «облака» взаимосвязанных идеологий: неоосманизма, пантюркизма (или неопантюркизма), панисламизма и турецкого евразийства. Неоосманизм является идеологией воссоздания элементов культурно-исторического единства времен Османской империи под главенством Турции⁴⁸⁸.

Пантюркизм — идеология воссоздания мифического единства «древних тюрков», интеграции тюркских государств, включая постсоветские, исходя из их этнической, языковой и религиозной близости. Чуть более общее понятие, чем пантюркизм — пантюранизм (Туран — мифическая историческая общность тюркских и даже финно-угорских, включая, скажем, венгров, народов). Панисламизм — идеология единения всех мусульманских народов и государств. Турецкое евразийство — идеология взаимодействия всех народов, расположенных в «контактной зоне» между Европой и Азией, включая, прежде всего, Турцию и постсоветские государства. При этом в отличие от российского евразийства⁴⁸⁹ и неоевразийства⁴⁹⁰, турецкое евразийство направлено на интеграцию соответствующих стран и народов вокруг Турции.

Таким образом, Турция поставила, начиная с 1990-х гг. перед собой задачу нарастить влияние сразу на четырех пересекающихся направлениях, преимущественно, с использованием инструментов современной мировой политики, прежде всего, экономического сотрудничества и «мягкой силы»⁴⁹¹. На одном из ключевых для

рекции отношения: 2002–2012 годы (материалы круглого стола, 4 апреля 2013 г.) / Под ред. В. А. Аваткова, С. Б. Дружиловского, А. В. Федорченко. — М.: МГИМО–Университет, 2013; Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., Акад. гуманитар. исслед., 2002; Уразова Е. И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2012.

⁴⁸⁸ Бурашникова А. Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Изв. Саратов. ун-та. 2013. Т. 13, вып. 2.

⁴⁸⁹ См.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Наука, 1993; Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000; Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь—М.: «Леан»; «Аграф», 1997; Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997 и др.

⁴⁹⁰ Дугин А. Г. «Мистерии Евразии». М.: Арктогея, 1996; Дугин А. Г. Основы Геополитики. М.: Арктогея, 1997 и др.

⁴⁹¹ Turkish foreign policy in post Cold war era. Edited by Idris Bal. — Boca Raton, Florida, 2004

России направлений — центрально-азиатском — это пересеклось с «новой большой игрой» между великими державами за влияние⁴⁹². Тенденция к постепенному усилению использования Турцией инструментов «мягкой силы» наблюдается не только на территориях тюркских государств, но и на территориях субъектов Российской Федерации с тюркским населением⁴⁹³.

Турция активно использует при распространении своей «мягкой силы» взаимодействие с различными государственными и негосударственными акторами на субнациональном, национальном и наднациональном уровнях. В числе элементов сложных сетевых структур, прямо созданных или косвенно поддерживаемых Анкарой для продвижения турецкого влияния, можно особенно упомянуть большое количество политических и культурных организаций. К числу политико-экономических организаций относятся: «Тюркский совет» (создан 3 октября 2009 г. на основании Нахичеванского соглашения на базе проводившихся с 1992 г. года Саммитов государств тюркских языков), Парламентская Ассамблея тюркоязычных стран (штаб-квартира в Баку), Союз муниципалитетов тюркского мира, Организация «Тюрки мира». Можно также выделить следующие культурно-образовательные структуры: Объединенная администрация тюркских искусств и языков (штаб-квартира в Алма-Ате), Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТИКА), Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), фонд Юнуса Эмре, школы суфийского лидера Ф. Гюлена, организация «Диалог-Евразия».

Пример из сферы продвижения «мягкой силы» в исламском мире — катарская телекомпания Аль-Джазира. Она создана при помощи государства, но является независимой. Телекомпания яв-

⁴⁹² Ahrari M. E. The New Great Game in Muslim Central Asia. — Washington: Inst. for Nat. Strategic Studies: Nat. Defense Univ., 1996; Hill F. Pipeline Politics, Russo-Turkish Competition and Geopolitics in the Eastern Mediterranean // Security and Cooperation in the Eastern Mediterranean/ ed.: A. Theophanous, V. Coufoudakis. — Nicosia, 1997; Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. М.: изд. МГИМО, Наследие Евразии, 2008; Казанцев А. А. Политика стран Запада в Центральной Азии: проекты, дилеммы, противоречия. М.: изд. МГИМО, 2009.

⁴⁹³ Аватков В. А., Бадранов А. Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление XXI. № 2(27), 2013. С. 5–11.

ляется самой популярной в арабском мире. В 2008 г. 53% телезрителей-арабов смотрели Аль-Джазиру (для сравнения, американскую телекомпанию Аль-Хурру, вещающую на арабском, смотрели всего 2% телезрителей региона)⁴⁹⁴. Телекомпания стала очень серьезным политическим фактором международно-регионального, если не всемирного масштаба, особенно, в период революций «арабской весны».

Иран также повсеместно использует негосударственные шиитские организации для усиления своего влияния в странах Ближнего и Среднего Востока, в частности в Афганистане, Саудовской Аравии, Йемене и Ливане. В этой связи также следует упомянуть Пакистан и Саудовскую Аравию. Известно, например, что религиозное движение Талибан было создано в 1994 году пакистанскими спецслужбами для установления контроля над Афганистаном. А террористическая организация Аль-Каида действовала при финансовой помощи Саудовской Аравии. В настоящее время Саудовская Аравия и Катар поддерживают псевдогосударственное террористическое образование ИГИЛ на территории Сирии и Ирака. Использование подобных негосударственных акторов позволяет государствам формально снять с себя ответственность за развязывание диверсионно-террористических войн на территории других стран.

⁴⁹⁴ 2008 Annual Arab Public opinion Poll: Survey of the Anwar Sadat Chair for Peace and Development at the University of Maryland, <http://sadat.umd.edu/surveys/2008%20Arab%20Public%20Opinion%20Survey.ppt>

Глава X
Возможные сценарии
развития международной
обстановки

10.1. Основной вектор развития международной системы

Основные тенденции мирового развития в сочетании с динамикой ключевых акторов международной системы, позволяют сделать вывод о том, что баланс сил в мире неотвратимо меняется не в пользу западной цивилизации. По существу, в настоящее время человеческая цивилизация подошла к определенному рубежу, когда назревает переформатирование всей системы международных отношений. Мир приближается к точке бифуркации, напоминающей периоды краха Римской Империи, падения Византии, распада Золотой орды, а также великих географических открытий, приведших к формированию западноцентричной модели мироустройства, основанной на колониальной, а затем неоколониальной системе господства западной цивилизации. Сейчас, эта система, просуществовавшая около 400 лет, подходит к своему исчерпанию. Фактически речь идет о смене эпох в развитии человеческой цивилизации.

Таким образом, основной вектор мирового развития состоит сейчас в постепенном ослаблении позиций западной цивилизации в экономической, идеологической, культурной и, как следствие, в политической областях. На смену глобальному доминированию Запада, приходит полицентричная система мироустройства, опирающаяся на центры силы, формируемые другими локальными цивилизациями. При этом Запад, все еще сохраняющий мировое лидерство в научно-технической и военной сферах, пытается конвертировать эти остающиеся у него стратегические преимущества в политическое влияние, которое позволило бы остановить неблагоприятные с его точки зрения процессы изменения международной обстановки.

Из этого вытекает основное противоречие современности, предопределяющее возможные сценарии дальнейшего развития международной обстановки. Это — противоречие между

стремлением западной цивилизации сохранить свое доминирующее положение в мировых делах и прогрессирующим падением роли Запада в экономическом, научном, идейном и культурном развитии человечества. Данное противоречие обуславливает обострение борьбы между западной цивилизацией и другими локальными человеческими цивилизациями.

Таким образом, дальнейшее развитие системы международных отношений будет в основном зависеть от действий предпринимаемых западной цивилизацией. Это объясняется тем, что Запад пока еще представляет собой наиболее мощную и активную сторону глобального уравнения. Причем, тупиковая ситуация, в которой оказался Запад, вынуждает именно его действовать инициативно. Инерционный сценарий для Запада неприемлем, так как ведет к историческому поражению.

Что касается других цивилизаций, то как-то существенно повлиять на поведение Запада они не в состоянии. Взятая сама по себе, каждая другая цивилизация слишком слаба, чтобы в одиночку противостоять Западу по всем основным параметрам. Например, российская цивилизация способна противостоять Западу в военном и военно-техническом отношении, но в области экономики ее мировые позиции довольно слабы. Восточноазиатская цивилизация может противостоять экономически, но не способна противостоять в военной области. Исламская цивилизация давно бросила небезуспешный идейный вызов Западу, но вынуждена обороняться под сильным экономическим и военным давлением.

В то же время степень координации незападных цивилизаций для поиска общих решений мировых проблем еще не достаточно сильна, чтобы сформировать единую позицию по ключевым вопросам. БРИКС представляет лишь зародыш такой координации. Более того, внутри незападных цивилизаций имеются сильные противоречия и разобщенность. Степень же координации внутри западной цивилизации намного выше и в последнее время только растет. Поэтому действуя по основным вопросам как единое целое, Запад в состоянии навязывать миру свою повестку дня. Другие же цивилизации, используя свои сильные стороны, могут лишь повлиять на нюансы этой политики и поставить некоторые ограничения действиям Запада. Однако вынудить его полностью изменить политику они не в состоянии.

Таким образом, дальнейшие сценарии развития МО будут зависеть от того, какую модель поведения выберут элиты западных стран. Таких моделей сейчас может быть всего две — модель кооперации с остальным миром или модель конфронтации, направленная на подчинение других цивилизаций своим интересам. Если бы была выбрана кооперационная модель, то это означало бы, что Запад пойдет по пути сотрудничества с другими цивилизациями по переустройству мировой системы на основе многополярности. Конфронтационная модель означает, что Запад выбрал путь противоборства с другими цивилизациями за сохранение своего глобального доминирования. Пока конфронтационная модель явно преобладает. А это означает, что противоборство Запада с другими цивилизациями, прежде всего Российской, будет нарастать.

В этой связи весьма показательным является заявление президента США Б. Обамы о необходимости сохранить «американское глобальное лидерство» и «военное превосходство», сделанное им в январе 2012 года в предисловии к Директиве Министерства обороны США о приоритетах в области обороны в XXI веке⁴⁹⁵. Данное заявление имело стратегические последствия. После него США предприняли резкую активизацию своей внешней политики, что позволило Б. Обаме уже в конце 2014 года заявить, что Америка вернула себе мировое лидерство. Однако между двумя этими заявлениями прошло не так уж много времени. И понятно, что за это время правящая элита США не могла осуществить каких-то качественных изменений в соотношении сил в мире таким образом, чтобы «вернуть лидерство США». Значит, «возвращение лидерства» лежит в политической области, а именно:

- в публичной заявке на такое мировое лидерство, которое сохраняется как минимум на среднесрочную перспективу до 2021–2024 годов независимо от того, какая администрация будет у власти;
- в декларировании того, что США не потерпят попыток помешать этому лидерству, что было наглядно продемонстрировано в политике по отношению к президенту России Путину в 2014 году;

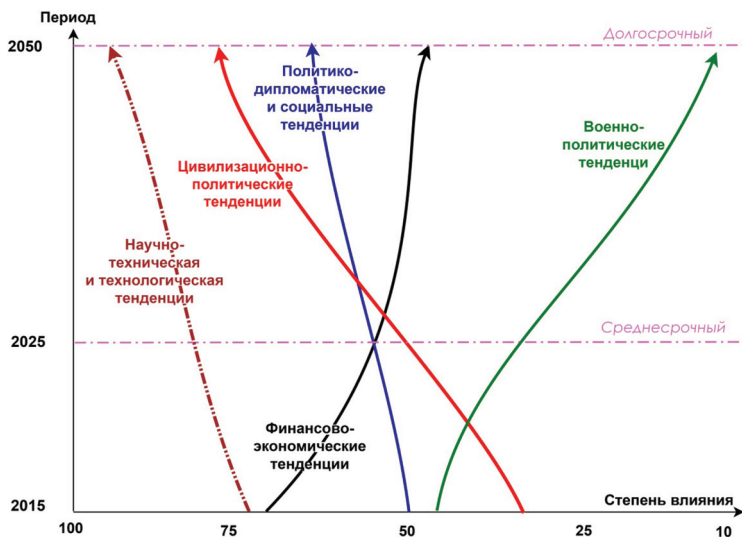
⁴⁹⁵ Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. The US Department of Defense, January 2012.

- в безусловном усилении силового, в том числе военно-силового, компонента американской внешней политики.

Соответственно, международная обстановка и стратегическая обстановка, формирующиеся при такой политике конфронтации, несут на себе все черты силового противоборства ЛЧЦ и стоящих за ними наций. А современная МО является, следовательно, производной от этой межцивилизационной борьбы. При этом ее многочисленные субъективные сценарии и их варианты могут отражать многообразие конкретных ситуаций, складывающихся в рамках единственной парадигмы — усиливающейся бескомпромиссной борьбы ЛЧЦ.

Между тем, усиление борьбы западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ означает усиление борьбы не только за перераспределение ресурсов планеты, а также за контроль над развитием всей человеческой цивилизации. Планета — как геополитическое пространство и хранилище природных ресурсов — может контролироваться либо из одного центра правящей ЛЧЦ, либо через механизмы договоренностей между разными ЛЧЦ (или представляющими их мировыми державами). В XXI веке это правило становится справедливым и для информации, и для управления, и для идеологии. В настоящее время приходится констатировать, что пока нет ни таких договоренностей, ни стремления их достичь. Совсем наоборот. Те немногие, которые существовали, стремительно разрушаются.

По существу, после окончания «холодной войны» биполярный сценарий противоборства трансформировался в «однополярный», где откровенно господствуют США. И если в «биполярную эпоху» сценарий конфронтации предполагал стратегию «холодной войны», то в «постбиполярную» — уже более системную и решительную стратегию сетцентрической войны. Причем с самого начала, т. е. после завершения существования ОВД и СССР, а еще точнее — даже до этого, как продолжение «холодной войны» на ее новом цивилизационном этапе и геополитическом уровне. По сути дела, уничтожение России и ее расчленение рассматривалось как завершение последнего этапа «холодной войны», который не закончился с распадом ОВД и СССР. Процесс нарастания многополярности лишь актуализирует для Запада вопрос о необходимости быстрого решения этой стратегической задачи. В противном случае потеря Западом мирового лидерства становится неизбежным.

10.1. Общий вектор развития мировой политики, сформированный под влиянием ведущих мировых тенденций до 2045–2050 годов

В графической форме общий вектор развития мировой политики можно было бы представить следующим образом (рис. 10.1).

Из диаграммы следует, что, во-первых, общий вектор ведет к усилению внешнего влияния и конфликтности как следствию этого внешнего влияния. А, во-вторых, что наиболее эффективные и часто используемые в политике средства — финансовые и военные — постепенно будут уступать место гуманитарно-цивилизационным и социальным. Это говорит о том, что будущие сценарии развития МО во все большей степени будут формироваться теми силами — цивилизациями, странами, нациями, коалициями, которые смогут обеспечить доминирование своей системы цивилизационно-идеологических ценностей.

В то же время растущее влияние гуманитарных факторов как представляется, будет обеспечиваться с помощью традиционных силовых средств, то есть финансовых, экономических, военных, информационных рычагов влияния. Это хорошо видно на примере войны на Украине в 2014–2015 годах, где борьба за цивилизаци-

онные ценности («европейскую общность») шла, прежде всего, с помощью финансово-экономических и военных средств. С целью ослабить растущее влияние российской локальной цивилизации в мире Запад откровенно использовал не только шантаж, санкции и давление, но и военную силу.

Это также означает, что вероятность силового конфликта на всем протяжении прогнозируемого периода будет только усиливаться. А это в свою очередь обуславливает востребованность соответствующих инструментов, наращивание их мощи и эффективности, идёт создание новых институтов и инструментариев. Таким образом, по мере усиления значения мировых тенденций невоенного и несилового влияния объективно нарастают условия для активного и масштабного применения насилия, включая военное. Этот вывод важно отметить хотя бы потому, что долгие годы (с конца 70-х гг. XX века) считалось, что военная сила теряет свое значение по мере усиления других факторов мировой политики. Более того, это положение было положено в основу советской внешней политики и стало официальной догмой в России вплоть до самого последнего времени.

Стратегический прогноз в среднесрочной и долгосрочной перспективах в этом случае аналогичен результатам исследования современных отношений силовых и несиловых трендов: относительное падение значения военной силы как инструмента внешней политики неизбежно ведет в будущем к усилению мотиваций и возможностей ее использования. Другими словами, будущие сценарии развития МО должны исходить из усиления вероятности использования военной силы в качестве политического инструмента не только в среднесрочной, но и долгосрочной перспективе.

Если исходить из того, что другой модели взаимоотношений между ЛЧЦ, кроме соперничества, пока что не наблюдается, можно сделать неизбежный вывод о том, что наиболее вероятная модель отношений между ЛЧЦ — усиливающаяся конфронтация, а возможные сценарии развития МО лежат в плоскости противоборства с усиливающимся давлением западной цивилизации на другие ЛЧЦ, прежде всего, российскую, которая вплоть до 2021–2025 годов может оставаться единственной ЛЧЦ, способной оказать Западу активное сопротивление.

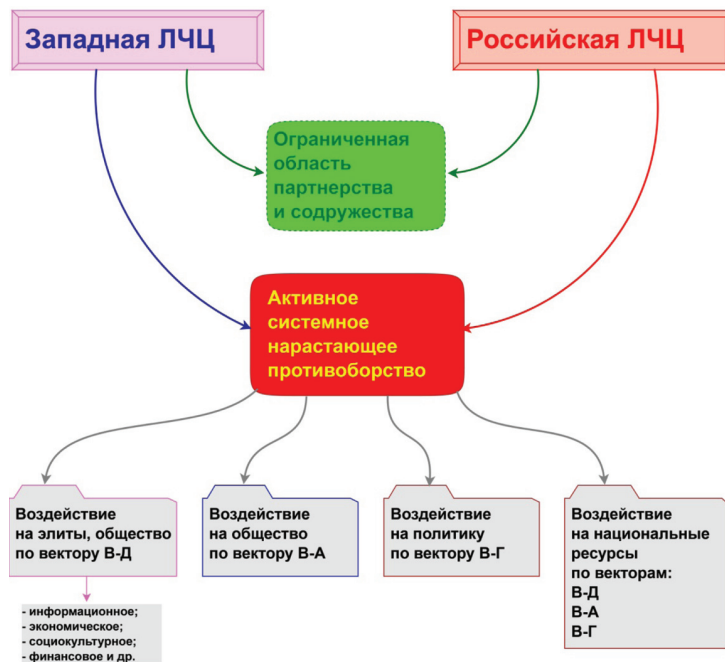

Рис. 10.2. Наиболее вероятная модель развития МО до 2021–2025 гг.

Графически эту модель развития международной системы можно изобразить следующим образом (рис. 10.2).

Из модели видно, что главным объектом воздействия и основной целью противоборства становятся правящая элита и общество ЛЧЦ, нации и государства, а также понимаемые ею ценности, интересы, цели и задачи. Центр противоборства перемещается в те области, которые влияют на конкретных представителей правящей элиты и общества в наибольшей степени — личные интересы представителей элиты: экономические, социокультурные, информационные, физиологические и др. Соответственно меняется и значение тех или иных средств политики влияния. В частности, военные средства могут играть важную роль только в том случае, если они прямо затрагивают личные интересы безопасности. Бомбардировки Донецка и Луганска — бессмысленные с военной точки

зрения и противоречащие прежней логике войны — становятся логичными и понятными: правящая элита и общество восточно-украинских регионов рискуют личными интересами безопасности за противодействие внешнему влиянию.

10.2. Сценарий сдерживания многополярности международной системы

Сценарий сдерживания многополярности является исходным сценарием развития международной обстановки, то есть таким сценарием, который реализуется в настоящее время. Анализ поведения Запада говорит о том, что он действует с учетом определенного стратегического плана, направленного на сохранение своего доминирующего положения в системе международных отношений. И это понятно. Если бы Запад ничего не предпринимал, то нарастание многополярности происходило бы само по себе, без особых усилий со стороны других цивилизаций. В этом случае стал бы реализовываться сценарий стихийного нарастания многополярности системы международных отношений. Однако практические действия Запада на мировой арене показывают, что западная цивилизация противодействует этому сценарию всеми доступными силами и средствами.

Сценарий сдерживания многополярности означает проведение Западом политики, направленной на подрыв влияния наиболее мощных государств других цивилизаций, которые выступают точками кристаллизации новых центров силы. Этот сценарий является переходной формой развития международной обстановки, так как не ведет к какому либо определенному результату. Последствием развития этого сценария может быть либо переход к более жесткому сценарию, либо согласие западной цивилизации (или ее части) на изменение политики в направлении сотрудничества с другими цивилизациями.

Целью Сценария сдерживания многополярности является выигрывать времени. Запад рассчитывает, что, получив дополнительное время, он сможет либо перестроить свою экономику таким обра-

зом, чтобы вновь обрести экономическое лидерство в мире. Либо путем резкого прорыва в военно-технической области достигнуть решающего военного превосходства над остальным миром. Либо на то, что политика «мягкой силы» успеет в достаточной степени повлиять на общества ключевых стран других цивилизаций, чтобы подчинить их влиянию западной цивилизации или разрушить их путем разжигания внутренних противоречий.

По существу, Сценарий сдерживания многополярности можно условно назвать «холодной войной — 2». Правда, с тем пониманием, что в основе новой «холодной войны» будет лежать не противоречие идеологий, а более широкий конфликт мировоззренческих систем, борьба ценностей между западной цивилизацией и другими цивилизациями. Продолжаться она может также долго, как и первая «холодная война», растянувшаяся с 1947 по 1990 гг. Развитие Сценария сдерживания многополярности вполне может растянуться до 2050 года. Однако, более вероятно, что постоянный рост международной напряженности, вызванный осуществлением этого сценария, скорее всего, столкнет мировую ситуацию в русло более конфронтационного сценария уже в ближайшие несколько лет.

Так же как и первая «холодная война», Сценарий сдерживания многополярности будет означать жесткое идейное противостояние, использование различных элементов «мягкой силы», в том числе информационных войн, а также использование «жесткой силы» в виде экономических санкций, политического и дипломатического давления, запугивания и локальных вооруженных конфликтов. В ход пойдут такие многочисленные средства из арсенала прошлой «холодной войны», как подготовка и финансирование террористических групп, государственные перевороты, бойкоты и провокации.

В области экономики основные усилия Запада будут направлены на то, чтобы сохранить нынешнюю финансово-экономическую систему, опирающуюся на две западные резервные валюты — доллар и евро, а также на международную сеть западных банков. Запад будет также стремиться не допустить (или ограничить) равноправное участие крупных развивающихся экономик в принятии решений по ключевым экономическим вопросам. Однако здесь, скорее всего, будет использован селективный подход. Упор будет

сделан на полную или частичную изоляцию тех стран, которые, во-первых, представляют наибольшую конкурентную опасность для Запада, а во-вторых, изоляция которых не нанесет критического ущерба западной финансово-экономической системе. Например, экономически изолировать Китай, даже частично, США не могут. Изолировать Россию они могут частично, а вот изолировать Иран могут полностью.

В ходе реализации Сценария сдерживания многополярности гонка вооружений будет носить умеренный характер. Запад будет стремиться не к наращиванию численности вооружений и вооруженных сил, а к поиску областей, где он сможет достигнуть решающего военно-технического превосходства, опираясь на свой научный потенциал. Нельзя исключать даже заключения каких-то соглашений по контролю над вооружениями. В то же время, следует ожидать, что Запад будет стремиться при помощи этих соглашений так реконфигурировать стратегический баланс, чтобы оппонентам нечем было парировать неожиданный прорыв США и их союзников в той или иной военно-технической области, например, в области ПРО.

При этом Запад будет прибегать к вооруженным способам противоборства с другими цивилизациями, но в ограниченном объеме и опосредованно, то есть без прямого военного столкновения. В основном это будет осуществляться в форме поддержки клиентских государств и террористических организаций, удары которых будут направлены против государств-противников и их союзников. Причем вся эта конструкция конфронтации будет держаться на военно-стратегическом равновесии сил сторон, как на глобальном, так и на региональном уровнях. А локальные войны и внутригосударственные вооруженные конфликты будут направлены, прежде всего, на то, чтобы изменить региональные балансы сил в той или иной ключевой точке и тем самым повлиять на общий стратегический баланс сил.

Это объясняется тем, что реальных возможностей совершить военно-технический прорыв в ближайшем обозримом будущем у него не имеется. Даже развитие глобальной системы ПРО в случае принятия Россией адекватных ответных мер, которые вполне достижимы, не обеспечит Западу решающего военного превосходства. В этих условиях точечные удары, направленные

на изменение региональных балансов сил в ключевых районах являются наиболее эффективным и экономически доступным инструментом.

Таким образом, главным направлением стратегии Запада в рамках Сценария сдерживания многополярности станет воспрепятствование усилению регионального влияния основных незападных держав. Прежде всего, это касается России, Китая и Ирана, которые в условиях ослабления экономической роли Запада и привлекательности его общественной модели стали втягивать в свою орбиту соседние пространства. Причем, им вовсе не надо прибегать для этого к каким-то силовым рычагам. Сама логика экономических связей, гуманитарных, общественных и прочих контактов подталкивает ситуацию именно в этом направлении. Но соответственно в этих регионах стало уменьшаться влияние Запада. Между тем, данные регионы являются весьма чувствительными с точки зрения интересов Запада. Речь идет о Восточной Европе, зоне Персидского залива, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Вокруг Москвы стал складываться Евразийский экономический союз, который имеет перспективу втянуть в свою орбиту не только страны постсоветского пространства, но некоторые соседние государства. Иран стал точкой притяжения для шиитов Ближнего и Среднего Востока, что неминуемо ведет к религиозному расколу монархий Персидского залива и их переходу в той или иной форме под иранское влияние. Продолжение данной тенденции привело бы к выходу этого энергетически важного региона из под западного контроля. Наконец, реализация Пекином интеграционных инициатив в Восточной и Юго-Восточной Азии в рамках доктрины «Большого Китая» создала реальную угрозу для военно-политических и экономических интересов США и Австралии. Сценарий сдерживания многополярности направлен на блокирование этих неблагоприятных для Запада тенденций.

Со своей стороны, Пекин уже достаточно ясно осознал нарастающую активность Запада по противодействию своим интересам в Азии. В этих условиях заинтересованность Китая в поддержке Москвы стала возрастать. В своих отношениях с РФ Пекин будет руководствоваться тем, что его внешнеполитические приоритеты расположены на востоке и юго-востоке, а не на севере или западе. Главным среди этих приоритетов является Тайвань. Далее идут

острова Восточно-китайского и Южно-китайского морей, позволяющие контролировать стратегические морские коммуникации, а также обширную морскую экономическую зону и шельфовые ресурсы морского дна. Китай также ведет линию на реализацию проектов экономической интеграции в Юго-Восточной Азии, которые намерен довести до конца. Помимо этого, Китай выдвинул грандиозный проект экономического пояса Шелкового пути.

Однако осуществление этой масштабной программы займет десятилетия. Особенно если учесть, что Запад стал активно противодействовать планам Пекина. В этих условиях Китай заинтересован в политической и военно-технической поддержке России, так как доступ к западным военным технологиям для него закрыт. Тем более, Китай, также как и Россия, озабочен наличием в некоторых своих провинциях сепаратистских настроений, которые подогреваются со стороны Запада. Это вызывает у китайского руководства опасения связанные с возможностью внутренней дестабилизации страны. И в этом вопросе поддержка Москвы для Пекина также важна. Поэтому в перспективе до 2050 года России следует рассматривать Китай как ситуационного союзника, а не как потенциальную угрозу.

Таким образом, одной из стратегических целей Запада в рамках Сценария сдерживания многополярности является не допустить втягивания соседних государств в зону экономического и военно-политического влияния России, Китая и Ирана. В этом контексте Запад будет всячески препятствовать развитию процессов региональной экономической интеграции (кроме тех, в которых участвуют сами западные страны) или будет стремиться подчинить эти региональные группы своему влиянию прямо или косвенно. Активно будут применяться методы санкций и бойкотов для того, чтобы ограничить экономический рост и влияние стран-конкурентов.

Запад будет также стремиться воздействовать на общества и, прежде всего, на элиты государств-противников и их союзников, чтобы переориентировать эти элиты на западные ценности и включить их в орбиту своего влияния. С целью нейтрализации традиционных элит, противников прозападной ориентации и даже сторонников «многовекторности» будут организовываться «цветные революции» или государственные перевороты. Такие

шаги, в случае противодействия другой стороны, будут приводить к внутригосударственным вооруженным конфликтам, в том числе на территории постсоветского пространства и на его границах. При этом Запад будет прикрывать и освящать действия своих сторонников, как бы ужасно они не выглядели с точки зрения человеческой морали. Им будет оказываться дипломатическая, политическая, информационная, пропагандистская и финансовая помощь, а в случае необходимости и возможности, помощь вооружением, военными советниками и наемниками.

Еще одним инструментом политики западной цивилизации будет использование существующих и потенциальных этнических и религиозных конфликтов в регионах, имеющих важное значение для реализации стратегии сдерживания, в интересах укрепления там своего влияния. С этой целью будет оказываться помощь одной из сторон конфликта, как например, в молдавско-приднестровском конфликте. Поддержав Молдавию против Приднестровья, Запад добился ее втягивания в ассоциацию с Евросоюзом, вопреки, логике экономических связей самой Молдавии, ориентированных на Россию и другие страны СНГ. Тот же самый прием был проделан в Грузии, где Запад поддержал Тбилиси в его конфликте с Абхазией и Южной Осетией. Нельзя исключать, что схожая тактика будет использована и в отношении Нагорно-карабахского конфликта. В контексте этой логики надо рассматривать и переворот на Украине и события в Сирии и Ираке.

В рамках Сценария сдерживания многополярности Запад будет использовать комплекс мер, как традиционных для своей внешней политики, так и инновационных. Главным инструментом новой стратегии сдерживания является использование «мягкой силы» с целью подрыва государственности собственно России, Китая и Ирана, а также их союзников, стран тяготеющих к ним и даже государств, пытающихся проводить т. н. «многовекторную политику». Таким образом, речь идет, во-первых, о нейтрализации основных государств-оппонентов, и, во-вторых, о создании против них коалиций из числа соседних стран под патронажем Запада.

В арсенале политики «мягкой силы» будут применяться в основном политические средства, хотя и с определенной силовой составляющей. Так, прозападная оппозиция и «пятая колонна» внутри властных структур будет использоваться для организации

государственных переворотов и «цветных революций». Как показывают, события в Ливии, Сирии и на Украине, такие перевороты проводятся с участием вооруженных боевиков и затем перерастают во внутригосударственные вооруженные конфликты. В этих конфликтах Запад оказывает поддержку своим ставленникам в той или иной форме, включая авиационное прикрытие, предоставление данных разведки, посылку военных советников, сил спецназа или боевиков частных военных компаний.

Аналогичным образом будут использованы этнические и религиозные сепаратистские организации, представляющие интересы национальных меньшинств. Их целью является разжигание национальной и религиозной вражды с основной частью населения той или иной страны, провоцирование столкновений на национальной или религиозной почве и их перевод в стадию внутригосударственного вооруженного конфликта. События в Сирии, на Украине, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китая и Северном Иране вполне вписываются в этот сценарий.

Помимо «мягкой силы», предназначенной для применения в основном внутри государств, политика сдерживания предусматривает использование региональных межгосударственных конфликтов для усиления влияния Запада или подрыва влияния оппонентов в том или ином районе мира. С этой целью Запад будет осуществлять поддержку одной из сторон в конфликте, в обмен на ее согласие на военно-политическое сотрудничество. Это — наиболее опасная сторона политики сдерживания, так как она чревата возникновением локальных войн, могущих перерасти в крупные региональные войны.

Так, возобновление войны в Нагорном Карабахе сразу же вовлечет в конфликт Россию и члена НАТО Турцию с непредсказуемым сценарием эскалации. Между тем, сейчас отмечается активизация западной дипломатии в плане «обхаживания» Азербайджана с целью вовлечения его в политику НАТО по окружению России. Эти посулы могут спровоцировать Баку на усиление военного давления на Армению и Нагорный Карабах, которое на определенном этапе может выйти из-под контроля.

Аналогичная ситуация складывается и в молдавско-приднестровском конфликте. Возобновление войны Молдовы с Приднестровьем вполне может произойти вследствие впечатления

о слабости Москвы и ее неготовности защищать Приднестровье. Кишиневские власти вполне способны развязать такую агрессию при военной поддержке Румынии. В этой ситуации Россия окажется перед сложным выбором — как оказать помощь Приднестровью в случае сохранения у власти на Украине антироссийского режима, который перекроет транзит военных грузов.

Между тем, сдача Приднестровья стала бы крупным геополитическим поражением России, подрывом ее авторитета в мире и на постсоветском пространстве. Надежность России как союзника и гаранта безопасности малых государств Евразии оказалась бы под сомнением. Это создало бы выгодные условия для реализации Западом сценария реванша. Чтобы этого не произошло, России, видимо, придется либо пробивать коридор через Украину к Приднестровью, либо атаковать Румынию как соучастника агрессии, либо делать и то и другое одновременно.

Формирование на севере Ирака суннитского Исламского государства Ирака и Леванта и его вторжение в Сирию фактически уже привело к региональному конфликту малой интенсивности, в который оказались вовлечены Россия, Иран, Турция, США и монархии Персидского залива. Эскалация этого конфликта могла бы привести к очень опасным последствиям вплоть до глобальной войны.

Тем не менее, при всех опасностях, которые несет с собой Сценарий сдерживания многополярности, он не является самым неблагоприятным для России. Этот сценарий вынуждает Запад распылять ресурсы и вести борьбу, по меньшей мере, с тремя достаточно сильными оппонентами и их союзниками. И хотя суммарная экономическая мощь Запада на данном этапе значительно превосходит экономическую мощь указанных государств, в военной области между ними сложился стратегический паритет. Более того, в регионах, примыкающих к границам указанных стран, они даже имеют военное превосходство над потенциальным противником. Это делает невозможным для Запада прямое применение военной силы ни против одной из указанных стран.

Даже в районе Персидского залива, где Иран не смог бы противостать Западу в одиночку, военно-техническая помощь со стороны России или Китая, сразу бы поменяла соотношение сил. И в случае агрессии США и их союзников против Ирана события

могли бы развиваться по сценарию Корейской войны 1949–1953 гг. Конечно, в отсутствие формальных союзнических отношений между тремя государствами, оказание военно-технической и тем более военной помощи Ирану со стороны России или Китая не гарантировано. С другой стороны, это совсем не исключено, с учетом того какие важные интересы России и Китая связаны с сохранением суверенитета Ирана. Поэтому значительная вероятность такой помощи все-таки имеется. И в этих условиях нападение на Иран было бы связано для Запада с большими рисками. Проигрыш в такой войне или даже просто затягивание войны может привести к экономическому коллапсу Запада из-за огромных затрат на ведение войны, значительного роста мировых цен на энергоресурсы и подрыва собственного международного престижа.

Конечно, в идеале противостоять сценарию тройного сдерживания было бы лучше, если бы Россия, Китай и Иран имели бы определенные договоренности о координации действий. Пока это происходит лишь стихийно и не достаточно эффективно. Свидетельством этому является участие России в «группе шести» по ядерной программе Ирана. Между тем, российское присутствие в этой группе лишь придает дополнительную легитимность западной политике в отношении Ирана. Надо заметить, что Китай в этой группе участвует не активно.

Россия же пошла даже на введение экономических санкций против Ирана, апофеозом чего явился запрет на поставку Тегерану систем ПВО С-300, способных существенно повлиять на баланс военных сил в районе Персидского залива. Москва, видимо, сделала это в надежде на то, что Запад оценит такой шаг и ослабит давление на постсоветское пространство. Но случилось наоборот. Запад умело воспользовался этими маневрами российской дипломатии и смог надавить на Иран. В это же время США и Евросоюз вели подготовку к антироссийскому перевороту на Украине. И этот переворот создал серьезную угрозу военной безопасности России. Сейчас Запад пытается повернуть ситуацию в другую сторону, давая определенные авансы Ирану, в то время как против России ужесточаются экономические санкции.

Примечательно, что под воздействием событий на Украине Запад также ослабил давление на Китай. Между тем, еще два года назад противодействие китайской экспансии в АТР рассматрива-

лось США как главный военно-политический приоритет. Все это говорит о том, что в рамках реализации Сценария сдерживания многополярности Запад не в состоянии одинаково сильно воздействовать на всех трех оппонентов. И это подводит к мысли о необходимости координации действий России, Китая и Ирана по противодействию давлению со стороны Запада. Тем более, контрпродуктивными являлись бы попытки перенаправить агрессию Запада на другого партнера. Надо понимать, что поражение Ирана или Китая ослабит российские возможности противодействовать западному сценарию «реванша» и приведет к стратегическому поражению России.

Реализация Сценария сдерживания многополярности будет вести к определенному усилению западного военного присутствия у российских границ. Происходить это будет как за счет военной экспансии НАТО, так и за счет двусторонних соглашений США со странами постсоветского пространства. Не случайно, сейчас в Конгрессе США рассматривается инициатива о наделении Украины, Грузии и Молдовы статусом военных союзников США. Это позволило бы разместить там американские военные контингенты на двусторонней основе, без формального приема этих государств, в состав НАТО.

В целом конфигурация стратегической обстановки на европейском театре должна проясниться после завершения «битвы за Украину». При этом, совершенно очевидно, что поражение Донбасса будет означать стратегическую катастрофу для России. В этом случае Запад сможет перейти к сценарию «реванша» уже в самом ближайшем будущем. Объединенная, под патронажем Запада, антироссийская Украина коренным образом изменит, не в пользу России, баланс сил в регионе. Россия окажется скована этой серьезнейшей угрозой и будет вынуждена тратить значительные ресурсы на ее отражение.

Запад, между тем, продолжит экспансию на постсоветское пространство через Грузию, а в перспективе через Азербайджан и далее в Центральную Азию. Причем украинские военные и полувоенные формирования будут играть в этом процессе самую активную роль. Армения в этом случае тоже перейдет в сферу влияния Запада. В итоге Запад сможет окружить Россию с юга, отрезать ее от Ирана и выйти к западным границам Китая, где

проживает настроенное сепаратистки мусульманское население. Затем последует уничтожение изолированного Ирана, блокада Китая и массовое вторжение исламских боевиков из Средней Азии и Афганистана в мусульманские районы РФ. Одновременно украинская армия начнет войну за «освобождение» Крыма. Не исключено, что в этой ситуации Япония попытается воспользоваться моментом, чтобы захватить Курильские острова. Россия окажется перед необходимостью ввести войну сразу на три фронта, не считая возможных внутренних выступлений исламских боевиков на Кавказе и в Поволжье. Такой сценарий развития стратегической обстановки поставил бы безопасность России под смертельную угрозу.

Таким образом, в настоящий момент стратегическая обстановка на Украине находится в точке бифуркации. Либо Россия победит и предотвратит тем самым переход Запада к сценарию реванша. Либо проиграет и тогда будущее России как государства становится весьма неопределенным. Нынешняя политика руководства РФ, направленная на то, чтобы принудить Запад к переговорам о нейтральном и федеративном статусе Украины, может не дать желаемого результата. Дело в том, что согласие на эти условия будет, по сути, означать поражение Запада. Ведь вся операция затевалась именно для того, чтобы превратить Украину в таран против России, в ударную силу стратегии реванша. А нейтральная федеративная Украина эту функцию выполнять не сможет.

Понятно также, что в этом случае процесс евразийской интеграции будет в ближайшее время протекать без Украины. Однако в дальнейшем, объективные экономические процессы, рано или поздно, подтолкнут Киев в сторону Евразийского союза. Время будет играть на Россию, а не на Запад. Вся комбинация по окружению России будет порушена. Без Украины вести масштабные наступательные действия на постсоветском пространстве Запад будет не в состоянии. Поэтому можно ожидать, что американцы будут продавливать свою линию либо военным путем, либо за столом переговоров, пытаясь навязать такие условия урегулирования, которые позволили бы уже в ближайшем будущем перетянуть Украину в западный лагерь. Поэтому для достижения победы на Украине Россия должна перейти от оборонительных действий к наступательным.

Расчеты на то, что украинская власть сама падет уже в 2016 году под гнетом экономических проблем представляются не достаточно обоснованными. Запад будет подпитывать киевский режим ровно настолько, чтобы его карательный аппарат сохранял дееспособность. В этих условиях данный режим может продержаться достаточно долго. При этом не исключено, что будут меняться лидеры, но русофобский характер режима не претерпит изменений. Этот режим будет продолжать войну на Донбассе до тех пор, пока не победит, либо пока не потерпит военного поражения. Однако ожидать, что ополчение Донбасса сможет самостоятельно победить в условиях, когда Запад оказывает Киеву все увеличивающуюся военную помощь (военные советники, наемники, предоставление развединформации, средств связи и наблюдения) не приходится.

Поэтому для достижения победы на Украине России следовало бы перейти к оказанию донбасскому ополчению серьезной военной помощи, в том числе тяжелой военной техникой, военными специалистами и силами спецподразделений. Это необходимо для того, чтобы переломить ситуацию и начать наступление на другие области Украины. Москве ни в коем случае нельзя ограничиваться Донбассом, так как это не позволит решить две важнейшие стратегические проблемы — восстановить надежные сухопутные коммуникации с Крымом и получить гарантированный выход к Приднестровью.

Поэтому помимо, Донецкой и Луганской областей в новое государственное образование «Новороссия» должны войти, как минимум, Херсонская, Запорожская, Николаевская и Одесская области. Воевать, (во всех смыслах) за остальную часть Украины не обязательно. На это имеется три причины. Во-первых, удерживать под контролем столь обширную территорию, где значительная часть населения настроена антироссийски будет нелегко. Во-вторых, это будет очень обременительно экономически. В-третьих, это не даст каких-то весомых стратегических преимуществ регионального или трансрегионального уровня.

Новороссия, обладающая серьезным экономическим потенциалом и выгодным географическим положением, стала бы мощным противовесом киевской Украине. Это значительно улучшило бы стратегическое положение РФ даже в случае размещения на киевской Украине воинских контингентов НАТО. В такой стратегической

конфигурации натовская группировка оказалась бы под фланговым ударом как со стороны Новороссии, так и Белоруссии, ее растянутые линии снабжения стали бы весьма уязвимыми. Размещать в таком потенциальном котле крупные силы, вряд ли, было бы целесообразно. Но главное, Западу пришлось бы вкладывать огромные деньги в поддержание наплаву экономически несостоятельной части Украины, что в условиях экономических трудностей на самом Западе было бы достаточно проблематично. Поэтому военное присутствие на киевской Украине стало бы для Запада «пирровой победой».

Создание Новороссии не приведет к военному конфликту между НАТО и Россией, так как НАТО не располагает сейчас достаточными военными силами для войны с Россией в Европе. Развертывание таких сил потребует значительного времени. Поэтому начинать войну из-за Украины, не являющейся членом НАТО, Запад не будет. В то же время данный сценарий приведет к жесткой политической конфронтации России с Западом и введению против российской стороны самых разнообразных санкций. Эти санкции, однако, не смогут подорвать экономику России, хотя и нанесут ущерб интересам различных олигархических групп, ориентированных на Запад. Часть этих кругов может стать финансовой базой антиправительственного заговора. Однако такой заговор с учетом победы России на Украине и всеобщей поддержки президента РФ населением страны, будет обречен на провал.

Конечно, данный сценарий приведет к существенному наращиванию военных сил НАТО в странах Восточной Европы, прежде всего в Польше и Румынии. Но это наращивание и так уже идет и в последние месяцы активизировалось. Более того, эффект от такого наращивания будет полностью перекрыт созданием Новороссии и ее включением в российскую зону безопасности, а также размещением на ее территории российской военной группировки.

Появление американских войск в Польше может быть перекрыто размещением российского воинского контингента в Белоруссии и усилением группировки в Калининградской области. Что касается стран Прибалтики, то готовность Запада разместить там крупные военные базы представляется маловероятной, так как география региона делает эти базы скорее заложником, чем плацдармом. Поэтому можно ожидать, что в Прибалтике будут на-

ходиться в основном разведывательные контингенты и некоторые силы для подавления выступлений местного русского населения.

Главная проблема для Запада состоит в том, что он не сможет держать одинаково крупные контингенты одновременно против России, Китая и Ирана. Особенно, если ему придется «затыкать дыры» где-нибудь в Латинской Америке и Африке. Поэтому при создании военных группировок Западу придется расплыть наиболее боеспособные — американские и английские войска, и в гораздо большей степени полагаться на войска союзников и сателлитов. При этом встает вопрос о готовности стран Центральной и Восточной Европы существенно нарастить собственные воинские контингенты и тратить значительные средства на оборону в условиях неблагоприятного экономического положения и роста социального недовольства. Например, желание Германии существенно увеличить собственную армию, а тем более выдвинуть ее к российским границам пока вызывает серьезные сомнения. Соответственно и степень военной угрозы для России при таком сценарии не будет критической и может быть парирована даже наличными силами и средствами.

Размещение натовских войск в Грузии по данному сценарию представляется маловероятным. Грузины поймут, что возможности НАТО оказывать силовое давление на Россию ограничены и альянс не будет полезен Тбилиси в деле возвращения Абхазии и Южной Осетии. Конечно, Тбилиси может рассматривать натовские или двусторонние американские гарантии безопасности как некий политический бонус. Но превращать свою страну в антироссийский плацдарм на Кавказе без каких-то существенных дивидендов для самой Грузии нынешнее руководство Тбилиси вряд ли захочет.

С другой стороны, в США и тем более в целом в НАТО также имеются серьезные сомнения в целесообразности дислокации своих войск в Грузии. Ведь находясь под зонтиком НАТО или США, Тбилиси может изрядно осмелеть и по своему собственному почину начать очередную войну с Абхазией и Южной Осетией. В этом случае западный воинский контингент в Грузии, даже помимо своей воли, будет в эту войну втянут. И тогда НАТО окажется в состоянии войны с Россией по столь малозначительному поводу. Трудно себе представить, что руководители западных государств были бы заинтересованы в таком развитии событий.

К тому же, стратегическая выгода от развертывания войск НАТО в Грузии будет минимальной, так как находящаяся там группировка окажется зажата между российскими войсками в Южной Осетии, Абхазии и Армении. Вести какие-то активные действия в такой стратегической конфигурации, без вовлечения в войну Турции было бы невозможно. Однако, как показал опыт войны в Южной Осетии в августе 2008 года, Анкара вовсе не горит желанием «таскать каштаны из огня» для своих старших партнеров по НАТО.

Другое дело, если Западу удастся перетянуть на свою сторону Азербайджан. В этом случае НАТО получил бы коридор к Каспию и далее в Центральную Азию. Это сразу бы поменяло стратегическую конфигурацию во всем черноморско-каспийском регионе в пользу НАТО. Однако осуществить этот план у Запада пока не получается. Азербайджан учитывает интересы безопасности России и Ирана и не желает обострять отношения со своими мощными соседями. Такой курс Баку не вписывается в стратегию сдерживания. Поэтому, можно ожидать нарастание западного давления на режим президента Алиева с целью принудить его к переориентации на НАТО.

В настоящее время Запад пытается перетянуть Баку на свою сторону, делая намеки на возможность урегулирования нагорно-карабахского конфликта на азербайджанских условиях. Одновременно осуществляется запугивание президента Алиева и его окружения различными санкциями за «нарушения прав человека». Можно также ожидать, что уже в ближайшем будущем Запад попытается осуществить в Азербайджане «цветную революцию» и привести там к власти прозападный режим. Однако успех этого мероприятия в случае вмешательства России и Ирана выглядит малореальным.

Что касается Центральной Азии, то Запад продолжит усилия по дестабилизации данного региона. Даже если эти усилия и не приведут к установлению в странах региона прозападных режимов, то его дестабилизация сама по себе создаст серьезные проблемы России и Китаю. Особенно сильный эффект был бы достигнут в случае дестабилизации Казахстана, являющегося членом Евразийского экономического союза. Между тем, опасность роста нестабильности в Казахстане значительно возрастет в процессе

смены власти в стране в связи с предстоящим уходом Назарбаева с поста президента. Если между тремя казахскими жузами не будет достигнута договоренность о преемнике Назарбаева, то дестабилизация рискует пойти по самому неблагоприятному сценарию. Казахстан может начать разваливаться на несколько частей по жузовому признаку. В этих условиях националистические круги Казахстана, подогреваемые Западом, могут начать нападения на русскоязычное население региона. Это приведет к внутригосударственному вооруженному конфликту. Остаться в стороне от этого конфликта Россия не сможет.

По схожему сценарию могут пойти события в Узбекистане, где президент Ислам Каримов должен будет вскоре оставить свой пост. В Узбекистане нет разделения на жузы, но там имеется исламистское подполье, связанное с террористической организацией «Исламское движение Узбекистана». Штаб-квартира этой организации базируется в Пакистане или Афганистане и скорее всего имеет связи с западными спецслужбами. Поэтому нельзя исключать, что исламистское подполье воспользуется дестабилизацией в Узбекистане, связанной с процессом смены власти, чтобы поднять вооруженный мятеж, как это произошло в Андижане в 2005 году.

Ситуация осложняется еще и тем, что между Узбекистаном и Таджикистаном имеется латентный национально-территориальный конфликт. И, в случае начала в Узбекистане внутреннего вооруженного противостояния, Таджикистан может попытаться аннексировать Бухару и Самарканд. Все это, в конечном итоге, может привести к многостороннему локальному вооруженному конфликту. А если в него еще втянутся таджикские и узбекские общины Афганистана, то этот вооруженный конфликт может принять региональный характер.

Но это — далеко не все. В других важных для России регионах мира имеются потенциальные национально-территориальные конфликты, которые Запад может попытаться раздуть и использовать в своих интересах. Так, например, в Восточной Азии США успешно подогревают конфликт между двумя Кореями, между Китаем и Тайванем, а сейчас активизировались усилия по разжиганию территориальных споров между Японией и Китаем, а также Вьетнама и Филиппин с Китаем. В районе Персидского залива продолжается линия на стравливание суннитов и шиитов.

Между тем, такая политика чревата опасным обострением международной обстановки и началом вооруженного локального конфликта с его перерастанием в региональную войну. Причем большинство таких конфликтных точек находится либо на самом постсоветском пространстве, либо на его периферии. Поэтому, в некоторых случаях предотвращение или гашение этих конфликтов будет прямой ответственностью России, а в других случаях Москве придется оказывать поддержку одной из сторон конфликта, чтобы не допустить негативного изменения баланса сил в конкретном регионе.

При всей пагубности такого развития событий для интересов РФ, все же было бы преувеличением утверждать, что указанные действия Запада с неизбежностью приведут к успеху стратегии Запада. Напротив, Сценарий сдерживания многополярности будет вести, хотя и медленнее, к постепенному снижению доли западной цивилизации в мире и развитию полицентричной системы международных отношений. В этих условиях важнейшей задачей для России будет не допустить кардинального изменения военно-политического баланса сил в мире в пользу Запада, за счет прорыва в военно-технической области, либо за счет принципиального изменения регионального баланса сил в районах, имеющих ключевое значение для общемирового баланса.

В то же время, следует ожидать, что ожесточенность сопротивления западной цивилизации в рамках данного сценария будет нарастать, и дальнейшее развитие этого сценария будет вести к обострению межцивилизационной борьбы. Как следствие, произойдет перетекание Сценария сдерживания многополярности в более жесткий сценарий. Осознав, что остановить развитие многополярности невоенными средствами не получится, Запад может перейти к прямому применению военной силы против России, Китая или Ирана. На первоначальном этапе этот будет происходить в форме войны малой интенсивности, то есть втягивания вооруженных сил США и НАТО в конфликты, ведущиеся их клиентскими государствами и террористическими организациями. Однако эскалация любого такого конфликта может привести к крупной региональной или даже глобальной войне с использованием ядерного оружия.

10.3. Сценарий консервации однополярной системы международных отношений

Сценарий консервации однополярной системы международных отношений является производным от исходного сценария и начнет реализовываться в случае, если западной цивилизации удастся добиться успеха в рамках своей стратегии сдерживания многополярности. Этого успеха Запад может добиться одним из трех способов. Во-первых, путем кардинального ослабления ведущих государств других цивилизаций, прежде всего, России, Китая и Ирана. Во-вторых, достижением договоренностей с отдельными ведущими государствами других цивилизаций о признании правил однополярной системы в обмен на определенные преференции. В-третьих, комбинацией первого и второго вариантов.

Первый вариант подразумевает активные действия Запада по кардинальному изменению военно-политического баланса в мире в свою пользу. Такое изменение может произойти в следующих случаях:

- успешное использование Западом «мягкой силы» для подрыва государственности хотя бы одной из двух ведущих незападных держав — России или Китая;
- достижение решающего военного превосходства над всеми другими оппонентами за счет принципиального прорыва в военно-технической области;
- развязывания крупного военного конфликта с Россией или Китаем и победы в этом конфликте.

В любом из этих случаев Запад сможет выйти на позицию «абсолютной силы», которая позволит ему диктовать условия всему остальному миру. Так, внутренняя дестабилизация и развал России позволят Западу получить решающее военное превосходство над Китаем, поскольку китайские вооруженные силы еще существенно отстают от западных в военно-техническом отношении. Сейчас Россия помогает Китаю заполнить некоторые существенные бреши в своем военном арсенале путем поставок передовых систем вооружений и военных технологий. Крах российской государственности или ее переход под протекторат Запада закроют дорогу в Китай

российским вооружениям и военным технологиям. А ликвидировать отставание от Запада собственными силами в ближайшие 15–20 лет Китаю, вряд ли, удастся.

Поэтому, опираясь на свое военное превосходство, Запад сможет принудить Китай к капитуляции, даже не вторгаясь на его территорию. Китай может быть легко отрезан от основных рынков и источников сырья путем военно-морской блокады, особенно в условиях, если территория России окажется под контролем Запада. В этом случае и странам Средней Азии также придется переориентироваться на Запад. Поэтому Китай будет вынужден либо принять условия, продиктованные Западом, либо остаться изолированным от всего мира, слабо влияя на ход развития человеческой цивилизации.

С другой стороны, дестабилизация и развал Китая приведут к существенному повышению экономической роли Запада в современном мире. Причем, не только благодаря коллапсу китайской экономики, но и в связи с переключением на Запад основных производственных, торговых и финансовых цепочек, созданных китайцами в предшествующие десятилетия. В этих условиях российская экономика окажется в весьма уязвимом положении и будет фактически полностью зависима от западных рынков. В такой ситуации возможности Запада использовать экономические рычаги давления на Россию многократно возрастут. Россия окажется перед выбором — либо принять условия Запада, либо перейти к экономической автаркии, свернув до минимума свои внешнеэкономические связи. В то время как такой вариант развития событий не означал бы неминуемого краха российской государственности, он изолировал бы РФ от основных мировых экономических процессов. При этом возможности Запада по навязыванию своей воли остальному миру существенно возросли бы.

Другим способом кардинального изменения военно-стратегического баланса мог бы стать принципиальный прорыв Запада в военно-технической области, то есть событие схожее по своей значимости с изобретением атомной бомбы. В то же время, достижение такого результата в нынешних условиях выглядит достаточно маловероятным, так как развитие фундаментальной науки пока не дает поводов ожидать появления новых видов во-

оружий, способных критически изменить глобальный стратегический баланс. В то же время нельзя исключать, что серьезное изменение военного баланса может произойти за счет постепенного накапливания технических усовершенствований в военной технике, которые со временем приведут к качественному скачку в эффективности вооруженных сил Запада. И такой качественный скачок позволит Западу получить решающее военное превосходство над Россией и Китаем.

Однако такое развитие событий возможно только в том случае, если Россия и Китай не будут уделять достаточно внимания совершенствованию собственных вооруженных сил, включая военные НИОКР. Но Россия, как ведущая военная держава, не входящая в западную цивилизацию, похоже, осознает свою особую историческую роль в поддержании мирового военно-стратегического баланса. И дает адекватный ответ на любые имеющиеся военно-технические программы. Китай, также активно модернизирует и совершенствует свои вооруженные силы.

Поэтому, представляется более вероятным, что делая ставку на военное превосходство, Запад будет использовать преимущественно военно-политические механизмы с целью изменить региональные балансы сил в критически важных районах мира. Расчет, как уже отмечалось, делается на то, что постепенное изменение региональных балансов сил может, в конечном счете, привести к критическому изменению глобального баланса сил.

Уже сейчас можно наблюдать действия Запада по укреплению экономических и военно-политических союзов в Азиатско-тихоокеанском регионе, направленных против Китая. Так, 5 октября 2015 года США добились подписания соглашения по Транстихоокеанскому партнерству, предусматривающему создание зоны свободной торговли между 12 странами: США, Япония, Малайзия, Вьетнам, Сингапур, Бруней, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Мексика, Чили и Перу. Между США и Евросоюзом ведутся активные переговоры по заключению аналогичного соглашения для Евроатлантического региона (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство). В Европе США проводят линию по продвижению НАТО на Восток, вовлекая в него новых членов из числа стран постсоветского пространства. На Восток также продвигается военная инфраструктура НАТО, включая системы

ПРО. Отчетливо вписывается в эту линию и государственный переворот на Украине, направленный на военно-политическую переориентацию этой страны на Запад.

В Восточной Азии стремление США образовать коалиции против Китая привело к поощрению Вашингтоном территориальных конфликтов Филиппин, Вьетнама и Японии с КНР. Между тем, эскалация этих конфликтов может привести к втягиванию в военное противостояние не только заинтересованных сторон, но и самих США, а затем и всего региона. Наконец, стремление Запада нейтрализовать Иран, как наиболее сильную и независимую страну исламского мира, может привести к развязыванию против нее полномасштабной войны. Однако в поддержку Ирана могут выступить Россия и Китай, что также может привести к эскалации этого конфликта до уровня региональной или даже мировой войны

Во всех подобных случаях Сценарий консервации однополярной системы окажется успешным, если Запад сможет достичь победы в таких войнах и продиктовать свои условия побежденным. В случае если Запад войну проиграет, то коллапс западной цивилизации произойдет обвальным путем. Впрочем, эскалация военных действий до масштабного применения стратегического ядерного оружия может закончиться катастрофической «ничьей», когда вся человеческая цивилизация будет отброшена на несколько веков назад. Таким образом, возможным развитием сценария консервации однополярной системы может стать сценарий Третьей мировой войны, после чего парадигма мирового развития человечества принципиально изменится.

В рамках Сценария сдерживания многополярности возможны попытки сговора Запада с ключевыми странами других цивилизаций, которые, как уже говорилось, достаточно разобщены, в то время как координация и дисциплина внутри западной цивилизации держится на высоком уровне. Существо данного сценария состоит в том, что Запад сконцентрирует ресурсы для нейтрализации одного государства-оппонента, а не всех сразу. А потом перейдет к другим, или попросту говоря, будет бить противников поодиночке. Если Западу удастся проделать такой маневр, то это, скорее всего, позволит ему остановить развитие процесса нарастания многополярности на достаточно долгий срок.

Возможна, например, попытка сговора США с Китаем против России. Неслучайно, различные западные эксперты уже несколько лет предлагают схему мироустройства, согласно которой США и Китай должны совместно руководить миром. Примечательно, что и в Китае некоторые политологи стали высказывать схожие идеи. Так, в 2008 году в издаваемом в Пекине журнале «Современные международные отношения» появилась статья сотрудников Нанкинского университета Хуан Хэ и Чжу Ши под весьма показательным названием «О возможности „совместного господства“ Китая и США». В ней авторы утверждают, что для Пекина сотрудничество с Вашингтоном в руководстве мировым порядком является выражением «внутренней потребности экономического развития в мирных и стабильных международных условиях»⁴⁹⁶.

Вероятно, эти идеи обсуждались, в той или иной форме, американскими официальными лицами с китайским руководством. Результаты этих обсуждений, естественно, не существуют в публичном доступе. Однако практические действия Китая на международной арене свидетельствуют о том, что он на эту приманку не клюнул. Скорее всего, в Пекине поняли, что это предложение — ловушка, которая со временем сыграет против самого Китая.

Одновременно, просматривается четкая линия США на втягивание Индии в антикитайскую комбинацию. При этом перед Дели рисуются заманчивые перспективы расширения военно-технического и экономического сотрудничества, включая область ядерной энергетики. Так, по мнению Центра стратегических и международных исследований, базирующегося в Вашингтоне, США и Индия уже «достигли значительного уровня в своих отношениях в области обороны». По оценке Центра, с 2005 года, когда было подписано новое рамочное соглашение по оборонному сотрудничеству, продажи американского военного снаряжения в Индию выросли почти что с нуля до более 8 млрд долларов. Также существенно увеличилось количество контактов высокого уровня по военным вопросам. Более того, США вышли на первое место среди иностранных государств по числу совместных военных учений с Индией⁴⁹⁷.

⁴⁹⁶ Ломанов А.В. Согласится ли Китай править миром вместе с США, 01.12.08. <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/30080/>

⁴⁹⁷ <http://csis.org/program/us-india-security-and-defense-cooperation>

Запад будет также продолжать попытки изолировать Иран, чтобы покончить с ним в первую очередь, как с наиболее слабым из основных конкурентов западной цивилизации. Для реализации этой стратегии Запад использует как инструменты запугивания Ирана, так и инструменты поощрения, рисуя перспективы отмены санкций и расширения экономического сотрудничества. Такая же технология была применена в свое время для развала СССР. Более того, создание США, совместно со своими союзниками на Ближнем Востоке, террористического государственного образования ИГИЛ, направлено, прежде всего, на ослабление иранских позиций в регионе.

Если Сирия, как союзник Ирана, будет разрушена, то изоляция Ирана на Ближнем Востоке существенно возрастет. Это не только ослабит влияние Ирана в регионе, в частности, в Ираке, но и позволит в перспективе перенести агрессию ИГИЛ на территорию самого Ирана. Ну, а после дестабилизации Ирана и его последующего развала (либо перехода под контроль Запада), экспансия исламских террористических сил устремится уже на постсоветское пространство — в Закавказье и Центральную Азию. А также — в Синьцзян-Уйгурский автономный округ Китая. Таким образом, Запад получит возможность по дестабилизации одного из двух главных геополитических конкурентов.

Пока США делают вид, что не имеют к ИГИЛ никакого отношения и даже провозглашают борьбу с ним, но на практике не оказывают правительству Ирака реальной военной помощи в деле разгрома этого террористического государственного образования. Однако вмешательство России в войну против ИГИЛ в Сирии рискует сорвать стратегический замысел Вашингтона. Это подталкивает Запад и его союзников на Ближнем Востоке (Саудовская Аравия, Катар, Турция) к увеличению финансовой и материальной помощи террористическим организациям на территории Сирии. Это в свою очередь создает перспективу либо затягивания войны в Сирии, либо эскалации сирийского конфликта до регионального уровня.

В пользу России в этой комбинации играет тот факт, что ее действия в отношении Крыма и Донбасса привели к тому, что Запад оказался перед необходимостью расплыть ресурсы. Пока военная фаза конфликта на Украине затягивается, США не могут

сконцентрировать достаточно сил на Ближнем Востоке, чтобы запустить сценарий дестабилизации Ирана. НАТО приходится наращивать группировку в Восточной Европе, так как они опасаются, что действия России могут распространиться на входящую в НАТО Прибалтику и Молдову, что может привести к военному конфликту с членом НАТО Румынией.

Но после завершения конфликта на Украине американцы вполне могут переключить основные усилия на Сирию и Иран. Пока же они пытаются дезориентировать иранское руководство, выдавая ему различные авансы по поводу отмены санкций и нормализации отношений. В некоторых западных публикациях Иран стал представляться чуть ли не союзником США в борьбе с ИГИЛ. Такие маневры американской дипломатии свидетельствуют о том, что США еще надеются достигнуть геополитической победы на постсоветском пространстве. Если же им станет очевидно, что сил на это у них уже не хватает, то они могут предложить Москве некоторые размены. Причем частью «пакета» США по Украине может быть требование к Москве о невмешательстве в ситуацию в Сирии и вокруг Ирана.

Очевидно, что Москве придется определяться, как поступить в подобном случае: стоит ли соглашаться на предложение США или продолжать поддерживать Сирию и Иран. Соблазн пойти на условия США будет достаточно велик, но в долгосрочной перспективе это может привести к стратегическому поражению. Вообще в этом вопросе России следует вести очень осторожную политику. Заигрывание Москвы с Западом, как было во время введения санкций против Ирана, может привести к тому, что и в Тегеране, и в Пекине посчитают Россию ненадежным партнером. В итоге Китай и Иран сами могут пойти на сделку с Западом за счет российских интересов. Конечно, было бы противоестественно ожидать от Китая и Ирана, что они пожертвуют своими коренными интересами ради такой сделки. Но они могут прямо или косвенно поддержать политику Запада по изоляции России. Иран, например, мог бы участвовать в масштабных энергетических проектах по снабжению Евросоюза газом и нефтью. А Китай мог бы присоединиться к финансово-экономическим санкциям против России в обмен на какие-то преференции со стороны Запада.

Такое развитие событий стало бы для России наиболее благоприятным. Зато для Запада это был бы самый выигрышный вариант. Запад мог бы рассчитывать на то, что полная изоляция России подорвет ее экономику и вызовет социальный протест, который приведет к внутривнутриполитической дестабилизации, как это уже произошло в 90-е годы. Тогда ослабленная Россия уже не сможет полноценно влиять на мировые события, что позволит Западу реально перейти к покорению других геополитических конкурентов.

10.4. Сценарии коллапса или раскола Запада

Сценарии коллапса или раскола Запада в значительной степени взаимосвязаны и могут обуславливать друг друга. Оба этих сценария возможны как следствие неудачного для Запада развития Сценария сдерживания многополярности. Вполне очевидно, что если Запад будет тратить все возрастающие ресурсы на борьбу с ведущими державами других цивилизаций при том, что его роль в мировой экономике будет постепенно уменьшаться, это неизбежно приведет к истощению западной экономики. А результатом этого станет нарастание кризисных явлений сначала в экономической, а затем и политической областях.

Дальнейшим развитием этих процессов может стать мировая финансово-экономическая катастрофа. Впрочем, такая катастрофа может даже быть напрямую не связана с ресурсными ограничениями, вызванными борьбой Запада с другими цивилизациями. Просто внутренние противоречия мировой финансовой системы уже, возможно, достигли такой степени, что ее обвал неминуем. Однако ситуация настолько сложна и запутана, что предсказать неизбежность такого обвала или возможность его предотвращения не может никто. Тем более, никто не может определить ту точку во времени, когда такой обвал может произойти.

Сценарий коллапса Запада — наиболее сложный с точки зрения прогнозирования дальнейшего развития международной обстановки. В этом случае события, скорее всего, пойдут по непред-

сказуемому пути. По существу, этот сценарий будет означать крах нынешней международной системы, ее хаотизацию. Его следствием станут самые разные формы вооруженных конфликтов, начиная от внутригосударственных и локальных военных конфликтов в самом широком географическом диапазоне, до использования ядерного оружия частными армиями и псевдогосударственными образованиями. Будут возможны самые необычные и даже противоестественные коалиции, а также краткосрочные союзы, формируемые на очень короткие промежутки времени для решения утилитарных задач.

Особую опасность будет представлять вопрос о ядерном оружии западных государств, прежде всего США, особенно размещенном за пределами национальных границ. Кто будет заниматься охраной этого оружия? В чьи руки оно может попасть? Например, ядерное оружие США в ФРГ, Турции, Италии и Японии может быть приватизировано этими государствами, превратив их в одночасье в ядерные державы. Возможно даже возникновение островных микрогосударств, обладающих ядерным оружием, таких как, например, Гуам или Таити⁴⁹⁸. Между тем, активную охоту за обладание ядерным, химическим и бактериологическим оружием могут начать международные террористические организации, преступные синдикаты и даже религиозные секты.

Все это потребует от сохраняющих дееспособность государств каких-то совместных действий для приведения международной системы в упорядоченное состояние. И такие действия могут предполагать использование российских вооруженных сил, в том числе ядерного оружия, не только по периметру российских границ, но и в отдаленных районах земного шара. Например — в Северной Америке или в Южной части тихого океана.

Впрочем, сценарий всеобщего хаоса, последовавшего за экономическим, политическим и цивилизационным коллапсом Запада, является наименее вероятным из всех возможных сценариев. Гораздо более, вероятно, что еще до того, как процессы разложения и деградации достигнут точки невозврата, внутри западной цивилизации возникнут принципиальные расхождения между ключевыми

⁴⁹⁸ Таити находится во Французской Полинезии, где расположен французский полигон для испытаний ядерного оружия.

игроками по поводу дальнейшей стратегии отношений с другими цивилизациями. Вероятность такого сценария будет возрастать по мере того, как будет становиться очевидным, что издержки конфронтации с другими цивилизациями чрезмерно велики.

Поэтому можно ожидать, что часть ключевых стран западной цивилизации может отказаться от конфронтационного пути и перейти на рельсы сотрудничества с другими цивилизациями по созданию полицентричной системы международных отношений. Скорее всего, раскол возникнет между англо-саксонскими элитами (которые являются более сплоченными и агрессивными) и элитами стран континентальной Европы. Конечно, тут будут возможны самые разные комбинации и предугадать их будущую конфигурацию сейчас невозможно.

Сценарий раскола Запада будет, по существу, означать конец западной цивилизации в ее нынешнем виде. В этом случае некоторые части этой цивилизации могут начать интегрироваться в состав других цивилизаций. Так, восточно-европейские и южно-европейские страны могут интегрироваться в состав Российской цивилизации. Испания и Португалия переориентировавшись на свои бывшие колонии, перейти в состав Латиноамериканской цивилизации. При этом НАТО перестанет существовать, а членский состав Евросоюза претерпит изменения, как по численному составу, так и по уровню централизации. При этом возможно как усиление централизации при уменьшении числа членов, так и ослабление централизации при сохранении нынешнего состава, а тем более при добавлении новых членов.

Теоретически, перспектива раскола возможна и внутри США, где демографический рост латиноамериканского населения опережает все другие этнические группы. В этом случае нельзя исключать раздела США на условно латиноамериканские штаты и штаты с преобладанием европейского населения. При этом штаты с преобладанием европейского населения будут тяготеть к Канаде, а штаты с латиноамериканским населением — к Мексике, то есть к латиноамериканской цивилизации. Возможно, раздел США произойдет на три группы штатов с учетом тех, где будет преобладать афроамериканское население.

Таким образом, ареал западной цивилизации сузится и будет включать северные штаты нынешних США, Канаду, Великобрита-

нию, Ирландию, Францию, страны Северной Европы, Германию, Австрию, Швейцарию, Италию, Австралию и Новую Зеландию. В этих условиях Центр влияния западной цивилизации переместится из Вашингтона либо в Канаду, либо в Австралию, либо вернется в Великобританию. В проблемной зоне окажутся Финляндия, Польша, Чехия и Венгрия. Они встанут перед выбором — интегрироваться ли в состав российской цивилизации, либо остаться в составе западной. Причем этот выбор может реализоваться и как ситуационный, в связи с чисто прагматическими соображениями правящих элит и их конкурентов и, следовательно, идти по колебательной траектории развития.

В период начала процесса раскола Запада возможно резкое обострение международной обстановки, так как западные элиты, выступающие за сохранение единства западной цивилизации и продолжение конфронтационной политики, попытаются остановить такое развитие событий. В этом случае будут предприняты попытки «цветных революций» и государственных переворотов в тех странах Евросоюза и НАТО, которые желают изменить свой политический курс. Не исключено даже возникновение внутригосударственных военных конфликтов, которые при определенных обстоятельствах могут привести и к локальному вооруженному конфликту с участием других государств и к региональной войне. Россия должна быть готова к такому развитию обстановки и по возможности иметь силы и средства для воздействия на ситуацию в выгодном для нас направлении.

После того, как ситуация, связанная с процессом раскола Запада стабилизируется, в мире сложится полицентричная система международных отношений. В этой системе западной цивилизации придется довольствоваться наименее влиятельным положением по сравнению не только с нынешним временем, но и с той ситуацией, которая могла бы сложиться в будущем, если бы Запад не раскололся, а сразу бы пошел по пути сотрудничества с другими цивилизациями. В этой системе оставшиеся сторонники межцивилизационного противоборства из числа западных стран уже не будут иметь достаточно ресурсов, чтобы как-то серьезно влиять на ход мировых событий, за исключением, конечно, случая развязывания мировой ядерной войны. Но это стало бы самоубийством для них самих.

10.5. Сценарий согласованного перехода к многополярной системе международных отношений

Этот сценарий является альтернативой возможным сценариям коллапса или раскола западной цивилизации. Он подразумевает, что на определенном этапе, осознав тщетность попыток изменить объективный ход исторических процессов и сохранить свое глобальное доминирование, западные элиты достигнут консенсуса относительно необходимости упорядоченного перехода к полицентричной мировой системе. Такой переход позволил бы Западу гарантированно сохранить определенную часть своего влияния и богатства, что было бы неочевидно при реализации вышеперечисленных сценариев. Однако главная сложность здесь — это решение вопроса о том, за счет кого внутри Запада, будут осуществляться уступки другим цивилизациям.

Согласованный переход мировой системы к многополярности возможен в двух вариантах. Первый вариант предусматривает отказ Запада от активного противодействия процессу нарастания многополярности, но без сотрудничества с другими цивилизациями в выработке структуры нового миропорядка. Другими словами, полицентричная система международных отношений будет складываться помимо Запада, вопреки воле Запада, но без его активного противодействия. Второй вариант предусматривает не только отказ Запада от конфронтации с другими цивилизациями, но и активное сотрудничество с ними в деле создания новой международной системы.

При первом варианте многополярная система международных отношений будет складываться более продолжительный срок, но в любом случае сформируется к 2040 году. При втором варианте система международных отношений могла бы перейти к полноценной многополярной системе уже в течение десяти лет, то есть к 2025 году. Причем с точки зрения интересов Запада это был бы второй по выгодности вариант, который уступал бы лишь Сценарию консервации однополярной системы международных отношений. Однако этот последний сценарий имеет чрезвычайно малые шансы на реализацию, в то время как Сценарий согласованного

перехода к многополярной системе международных отношений может быть реализован Западом без каких либо серьезных проблем.

Привлекательность согласованного перехода к многополярности для Запада связано с тем, что в этом случае он смог бы застолбить за собой хорошие позиции в целом ряде ключевых регионов, а также в сфере мировой экономики, стратегического баланса и международной безопасности. Согласовывая принципы и правила функционирования новой системы международных отношений с другими игроками, Запад мог бы в буквальном смысле выторговать себе очень неплохие условия и роль в будущем мироустройстве. Главное, что при этом западная цивилизация была бы сохранена как целое и продолжала бы оставаться влиятельным мировым актором.

Существование первого варианта Сценария согласованного перехода к многополярной системе международных отношений состоит в том, что западная цивилизация вынуждена будет де факто согласиться с полицентричной системой мироустройства, но де-юре откажется это признавать. На практике это будет означать явный уход Запада из некоторых районов мира, вследствие ресурсных ограничений. При этом контроль над безопасностью этих регионов будет де факто переходить к крупным региональным державам. Запад не будет препятствовать этому на практике, хотя на словах и будет высказывать возражения, порой довольно резко. При этом Запад сконцентрируется на поиске внутренних резервов для повышения конкурентоспособности своей экономики, а во внешней политике ограничит свои притязания разумными пределами.

В рамках этого сценария для России будет иметь важное значение, какие именно регионы будут рассматриваться Западом как наименее приоритетные — уход откуда будет происходить в первую очередь, а какие — более приоритетные, за присутствие в которых Запад будет цепляться до конца. При этом важнейшую роль в этом будут играть приоритеты именно США, как наиболее мощной страны западного мира, а не ее европейских партнеров. Даже партнерская солидарность не сможет навязать Вашингтону те приоритеты, которые он сам не считает важными.

На глобальном уровне Запад в связи с ресурсными ограничениями откажется от достижения абсолютного военного превосходства над остальным миром. Некоторые дорогостоящие

военные программы будут свернуты, количественное наращивание вооружений и вооруженных сил прекратится, возможны даже существенные сокращения военного бюджета. При этом Запад по-прежнему не будет подписывать каких-либо обязывающих соглашений по контролю над вооружениями, в частности по ПРО, по вооружениям и вооруженным силам в Европе, по морским вооружениям, по безопасности в районе Персидского залива или на Корейском полуострове. Такая тактика позволит Западу, с одной стороны, сохранить свободу рук, а с другой — продолжать создавать видимость преобладающей силы с целью оказания психологического давления на конкурирующие страны. Гонка вооружений при этом сценарии, скорее всего, замедлится, а возможно, и вообще прекратится.

В области мировой экономики Запад не будет активно противодействовать линии стран периферии на создание собственных глобальных и региональных экономических структур. То есть, не будет применять в качестве наказания такие инструменты как экономические санкции, блокады и бойкоты. С другой стороны, Запад будет противиться такому развитию событий менее заметными способами, в частности, пытаться столкнуть другие страны друг с другом, создавать льготы и преимущества для одних и отказывать в преференциях другим. Представители не западных стран будут по-прежнему отстраняться от равноправного участия в МВФ. Запад будет также отказываться признавать отдельные региональные экономические объединения, в том числе рассматривать региональные валюты как резервные. Другие же региональные объединения — будет стремиться поставить под свое влияние, в том числе введением туда игроков, подконтрольных Западу.

Запад также признает принцип многообразия мира и право других цивилизаций на самостоятельное развитие на базе собственных ценностей. Однако борьба ценностей продолжится, хотя и в менее конфронтационных формах. Она переместится в основном в идейную область. Запад будет продолжать стремиться оказывать идейное влияние на другие цивилизации, стремясь поставить их в ментальную зависимость от своих норм и правил. Однако, информационно-политические операции будут свернуты, прежде всего, в регионах, которые Запад будет рассматривать как наименьший приоритет. В то же время, в регионах, сохраняющих

важное значение для западных интересов продолжится использование всех инструментов «мягкой силы», включая «цветные революции».

Второй вариант сценария согласованного перехода к многополярной системе международных отношений будет означать, что Запад пойдет на признание многополярной системы международных отношений не только де факто, но и де юре. Это будет предполагать разделение бремени и ответственности с государствами других цивилизаций за поддержание мира и безопасности в различных регионах. По существу, это будет означать возвращение к старой, проверенной концепции «сфер влияния», которую Запад сейчас категорически не желает принимать. Юридическое оформление этой новой системы будет происходить путем заключения соглашений в области безопасности с ключевыми государствами других цивилизаций, а также путем создания или признания уже существующих структур безопасности, существующих в других регионах.

Например, в Европе могли бы быть заключены соглашения о не расширении НАТО на Восток и признании постсоветского пространства сферой ответственности ОДКБ. Запад был бы вынужден также согласиться на постепенную финляндизацию стран Прибалтики — то есть вывода их из структур НАТО, (сначала военных, затем политических) при сохранении членства в ЕС. При этом русские общины Прибалтики должны получить равные права с титульными этносами Литвы, Латвии и Эстонии и принять гораздо большее участие, чем теперь, в управлении этими странами.

В отношении Восточной Азии США могли бы отозвать свои гарантии Тайваню и Южной Корее, вывести войска из Японии и способствовать заключению между Японией и Китаем договора о взаимных гарантиях безопасности. Китай станет доминирующей военной силой в акваториях Восточно-китайского и Южно-китайского морей в обмен на согласие на заключение военно-морской конвенции, ограничивающей дальнейшее наращивание китайских ВМС. В этом контексте также произойдет признание ядерного статуса Индии и делегирование ей ответственности за поддержание безопасности в Индийском океане и прилегающих территориях.

На Ближнем Востоке Иран получит свою сферу влияния среди шиитских общин региона в обмен на заключение договора о ненападении с Израилем. Со своей стороны, Израиль получит

международные военные гарантии безопасности в обмен на присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия в этой международной конфигурации, скорее всего, распадется на шиитские и суннитские территории.

Естественно, процесс формирования незападных сфер влияния не будет одномоментным. На первом этапе Запад будет заключать соглашения только с наиболее мощными государствами, такими как Россия, Китай и Индия. Однако это уже само по себе позволит США и их союзникам сэкономить значительные ресурсы и сосредоточится на таких важных для себя регионах как Ближний и Средний Восток, Северная Африка и Латинская Америка. Однако в дальнейшем Запад будет вынужден согласиться на перераспределение влияния и в этих районах мира.

На глобальном уровне Запад пойдет на заключение соглашений в области контроля над вооружениями и разоружения. Будут достигнуты договоренности по системам ПРО. Скорее всего, американская программа ПРО будет просто свернута или минимизирована до уровня исследований и разработок. Возможны, также дальнейшие соглашения по сокращению стратегических наступательных вооружений, хотя принцип разумной достаточности, вряд ли, приведет к значительному снижению носителей и боеголовок по отношению к нынешнему уровню. Возможно также новое соглашение по контролю над вооружениями и вооруженными силами в Европе. При этом важнейшим элементом такого соглашения станет отказ НАТО от переноса на восток военной инфраструктуры блока.

Помимо этого, США и НАТО могут пойти на договоренности по ограничению морских вооружений с Китаем и Индией, а также по сокращению военно-морской деятельности в акваториях, прилегающих к территории каждой из сторон. Не исключено, что и Россия может присоединиться к этим соглашениям.

В области экономики Запад согласится на привлечение некоторых ключевых стран других цивилизаций к управлению мировой финансово-экономической системой. Будет проведена соответствующая реформа МВФ. На место G7 окончательно придет G20. Запад согласится поддержать процессы региональной экономической интеграции и создания соответствующих валютных зон. Домини-

рующие валюты этих зон станут мировыми резервными валютами наряду с долларом и евро. В частности, могут возникнуть зоны рубля, юаня и золотого динара (для исламских стран). Естественно, за согласие на эти уступки Запад попытается застолбить за собой какие-то важные позиции в мировой финансово-экономической системе, но при этом будет готов на разумные компромиссы.

Сценарий согласованного перехода к многополярной системе международных отношений не сможет отменить борьбу идей между различными цивилизациями, но сможет ввести эту борьбу в разумное русло. Западу придется официально признать право других народов на свои ценности и свой путь развития. Накал информационной войны в этом случае будет снижен. Такие инструменты как «цветные революции» уйдут в прошлое, по крайней мере, в отношении тех стран, которые отойдут в «сферы влияния» других цивилизаций.

Данный сценарий позволил бы России занять достойное место в полицентричной системе международных отношений будущего и получить свою достаточно большую зону ответственности, совпадающую с традиционной зоной Российской цивилизации. В рамках этой зоны Россия могла бы надежно обеспечить собственную безопасность и безопасность своих союзников, наладить взаимовыгодную систему торгово-экономических отношений и обеспечить достаточно высокие стандарты и качество жизни подавляющего большинства населения на базе традиционных ценностей. Причем достигнуть этого можно было бы без существенных затрат ресурсов, жертв и лишений со стороны народа России.

Данный сценарий является также наиболее предпочтительным для всей системы международных отношений. Однако на данный момент он наименее реалистичен. Поскольку элитные группы Запада не захотят жертвовать своими позициями добровольно, переход к этому сценарию возможен только после долгой и упорной борьбы с западной цивилизацией. Одним словом, должна сложиться ситуация, когда для всей западной элиты, по крайней мере, для ее наиболее влиятельных кругов, станет очевидным, что крах неминуем и каких-то альтернатив для уступок просто нет. Однако далеко не факт, что это осознание придет к западным элитам достаточно рано, чтобы успеть предотвратить развитие сценариев коллапса или раскола западной цивилизации.

Глава XI
Наиболее вероятный
сценарий развития
международной обстановки
и его варианты

11.1. Основные черты и особенности текущей международной обстановки

Выбор наиболее вероятного сценария развития МО, как уже отмечалось, должен начинаться с досконального анализа текущей обстановки, складывающейся на мировой арене. Такой анализ, в частности, показывает, что современная международная обстановка характеризуется следующими основными чертами:

Во-первых, быстрыми темпами развития новых центров силы на базе отдельных локальных человеческих цивилизаций, прежде всего китайской, российской, исламской, индийской и латиноамериканской, которые в среднесрочной перспективе превратятся не только в экономические, но и в самостоятельные военно-политические субъекты, способные активно защищать свои цивилизационные ценности и интересы. Это означает, что развитие МО ведет к появлению, как минимум, нескольких самостоятельных центров силы, претендующих на конкуренцию с единственным центром силы, существовавшим до этого, — западной цивилизацией.

Указанное изменение произойдет отнюдь не сразу и неодинаково для всех ЛЧЦ. Если российская ЛЧЦ уже превратилась в самостоятельный военно-политический центр силы, претендующий на независимость западной ЛЧЦ, то китайский полюс влияния оформится в перспективе до 2020 года, мусульманский — несколько дольше потому, что ему придется преодолевать внутренние противоречия. А индийский и латиноамериканский центры силы, по всей вероятности, завершат свое формирование к концу 2020-х годов.

Во-вторых, современная МО характеризуется резким усилением влияния негосударственных акторов мировой политики — политических, идеологических и религиозных организаций, — превращающихся в конкурентов, в т. ч. военно-политических, ведущим государствам мира и представляемых ими цивилизациями.

Эти негосударственные акторы могут играть как самостоятельную роль, так и выполнять функции «облачного противника», выступая в качестве враждебного оппонента одной из ЛЧЦ при поддержке другой. Это означает, что в формировании МО будет все активнее участвовать новый, как правило, неизвестный (или недоказанный) фактор влияния. В 2014–2015 годах эта тенденция ярко проявилась в создании такого «облачного противника» в виде ИГИЛ на Ближнем Востоке и «правительства Украины» — в Восточной Европе.

В-третьих, до 2025 года МО будет характеризоваться возникновением тенденций и организаций, в т. ч. военно-политических и региональных, противодействующих глобализации, чья политика ориентирована на защиту цивилизационных и национальных систем и ценностей. Объективно эта тенденция будет противоречить глобализации и попыткам сохранения глобального контроля со стороны западной ЛЧЦ. При определенных условиях такая тенденция может внести раскол в единство ЕС и НАТО, а в некоторых случаях даже привести к кризису этих объединений.

Все это будет означать одновременно завершение целого периода международных отношений, продолжавшегося последние столетия — безусловного объективного доминирования западной ЛЧЦ в политической и экономической жизни планеты. Фактически можно говорить о переходе международных отношений к новой парадигме мирового развития, переоценке всех базовых положений, сложившихся в политике, экономике, социальной жизни и науке о современной мировой системе⁴⁹⁹. Одним из последствий станет неизбежная потеря Западом монопольного контроля над мировыми процессами к началу 20-х гг. нынешнего столетия.

В-четвертых, современная МО пока все еще характеризуется монопольным «правом» США и возглавляемой ими западной ЛЧЦ контролировать глобальную обстановку и стремлением сохранить это право в будущем. Об этом открыто заявляется в руководящих документах США по вопросам военного планирования и национальной безопасности. Так, в предисловии к Стратегии Национальной безопасности, обнародованной в феврале 2015 года президент США Барак Обама прямо писал, что «сильное и устойчивое американское лидерство» является важнейшим условием

⁴⁹⁹ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО, 2014. С. 5.

«международного порядка, основанного на правилах». «Вопрос состоит не в том, должна ли Америка руководить, а в том, как мы должны руководить», — указывал он⁵⁰⁰.

В основе подхода США лежит осознанная политика отказа от признания объективных, но неудобных реальностей, а именно того, что мир в XXI веке уже вступил в эпоху «фазового перехода», множества качественных изменений, одним из которых является ликвидация однополярности и монополии на власть США. Осознание и признание этого факта — объективная необходимость, — альтернатива которой только одна — попытка военной силой остановить эти качественные, революционные изменения в мире. К сожалению, именно это и произошло в американской политике. Именно эта политическая альтернатива сегодня стала господствующей во внешней политике США.

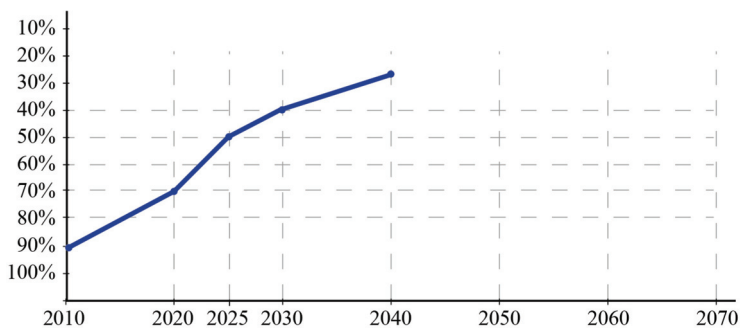
Как очень точно описал ситуацию бывший начальник департамента внешнеполитического планирования МИД РФ А. Крамаренко: «Этот уход от действительности, который, возможно, не столь институционализирован, как это было в случае с Австро-Венгрией, все же является врожденной характеристикой американской политической элиты. И здесь опять, похоже, поперек стоит Россия.

Между тем, изменение соотношения сил в мире и относительное ослабление позиций США стало заметно, еще в первом десятилетии XXI века. Эта тенденция неизбежно продолжится во втором десятилетии и последующих десятилетиях, что также неизбежно поставит под сомнение доминирование США, а затем и приведет к разрушению созданной ими финансово-экономической и военно-политической системы. Такая тенденция ослабления влияния США может быть графически отображена следующим образом (рис. 11.1).

Влияние США на мировые процессы может быть принято:

- 80–90% — близкое к абсолютному;
- 60–80% — решающее;
- 50% — очень сильное, определяющее;
- 30–40% — сильное;
- 20–30% — заметное;

⁵⁰⁰ The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015. P. 1.

11.1. Тенденция падения влияния США и потери ими контроля над развитием МО в мире в XXI веке

- 10–20% — существенное;
- до 10% — незначительное.

Как видно из графика, степень влияния достигает критического уровня уже во второй половине 2020-х годов, что ставит под угрозу существующую финансово-экономическую и военно-политическую систему в мире, которую контролируют США. А это должно неизбежно привести к радикальным потрясениям внутри страны. Таким образом, вторая половина 2020-х годов будет сменой не только внешнеполитических, но и внутриполитических парадигм в мире.

Подобное развитие событий будет иметь неизбежным своим следствием радикализацию политики правящих кругов США, которые будут стремиться сохранить сложившийся статус-кво в мире силовыми средствами, невзирая на объективные процессы мирового развития. «Контрольный пакет» Запада в области мирового управления должен сохраняться неизбежным, при неизбежном уменьшении его относительного мирового объема за счет постоянного инициирования процессов управляемого хаоса и дестабилизации различных стран и регионов.

Между тем, США и Запад в целом смогут реализовать цель по сохранению статус-кво только в том случае, если они:

- смогут сохранить военно-политическую коалицию Запада (и «систему ценностей») относительно других цивилизаций и государств;

- смогут закрепить существующее в настоящее время у Запада технологическое и, особенно, военно-техническое превосходство над остальными ЛЧЦ;
- не допустить создания иными ЛЧЦ своих коалиций, ведущих к стабилизации военно-политической обстановки на планете в целом и в отдельных ключевых регионах.

Таким образом, в среднесрочной перспективе будут складываться все условия для обострения МО и усиления военно-силового противоборства между ЛЧЦ из-за стремления США нейтрализовать нарастающие в мире процессы, угрожающие монопольному праву США контролировать МО в мире. Это же с неизбежностью означает, что в начале 20-х годов нашего века начнется новый этап, который с высокой степенью вероятности можно охарактеризовать как вероятный этап глобального вооруженного противоборства западной ЛЧЦ с другими локальными цивилизациями, прежде всего российской, за сохранение этой монополии, с одной стороны, и ее нарушение, с другой⁵⁰¹. Другими словами, можно констатировать, что за 2015–2025 годы должен завершиться этап подготовки глобального военного конфликта, в ходе которого западная ЛЧЦ предполагает взять реванш и таким образом восстановить свое доминирующее положение в системе международных отношений.

Сказанное означает, что после 2021 года произойдет смена парадигм в международной области:

- окончательно закончится формально «мирный» период в отношениях между Российской и западной локальными цивилизациями (который в действительности означает просто скрытую фазу начавшейся между ними войны), а также возможно другими ЛЧЦ. Причем, ограничение этой формально мирной фазы 2013–2021 годами достаточно условно потому, что до 2013 года эта скрытая фаза была тщательно замалчиваемой. Но после 2013 года игнорировать эту реальность было уже просто невозможно, хотя ее «миролюбивые» трактовки по-прежнему продолжали существовать;
- к 2021–2022 годам завершится в основном военно-техническая подготовка западной ЛЧЦ к глобальной войне, т. е. будут

⁵⁰¹ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 128–129.

полностью развернуты наиболее эффективные виды и системы оружия. Основные циклы — появление идеи — ТЗ — НИОКР — создание опытных образцов — испытание — уже завершаются, что говорит о том, что их полномасштабное производство может быть организовано в достаточно короткие сроки. Прежде всего, речь идет о ВТО — крылатых ракетах всех типов базирования, чья численность может превысить 20 тыс. ед., развернутых в основном по регионам, а также широкомасштабная система ПРО и т. д.

Современные концепции использования технологического превосходства в ходе глобальной войны просматриваются уже сегодня. Это концепции глобального разоружающего удара, ведения глобальной войны с помощью воздушно-космических средств (прежде всего ВТО), создания эффективной глобальной системы ПРО и т. п. Суть их — независимо от названия и терминологии — одна: дать возможность США в глобальном масштабе по своему выбору использовать военную силу в прямой или косвенной форме в качестве политического инструмента без высоких рисков и масштабных издержек;

- завершится окончательное формирование военной коалиции, состоящей не только из стран-участниц НАТО, но и двух «суперблоков» — ТТП и ТАП, а также оформление целой серии двусторонних соглашений. К этому времени западная ЛЧЦ сможет представлять из себя вполне единую военно-политическую коалицию, которая объединена не только общей системой ценностей, интересов и целей, и единой системой управления, но и концентрирует основные ресурсы планеты, способные обеспечить достижение этих целей. Такая глобальная коалиция, по оценкам западных стратегов, сможет под контролем США обеспечить западной ЛЧЦ сохранение существовавшего до 2020-х годов в мире статус-кво⁵⁰².
- до 2021–2022 годов западной ЛЧЦ удастся внести с помощью стратегии «управляемого хаоса» разлад и дезинтегрировать

⁵⁰² Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

ряды возможных противников, а другие страны — шантажировать подобным возможным развитием событий. Речь идет, прежде всего, о России, Китае, Индии, Иране, Венесуэле и Бразилии. Такая стратегия должна серьезно ослабить ряды потенциальных оппонентов, которых отличала от других стран некая большая свобода в политике и более широкое восприятие государственного суверенитета.

Очень похоже, что столкновение локальных цивилизаций не просто неизбежно, но уже началось: западная ЛЧЦ хочет, во что бы то ни стало, уже не просто сохранить свое господство, но и подчинить себе другие. Более того, она уже начала — системно и последовательно — этот глобальный процесс. Поставки западных ВиВт на Украину это фактически военное участие (пусть и «опосредованное, как говорят на Западе») ⁵⁰³ в цивилизационном конфликте. Вместе с тем, крайне маловероятно, что изменение в соотношении мировых сил, с одной стороны, и попытки западной ЛЧЦ сохранить сложившуюся военно-политическую и финансово-экономическую систему силовыми средствами, с другой, не приведут к войне.

В современном международном контексте невоенные сценарии развития МО никак нельзя включить в число наиболее вероятных. Вопрос стоит лишь о «доле» собственно военной силы и других инструментов «жесткой силы» в общей силовой компоненте этой войны будущего. Очень приблизительно эту «долю» можно показать в виде следующей таблицы (табл. 11.1).

Таким образом, можно констатировать, что роль «жесткой силы» в международных делах будет неуклонно возрастать. Поэтому, наиболее вероятным сценарием развития МО на перспективу до 2050 года является сценарий постепенной эволюции силового противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, прежде всего российской, в вооруженную борьбу за сохранение существующей подконтрольной Западу финансово-экономической и военно-политической системы в мире.

Поэтому начало XXI века знаменует собой завершение периода относительно мирного господства США, который вызвал определенную «стратегическую паузу», с одной стороны,

⁵⁰³ Верховянцев А. Приметы третьей мировой войны / Эл. ресурс: «ЦВПИ» / <http://eurasian-defence.ru>. 2015. 2 марта.

Таблица 11.1. Роль «жесткой силы» и «мягкой силы» в ходе эволюции различных сценариев и их вариантов развития МО

	«жесткой силы»	«мягкой силы»
МО в 2015 г.	60%	40%
МО в 2021 г.	70%	30%
МО в 2025 г.	80%	20%
МО в 2025–2026 гг.	85%	15%
МО в 2026–2029 гг.	90%	10%
МО в 2030 г.	95%	5%
МО после 2030–2031 гг.	?	?

и начало периода открытого военного реванша со стороны США, — с другой. К настоящему моменту США отчетливо продемонстрировали, что не готовы отказаться от выгодной политической монополии на военную силу и власть в условиях изменения глобального соотношения сил. Это означает, что для них и для Запада в целом, по сути дела, стало неважно какими способами заставить Россию принять навязываемые ей «правила игры» и поведения в мире.

Когда речь идет о готовности использовать любые средства, это означает только одно: готовность использовать, в том числе любые военные средства. Спектр этих средств в наше время не просто достаточно, но чрезвычайно широк. По сути дела границы между военными и мирными средствами не существует, а значит, нет и границы между войной и миром. Нет границы между МО и СО, что, конечно же, требует своего политического признания, ибо находится далеко от традиционных политических представлений о политике, дипломатии и войне.

Можно уже, например, говорить о том, что формирование не только ВПО, но и МО происходит с учетом и под непосредственным влиянием новейших современных реалий СО, т. е. фактически уже ведущейся против РФ сетецентрической войны. Иначе говоря, классическая формула «война — продолжение политики насильственными средствами» уже во многом устарела. Война —

не только продолжение политики, но и ее составная часть даже в относительно «мирное» время. Иначе говоря, формула Оруэлла «Мир — это война» стала реальностью.

Надо наконец-то признать тот факт, что сегодня не существует четкой грани между политикой и войной, начало которой признается в том случае, когда войска переходят границу, захватывают территории, масштабно используют военную силу, наконец, политики объявляют войну, а дипломаты разрывают отношения. Сегодня все эти атрибуты войны существуют во время «мирного» политического процесса, когда «партнеры» ведут переговоры, продолжают сотрудничество в некоторых областях и т. д. Россия помогает сопротивлению на Донбассе, одновременно предоставляя кредиты Киеву и не прекращая поставки газа. Именно такой «оптимистичный» вариант сценария глобального противоборства западной ЛЧЦ с Россией представляется очень вероятным. По сути, он явится пролонгацией реализуемого сегодня сценария с той разницей, что элементов сотрудничества останется еще меньше, а военного противоборства — больше.

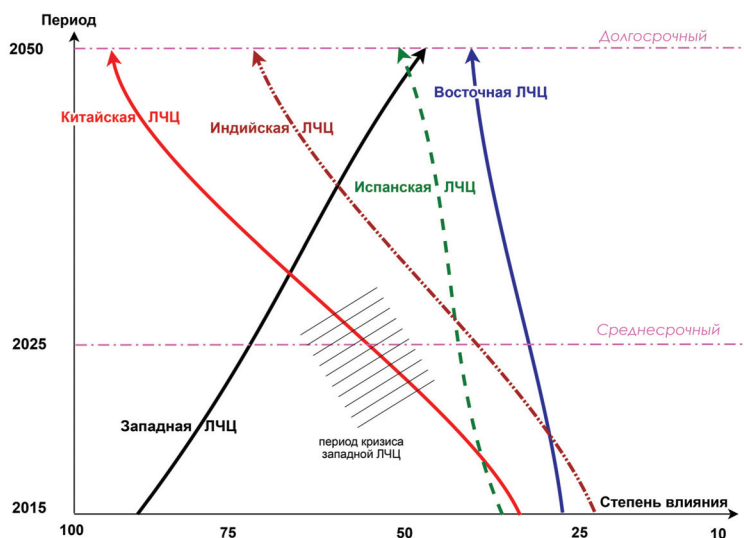
11.2. Сценарий «Глобального военно-силового противоборства» как наиболее вероятный сценарий развития МО

Ситуация, сложившаяся к настоящему моменту на мировой арене, позволяет сделать вывод о том, что наиболее вероятным сценарием развития МО до 2050 года является сценарий глобального военно-силового противоборства западной цивилизации с другими мировыми цивилизациями (далее — сценарий «Глобального военно-силового противоборства»). По своей сути данный сценарий непосредственно вытекает из исходного сценария, обозначенного нами как «Сценарий сдерживания многополярности международной системы». Сценарий «Глобального военно-силового противоборства» можно рассматривать как наивысшую ступень развития исходного сценария, когда интенсивность и жесточенность междоцивилизационной борьбы достигнет своего максимума. На этой

стадии силовые методы в противоборстве западной цивилизации с другими цивилизациями, и прежде всего, с российской цивилизацией, становятся преобладающими.

Как видно из нижеследующей диаграммы (рис. 11.2), на фоне слабеющего объективного влияния западной ЛЧЦ (которая борется за его сохранение с помощью военной силы в настоящее время) происходит объективное усиление влияния других ЛЧЦ, прежде всего китайской, исламской, а затем и индийской, чьё влияние в долгосрочной перспективе должно быть не только сопоставимым, но и сравнимым⁵⁰⁴.

Как уже говорилось выше, когда влияние западной ЛЧЦ в мире сократится до уровня ниже 50% (т. е. по нашим оценкам, во второй половине следующего столетия) неизбежно наступит кризис не только во внешней политике США, но и всей

11.2. Состояние и перспектива развития тенденции усиления цивилизационно-политического противоборства между ЛЧЦ в XXI веке по мере изменения влияния отдельных ЛЧЦ

⁵⁰⁴ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 30.

финансово-экономической и военно-политической системы западной ЛЧЦ. Отсюда ключевое значение в настоящее время и в среднесрочной перспективе следует уделить темпам падения (роста) влияния западной ЛЧЦ, которая начала активно бороться силовыми средствами за сохранение своего влияния в мире перед лицом опасности усиления влияния российской, китайской, исламской и других ЛЧЦ.

В отношениях между западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ, и странами будет нарастать процесс «управляемого хаоса», который обязательно необходим западной ЛЧЦ с целью не допустить, как укрепления существующих относительно независимых институтов международной безопасности, так и появления возможных антизападных союзов и коалиций. При этом западной ЛЧЦ объективно потребуются устранить до 2021–2030 гг. единственное препятствие, мешающее сохранению её контроля в мире — российскую ЛЧЦ, что делает силовой конфликт неизбежным.

Сценарий «Глобального военно-силового противоборства» предполагает реализацию Западом соответствующей стратегии, которая имеет следующие характеристики:

- **основная цель:** сохранение контроля западной локальной ЧЦ над созданными ею финансово-экономическими и военно-политическими и правовыми мировыми системами;
- **основные средства:** полный спектр политико-дипломатических, финансовых, экономических и информационных, а также военных средств, используемых в качестве принуждения;
- **основной способ:** системное и силовое использование всех этих средств, для достижения поставленной цели. При этом предполагается использование не только государственных, но и общественных и частных ресурсов для достижения поставленных целей;
- **основной принцип:** сетцентричность, объединение всех ресурсов, включая информационные, в режиме реального времени.

Данная стратегия в отношении России является бескомпромиссной по своим целям, хотя и может несколько отличаться по своим средствам, среди которых для США желательно было бы избежать наиболее масштабных и острых форм военного противоборства. Сути стратегии (цели) это не меняет: они остаются

11.3. Одна из карт возможного раздела России

решительными и далеко идущими, включая не только уничтожение и раздел российского государства, но и конечную ликвидацию российской нации в Евразии. На одной из карт эти решительные цели показаны следующим образом (рис. 11.3)⁵⁰⁵.

С точки зрения геополитической, Россия как нация и государство должна быть ликвидирована, что обеспечит западной ЛЧЦ решение основных конкретных задач:

- устранение геополитического конкурента в Евразии;
- ликвидация потенциального враждебного центра интеграции;
- раздел природных ресурсов и территории;
- ликвидация российского контроля над транспортными коридорами.

Очевидно, что компромисса по этим вопросам быть не может. Запад уже не готов к компромиссу относительно раздела сфер влияния и контроля. Ему нужна «окончательная» победа. При этом понимание полной и окончательной победы в XXI веке иное, чем в предыдущей истории: «полная» победа — это контроль над политической элитой, системой ценностей и обществом,

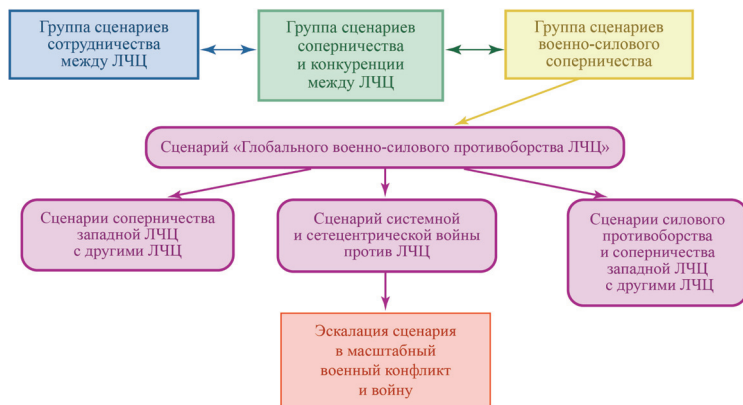
⁵⁰⁵ Тимесков А. Маккейн жестко критикует Меркель за визит к Путину / «Эхо Москвы». 2015. 7 февраля [Электронный ресурс]. URL : <http://www.echo.msk.ru/blog/timeskhan/1488758-echo/>

а не оккупация территории или разгром армии. Соответственно это обстоятельство формирует не только условия, но и средства и способы стратегии достижения поставленной цели.

В то же время, представляется маловероятным, чтобы противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, кроме российской, перешло из враждебной в вооруженную стадию до 2021 года в силу нескольких причин. Наиболее важными из них являются следующие:

- наиболее мощные альтернативные западной ЛЧЦ центры силы не будут до 2021 года обладать сколько-нибудь достаточной военной мощью, а исламская ЛЧЦ, разделенная на суннитскую и шиитскую ветвь, во многом будет контролироваться США;
- ни китайская, ни индийская ЛЧЦ, которые постепенно становятся сопоставимыми с западной ЛЧЦ, не будут в среднесрочной перспективе оспаривать первенство последней. Их стратегия во многом предопределяется созданием собственного цивилизационного окружения (включая и элементы западной ЛЧЦ);
- другие нарождающиеся центры силы в среднесрочной перспективе не будут в состоянии противостоять западной ЛЧЦ;
- единственный центр силы, который уже заявил о своей самостоятельности и готовности защищать свою систему ценностей — российская ЛЧЦ, которая вступила фактически в стадию конфронтации и силового противоборства с западной ЛЧЦ. Соответственно и сценарий противоборства западной и российской ЛЧЦ уже начал реализовываться и получать своё развитие. Этот сценарий является частью более общего сценария силового противоборства между западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, инициированного США. Его место среди других сценариев можно обозначить следующим образом (рис. 11.4).

Таким образом, налицо очевидное противоречие между объективным ходом мирового развития, который ведет к неизбежному краху глобального доминирования западной ЛЧЦ, с одной стороны, и усилением силовых и военных компонентов (на фоне общего падения влияния) в политике западной ЛЧЦ, с другой. Такие противоречия, как показывает мировая история, как правило, ведут к региональным и даже глобальным войнам между ЛЧЦ и нациями, стоящими во главе этих цивилизаций.

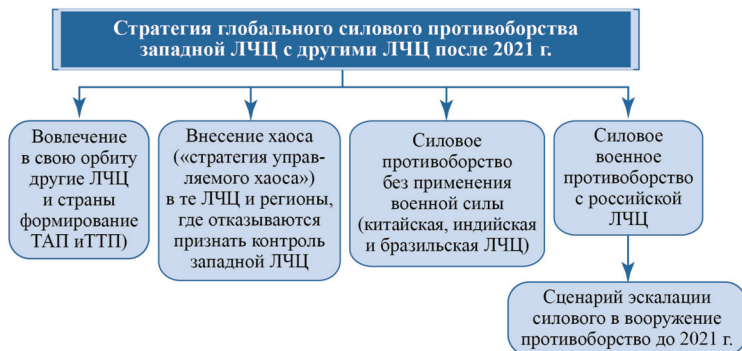

11.4.

В то же время, в зависимости от ряда условий, в первую очередь от степени противодействия российской стороны, данный сценарий может иметь как минимум три варианта своего развития. Причем эти варианты могут, как чередоваться друг с другом, так и совмещаться. Можно, однако, предположить, что после 2021 года предпочтение будет, скорее всего, отдаваться наиболее масштабным (с точки зрения применения военной силы) вариантам.

Причем после 2021 года сценарий «Глобального военно-силового противоборства» может быть реализован в одном из трех вариантов — «оптимистическом», «реалистическом» и «пессимистическом». При этом конкретный вариант будет зависеть от роли, масштабов и способов использования военной силы. Модель такой гипотезы в упрощенном виде представляет собой следующую картину (рис. 11.5).

Что касается противоборства между ЛЧЦ до 2021 года, то оно будет происходить в самых разных формах, пропорциях и областях. Однако на этом этапе оно будет исключать, как правило, прямое использование военной силы. Это объясняется, прежде всего, безусловно сохраняющимся в настоящее время и в ближайшей перспективе военным превосходством западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ. Как известно, войны и конфликты между государствами начинаются тогда, когда есть сомнения относительно соотношения

11.5. Модель гипотезы сценария развития МО «Глобальное военно-силовое противоборство западной локальной цивилизации» после 2021 года

сил и возможностей победы. Когда же очевидно превосходство одной из сторон, то войну начинать, как минимум бессмысленно, а, как максимум, — опасно.

Это общее правило, однако, стало видоизменяться в XXI веке, когда появились «асимметричные» войны и войны с облачным противником», а именно, когда изменились традиционные условия и правила войны. В таких новых войнах, когда противником государства выступает не оформленная до конца политическая сила, а война ведется нетрадиционными средствами и способами, равенство военных сил уже не имеет принципиального значения. Никто не задавался, например, сравнением соотношения сил правительств Сирии и ИГИЛ, или ХАМАЗ и Израиля.

Это общее правило также не относится к военному противоборству между западной и российской ЛЧЦ, которое уже инициировал Запад во втором десятилетии XXI века и которое будет развиваться и дальше, приобретая все более отчетливые формы военного конфликта⁵⁰⁶. Начальный этап этой войны против России уже в самом разгаре. Решение частных задач на Украине должно привести к возникновению очага напряженности на протяжении

⁵⁰⁶ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 139.

всей 2000 километровой границы с Россией, а также созданию максимально враждебной России внешней среды при минимальных рисках и издержках США. Но апогей наступит именно после 2021–2022 годов, когда смена старой парадигмы МО вызовет уже не локальное, а масштабное использование военной силы. Сегодня можно выделить несколько основных очевидных особенностей этой войны:

- происходит ускоренное формирование новых союзов и военно-политических коалиций («обновление союзов», как говорит Б. Обама), под эгидой США, объединяющих основные ресурсы ведущих стран мира;
- усиливается акцент в политике и экономике на сохранении лидерства в технологической и военно-технической области, а также в качестве ВиВГ, Соединенных Штатов и их ближайших военно-политических союзников;
- особенное внимание уделяется максимальной интеграции всех усилий западной ЛЧЦ для оказания эффективного системного военно-силового воздействия на потенциального противника;
- ведется настойчивая борьба на предотвращение создания возможных новых союзов и коалиций направленных против западной ЛЧЦ. Болезненная реакция США на БРИКС, ШОС, ОДКБ, ТС и любые интеграционные институты, каждый раз подтверждает это, даже если в них и участвуют представители западной ЛЧЦ (как это было с инициативой КНР по созданию банка инфраструктурных инвестиций в Евразии);
- усиливается внимание к сохранению и превращению в открытое доминирование идеологического лидерства, включая силовое навязывание западной системы ценностей, привлекательных концепций, прогнозов, планирования и идей социального проектирования;
- силовое противостояние между ЛЧЦ будет усиливаться, перерастая в военно-силовое, а механизмы — международно-правовые и переговорные — обеспечения международной безопасности ослабевать в силу их одностороннего использования западной ЛЧЦ. Иначе говоря, по мере усиления со стороны западной ЛЧЦ ставки на военную силу и неизбежно вытекающей из этого политики девальвации значения международных институтов, сложившаяся международная система

безопасности после Второй мировой войны окончательно прекратит свое существование. Она будет заменена военно-силовой системой, создаваемой США на основе западной ЛЧЦ и существующих у нее механизмов — НАТО, союзов и двусторонних договоренностей.

Готовность США и западной ЛЧЦ к реализации одного из вариантов сценария «Глобального военно-силового противоборства» предполагает самый широкий набор средств, интегрированных в единую систему, под сетцентрическим управлением в глобальном масштабе. Такая система ориентирована на опережающий по времени процесс сбора и передачи информации, ее анализ и принятие решений, которые позволяют полностью контролировать развитие сценария МО, включая и вероятную эскалацию военного конфликта. Информационное превосходство западной ЛЧЦ — главная особенность развития будущих сценариев МО, позволяющая сохранять инициативу и выбирать тот или иной вариант развития сценария.

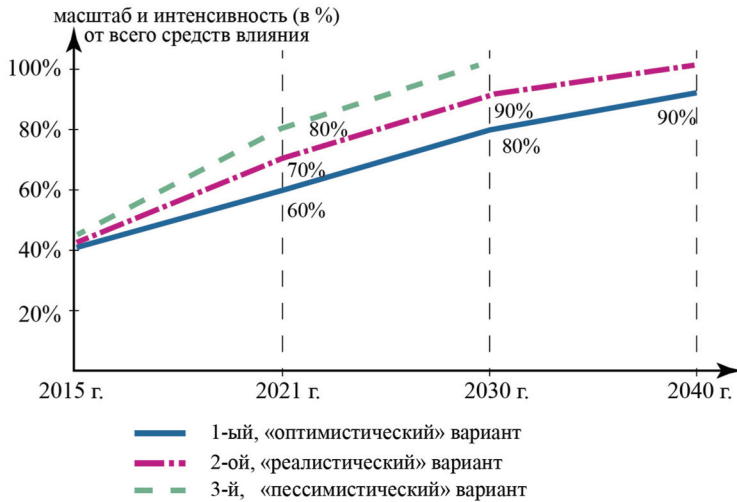
11.3. Три варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства»

Сценарий «Глобального военно-силового противоборства» может развиваться по нескольким вариантам в зависимости от конкретных политических и иных условий, сложившихся к началу этого периода. Условно можно выделить три варианта этого сценария: пессимистический, реалистический и оптимистический. Наглядно это разделение показано на нижеследующей схеме (рис. 11.6).

Эти варианты одного и того же сценария отличаются, прежде всего, ролью, значением, масштабом и интенсивностью использования военной силы. Как видно из нижеследующего рисунка (рис. 11.7), до 2021 года прогнозируется усиление силового фактора во всех вариантах избранного вероятного сценария развития МО и отношений между ЛЧЦ, но наиболее ярким и негативным образом этот сценарий развивается в варианте

11.6. Самый общий сценарий развития МО после 2021 года

11.7. Основное отличие вариантов сценария развития МО «Глобальное военно-силовое противоборство ЛЧЦ» в роли, масштабах и интенсивности использования военной силы в общем объеме средств влияния западной ЛЧЦ

отношений между западной и российской ЛЧЦ. Более того, предполагается, что его эскалация будет происходить и дальше не только в ближнесрочной (2016–2017 гг.), но и среднесрочной (до 2021–2022 гг.) перспективе.

Если сейчас попытаться оценить вероятность того или иного варианта сценария после 2021 года в зависимости от существующих современных тенденций, то ее можно предположительно поделить следующим образом:

- «Оптимистический» вариант (№ 3) — 10%.
- «Реалистический» вариант (№ 2) — 20%.
- «Пессимистический» вариант (№ 1) — 50%.
- Иной возможный сценарий развития МО — 20%.

Говоря об этих вариантах одного и того же глобального сценария, следует иметь в виду, что, во-первых, еще до начала его полномасштабной реализации в 2021–2022 годах военная сила уже стала неотъемлемой частью внешней политики западной ЛЧЦ, т. е. ее современным атрибутом и элементом современного сценария развития МО. Во-вторых, любой из вариантов (как указанных ниже, так и возможных других) будущего сценария МО после 2021–2022 годов неизбежно будет опираться на военную силу и ставку на военно-техническое и технологическое превосходство западной ЛЧЦ.

Вариант № 1 («оптимистический») предполагает достаточно быстрое замещение политико-дипломатических средств обеспечения международной, региональной и национальной безопасности военно-политическими и военно-техническими средствами, девальвацию международных институтов безопасности и их вытеснение коалиционными институтами (ООН и ОБСЕ, например, Евросоюзом и НАТО), а также создание новых способов и средств силового обеспечения глобальной политики.

Этот вариант, в частности, предусматривает в политической области системное сочетание как политико-силовых, экономико- и финансово-силовых методов с вооруженными методами, ограниченными по способам, средствам и масштабам использования военной силы, так и сетцентрические методы ведения вооруженной борьбы. Сочетание усиления силовых мер, сворачивание сотрудничества и постепенное втягивание в вооруженное противостояние в 2014–2015 годах отчетливо характеризуют этот вариант.

Как и в годы холодной войны, «оптимистический» сценарий военного противоборства не предполагает массового вооруженного воздействия со стороны западной ЛЧЦ: этот риск планиру-

ется минимизировать за счет использования вооруженных сил спутников, ЧВК, и инструкторов, которые смогут использовать качественную военную технику и вооружения (как, например, «Стингеры» в Афганистане). Пример с поставками военного снаряжения на Украину в 2015 году и направление американских спецподразделений в Сирию — только самое начало этого процесса.

Поэтому «оптимистический» вариант сценария «Глобального военно-силового противоборства» предполагает в то же время эскалацию военного конфликта до существенно больших масштабов, чем это имеет место сейчас. В этом смысле данный вариант неизбежно будет более насыщен военными компонентами, чем нынешний сценарий развития МО, который уже характеризуется как новое издание «холодной войны». По сути дела, это могут быть военные конфликты на нескольких ТВД с использованием клиентских государств и террористических организаций.

Вместе с тем, сохранение «оптимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» может прогнозироваться в случае сохранения части относительно благоприятных внешних условий, которые могут существовать в 20-е годы XXI века и, которые будут ограничивать собственно вооруженные (но не силовые) способы воздействия, а именно:

- сохранения достаточно высокого уровня противоречий в рамках сложившейся военно-политической коалиции западной ЛЧЦ;
- успешного развития интеграционного проекта в Евразии вокруг «российского ядра»;
- нарастанием противоречий между западной ЛЧЦ и другими локальными цивилизациями, прежде всего исламской, китайской и латиноамериканской;
- успехами в технологическом, социально-экономическом и военно-политическом развитии России и ее союзников.

Очевидно, что в среднесрочной перспективе до 2021–2022 годов, когда указанные выше и другие тенденции в целом известны, можно рассчитывать на то, что западная ЛЧЦ не успеет в полной мере подготовиться к новому этапу и сценарию развития МО, в т. ч. в военно-технической области, что существенно скажется на ее возможностях и сделает этот «оптимистический» вариант сценария

рия развития достаточно вероятным. Такую вероятность этого «оптимистического» варианта сценария МО можно оценить после 2021 года в 35–40%.

Вариант № 2 («реалистический»). Переход сетевой и сетечно-центрической войны западной ЛЧЦ против российской ЛЧЦ на качественно новый уровень, предполагающий постепенную смену существовавшей парадигмы на парадигму открытого военного противоборства (возможную даже еще до 2021–2022 гг.). По сути дела этот вариант предполагает открытую войну, ограниченную отдельными ТВД, средствами и способами ее ведения, а также масштабами и интенсивностью применения военной силы.

Реалистичность данного варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» после 2021–2022 годов во многом предопределяется не только развитием тенденций, указанных для Варианта № 1, но и силой существующей инерции, эффективностью сложившихся международных механизмов, прав, традиций и привычек. С некоторой долей условности можно провести сравнение с нарастанием военно-силового противоборства перед Второй мировой войной. Речь, в частности, идет о гражданской войне 1936–1939 гг. в Испании; начале войны Японии с Китаем в 1937 г.; расчленении в 1938 г. Чехословакии и вооруженном конфликте Японии с Монголией и СССР на реке Халхин-Гол в 1939 году.

Реализация Варианта № 2 до 2021 года требует если не признания публично новой парадигмы в международных отношениях, основанной на праве силы, то молчаливого согласия с этим, что будет одновременно означать крах сложившейся правовой и политической системы в области международной безопасности. Такое достаточно циничное признание потребует не менее цинично публичной дискредитации международных институтов, норм и права, которые пока что необходимы западной ЛЧЦ в ее системной борьбе за сохранение мирового контроля.

Этот процесс, начавшийся с войны в 1991 году в Ираке, во многом фактически завершился к 2015 году, но для его публичной легитимизации потребуется еще какое-то время. Есть основания полагать, что этот процесс будет ускоряться, но получит окончательное завершение только к 2021–2022 годам, когда новые представления о международных нормах и правилах, и институтах получат свое публичное закрепление.

Для России этот наиболее «реалистичный» вариант сценария развития МО — самый опасный. Он позволяет США и их союзникам:

- использовать свое экономическое, информационное, коалиционное, научно-техническое и военное превосходство практически без ограничений в глобальном масштабе, требуя от России самоограничений в области международной и внутренней политики;
- на каждом из этапов возможной эскалации конфликта подвергаться наименьшему риску и обладать наибольшими возможностями для его эскалации;
- постепенно ограничивать возможности России в коалиционной деятельности, подвергая ее изоляции и мешая приобретать потенциальных союзников;
- угрожать внутривнутриполитической стабильности, посредством системного воздействия на формирование альтернативы суверенной политике внутри страны;
- создавать серьезные социально-экономические трудности в развитии, консервируя внешнюю зависимость от импорта товаров, технологий и услуг.

После 2021–2022 годов этот вариант сценария развития МО, вероятность которого оценивается в 50%, неизбежно перерастет в прямое глобальное военное противостояние с западной ЛЧЦ, которое будет подготовлено постепенно в 2015–2021 гг. эскалацией вооруженного и силового противостояния по схеме постепенного «втягивания» вооруженных сил США и НАТО в войну. Этот процесс будет, как представляется, характерен не только для конфликта на Украине, но и в других регионах, в частности в Сирии.

Вариант № 3 («пессимистический»), предполагает радикальную смену парадигмы развития МО и ВПО уже до 2021–2022 гг. и перехода к глобальной войне после 2021 года. То есть войне не ограниченной ни ТВД, ни способами, ни средствами ее ведения. Огромные риски развития такого варианта компенсируются новыми технологическими возможностями в области ВТО и ПРО, а также расчетами на контролирование эскалации с целью избежать перехода к стратегической ядерной войне. Однако срыв международной обстановки к тотальной ядерной войне в рамках данного сценария, скорее всего, предотвратить не удастся. Вероятность

«пессимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» можно оценить в 10–15%.

Исходя из вышесказанного, следует изначально прогнозировать, что наиболее вероятный сценарий развития МО и его варианты — от «оптимистического» до «пессимистического» — в разной степени, но будут включать в себя не просто силовые, но и обязательные вооруженные компоненты. Пока что такие компоненты вооруженной борьбы (уже существующие в реальности) не получили своих признанных в мире политических и юридических определений, хотя давно уже стали фактом. В частности, планируя развитие своего сценария МО после 2021 года, в США уже сегодня готовят не только силы и средства для поддержки гражданской проамериканской оппозиции, но и вносят соответствующие изменения в штабную структуру своих специальных сил, подготавливая даже на самом низком звене специалистов по связям с общественностью, кураторов оппозиции и ведению информационных и кибервойн.

В реальной политике война может начаться и закончиться даже без всякого массированного вооруженного нападения. И такая война даже может быть выиграна без крупных боестолкновений. Так, например, когда в Крыму и на Донбассе гражданское сопротивление власти переросло из политического противостояния в вооруженную борьбу, граница между которыми вплоть до апреля–мая 2014 года была условной. Но еще более яркий пример — «революция» в феврале 2014 года в Киеве, когда «мирные» протестующие стали убивать вооруженных солдат внутренних войск.

Позже, но «с другим знаком», ситуация повторилась в Йемене, когда изгнанный повстанцами президент Салех (как и В. Янукович на Украине) получил легитимную силовую поддержку извне от США и Саудовской Аравии, но сам не смог оказать вооруженного сопротивления повстанцам. По сути дела военные конфликты на Украине, в Йемене, а до этого в Югославии, Ираке и в Ливии стали прообразами «оптимистического» варианта будущей войны против России.

Характер современной внешнеполитической и военной стратегии развитых государств неизбежно предполагает, что она строится на принципах системности (т. е. использовании всех ресурсов для достижения окончательного результата), сетцентричности (т. е. военно-технического и информационного обеспечения политики) и сети (т. е. комплексности подхода), что изначально предполагает

лидерство в подготовке и принятии решений, а также использования всего спектра «умной силы» (smart power).

Иными словами в реализации указанного сценария всеми странами могут быть использованы несколько (в нашем случае только три) вариантов развития одного и того же военно-силового сценария, сутью которого будет борьба за ликвидацию (сохранение) контроля в мире. Средствами противоборства станут не только вооруженные, но и невооруженные средства — широкая система мер противоборства — от «мягкой силы» до прямого вооруженного насилия, — в основе которой находятся сетцентрические средства ведения войны.

Эти варианты с точки зрения значения в них военной силы можно проиллюстрировать в следующей матрице.

«Доля» военной силы в каждом из вариантов наиболее вероятного сценария развития МО после 2021 года

Условное название варианта	Значение тех или иных элементов силовой политики			
	военная сила	политико-дипломатические	экономические	гуманитарные
«оптимистический»	35–40%	25–30%	20–30%	10%
«реалистический»	40–50%	15–20%	20–25%	0–5%
«пессимистический»	75–80%	5–10%	5–10%	0–5%

Как видно из предложенной матрицы, разные пропорции в соотношении различных политических средств отнюдь не означают, что преимущество будет отдано какой-то отдельной группе — «мягкой силы» или «жесткой силы». В зависимости от обстоятельств варианты стратегии и использование или тех или иных форм военной силы будут меняться, а значит изменяться и варианты одного и того же сценария. Причем в короткое время. Так, развитие МО и ВПО на Украине в 2014–2015 годы свидетельствовало о быстрой смене «оптимистических» (соглашения в Минске) и «пессимистических», вариантов одного и того же военно-силового сценария, который применительно к России оставался на удивление последовательно силовым.

Соответственно для России становится очень важным учесть эти приготовления в формирующейся СО. В Вооруженных Силах

страны, включая специальные формирования, должны быть не только снайперы, связисты и корректировщики, специалисты по инфор- и кибер-войнам, но и социологи, политологи, учителя истории, политические лидеры и общественные фигуры и т. п. Это потребует соответствующих изменений в структуре и штатном расписании штабов и боевых подразделений, подготовке соответствующих специалистов уже сегодня, сейчас. Причем в достаточно близкой перспективе можно предположить, что их роль может стать решающей, может быть более важной, чем военных. Тем более что первые симптомы заметны уже сегодня.

По сути дела речь должна идти не только о новой структуре ВС и органов управления, но и серьезных изменениях во всей военной организации государства, его институтов. Эти изменения предполагают, что:

- война фактически уже идет и соответственно должно быть управление государством, фактически аналогичное тому, какое существует в условиях военного времени, но без введения чрезвычайного или военного положения во всей стране;
- необходима разработка соответствующих новому характеру войны сил и средств. И не только в Вооруженных силах России, но и во всей военной организации страны.

Сказанное означает, что при подготовке ответных мероприятий необходимо ориентироваться на неизбежное военное и иное силовое противостояние, которое уже происходит и будет только усиливаться в среднесрочной перспективе. По этой причине необходимы срочные мобилизационные меры общенационального масштаба, включающие изменения в управлении государством и его экономикой.

11.4. Основные этапы сценария «Глобального военно-силового противоборства»

Понятие «этап» означает время бытия определенной ситуации, понимаемой как относительно неизменное состояние объекта, а «периоды» — это ситуации, объединенные общей тенденцией

развития⁵⁰⁷. В этом смысле сценарий «Глобального военно-силового противоборства» в период с 2016 по 2021 гг. можно рассматривать как серию этапов, которые объединены тенденцией наращивания силового (в т. ч. вооруженного) противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ.

По этой причине целесообразно рассмотреть некоторые возможные отдельные этапы развития сценария МО в 2016–2021 годах, характерной чертой которых является инициирование вооруженного противоборства с правящими режимами в некоторых странах. К лету 2015 года таких стран было уже несколько. Наиболее известные случаи — Ливия, Сирия, Ирак, Украина, Йемен и Македония. При этом следует иметь в виду, что подготовительные этапы для вооруженного выступления оппозиции против власти, в этих странах имеют исключительно важное значение. Без этих подготовительных этапов невозможно начало успешной вооруженной борьбы, хотя в истории такие свидетельства все-таки имеются. (Например, известная высадка десанта на Кубе во главе с Ф. Кастро).

В краткосрочной перспективе 2016–2017 годов завершится окончательное оформление коалиции западной ЛЧЦ и ее внешнеполитической стратегии до 2021 года. Суть этой стратегии будет заключаться во внедрении в 2016–2021 годы широкого спектра силовых инструментов, которые должны будут компенсировать ослабление влияния западной ЛЧЦ в мире. Анализ существующего сценария развития МО в конце 2015 года подтверждает, что западная ЛЧЦ во главе с США сделала ставку на усиление силового противоборства с другими ЛЧЦ, включая в свою политику все чаще вооруженные средства. Поэтому можно говорить о том, что период 2016–2021 годов будет этапом, когда военная сила станет регулярно, использоваться в политических целях в двух формах: во-первых, как инструмент внутривнутриполитической борьбы, а, во-вторых, как реальное средство внешней политики в отношениях между ЛЧЦ в ограниченных масштабах.

В среднесрочной перспективе с 2016 до 2021 года стратегия противоборства будет придерживаться нескольких основных внешнеполитических принципов. Основным принципом будет

⁵⁰⁷ Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2015. С. 28.

концентрация усилий западной ЛЧЦ на иницировании внутренних конфликтов в основных странах, представляющих угрозу сохранению контроля Западом над МО в мире. Соответственно такая активная политика потребует новых средств и способов силового и вооруженного воздействия, которые будут выходить далеко за рамки традиционных представлений о межгосударственных и межцивилизационных отношениях.

Прежде всего, это будут средства и способы, предоставляемые внутренней оппозиции конкретных стран для формирования т. н. «облачного противника» официальной власти. Это будет сопровождаться мощной дипломатической, политической и даже силовой поддержкой извне, включая в случае необходимости прямую военную поддержку, как было, например, в Ливии. Как правило, «Облачный противник» будет получать внешнюю поддержку из неизвестных (не доказанных) источников — медийную, финансовую, организационную, моральную во все возрастающих масштабах. А на этапе 2016–2021 годов эта внешняя поддержка может быть даже усилена и вооруженными, и специальными средствами.

Вторым принципом развития данного сценария станет принцип системного политического противоборства. Этот принцип предусматривает интегрированное использование всех возможностей западной ЛЧЦ — коалиционных, экономических, финансовых, военных и других. Системность, в данном случае предполагает, что все частные задачи и средства их решения в 2016–2021 годы подчиняются главной политической цели — сохранению контроля Запада. Конфликты на Украине, В Ираке, Сирии, Афганистане, Йемене и других странах, наглядно, иллюстрируют этот принцип «политической системности», когда собственно военная сила Запада применяется ограниченно, а предпочтение отдается системно-силовым инструментам влияния: политико-дипломатическим, финансово-экономическим, поддержке оппозиции и дозированной военной помощи.

Системное противоборство ради сохранения существующей финансово-экономической и военно-политической системы в 2016–2021 годах означает использование всех силовых ресурсов западной ЛЧЦ до завершения подготовки вооруженной стадии противоборства в глобальном масштабе. При этом акцент в ближайшие годы будет сделан на то, чтобы не допустить формирова-

ния коалиций и даже неформальных союзов, которые будут ставить под сомнение право на такой контроль со стороны западной ЛЧЦ во главе с США, и использование в этих целях стратегии «управляемого хаоса» — искусственной дестабилизации положения в этих странах и отношений между членами возможных коалиций.

Третий принцип предусматривает, что противостояние будет носить сетцентричный характер. А это предполагает создание эффективной системы политического, информационного и военного управления, со стороны западной ЛЧЦ. Данная система будет объединять все другие информационные системы и позволять, в опережающем режиме, управлять всеми процессами «сверху–дону», контролируя одновременно все уровни эскалации и использование всех коалиционных и национальных ресурсов — политических, экономических, военных⁵⁰⁸. Этот принцип отчетливо проявился в ходе противостояния Запада с Россией в 2014–2015 годах, когда все управление антироссийскими действиями осуществлялось из Вашингтона.

Можно констатировать, что к лету 2015 года сетцентрическая война против России прошла свои первые (8+) этапы, в результате которых произошел целый ряд негативных социально-экономических и политических изменений в МО. Но в целом принцип сетцентричности полностью не удалось реализовать. В политике отдельные страны Запада позволяли себе действовать иногда не согласованно, а в развитии негативных процессов в России проявилась противоречивость.

Хотя резко обострилась МО, а также существенно ухудшились показатели инфляции и курс рубля, краха экономики России, как рассчитывали на Западе, не произошло. В то же время, некоторые показатели качества жизни, доходов, возможности приобретения товаров длительного пользования заметно просели. Уровень жизни населения опустился до ситуации 2008 (кризисного) года, а к апрелю 2015 года, например, продажи автомашин сократились более чем на 40%. Вместе с тем, хотя системное давление на РФ привело к определенным результатам, внутривнутриполитического кризиса так и не произошло. Ухудшение внешнеполитической обстанов-

⁵⁰⁸ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

ки и социально-экономического положения в стране не оказали негативного влияния на доверие граждан к В. Путину. Напротив уровень поддержки президента достиг своей высшей точки — 85%. Сохранилась и социально-политическая стабильность, которую планировали подорвать в 2015 году.

Таким образом, к лету 2015 года осложнение МО и социально-экономический кризис в России не перерос в кризис социально-политический. Убийство Б. Немцова, например, вообще никак не отразилось на политической стабильности, а война на Украине не привела к появлению острых кризисных явлений в российском обществе. Совсем наоборот: парад 9 мая и демонстрации по всей стране, показали стабильность политической системы. Между тем в «классическом» сценарии развития сетецентрической войны предполагался именно такой переход от этапа социально-экономического кризиса к этапу политической дестабилизации.

Наконец, четвертый принцип реализации сценария «Глобального военно-силового противоборства» в 2016–2021 годы заключается в постоянном усилении давления на Россию с целью радикализации социально-политической обстановки в стране посредством создания внутренних условий и сил, способных изменить политику страны. Речь идет не о внешнем давлении с целью обострения кризисных явлений, как при реализации первого принципа, а о создании внутри правящей элиты и общественности социальных групп, способных изменить политический курс страны. С Владимиром Путиным или без него, но в представлении лидеров западной ЛЧЦ, Россия должна признать сложившийся мировой политический и финансовый порядок во главе с США.

Подобная тактика в свое время успешно применялась в СССР против М. Горбачева, когда давление «демократических слоев» общества заставляло его идти на бесконечные уступки Западу, а нередко и на заведомо глупые и предательские шаги. Позже, при Б. Ельцине, этот принцип оказался не просто ведущим, но и наиболее популярным: принимаемые Россией решения полностью находились в русле западной политики и соответствовали интересам западной ЛЧЦ.

Вместе с тем, реализация четвертого принципа возможна только при вполне определенных условиях. В том числе и при формальном смягчении градуса противоборства. Очевидно, что

создавать и активизировать прозападные силы в условиях открытой конфронтации трудно. Поэтому на Западе активно применяется тактика «хорошего и плохого полицейского», когда одни представители западной элиты выступают с резкими антироссийскими заявлениями, нагнетают напряженность и требуют «остановить Путина», в то время как другие на словах демонстрируют доброе отношение к России и ее руководству, одновременно предлагая различные «компромиссы».

На поверку эти «компромиссы», в случае их принятия российской стороной, неминуемо приведут к отказу от принципиальной линии и постепенной сдаче позиций страны, как это происходило при М. Горбачеве. Однако такая тактика открывает для прозападных кругов российской элиты возможности по манипулированию общественным мнением страны и определенному воздействию на руководство страны. Эта тактика позволяет представлять Запад не в качестве врага, каковым он безусловно является, а в качестве партнера, с которым имеются лишь небольшие разногласия и который, на самом деле, желает улучшить отношения. А для их улучшения надо то, всего-ничего, пойти на некие, вполне приемлемые на первый взгляд, договоренности.

В середине 2015 года Запад рассматривал два варианта воздействия на Россию в соответствии с вышеизложенными принципами. Первый предусматривал дестабилизацию ситуации в России путем дальнейшего раскручивания ситуации на Украине. Этот вариант обострения социально-политической обстановки в России исходил из необходимости дальнейшей контролируемой эскалации военного конфликта, расширения его масштаба, интенсивности и территории.

Второй вариант делал основной упор на российские оппозиционные силы и пятую колонну в руководстве страны, которые должны были эксплуатировать народное недовольство, вызванное ухудшением социально-экономической ситуации под воздействием западных санкций. Это происходило бы при одновременном снижении военного противостояния на Донбассе.

К концу 2015 года стало очевидно, что ставка делается на второй вариант, а ситуация на Украине временно замораживается. Это, видимо, было связано с тем, что обострение ситуации на Украине, как показывал предыдущий опыт, только подстегивало патрио-

тические и антизападные настроения в России. В этих условиях ослабление поддержки президента Путина и укрепление позиций прозападных кругов было бы малореальным.

Второй вариант предполагает, учитывая стабильность режима В. Путина, «растянуть» переход к политической дестабилизации на более длительный срок, за который можно было бы нанести основные удары именно по авторитету В. Путина и его руководства. Это можно назвать принципом перехвата информационной инициативы, когда действия в информационном пространстве фактически заменяют, на какое-то время (иногда весьма длительное), реальные шаги по развалу государства, либо существенно опережают их.

Действия на Украине в 2014–2015 годах показывают, насколько такая информационная политика в действительности становится откровенно провокационной и дезинформационной. Ее задача сформировать «виртуальную реальность», которая будет заменять действительность и служить политико-пропагандистским прикрытием усилий по дестабилизации. Сетевая и сетецентрическая стратегия становятся реальным практическим содержанием этой внешне бессодержательной политики, достигающей вполне реалистических и конкретных целей. Так, за набором внешне бессодержательных и беспочвенных деклараций, укладов и решений на Украине в 2014–2015 годах проводилась реальная политика русофобии.

Естественно, что подготовка и реализация данного этапа требует много ресурсов и среди них главного ресурса — времени. Авторы стратегии отдают себе в этом отчет. Однако, как показывает опыт Украины, могут быть задействованы сотни НКО и «центров» одновременно, а результат их деятельности начнет сказываться уже через несколько месяцев. Сетевой принцип организации таких структур и отдельных индивидуумов позволяет создать огромную сеть в течение короткого отрезка времени. Эта сеть становится почти мгновенно политическим ресурсом «облачного противника».

Необходимо напомнить в этой связи, что главной целью варианта системного политического противоборства и сетецентрической войны являются не прежние традиционные цели — оккупация столицы, разгром ВС, уничтожение военного потенциала противника, — а установление контроля над политическим

руководством страны или его уничтожение и замена. Поэтому контроль над В. Путиным и поддерживающими его соратниками — главные цели такой войны. Они должны либо подчиниться «правилам международного поведения» (т. е. контролю со стороны западной ЛЧЦ), либо быть лишены не только власти, но и жизни. Последнее делается, как правило, демонстративно жестоко. Примеры Чаушеску, Хонеккера, Хусейна, Милошевича и Каддафи не случайно наглядно демонстрируют лидерам других стран, как это может быть сделано: беспощадно, публично, оскорбительно.

Кроме того, переход к следующему этапу развития враждебного сценария МО предполагает создание не просто организованной оппозиции, а именно вооруженной оппозиции, способной пусть на частные, местные, но силовые в т. ч. вооруженные акции. До мая 2015 года такие акции проводились только на Кавказе. Опыт всех революций в России, однако, свидетельствует, что очень важно вооруженное выступление против власти именно в столицах и других крупных городах.

Таким образом, перед западной стратегией развития сценария МО в 2016–2021 годы по формуле сетецентрической войны стоит задача усиления всех элементов системы давления на Россию с тем, чтобы в стране появилась социальная группа или сила, способная к открытому силовому противостоянию с властью. Учитывая, что легальная оппозиция режиму В. Путина не смогла этого пока обеспечить, необходимо будет — следуя логике форсирования противостояния — активизировать системное воздействие на Россию по всем направлениям, включая переход к активным действиям в военно-силовой области.

Прогнозировать подобное развитие событий — крайне неблагодарная задача потому, что проявления такого силового давления могут (и будут) в самых необычных формах, местах и растянуты по времени. Так, к ним могут быть отнесены не только откровенно диверсионные акты, но и активизация бандитского подполья на Кавказе, провокации на границе с Украиной, диверсии на транспорте и т. п. То есть активные мероприятия, суть которых одна: переход противостояния с Россией в вооруженную фазу, превращение силовой борьбы в вооруженную борьбу против политического режима. Период 2016–2021 годов может, таким образом, быть назван периодом перехода к фазе вооруженной борьбы.

Важно помнить и о том, о чем, как правило, всегда почему-то забывают: внешне благоприятная политическая стабильность может резко смениться на радикальные выступления, вооруженное противостояние и хаос. Это происходит потому, что люди не хотят верить в реальность радикальных изменений и далеко не всегда обнаруживают очаги напряженности, даже если они и заметны. Ни в 1917 году, ни в 1991, ни в 1993 году никто не предполагал переход политического конфликта в вооруженную и даже военную стадию.

Таким образом, существующие в настоящее время основные принципы стратегии западной ЛЧЦ в отношении России на 2016–2021 годы свидетельствуют о долгосрочной тенденции эволюции сценария «Глобального военно-силового противоборства» в сторону реальной вооруженной борьбы. Альтернативой развития такому сценарию в эти годы может служить только смена политического курса и признания за США права на сохранение сложившейся после холодной войны финансово-экономической и военно-политической системы в мире. То есть фактически капитуляция.

Следовательно, можно ожидать, что к 2021 году МО будет сформирована по «пессимистическому» варианту сценария «Глобального военно-силового противоборства» и в дальнейшем будет одновариантной. Если до 2021 года еще можно ожидать, что МО будет колебаться в зависимости от множества субъективных факторов между «реалистическим» и «пессимистическим» вариантами этого сценария, то после 2021 года она устойчиво приобретет характер «пессимистического» варианта. То есть полномасштабная война между ЛЧЦ, как минимум, между российской и западной, становится неизбежной. Правда, нельзя исключать, что в эту войну будут так или иначе вовлечены мусульманская, китайская и латиноамериканская цивилизации.

Все варианты сценария «Глобального военно-силового противоборства» предполагают после 2021 года усиление силового воздействия на внутреннюю политику государств и цивилизаций. Более того, можно сказать, что после 2021 г. основной акцент в силовой и собственно военной области противоборства будет сделан именно на ведении операций по уничтожению государств, их институтов и лишения их национальной самоидентификации.

Конечная цель такой политики — превращение государства и его институтов в контролируемый субъект международных отношений, строго выполняющий те законы, нормы и указания, которые формулируются западной ЛЧЦ. Такая цель в обязательном порядке предполагает, в конечном счете, разрушение государства, его институтов, как наиболее эффективных инструментов управления обществом и нацией, и замена этих институтов на контролируемые или подконтрольные структуры, которые в этом качестве начинают выполнять антигосударственные функции. Если такая главная и конечная цель достигается, то уже нет необходимости ни в уничтожении армии и правоохранительных органов, ни в оккупации территории, ни в захвате столиц и др. традиционных целях войны.

Собственно поэтому основной акцент в военно-силовом противоборстве будет делаться на борьбе с государством, его институтами и структурами. Так, например, к началу военного переворота на Украине уже было заменено до 95% руководства МВД и СБУ страны, а армия фактически самоликвидировалась. Именно поэтому диверсионные сетцентрические операции против руководства страны оказались успешны с самого начала. У В. Януковича уже фактически не оставалось подконтрольных ему силовых структур, а у оппозиции к тому времени уже были созданы таковые.

Предполагается, что при реализации сценариев противоборства после 2021 года параллельно с эскалацией военных действий и подготовке к оккупации будет происходить опережающая эскалация действий и спецопераций по демонтажу государства. Пример с Украиной — очень наглядное подтверждение базовой модели такой эскалации, когда захват силовых органов страны и дезорганизация их деятельности привели к параличу власти и не потребовали прямого военного насилия, которое неизбежно было бы связано с серьезными рисками. Сочетание политического использования военной силы (угроз В. Януковичу) с дезорганизацией институтов государства привело к быстрой победе. У западной ЛЧЦ сложился устойчивый алгоритм по демонтажу государства.

Этот алгоритм совершенствуется постоянно и после 2021 года будет представлять собой более сложную и эффективную систему,

полностью интегрирующую все средства силовой и вооруженной борьбы — от космической разведки до активности человека, завербованного для работы в социальной сети.

По сути дела все эти действия — специальный этап сетецентрической войны сознательно организованный и управляемый извне. К 2016 году уже ясно, что такие мероприятия стали контролироваться руководством ВС в ряде государств. Вероятно, один из первых примеров относится к руководству пакистанским генштабом моджахедами в Афганистане в 80-е годы XX века. Позже эта практика широко применялась. Этот этап развертывания специальных операций может сопровождаться военными действиями, но гораздо безопаснее, если он будет проходить без внешнего вооруженного вмешательства. Во всяком случае видимой и официально признаваемой. Именно так произошло в 2014–2015 годах на Украине.

Кроме того надо понимать, что совершенно новое качество приобретают в такой борьбе негосударственные субъекты международных отношений, чья сила и влияние становятся сопоставимы с государственными. Например, «Правый сектор», или «ИГИЛ», которые становятся новым международным фактором в ведении военных действий. Проблема сегодня заключается в том, что наша военная наука и искусство традиционно воспринимают в качестве субъекта вооруженного противостояния только государства, их военные организации и их вооруженные силы (хотя война в Афганистане и военные операции на Кавказе и внесли свои коррективы), не разрабатывая способов и средств ведения сетецентрических войн с «облачным противником».

Сегодня, однако, «главным противником» может оказаться уже не государство, а некая «общественная организация». Так, сейчас «Исламское государство» как пылесос засасывает в орбиту своего влияния десятки тысяч местных суннитов, — отмечают исследователи МГИМО, — а также боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из-за рубежа. По данным американских спецслужб, более одной тысячи боевиков пополняют ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев, воюющих на стороне организации, составляет сейчас 16 тысяч человек. По информации западных СМИ, к армии новоявленного «халифата» примкнули около 3 тыс. граждан из Европы, США и республик

бывшего СССР, в том числе из России, в основном из Чечни⁵⁰⁹. Аналогичные организации могут стать той военной силой, которая будет использована против России на завершающем этапе сетецентрической войны.

В различных вариантах сценария «Глобального военно-силового противоборства», которые будут реализовываться после 2021 года, в конечном счете, победит та ЛЧЦ и то государство, которые смогут обеспечить не только сопоставимую государственную мощь и военный потенциал, но наиболее защищенную систему национальных ценностей, эффективную и патриотическую систему государственных и общественных институтов. В конечном счете, России предстоит пересмотр всей концепции военной организации государства, которая пока еще (в отличие от американской) не учитывает два важнейших фактора и две группы факторов, определяющих в XXI веке мощь военной организации любой страны:

- уровень развития и качество общественных, национальных (негосударственных в целом) институтов общества и нации — от религиозных и профессиональных до молодежных и детских организаций. Именно эти организации в настоящее время (и еще больше в будущем) будут определять качество национального человеческого капитала и мощь, включая военную, страны;
- негосударственные бизнес-структуры за рубежом и внутри самой страны, которые определяют не только экономический, финансовый, оборонный, но и человеческий потенциал того или иного государства.

В настоящее время в России существуют лишь самые общие контуры, зачатки в организации этих групп, которые не способны организовать в полной мере эти потенциалы, а тем более противопоставить их внешнему влиянию. Очень скромные успехи Общественной палаты, Совета по правам человека при Президенте РФ и других органов, содействующих развитию негосударственных институтов, очевидно несопоставимы с новыми задачами, стоящими перед всей военной организацией государства.

⁵⁰⁹ Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналит. записка / подготовлена А. В. Федорченко, А. В. Крылов. М. 2015. Март. С. 3.

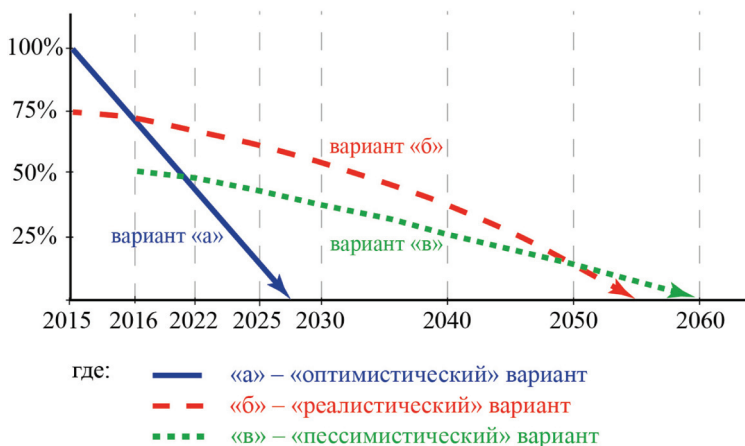

Рис. 11.8. Вероятность реализации одного из вариантов сценария гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ»

Естественно возникает вопрос о том, в каком именно варианте будет реализован сценарий «Глобального военно-силового противоборства» после 2021 года. Пока этот сценарий развивается по «оптимистическому» варианту (с очевидным усилением тенденции на использование военной силы и скатыванию к «реалистическому» варианту еще до 2021 года). Но вопрос о том, какой вариант будет преобладать после 2021 года, остается открытым.

Приводимая ниже графическая модель вероятностного прогноза, пытается дать ответ на этот вопрос (рис. 11.8).

Как видно из рисунка, наибольшую вероятность на долгосрочную перспективу имеют «реалистичный» и «пессимистичный» варианты, что для нас имеет существенное значение: при оценке вероятности любого сценария или его варианта приходится исходить из «худшего» варианта не только потому, что в вопросах безопасности нельзя допустить известной недооценки угрозы, но и потому, что вероятность «худших» вариантов существенно выше, чем «оптимистических» и даже «реалистических».

В конечном счете, можно сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе после 2021 года наибольшую вероятность из всех возможных сценариев развития МО имеет сценарий «Глобального

военно-силового противоборства ЛЧЦ», который может быть реализован в двух наиболее опасных своих вариантах:

- варианте («В») — «пессимистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в полном объеме на различных ТВД, вовлекая в такую войну всех участников международных отношений и повышая уровень эскалации вплоть до применения ОМУ;
- варианте («Б») — «реалистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в ограниченном масштабе на ограниченных ТВД с привлечением части ведущих стран мира;
- варианте («А») — «оптимистическом», реализуемый в настоящее время, видимо будет окончательно исчерпан к 2021 году, хотя изменение ряда условий (внутриполитический конфликт США, развал военно-политической коалиции Запада и др.) может привести к тому, что он останется актуальным и после 2021 года.

Эти три варианта развития одного и того же сценария МО будут нести на себе очень серьезные конкретные черты и особенности ВПО и СО каждого конкретного периода времени после 2021 года. Этот будет связано, прежде всего, с ускорением военно-технической революции, чьи последствия скажутся радикально как в области ВиВТ, так и средств управления и в военном искусстве. Так, массовое внедрение ВТО и сетевых способов управления ВС, например, уже сказалось на развитии МО. Таким образом, переход от одного периода к другому в развитии СО будет решающим образом влиять на развитие различных вариантов МО и их реалистичность.

Если в прежней истории (вплоть до появления ОМУ и средств его доставки) СО в мире имела подчиненное значение МО и вытекала из нее, являлась «чистым» продуктом, следствием ее развития, то по мере развития ВиВТ, средств управления ими и появления возможностей для ведения гибридных и сетевых войн влияние ВПО–СО на формирование сценария МО постоянно усиливалось. В самом общем виде такая «совмещенная» картинка СО и МО может выглядеть следующим образом (рис. 11.9), что может объяснять растущую взаимозависимость МО, с одной стороны, и ВПО–СО, — с другой.

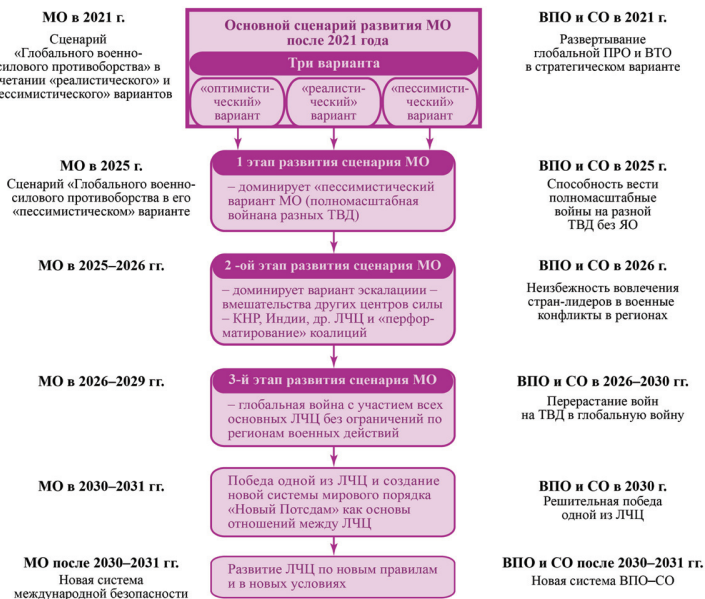

Рис. 11.9. Развитие вероятных вариантов Сценария МО после 2021 года и на перспективу до 2045 года

Как видно из этой диаграммы противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ будет развиваться по военно-силовому («реалистическому» или «пессимистическому») варианту, продвигаясь достаточно быстро по лестнице эскалации вооруженного конфликта. Этот вариант в 2021–2025 годы переходит в полномасштабную войну на большинстве театров военных действий (ТВД) от Европы и Арктики до АТР без использования ОМУ.

На втором этапе развития полномасштабных военных действий между западной и российской ЛЧЦ (2025–2026 гг.) в конфликт неизбежно втягиваются другие ЛЧЦ, прежде всего китайская, индийская и исламская, интересы которых оказываются непосредственно затронутыми в ходе войны. Дело даже не в том, это войны вовлекаются неизбежно соседние государства. Дело в том, что ход и исход любой крупной войны неизбежно затрагивает вопросы послевоенного урегулирования, что не может оставить безучастными великие державы, чье влияние в XXI веке усилилось.

На третьем этапе (2026–2029 гг.) можно ожидать превращения глобального военного конфликта с участием всех ЛЧЦ в глобальную войну, которая должна завершиться на четвертом этапе победой одной из ЛЧЦ и возглавляемой ею коалицией, которая будет оформлена с политико-правовой точки зрения в новую систему миропорядка.

Рассматривая подобный гипотетический сценарий развития МО и ВПО после 2021 года, следует исходить из того, что это — наиболее вероятный сценарий, реализуемый в нескольких вариантах, из всего множества потенциально возможных сценариев. Некоторые из них описывались как в этой работе, так и в предыдущих работах ЦВПИ, в частности, в специальной книге «Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года»⁵¹⁰. Таких теоретически возможных сценариев развития МО может быть несколько. И, естественно, их переход из статуса «возможного сценария» в статус «вероятного сценария» должен внимательно отслеживаться. Более того, их анализ должен всегда сопровождать анализ вероятных сценариев как неожиданная альтернатива.

Вместе с тем, именно наиболее вероятный сценарий после 2021 года нас интересует более всего потому, что, в конечном счете, этот сценарий, во-первых, окажется, в конце концов, единственным реальным, а, во-вторых, к нему надо готовиться уже сегодня. Таким образом, мы наблюдаем очевидное противоречие: с одной стороны, мы не можем «гарантированно» спрогнозировать будущий сценарий развития МО (и его вариантов), а с другой, — нам в любом случае придется к чему-то готовиться. Разрешить это противоречие можно только выделив из всего спектра возможных сценариев какой-то один, наиболее вероятный. И именно этот, наиболее вероятный сценарий взять за основу внешнеполитической стратегии и военной политики, базой для последующего стратегического планирования. Даже теоретически государство и общество не могут одновременно готовиться ко всем сценариям развития

⁵¹⁰ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015. С. 693.

МО, а тем более их вариантам. Даже самый точный прогноз может позволить, в конечном счете, указать на наиболее вероятный вектор развития МО, который будет корректироваться множеством конкретных обстоятельств и условий, которые невозможно предусмотреть. И, тем не менее, государство должно выбрать один из базовых прогнозов развития МО, как минимум, для выделения приоритетов своего развития и распределения ресурсов.

Сказанное означает, что прогнозируемый сценарий развития МО и его варианты указывают на необходимость:

- переоценки внешнеполитических приоритетов с учетом развития военно-силового сценария, прежде всего с точки зрения возможных союзников и партнеров;
- пересмотра структуры военной организации России, которая до настоящего времени не включает, как минимум, три крупные группы ресурсов — идеологию, институты гражданского общества и частный бизнес;
- пересмотра планов оборонного строительства с учетом специфики навязываемой системной сетецентрической войны.

Но, прежде всего, необходимо признать, что современная «точка отсчета» развития существующего сценария МО уже говорит о начале против России сетецентрической войны и сделать соответствующие политические выводы. Такое смелое решение, естественно, потребует веского обоснования (хотя никто не может гарантировать абсолютной точности такого обоснования), которое имеет огромные последствия для государства. От этого зависит ресурс времени, который является очень важным, а иногда и невозполнимым ресурсом. Ошибка, например, в оценке со стороны руководства СССР с точной датой войны с Германией на 2–3 недели (т. е. радикального изменения ВПО) привела не только к разгрому в короткие сроки Западного и Юго-Западного фронтов СССР, потере миллионов солдат, тысяч танков и самолетов, но и изменению в МО — вступлению на стороне Германии в войну целого ряда европейских государств, которые поспешили присоединиться к будущему победителю.

Подготовка к современной войне занимает уже не годы, а десятилетия. Она требует не только новых НИОКР, но и фундаментальных исследований, разработки новых технологий, а также существенных корректив в существующей военной организации

государства и управлении страной, обществом и вооруженными силами, нового качества национальной мобилизации.

В нашем случае, когда руководство страны ориентируется на негативные сценарии, допускается высокая вероятность экстраполяции нынешнего негативного сценария развития МО (и его «реалистического» варианта) не только до 2021 г., но и далее. При этом «точка отсчета» перехода «реалистического» варианта в «пессимистический» может быть пройдена уже в 2017–2018 годах, а с 2021 года прогнозируется доминирование «пессимистического» варианта сценария, а именно перехода системного и сетецентрического противоборства в открытую фазу вооруженной борьбы на всех ТВД.

Это означает, что системность и сетецентричность в использовании всех сил и средств западной ЛЧЦ против России будут в значительной степени трансформированы в ведение уже не только силовой, но и открытой вооруженной борьбы. Та ведущаяся гибридная война против России, о которой в апреле 2015 года говорил командующий Западным военным округом А. Сидоров, будет существенным образом трансформирована в вооруженную борьбу сразу на нескольких ТВД, а затем и глобально. В немалой степени именно «благодаря» нарастающему в 2015–2021 годы противоборству между ЛЧЦ⁵¹¹.

Таким образом, признание в качестве наиболее вероятного «пессимистического» варианта развития сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2021 года диктуется не только соображениями логики развития МО, но и обстоятельствами вынужденного характера: для нейтрализации негативных последствий развития подобного негативного сценария МО необходимо уже в настоящее время принять срочные и масштабные меры, включая мобилизацию национальных ресурсов, от которых после 2021 года будет зависеть выживаемость государства и нации. Учитывая бескомпромиссность межцивилизационного противоборства, риски сохранения национальной идентичности и государственного суверенитета требуют исходить именно из этого, «худшего» сценария.

⁵¹¹ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 13.

Глава XII
Основные угрозы
национальной
безопасности РФ, военные
угрозы и особенности
военных конфликтов
в прогнозируемый период

12.1. Военные опасности и угрозы, тенденции их обострения до 2020–2024 годов и далее

Обеспечение надежной военной безопасности любого государства связано, с одной стороны, с установлением неконфронтационных, а по возможности партнерских или дружественных отношений с субъектами мирового сообщества, а с другой, со способностью противостоять возможным военным угрозам извне и изнутри. Поэтому рассмотрение характера существующих межгосударственных отношений, выявление источников военной опасности и реальных военных угроз являются исходными положениями для исследования проблем обеспечения военной безопасности страны.

Получение оценок военных опасностей и угроз — одна из центральных задач обоснования исходных данных для военного планирования, важнейшей составной части стратегического планирования в Российской Федерации. Анализ практики решения этой задачи показал, что сформировавшееся представление о сущности военных угроз, их происхождения и структуры нередко не только не помогает, но и мешает обоснованному принятию решения о мерах по обеспечению военной безопасности.

В Стратегии национальной безопасности РФ даётся определение угрозы национальной безопасности, которое должно послужить методологической основой для формулирования других видов угроз: «Угроза национальной безопасности — совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам»⁵¹².

⁵¹² Стратегия национальной безопасности. Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года №683.

Однако в Военной доктрине определение военной угрозы не соответствует подходу, данному в Стратегии национальной безопасности и под военной угрозой понимается «состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)»⁵¹³. Этим объясняется перечень военных угроз, приведенный в Военной доктрине. Приведем его полностью:

- резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы. (В настоящее время данный фактор особенно ярко проявляется в отношениях между РФ и Украиной, между РФ и Турцией, а также в отношениях между РФ и НАТО);
- воспрепятствование работе систем государственного и военного управления РФ, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической, фармацевтической и медицинской промышленности и других потенциально опасных объектов;
- создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории РФ и ее союзников;
- демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях государств, сопредельных с РФ и ее союзников;
- активизация деятельности ВС отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или общей мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени.

Анализ приведенного перечня угроз показывает, что они отражают некоторые стороны состояния военно-политической обстановки, но не указывают на тот возможный ущерб национальным интересам России, который эти действия могут нанести. Вместе с тем, специалистам известно, что военные угрозы России отличаются между собой

⁵¹³ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 26 декабря 2014 года. 30 декабря 2014 г. в «РГ» — Федеральный выпуск №6570.

как в зависимости от рассматриваемого ТВД (СН), так и от других факторов, например, возможных целей применения военной силы.

Примечательно в этой связи, что в военно-политических установках США понятие «военная угроза» вообще отсутствует, а речь ведется об угрозах «интересам США» и их союзников или угрозах «национальной безопасности» или «гражданам США». А это позволяет использовать военную силу не только в ситуации непосредственной военной угрозы, а в любой другой ситуации, когда американские интересы находятся под ударом. И такой подход вполне оправдан, так как военная сила существует не только для того, чтобы отражать внешнюю агрессию, но и для решения широкого спектра национальных задач, в том числе в области экономики, защиты прав, жизни и здоровья российских граждан и в других гуманитарных целях, а также для поддержания международного мира и безопасности, включая борьбу с терроризмом.

В этом контексте представляется необходимым уточнить содержание такого ключевого для обеспечения военной безопасности фактора, как угроза национальной безопасности, установив разновидности этих понятий, что рациональнее всего сделать с помощью классификации. С этой целью следует проанализировать соотношение национальной и военной безопасности, виды угроз жизненно важным интересам личности, государства и общества.

12.1.1. Угрозы национальной безопасности и национальным интересам РФ

Национальная безопасность официально рассматривается в РФ как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее — граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации⁵¹⁴.

⁵¹⁴ Стратегия национальной безопасности. Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683.

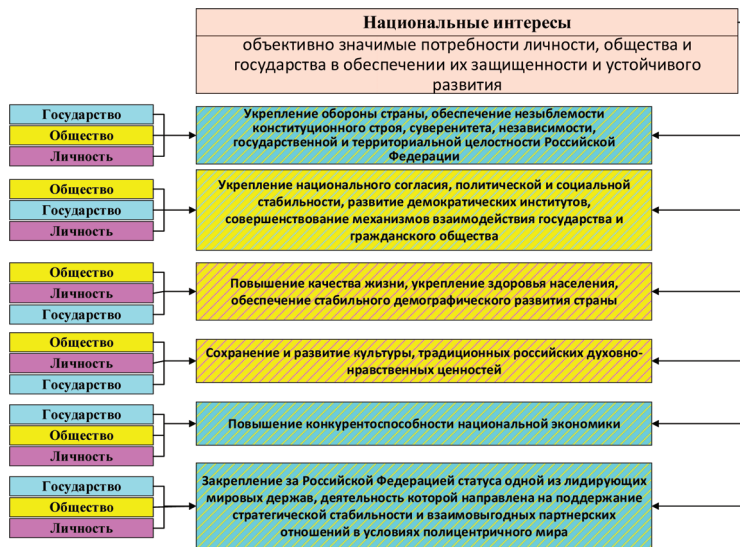

Рис. 12.1.

Обеспечение национальной безопасности государства (нации) состоит в выполнении двух функций — функции защиты некоего объекта, содержащего важнейшие ценности государства, являющиеся основой жизненно важных интересов личности, общества и государства, а также функции развития этого объекта. Или, употребляя термины Стратегии национальной безопасности — реализуя стратегические национальные приоритеты⁵¹⁵.

Существующие в настоящее время представления об объекте национальной безопасности закреплены законодательно: это национальные интересы, объективно значимые потребности личности, общества и государства⁵¹⁶. Более подробно совокупность национальных интересов показана на нижеследующем рисунке (рис. 12.1).

Угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства можно условно разделить на три группы (рис. 12.2).

⁵¹⁵ Стратегия национальной безопасности. Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683.

⁵¹⁶ Там же.

Рис. 12.2. Угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства

Первая группа состоит из возможных угроз разрушения, девальвации, дезинтеграции, отчуждения существующих национальных общностей, атрибутов нации — культуры, самосознания, языка, психического склада, территории, экономики, государственной власти.

Во вторую группу можно включить угрозы дезорганизации, разрушения, девальвации социального капитала нации, то есть её психологическому и организационному капиталу. В свою очередь, угрозы психологическому капиталу нации подразделяются на угрозы нормативно-ценностным системам в сферах организационного порядка нации и её психологического воспроизводства. Угрозы организационному капиталу подразделяются на угрозы институциональному (государственному) порядку нации и национальному образу жизни.

Третью группу составляют угрозы национальному богатству, то есть угрозы разрушения, потери (захвата, отчуждения) его элементов: природного богатства, национального имущества и демографического богатства нации.

Рассмотренная классификация угроз жизненно важным интересам личности, общества и государства имеет существенное значение для рассмотрения проблем национальной безопасности, особенно при построении систем её обеспечения по функциональному признаку, исходя из направленности угроз. Не менее важное методологическое значение имеет классификация угроз и по другим признакам. Варианты такой классификации представлены на рис. 12.3.

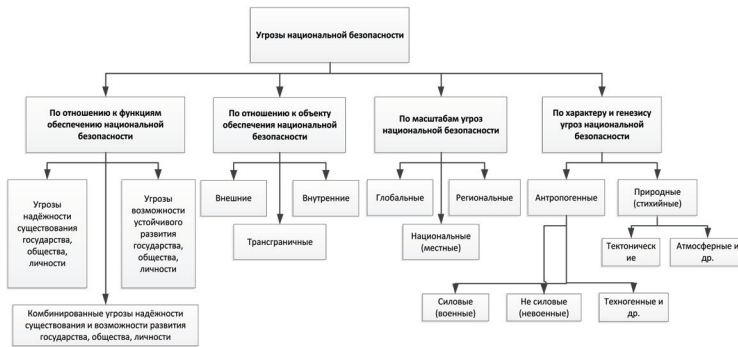

Рис. 12.3. Общая классификация угроз национальной безопасности

Как видно из рисунка, можно рассматривать следующие угрозы:

1. По отношению к функциям обеспечения национальной безопасности — угрозы надёжности существования государства, общества, личности и угрозы возможности устойчивого развития страны, комбинированные угрозы, сочетающие в себе угрозы надёжности существования государства, общества, личности и угрозы возможности устойчивого развития страны.
2. По отношению к объекту обеспечения безопасности — внешние, внутренние и трансграничные.
3. По масштабам угроз — глобальные, региональные, местные.
4. По характеру и генезису угроз — природные (стихийные), антропогенные.
5. Угрозы по отношению к объекту обеспечения безопасности (внешние, внутренние и трансграничные).

Предложенные общие классификаторы угроз национальной безопасности могут быть дополнены и детализированы в соответствии с целями исследования проблем национальной безопасности и её элементов.

Изложенная классификация критикуема, как и другие подходы к определению сущности угроз или других понятий теории национальной безопасности.

Так, из уже приведенного определения понятия: «национальная безопасность есть защищённость жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизне-

деятельности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающая устойчивое поступательное развитие страны» вытекает, что угрозы национальной безопасности есть угрозы защищённости различного рода интересов. Отсюда следует, что нужно рассматривать лишь угрозы направленные против создаваемой государством во взаимодействии с обществом системы, которая обеспечивает защиту национальных интересов. Иначе говоря, угрозы, национальной безопасности есть только угрозы по отношению к институтам государства, которые и образуют созданную для обеспечения национальной безопасности систему, а не все, перечисленные ранее.

Однако в таком случае практически выпадает из рассмотрения сам объект обеспечения безопасности — национальное достояние, который включает в себя совокупность национальных общностей, ценностей, интересов и национального богатства. Он подменяется лишь частью национального достояния — государственной властью. Данное замечание сделано для понимания некоторой условности трактовки понятий теории национальной безопасности, поскольку формирование её некоторых понятий носит исторический характер.

12.1.2. Оценка места и роли задач обеспечения военной безопасности в общей политике обеспечения национальной безопасности

Из анализа предложенной классификации угроз жизненно важным интересам личности, общества и государства, а также угроз национальной безопасности можно видеть неразрывность и взаимообусловленность мер самого различного характера, которые могут быть предприняты для парирования или минимизации (ликвидации) перечисленных видов угроз.

Представляется, что предмета военной безопасности непосредственно касаются, главным образом, антропогенные силовые (военные) опасности и угрозы надёжности существования государства, общества, личности. Отдельно следует остановиться на анализе отношения не силовых (невоенных) угроз национальной безопасности к предмету военной безопасности. Рассмотрим

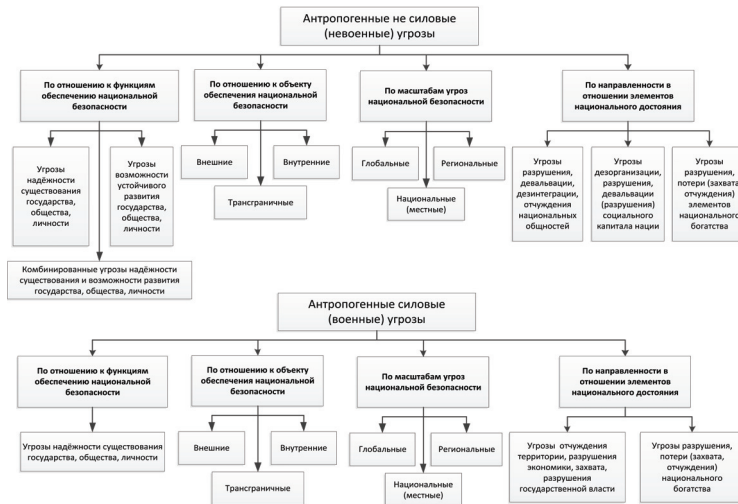

Рис. 12.4. Классификация антропогенных угроз национальной безопасности

разновидности этих угроз, применяя построенную нами классификацию (рис.12.4).

Антропогенные не силовые (невоенные) угрозы могут быть как внешними, внутренними, так и трансграничными. По масштабу они могут быть и глобальными, но пока такие угрозы носят абстрактный характер или, в крайнем случае, из далёкой перспективы. Наиболее вероятным масштабом таких угроз является региональный и национальный (местный). По своей направленности эти угрозы могут относиться как к угрозам надёжности существования, так и к угрозам возможности развития государства, общества и личности. В целом не силовые (невоенные) угрозы по своему разнообразию практически соответствуют всем признакам разработанной классификации. Однако во многих случаях, в отличие от военных (силовых), невоенные угрозы не могут иметь эффекта непосредственного, прямого воздействия.

При сравнении разнообразия арсенала военных и невоенных угроз, невозможно не прийти к выводу о приоритете невоенных мер по обеспечению своих национальных интересов любым субъектом международных отношений. Весьма условно можно разде-

лить между собой антропогенные невоенные и военные угрозы национальной безопасности, поскольку объекты разновидностей этих угроз зачастую совпадают и результат их реализации может быть идентичен. Рассмотрение всех этих угроз — задача гораздо более объёмная и требует дополнительных исследований за пределами данной монографии. Здесь рассматриваются, главным образом, военные угрозы.

На основании сделанных рассуждений можно, наконец, дать определение военной угрозы. Военная угроза — прямая возможность нанесения ущерба надёжности существования государства, общества и личности, захвата территории, национального богатства и разрушения национальной экономики путём применения военной силы. Военная угроза — угроза развязывания военного конфликта.

Обоснованность мер по парированию военных опасностей и угроз невозможен без оценивания их характера. Рассмотрим основные факторы, определяющие военно-политический и стратегический характер военной угрозы (рис. 12.5). Анализ исторического опыта формирования военных угроз и их реализации в виде военных конфликтов того или иного уровня позволил сделать некоторые заключения. Первое — о генезисе военных угроз и военных конфликтов.

В результате взаимодействия субъектов международных и военно-политических отношений, если рассматривать их в исторической ретроспективе, неминуемо возникает конфликт интересов, который при определённых условиях вырастает в противоречие, характеризующееся той или иной антагонистичностью. В зависимости от соотношения потенциалов взаимодействующих субъектов (государств и их коалиций) и намерений их военно-политического руководства, в международных и военно-политических отношениях может повыситься напряжённость и возникнуть военная опасность, предтеча военной угрозы. Последняя формируется на более высоких уровнях напряжённости военно-политических отношений.

Второе — о характере военной угрозы. Он более рельефен, чем характер военной опасности и уже по нему можно судить о характере возможного военного конфликта. Не будет ошибкой полагать, что характеры военной угрозы и военного конфликта близки друг

другу. Тогда можно утверждать, что военно-политический и стратегический характер военной угрозы определяется её источником, носителем, особенностями предполагаемого района военных действий. В качестве источника военной опасности (угрозы) выступают различного рода противоречия. К ним относятся экономические, территориальные, межцивилизационные, этнические, политические, демографические и др.⁵¹⁷

Одна из сторон противоречия (конфликта интересов) является носителем военной опасности (угрозы). В качестве носителя военной опасности (угрозы) может быть одно государство или коалиция государств с разным военным потенциалом и взглядами на применение силы при разрешении международных межгосударственных конфликтов и противоречий. На характер военной угрозы влияет проводимая её носителем политика, которая реализуется или демонстрируется конкретными действиями или декларируемыми намерениями, оценками, заявлениями в различных областях взаимодействия государств на международной арене. Состав и структура факторов, показанные на рис. 12.5, в общем виде определяют содержание военной угрозы. Вместе с тем, следует различать военно-политический и стратегический характер военной угрозы⁵¹⁸.

Военно-политический характер военной угрозы определяется военно-политической целью применения военной силы для разрешения возникшего или обострившегося противоречия (смена политического режима, раздел территории РФ и образование нескольких государств с марионеточными режимами, захват и отчуждение части территории, обеспечение доступа к источникам ресурсов и т. п.), состав и возможности противоборствующих коалиций, возможный сценарий развития военно-политической обстановки с началом и в ходе военных действий.

Стратегический характер военной угрозы определяется стратегическими целями, размахом и продолжительностью возможного военного конфликта, применяемыми силами и средствами (в т. ч.

⁵¹⁷ Более подробно о классификации источников военных угроз — в следующем разделе монографии.

⁵¹⁸ Война и мир в терминах и определениях под ред Д. Порозина. <http://www.voina-i-mir.ru/article/49>

видами оружия), возможными формами и способами развязывания и ведения военных действий, особенностями ТВД (СН), района военных действий, возможным составом группировок войск (сил) противника.

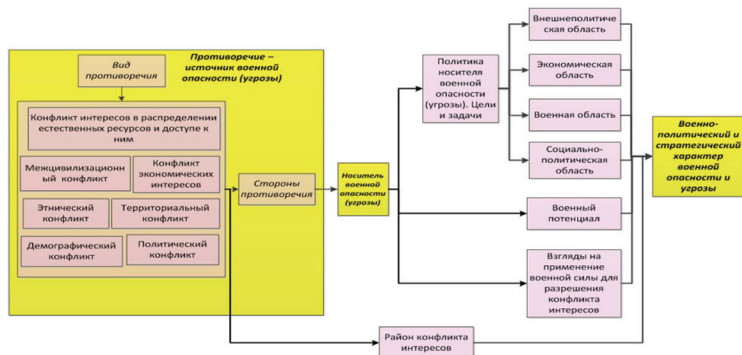

Рис. 12.5. Основные факторы, определяющие военно-политический и стратегический характер военной опасности и военной угрозы

12.1.3. Прогноз военных опасностей и угроз Российской Федерации на период до 2030 и до 2045–2050 годов

В каждом из предлагаемых в X и XI главах монографии вариантов сценариев мирового развития, военно-политическая обстановка будет отличаться неким своеобразием. Однако вследствие геополитического положения России, основные военные опасности и угрозы, как в настоящее время, так и в перспективе останутся практически неизменными и будут отличаться, прежде всего, по уровню и масштабу. Их можно также подразделить на две большие группы — внешние военные опасности и угрозы и внутренние военные опасности и угрозы. К первой группе относятся следующие уровни угроз.

Глобальные военные опасности и угрозы России на рассматриваемый прогнозный период будут связаны с США и их союзниками, как на Западе, так и на Востоке. Сущность этих угроз

состоит в возможности развязывания против России крупномасштабной войны с применением ракетно-ядерного оружия. Источником глобальных военных опасностей и угроз, как в настоящее время, так и в перспективе, следует считать стремление геополитических соперников России:

- добиться безусловного доминирования и устранения Российской Федерации в качестве центра силы, обладающего ядерным оружием,
- превратить Россию в страну, неспособную оказывать влияние на развитие международных отношений в мире и в его регионах.

Носителем глобальных военных опасностей и угроз на прогнозный период являются, безусловно, США со своими союзниками по НАТО.

В отдаленной перспективе на фоне ослабления западной цивилизации может возрасти угроза со стороны Китая, связанная с территориальными вопросами, распределением сфер влияния в Центральной Азии и условиями торгово-экономических отношений. Китай может оказаться носителем глобальной военной угрозы, если России не удастся играть роль равноправного партнера, что станет возможным, при условии неудачи в модернизации российского народнохозяйственного комплекса.

Военные угрозы и опасности регионального и локального масштаба будут формироваться по периметру границ России в связи с сохранением старых или возникновением новых противоречий с соседними или другими государствами в регионах национальных интересов нашей страны. Обострение этих противоречий может привести к развязыванию различных военных конфликтов. Их главная опасность состоит в возможности эскалации этих конфликтов до больших масштабов, что чревато переходом противоборствующих сторон к применению ОМП. В нижеследующей таблице (табл. 12.1) показаны наиболее вероятные источники военных угроз.

Существенное превосходство КНР над Россией в боевом потенциале группировок войск (сил) на Сибирском и Дальневосточном стратегических направлениях, в сочетании с обладанием вторым в мире экономическим потенциалом сами по себе таят военную опасность для России. Однако отсутствие в военно-политическом руководстве Китая агрессивных намерений, отчётливое

Таблица 12.1. Источники военных опасностей и угроз регионального и локального масштаба

Наименование региона	Источник военной опасности (угрозы)	Носитель военной опасности (угрозы)
Арктика	Претензии других стран на перераспределение контроля над запасами углеводородов на арктическом шельфе в ущерб национальным интересам России.	США, страны НАТО
Запад	Территориальные претензии стран Балтии, Польши и Германии к России и Белоруссии. Стремление США и стран Запада устранить потенциального геополитического конкурента и создание сплошной зоны вассальных государств-лимитрофов в Восточной Европе.	США, страны Балтии, Польша и Германия.
Юго-Запад	Территориальные претензии Украины (при поддержке США и НАТО) к России, Азербайджана (при поддержке Турции) к Армении по спорным территориям Нагорного Карабаха, реваншистские намерения Грузии (при поддержке США и НАТО) по возвращению в свой состав Абхазии и Южной Осетии.	Украина, Азербайджан, Грузия, поддерживаемые странами НАТО.
Центрально-Азиатский	Претензии исламских экстремистских организаций в Средней Азии, Синцзянь-Уйгурском автономном районе Китая, Северном Кавказе и Поволжье России на создание одного или нескольких исламских государств (халифатов) и отторжение части территорий России, Китая, Казахстана, захват власти в Таджикистане, Киргизии Узбекистане.	Экстремистские исламские организации, НВФ за пределами РФ, Казахстана и др. стран и внутри них.
Восточный	Территориальные претензии Японии по поводу принадлежности островов Курильской гряды, о. Сахалин, полуострова Камчатка, части территории Приморского края	Япония, США, Южная Корея

понимание исторических перспектив всестороннего сотрудничества с Россией и трезвая оценка её военно-стратегических возможностей позволяют сделать вывод об отсутствии сейчас китайской военной угрозы, традиционно существующей в воображении некоторых специалистов.

Особенностью всех видов военных угроз в той или иной степени будет их трансграничный характер. Предполагается широкое использование возможностей деструктивной оппозиции внутри России, организующей подрывную деятельность среди населения с использованием СМИ, в т. ч. интернета, подготовка за рубежом и внедрение на территорию РФ экстремистских террористических организаций псевдорелигиозного толка, полулегальных и незаконных вооружённых формирований.

Вторым крупным спектром угроз являются внутренние военные опасности и угрозы. Они связаны с попытками насильственного свержения законно избранных органов власти и сменой конституционного строя России в результате подготовки и реализации проектов «Болотная-2», «украинского» сценария развития внутривнутриполитической обстановки, а также стремлением отделения части территории страны для формирования исламского халифата.

Источники внутренних военных опасностей и угроз состоят:

1. В стремлении либеральной оппозиции включить Россию в социально-политическую структуру Запада и её переустройства под господствующие там социокультурные ценности при поддержке США и стран НАТО, стремящихся устранить своего геополитического соперника с ведущих позиций в мировой политике, создать благоприятные условия для захвата природных ресурсов России.
2. В расширении масштабов международного терроризма и организованной преступности, этнического и религиозного экстремизма, росте националистических и сепаратистских движений, в стремлении исламистских организаций создать на части территории РФ шариатского государства «Исламский Халифат».
3. В наличии негативных процессов социально-демографического характера и сохранении социальной напряженности, обострении в отдельных субъектах РФ межнациональных, межконфессиональных, политико-идеологических противоречий.

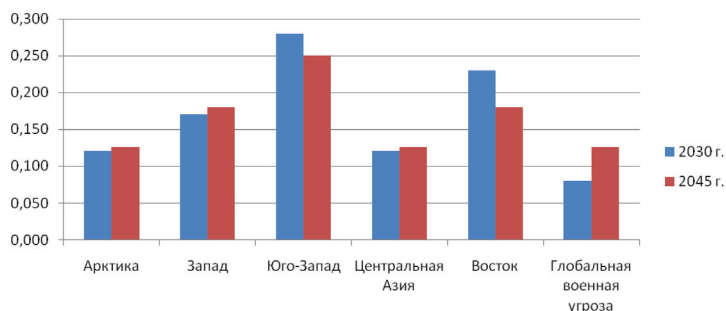

Рис. 12.6. Оценка вероятности реализации внешних военных угроз безопасности РФ

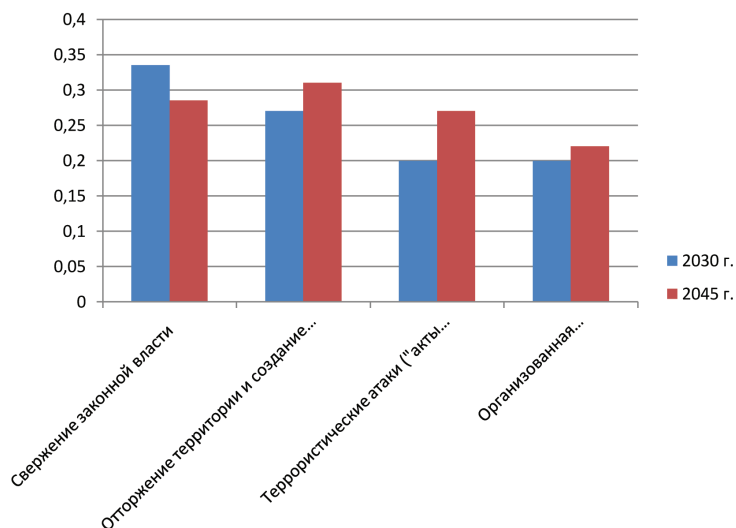

Рис. 12.7. Оценка вероятности реализации внутренних военных угроз безопасности РФ

Носители внутренних военных опасностей и угроз — оппозиционные экстремистские организации прозападной, либеральной ориентации и исламские экстремистские организации, использующие в своих целях существующие и вновь создаваемые НВФ,

террористические организации, систему структур, организующих доставку и сбыт наркотиков из стран ближнего и дальнего зарубежья, массовую незаконную миграцию (в первую очередь, в крупных городах), несущую угрозу исламского экстремизма. На рис. 12.6 и 12.7 представлены результаты оценки вероятности реализации внешних и внутренних военных опасностей и угроз Российской Федерации на 2030 и 2045 годы.

В настоящее время очевидны признаки подготовки наших геополитических соперников к реализации существующих и перспективных военных угроз. К ним можно отнести реформирование и качественное перевооружение государств, стремление некоторых из развивающихся стран к обладанию оружием массового поражения, как средства гарантированной защиты от внешней агрессии. Наибольшего внимания среди действий по подготовке зарубежных стран к будущим войнам заслуживает реформирование вооруженных сил США. Они трансформируются в единые вооруженные силы информационного века — более гибкие и мобильные; способные, используя современные информационные системы, усовершенствованные средства разведки и высокоточное оружие, в сжатые сроки и при минимальных потерях одержать победу над любым противником. Важнейшими чертами современных и перспективных военных опасностей и угроз являются вызовы в кибернетическом пространстве (подготовка и проведение кибератак и киберопераций); процесс милитаризации космического пространства; проблемы в сфере продовольственной безопасности; тенденция к утрате национальных цивилизационных основ.

При неблагоприятном варианте развития событий вполне вероятным становится развязывание на территории России одного — двух внутренних вооруженных конфликтов. Они могут быть инициированы извне. В такой войне боевые действия Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований приобретут черты специальной операции и будут носить характер затяжной противопартизанской войны с косвенным участием в такой войне государств НАТО или третьих стран, с локальным применением ВТО. В любом случае «правильное обоснование» целей и причин войны будет немедленно представлено мировому сообществу.

Виды угроз	Стратегическая направленность	Источники и масштабы военных угроз	Виды возможных конфликтов	Основные особенности военных действий в зависимости от глубины проникновения вглубину		
				До 5 лет	5-15 лет	15-30 лет
Внециневоеенныеугрозы	ЗОН	Возможность обострения территориальных споров и межгосударственных отношений с странами Балтийского региона	Вооружённый конфликт, локальная война, региональная война, крупномасштабная война	Военные действия против высокотехнологичного противника	5-15 лет	15-30 лет
	ЮЗОН	Территориальные претензии Украины (Крым, Севастополь), эскалация внутреннего вооружённого конфликта на юго-востоке Украины. Наличие международных конфликтов, непосредственно затрагивающих интересы республик Закарпатье, России, Турции, США.	Вооружённый конфликт, локальная война.	Военные действия против высокотехнологичного противника	5-15 лет	15-30 лет
	ЦАСН	Нерешённость афганской проблемы, Справление США и ряда мусульманских стран к ослаблению позиций России в данном регионе	Вооружённый конфликт.	Обычные военные действия	5-15 лет	15-30 лет
	ВСН	Территориальные претензии Японии (Ф-ва Курильской гряды, о. Сахалин, п-ов Камчатка, часть территории Приморского края) при прямой поддержке США и НАТО во взаимодействии с южнокорейской армией	Вооружённый конфликт, локальная война, региональная война.	Военные действия против высокотехнологичного противника	5-15 лет	15-30 лет
Внутриевропейные	Артика	Президентский режим в Северной Европе, Северной Америке и др. странах приоритет ресурса региона	Вооружённый конфликт.	Специальные действия в рамках контртеррористических операций	До 5 лет	30-50 лет
	Территория Ре-Пивко/СКС	Сепаратизм, терроризм	Террористические акции, внутренний вооружённый конфликт	Обычные военные действия	До 5 лет	30-50 лет

Рис. 12.8. Характеристика военных угроз РФ и особенностей их стратегического характера

Россия и её союзники могут быть вовлечены в военные конфликты различного масштаба (рис. 12.8), имеющие целый ряд существенных черт, которые в комплексе позволяют выделить три основных вида конфликтов. Это обычные военные действия, в ходе которых противоборствующая сторона способна применять средства и технологии вооружённой борьбы, характерные для второй половины XX века, высокотехнологичные военные действия и военные действия против высокотехнологичного противника, использующего прорывные технологии при нивелировании роли ядерного оружия, как фактора сдерживания.

Наиболее типичными для Центрально-Азиатского и Юго-Западного стратегических направлений в ближайшей перспективе (до 15 лет), а также для внутренних военных конфликтов на перспективу до 30 лет будут военные конфликты с обычными военными действиями масштаба не более локальной войны. В этот же период вероятный противник — носитель военной угрозы на Западном, Восточном СНГ, а также в арктическом регионе будет способен вести высокотехнологичные военные действия, где разнородные группировки войск (сил) представляют собой крупные боевые суперсистемы, способные в реальном масштабе времени реагировать на изменения оперативной обстановки и опережать противника в применении средств огневого, радиоэлектронного и других видов поражения.

Наиболее опасная тенденция в стратегическом характере военных опасностей и угроз — появление и наращивание у вероятных противников возможностей по нивелированию роли ядерного оружия, как фактора стратегического сдерживания. Эта способность будет достигнута в случае реализации США и странами НАТО своих планов по противоракетной обороне, концепции «Мгновенного глобального удара» гиперскоростными ракетами в обычном снаряжении, а также при создании эффективного кибероружия, способного дезорганизовать российскую систему боевого управления СЯС.

Представляется, что основной чертой военных действий уже в перспективе 30–50 лет практически на всех стратегических направлениях будет применение высокотехнологичных средств вооружённой борьбы в сочетании с интенсивными информационно-психологическими действиями в условиях существенного снижения значения фактора стратегического ядерного сдерживания.

12.2. Сущность источников военной опасности, критерии оценки военных опасностей и военных угроз

12.2.1. Анализ источников военной опасности и угрозы

Оценка военных опасностей и угроз представляет собой творческий процесс анализа их генезиса, военно-политического и стратегического характера. Среди ведущих факторов, во многом определяющих характер военных опасностей и угроз и направленность мероприятий по их парированию является источник опасностей и угроз. Разработанная в разделе 12.1.1. классификация угроз национальной безопасности показывает их большое разнообразие, среди которых военные угрозы занимают весьма скромное место. В сущности, угроза национальной безопасности становится военной после возникновения у военно-политического руководства одного из субъектов намерения применить военную силу для достижения своих целей при силовом способе разрешения конфликта интересов. Это касается не всех видов угроз, выделенных по различным признакам, а лишь некоторых, что и показано на рис. 12.9.

В виду очевидной значимости обоснования мер парирования военных угроз, задача вскрытия сущности и разновидностей источников военных угроз является весьма актуальной. Очевидно,

Рис. 12.9. Виды военных угроз

что решение этой задачи может быть осуществлено в рамках разработки общей классификации источников опасностей и угроз национальной безопасности. Источником опасности и угрозы национальной безопасности является противоречие, возникшее в результате конфликта интересов взаимодействующих субъектов международных отношений (военно-политических отношений).

Конфликт интересов может возникнуть в случае, если взаимодействующий с РФ субъект международных отношений будет стремиться тем или иным способом нанести ущерб её национальным интересам. В таком случае, можно выделить группы противоречий — источников угроз национальной безопасности, формируемые по признаку — тип и наименование элемента национального достояния, на защите и развитии которого сосредоточен жизненно важный интерес России и на разрушении, девальвации или отчуждении которого сосредоточен политический интерес геополитического соперника.

Одновременно нужно разделять долговременные стратегические (геополитические интересы соперников), среднесрочные и тактические интересы (цели), которые могут ставить перед собой взаимодействующие на международной арене государственные или негосударственные акторы и их коалиции.

Источники опасностей и угроз национальной безопасности могут быть порождены как внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими противоречиями во всех аспектах внутренней и внешней политики взаимодействующих субъектов. При этом уровень развития и геополитическая роль противостоящих друг другу субъектов, в качестве которых могут быть ведущие страны мира и их коалиции, региональные державы или отдельные государства, зачастую определяет масштаб конфликта интересов и порождённого им противоречия.

Катастрофические стихийные или техногенные катаклизмы, как источники угрозы национальной безопасности также могут различаться по масштабам последствий. Соответственно, источник опасности и угрозы национальной безопасности может отражать её глобальный, региональный или локальный масштаб.

Очевидно, что возникновению военных угроз, направленных на отчуждение, захват территории, разрушение экономики, захват национального богатства (в т. ч. природных ресурсов и др.

материальных ценностей) и ликвидацию существующей государственной власти предшествуют различные конфликты интересов, общей чертой которых можно назвать антагонистичность противоречий, непримиримость конфликтующих сторон и их решимость в защиту своих интересов применить силы и средства вооружённой борьбы.

Ведущими стратегическими интересами (целями) геополитических противников России, мотивами агрессивной политики являются:

- устранение России из числа значимых игроков на международной арене для укрепления и пролонгации мирового доминирования западной цивилизации во главе с США;
- получение неограниченного доступа к природным ресурсам, которыми владеет Россия, для обеспечения дальнейшего благополучия западной цивилизации.

В обеспечение достижения этих целей внешняя финансово-экономическая политика США проводится путём реализации системы мероприятий, охватывающих все возможные сферы взаимодействия государств, общественных организаций, профессиональных сообществ, социальных групп и отдельных личностей при широком использовании современных средств коммуникации и информирования, психологического воздействия, прямого подкупа должностных лиц, политических, религиозных деятелей, представителей массовой культуры и т. п.

В качестве поводов для нагнетания напряжённости военно-политической обстановки являются территориальные претензии к России со стороны соседних государств, столкновение интересов России и других государств и их коалиций в политически неустойчивых приграничных и других регионах мира, политическая обстановка в которых прямо влияет на национальную безопасность нашей страны, а также мифическая российская военная угроза, якобы вытекающая из «имперских амбиций» России.

В качестве демонстративных стратегических политических целей западной цивилизации выступают — ликвидация «враждебного» прогрессу человечества «путинского режима» в России. Объединение сил Запада под флагом борьбы с варварской Россией происходит не впервые, и только рост экономического, военного потенциала России, социально-политического единства народов

нашей страны, широкое информирование мировой общественности об истинных целях российской внешней и внутренней политики способны обеспечить международную и национальную безопасность, как в настоящее время, так и в перспективе.

Перерастание военной опасности в военную угрозу становится целесообразным тогда, когда применение военной силы гарантированно обеспечит решение стратегических задач, связанных с разгромом противостоящих группировок войск (сил), дезорганизацией государственного и военного управления и лишением воли противника к сопротивлению. Своевременное установление начала этого процесса и контроль за его развитием, объективность получаемых в связи с этим оценок позволит формировать адекватные меры по предотвращению эскалации напряжённости военно-политической обстановки, парированию военной угрозы.

Возникновение непосредственной военной угрозы идентифицируется по признакам военно-технического характера, основными из которых являются:

- подготовка вооружённых сил к нападению (перевод вооружённых сил в высшие степени боевой готовности, развёртывание ударных группировок войск (сил) общего назначения, сил флота, в том числе авианосных ударных групп вблизи сухопутных и морских границ РФ и доведение запасов материальных средств до норм военного времени);
- наращивание оборонных потенциалов и военной мощи, активной разработкой и принятием на вооружение новых систем оружия и боевой техники (перевод предприятий ВПК на мобилизационные планы производства продукции военного назначения, частичная или полная мобилизация населения);
- заключение новых военных союзов или расширение состава действующих коалиций;
- уточнение конкретных планов ведения войны (проведение мероприятий оперативной и боевой подготовки в составе коалиционных группировок войск (сил), развёрнутых на стратегических и операционных направлениях у границ РФ;
- повышение интенсивности всех видов разведки в приграничных районах России, в том числе наращивание орбитальной группировки разведывательных и навигационных спутников вероятного противника;

- резкое повышение интенсивности и антироссийской направленности пропаганды в зарубежных и отечественных оппозиционных средствах массовой информации;
- нарастание случаев кибератак на объекты систем военного и государственного управления, управления объектов инфраструктуры.

Существенной особенностью современного межгосударственного и даже межцивилизационного противоборства является формирование и реализация широкого спектра невоенных угроз путём ведения информационных, финансово-экономических, психологических, идеологических войн и кампаний, результатом которых уже стала ликвидация СССР и утрата к середине 90-х годов прошлого века до 80% союзного ВВП, превращение братской Украины во враждебное России государство, формирование из республик Прибалтики антироссийски ориентированных государств.

12.2.2. Методика оценки и прогнозирования военных опасностей и военных угроз

Итак, оценка и прогнозирование военных опасностей и угроз имеет важнейшее практическое и теоретическое значение. Оно состоит в формировании совокупности исходных данных для обоснования мероприятий по строительству перспективного облика военной организации государства и применению Вооружённых Сил, других войск, воинских формирований и органов для обороны страны и обеспечения государственной и общественной безопасности на плановый период.

В основу предложенной методики положена модель взаимодействия основных факторов, в качестве одного из результатов которых рассматривается военная опасность и угроза. Сущность этой модели, перечень и взаимодействие факторов, формирующих военные опасности и угрозы, а также достигаемую военную безопасность РФ или любого другого субъекта военной политики показаны на рис. 12.10. Эта модель отражает результаты проделанных исследований по сущности, характеру военных опасностей и угроз и их генезису.

Субъекты военно-политических отношений взаимодействуют между собой, проводя политику, стремясь достичь своих

(национальных) интересов. В процессе этого взаимодействия неизбежно возникают конфликты интересов. Проводя внешнюю политику, каждый из акторов использует различные испытанные временем приёмы, где всегда присутствуют попытки введения своего визави в заблуждение относительно действительной цели, декларируемых намерений, их обоснованности, как с позиций международного права, так и с позиции силы.

Рис. 12.10. Принципиальная схема взаимодействия факторов, определяющих военную опасность, военную угрозу и достигаемую степень военной безопасности

Так или иначе, у любого конфликта интересов существует внешняя сторона, отражающая нарастание военно-политической напряжённости за счёт демонстрации политических намерений. Это состояние напряжённости можно отразить таким показателем, как «конфликтный потенциал намерений». Его сущность была хорошо проиллюстрирована в период подготовки и в ходе агрессии Грузии против Южной Осетии, начавшейся с вооруженного нападения на российских миротворцев. Тогда Грузия демонстрировала агрессивные намерения против Южной Осетии и начала эту агрессию, переоценив не только свои собственные силы, но и масштаб поддержки

со стороны США, что привело к военному поражению и признанию Россией независимости Южной Осетии и Абхазии.

Силовое обеспечение проводимой субъектом военно-политических отношений политики — лучший способ обоснования его политических намерений. Превосходство в силах, к сожалению или к счастью, — важнейший аргумент в политическом диалоге. Влияние фактора соотношения военных потенциалов конфликтующих сторон можно отразить с помощью показателя «конфликтный потенциал соотношения сил сторон (P_s)». Взаимодействуя с конфликтным потенциалом намерений, этот потенциал может либо усилить напряжённость реальной военно-политической обстановки, что происходит при превосходстве носителя военной опасности или угрозы в силах, либо снизить её, если превосходство в силах на стороне объекта угрозы. Здесь необходимо подчеркнуть, что в методике исследуется модель взаимодействия факторов, отражающих агрессивность политики субъектов МО, поэтому отношения между военно-политическими союзниками не рассматриваются.

В зависимости от состояния напряжённости военно-политической обстановки в отношениях между сторонами противоречия, которое, повторим, есть результат конфликта интересов, формируется военная опасность или военная угроза. Состояние напряжённости военно-политической напряжённости хорошо отражается в понятии «обобщённый конфликтный потенциал ($P_{ко}$)», поскольку в нём синтезирован результат взаимодействия таких факторов, как политические намерения и соотношение сил конфликтующих сторон. Для измерения напряжённости военно-политической обстановки разработана шкала критериев (см. табл. 12.2).

Значение этого потенциала ($P_{ко}$) характеризует абсолютный уровень военной угрозы, для парирования которой со стороны объекта угрозы предпринимаются меры стратегического сдерживания, в том числе и силового (ядерного и неядерного). Возможности сил стратегического сдерживания можно оценить по показателю «потенциал стратегического сдерживания». В результате взаимодействия обобщённого конфликтного потенциала и потенциала стратегического сдерживания образуется потенциал военной угрозы ($P_{ау}$), который представляет собой не скомпенсированную действием сил стратегического сдерживания часть обобщённого конфликтного потенциала.

Таблица 12.2. Состояния военно-политической обстановки и критерии её оценки⁵¹⁹

Состояния военно-политической обстановки	Критерии оценки напряженности военно-политической обстановки ($P_{ко}$)
<p>Спокойная. Преобладают мирные, добрососедские, партнерские или даже дружеские отношения между сторонами, военная опасность отсутствует или весьма низка. Военные угрозы не формируются.</p>	$0 \leq P_{ко} < 0,5$
<p>Напряженная. Между сторонами по каким-либо направлениям возникают и усиливаются противоречия; формируется потенциальная военная опасность, потенциальная военная угроза.</p>	$0,5 \leq P_{ко} < 1$
<p>Кризисная. Резкое нарушение сложившихся отношений, формируется реальная военная опасность, возникает военная угроза, возможность возникновения военного конфликта; вероятность войны.</p>	$1 \leq P_{ко} < 2$
<p>Конфликтная. Применение оружия в ограниченных масштабах. Существует реальная военная опасность и военная угроза. Существует непосредственная возможность возникновения военного конфликта; высокая вероятность войны.</p>	$2 \leq P_{ко} < 3$
<p>Военное столкновение. Главные характеристики обстановки — особенности, масштабы и ход военных действий, возможности и условия прекращения военного конфликта или его расширения, факторы, влияющие на его ход и результаты</p>	$P_{ко} > 3$

⁵¹⁹ Шкала измерения всех используемых в методике потенциалов одинакова — от 0 до 3 условных единиц.

Очевидно, что если потенциал стратегического сдерживания превышает по своему значению обобщённый конфликтный потенциал, то потенциал военной угрозы равен нулю. Таким образом, полученное значение потенциала военной угрозы показывает реальные возможности нанесения ущерба объекту обеспечения военной безопасности. В самом общем виде основные показатели методики оценки потенциала военной угрозы и порядок их определения представлены на рис. 12.11.

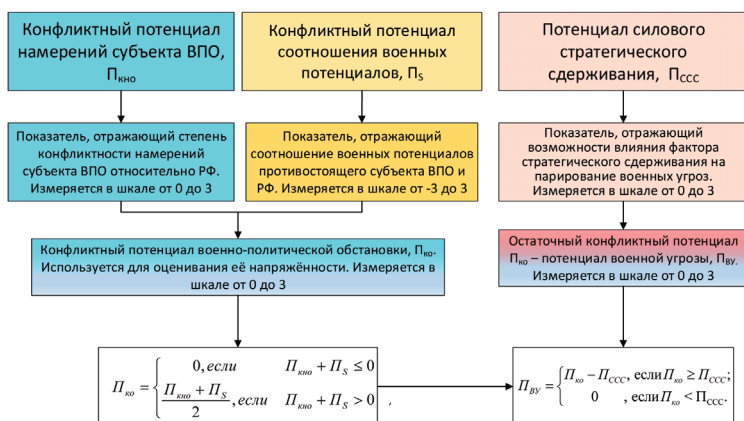

Рисунок 12.11. Основные показатели методики оценки потенциала военной угрозы

В методике оценки военной безопасности обоснованы частные методики и шкалы для корректного соизмерения применяемых показателей, что является обязательным атрибутом подобного рода методик, но не требуется для пояснения смысла предлагаемых рассуждений.

Для принятия решения о повышении военной безопасности необходимо получить оценки уровня военной угрозы, то есть сформировать критерии её оценки. Получение таких результатов, как источник, носитель, военно-политический и стратегический характер, а также потенциал является важным, но лишь промежуточным этапом работы по оцениванию военной опасности или угрозы. Она завершается получением оценочных суждений о достигаемой степени военной безопасности. То есть оценок о возможности

парирования военных угроз имеющимися силами и средствами, о степени соответствия достигаемой степени военной безопасности её требуемому уровню и о необходимости формирования новых, дополнительных мер по снижению напряжённости военно-политической обстановки, снижению потенциала военной угрозы, устранению источника имеющихся противоречий или снижения его антагонистичности.

Оценка военной угрозы есть оценка военной безопасности. Как указано в Военной доктрине, «военная безопасность Российской Федерации (далее — военная безопасность) — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять»

Состояние защищённости в сущности есть психологическая оценка остаточного уровня (потенциала) и характера военной угрозы, которая и представляет собой оценку достигаемой степени военной безопасности. Способность противостоять военной угрозе характеризуется оставшимся после применения мер стратегического сдерживания не скомпенсированным конфликтным потенциалом, то есть собственно потенциалом военной угрозы. Представляется, что потенциал военной угрозы адекватно отражает функцию военной угрозы по нанесению ущерба объекту угрозы, так как уже учитывает меры её парирования.

Критерии оценки должны, прежде всего, отражать цель выработки оценочного суждения, и существо оценок, которые формируются после применения избранного решающего правила. Главное назначение оценок военных опасностей и угроз — оценка степени достигаемого уровня военной безопасности её требуемому уровню. Затем следуют выводы о перечне и содержании функциональных задач военной организации, задач стратегического сдерживания, оценки степени соответствия военной организации требованиям, вытекающим из характера военных опасностей и угроз, в том числе требованиям к уровню решения задач военной организации и её компонентов.

Психологические оценки потенциала военной угрозы, в конечном счёте, делает лицо, принимающее решение, в роли ко-

торого выступает Военно-политическое руководство страны во главе с Президентом России. Вместе с тем, в системе поддержки принимаемых решений, в каком бы виде она не существовала — в виде круга доверенных экспертов (например, Совет безопасности), в виде автоматизированной системы с соответствующими программными комплексами, должна быть разработана шкала критериев, где каждому уровню шкалы должен быть сопоставлен потенциал военной угрозы. Пример такой шкалы (рис. 12.12) разработан в методике оценки военной безопасности⁵²⁰.

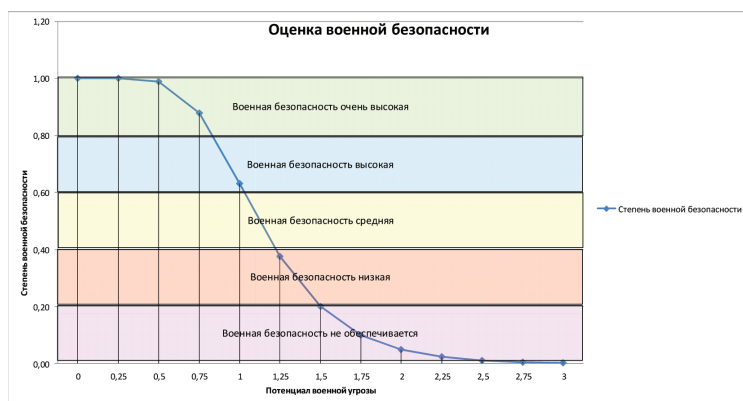

Рис. 12.12. Критериальная шкала оценки военной безопасности в зависимости от потенциала военной угрозы

Шкала построена с использованием известной функции желательности Харрингтона, широко используемой в теории планирования эксперимента для получения психологических оценок качества исследуемых в ходе экспериментов явлений по величине их одного из важнейших свойств. Подобные результаты можно получить и другими способами, например с помощью экспертного опроса с применением метода анализа иерархий, предложенного Т. Л. Саати⁵²¹. Наконец, можно просто ограничиться оценкой

⁵²⁰ Цырендоржиев С. Р. О количественной оценке степени военной безопасности // Военная мысль. 2014. № 10. С. 27–40.

⁵²¹ Саати Т. Л. Принятие решений. Метод анализа иерархий. — М.: Радио и связь, 1989.

достигаемой степени военной безопасности при данном потенциале военной угрозы лица, принимающего решение.

Из рисунка видно, что при значениях $P_{\text{ву}}$ свыше 1,5 военная безопасность не обеспечивается, а высокая военная безопасность соответствует значениям потенциала военной угрозы от 0,8 до 1,1. Весьма информативными могут быть результаты оценки потенциала военной опасности и угрозы в зависимости от конфликтного потенциала соотношения сил. Из несложных расчётов нетрудно видеть, что при существенном превосходстве противника над страной-жертвой в военном потенциале, компенсация конфликтного потенциала напряжённости военно-политической обстановки возможна двумя способами: за счёт потенциала стратегического сдерживания, а также за счёт повышения собственного военного потенциала этой страны, под которым здесь понимается совокупность военно-экономического, военно-политического и собственно военного потенциала.

Направлений укрепления военного потенциала и потенциала стратегического сдерживания может быть множество и здесь также не обойтись без системы критериев, выстроенных в некую шкалу. Её применение позволит конкретизировать цели модернизации экономики, военного строительства и укрепления политического единства общества по срокам и достигаемым в эти сроки результатам в условиях развития, которые пока возможно обеспечить за счёт существования фактора стратегического сдерживания.

Не менее важным может оказаться результат анализа влияния фактора политических намерений военно-политического руководства страны-противника, которые в методике оцениваются с помощью показателя «конфликтный потенциал намерений» $P_{\text{ко}}$. Здесь появляется обширное поле для применения различного рода невоенных мер снижения конфликтности военно-политической обстановки. Для критериальной оценки эффективности этих мер может также послужить шкала оценки потенциала военной угрозы и военной безопасности. Наиболее результативными можно считать те невоенные (политико-дипломатические, экономические и иные) меры, при применении которых удастся снизить $P_{\text{ву}}$ до значений, соответствующих требуемой степени военной безопасности при заданной величине потенциала стратегического силового сдерживания.

12.3. Классификация источников военных опасностей и угроз

Политические отношения есть результат взаимодействия субъектов международных отношений при проведении ими политики по реализации национальных интересов сторон, в которых выражаются насущные или перспективные потребности государств или иных политических образований к существованию или развитию. Всякое государство стремится не только сохранить свою целостность, суверенитет, но и создать условия для дальнейшего движения вперед. Именно в сфере политических отношений, в конечном счете, оформляются национально-государственные интересы стран, политические позиции партий, классов, социальных групп, других политических сил общества. В этой сфере, как в фокусе собираются все другие противоречия системы общественных отношений: экономические, социальные, духовные, межнациональные, религиозные и иные.

Источником военной опасности могут служить, например, экономические претензии сторон на одни и те же запасы и рынки сырья, сбыта продукции, на определенные богатые природными ресурсами районы суши и мирового океана. Военную опасность для государств могут представлять так называемые экономические, торговые и финансовые войны, являющиеся следствием конфликта интересов в финансово-экономической сфере и в сфере борьбы за рынки сбыта, если они не находят компромиссного разрешения. Не меньшую опасность для существования страны имеют обостряющиеся внутренние экономические противоречия между социальными группами, классами, политическими партиями из-за права владения собственностью, управления экономикой страны и т. д.

Источником гражданской войны Севера и Юга США в прошлом веке стали обострившиеся противоречия по поводу использования рабского труда. И хотя за лозунгом освобождения негров от рабства стояли глубокие причины, связанные с переходом к новой более прогрессивной системе производства, главный источник войны все равно находился в сфере экономических отношений.

Источник военной опасности может лежать в области духовно-идеологической, в сфере этнонациональных и религиозных

отношений. В истории есть немало примеров, когда военные конфликты вызывались резкими противоречиями на почве идеологии, когда войны велись во имя торжества веры или спасения духовной культуры народов. Например, одним из серьезных источников военной опасности для СССР перед нападением фашистской Германии были непримиримые противоречия между коммунистической и национал-социалистической, фашистской идеологиями.

Военные конфликты на этнонациональной и религиозной основах являются скорее правилом, чем исключением даже для современного периода исторического развития. Например, лидеры исламского фундаментализма с его жесткими канонами и жесткими методами борьбы с иноверцами нередко и теперь делают ставку на военную силу для утверждения своей идеологии. Таким образом, борьба идеологий, если она ведется непримиримыми противниками, есть источник военной опасности.

Источники военной опасности, в конечном счёте, как правило, проявляют себя в военной области. Эта область деятельности государства чрезвычайно многогранна. Она включает в себя: сферы межгосударственных и внутригосударственных отношений между субъектами военной политики (военно-политическим и собственно военным руководством государств, вооруженными силами стран или вооруженными формированиями сторон, органами законодательной и исполнительной власти, ведающими вопросами обороны и военной безопасности); военно-техническое сотрудничество и борьба за рынки сбыта продукции военного назначения, производство военной техники и вооружения; военно-научную деятельность; различные сферы военного строительства (боевой состав вооружённых сил и, в том числе сил стратегического сдерживания, дислокация, состав и боевая готовность стратегических группировок войск (сил); это и деятельность вооруженных сил и других силовых структур, связанных с организацией обороны страны.

В военной области, в конечном счете, материализуются основные военно-политические интересы государства, политических сил общества. Государства, как носители военной безопасности, представляющие одну из сторон различного рода противоречий — источников военных опасностей и угроз, здесь приобретают реальные очертания в виде войсковых формирований, арсеналов вооружений, боевой техники, практических действий вооруженных сил. Резкое

наращивание производства вооружений или развертывание мобилизационных резервов, усиление боевой подготовки войск (сил), проведение маневров или учений крупных группировок, сосредоточение войск вблизи границ государства и т. п. — все это означает, что военная опасность становится реальной и превращается в непосредственную военную угрозу для противостоящей стороны. Превосходство, одной из сторон противоречия, в военной силе создаёт соблазн ее применения, формирует обманчивое представление о лёгкости достижения своих политических и стратегических целей без предпринятия долгих и малоэффективных политико-дипломатических мер по урегулированию конфликта интересов. С этих позиций наращивание военной силы может стать самостоятельным источником военной опасности и угрозы, в особенности, если это подкреплено политической традицией и агрессивными намерениями военно-политического руководства страны.

Источники военной опасности могут держаться и в некоторых других областях жизнедеятельности общества, например, в сфере социальных отношений, защиты окружающей среды (экологическая сфера), обеспечения информационной безопасности. Противоречия в социальной сфере, доведенные до крайности, могут закончиться вооруженным конфликтом и угрожать целостности государства. При этом социальные противоречия, как правило, являются внутренним источником военной опасности, поскольку они в основном отражают отношения между социальными слоями данного государства и регулируются собственными структурами представительной и исполнительной власти.

Таким образом, классификацию источников военной опасности можно проводить по самым различным основаниям. В рассмотренных выше примерах основанием для их классификации была избрана структура содержания жизнедеятельности общества, то есть были показаны основные сферы общественных отношений, в которых могут находиться источники военной опасности. Такой подход позволяет определить корни возникновения противоречий, способных привести к вооруженному конфликту, и характер действующего источника (политический, экономический и т. д.).

Источники военной опасности можно также классифицировать по масштабам вызываемых ими военных конфликтов (локальные, региональные, глобальные); по времени действия (постоянные, дли-

тельные, периодические, эпизодические, одномоментные); по силе воздействия (мощные, сильные, умеренные, слабые); по направленности воздействия (внешние, внутренние); по характеру воздействия на государство, его внутреннюю структуру и связи с внешней средой (источники опасности существованию, развитию, ускоренному прогрессу; опасности изоляции, равноправным отношениям с партнерами, нарушения автономности страны, установления полной зависимости от внешнего мира и т. п.); по способам воздействия на состояние военно-политических отношений (источники прямой, косвенной опасности; общей, комплексной, частичной) и т. д.

Наличие столь значительного числа признаков затрудняет возможность создания единой системы классификации источников военной опасности. Еще более сложно определить их иерархическую зависимость в системе. Проведение этой работы требует специальных исследований. Здесь же представляется возможным высказать ряд положений, которые, по нашему мнению, могут в известной степени помочь решению этой задачи.

1. Прежде всего, классификацию источников военной опасности следует проводить каждый раз по строго определенному основанию (например, по масштабам воздействия, либо по длительности действия, либо по силе действия и т. д.). Ни в коем случае нельзя в один ряд ставить источники, выявленные по разным основаниям, ибо это ведет к усложнению процесса нахождения источников.
2. Далее, всякий источник военной опасности, как правило, имеет многомерную характеристику: например, названный в военной доктрине Российской Федерации в качестве основного источника военной опасности — территориальные претензии других государств к Российской Федерации и ее союзникам, может быть охарактеризован и как источник внешней опасности, и как локальный или региональный (в зависимости от конкретных условий), и как длительного или периодического действия и т. д. Подобный подход заставляет военного исследователя или политолога всесторонне оценить выявленный источник и выработать комплекс предложений по локализации возможных последствий.
3. Кроме того, на основе всесторонних оценок большого числа выявленных по разным основаниям источников можно выделить наиболее общие из них, более всего угрожающие су-

ществованию государства или препятствующие его развитию. Именно таким образом поступили авторы Военной доктрины 2010 и 2014 годов, вычленив основные существующие и потенциальные источники военной опасности для Российской Федерации как внешние, так и внутренние⁵²².

Однако при всей очевидности положительного факта определения источников военной опасности и военных угроз для России, даже авторы такого основополагающего концептуально-правового документа как военная доктрина не смогли избежать неточностей. В один ряд ими поставлены и потенциальные и существующие военные опасности, не сделали они различия между источниками военной опасности и источниками военных угроз. После выхода в свет Военной доктрины 2014 года, она снова подверглась критике экспертного сообщества⁵²³.

В результате практическим организаторам и руководителям процесса военного строительства, да и тем, кто отвечает за военную политику страны, сложно избрать приоритеты в своей деятельности. Поэтому и при подобном прагматическом подходе нужно точнее классифицировать источники военных опасностей и угроз.

Источниками военной опасности могут также выступать самые различные явления и процессы общественной жизни и даже природной среды (геополитические и экологические факторы). Однако главными все же следует считать противоречия общественной жизни. Именно анализ реально существующих противоречий между субъектами общественных отношений выводит исследователя и практика на истинный путь в решении проблем военной безопасности страны. Война, вооруженный конфликт — есть процесс разрешения противоречий силовыми методами. Это заставляет выяснять природу противоречий, причины их возникновения, определить интересы сторон, возможные силы, средства и способы защиты этих интересов. Отсюда возникает необходимость постоянного отслеживания военно-политической обстановки, изучения текущих и долгосрочных национально-государственных интересов не только очевидных для современного периода, но и вероятных в будущем, противников своего государства.

⁵²² <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=172989>

⁵²³ http://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/VPK_04_570.pdf

4. И, наконец, для выработки наиболее целесообразного курса Правительства РФ в области военного строительства, и особенно строительства Вооруженных сил страны на долгосрочный период, главное внимание необходимо уделить изучению военных опасностей в тех областях общественной жизни, которые определяют лицо государства (экономика, социальная сфера, политика). Здесь в первую очередь лежат основные источники военной опасности, особенно для такой большой страны как Россия, которые могут создать условия для возникновения крупного военного конфликта.

Субординация источников военной опасности может быть определена на основе исследования взаимосвязи и зависимости самих опасностей. Если определяющую роль для существования страны играет военная опасность, возникающая на почве экономических отношений, то и источник военной опасности, вызывающий ее, должен быть поставлен на соответствующее место в иерархической системе.

Все источники военной опасности тесно связаны между собой и вместе характеризуют состояние военной напряженности в стране, обществе, между государствами. Детальная классификация источников военной опасности имеет смысл лишь при проведении научных исследований, разработке методик и практических рекомендаций военно-политическому руководству страны, подготовке соответствующих информационно-аналитических материалов. Причем, для принятия конкретных военно-политических решений не подойдут многочисленные классификационные таблицы, содержащие десятки и сотни характеристик источников по разным основаниям, уровням, признакам. Здесь необходимы обобщенные данные по определенным вопросам.

При рассмотрении критериев оценки военных опасностей и военных угроз для страны необходимо учесть несколько важных положений. Как уже отмечалось, военные опасности и военные угрозы для страны есть конкретные проявления реально существующих или прогнозируемых в будущем противоречий в отношениях между государствами, их коалициями, социальными слоями или группами людей, другими субъектами политики.

Оценку военных опасностей и военных угроз можно делать по ряду критериев: масштабности, временным показателям, степени напряженности, направленности воздействия, возможным резуль-

татам и т. д. Указанные критерии применимы для оценки, как потенциальных военных опасностей, так и реальных военных угроз.

По масштабам военная опасность для России может быть самой различной: глобальной (втягивание страны в мировую ядерную или крупномасштабную обычную войну), региональной (опасность развязывания военных конфликтов в ряде регионов) и локальной (местной) — локальные войны и вооруженные конфликты. Масштаб военной опасности определяется конкретными количественно-качественными характеристиками военных потенциалов противодействующих сторон, размером территории, на которой возможен военный конфликт, степенью вовлеченности других стран, политических сил в военно-политическое противостояние.

Например, военная опасность, связанная с возможным применением ядерного оружия, которая по-прежнему сохраняется в мире, несмотря на произошедшие изменения, для России не может быть иной, чем глобальная. В любом случае, даже если вероятный противник попытается применить ядерные средства избирательно, ограничить потолок до уровня тактических средств, неизбежна эскалация конфликта в большую войну с втягиванием в нее огромного числа стран, в том числе и безъядерных. Последствия такой войны не сложно предсказать. Иными словами, если источником военной опасности выступает государство или коалиция государств, имеющих ядерное оружие, то военный конфликт, если его не удастся остановить, перерастет в мировую ядерную войну. Такая военная опасность будет глобальной, всеобщей.

Региональные военные опасности вызываются противоречиями между относительно крупными государствами мира либо между коалициями стран в отдельных регионах планеты. Эта опасность может привести к военному конфликту в определенных районах земного шара. В него могут быть втянуты значительные военные силы. Как правило, военная опасность регионального масштаба затрагивает интересы ведущих мировых держав, которые могут поддерживать напряженность в регионе путем оказания дипломатической, экономической и даже военной помощи противостоящим сторонам. Региональная военная опасность для Российской Федерации реально существует, например, на ее южных границах (Северокавказский, Среднеазиатский регионы), потенциальная военная опасность такого масштаба — на Дальнем Востоке и в Европе.

По временным показателям, длительности времени, в течение которого сохраняется военная опасность, ее можно разделить на постоянную, длительную, периодическую, эпизодическую. Постоянная военная опасность для государства может исходить из устойчивых территориальных споров с сопредельным государством (Турция — Греция), этнонациональных противоречий между странами или национальными образованиями внутри них (Азербайджан — Армения, грузино-осетинские противоречия, Северная Осетия — Ингушетия, Англия — Ольстер, югославский узел противоречий и т. п.).

Длительная военная опасность, как правило, сохраняется из-за неурегулированных вопросов межгосударственных отношений по спорным проблемам экономического характера. Пока существуют острые противоречия между различными социальными слоями населения внутри страны на почве неравноправного политического или тяжелого экономического положения одних и резкого обогащения других — будет сохраняться опасность гражданской войны. Потенциальная военная опасность такого рода существует и для России.

Кроме постоянной и длительной военной опасности для нашей страны, существуют военные опасности эпизодические и периодические. Периодические (систематические) военные опасности для Российской Федерации имеют своим источником, например, то стихающие, то обостряющиеся территориальные противоречия с Китаем, что на протяжении двадцатого столетия приводило к вооруженным конфликтам (на КВЖД и острове Даманский). Еще более остро проявляются русско-японские противоречия по Курильским островам и острову Сахалин (две войны в XX веке, не считая участия Японии в гражданской войне в России 1918–1922 гг.).

По степени напряженности военные опасности могут характеризоваться как тотальная (всеобщая) военная опасность, способная затронуть все стороны жизни общества, государства и угрожать самим основам его существования; высокая — оказывающая воздействие на главные сферы жизнедеятельности страны и требующая значительных усилий государства по обеспечению своей безопасности; умеренная; слабая. Две последние соответственно имеют менее жесткие характеристики и не требуют всеобъемлющих усилий государства для противодействия их негативному влиянию на развитие общества.

Военные опасности можно различать и по направленности воздействия на объекты жизнедеятельности государства или общества, на разрушение которых направляются усилия противоборствующих сторон. Это может быть опасность разрушения экономической системы или политического устройства страны, уничтожения ее оборонного могущества или отторжения территории, захвата источников сырья или другие цели. В недалеком прошлом военная опасность со стороны США и стран НАТО для СССР носила многоцелевую направленность.

После распада Советского Союза и резкого ослабления военного могущества России эта опасность со стороны НАТО сохраняется, однако, ее направленность теперь изменилась. США и НАТО поддерживают напряженность военно-политических отношений с Россией, но при этом ставят избирательные цели: продолжать ослабление обороноспособности страны, не допускать Россию в военные союзы, воспретить доступ к новым военным технологиям, закрыть для нее рынки вооружения, ограничить военное влияние России на страны ближнего зарубежья и т. д. Поэтому в новых условиях, определяя характер военной опасности для России, необходимо более точно выявить конкретную направленность этой опасности.

Проведение классификации источников военной опасности, определение критериев этих опасностей и угроз имеет не только теоретическое значение для исследования проблем военной безопасности страны, но и способствует выработке исходных установок для прогнозирования военных опасностей и угроз, а также методических установок для практического проведения этой работы.

12.4. Основные черты и особенности военных конфликтов до 2020–2024 годов и далее

Война — сложное социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между

государствами, народами, нациями, классами и социальными группами⁵²⁴. Война может осуществляться в виде военных конфликтов разного уровня.

Военный конфликт представляет собой форму разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы. Данное понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты. При этом вооруженный конфликт рассматривается как вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или силами противостоящими в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт). По существующим положениям руководящих документов МО РФ, а также ряда федеральных законов, вооруженные конфликты могут быть внутренними (ВВК), а также международными, как правило, приграничными (то есть военные действия ведутся в приграничных районах для разрешения различных противоречий между государствами).

Приграничные международные вооруженные конфликты могут возникать, как правило, в результате вооружённого нападения на РФ с целью удовлетворения территориальных претензий агрессора. Для локализации такого конфликта и разгрома вторгшихся на территорию РФ группировок противника могут быть привлечены войска приграничных военных округов и флотов во взаимодействии с воинскими формированиями Внутренних войск МВД и формирований пограничной службы ФСБ России. В ходе таких конфликтов могут быть подготовлены и проведены операции по принуждению противника к миру на выгодных для России условиях.

В настоящее время, в современной военно-политической обстановке, все большее распространение получают вооруженные конфликты, которые могут быть внутренними — вследствие обострения внутренних противоречий (они могут при определенных условиях перерасти в гражданские войны) или, что может быть гораздо вероятнее, — трансграничными, где формирование и обеспечение незаконных вооружённых формирований будет

⁵²⁴ Военно-энциклопедический словарь. — Москва, 2009. С. 205.

осуществляться из-за рубежа за счёт сил и средств геополитических соперников России. При разрешении противоречий во внутреннем вооруженном конфликте ВС РФ, другие войска и органы могут, в зависимости от масштаба конфликта и состава противостоящей стороны (иррегулярных и террористических формирований, сепаратистских группировок) проводить специальную или контр-террористическую операцию объединенной группировкой войск (сил). Группировка войск (сил) для разрешения таких конфликтов создается за счет располагаемых на данных стратегических (операционных) направлениях соединений (частей) и объединений видов ВС РФ, формирований органов пограничной службы ФСБ, а также внутренних войск МВД РФ.

Характерными чертами вооруженных конфликтов являются: применение регулярных войск (сил) и иррегулярных вооруженных формирований; активизация диверсионных и террористических действий; опасность трансформации в локальную войну; вовлечение в вооруженный конфликт большей части местного населения и его уязвимость; ведение очаговых боевых действий; ограничения в масштабах и способах применения средств вооруженной борьбы; привлечение значительных сил и средств для защиты важных объектов жизнеобеспечения, объектов инфраструктуры и государственного управления, транспорта и районов расположения войск (сил); сложность морально-психологической обстановки, в которой действуют войска (силы).

На масштабы и характер вооруженных конфликтов значительное влияние будут оказывать военно-политические цели непосредственно участвующих в конфликте государств (сторон), количественный и качественный состав вооруженных сил, других воинских и иррегулярных вооруженных формирований, принимающих участие в военных действиях, а также степень вовлечения в него государств, оказывающих противоборствующим сторонам политическую, экономическую и военную помощь в различных формах.

Локальная война — война, в которой преследуются ограниченные военно-политические цели, военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и, которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные; экономические; политические и другие).

Локальная война, как правило, потребует ведения военных действий в форме операций группировки войск (сил) на стратегическом направлении, с привлечением в её состав всех войск и сил, развёрнутых на территории военного округа, а также соединений и частей Центра. Для этой цели потребуются оперативная переброска войск (сил) из состава других военных округов, флотов, Воздушно-десантных войск, Дальней авиации и Военно-транспортной авиации от ВВС, Командования Специальных операций. Группировка войск (сил) по своему составу будет межвидовой, межведомственной, а на ряде стратегических направлений и коалиционной (где имеются союзные государства) и должна быть способной в короткие сроки локализовать военный конфликт и не допустить его эскалации, обеспечить разгром вторгшихся группировок войск (сил) противника и принудить его к прекращению военных действий и заключению мира на выгодных для России условиях.

Региональная война — война с участием нескольких государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами в ходе, которой стороны преследуют важные военно-политические цели. Для отражения агрессии регионального масштаба потребуются привлечения всех сил и средств ОСК на вышеназванных стратегических направлениях, Центрального подчинения и привлечения войск (сил) с других направлений (ОСК, военных округов и флотов) за счет перегруппировок различными способами. Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства.

Решение о применении ядерного оружия принимается Президентом Российской Федерации.

Крупномасштабная война — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны преследуют радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с привлечением значительного количества государств разных ре-

гионов мира. Эта война потребует мобилизации всех имеющихся материальных и духовных сил государств-участников.

В п. 12.1. показано, что в настоящее время и в перспективе, следует различать по особенностям стратегического характера три основных вида военных конфликтов, где основным содержанием будут:

- А) военные действия против обычного противника;
- Б) военные действия против высокотехнологичного противника;
- В) военные действия против высокотехнологичного противника, обладающего средствами вооружённой борьбы, использующими прорывные технологии, способными нивелировать фактор стратегического ядерного сдерживания.

Формы и способы военных действий против обычного противника, не имеющего на вооружении высокоточных средств поражения современных технических средств разведки и управления, средств радиоэлектронной борьбы будут с его стороны традиционными. В качестве примеров таких военных действий можно привести военные действия ВС Украины в гражданской войне в Донецкой и Луганской областях, военные действия ВС Грузии в агрессии против Южной Осетии, военные действия незаконных вооружённых формирований ИГИЛ против ВС Сирии.

Во всех этих военных конфликтах главным содержанием военных действий, которые, как правило, велись на отдельных направлениях, являлись огневые артиллерийские удары обычно с ограниченным применением авиации, вслед за которыми под прикрытием бронетехники тактические группы в составе от 1–2 батальонов до бригады переходили в наступление для захвата населенного пункта или его ключевой в тактическом отношении части, господствующей высоты или важного объекта инфраструктуры. Военные действия оперативного и, тем более стратегического масштаба не проводились.

Участие Российских ВКС в войне ВС Сирии против террористической организации ИГИЛ (ДАИШ) придало новые характерные черты этому конфликту. Российские ВКС во взаимодействии с силами ВМФ, применявшими высокоточное оружие большой дальности (ВТО БД) сыграли роль сил стратегического неядерного сдерживания, что легко прогнозируется при отражении возможной военной агрессии против РФ в любом из описанных сценариях военных конфликтов (см. п. 12.1.).

Однако в отличие от войны против обычного противника, военные действия против высокотехнологичного противника будут характеризоваться следующим:

- а) комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций;
- б) массированное применение систем вооружения и военной техники, высокоточного, гиперзвукового оружия, средств радиоэлектронной борьбы, оружия на новых физических принципах, сопоставимого по эффективности с ядерным оружием, информационно-управляющих систем, а также беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружения и военной техники;
- в) воздействие на противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном пространстве, в воздушно-космическом пространстве, на суше и море;
- г) избирательность и высокая степень поражения объектов, быстрота маневра войсками (силами) и огнем, применение различных мобильных группировок войск (сил);
- д) сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий;
- е) усиление централизации и автоматизации управления войсками и оружием в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием;
- ж) создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий;
- з) участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний;
- и) применение непрямых и асимметричных способов действий;
- к) использование финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений.

В отдаленной перспективе можно предполагать возможность появления у вероятных противников, прежде всего у ВС США, оружия, основанного на прорывных технологиях, способных нивелировать фактор стратегического ядерного сдерживания. Война против такого противника будет носить жестокий истребительный

характер и ее основным содержанием неминусом станут стратегические воздушно-космические операции с применением ракетно-ядерного оружия. Такая война чревата гибелью человеческой цивилизации или прекращением её развития на продолжительный, в историческом измерении срок.

Подобная перспектива исторической судьбы человечества не является секретом ни для кого. Поэтому появляются, так называемые «нетрадиционные войны (вооруженные конфликты)», ставящие в качестве приоритетных задач духовное, идеологическое, национальное, религиозное, экономическое, политическое и другие виды подавления противостоящей стороны. В этом контексте, собственно вооруженная борьба отходит на второй план, так как другие виды протоборства приобретают самостоятельный и все более значимый характер для достижения военно-политических целей войны (вооруженного конфликта).

Война, как это было уже отмечено в трудах Сунь-Цзы (IV век до н. э.), довольно дорогое удовольствие, если она не позволяет получить реальные дивиденды от ее результатов. Так, десятилетнее присутствие 40-й армии ВС СССР в Афганистане и средства на поддержку режима потребовали от Советского Союза около 100 млрд долларов (не в нынешних ценах). А реальный экономически-финансовый эффект от этого, да и политический, довольно туманный.

Военные кампании США в Афганистане и Ираке обошлись значительно дороже. На Ирак государство затратило 1,7 трлн долларов и 490 млрд ушли на выплату льгот ветеранам. В целом же на военные действия США в Афганистане и Ираке затрачено в пределах от 3-х до 4-х трлн долларов, а в ближайшей перспективе (в течение 40 лет) эта сумма может возрасти до 6 трлн долларов.

В связи с этим администрация США пришла к выводу, что необходимо изменить отношение к способам достижения военно-политических целей. Следует, учитывая уже имеющийся опыт, а также с учетом новых средств вооруженной борьбы, несколько по иному подойти к содержанию военных действий в войнах и вооруженных конфликтах. В большей степени следует базироваться на таких способах как информационная война, идеологические и информационно-психологические операции, внедрение агентов влияния в высшее военно-политическое руководство, использование

«пятой колонны», деструктивной оппозиции, исламского фактора, экономических и финансовых рычагов, а также угрозы применения военной силы.

Соответствующие приемы и методики были выработаны еще в годы «холодной войны». Это, прежде всего, активная идеологическая борьба, ведение информационных войн и проведение активных психологических операций, создание управляемой оппозиции («пятой колонны»), активное использование скрытых предателей среди политического истеблишмента стран, то есть внедрения так называемых «агентов влияния» (в СССР примером могут служить Горбачев, Шеварднадзе и ряд других бывших высших руководителей страны). Помимо этого, широко стала использоваться идея национальных революций, вносимых извне, организация внутри стран управляемого хаоса, то есть применение «мягкой силы», способной решать очень серьезные задачи в интересах достижения США и их ближайшими союзниками мирового доминирования.

США за последние два-три десятилетия без каких-либо санкций СБ ООН провели несколько вооруженных агрессий по отношению к ряду стран (дважды против Ирака — государство практически исчезло с геополитического пространства; Югославии — государство распалось на отдельные образования; Афганистана — перспектива для государства печальна). Издержки этих военных действий огромны, однако результаты не удовлетворяют администрацию США. Поэтому вполне закономерным является инициирование формирования в исламском мире, целом ряде других государств, организаций, чьи действия направлены против их независимости, территориальной целостности и экономической самостоятельности.

Таким образом, спланирован и организован так называемый управляемый хаос в этих странах за счет применения «мягкой» силы». Это позволяет США и их союзникам гораздо дешевле добиваться своих целей по установлению нового мирового порядка, реализации идеи однополярного мира во главе с США. В рамках этих же планов под эгидой США и ряда государств Европейского союза, с одобрения ОБСЕ, с широким привлечением террористических организаций исламистского толка, были организованы две попытки нарушить территориальную целостность РФ на Северном

Кавказе. А в августе 2008 года Грузия, переоценив решимость США в её силовой поддержке, предприняла акцию по захвату Южной Осетии. Под эту же «мягкую силу» попали и государства Средней Азии.

Очередной жертвой в этих устремлениях Запада стала Украина. Её территория стала ареной межцивилизационного столкновения западной локальной цивилизации и российской локальной цивилизации, приведшего к многомерному кризису украинской государственности. В ходе его развития вспыхнула гражданская война, и в результате всенародного волеизъявления Крым и Севастополь перешли в состав РФ. Ключевое для РФ геостратегическое пространство в непосредственной близости от её западных и юго-западных границ стало средоточием серьезных внешнеполитических, экономических и социальных проблем для нашей страны.

При ясном понимании участников мирового сообщества, что все последовательно возникавшие на Украине проблемы могли быть разрешены политическими способами, США и их союзники в ЕС закрывали глаза на незаконный захват власти «майданными» революционерами, террор по отношению к населению собственной страны в Одессе, на Юго-Востоке Украины националистическими вооружёнными формированиями, применение регулярных вооружённых сил против населения Луганской и Донецкой областей. И при этом они же всеми средствами пытаются убедить мировое сообщество и, прежде всего, украинцев, в участии России во всех перечисленных проблемах.

Все это вполне объективно требует несколько по иному подойти к оценке сущности и содержания современных войн и вооружённых конфликтов, и к их квалификации. Следует исходить из того, что помимо вооружённой борьбы в войне осуществляются и другие виды борьбы в различных сферах: идеологической, дипломатической, политической, экономической, а также информационной (на информационно-техническом и информационно-психологическом уровнях). При этом в современной военно-политической обстановке можно наблюдать все более существенную тенденцию в содержании военных конфликтов — достижение военно-политических целей посредством применения невоенных средств и способов действий.

В связи с этим в существующую классификацию военных конфликтов — войн и вооруженных конфликтов, необходимо вносить изменения. В частности, что в современных условиях, в ходе информационной революции, на политической арене появляются новые средства, инструментарии для достижения военно-политических целей, с применением которых существенно сокращается роль применения средств вооруженной борьбы и военного насилия в достижении военно-политических целей военных конфликтов.

Важнейшим актуальным выводом из анализа современных тенденций в развитии военно-политического и стратегического характера военных конфликтов является положение о том, что для достижения цели военных действий необходимо завоевание господства не только в воздушно-космическом пространстве и на море, но и в радиоэлектронном, киберпространстве, а также добиться преимуществ в информационно-психологической борьбе. Разумеется, при этом опасно увлекаться новыми сферами противоборства, забыв о традиционных задачах огневого превосходства, различных формах и способах маневра, как в стратегическом, так и в оперативном и тактическом масштабах. Искусство опережающего создания и действия ударных группировок на главных направлениях в решающий момент операции в современных условиях и в перспективе будет играть столь же важную роль, как и прежде.

В настоящее время в рамках информационных войн (информационного противоборства по терминологии нашей военной теории) важнейшим средством достижения военно-политических средств по взглядам целого ряда потенциальных противников РФ и ее союзников является кибервойна. То есть информационно-техническое воздействие, в том числе и программное, направленное на информационно-техническую сферу противника для использования его информационного пространства и ресурса, срыва или значительного затруднения функционирования различных систем управления противостоящей стороны и достижения превосходства в управлении.

Современные средства РЭБ, уже имеющиеся на вооружении передовых армий мира, позволяют не только подавлять электромагнитное излучение (ЭМИ) радиоэлектронных средств (РЭС), но и осуществлять радиоэлектронное поражение, то есть выво-

дить эти средства из строя на физическом уровне, осуществлять внедрение в сети управления войсками (силами) и оружием и нарушать программные продукты. Для достижения данных целей потенциальный агрессор уже и в мирное время может выполнять следующие задачи:

- информационно-разведывательные, в том числе в системе государственного и военного управления, контролировать информационный ресурс государства и его союзников;
- нарушать системы управления критически опасными объектами промышленности (энергетическим комплексом, транспортной системой государства, объектами оборонно-промышленного комплекса (ОПК), ядерными и химическими объектами и т. д.);
- нарушать систему государственного и военного управления;
- нарушать системы управления стратегическими ядерными и военно-космическими силами.

Также, в рамках информационных войн, в настоящее время все большую значимость приобретают психологические операции, которые могут вестись и в формально мирное время. В ходе таких войн на население и вооруженные силы противостоящей стороны, а в военное время на население и войска (силы), оказывается информационно-психологическое воздействие для достижения, прежде всего, информационно-психологического превосходства, превосходства в управлении, за счет подрыва морального духа населения и личного состава вооруженных сил.

Разновидностью психологических операций в настоящее время становятся интеллектуальные (когнитивные), то есть целенаправленное внедрение в общественное сознание, в сознание индивидуума (социума) ложных представлений об окружающем мире, общественных отношениях и ценностях. Примером может служить обучение в США ряда руководителей государств — Грузии, Украины и ряда других. Или кампании «разоблачений» якобы имеющихся в руководстве той или иной страны коррупционных проявлений. Неслучайно, поэтому, в новой ВД РФ отмечается, что одной из важнейших военных опасностей является «деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества».

Сейчас против РФ ведется активная информационная война на всех уровнях, с использованием всех возможностей СМИ, дискредитируются все попытки РФ и ее союзников и партнеров миролюбиво решать возникающие проблемы во всех сферах международных отношений. Опасно, что в этих условиях в результате проведения необдуманных реформ в системе государственного образования, ослаблено морально-психологическое состояние населения страны, особенно молодого поколения. В связи с этим возникают сомнения в отношении целесообразности наличия в основном законе страны, Конституции РФ, запрета на государственную идеологию.

Одним из важных элементов современной сетцентричной войны являются экономические войны. Экономические санкции и ограничения в использовании современных технологий — представляют собой реальный инструмент влияния на другие страны. Особенно возрастает их эффективность при согласованном применении санкций со стороны коалиции государств, военно-политических союзов (блоков). Примеров тому можно привести много. В современной военно-политической обстановке по отношению к РФ применено множество средств и способов экономического, технологического и финансового давления со стороны США и их союзников. При этом мировым сообществом остаются незамеченными нарушения международного законодательства, заключенных прежде договоров и соглашений, принятых тем же мировым сообществом требований положений ООН, а также ряда других международных организаций.

Политические войны представляют собою форму разрешения противоречий между политическим руководством стран (коалиций стран) при борьбе за политическое господство в международных отношениях, установления зависимости, подчиненности стран. Политические войны на определенных стадиях могут перерастать в вооруженное противостояние, так как война (в классическом понимании) — это продолжение политики насильственными средствами, как писал Клаузевиц.

К сожалению, в современной военно-политической обстановке в США и ряде стран Европы, в том числе в бывших республиках Советского Союза, реально возрождаются и проявляются элементы фашизма: русофобия, проблемы использования

языков национальных меньшинств, шовинизм, нарушение прав русскоязычного населения, тенденциозный пересмотр истории и итогов Второй мировой войны, оказание содействия всем деструктивным внутренним и внешним силам, способствующим ослаблению России и устранению её с арены геополитического взаимодействия.

В настоящее время трудно не заметить, что развитие военно-политической обстановки практически адекватно этому процессу накануне Первой и Второй мировых войн. В этой ситуации необходимо осознавать, что политические угрозы в мгновение ока могут перерасти в военные угрозы, что уже подтверждается, как заявлениями политиков, так и военной активизацией НАТО. Есть все признаки возникновения военной угрозы для РФ и ее союзников: переброска войск (сил) в приграничные с Россией районы, происходят реальные поставки вооружения, военной и специальной техники Украине. Демонстрируется явная готовность военно-политического руководства Украины предоставить «коридор» и плацдарм для развертывания передовых мобильных группировок НАТО.

Ведутся активные работы по развертыванию позиционных районов противоракетных комплексов в Польше, Румынии и Южной Корее. Проводятся многочисленные учения и маневры вблизи границ РФ и ее союзников. Усиливается активность НАТО вблизи морских акваторий страны, продолжается барражирование стратегических бомбардировщиков ВВС США вдоль наших арктических воздушных границ.

Весьма существенным фактором является и то, что в настоящее время боеготовность ВС НАТО не позволяет им начать полномасштабные военные действия. Реально же полнокровные группировки войск (сил) первоочередного задействования могут быть развернуты только через три месяца, а в целом ВС НАТО — через год. Сам процесс отобилизования, оперативного развертывания группировок войск (сил) (в том числе перегруппировка ВС США с американского континента на Европейский ТВД) и подготовки к ведению военных действий, является довольно дорогостоящим. В период экономического кризиса в мире, это никому не надо. Поэтому в этих условиях более целесообразно для них является, ограниченными силами оказывать содействие ВС Украины.

Разновидностью политических войн могут быть и дипломатические, ведущиеся между дипломатическими представительствами и дипломатами разных уровней, для разрешения противоречий в дипломатических отношениях, которые могут оказывать самое существенное влияние на идеологические, политические, экономические и военные отношения между странами, на их внутривнутриполитическую обстановку. По своей направленности политические войны могут быть внешнеполитическими и внутривнутриполитическими.

Внутривнутриполитические войны — это когда противостояние ведется между политическими силами внутри государства, то есть между политическими течениями, партиями, общественными организациями, религиозными конфессиями, этническими образованиями, за захват власти в стране. Применяемые средства весьма разнообразны, вплоть до вооруженного насилия, насильственного свержения власти, доведения конфликта до гражданской войны. Большую роль в этом играют внешнеполитические силы, которые за счет угрозы применения военной силы, политического давления, организации так называемого управляемого хаоса внутри страны могут устанавливать марионеточные правительства, необходимый им режим, политическую и экономическую зависимость, добиваясь своих военно-политических целей и, прежде всего, получая новое геополитическое пространство, рынки сбыта, дешевую рабочую силу и источники сырья.

Одним из важнейших средств достижения военно-политических целей и форм разрешения противоречий является идеологическая война. В ходе таких войн стороны стремятся добиться, достижения превосходства в информационной сфере, оказания существенного информационно-психологического влияния, как на элиту государства, так и на его население. Идеология, как известно, — это система идей и взглядов, политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических, выражающих коренные интересы классов, социальных групп⁵²⁵.

Таким образом, война в идеологической сфере является одной из основных форм разрешения противоречий между странами, этническими образованиями, различными конфессиями, если

⁵²⁵ СИС, 1982. С. 183.

при этом преследуется цель достижения победы на мировоззренческом (идеологическом) уровнях для создания благоприятных условий, в последующем, для достижения своих военно-политических целей. Это давно уже было понято руководством США, которое широко использовало методы идеологической войны при ведении «холодной войны» против СССР и всей мировой системы социализма.

Анализ событий Второй мировой войны, показал, что противоречия двух идеологий, мировоззрений, двух противоположных систем привело к возникновению мировой войны, когда разрешение противоречий перешло в свою крайнюю форму. В послевоенный период, «холодная война», как специфическая форма разрешения противоречий между странами (коалициями стран), мировыми системами, велась как в идеологической сфере, так и в технологической, финансово-экономической (достижение технологического превосходства за счет создания ядерного оружия, ракетных и космических технологий, финансово-экономического превосходства). В конечном итоге, это позволило США добиться мирового доминирования почти во всех областях и попытаться создать однополярный мир, устранив своего главного идеологического, экономического и военного соперника.

В рамках идеологических войн ведутся другие виды противоборства: информационно-психологическое и интеллектуальное (как разновидности информационных войн), а также религиозные войны (противоборство, борьба). В частности, религиозные войны имеют глубокие исторические корни и даже на современном этапе эволюции человечества играют важную роль. Так, в нынешней военно-политической обстановке можно реально наблюдать проявления исламского фактора как во внутривосточных, так и внешнеполитических процессах. Крайние проявления его (ваххабизм), а также других конфессий (сектантство, мормонство, а также другие крайне агрессивные течения) приводят как к внутренним противостояниям, в том числе и вооруженным, так и внешним.

В связи с этим следует признать, что религиозный фактор является в современной военно-политической обстановке причиной внутренних и внешнеполитических конфликтов, в том числе вооруженных противостояний. США и их союзники в полной мере используют данное обстоятельство в качестве важнейшего

средства в своих информационных войнах и психологических операциях, для достижения своих военно-политических целей. Придавая ему крайние формы, они переводят религиозные противоречия в вооруженную сферу. Примерами могут служить такие события, как внутри РФ (две чеченские кампании, продолжающиеся попытки расшатать внутривнутриполитическую обстановку на Северном Кавказе, в Крыму), так и в Афганистане, Ираке и других арабских странах.

События в современной Европе, «исламизация» общественной жизни в ряде европейских стран (Франции, Великобритании, ФРГ и др.), так называемая европейская «толерантность» реально приводит к дестабилизации внутривнутриполитической обстановки. К сожалению, этот процесс подпитывается со стороны международного исламизма, а также их главного апологета США, если возникающие проблемы соответствуют национальным интересам этой страны (многие террористические исламистские организации, в том числе и международные, созданы и финансируются США, а также крупнейшими исламскими государствами).

Масштабность религиозных противоречий, возрастание возможностей исламских движений в финансово-экономическом и военном отношении, в любой момент позволяет США и их союзникам превратить религиозный фактор в причину возникновения внутренних, а также международных вооруженных конфликтов. США за последнее время организовали и провели ряд «революций» в арабских странах, создав своеобразный «пояс управляемого хаоса», тем самым обезопасив себя и своих союзников от возрастания влияния исламской цивилизации. В результате этого: Афганистан продолжает раздираться внутривнутриполитическими конфликтами. Ливия превратилась в территорию перманентной войны всех против всех. Йемен оказался втянут не только во внутривнутригосударственный военный конфликт, но и стал объектом внешней военной интервенции со стороны Саудовской Аравии и ее союзников. Ирак, как государство, фактически исчез из геополитического пространства. Идет гражданская и религиозная война в Сирии (опять же подпитываемая США и их ближайшими союзниками).

Этнические (межнациональные) войны — это довольно распространенный вид противоборства, имеющий свою продолжительную историю. Причиной их являются противоречия между

нациями, народами и народностями (этносоми). В современной военно-политической обстановке такие противоречия, а в последующем вооруженные конфликты и войны вполне реальны. Это может быть подтверждено на примерах ряда стран мирового сообщества (Канады, Великобритании, Испании). Субъекты этих государств, на вполне объективной основе, в соответствии с международным правом, делают вполне законные попытки выйти из под их юрисдикции и существовать самостоятельно.

Национальные противоречия в настоящее время в целом ряде государств, в том числе и в странах бывшего СССР, реально существуют. Они представляют реальные угрозы для внутривнутриполитических и внешнеполитических отношений. Эти противоречия можно наглядно наблюдать в Средне-Азиатских республиках бывшего Советского Союза, в Грузии, Прибалтике, а также на примере Украины. Поэтому США и их ближайшие союзники, данные противоречия активно используют, чтобы создавать внутривнутриполитические проблемы, стравливают народы различных национальностей на международном уровне и это, к сожалению, приносит им ожидаемые плоды в достижении своих военно-политических целей.

Глава XIII
Стратегия России
в контексте сценария
«Глобального
военно-силового
противоборства»

13.1. Сценарий «Глобального военно- силового противоборства» и угрозы национальной безопасности России

В начале XXI века политика Запада по отношению к России переросла в откровенно силовую политику, в которой отчетливо присутствовали элементы шантажа, угроз и запугивания. Прямое вооруженное насилие осуществляется пока через клиентские режимы и негосударственные организации. Созданные за последние годы в интересах Запада неформальные вооруженные формирования, террористические группы и экстремистские организации стали массово использоваться против интересов безопасности России уже не только на периферии России — на Кавказе и Средней Азии, но и на ее европейской части.

По сути дела нападение на юго-восточные регионы Украины стало нападением на Россию, что хорошо понимали на Западе. В то же время в публичном поле это нападение изображали как внутриукраинский конфликт, в который вмешивается Россия. Тем самым уровень и масштаб войны против России искусственно снижался до рядового регионального вооруженного конфликта, чьи последствия долго скрывались, а масштабы — уменьшались.

Незаметно, для мирового общественного мнения, но на Украине произошло главное: военная сила в полномасштабном формате стала применяться против русских и России, т. е. началась прямая война с Россией. И не важно, что вооруженные силы Украины не состояли из профессиональных военных США и НАТО, а из бывших военных. Они управлялись, т. е. действовали в интересах и подчинялись руководству США и НАТО, в соответствии с нормами и правилами новой, асимметричной войны. Проще

говоря, во втором десятилетии XXI века на Украине война против России фактически началась, хотя формально ее никто и не объявлял. Впрочем, США только в последнее десятилетие воевали более 10 раз против 7 государств, не объявляя войны. Этот атрибут — объявление войны — стал, как уже говорилось, устаревшим атрибутом военной истории прошлого, как и многие другие особенности традиционной войны.

События на Украине стали лишь одним из очередных звеньев неизбежно нарастающей конфронтации между западной и российской ЛЧЦ. Эта нарастающая конфронтация была следствием политики Запада сохранить за собой глобальный контроль над сложившейся финансово-экономической системой и всеми основными процессами в мире. Эта конфронтация также стала и реакцией России на растущий гегемонизм Запада, угрожающий существованию суверенитета и непосредственно самой российской нации. К началу второго десятилетия эта конфронтация уже фактически вылилась в силовую внешнюю политику, которая совершенно по-новому сформировала международную обстановку. События в Северной Африке и Сирии это подтвердили.

Можно сказать, что внешняя политика США и Запада в XXI веке перешла из качества силовой политики в качество политики вооруженного насилия, когда граница между вооруженными способами и «просто» силовыми способами достижения политической цели исчезла. Проблема в том, что далеко не все это заметили, а те, кто заметил, — захотели это признать. По сути дела была официально утверждена новая модель поведения США в мире, которую Б. Обама назвал в февральской (2015 г.) речи, посвященной «Стратегии национальной безопасности США», «...моделью американского лидерства, основанного на экономических и технологических преимуществах и ценностях американского народа»⁵²⁶.

Фактически, любые силовые действия (даже чисто экономические) стали официально признаны одной из форм вооруженного насилия, составляя единую внешнеполитическую стратегию. Военная сила формально и официально вновь, как и в период холодной войны, стала главным инструментом американской внешней по-

⁵²⁶ Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / <http://inosmi.ru/>

литики. Как заявил по этому поводу в октябре 2014 года С. Лавров, «Наши партнеры, которые фактически ввели санкции, не скрывают, что цель этих мер — не Украина. По сути, в их заявлениях и поступках постоянно сквозит истинная цель рестрикций — переделывать Россию, изменить ее позицию по ключевым, принципиальнейшим для нас вопросам и заставить принять позицию Запада. Это прошлый век, прошлая эпоха, колониальное инерционное мышление»⁵²⁷.

К началу 2015 года противостояние России и Запада достигло критического уровня, когда политическое руководство России должно было делать принципиальный выбор либо в пользу сохранения остатков национального суверенитета, либо полного отказа от него и признания приоритетов Запада, т. е. фактического признания политического поражения и полной зависимости. Этот выбор В. Путин образно обрисовал в своем послании Федеральному Собранию в виде образа «Мишки в тайге, у которого хотят вырвать когти». Примечательно, что часть российской правящей элиты открыто готова была пойти на капитуляцию перед Западом.

Война на Украине в 2014–2015 годах все более приобретала черты одного из региональных военных конфликтов на фоне контекста глобальной войны, имеющей новый сетецентрический, системный и гибридный характер. Россия столкнулась именно с очевидным внешнеполитическим вызовом в отношениях с Западом, с одной стороны, и с внутривнутриполитическим кризисом национальной идентичности, необходимостью выбора между укреплением суверенитета и его окончательной потерей, — с другой. Переговоры в Минске между Россией и ЕС по поводу Украины в этой связи означали, что политико-дипломатические средства сохраняются в этом противостоянии, даже при понимании того, что они неэффективны. На самом деле, системная и сетецентрическая война западной ЛЧЦ против России преследует самые решительные и бескомпромиссные цели:

- во-первых, воспрепятствование превращению России в центр силы, способный угрожать сложившейся в XX веке военно-политической и финансово-экономической системе,

⁵²⁷ Лавров: истинная цель санкций — заставить Россию принять позицию Запада. ИТАР-ТАСС, 2014. 19 октября / <http://itar-tass.com/politika/1517691>

- обеспечивающей США и возглавляемой ими ЛЧЦ выгодное перераспределение мировых ресурсов. Россия фактически поставлена перед выбором: либо, сохранив остатки суверенитета, принять внешние правила и нормы поведения в мире и в самой стране, либо быть уничтоженной в качестве самостоятельного и независимого государства с последующим разделом территории, ресурсов и контролируемого в мире пространства. В этой связи политика В. Путина в 2004–2015 годы рассматривается западной ЛЧЦ именно в качестве угрозы такого монопольного контроля и сохранения существующих систем и институтов;
- во-вторых, ликвидацию суверенных институтов управления России, способных защищать национальные интересы и ценности уже после фактической потери ими власти в стране. Национальные институты — будь то институты военной организации, культуры, образования, природопользования, либо любые иные — рассматриваются в качестве потенциальной угрозы западной ЛЧЦ именно в силу их «неподчиненности» Западу, возможному, неизбежному противодействию его политике. Такие независимые институты, по оценке западной ЛЧЦ, угрожают всей сложившейся в мире системе взаимоотношений и ценностей самим фактом своего существования. Они могут, даже не будучи активированы, подавать пример другим участникам международных отношений, ставя под сомнение право западной ЛЧЦ контролировать положение в мире;
 - в-третьих, изменить существующие международные нормы и правила, включая территориальные изменения зон ответственности, контроля над транспортными коридорами, акваториями и, в конечном счете, геополитическим пространством в пользу западной ЛЧЦ, изоляцией страны от союзников и возможный раздел ее территории.

Таким образом, в отношении России преследуются самые решительные и безальтернативные цели, в соответствии с которыми формируется стратегия, средства и способы их достижения. Особенности целеполагания, кроме того, предполагают значительную детерминированность в выборе сценариев и их вариантов развития, а также соответствующих стратегий, которые должны каждый раз ставить государства, в конечном счете, перед выбором — капитуляция, либо вооруженное противоборство.

«Бескомпромиссность» как принцип реализации будущего сценария развития МО, предполагает, что каждый раз вслед за очередными агрессивным действием США и их союзников другим государствам предстоит согласиться с этим действием («пойти на компромисс»), либо столкнуться с усилением давления. Очень показателен пример такой стратегии политики США и ЕС на Украине, которая характеризуется эскалацией антироссийских действий. Ответная реакция России должна быть либо «компромиссной», т. е. признанием де-факто этих шагов, либо столкнуться с силовой эскалацией (санкциями), либо угрозой военного давления.

Другой важной особенностью западной стратегии является изоляция континентальной части России от ее акваторий, потенциальных союзников и партнеров. Особенное значение на начальном этапе реализации этого варианта будет оспаривание безусловности суверенитета России над целыми регионами — от Арктики и морских акваторий до сухопутных пространств, а также транспортными коридорами.

Рис. 13.1. Огораживание России

В ходе реализации этой стратегии на определенных этапах прогнозируемого варианта силового сценария могут быть предприняты попытки добиться следующих целей:

- изолировать и отторгнуть Калининградскую область, остров Сахалин, полуостров Крым, арктические острова и ликвидировать контроль над Северным морским путем (СМП);
- де-факто и де-юре, где возможно, ликвидировать суверенитет России над акваториями Черного, Балтийского, Каспийского и Баренцева морей, ограничить экономический и военно-политический контроль над акваториями Охотского и Северного морей и др.

Как «реалистический», так и «пессимистический» варианты доминирующего сценария развития МО после 2021 года будут нацелены на максимальную изоляцию России с севера, запада и юга, а также воспрепятствование развитию отношений РФ на юге со странами Центральной Азии и Юго-Восточной Азии. «Стратегическое окружение» предполагает, что будет сделано все для того, чтобы такие организации как ШОС, БРИКС (особенно «треугольник» КНР — РФ — Индия), ОДКБ не получили своего развития и не превратились в альтернативный западной ЛЧЦ центр силы.

Определенное представление о последовательности достижения этих геополитических целей может дать следующая «эскалация» десоверенизации морских и сухопутных регионов:

- медийные «вбросы» и «научные» концепции, обосновывающие необходимость международного использования некоторых регионов, ресурсов и транспортных коридоров;
- декларации отдельных общественных деятелей, как правило, не связанных с реальной политической деятельностью;
- создание организаций (общественных, гуманитарных, экологических, наконец, политических), требующих пересмотреть существующий статус территорий;
- инициативы иностранных правительств, требующих формализации новых международных институтов и норм международного права;
- продвижение баз, органов управления и ВС западной ЛЧЦ максимально близко к границам РФ;
- создание органов управления для ведения специальных боевых операций на прилегающих ТВД;
- инициирование внутривнутриполитических кампаний, инспирирование акций, «помощь» НПО и другая деятельность, дестабилизирующая обстановку вблизи или в самих этих регионах и т. д.

Если обратить внимание на карту прилегающих регионов и акваторий, то легко обнаруживается, что зачатки этой деятельности (иногда в весьма продвинутой стадии) уже наблюдаются. В частности, если речь идет о районах Арктики и СМП.

Рис. 13.2.⁵²⁸ Russian Claimed Territory in Arctic Ocean

Параллельно со стратегией окружения и изоляции России во всех вариантах наиболее вероятного сценария предполагается содействие любым попыткам дестабилизации внутривнутриполитической

⁵²⁸ University of Durham, UN Marum.

ситуации в стране и инициирование таких попыток. Эта политика направлена, в конечном счете, на территориальный раздел уже материковой части России. При этом такой процесс будет происходить поэтапно — от появления «спорных» районов в местах компактного проживания национальных меньшинств до раздела территории страны по ее «естественным» географическим рубежам — Уральским горам, реке Волге, Западной и Восточной Сибири, районам Дальнего Востока и т. д.

Стратегия Запада, направленная на окружение и расчленение России, предполагает осуществление следующих организационно-управленческих шагов:

- во-первых, создание специальных политических органов сетецентрического управления внутривнутриполитической ситуации не только во всей России, но и в ее отдельных регионах, например, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири, Татарстане, Карелии и в других регионах, ориентированных на формирование национальных и социальных региональных конфликтов.
- во-вторых, обеспечение этих органов управления информационными, медийными, экономическими и иными ресурсами, включая силы и средства для осуществления специальных операций;
- в-третьих, создание органов управления и группировок вооруженных сил для последующего ведения войны на ТВД и возможной глобальной войны.

В рамках сетецентрической войны по «пессимистическому» варианту военно-силового сценария развития МО после 2021 года предполагается использовать все вооруженные силы западной ЛЧЦ, которые будут ориентированы функционально на эти геополитические цели по аналогии с существующей системой управления ВС США, но с той разницей, что:

- будут максимально использованы коалиционные возможности и силы внутренней оппозиции России, т. е. управление ВС западной ЛЧЦ будет не только политически системно, но и сетевцентрично с военно-технической точки зрения и сетевым с точки зрения социальной, внутривнутриполитической;
- в значительной мере пропорции внутри механизмов управления ВС США и коалиции в отношении РФ будут «исправлены» в пользу «мягкой силы», экономических и ин-

формационных средств, механизмов социальной инженерии, внутривидовых диверсий и т. д. Иными словами, существующая матрица управления ВС США⁵²⁹ должна быть определенным образом изменена для решения задач стоящих перед вариантами сценария «Глобального военного противостояния».

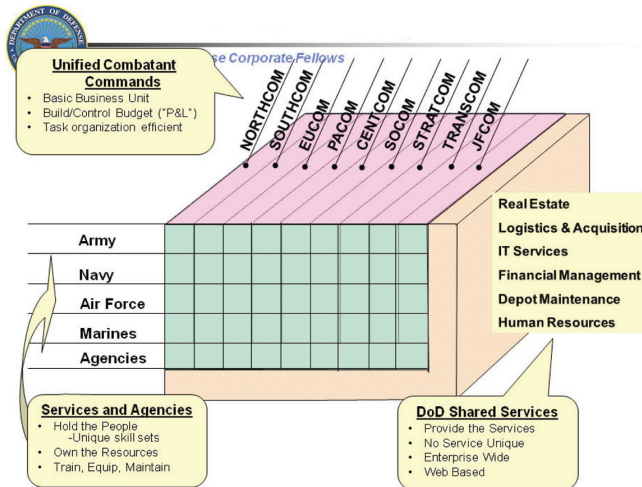

Рис. 13.3. Матрица управления МО США

Важно также обратить внимание на основные тенденции в финансировании родов войск США, в частности на тенденцию увеличения финансирования сухопутных войск США в 2002–2014 годы. Эта тенденция свидетельствует о наращивании мощи сухопутных войск и может рассматриваться как признак готовности США к ведению сухопутных операций на чужой территории. Более того очевидно, что к 2021 году все ВС США будут мобильны и способны непосредственно участвовать в военных действиях.

Очевидно, что такие наземные операции планируется вести не на территории США, в Африке или Л. Америке, а в Евразии, прежде всего, против России. Крайне маловероятно, что США

⁵²⁹ <http://dcmo.defense.gov/corporate-program/documents/SDCFP%20Out%20brief%20V5%20PRINTABLE.ppt>

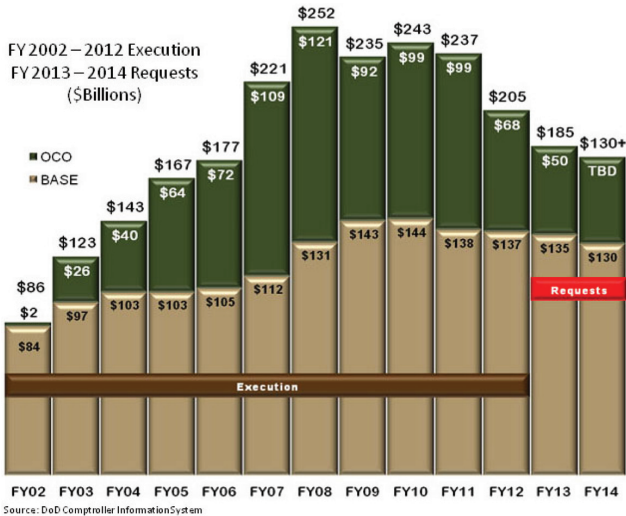

Рис. 13.4. Тенденции в финансировании сухопутных сил США

планируют масштабные операции сухопутных сил против других стран — опыт войны в Ираке и Афганистане дал убедительные доказательства того, что ведение сухопутных операций бессмысленно. Поэтому основной упор будет сделан на использование сил коалиции и подготовленной заранее оппозиции.

Другое дело — использование сухопутных сил против ключевых объектов, имеющих политическое, экономическое или военное значение. В этом случае их оккупация и удержание являются важным этапом завершающего этапа войны после уничтожения (или смены) политического руководства. До этого предстоит завершить последний этап сетцентрической войны и демонтажа государства.

Финансирование сухопутных сил США подтверждает тот факт, что к 2012 финансовому году был достигнут максимальный уровень и удовлетворены неотложные потребности. Сохранение объемов финансирования после вычета расходов, которые прежде шли на наземные операции в Афганистане и Ираке обеспечивают Армии США необходимый уровень опережающего развития. Как видно из приведенной ниже диаграммы этот уровень достаточно

высок для обеспечения решения оккупационных задач после нанесения поражения в воздушно-космическом ударе с помощью средств ВТО⁵³⁰.

В этой связи было бы правильно привести изложение того, как видится современная война в США и как планируется ее ведение в будущем. Здесь можно, например, сослаться на американского военного теоретика Уордена. Описывая способы применения силы

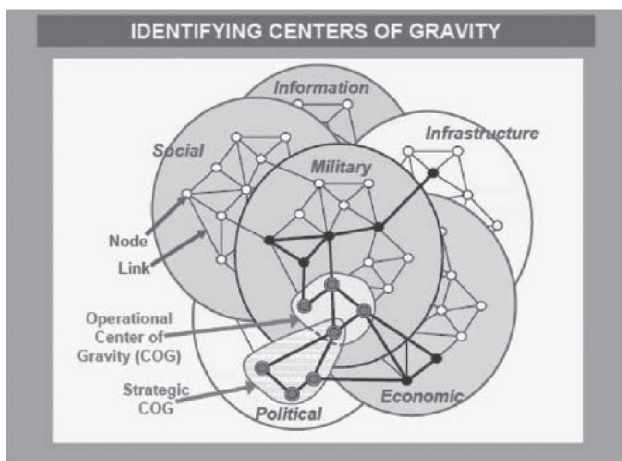
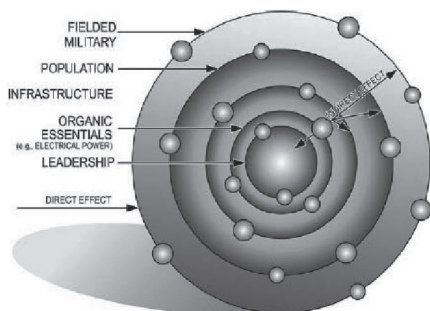

Рис. 13.5. Идентификация центров гравитации как системных компонентов, которые являются определенным набором узлов и связей

⁵³⁰ ARMY US FY 2013–FY 2014 Budget Requests / www.defense.gov/DODCMS/Share/briefingslide/365/FY14-Budget-Overview.ppt

в сетцентричной войне, он, в частности, пишет: «Оказывая давление на тот или иной центр тяжести, можно заставить противника действовать именно так, как задумано, что приведет к его поражению. Не обязательно полностью уничтожить вооруженные силы или инфраструктуру, нужно лишь правильно и точно рассчитать какие именно центры и в какой момент следует подвергнуть атаке.

Также интересно мнение Уордена о том, что любая страна среднего размера при поражении до 500 ее объектов может быть полностью парализована»⁵³¹.

Данная концепция, в общем, была полностью принята на идеологическом и техническом уровнях военно-политическим руководством США, что подтверждается более поздними конфликтами с военным вмешательством США (Югославия, 1999 г.). Однако необходимо определить, под чем конкретно в военно-политических кругах США понимаются собственно операции на основе эффектов⁵³².

Объединенное командование США (JFCOM) эффектом называет «физический, функциональный или психологический результат, событие или то, что является результатом конкретных военных и невоенных действий», а операции на основе эффектов (ООЭ) — это процесс, направленный на получение желаемых стратегических результатов или «эффект», оказываемый на врага посредством синергетического, мультипликативного и кумулятивного применения полного спектра военных и невоенных возможностей на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях.

ООЭ определяются и как операции, задуманные и спланированные в рамках системы, которая рассматривает весь спектр прямых, косвенных и каскадных эффектов, которые могут, с разной степенью вероятности, быть достигнуты путем применения всех национальных инструментов: военных, дипломатических, экономических и психологических. ООЭ включает «идентификацию и боевое столкновение с уязвимыми и сильными сторонами противника объединенным и целенаправленным способом, используя все доступные средства для достижения конкретных последствий

⁵³¹ Савин Л.В. Сетцентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 15.

⁵³² Там же.

в соответствии с намерением командира». Кроме того, ООЭ направлено на «достижение желаемых результатов в будущем». Также, согласно военному справочнику США, под такими военными действиями понимается использование военного конфликта для достижения желаемых стратегических результатов посредством воздействия вооруженных сил⁵³³.

В этой связи следует исходить из того, что современный сценарий развития МО означает только начальную, во многом скрытую, стадию сетецентрической войны против России, за которой неминуемо должны последовать более решительные наступательные действия. Однако уже на нынешнем этапе достаточно отчетливо проявились основные черты этой войны, которые характеризуются:

- идеологической, цивилизационной и политической бескомпромиссностью, что исключает благостные надежды «на объятия Запада». При этом такая бескомпромиссность сочетается с проведением политики «мягкой силы», которая (при множестве разных определений) сводится к лидерству, способности «устанавливать, по мнению родоначальника этого понятия Дж. Ная, — «повестку дня»⁵³⁴, т. е. быть политико-идеологическим лидером;
- конечными военными целями «на уничтожение» российской ЛЧЦ и России, как государства, а не на заключение перемирий и договоровенностей, и не предполагает «цивилизованного» использования оружия, как показали события на Украине. Требуется не просто поражение России, а ее уничтожение как единого государства и центр возможной консолидации сил в Евразии;
- разрушением цивилизации, нации и уничтожением российского государства, как носителей системы ценностей, исторического и культурного, а также духовного наследия, альтернативного наследия западной ЛЧЦ;
- раздел территории, природных ресурсов и транспортных коридоров России, т. е. ликвидации геополитического центра силы, способного контролировать Евразию.

⁵³³ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 16.

⁵³⁴ Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

Рис. 13.6. Логическая схема наиболее вероятного, «пессимистического» варианта развития сценария «Глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» в 2016–2021 гг.

В этом контексте развитие «пессимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» в 2016–2021 годы можно представить на логической схеме следующим образом (рис. 13.6).

Можно предполагать, что уже до 2021–2022 годов развитие сетцентрической войны западной ЛЧЦ против России перейдет на новый уровень, предусматривающий:

- легальные поставки «марионеточному правительству» Украины современных ВиВТ и достаточного количества инструкторов по обучению;
- ввод ограниченного контингента войск НАТО в ключевые стратегические точки Украины;
- полное воздушно-космическое обеспечение боевых действий на Украине, включая возможный перевод конфликта в формат «бесполетной зоны»;
- военно-политические и экономические меры давления и др.

Подобное развитие такого варианта сценария МО будет происходить в соответствии с указанными выше тремя вариантами единого сценария сетцентрической войны против России, не предполагая серьезных альтернатив. Обращение к тому или ино-

му конкретному варианту сценария будет зависеть от тактических условий. К сожалению, теоретически возможный альтернативный сценарий развития МО в «переговорно-договорном» ключе означает, что Россия должна будет фактически капитулировать, а именно:

- не только отказаться от поддержки населения восточных регионов Украины, но и вообще русских и других соотечественников (например, осетин и абхазов) на постсоветском пространстве;
- резко снизить свои политические амбиции в Сирии, Египте, Вьетнаме, Арктике и т. д. фактически отказавшись от суверенной внешней политики;
- публично признать американское мировое лидерство, право США на всемирный политический и финансово-экономический контроль, «универсальность» их системы ценностей и отчетливо выразить (в т. ч. публично) готовность впредь следовать американскому курсу⁵³⁵.

Этот сценарий развития МО означает не просто отказ России от остатков суверенитета, но и отказ правящей элиты от всей системы национальных интересов и ценностей, а в дальнейшем — неизбежно — от государственности и национальной идентичности. С политической точки зрения такой исход — полная капитуляция. Это будет не просто военное поражение, а полный и окончательный национальный разгром. Следствием этого разгрома станет всеобщая междоусобная, в том числе межэтническая война на территории России, ведущая к физическому уничтожению русского народа. Методы и инструменты такого уничтожения наглядно проявились в ходе действий вооруженных формирований киевского режима на Донбассе в 2014–2015 годах. К сожалению, значительная часть российской правящей элиты, и общества, воспитанных в западном «духе», не осознают неизбежных последствий поражения России в сетцентричной войне и готовы даже капитулировать.

Таким образом, вырисовывающиеся в настоящий момент военно-стратегические цели Запада несут смертельную угрозу национальной безопасности России. Даже частичное достижение Западом этих целей привело бы не просто к ущемлению ключевых

⁵³⁵ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

интересов нашей страны, но означало бы, по сути, ее капитуляцию, равноценную полному военному поражению. Такой результат является неприемлемым для России по одной простой причине. В этом случае России просто не станет, а русская нация будет расчленена и уничтожена. Только победа в этой схватке с Западом может обеспечить выживание российского государства и российской цивилизации.

13.2. Россия как активный субъект формирования будущего сценария развития МО

Стратегическое прогнозирование должно исходить из возможности осознанного, целевого, планового и решительного влияния субъектов международных отношений, на те, или иные процессы формирования МО. В конечном счете, прогноз это то, что когда-то станет историей. А если стратегическое планирование обеспечивает влияние субъекта международных отношений на его реализацию, то вполне допустимо и даже необходимо сознательное планирование вмешательства в эти процессы. В зависимости от стратегического прогноза развития того или иного сценария МО происходит сценарное проектирование военной политики субъекта международных отношений. Так, если ваш стратегический прогноз основывается на сценарии сотрудничества ЛЧЦ, то вы неизбежно разрабатываете планы участия в таком сотрудничестве и соответствующие решения в области стратегического планирования (поездки, заключение договоров и соглашений, участие в международных организациях и т. д.).

В нашем случае мы исходим из эволюции сценария «Глобального военно-силового противостояния», когда вооруженные методы начинают активно вытеснять все другие — политико-дипломатические, экономические и гуманитарные, замещая «оптимистический» вариант сценария «пессимистическим». Такой прогноз конкретизируется и в дальнейшей эволюции характера войн и вооруженных конфликтов. Соответственно собственный сценарий наших ответных действий предполагает:

- во-первых, попытку удержать наиболее вероятный сценарий развития МО в рамках существующего «оптимистического» варианта этого сценария. А для этого использовать весь набор политических средств, имеющихся в распоряжении государства;
- во-вторых, подготовку собственного сценария, своей роли в развитии мирового сценария военно-силового противостояния, если такое сдерживание не удастся.

Другими словами, мы должны исходить из вероятности того, что сценарий МО будет развиваться по «пессимистическому» варианту и иметь собственный план действий внутри этого «пессимистического» варианта. Отсюда вытекает необходимость сценарного программирования и создания для этого необходимых условий. При этом следует учитывать, что любой вариант сценария развития МО имеет множество особенностей, вытекающих из характера современной войны, планов, намерений и способов действий противника. Чем глубже понимаешь суть этих особенностей, тем эффективнее будет противодействие им, тем выше шанс сохранения инициативы, а не превращения в объект политического воздействия. Более того, от этого во многом зависит то, каким образом будет использоваться оборонительный потенциал России.

Но что еще более важно — это определить, какой потенциал нужен, для каких целей, какого качества и в каком количестве. Принцип асимметрии при планировании — самый важный принцип, ибо он позволяет государству самостоятельно планировать свою военную политику, а не идти вслед за развитием событий. Это необходимо учитывать при формировании долгосрочных программ военного строительства, например, ГОЗ-2030, где нельзя допускать «зеркального» копирования военного потенциала противника. Так, если у США и их союзников, допустим, будет 20 авианосных группировок, то это совсем не означает, что Россия должна иметь столько же или даже 1–2. Может статься, что вообще ни одной не будет нужно.

Наиболее эффективное противодействие при реализации будущего сценария заключается в выявлении наиболее уязвимых мест противника и нанесения ударов именно по ним. Это позволит достигнуть наших целей наиболее эффективно и с наименьшими затратами. К тому же, наша задача облегчается тем, что именно Запад является в данном случае атакующей стороной и следовательно ини-

циатором гонки вооружений и новой военной стратегии и тактики. То есть он первый вводит в действие новые инструменты противоборства, не зная нашего потенциального ответа. У нас же имеется определенный запас времени для того, чтобы проанализировать шаги противника и дать на них наиболее эффективный ответ.

Исходя из гипотезы сетевого и сетецентрического сценария противоборства Запада с российской ЛЧЦ, России предстоит, например, самое серьезное внимание обратить, прежде всего, на наиболее слабые стороны потенциального противника, а не вступать в «лобовое» столкновение. Расовые беспорядки в США весной 2015 года, в частности, позволяют говорить об очень серьезных возможностях внутривнутриполитической дестабилизации США — самом больном месте американской политической системы. Причем эти возможности в будущем будут только усиливаться. Так, например, по оценкам Счетной палаты США, основной прирост населения страны с конца 2020 годов будут поставлять мигранты. Кроме того, собственно дети и внуки граждан-мигрантов обеспечат основную часть естественного прироста, что хорошо видно на предлагаемом рисунке (рис. 13.7)⁵³⁶.

Это означает, что «создание проблем» для США в этой области — очевидная цель в развитии противоборства, которую нельзя игнорировать.

Другое потенциально слабое место США — это некоторые союзники с неустойчивой политической системой, например, некоторые государства Восточной и Южной Европы, а также Центральной Америки. Дестабилизация ситуации в этих странах с использованием методов сетецентричного противоборства, вынудило бы США переориентировать ресурсы для купирования таких кризисов. Это в свою очередь ослабило давление США на периферию РФ. Более того, это заставило бы США распылять ресурсы, делая свои позиции уязвимыми в различных точках мира, где можно было осуществлять следующий удар. Причем такой удар мог бы не обязательно наноситься Россией, а другими нарождающимися центрами силы.

Орган оперативного управления политикой России позволяет не только адекватно реагировать на действия США, но и готовить стра-

⁵³⁶ Serving the Congress and the Nation. Strategic Plan 2014–2019 / United States Government Accountability Office / GAO 2014–2019. P. 65.

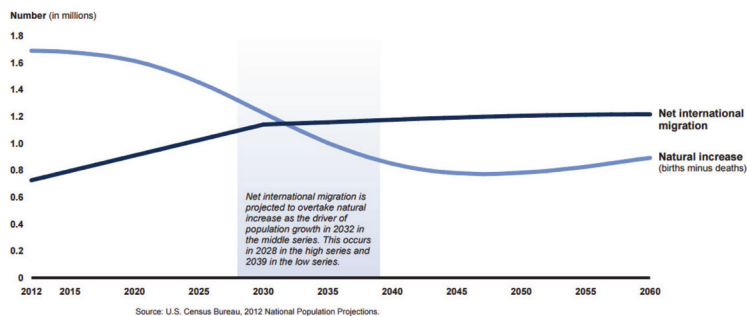

Рис. 13.7. Чистый миграционный и естественный прирост населения США в 2012–2060 годах

тегические прогнозы и программы стратегического планирования, включая программы военного строительства. Точная характеристика и прогноз будущего сценария развития МО после 2021–2022 годов позволяют уже сегодня, в 2016 году, высшему руководству страны заранее перейти на стадию сознательного участия в формировании новой политической реальности, соответствующей необходимому для нации, цивилизации и страны сценарию развития МО.

Это сознательное участие в формировании будущего сценария МО позволит превратить Россию из объекта международной политики в ее важного субъекта, активного участника. (Это, отчасти, и стало пока что главным результатом внешней политики В. Путина последних лет). И это же стало главным раздражителем США. Россия уже превратилась в самостоятельный субъект международных отношений, но еще не сформулировала (а тем более не сделала общепризнанной в мире) своей внешнеполитической стратегии, т. е. не оформила публично и громко своей цели в формировании будущего сценария МО.

Политические действия России не системны, а, тем более, не сетцентричны, но во многом рефлкторны, направлены на нейтрализацию угроз, а не на недопущение их появления. «Многополюсность», «справедливость», «равноудаленность» и подобные лозунги не могут стать политической идеологией российской внешней политики, которая стала бы привлекательной для других стран. Также как в свое время лозунги «нового мышления» стали всего лишь основанием для односторонних уступок СССР.

К сожалению, в современной России сохраняется определенный разрыв в понимании будущего сценария МО между политическим и военным руководством страны, который возник в 70-е годы в СССР и превратился в непреодолимую пропасть при М. Горбачеве. Либерализм в политике оказался не подтвержденным политическими реалиями. Более того — прямо противоречил им. Отчасти такое противоречие сохранилось и сегодня.

Очевидно, что необходим поиск новых путей формирования геополитического пространства, создания союзов и военно-политических коалиций, бездарно потерянных в 90-е годы XX века. От этого во многом будет зависеть, какой из вариантов вероятного сценария формирования МО после 2021–2022 годов будет реализован: относительно благоприятный «оптимистический» или откровенно враждебный — «пессимистический», при всей их условности.

«Пессимистический» вариант развития сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» в 2016–2021 годы представляется в настоящее время очень вероятным, хотя, естественно, и наименее желаемым, а поэтому и наименее привлекательным. Более того, такое публичное негативное отношение к этому непопулярному варианту сценария накладывает неизбежно отпечаток и с точки зрения его вероятности: кому же хочется быть пророком войны?

Между тем, точное выделение из наиболее вероятного сценария развития МО его конкретного среднесрочного варианта в 2016–2021 годы имеет огромное практическое значение не только с точки зрения целеполагания и реализации внешнеполитической и национальной стратегии, но и с позиции неизбежного уточнения в распределении национальных ресурсов, которое требуется в силу целого ряда причин бюджетного и военно-технического характера.

Хотя ГПВ-2020 выполняется, ее корректировка неминуемо потребует. Это в полной мере осознается теми, кто отвечает в России за долгосрочное планирование, в особенности в связи с подготовкой новой ГПВ на будущие 10 лет. Ошибка для такой оценки может стоить очень дорого. В современной истории уже случалось, что то или иное государство, чья правящая элита оказывалась недальновидной и не могла представить себе точный образ угроз будущего и военно-технические способы его достижения, оказывалась у обломков государства и на грани национальной катастрофы. Так было в 1941 году с СССР, но так было и позже

с Югославией. Так было и с Ираком, Афганистаном, Сирией и Ливией, чьи элиты не смогли обеспечить военно-техническую безопасность перед лицом военной агрессии Запада. Во многом из-за неверия в реалистичность военной угрозы.

По сути дела рассматривая вероятность того или иного варианта сценария развития МО, прежде всего, борьбы западной ЛЧЦ против России, необходимо отдавать себе отчет, что главным условием успешного военного противоборства в XXI веке является ясно выбранная и поддержанная нацией стратегия развития, которая имеет четкую цель и эффективные средства её достижения. В этом контексте, некоторые оценки социально-экономического положения России в условиях кризиса и наложенных Западом санкций внушают оптимизм. Прежде всего, речь идет о всей динамике социального и экономического развития страны за период правления Владимира Путина (2000–2015 годы). Здесь можно сослаться на солидное исследование финского политика и предпринимателя Йона Хеллевига. Там показано, что за 2000–2013 годы в России существенно изменилась в положительную сторону структура экспорта и вырос индекс промышленного производства.

Краткое изложение некоторых фактов развития российской экономики в 2000–2013 годах (рис. 13.8–13.16)⁵³⁷

Доля дохода от экспорта природных ресурсов (нефть, газ, уголь, минералы и древесина) в ВВП более чем в два раза уменьшилась (с 44,5% до 18,7%) в промежутке между 2000 и 2012 годами. Реальная доля доходов от нефти и газа составляет 16%.

Рис. 13.8.

⁵³⁷ Хеллеви́г Йон. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.

Промышленное производство в России выросло более чем на 50%, и это при том, что в то же самое время оно было полностью модернизировано.

Производство продуктов питания выросло на 100%.

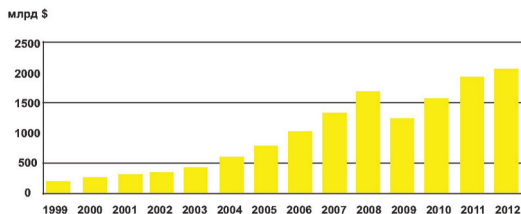
Рис. 13.9.–13.10

В целом можно говорить о том, что в указанный период страна стала развиваться в правильном направлении. По существу, в 2012–2013 гг. Россия вышла на новый уровень своего развития. В частности, снижение продовольственной зависимости и рост объемов несырьевого экспорта свидетельствовал о том, что Россия превратилась к 2014 году в независимую от внешнего влияния страну. А это, вероятно, не могло не обеспокоить западных оппонентов. В этом смысле введение против России в 2014–2015 годах санкций можно рассматривать, как попытку остановить развитие страны и укрепление её суверенитета.

Можно поэтому предположить, что та антироссийская кампания, которая была развернута на Западе в связи с конфликтом на Украине, на самом деле имеет более фундаментальные причины. Запад, создав подконтрольную себе финансово-экономическую и военно-политическую систему, стал опасаться любой конкуренции, способной поставить под сомнение это право контролировать МО в мире.

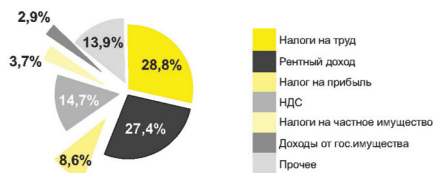
Уровень российского ВВП вырос в 10 раз. При этом показатель производительности труда в России находится на уровне в 80% от показателей большинства западных передовых стандартов, а не 40%, как это часто утверждается.

Номинальный ВВП России в 1999-2012

Доля прибыли от нефти и газа в государственном доходе составляет отнюдь не 50%, как многие утверждают, а всего лишь навсего 27,4%. Наибольшая доля приходится на налоги на оплату труда.

Структура доходов консолидированного бюджета, 2013

Рост ВВП России в сравнении с другими странами-экспортёрами нефти, 1999-2011

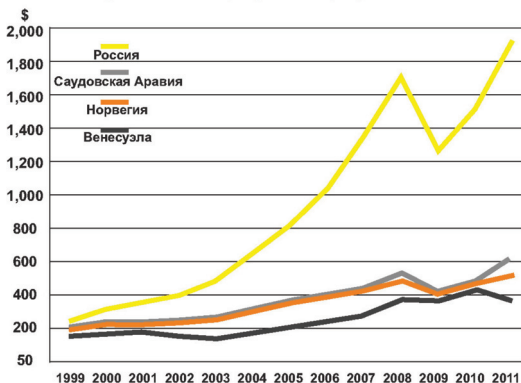

Рис. 13.11.–13.13

Несмотря на критику социально-экономической, промышленной и финансовой политики России, следует исходить из того, что до последнего времени процессы в экономике объективно носили позитивный характер, увеличивая ежегодно государственную и национальную мощь нашей страны. В качестве иллюстрации этой мысли можно привести следующие примеры (рис. 13.11, 13.12).

Можно также привести некоторые примеры, иллюстрирующие реальную динамику развития России в последние 15 лет (т. н. «путинский период»). Как отмечают, например, зарубежные исследователи, «... критики хотят заставить нас поверить, что президент Путин не имеет никакого отношения к выдающемуся росту ВВП России и что это якобы является результатом стремительного роста цен на нефть и газ на мировом рынке. В связи с этим доводом предлагаем изучить график (рис. 13.13), на котором сравнивается рост ВВП России с ростом ВВП трёх других стран-экспортёров нефти: Саудовская Аравия, Норвегия и Венесуэла. Интересно, а эти критики России задавались вопросом, почему стремительный рост цен на нефть привёл к такому непропорциональному росту ВВП России по сравнению с другими странами в тех же самых условиях?»⁵³⁸.

Другие два примера связаны с наиболее отсталой отраслью экономики России, которая в течение десятилетий (и, отчасти, даже сегодня) игнорируется властью. На графике показаны как рост производства продуктов питания, так и экспорта зерна с 2000 года (рис. 13.14, 13.15).

Наконец, наиболее ясный показатель, демонстрирующий потенциальные возможности России в области экспорта наукоемкой продукции, которые, к сожалению, только еще начали использоваться. Как видно из графика (рис. 13.16), экспорт программного обеспечения вырос за 10 лет в 5 раз.

Таким образом, можно констатировать, что Россия уже достигла достаточного уровня для того, чтобы противостоять экономическому давлению со стороны западной ЛЧЦ, несмотря на подавляющее превосходство последней в экономической области. Этому, конечно, способствуют не только собственные экономические возможности России, но и усиление экономической многополярности в мире, возникновение новых центров экономического

⁵³⁸ Truth and Beauty, www.truthandbeauty.ru

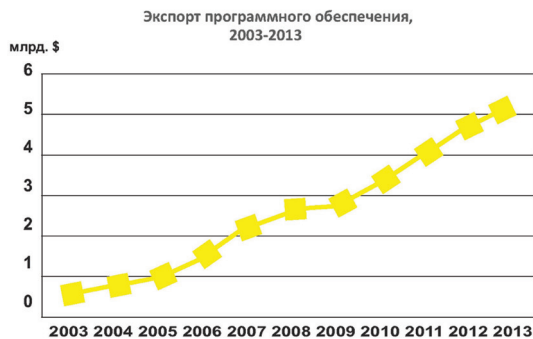
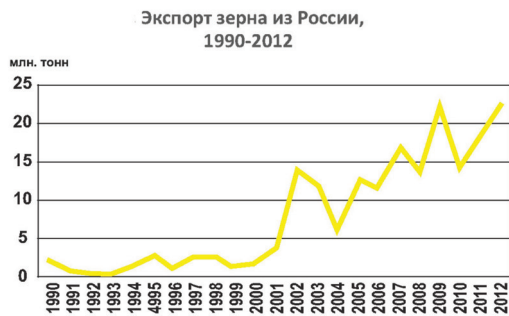

Рис. 13.14.–13.16

роста. Сотрудничество с этими центрами позволяет избежать экономической изоляции и рассчитывать на продолжение экономического роста после перестраивания структуры внешнеэкономических связей, ранее ориентированных на Запад.

13.3. Ответные действия России на угрозы в области национальной безопасности

В контексте сценария «Глобального военно-силового противоборства» важное значение приобретает анализ и прогноз ответных действий России на будущие внешние и внутренние угрозы, прежде всего с точки зрения минимизации рисков. Это означает, что мы должны быть готовы дать ответную и несимметричную реакцию на максимально большое число вызовов, разрабатывая наиболее адекватные средства и способы борьбы. Так, совершенно очевидно, что невозможно для России в одиночку участвовать в войне на всех удаленных ТВД или готовиться к войне со всеми странами — членами НАТО и их союзниками, полагаясь только на обычные вооружения на европейском ТВД.

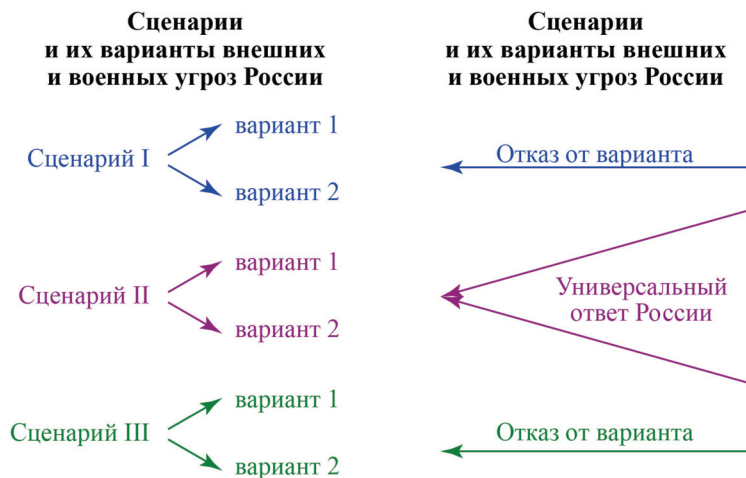

Рис. 13.17

Выбор такой стратегии реагирования крайне важен, ибо позволяет концентрировать национальные ресурсы на самых важных направлениях военного строительства. Представляется, что в 2015 году таковыми являются:

- воздушно-космическая оборона (ВКО);
- стратегические наступательные вооружения (СНВ);
- относительно ограниченные мобильные сухопутные силы и силы специального назначения.

Выбор в пользу чего-то всегда означает отказ от чего-то. В данном случае это означает:

- сохранение умеренных сухопутных сил;
- ограниченных ВМС;
- ограниченных средств фронтовой авиации.

Скорее всего, период 2016–2021 годов станет периодом постепенного и поэтапного перехода «реалистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» в «пессимистический», который, видимо, придется на 2019–2021 годы. Поэтому его можно охарактеризовать как период непосредственной подготовки к глобальной войне в условиях уже ведущейся сетцентрической войны против России, задачей которой является максимально ослабить Россию и усложнить ее подготовку к отражению военной агрессии.

Вместе с тем важно иметь в виду, что варианты одного и того же вероятного сценария развития МО легко «взаимозаменяются», а переход от «оптимистического» к «реалистичному» и даже «пессимистичному» варианту сценария может произойти в краткосрочной перспективе одного-двух месяцев. Политически это не должно вводить в заблуждение: переход от одного варианта к другому может быть как реальным, так и мнимым, сделанным в силу самых разных соображений. Например, для дезориентации противника или консолидации союзников, или по внутривнутриполитическим соображениям. Так, визит госсекретаря США Керри в мае 2015 года в Москву и корректировка риторики не явились сменой «пессимистического» варианта на «реалистический», а тактической уловкой с целью изменить позицию России по ряду вопросов. По большому счету России дали понять, что если она вернется к послушанию, то «мы подумаем, что мы можем сделать».

Быстрая смена обстановки в 2016–2021 годах потребует формирования значительного государственного резерва, который может и не быть практически использован (а, значит, будет обузой для экономики), либо найти применение которому будет трудно впоследствии. Поэтому особое значение имеет точный среднесрочный прогноз реализации того или иного варианта в рамках одного вероятного сценария развития МО на 2016–2021 годы. Сроки здесь имеют значение.

Так, еще в начале 20-х годов XX века руководством СССР была констатирована неизбежность войны с империалистическими державами и необходимость индустриализации как средства подготовки к ней, т. е. политически признан в долгосрочной перспективе неизбежный сценарий войны, что не означало одновременно признание наиболее вероятного быстрого начала полномасштабной войны и необходимости мобилизации. Армию сократили.

В 30-х годах вероятность такой войны (варианта того же самого сценария) постоянно повышалась, а сроки — сокращались до нескольких лет. К началу 40-х годов вероятность того или иного варианта одного и того же сценария полномасштабной войны отличались по срокам на один-два года, даже месяцы. «Пессимистический» вариант сценария развития МО сработал быстрее, чем ожидал И. Сталин, который полагал, что у него есть еще несколько месяцев. А это привело к тяжелым поражениям СССР на начальном этапе войны. По сути дела, сказанное означает, что советское руководство в рамках одного и того же сценария развития МО (неизбежность полномасштабной войны) оценило в качестве наиболее вероятного вариант «оптимистический» — начала войны в 1942–1943 годах, а не летом 1941 года.

В современных условиях, когда использование военной силы в глобальной войне может быть массовым и широкомасштабным в короткие сроки и вести к достижению поставленных целей в очень ограниченный период времени, (что, собственно, и планируют в США) приходится неизбежно исходить из худшего, «пессимистического» варианта сценария, а именно, что уже до 2021–2022 годов не исключается не только региональный военный конфликт России и США и их союзников в Европе, но и глобальная война на различных ТВД с использованием всех имеющихся сил и средств. Другими словами предполагается, что идущая сетцентрическая

война против России в качестве базового варианта ориентирована на постепенную эволюцию в 2016–2021 годы «пессимистического» варианта в направлении усиления в нем вооруженного компонента. Но этот базовый вариант отнюдь не исключает того, что эволюция «пессимистического» варианта не сможет произойти быстрее, то есть до завершения переходного периода 2016–2021 годов.

Сказанное означает, что в соответствии с таким «пессимистическим» вариантом сценария «Глобального военно-силового противоборства», Соединенные Штаты и их союзники должны иметь все необходимые средства и возможности для такой войны уже до начала будущего этапа в 2021 году. Обладание таким потенциалом отнюдь не означает, что война обязательно будет. В то же время, наличие такого потенциала позволило бы Западу достигнуть ряда стратегических целей, в частности:

- Продемонстрировать эти возможности России и иметь все основания для политического давления, т. е. использовать военную силу в политико-психологической форме. Эта форма — наиболее эффективна потому, что, во-первых, минимизирует риски собственно войны; во-вторых, снижает финансовые и материальные издержки; в-третьих, наиболее приспособлена для современного характера (гибридной) войны, когда основной целью становятся не ВС противника, а политика правящей элиты;
- В случае перехода к непосредственным военным действиям контролировать эскалацию, т. е. быть более сильным на каждой из ступеней эскалации военного конфликта, а значит фактически управлять его развитием;
- В случае перехода конфликта в полномасштабную войну необходимо быть абсолютно уверенным в победе в такой войне. Более того, важно, чтобы противник (Россия) заранее, еще до начала военных действий знал, что он обречен на проигрыш в такой войне;
- Наконец, в отличие от политики «сдерживания», которая многие годы была основой внешней политики Запада, современный вариант сценария развития МО предполагает не оборону, а наступление на позиции России. В частности, необходимость проявления инициативы и наступательного характера действий по отношению к российской цивилизации.

Такой вывод относительно развития наиболее вероятного варианта базового сценария МО в 2016–2021 годы означает, что наша страна должна провести срочные, массовые и неотложные мероприятия по мобилизации своих экономических, политических и демографических возможностей в условиях относительно мирного времени, т. е. при формальном отсутствии войны, до возникновения явной военно-политической угрозы, т. е. в ближайшие годы. Целью таких мероприятий является фактически создание новой военной организации России, соответствующей условиям и характеру современной МО.

Учитывая опасность развития событий по «пессимистическому» варианту, можно прогнозировать, что подобная эволюция МО будет происходить достаточно медленно, через промежуточные этапы, вероятные паузы, а иногда — даже отходы, связанные с дипломатической игрой и политической конъюнктурой в мире. Развитие любого следующего этапа «пессимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» будет неизбежно предполагать вполне определенные, а именно системные действия со стороны западной ЛЧЦ, в частности:

- усиление информационной и психологической войны;
- публичные заявления и информационную подготовку;
- резкие и противоречащие им «мирные» выступления полуофициальных и официальных лиц, не требующие немедленных действий;
- осложнение торгово-экономических и финансовых отношений между ЛЧЦ;
- формирование «внешнеполитического вакуума» вокруг России;
- максимальная консолидация позиций всех западных стран-участниц и скрытое давление на их правительства и т. д.

Такая тактика поведения США и ряда стран — союзников связана с реализацией приоритета коалиционной стратегии, который предполагает, что все страны или, по крайней мере, их абсолютное большинство должны поддержать американский вариант («пессимистический») развития сценария МО в 2016–2021 годы.

Однако, учитывая, что интересы целого ряда стран далеко не всегда полностью совпадают с интересами США, Вашингтону потребуется некоторое время для продвижения своей позиции как внутри США, так и за рубежом. Так, политико-информационная

подготовка США и НАТО к войне против Югославии в 1999 году заняла, по некоторым оценкам, 6–8 месяцев. Соответственно и переход на очередной этап военного противоборства потребует каждый раз, как минимум, нескольких месяцев, что в итоге может занять от 2 до 5 лет. Эти сроки вполне укладываются в цикл нарастания противоборства западной ЛЧЦ против России, который должен закончиться к 2021–2023 годам и перейти в открытую фазу войны, если политические цели не будут достигнуты иными способами, а именно с помощью системного и сетецентрического противоборства.

К концу 2015 года невоенные средства по отношению к России отнюдь не были исчерпаны. Более того, на Западе в целом признавалось, что для проведения силовой политики в отношении России невооруженными средствами сохраняются огромные экономические и финансовые возможности. С другой стороны, эти средства наносили ущерб тем, кто их применял. Так, на страны ЕС приходится более половины внешнеторгового оборота России, более 70% иностранных инвестиций, а также 63% торговли нефтью⁵³⁹. К тому же Газпром занимает около 30% европейского рынка газа. Поэтому введение санкций имело и обратный эффект — они негативно отразились на экономике самого ЕС.

Но, главным инструментом, как оказалось, стало прямое и не прямое воздействие на российскую правящую элиту. Применение этого инструмента стало опробоваться заблаговременно, начиная еще с пресловутого «дела Магницкого». Системное влияние на Россию предполагает расширение спектра средств воздействия, как на правящую элиту, так и на все общество. Последнему отводится роль силы, должной оказывать давление на правящие круги страны.

За 1990–2015 годы российская правящая элита и часть общества «проросли» на Западе, прежде всего в Европе, не только собственностью и совместным бизнесом, но и обучением и проживанием близких, а также отдыхом, лечением и услугами, без которых уже трудно обойтись в России. И речь идет не о тысяче человек, а о десятках тысяч граждан, оказавшихся прочно связан-

⁵³⁹ Иванов И. С., Браун Д., Ротфельд А. Д. Необходимо строить Большую Европу / Проблемы и перспективы строительства Большой Европы: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига. 2014. С. 5.

ными с Западом различными интересами. Причем, это, как правило, состоятельные, образованные, социально активные, а следовательно влиятельные люди. Поэтому не только реальные действия, но и информационно-психологические акции на Западе крайне болезненно воспринимаются в российской элите.

Вместе с тем ограничения, наложенные на Западе на российскую элиту, привели к бегству российского капитала, который десятилетиями скрывался в Великобритании, Испании и Франции. Последствия для этих стран оказались серьезными, что лишний раз подтвердило зависимость стран друг от друга в глобальной экономике.

В определенном смысле поведение администрации Б. Обамы в 2015 году является иллюстрацией тактики системного противоборства: сначала следуют радикальные заявления сенаторов и конгрессменов — зондаж. После этого возникает некая пауза, за которой следуют выступления вице-президента и госсекретаря. Затем — снова пауза, во время которой тщательно анализируется реакция Москвы. И в заключении следуют «совместные» демарши США–ЕС с обязательными обещаниями «отказаться, в случае, если Москва изменит свое поведение». Очень важно, поэтому отличать эту тактику США, манеру поведения и реальную стратегию эскалации сетецентрической войны, которая неизбежно ведет к тому, что после 2021 года вероятность того, что развитие сценария МО в военную стадию масштабного конфликта России с западной ЛЧЦ будет очень высока.

Признание данного стратегического прогноза и его конкретных среднесрочных результатов до 2021–2022 годов в качестве реалистических, означает, что неизбежно предстоит внести изменения в некоторые области стратегического планирования национального (социально-экономического, научного, инновационного, образовательного и пр.) развития до 2021–2022 годов. Это должно найти свое конкретное отражение не только в гособоронзаказе, но и бюджетном планировании.

Учитывая варианты сценария «Глобального военно-силового противоборства» и соответствующую стратегию западной ЛЧЦ против России уже в среднесрочной перспективе до 2021–2022 годов необходимо:

- Предусмотреть анализ и прогноз развития, в 2015 году, всех возможных мер и средств, которые могут быть использованы

противником в этих вариантах сценария сетецентрической войны — от психологических и информационных до силовых и вооруженных. Очевидно, что их будет немало, в т. ч. и таких, которые пока что мало известны в России. Также следует учесть, что Россия никогда целенаправленно не готовилась к такой войне, а военная организация страны не ориентирована на отражение подобной агрессии. Речь идет не только о Вооруженных Силах России, Внутренних войсках, МЧС, но, и о всех органах государственной власти и управления на всех уровнях, а также институтах гражданского общества. Особенно, если речь идет об общественных институтах и структурах бизнеса, участие которых в военной организации страны вообще не рассматривается, в то время как, например, в США на это делается серьезный акцент;

- В противодействии агрессии в условиях сетецентрической войны участвуют все институты государства, а не только его военная организация. Кроме того, в отражении потенциальной агрессии должны участвовать негосударственные национальные институты, а также бизнес-сообщество, ибо спектр средств воздействия сетецентрической войны чрезвычайно широк и не ограничивается только вооруженными силами и средствами. На это обстоятельство, в частности, было обращено внимание руководителей главных управлений Генштаба РФ на конференции Академии военных наук в апреле 2015 года;
- Такие возможные меры противодействия необходимо тщательно проанализировать под углом зрения возможных силовых, в т. ч. военных способов ведения сетецентрической войны, а также вероятных силовых невооруженных средств (от обычных палок и листовок, до охотничьего оружия). Так, например, против России, как нации и государства, будут использованы, прежде всего, новые тактические приемы и средства, противодействие которым не проработано ни в соответствующих правоохранительных и военных структурах, ни в ведомствах, отвечающих за их техническое оснащение.

Некоторые военные эксперты, например, особо выделяют нетрадиционные приемы демонтажа государства, хотя этот перечень очень приблизителен. Нужен точный, научно обоснованный и проработанный конкретно перечень всех возможных средств

противодействия. Но даже приведенный перечень, показывает, что для некоторых приемов у современной России нет адекватных средств противодействия⁵⁴⁰.

Надо отчетливо понимать, что, с одной стороны, этот перечень мер, приемов и способов может быть расширен до сотен наименований (в некоторых документах США этот перечень превышает 150 названий), а, с другой, — не существует универсального перечня всех мер и приемов. Между тем, стратегическая обстановка всегда абсолютна конкретна и исключительно оригинальна. Она, как и любая война, зависит от тысяч переменных, просчитать которые заранее невозможно⁵⁴¹.

Основная трудность заключается в том, что в 2015–2021 годы предстоит готовиться заранее к любому из вариантов развития событий, что предполагает тотальную подготовку не только военной организации страны, но и всей нации. План развития ВиВТ в этих условиях должен быть существенно расширен. В него, например, должны быть включены силы, средства и меры силового подавления организованных извне гражданских выступлений. Просто водометов и резиновых палок этого будет явно недостаточно. Особенно, если учитывать масштаб и достигнутый очень высокий технологический уровень организации подобных акций на Западе.

Такую подготовку должен возглавить уже не Генеральный Штаб или Министерство обороны, а — учитывая историю, традиции и правовые нормы — Президент страны. Для этого необходимо создать специальный орган управления, функции которого будут значительно шире, чем Совета Безопасности страны и включать в себя функции управления всей нацией и обществом. Преобразованием такого органа управления может служить Государственный комитет обороны (ГКО), созданный в период Великой Отечественной войны.

⁵⁴⁰ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

⁵⁴¹ Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич [и др.]. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 19–70.

13.4. Меры по укреплению военного потенциала государства

13.4.1. Изменение военной организации государства

Стратегия России в 2016–2021 годы прямо зависит от того какой вариант («пессимистический» или «реалистический») сценария «Глобального военно-силового противоборства» в 2016–2021 годы будет выбран Западом окончательно. Именно это будет определять основные направления военного строительства не только до 2021 года, но и в долгосрочной перспективе. И не только в оборонных отраслях, но и в его военной организации в национальном масштабе.

В частности, «оптимистический» вариант не предполагает массового использования военного потенциала в глобальных масштабах в ближайшие годы. Но он же исходит из более активного использования невооруженных средств насилия в переходный период. Это значит, что не требуется полностью боеготовый военный потенциал, который нужно будет ввести в действие немедленно после начала военного конфликта в глобальной стадии. Вероятность постепенного, растянутого на годы военного конфликта, в соответствии с этим вариантом сценария сетецентрической войны, очень велика.

Точное определение варианта развития сценария МО в 2016–2021 годы имеет важное тактическое значение для распределения национальных ресурсов. И не только бюджетного планирования, но и решений по поводу НИОКР и модернизации ВиВТ. Так, если нет непосредственной военной угрозы, то и национальные ресурсы могут быть использованы иначе. В частности, большая доля расходов в 2016–2021 годы может быть потрачена на НИОКР перспективных образцов ВиВТ и вообще на развитие национального человеческого капитала⁵⁴², а не на избыточное серийное производ-

⁵⁴² Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич. М.: МГИМО, 2014. С. 111–122.

тво устаревших ВиВТ, необходимое, может быть, какое-то время непосредственно только на начальной стадии войны. И, наоборот: если, как это будет при развитии вероятного «пессимистического» варианта сценария МО, войну планируется начать глобально и масштабно в короткие сроки, то необходимо иметь соответствующие запасы ВиВТ на ее первый период.

В условиях системного и сетевого противодействия, когда друг другу противостоят не только собственно военные организации государств, но и противоборствующие системы, включая коалиции союзников и партнеров, успешная стратегия обороны уже не может опираться только на ВС и ВиВТ и даже на всю военную организацию страны. Ее эффективная опора — значительно шире. Она включает уже и общественные организации, и бизнес сообщество. Эту мысль можно изобразить графически, сравнив две военные организации ЛЧЦ — российскую и западную.

Как видно из рисунка (рис. 13.18), сравнение очевидно не в пользу России. И не только потому, что США мощнее России в экономическом плане, но и потому, что коалиционные, союзнические и партнерские возможности США увеличивают это разрыв еще значительнее. Когда сравнивают военные возможности противостоящих сторон, то речь идет, прежде всего, о количественных сопоставлениях и их производных (количестве самолетов, танков и т. д.), а не о конкурентных преимуществах военной организации Запада перед Россией — институтах гражданского общества, бизнес структурах и союзах.

Кроме того легко заметить «резерв», существующий у западной ЛЧЦ в виде негосударственных институтов — ЧВК, обществ, ассоциаций (например, любителей стрелкового оружия США) и других институтов реализации человеческого капитала. А так как

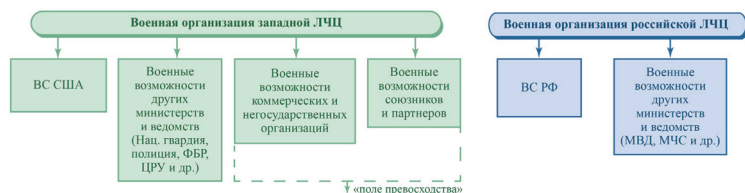

Рис. 13.18. Сравнение военных организаций двух противостоящих ЛЧЦ

национальный человеческий капитал и его институты являются главным ресурсом в XXI веке, то и преимущество в нем гарантирует наиболее предпочтительные позиции в соперничестве. Речь идет об университетах, СМИ, социальных сетях, фондах, других институтах НЧК, создающих «поле превосходства».

«Пессимистический» вариант сценария «Глобального военно-силового противоборства» учитывает в полной мере эти различия в военных организациях двух ЛЧЦ. Именно поэтому системная и сетцентрическая стратегия западной ЛЧЦ использует в 2016–2021 годы, прежде всего, эти конкурентные преимущества. Российская военная организация, уступающая западной в институтах развития НЧК, бизнес-организации, а также в союзниках и союзах, будет в эти годы опираться фактически только на собственно военную организацию государства и его институты.

Именно поэтому в переходный период до 2021 года на все вызовы со стороны Запада — экономические, дипломатические, информационные, гуманитарные и другие — у России остается гораздо меньше возможностей для реакции. Так, на экономические санкции Запада Россия отвечает ограничением торговли с этими странами, а на финансовую блокаду — кредитованием из государственных средств.

Таким образом, «пессимистический» вариант наиболее вероятного сценария предполагает, что к 2021 году государственные ресурсы и резервы России будут существенно ограничены, если не принять срочных мер по развитию структуры сетевой войны, аналогичной западной. Между тем, еще до перехода противоборства в вооруженную фазу западная ЛЧЦ стремится истощить российские ресурсы с тем, чтобы, когда это потребует, таких возможностей было меньше. В этом смысле понятна и война «на истощение» на Украине.

Такое «поле превосходства» в условиях системной сетцентрической войны в 2016–2021 годах способно обеспечить США достижение поставленных целей, либо, как минимум, привести к истощению ресурсов России. Собственно вооруженные силы и военная сила западной ЛЧЦ обеспечивают силовое прикрытие для эффективного использования этих средств. Финансовый, экономический или торговый шантаж в этих условиях становится «естественным» средством политики. Учитывая, что характер

современной войны определяется эффективностью противодействия не только вооруженных, но и невооруженных сил и средств, подобное противоборство становится особенно не в пользу России.

Поэтому важнейшей задачей России в контексте сценария «Глобального военно-силового противоборства» является форсированное развитие национального человеческого капитала и его институтов. Эта роль НЧК, к сожалению, не вполне оценена для обеспечения национальной безопасности, хотя именно от качества НЧК зависит качество ВиВТ, возможности оборонной промышленности, а также эффективность ВС и управления государством и его военной организацией. В самом общем виде эту зависимость можно показать на следующем рисунке (рис. 13.19)⁵⁴³.

Рис. 13.19.

Если обратить внимание на эти функции, которые при реализации любого из вариантов сценария «Глобального военно-силового противоборства» после 2021 года становятся решающими в сетевой и сетцентрической войне, то неизбежно следует прийти к выводу:

Во-первых, о приоритете НЧК для обеспечения безопасности страны, а именно, что качество личного состава (образование, профессиональные навыки, физический уровень, нравственно-духовное состояние) ВС страны, качества ВиВТ и качество управления должны занимать важнейшее место в планах подготовки отражения внешней опасности. В том числе и с точки зрения финансирования, администрирования и политико-идеологической подготовки.

Во-вторых, качество НЧК играет особенно важную роль для военной организации государства в XXI веке, которая должна

⁵⁴³ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

включать в себя не только военные и силовые институты, но и институты гражданского общества (развития НЧК) и бизнеса. Если попытаться сравнить существующие структуры военной организации США и России, то даже в самом общем виде мы увидим существенные различия между ними (рис. 13.20).

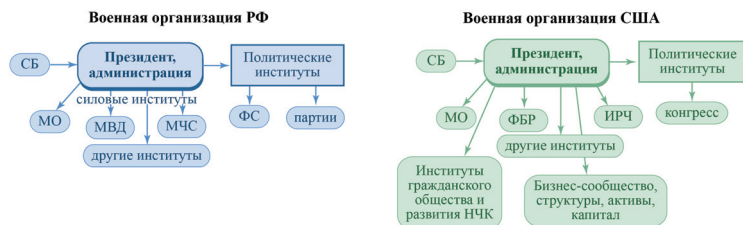

Рис. 13.20.

Именно институты развития НЧК и бизнеса США составляют важнейшую часть военной организации страны, роль которых в противоборстве ЛЧЦ стремительно усиливается, а в период после 2020 года станет решающей даже по отношению к силовым институтам государства.

Современная структура военной организации России, таким образом, очевидно, устарела и не соответствует требованиям ведения глобальной сетецентрической войны по целому ряду параметров. В этой связи остро встает вопрос о реформировании все военной организации, которое можно сделать постепенно, за 5–6 лет, до 2021 года, а не за несколько недель как в начале Великой Отечественной войны, когда спешно были созданы ГКО, Ставка Верховного главнокомандующего и реформированы округа и др. военные и гражданские структуры.

В настоящее время уже нельзя игнорировать то, что западная ЛЧЦ фактически распространила структуру своей военной организации на все институты западного общества, включая негосударственные, частные, финансовые и международные, сделав их не просто частью военной организации страны, но и эффективными инструментами своей политики.

В этом случае, например, собственно сухопутные силы предназначаются не для ведения военных действий, а для оккупации и установления политического контроля над государством

и ключевыми объектами его инфраструктуры, в то время как военизированные формирования (формально-общественные организации), выступают важными реальными политическими инструментами в реализации сценария «Глобального военно-силового противоборства». Надо отметить, что такую роль в 2014 году, фактически выполнили на Украине отряды «Правого сектора» и добровольческие батальоны, обеспечившие террор против представителей власти и силовых структур и невмешательство ВС и органов правопорядка во время государственного переворота.

Все это требует срочной модернизации всей военной организации России и ее системы гражданского и военного управления. Если в «нормальных», мирных условиях, например, главная цель власти заключается в ускорении социально-экономического развития страны и повышении эффективности действующих институтов государственного управления, т. е. сохранении в целом, как всей системы, так и модели управления государством, то в условиях ведущейся сетецентрической и сетевой войны меняется не только модель управления, но и политическая система общества и государства, а также главные цели, стоящие перед государством и его военной организацией.

Стремление избежать публичного политического признания ведущейся войны против России и ее неизбежное перерастание в глобальный конфликт — естественное и понятное желание любых политиков. В том числе и российских. Тем не менее, оно необходимо, ибо в противном случае принимаемые руководством меры будут не поняты и отвергнуты обществом.

Реорганизация всей военной организации страны — самый первый шаг после политического признания факта ведущейся сетецентрической войны, способный внести существенные коррективы с точки зрения повышения эффективности внешней, внутренней и военной политики самим своим фактом. Даже вполне осторожные действия В. Путина в этом направлении, которые искусно маскировались «отсутствием интереса» к агрессивным действиям США (маневры, в т. ч. с кораблями ВМФ КНР, высадка десанта в Таджикистане, боевые стрельбы и т. д.), показали Западу, что в России всерьез относятся к росту военной угрозы. Что там прекрасно понимают перспективы развития МО. В том числе и то, что реализация такого «пессимистического» варианта сценария

Некоторые различия между действиями власти в мирных и военных условиях

Области государственного управления	Действия власти в области управления в мирных условиях	Действия власти в области управления в условиях сетецентрической войны
1. Признание факта войны / враждебных действий	Политическое решение, ориентирующее общество, СМИ и институты относительно ситуации в стране и МО (пример: заявление ТАСС накануне нападения Германии на СССР)	Политическое решение, ориентирующее государственные, общественные институты, СМИ и бизнес относительно положения страны и МО (Выступление В. Молотова и И. Сталина после начала ВОВ)
2. Структура и организация органов государственного управления	Отсутствие значимых мер по изменению структуры органов управления	Изменение всей структуры органов гос. управления и создание новых органов (ГКО, Ставка и др.)
3. Политическая система общества	Не меняется, заведомо отставая от возникающих задач	Меняется радикально (отмена или перенос выборов, увеличение полномочий исполнительных органов власти передача части функций военным и т. д.)
4. Стратегия развития государства	Сохраняется социально-экономическая и финансовая стратегия, ориентированная на макроэкономические показатели	Стратегия ориентирована на победу в войне на всех стадиях конфликта. В современных условиях — на отсутствие компромисса

в будущем направлена на достижение самых решительных политико-цивилизационных целей и не предполагает достижение каких-либо компромиссов и договоренностей, сводя роль дипломатии к медийной поддержке сетецентрической стратегии.

Главное, что должно произойти в государственном и военном управлении России в 2016–2021 годы, это переход от государственного (институционального) к национальному (общественно-политическому) управлению не только на уровне органов власти, но и на региональных и местных уровнях и уровне военных организаций. Это означает, что концептуально государственное и военное управление должно выйти за рамки институтов государства — как законодательных, так и исполнительных и судебных — на общенациональный уровень, где существующие механизмы и институты не отменяются, а дополняются национальными.

Новая военная организация в России должна обладать возможностью управления не только ВС и силовыми формированиями, но и гражданскими институтами и бизнес-ресурсами, обеспечивая их максимально полной и проверенной информацией, гарантируя, таким образом, работу на опережение. Другими словами, после 2021 года государственное и военное управление должно стать общенациональным управлением ведения сетецентрических операций на любых ТВД и в ходе любого по масштабу или интенсивности конфликта, включая глобальный ядерный конфликт.

13.4.2. Дальнейшее развитие военного искусства

Развязывание Западом против России войны нового типа, сетецентричной (гибридной), требует выработки новых способов, методов и приемов противодействия этой агрессии. В этой связи руководству России предстоит принять на вооружение нетрадиционные способы и средства ведения войны, которые должны быть, не только адекватными, но и эффективными, а также политически приемлемыми. Все это требует дальнейшего развития военной теории.

Военное искусство, столетиями разрабатывалось для ведения войн — от локальных до мировых — но оно очень мало может сегодня нам рассказать о системных войнах сетецентрического

характера, когда вооруженная борьба смыкается с политико-идеологическими диверсиями, когда в качестве вооруженных подразделений выступают гражданские формирования и т. п. Пока что мы можем анализировать только самые первые признаки будущей войны, но и они говорят о необходимости изменений в военной организации государств.

Так, в апреле 2015 года руководство США приняло решение о фактическом создании на базе инфраструктуры «Радио Свободы» в Праге информационного командования для противоборства в социальных сетях, прежде всего, «В контакте» и «Фейсбуке». Формально это командование не относится к ВС США, выполняя по сути дела именно функции ведения сетевцентричной войны. Не случайно, например, что в бюджете Центрального командования США ежегодно выделяется 3 млн долл. для поддержки сайта «Евразия». Война на Украине показала, что информационные и дезинформационные операции вышли на первый план.

В этих условиях мы сегодня должны говорить уже не только о развитии военного искусства — стратегии, оперативного искусства и тактики, его теории и практики, изучения опыта военачальников и т. д., но об искусстве ведения сетевцентрической цивилизационной борьбы за выживание нации. А это уже не только собственно военное искусство для ведения вооруженной борьбы силами армии, авиации и флота. И даже не военное искусство всей военной организации государства. Это — военное искусство для силовой борьбы всей нации за сохранение своей самоидентификации и государственного суверенитета⁵⁴⁴.

Такое военное искусство для новой военной организации еще только требуется создавать, но уже сегодня ясно, например, что в нем необходимо будет предусмотреть не только новые способы использования военной силы (т. е. эволюцию традиционного военного искусства), но и разработку способов использования новых институтов военной организации. В частности, речь идет о том, каким образом в будущей войне могут быть использованы

⁵⁴⁴ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

общественные, религиозные, творческие организации гражданского общества, бизнес структуры и институты бизнес — общества и т. д.

Подобное синтезированное военное искусство встречалось исключительно редко в истории. Например, в ходе Второй мировой войны, когда Государственный комитет обороны СССР обеспечил концентрацию и использование всех национальных ресурсов: физических, материальных, интеллектуальных и духовных. Но, повторю, что это происходило в условиях глобальной войны и абсолютной национальной мобилизации в исключительных условиях.

Сегодня складывается очень похожая ситуация, когда противостояние в мирное время всему спектру средств сетецентрической войны только средствами и силами Вооруженных сил России и даже всей военной организацией страны уже невозможно. Нужны действующие органы национальной мобилизации, управления, способные эффективно противостоять стратегии сетецентрической войны в относительно мирный период, когда отсутствует военное положение. Или, выражаясь по-другому, когда уже идет необъявленная война, а непосредственная угроза не ощущается явно. Военная организация государства должна не реагировать на начало войны, а противодействовать ей на стадии ее подготовки, до фактического начала.

Соответственно требуются:

- новая военная организация государства, способная противодействовать противнику (как явному, так и «облачному») в новых политических условиях, в т. ч. относительно или формально мирных;
- новые институты военной организации и новые способы их использования, новое военное искусство ведения сетевой и сетецентрической войны;
- переосмысление и перераспределение национальных ресурсов, включая финансирование военных расходов после выполнения ГОЗ-2020.

Такое перераспределение финансирования в рамках уже обозначенных военных расходов (ограниченных объемом ВВП и долей военного бюджета) должно исходить из нового характера военных угроз, вытекающих из сценария развития «Глобального военно-силового противоборства» после 2021 года. Прежде всего, необ-

ходимо пересмотреть приоритеты между видами и родами войск в пользу новых видов, ориентированных на использование в се-тецентрических войнах, прежде всего, войнах управляемого хаоса.

Условно можно выделить следующие признаки стратегии управляемого хаоса, именуемого еще в СМИ «цветными революциями»:

1. Страна-объект агрессии всегда имеет внутренние проблемы, которые могут быть использованы в качестве заплата для проведения переворота с приведения к власти прозападного режима. Именно поэтому новая военная организация государства должна внимательно отслеживать появление и развитие внутривнутриполитических, экономических, этнических и иных проблем;

2. Проводится серьезный подготовительный этап при помощи агентов влияния, политико-дипломатического и, в случае необходимости, экономического давления, использования неправительственных и некоммерческих организаций, чья деятельность, как правило, затрагивает все социальные группы, начиная от молодежи и заканчивая политической элитой.

Новая военная организация должна противопоставить свои средства, свои организации, свои инструменты влияния. При чем не только для нейтрализации усилий противника, но и для борьбы на «чужой территории», включая территорию противника. Так, например, учитывая остроту расовых проблем в США можно и нужно поддержать организации, которые борются в США за расовое равноправие;

3. В нужный момент используется любой повод для организации протестов (например, засуха в некоторых арабских странах). Если такового нет, то он создается искусственным образом (создание информационного фона на Украине в конце 2013 — начале 2014 года о якобы отказе президента В. Януковича от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС, хотя речь шла только о ее приостановке, затем разгон студентов в ночь с 30 ноября на 1 декабря 2013 г., расстрел неизвестными снайперами участников и «майда-на» и силовиков и т. п.). Таким образом, в определенный момент народный протест инструментализируется с последующим его использованием против власти. Соответственно требуется контринформационная работа на опережение, когда информационные поводы нейтрализуются или создаются в инициативном порядке;

4. Все основные силы, участвующие в перевороте, организуются с использованием современных информационных технологий, а также через подконтрольные спецслужбы (классический пример — Украина образца 2014 г.);

5. Происходит объединение практически всех сил, оппозиционных к действующей власти и ее лидеру, который персонифицирует существующий политический режим;

6. Для большего паралича власти в возможности реагировать на вызванные волнения задействуется агентура в госструктурах, которая создает препятствия режиму в адекватном реагировании на стремительно развивающиеся процессы. В странах, прошедших демонтаж власти подобным способом, этот фактор играл разную по значимости роль;

7. Проплаченные провокаторы и специально нанятые лидеры при помощи социальных сетей и иных средств коммуникации выводят массы для создания протестов разных слоев населения, хотя практически везде главной силой выступала молодежь, что объясняется особенностями психологии и наибольшей пассионарностью данной возрастной группы;

8. После достижения цели — переворота — основная часть протестного движения фрагментируется. Исключение составляют наиболее радикальные элементы, которые в той или иной форме встраиваются в новый порядок (пример — «Правый сектор» на Украине);

9. После переворота, для лидеров антиправительственных выступлений, стремящихся как можно быстрее зайти на политический олимп, наступает короткий, но очень важный временной интервал, когда они наиболее уязвимы. В различных странах он длился по-разному, не более нескольких месяцев, и его суть заключалась в необходимости полного перехвата управления над всеми государственными структурами — от силовых органов до финансовых институтов. Если в этот момент не находилась третья сила, способная быстрее перехватить управление, то путчисты достигали цели и устанавливали новую власть.

Необходимо, кроме того, разработать соответствующие специальные средства противодействия таким вооруженным силовым акциям, чтобы у защитников государства кроме саперных лопаток и автоматов были эффективные средства борьбы, вклю-

чая соответствующие ВиВТ, которые должны быть уже включены в государственный заказ еще до 2021–2022 года. Сегодня таких средств практически нет, если не вспоминать о резиновых палках и наручниках.

Между тем нужен широкий спектр таких средств — от индивидуального оснащения военнослужащего (и ополченца) и гражданина до средств вооруженной борьбы для целых подразделений и даже целых воинских частей. И не только воинских частей или внутренних войск, но и для гражданских и полувоенных формирований, резервистов или частей активного резерва и национальной гвардии, созданных по примеру Израиля, США или Швейцарии. Монопольное право на боевое оружие для ВС или ВВ должно быть заменено контролируемым правом для определенных гражданских и полувоенных организаций, а также лично для граждан, принадлежащих к соответствующим организациям.

13.4.3. Оптимизация военно-технической политики

Развитие наиболее вероятного «пессимистического» варианта сценария МО после 2021 года предполагает появление и разработку самого широкого спектра способов и средств силовой и вооруженной борьбы, включающих, в том числе, и принципиально новые средства и способы, которые традиционно еще не относятся к вооруженной борьбе, а также их синтез со старыми и новыми средствами и способами ведения боевых действий. Происходит не только «размывание» границы между силовыми и вооруженными средствами и способами, но и превращение одних средств и способов их применения в другие. Так, например, бутылки с зажигательной смесью, палки и щиты не относились к категории «оружие», тем более «летальное оружие», но их использование в Киеве в феврале 2014 года показало, что при применении определенных приемов военного искусства они становятся смертельным и достаточно эффективным оружием.

Причем разработка новых способов применения нового оружия в широком спектре конфликтов имеет особенно важное значение. Создаваемая сегодня в США система боевого управления,

связи и разведки позволяет контролировать в режиме on-line развитие и управление конфликтом вплоть до уровня батальона-бригады. Есть все основания полагать, что после 2021 года система управления будет обеспечивать взаимодействие военного руководства с отдельными военнослужащими или гражданскими лицами, обеспечивая их абсолютно полной информацией, уже прошедшей проверку и предлагающие наиболее эффективные варианты действий.

К середине десятилетия также стало ясно, что полагаться только на стратегические ядерные силы нельзя. В современных условиях процессы развиваются таким образом, что массовое производство высокоточного оружия, развертывание глобальной системы противоракетной обороны и многие другие действия ведут к тому, что эскалация глобального конфликта может не сразу привести к применению СНВ. Или вообще не привести. В этой связи необходимо иметь достаточно широкий спектр ВиВТ и способов их применения в самых разных сценариях развития стратегической обстановки.

ГПВ-2020 в этих условиях стала запоздалой, но адекватной реакцией России на происходящие изменения, а ее масштабы продемонстрировали уже к 2016 году возможности российского ОПК быстро возвращать упущенные возможности. Именно в этих условиях в 2015 году проявилась необходимость предусмотреть вероятность варианта сценария полномасштабного, глобального вооруженного конфликта после 2021–2022 годов с тем, чтобы на всех уровнях — от гражданского конфликта до глобальной войны — совершенствовать как соответствующие способы вооруженного противодействия, так и средства (прежде всего высокоточные ВиВТ, включая военно-космические и ядерные на всех ступенях эскалации против любого противника).

Ключевой проблемой военного строительства в России после 2021 года станет повышение эффективности используемых в целях безопасности, включая оборону, национальных ресурсов. При этом существует несколько достаточно определенных исходных посылок, основными из которых являются следующие. Во-первых, с точки зрения расходуемых национальных ресурсов Россия не может симметрично тратить на оборону столько же, сколько ее потенциальные оппоненты, ибо объем ВВП у них совершенно

разный, а доля ВВП, выделяемая на оборону, не может существенно отличаться без серьезных негативных последствий для социально-экономического развития страны. Так, в 2014 году военные расходы ведущих стран мира составили:

США	581,0 млрд долл.
КНР	129,0 млрд долл.
Саудовской Аравии	80,8 млрд долл.
России	70,0 млрд долл.
Великобритании	61,0 млрд долл.
Франции	53,1 млрд долл.
Германии	43,9 млрд долл.
Индии	45,2 млрд долл.

При том, что доля расходов на оборону в России в ВВП за последние 5 лет увеличилась с 1,5% до 4,2% представляется абсолютно невозможным, что военная политика России будет обеспечена таким же объемом средств, как в США, а тем более совокупными расходами на оборону всех стран, относящихся к западной ЛЧЦ.

Более того, даже сегодняшние темпы военных расходов России представляются некоторым политологам чрезмерными. Как отмечают эксперты Центра анализа стратегий и технологий, «... реализация ГПВ-2020 в полном объеме предполагает либо совершенно нереальные темпы экономического роста на период 2011–2020 гг., либо существенное превышение заявленной доли оборонных расходов в ВВП страны в 3,5–4%»⁵⁴⁵. Уместно отметить, что по прогнозам Министерства финансов России по проекту бюджета на 2013–2015 гг. предполагалось, что ВВП России в 2015 г. составит 82,9 трлн руб. при сумме расходов федерального бюджета 15,7 трлн руб. Фактически в реальности на 2014 г. ВВП России составил 71.4 трлн руб. (с частичным учетом Крыма).

⁵⁴⁵ Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 14.

Рис. 13.21.

Для достижения уровня расходов на национальную оборону в 2020 г. в 6 трлн руб. при их доле в ВВП страны в 4 %. общий объем российской экономики должен составить около 150 трлн руб., то есть удвоиться по отношению к ВВП 2014–2015 гг., что предполагает китайские темпы экономического роста. Это выглядит совершенно утопичным показателем и без учета наступивших в 2014–2015 гг. обстоятельств. Даже в случае постоянного роста ВВП России в период 2016–2020 гг. на 4% в год (что само по себе представляет собой слишком оптимистичное допущение), ВВП России к 2020 г. составит менее 100 трлн руб., то есть лишь около двух третей от заявленных потребностей ГПВ-2020. Видимо, эти две трети от первоначально запланированных и составляют наиболее реалистичную оценку возможностей фактического финансирования на последующие 5 лет ГПВ-2020⁵⁴⁶.

Во-вторых, эволюция внешних опасностей и угроз, изменение характера политического противоборства и вооруженной борьбы, очевидно, внесут радикальные изменения в средства ведения си-

⁵⁴⁶ Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 14.

ловой и вооруженной борьбы, неизбежно сделав проблему выбора между ними чрезвычайно актуальной. В самом общем виде такой концептуальный выбор после 2021 года должен быть сделан между расходами на количество ВиВТ и их качества, наукоемкости, оригинальности и боевой эффективности, т. е. тех свойств, которые характеризуют высокое качество человеческого потенциала. В конечном счете это выбор в пользу ускоренного развития потенциала человеческой личности, качества национального человеческого капитала и его институтов, который станет решающим средством повышения эффективности всех силовых и вооруженных средств, включая ВиВТ, а также личного состава ВС и других институтов военной организации государства.

Иными словами будущая победа будет обеспечена наиболее умными, креативными и профессионально подготовленными специалистами, обеспечивающими весь спектр силового (а не только вооруженного) противоборства. Соответственно и доля национальных ресурсов, в т. ч. финансовых, выделяемых на подготовку и сбережение таких кадров, должна быть увеличена относительно других расходов. Это означает, что расходы на профессиональную и нравственную подготовку личного состава ВС и командования будут существенно выше, а их доля не только в ВиВТ, но и в управлении будет существенно больше.

Этот концептуальный выбор в пользу качества подготовки командования и личного состава будет означать, что после 2021 года значительные средства предстоит выделять не только на базовую профессиональную подготовку, но и переподготовку, освоение тренажеров и боевой техники и вооружений, внедрение новых комплексных систем управления ВС на поле боя. В конечном счете, любая боевая единица — боец–БТР–танк–самолет–ПУ и т. д. превратятся в сложную систему, связанную в сети не только «по вертикали» от рядового бойца до командующего, а «по горизонтали» между всеми системами, но и получающую в постоянном режиме проверенную и полную информацию о боевой обстановке, а также, вероятно, варианты возможных действий.

Такой концептуальный выбор предполагает также увеличение доли в военном бюджете на НИОКР и даже фундаментальные исследования, интеграции военной и гражданской науки и техно-

логий. В этом смысле затраты на оборону будут во многом являться и затратами на инновационное развитие. Но и, наоборот, развитие гражданских НИОКР будет определять общий уровень развития военных НИОКР;

После 2021 года неизбежно должно произойти перераспределение ресурсов в пользу тех видов и родов войск, которые играют и будут в еще большей степени играть решающее значение по сравнению с другими видами ВС и войсками. Так, очевидно, что резко усиливается значение войск воздушно-космической обороны, информационных средств, высокоточного оружия, сил специальных операций, а также средств воздушно-космического нападения и ряд других. Поэтому традиционное распределение ресурсов между видами и родами войск требует, вероятно, радикального пересмотра. По оценке экспертов, в настоящее время эти средства распределяются следующим образом в соответствии с ГПВ-2020. Они, в частности, отмечают, что «... анализ реализуемой ГПВ-2020 позволяет усомниться в том, что как раз именно иерархия приоритетов закупок вооружения и военной техники между видами ВС и родами войск найдена оптимальным образом. Так, наибольшая относительная доля средств, выделяемых по плану ГПВ-2020 на закупки в интересах непосредственно Министерства обороны (19,4 трлн руб.) должна быть выделена на приобретение техники и вооружения для ВМФ (около 5 трлн руб.), что почти вдвое больше, чем на технику и вооружение Сухопутных войск»⁵⁴⁷.

Маловероятно, что ВМФ России будет участвовать в сетцентрической войне в 2020-е годы столь же активно, как и другие виды и рода ВС. Его задачи, как и во время Второй мировой войны, будут значительно скромнее, а значит и выделяемые ресурсы (превышающие объемы всех других видов и родов войск) представляются чрезмерными. Даже с учетом расходов на ядерный компонент ВМФ РФ.

Значительное внимание в ГПВ на 2020–2030 следовало бы уделить и оптимизации ВВС, у которых на вооружении находится

⁵⁴⁷ Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 24.

Цели ГПВ-2020

Вид войск	Размер ассигнований, трлн руб.	Доля в %	Предполагается закупить или разработать
Сухопутные войска	2,6	15	2300 танков, 2000 артиллерийских систем, 10 бригадных комплектов оперативно-тактических ракет «Искандер-М», 9 бригадных комплектов армейской ПВО С-300Б4, более 30 тысяч единиц автомобильной техники
Военно-морской флот	5,0	25	8 ПЛАРБ проекта 955, 8 многоцелевых АПЛ проекта 885, 12 неатомных подводных лодок; 51 надводный корабль (в том числе 15 фрегатов и до 35 корветов)
Военно-воздушные силы	4,7	24	600 самолетов, 1100 вертолетов
РВСН	1,0	5	270–280 МБР «Ярс», разработка новой твердотопливной МБР «Рубеж» и новой жидкостной тяжелой МБР «Сармат»
Войска воздушно-космической обороны	3,4	17	56 дивизионов С-400, 38 дивизионов С-500, 38 дивизионов С-350, 120 БМ «Панцирь-С», интегрированная система управления ВКО, 4 РЛС «Воронеж», 100 космических аппаратов
Другое и межвидовое	2,7	14	Новые системы связи, управления, разведки
Итого	19,4	100	

Источник: Центр анализа стратегий и технологий.

множество типов истребителей, перехватчиков и бомбардировщиков. Их сокращение в пользу самых современных образцов и БПЛА представляется вполне обоснованным.

Наконец, очень внимательно следует отнестись к будущему составу Сухопутных войск, которые, учитывая площадь территории и протяженность границ России, должны прикрывать все стратегические направления от возможного нападения: Соотношение сил 1 : 1 недостижимо.

Есть основания полагать, что эта функция может быть обеспечена только при помощи средств воздушно-космического нападения и высококомобильных танковых, артиллерийских и ракетных соединений.

Обеспечить решение этих задач можно будет только в случае, если Сухопутные войска будут:

- увеличены в огневой мощи в десятки раз, а точность выстрела должна гарантировать уничтожение цели с первого раза;
- увеличение мобильности всех соединений в несколько раз по сравнению с существующими возможностями;

- обеспечение Сухопутных сил средствами поражения, управления и связи, которые превосходили бы качественно возможности вероятного противника.

В основе современной военной политики России находится Государственная программа вооружения на 2011–2020 годы, утвержденная Указом Президента РФ № 15651 от 31 декабря 2010 г. Её главной предпосылкой к реализации стало резкое увеличение оборонных расходов, большинство из которых не подверглось сокращению, несмотря на бюджетные трудности, что хорошо видно на примере ее сравнения с предыдущими государственными программами вооружений.

Одновременно в соответствии с принятыми нормативами была начата работа над проектом следующей Государственной программы вооружения на 2016–2025 гг. Разработка ее проекта осуществляется в соответствии с решением Военно-промышленной комиссии (ВПК) при Правительстве Российской Федерации от 24 октября 2012 г. Тогда же решением ВПК был начат процесс обновления самого механизма разработки и выполнения ГПВ⁵⁴⁸.

⁵⁴⁸ Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 9.

13.5. Внешнеполитическая стратегия России и перспективы реализации альтернативных сценариев развития МО

Стратегический прогноз, а тем более стратегическое планирование должны учитывать возможности сценарного проектирования, участия в формировании будущего сценария МО и его вариантов активного субъекта политики — Российской Федерации. Эта политика в настоящее время находится перед серьезным выбором, который по большому счету политически бескомпромиссен: либо признать монопольное право США и их союзников на формирование необходимых им норм и правил поведения в мире, приоритет их системы ценностей и интересов, либо вступить с этой политикой в противоборство. И в первом, и во втором случае это решение будет представлять собой не просто геополитический выбор, но и согласие: либо на субъектность, активную роль в мировой политике и способность к сценарному проектированию, либо отказ от этих прав и возможностей.

Российская ЛЧЦ после 2021 года вероятнее всего будет находиться в состоянии открытого военного конфликта с западной ЛЧЦ, но сам этот конфликт должен быть максимально локализован, а по своим политическим и военным последствиям, в идеале его возможность должна быть сведена к минимуму, несмотря на все усилия оппонентов и вероятных противников. В этих целях во внешней политике страны необходимо создать привлекательную для всех ЛЧЦ модель международной и региональной безопасности, основанную на нравственных политических и социальных нормах в противовес существующей западной модели безопасности.

С точки зрения изменения мировой МО, возможна, даже неизбежна смена основных парадигм мирового развития после 2021 года, которая вероятно приведет к глубокому кризису западной ЛЧЦ и США. В этой связи России важно «просто дождаться», минимизируя неизбежные издержки, связанные с силовым противоборством. «Тактика Кутузова» в период 2016–2030 годов для России будет наиболее выигрышной, но и наиболее трудной для реализации. Во многом она будет повторять внешнюю политику

КНР последних десятилетий, требующую огромной выдержки, с одной стороны, и твердости, — с другой.

В то же время, внешняя политика России не должна ограничиваться простым парированием ответов на угрозы, возникающие в ходе сетцентричной войны со стороны Запада. Одни лишь оборонительные действия и реагирование на шаги противника не будут эффективны и не дадут желаемого результата. Более того, есть определенные основания полагать, что активная деятельность как на международной арене, так и внутри страны, может на определенном этапе привести к смене наиболее вероятного сценария и его переходу в более благоприятный сценарий развития МО.

Таким образом, формирование и реализация того или иного сценария МО в долгосрочной перспективе будут во многом зависеть от позиции России и того сценария развития, который она выберет, того образа, который будет привлекательным. История начала XIX века, эпохи Наполеона, начала и середины XX века свидетельствуют о том, что «фактор России» играл в сценариях развития МО огромную роль. Россия может предложить другим локальным человеческим цивилизациям и нациям альтернативный и позитивный сценарий развития МО в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, усиление субъективных факторов формирования МО в XXI веке придает особое значение идеологии как политическому средству влияния. Привлекательная идеология (в данном случае система взглядов) становится «желаемым образом будущего», т. е. своего рода сценарием, изначально альтернативным сценариям противоборства. Такую идеологию не могут предложить ни западная ЛЧЦ, ни исламская, ни китайская (в силу своей национальной специфики), ни индийская.

Во-вторых, обострение МО в XXI веке находит понимание и ожидаемо значительным числом представителей общественного мнения самых разных ЛЧЦ, которые осознают антигуманный и антисоциальный характер господствующей системы. Не случайно в многочисленных прогнозах США две первые по порядку и значению глобальные угрозы США видятся в социальной несправедливости и обнищании населения.

В этих условиях для России очень важно представить миру свое видение новой модели международных отношений. Эта мо-

дель должна представлять альтернативный долгосрочный сценарий развития МО для всех ЛЧЦ и наций в противовес сценарию «Глобального военно-силового противоборства». Более того, эта модель должна быть обеспечена реалистическим долгосрочным планом реализации для всех основных субъектов и акторов международных отношений. Сформулированная ясно идея и план, альтернативные военно-силовым сценариям, всегда будут обеспечивать России нравственные и политические преимущества в неизбежной информационной и сетевцентрической войне.

Баланс между наиболее вероятным сценарием и тем, который во многом может сформировать Россия, будет зависеть от очень разных факторов, но не в последнюю очередь от сознательно сформулированной и последовательной политики России. В частности, из развития ЕАЭС, ШОС и БРИКС может сформироваться сценарий развития МО, который станет привлекательным для многих стран мира. Ведь уже сегодня о готовности присоединиться в той или иной форме к Таможенному Союзу заявило более 30 стран. Особенно если учесть огромный потенциал развития, который существует в Евразии. Индия, например, уже не только обогнала по объему ВВП Японию, но и вскоре может выйти на уровень КНР. Аналогичная ситуация во многом ожидается с Индонезией и Бразилией, чьи экономические и военные потенциалы после 2021–2022 годов будут вполне сопоставимы с потенциалами Великобритании, Японии и Германии.

Поэтому внешнеполитическая стратегия России должна состоять в поддержании объективной тенденции к развитию многополярности, содействию любому движению в этом направлении даже тогда, когда это не несет непосредственных экономических или других выгод российскому государству. Конечно, в этом случае надо внимательно соразмерять свои действия с расходами на осуществление этих действий, чтобы не привести к излишней трате государственных средств. По существу, такие бескорыстные шаги следует предпринимать в ситуациях не требующих существенных затрат. В качестве малозатратных инструментов взаимодействия с другими странами могут выступать: политическая, дипломатическая поддержка, консультирование, предоставление разведанных, обмен опытом, помощь в распространении информации, подготовка военных и журналистских кадров и некоторые другие.

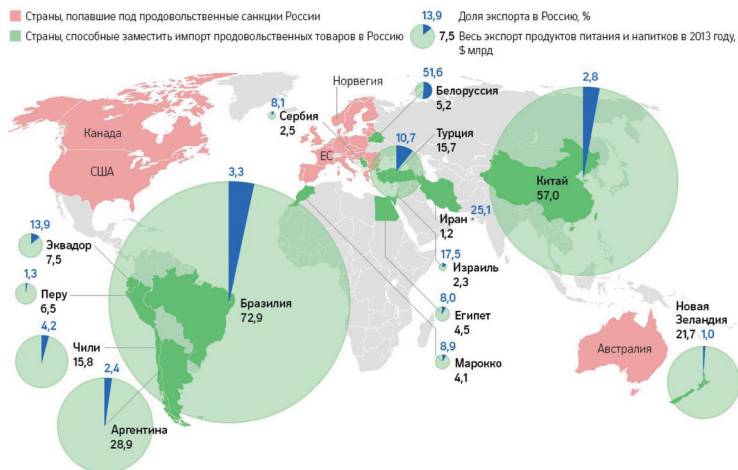
Очень весомым способом воздействия на изменение мирового баланса сил не в пользу Запада должен стать российский экспорт вооружений. России следовало бы отказаться от некоторых самоограничений такого экспорта, которые были введены по настоянию Запада и продолжают играть в пользу сохранения западного военного превосходства. Прежде всего, следовало бы выйти из режима контроля за распространением ракет и ракетных технологий. Например, разрешить экспорт противокорабельных крылатых ракет большой дальности, что сразу бы обесценило влияние американских авианосных групп. Можно было бы также начать экспорт дальних и стратегических бомбардировщиков, что позволило бы другим странам иметь средства для нанесения ударов по территории США и их союзников. Тоже самое касается и многофункциональных атомных подводных лодок, вооруженных крылатыми ракетами большой дальности.

Приоритетным направлением содействия многополярности является не только продолжение коалиционной политики с участием России, но и поддержка различных самостоятельных незападных альянсов в различных уголках мира. Так, например, развитие восточного вектора российской политики предполагает приоритетность не только в отношениях с КНР, но и со всеми странами АТР, в том числе со странами АСЕАН. Схожая стратегия должна применяться в отношении других отдаленных от России регионов, в частности, Латинской Америки и Африки. Помимо обычного взаимовыгодного сотрудничества с этими странами, России следует поддержать любые интеграционные процессы в этих регионах, осуществляемые без участия США и Евросоюза.

Как показал опыт, западных антироссийских санкций, наличие в мире независимых центров силы и субъектов международных отношений, повышает возможности России в противостоянии с Западом. Этот вывод наглядно подтверждается нижеприведенной диаграммой (рис. 13.22).

Важнейшим противовесом Западу, как в АТР, так и на глобальном уровне, продолжает оставаться Китай. Поэтому взаимодействие с ним должно в настоящее время являться главным приоритетом российской внешней политики. Неформальный альянс России и Китая позволяет парировать все враждебные выпады Запада. Россия способна прикрыть Китай в военном отношении, а Китай прикрыть Россию в экономической сфере. Поэтому вполне

Какие страны помогут России справиться с последствиями продовольственных санкций

©РБК, 13.08.2014

Инфографика: Виктория Сункина, Олеся Волкова Данные: International Trade Centre, расчеты РБК

Рис. 13.22.

Источник: Сункина Виктория, Волкова Олеся. Данные International Trade Centre. Расчеты РБК // РБК. 2014. 13 августа.

логично, что основные дипломатические усилия России направлены сейчас на расширение взаимодействия с КНР.

По мнению профессора МГИМО Д. Стрельцова, «трудно ожидать принципиального пересмотра роли Китая в российских внешнеполитических приоритетах — его доля в российском газовом экспорте даже после выхода газопровода на проектную мощность составит не более 20%. Здесь важна долгосрочная перспектива: к 2040 году Китай, как ожидается, станет крупнейшим потребителем газа в мире. Значимость Китая для России стала определяться и тем обстоятельством, что эта крупнейшая в Азии (а в будущем — и во всем мире) экономика стоит перед острой необходимостью перестройки своего энергетического баланса — переориентирования с угля на газ⁵⁴⁹.

⁵⁴⁹ Стрельцов Д. Азиатский вектор российской дипломатии: Китай, Турция, Япония [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mgimo.ru/> (дата обращения: 28.01.2015).

Произошли подвижки и в военно-техническом сотрудничестве России и КНР. В ноябре 2014 года Россия заявила о готовности начать поставки в Китай истребителей СУ-35, а также возобновить экспорт высокотехнологичных вооружений, приостановленный несколько лет назад из опасений несанкционированного копирования российских передовых технологий. Тогда же российский министр обороны С. Шойгу объявил о намерении провести в 2015 году совместные с Китаем военно-морские учения в Средиземном море и в восточном районе Тихого океана. И эти учения успешно состоялись.

Особая роль Китая в российской внешней политике проявлялась и в том, что прошедший в сентябре 2014 года саммит двух стран, символизировавший их политическое сближение, стал своего рода ответом на попытки Запада дипломатически изолировать Россию. Отказавшись поддержать западные санкции, Китай предотвратил своими действиями формирование синдрома окруженной крепости и таким образом обеспечил Москве что-то вроде психологической передышки. К тому же, своего рода солидарность проявилась и на уровне массового сознания: судя по опросам, отношение к России в китайском общественном мнении, в отличие от большинства западных стран, на протяжении всего прошедшего года стабильно улучшалось.

Другим противовесом Западу в АТР является КНДР. Наличие конфликта между севером и югом Кореи заставляет Вашингтон держать в данном регионе определенные военные силы. А это ведет к распылению американских ресурсов и неспособности сконцентрировать их в один кулак против России. Поэтому укрепление военного потенциала Северной Кореи входит в число российских интересов. Видимо Москве следует пересмотреть свою политику ограничения сотрудничества с КНДР в военной области. При этом нет необходимости ослаблять наработанные в последние два десятилетия связи с Южной Кореей. Сеулу следует разъяснить, что односторонняя военно-политическая ориентация на Вашингтон не способствует стабилизации обстановки на корейском полуострове. Вместо этого Южной Корее следовало бы диверсифицировать свое военное сотрудничество в сторону России и Китая.

Япония, являющаяся американским сателлитом и непотопляемым авианосцем на Тихом Океане вряд ли может быть оторвана

от США и превращена в самостоятельный полюс силы. Для этого японцам надо было бы избавиться от американской опеки. Однако этот процесс не может идти быстро. Тем не менее, Япония, как страна, не принадлежащая к западной цивилизации, не может быть полноценно интегрирована в эту цивилизацию. Это открывает определенные возможности для сотрудничества России с Японией в идеологической и культурной областях. Такое сотрудничество смогло бы подчеркнуть уникальность обеих цивилизаций — российской и японской, и их принципиальные отличия от западной цивилизации. А это способствовало бы предотвращению дальнейшего втягивания Японии в идеологическое противоборство Запада с российской цивилизацией.

Индия является столпом многополярного мира в Южной Азии. Укрепление ее военного потенциала оказывает и будет дальше оказывать стабилизирующее влияние на международную обстановку в бассейне Индийского океана. Россия заинтересована в том, чтобы военный потенциал Индии превосходил любое возможное военное присутствие Запада в этом районе мира. С этой целью Россия должна продолжить оказывать Индии военно-техническое содействие, причем, не только исходя из коммерческих соображений, но и геополитических приоритетов. В этом контексте было бы, видимо, правильно признать ядерный статус Индии и помочь ей в создании полноценных ядерных сил сдерживания, сопоставимых с китайскими и французскими.

Ключевой державой, блокирующей экспансию США и их союзников в Центральной Азии и Закавказье является Иран. Между тем, Иран, также как и Россия уже вовлечен в сетцентрическую войну с Западом на Ближнем Востоке. Иран, как государство-лидер исламской цивилизации, который не подчинен Западу и не встроен в западные союзы, совершенно неприемлем для западной цивилизации. Надо также принимать во внимание позицию Израиля, который рассматривает Иран, как угрозу своей безопасности и стремится дестабилизировать эту страну. То есть против Ирана сложилась мощная коалиция в составе ряда арабских государств, прежде всего, Саудовской Аравии и Катара, а также Израиля, США и Западной Европы.

С другой стороны, Иран опирается на шиитские общины на Ближнем Востоке, в частности, на движение Хезболла в Ливане,

на хуситов в Йемене, на шиитов в Саудовской Аравии и Бахрейне, и соответственно — на алавитов и шиитов в Сирии. А поскольку режим Башара Асада в Сирии опирается в значительной степени на алавитов, то Сирия для Ирана — естественный союзник. К тому же союзник, смычка с которым обеспечивает Ирану присутствие в стратегически важном районе восточного Средиземноморья. А на фоне тех процессов, которые развивались в последние годы в Ираке, вопрос о союзе между Сирией и Ираном стал восприниматься противниками Тегерана как нарастающая угроза.

Для России важно, чтобы Иран продолжал выполнять важную стратегическую миссию, уравновешивая влияние Запада на Ближнем Востоке и сдерживая экспансию США и их союзников в Закавказье и Центральной Азии. В этой связи необходимо помочь Ирану укрепить свой военный потенциал путем поставок передовых систем вооружений, в том числе крылатых ракет, систем ПВО и средств радиоэлектронной борьбы. Также важно поддерживать политику Ирана по содействию освободительной борьбе шиитских общин в Йемене, Саудовской Аравии и Бахрейне. Падение марionеточного прозападного режима в Саудовской Аравии отвечало бы интересам России, так как не только усилило бы геополитические позиции Ирана и России в регионе, но и способствовало бы повышению мировых цен на нефть.

Иран также играет важную роль в борьбе с террористической организацией ИГИЛ, созданной Западом совместно с Саудовской Аравией и Катаром на территории Ирака и Сирии. После того, как американцы, допустив ошибку, свергли режим Саддама Хусейна, опиравшийся на суннитов, в Ираке пришло к власти шиитское большинство. Сейчас шиитская власть Ирака в основном ориентируется на американцев, но не, потому что они сторонники западной цивилизации, а потому что США привели их к власти и до последнего времени обеспечивали удержание этой власти. Однако с возникновением ИГИЛ и его наступлением на крупные города возникла реальная угроза свержения шиитского режима. К тому же, среди иракских шиитов существуют влиятельные круги, ориентирующиеся на Иран.

Проиранские силы могут в перспективе взять власть в Ираке. Для американцев, израильтян и саудитов это был бы стратегический кошмар. Тогда в регионе сформировался бы своего рода

шиитский «тройственный союз» во главе с Ираном с участием Ирака и Сирии, имеющий к тому же выход к Средиземному морю. Поэтому отрыв Сирии от Ирана стал важнейшей задачей антииранской коалиции. Так появилась идея организации переворота в Сирии с целью свергнуть президента Башара Асада и привести там к власти суннитский режим подконтрольный Турции, Саудовской Аравии и Западу. Катар в этой комбинации стремился реализовать свои экономические интересы, в частности, строительство газопровода в Европу через территорию Сирии.

Но когда стало понятно, что Башара Асада свергнуть нелегко, то был создан ИГИЛ, как дисциплинированная военная организация, способная вести продолжительные боевые действия как против правительства Сирии, так и против шиитской общины Ирака. Причем этой военизированной организации позволили перейти на самофинансирование путем продажи нефти с захваченных месторождений. Ей открыли военные склады в Ираке, а в дальнейшем регулярно сбрасывали с самолетов комплекты вооружения, якобы предназначенные для «умеренной» сирийской оппозиции. На подготовку боевиков ИГИЛ правительство США затратило 500 млн долларов, о чем открыто заявило в стенах американского Конгресса, объяснив все досадной ошибкой. Одновременно, целый рой военных и технических специалистов из Европы, якобы приняв ислам, устремился на помощь ИГИЛ. А западные телеканалы усердно создавали образ жестокого, но пуританского исламского государства, воюющего за идею.

В этой ситуации вмешательство России в военный конфликт в Сирии было оправдано. Данный конфликт изначально не был внутрисирийским. А в нынешнем году он приобрел характер иностранной военной интервенции против Сирии. Причем вследствие этой интервенции геополитический расклад в регионе должен был поменяться резко не в пользу России. Первое, что теряла Россия сразу и бесповоротно, это военно-морская база в Тартусе. Между тем, ценность этой базы в условиях нарастающей конфронтации с Западом возросла на порядок. Присутствие в Сирии позволяет России создать военно-стратегический плацдарм в Средиземноморье. Причем сейчас возникла уникальная возможность существенно расширить это присутствие, развернув в дополнение к военно-морской еще и военно-воздушную базу. А это создаст

стратегическую угрозу южному флангу НАТО и его морским коммуникациям альянса в восточном Средиземноморье.

В этой ситуации Турция, как главная опора южного фланга НАТО оказывается в стратегическом окружении. Между тем, кроме Турции воевать против России на южном фланге просто некому. Военные возможности Румынии мизерны. А такие страны как Болгария, Греция, Македония, Черногория и Словения не способны оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления российским ВС, да и вряд ли захотят всерьез воевать против России. Что касается Сербии то в случае войны России с НАТО она может даже выступить на стороне России с целью вернуть Косово и реинтегрировать Черногорию. Поэтому нейтрализация военного потенциала Турции может резко поменять расклад сил в Средиземноморье, на Балканах и в Южной части постсоветского пространства. Между тем, нынешняя ситуация в Сирии вполне позволяет это сделать.

Поддержав в свое время политику Запада по свержению Башара Асада, Турция попала в стратегический капкан. Потеря правительством Сирии контроля над значительной частью территории страны, привело к самоорганизации курдских общин, которые фактически сформировали псевдогосударственное образование на северо-востоке Сирии. По некоторым данным, между правительством Асада и сирийскими курдами уже достигнута договоренность о создании курдской автономии после мирного урегулирования. Если же Сирия распадется, то курдские регионы, провозгласят независимость. И это происходит на фоне того, что в Ираке курды уже добились широкой автономии и сейчас балансируют на грани провозглашения независимости. В этих условиях курды Турции также возобновили борьбу за независимость.

В результате этих процессов территориальная целостность Турции оказалась под серьезным давлением. Если вслед за иракским, возникнет еще и сирийский Курдистан, то отделение курдских провинций от Турции станет неизбежным. А это, скорее всего, приведет к развалу всей Турции. В этих условиях Анкара стремится всячески задавить самоопределение сирийских курдов, в том числе путем поддержки ИГИЛ и нанося бомбовые удары по позициям курдских военных формирований в Сирии. В идеале Анкара рассчитывает, что приход к власти в Сирии суннитского режима позволит достигнуть с ним договоренности о совместном

подавлении автономистских устремлений сирийских курдов. Однако вступление в войну России на стороне правительства Башара Асада делает этот план нереальным.

В любом случае активизация освободительной борьбы курдов против Турции, особенно если эта борьба получит внешнюю поддержку, потребует задействования существенных военных сил Турции и ослабит ее возможности как главной опоры НАТО в регионе. Возникновение на территории Сирии самодостаточной курдской автономии в купе с курдами Ирака и самой Турции втянет Анкару в бесконечную войну на истощение. Развалу Турции также может содействовать использование алавитского фактора внутри этой страны. Алавиты, совместно с шиитами, составляют от 20 до 30% населения Турции. Развертывание сетецентричной войны против Турции по алавитскому вопросу может стать действенным ответом правительства Сирии на политику Анкары по поддержке ИГИЛ.

Еще одним направлением ослабления южного фланга НАТО могло бы стать расширение военного взаимодействия с Сербией, причем не только в плане военно-технического сотрудничества, но и в плане создания полноценного оборонительного союза и размещения в Сербии российской военной базы, которая бы позволила Белграду предотвратить дальнейшую дезинтеграцию страны и в то же время держать под ударом базы НАТО в Италии и на юге Германии, а также в случае появления баз НАТО в Венгрии. Такое присутствие было бы также полезно для нанесения молниеносного удара по американской системе ПРО на юго-западе Румынии (Давеселу).

В целом в Европе надо сконцентрироваться на «слабых звеньях» европейской интеграции и подталкивать их в сторону экономической и политической переориентации на Россию, в том числе при помощи политики «мягкой силы». Такие возможности сейчас существуют в отношении Болгарии, Словакии, Венгрии, Греции, Македонии, Черногории. Даже если такая политика и не приведет к переориентации указанных стран на Россию, она вынудит Запад тратить больше ресурсов на оказание экономической помощи этим государствам и соответственно снижать расходы на других геополитических направлениях. Необходимо также оказывать более масштабную помощь борьбе русских общин Латвии и Эстонии

за свои права, что будет вынуждать НАТО увеличивать расходы на обеспечение обороны Прибалтики. Но поскольку география Прибалтики делает ее оборону со стороны НАТО физически невозможной, то эти средства будут потрачены впустую.

С другой стороны, следует отказаться от бессмысленных попыток внести раскол между США и Евросоюзом и тратить на эту бесперспективную политику российские ресурсы. Как показал исторический опыт, эта политика с самого начала являлась контрпродуктивной, она никогда не давала результатов и не даст в будущем. Западноевропейские элиты слишком глубоко интегрированы с американскими, слишком зависят от них в плане безопасности и экономического процветания, чтобы пойти на такой необдуманный шаг. В этом смысле различные концепции Европы от Атлантики до Владивостока и двусторонней интеграции между ЕС и ЕАЭС пора сдать в архив.

Перечисленные шаги по укреплению многополярности мировой системы могут еще больше изменить баланс сил в мире не в пользу западной цивилизации. Однако решительное изменение этого баланса возможно лишь в том случае, если Россия сможет добиться значимого военно-технического превосходства над Западом. Во всех других значимых областях международного влияния — экономическом, политическом, информационном — достигнуть такого преимущества в обозримом будущем не представляется возможным. Сейчас России удалось завоевать преимущество в идеологической области. Но оно не способно дать быстрого результата особенно в условиях западного преобладания в экономической сфере. А вот военно-технический прорыв такую возможность дает. Условно говоря, военная карта всегда побьет экономическую. Эта задача, которая на первый взгляд кажется невыполнимой, вполне может быть реализована.

Поскольку добиться военного превосходства над Западом экстенсивным путем — наращиванием численности и количества вооружений, (пусть соразмерных с западными по техническим характеристикам) нереально из-за разницы экономических потенциалов, то остается единственный путь. Это путь качественного совершенствования, создание наиболее передовых эффективных систем вооружений, способных перевесить западную военную мощь. Такой прорыв сейчас обозначился, например, в сфере радиоэлектронной борьбы (РЭБ), где российская техника намного опередила западную.

Помимо этого, необходимо значительное повышение уровня подготовки личного состава, которое должно соответствовать уровню новой техники, поступающей на вооружение. Должен, также повыситься интеллектуальный потенциал всей военной организации государства, уровень военного планирования, военного искусства, организации и управления вооруженными силами. Решение этих задач невозможно без существенного роста национального человеческого капитала, опережающего развития науки и техники.

Для совершения военно-технического прорыва надо использовать научный и технический потенциал российских ученых, инженеров и конструкторов. Военно-техническая область — это одна из немногих сфер, где Россия сохраняет мировое лидерство. Россия также относится к странам, имеющим лидирующие позиции достижения в таких сферах, как космические технологии, авиастроение, атомная энергетика, производство новых материалов и информационные технологии. На этих областях следует сконцентрировать дальнейшие усилия для форсированного развития. Вообще наука должна стать важнейшим приоритетом национальной стратегии, иначе проигрыш в сетцентричной войне неизбежен.

Россия — активный и авторитетный участник международного научно-технического сотрудничества. Обладая значительными исследовательскими наработками и создавая хороший задел по многим научным направлениям, по ряду из которых мы занимаем лидирующие позиции в мире, Россия становится центром притяжения для стран, заинтересованных во встраивании в международные технологические и производственные цепочки.

При анализе научно-технологического потенциала России необходимо принимать во внимание кризис 1990-х гг. в науке, обусловленный невниманием к ней политической элиты, предшествующим развитием, слабостью коммерциализации научных результатов. Кризис науки приобрел затяжной характер из-за недостаточного финансирования, недостаточной государственной поддержки и отсутствия спроса на наукоемкую продукцию.

Наука — инерционный феномен, следы от потрясений, нанесенные науке, остаются надолго. Требуется время и грамотная политика, чтобы исправление ошибок прошлого дало результат. Более того, в наследие от советского прошлого российской науке

остался целый ряд проблем: слабая связь науки с экономикой и системой высшего образования; плохое финансирование НИ-ОКР; недостаточное внимание к гражданской сфере исследований и разработок; отсутствие национальной инновационной системы, следствием чего являются объективные сложности в ходе создания новых технологий, необходимых экономике для повышения конкурентоспособности.

В настоящее время растет понимание того, что наука России — ее национальное богатство, основной фактор экономического роста страны. Принимаются меры политического характера, нацеленные на изменение парадигмы развития, переход к развитию, основанному на знаниях, образовании и инновациях. Вхождение РФ в число мировых технологических лидеров с помощью реализации инновационного сценария развития — стратегическая цель, поставленная руководством страны. Среди приоритетных направлений приложения усилий — наращивание поддержки фундаментальной науки, реализация мегапроектов и прорывных направлений развития технологий. Ключевой задачей экономики является формирование национальной инновационной системы.

На современном этапе развития России задача инновационного развития была поставлена в качестве стратегической. В целом, по оценкам экспертов ОЭСР, Россия сохранила значительную научную и образовательную базу СССР. В 2005 году были приняты Основные направления политики России в области развития инновационной системы на период до 2010 года, в 2006 году — Стратегия развития науки и инноваций до 2015 года. ОЭСР совместно с Министерством экономики и развития России в 2011 г. был подготовлен обзор, посвященный перспективам инновационного развития России. Согласно этому документу, первостепенной целью российской инновационной политики должно стать смещение «центра тяжести» национальной инновационной системы от государственного сектора науки к ориентированным на производство предприятиям, как государственным, так и частным⁵⁵⁰. В последние годы также

⁵⁵⁰ Обзоры инновационной политики ОЭСР: Российская Федерация 2011. Директорат по науке, технологиям и промышленности ОЭСР, 2011. — URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/62/50/48098738.pdf> (дата последнего обращения 08.05.2014)

были предприняты инициативы, направленные на вовлечение университетов в инновационное развитие России, коммерциализацию результатов университетской науки.

В обзоре отмечены сильные стороны России — высокий общий уровень образования населения и устойчиво высокий уровень развития в нескольких областях науки и технологий. С другой стороны, по мнению авторов обзора, на качество инновационной системы России негативно влияет ряд факторов. Среди них — очень низкий уровень исследовательской и инновационной активности на предприятиях, плохие рамочные условия для инноваций (особенно недостаток конкуренции, слабые регламенты, коррупция и низкий уровень доверия) и неэффективная инфраструктура⁵⁵¹. Более того, в России практически отсутствует инновационно-активный малый и средний бизнес, исключением является лишь сфера ИКТ, производство программного обеспечения.

Вместе с тем, последние политические инициативы свидетельствуют о наличии политической воли, стремления перейти к инновационной модели развития. Таким образом, в современных условиях, когда наметилась тенденция к географической диверсификации центров базирования инноваций, России предоставляется возможность занять достойное место в глобальном инновационном развитии.

В случае успеха России в научно-технической в сфере, особенно в области военных технологий, а также во внешней политике в мире после 2021–2022 годов может сложиться совершенно неожиданная конфигурация сил, противостоящих западной ЛЧЦ. Как следствие, опасному, но наиболее вероятному сценарию «Глобального военно-силового противоборства» может быть противопоставлен позитивный сценарий развития МО. Условно говоря, речь может идти о принуждении Запада к сценарию «Согласованного перехода к многополярной системе международных отношений». Пока этот позитивный сценарий находится в группе возможных сценариев, но как уже отмечалось, при определенных обстоятельствах он может стать наиболее вероятным сценарием развития МО.

⁵⁵¹ Там же.

Список источников и литературы

1. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. — 2014. — № 3. — С.71–78.
2. Аватков В. А., Бадранов А. Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление XXI век. № 2(27), 2013. С. 5–11.
3. Аватков В. А., Иванова Н. А. Россия и Турция: противостояние идеологий // Свободная мысль. — 2012. — № 9–10 (1635).
4. Аднан Хан. Стратегический анализ 2013. khilafah.com стр. 83 http://www.hizb-russia.info/images/knigi/strateg_analiz_2013.pdf
5. Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. 19–20 ноября 2010 года.
6. Александров М. В. Битва за Кавказ: 2004–2008, Москва: Институт стран СНГ, 2010.
7. Александров М. В. К вопросу о возможности создания математической модели прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ // Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014. — С. 25–49.
8. Александров М. В. Концепция национальной безопасности СССР: военно-политические и экономические аспекты. Москва: Дипломатическая Академия МИД СССР, 1991
9. Александров М. В. Метод динамического прогнозирования сценариев развития международной обстановки. <http://viperson.ru/articles/mihail-aleksandrov-metod-dinamicheskogo-prognirovaniya-stsenarijev-razvitiya-mezhdunarodnoy-obstanovki>

10. Александров М. В. Методология планирования Европейского Союза в области безопасности и обороны // Вестник МГИМО–Университета. — 2015. — № 5 (44). — С. 142–153.
11. Александров М. В. Мотивация поведения на международной арене: о соотношении национальных ценностей и национальных интересов во внешней политике государства // Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014. — С. 556–568.
12. Алексеев А. С. Макиавелли как политический мыслитель // Николо Макиавелли: Pro et Contra. Анталогия. СПб: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002
13. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000
14. Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нация и национализм. — М., 2002.
15. Анти-НАТО. <http://www.anti-nato.com/>
16. Баранов Н. Национализм как идеология. http://nicbar.ru/ideologii_14.htm
17. Бассам Тиби. Политизация религии // Интернационале Политик, № 2, 2000 г. <http://ddm.iatp.az/ddm/tibru.html>.
18. Бедрицкий А. В. Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе : автореферат дисс... канд. полит.наук : 23.00.04 Москва, 2007.
19. Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше. Европейская стратегия безопасности. Брюссель, 2003.
20. Белкин С. Н. Картина мира и карта мира // Альманах «Развитие и экономика», № 11, Сентябрь, 2014. <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>
21. Болгов Р. В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях // Дисс. ... ученой степени кандидата политических наук. СПб: СПбГУ, 2011.
22. Боришполец К. П. Национальное измерение «глобального» мира // Вестник МГУ, 2001, Сер. 18. N1.
23. БРИКС–2015: Сборник статей / Под ред. А. А. Климова. М. : ЛЕНАНД, 2014.
24. Бродель Ф. Время мира: в 3 т. — М.: Прогресс, 1992. — Т. 3: Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.

25. Бурашникова А. Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Изд. Саратов. ун-та. 2013. Т. 13, вып. 2.
26. Бурдые П. Общественное мнение не существует // Социология политики: Пер. с фр. Г. А. Чередниченко / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. — С. 159–177.
27. Быков А. Информационная сущность геополитики. // Космополис — 2008 — № 3(22). С. 43–45.
28. Васильев Л. С. История Востока: учеб. для вузов: в 2 т. — 2-е изд., испр. и доп., Т. 2. — М.: Высш. шк., 2001.
29. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: ЗАО «Аспект Пресс», 2014.
30. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь-М.: «Леан», 1997.
31. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 26 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kremlin.ru/>
32. Военно-энциклопедический словарь. Москва, 2009.
33. Гашков И. Буддисты собираются в кулак. 21 мая 2014 НГ-Религии. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1400642820>
34. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
35. Глазьев С. Ю. Выход из хаоса // Военно-промышленный курьер / <http://vpk-news.ru/articles/22623>
36. Глебова Н. Интеллектуальная элита современного арабомусульманского мира: Тарик Рамадан // Азия и Африка сегодня № 9, 2006, с. 68–71.
37. Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. Москва, 2015.
38. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008.
39. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. UN General Assembly Resolution 1514 (XV), 947th plenary meeting, December 14, 1960.
40. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном

- заседании ГА ООН). UN General Assembly Resolution 2200 (XXI), 1496th plenary meeting, December 16, 1966.
41. Демоян Г. А. Культурно-образовательный пантюркизм: история и современность. // Востоковедный сборник. Выпуск четвертый / Под ред. Федорченко А. В., Филоника А. О. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002.
 42. Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич [и др.]. М. : МГИМО–Университет, 2014.
 43. Дружиловский С. Б. Политика Ирана и Турции в регионе Центральной Азии и Закавказья / С. Б. Дружиловский, В. В. Хуторская // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: Возможности и вызовы для России / Под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М.: Логос, 2003.
 44. Дружиловский С. Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. № 6, 2005.
 45. Дугин А. Г. «Мистерии Евразии». М.: Арктогея, 1996.
 46. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического союза в Уэльсе — 4–5 сентября 2014.
 47. Зиновьева Е. «Балканизация» интернета [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mgimo.ru/>
 48. Иванов И. С., Браун Д., Ротфельд А. Д. Необходимо строить Большую Европу / Проблемы и перспективы строительства Большой Европы: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2014.
 49. Игнатенко А. А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика: (взаимодействие ислама и политики в странах Ближ. и Сред. Востока, на Кавказе и в Центр. Азии): сб. ст. / отв. ред.: В. Я. Белокреницкий, А. З. Егорин. — М., 2001.
 50. Инновационные направления современных международных отношений / под ред. А. В. Крутских, А. В. Бирюков. М.: Аспект-Пресс, 2010.
 51. Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО, Наследие Евразии, 2008.

52. Казанцев А. А. Политика стран Запада в Центральной Азии: проекты, дилеммы, противоречия. М.: МГИМО, 2009.
53. Касаткин П. И. Заграничные учреждения Русской православной церкви сегодня / П. И. Касаткин // *Мировая политика: новые проблемы и направления: сб. научн. статей / Под ред. М. М. Лебедевой.* М.: МГИМО–Университет, 2009. — С. 92–133.
54. Касаткин П. И. Русская православная церковь как актор современной мировой политики // *Вестник МГИМО–Университета.* — 2010. — № 6 (15). — С. 141–151.
55. Кириченко Э. В. Международный трансферт технологий: оценка, проблемы, перспективы. // *Новые явления в мировом обороте технологий: место России.* М.: ИМЭМО РАН, 2010.
56. Кириченко Э. В. Международный трансферт технологий: оценка, проблемы, перспективы. // *Новые явления в мировом обороте технологий: место России.* М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 5–20.
57. Клочихин Е. А. Место межправительственных организаций среди акторов мировой политики // «Приватизация мировой политики»: локальные действия — глобальные результаты. / Под ред. Лебедевой М. М. — М., 2008. — С. 99–115.
58. Конаровский М. А. Состояние и перспективы развития военно-политической обстановки в Афганистане в свете завершения миссии Международных сил содействия безопасности: аналитическая записка. М.: МГИМО–Университет, 2014.
59. Крутских А. В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // *Международные процессы* — 2007 — № 5(1). С. 28–37.
60. Кузык Б. Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011.
61. Кузык Б. Н., Агеев А. И. и др. Россия в пространстве и времени. История будущего. М.: ИНЭС, 2004.
62. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 2. М.: ИНЭС, 2006.
63. Кутейников А. Е. Международные организации: функции и деятельность. Введение в социологию международных

- межправительственных организаций. Учебное пособие. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007.
64. Лебедева М. М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. Учеб. пособие. М.: МГИМО–Университет, 2009.
65. Лебедева М. М. Мировая политика. Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2006.
66. Лебедева М. М. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира. // Космополис. — 2003. — № 1 (3). — С. 28–38.
67. Левин З. И. Общественная мысль на Востоке: постколониальный период. Москва: «Вост. лит.» РАН, 1999.
68. Леонтьев Константин. Византизм и славянство. Москва: Хранитель, 2007.
69. Лозанский Э. Д. Этноты и лоббизм в США. Москва, 2004.
70. Ломанов А. В. Согласится ли Китай править миром вместе с США, 01.12.08. <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/30080/>
71. Макиавелли Н. Государь. http://www.100bestbooks.ru/files/Machiavelli_Gosudar.pdf.
72. Малинова О. Ю. Либерализм и концепт нации. «Полис», 2003, № 2, с. 96–111.
73. Мансуров Т. ЕврАзЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу // Международная жизнь. 2014. № 14.
74. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Издание 2-е, переработанное и дополненное. / Под ред. Цыганкова П. А. — М.: Альфа-М, 2007.
75. Межевич Н. М. «Интеграция интеграций»: стоит ли искать черную кошку в темной комнате? Аналитический доклад, СПб., 2015.
76. Мирский Г. Возврат в Средневековье? // Россия в глобальной политике Т.4, № 5 сентябрь–октябрь 2006.
77. Михеев А. Н. Информационно-коммуникационные технологии: глобальные проблемы и/или глобальные возможности? // Современные глобальные проблемы мировой политики / под ред. Лебедевой М. М. — М.: Аспект Пресс, 2008.
78. Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм, миф или реальность: исследование идеологии и политики современного пантюрк-

- кизма. М.: ИМЭМО, 1995.
79. Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток-Orient, 2006, № 1, 5–25.
 80. Нейсбит Д. Мегатренды. Москва: Ермак, 2003.
 81. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014.
 82. Обеспечение безопасности в изменяющемся мире. Отчет о внедрении Европейской стратегии безопасности. Документ S407/08, 2008.
 83. Обзоры инновационной политики ОЭСР: Российская Федерация 2011. Директорат по науке, технологиям и промышленности ОЭСР, 2011.
 84. Петров Н. Партия Аллаха в зеркале мировой прессы // Азия и Африка сегодня. № 1, 2006.
 85. Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М. : МГИМО, 2014.
 86. Подберезкин А. И. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО–Университет, 2014.
 87. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013.
 88. Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015.
 89. Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. Москва: МГИМО, 2015.
 90. Подберезкин А. И., Александров М. В., Боришполец К. П., и др. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. Москва: МГИМО, 2015.
 91. Подберезкин А. И., Александров М. В., Боришполец К. П., и др. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики. Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. Москва: МГИМО, 2015.

92. Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014.
93. Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. Москва: МГИМО, 2015.
94. Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности. Письмо постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря. А/66/359.
95. Противопартизанские операции. Полевой устав Армии США. №90–8АМ / Wash: 1986.
96. Российско-турецкие отношения: 2002–2012 годы (материалы круглого стола, 4 апреля 2013 г.) / Под ред. В. А. Аваткова, С. Б. Дружиловского, А. В. Федорченко. — М.: МГИМО–Университет, 2013.
97. Савин Л. В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011.
98. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
99. Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., Академия гуманитарных исследований, 2002.
100. Сергеев В. М., Казанцев А. А., Коктыш К. Е. Сетевые аспекты проблем обучения в социальных науках. М.: Проспект, 2010.
101. Слипченко В. И. Война будущего: прогностический анализ. URL:<http://www.scribd.com/doc/26599/>
102. Смит Э. Д. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: 2004.
103. Титов В. Кто стоит за «Исламским государством»: куда движется конфликт на Ближнем Востоке. Новое восточное обозрение <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1413786000-20.10.2014>
104. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова; Сост. А. П. Огурцов; Вступ. ст. В. И. Уколовой. — М.: Прогресс, 1996.

105. Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. Москва: «Энергия», 2011.
106. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Москва: Аграф, 2000.
107. Указ Президента РФ от 29.12.2008 № 1878сс «О некоторых вопросах Вооруженных Сил Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107360/
108. Уолтер Рассел Мид. Божья страна?// Россия в глобальной политике. Т.4, № 5, сентябрь–октябрь 2006, с. 30–42.
109. Уразова Е. И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2012.
110. Федоров А. В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе. Учеб. пособие. М.: МГИМО–Университет, 2006.
111. Фомин А. Н., Рябошапка В. А., Самарин И. В. Методика оценки военных потенциалов стран на основе рейтинга Business Insider / Вестник академии военных наук. 2015 № 1 (50). — С. 33–35.
112. Хазанов А. Израиль — «Хезболла»: невыученные уроки // Азия и Африка сегодня. № 10, 2006.
113. Хантингтон Самуэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005.
114. Хеллевиغ Йон. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awaga Group. 2014.
115. Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: «Аспект Пресс», 2015.
116. Цыганков П. А. Акторы и факторы в международных отношениях и мировой политике // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты / Под ред. Лебедевой М. М. — М. 2008. — С. 30–53.
117. Цыганов Ю. Австралия и Восточная Азия // Проблемы Дальнего Востока. — 2006. — № 2. — С. 71–81.
118. Челищев В. И. Феномен фундаментализма в современном мире: истоки и формы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2006. № 4, с. 98–116.

119. Шпенглер Освальд. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Том 2: Всемирно-исторические перспективы / Перевод И. И. Маханькова. Москва: Мысль, 1998.
120. Эгберт Я. «Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств» / М.: РОССПЭН, 2010.
121. Ahrari M. E. The New Great Game in Muslim Central Asia. — Washington: Inst. for Nat. Strategic Studies: Nat. Defense Univ., 1996.
122. Alexandrov Mikhail. Uneasy Alliance: Relations Between Russia and Kazakhstan in the Post-Soviet Era, Westport: “Greenwood Press”, 1999.
123. Alice Kendrick, Jami A. Fullerton. Advertising as Public Diplomacy: Attitude Change among International Audiences. // Journal of Advertising Research. September 2004.
124. Anand V. Evolution of a Joint Doctrine for Indian Armed Forces // Strategic Analysis. — 2000. — Vol. 24, № 4.
125. Andrew M. Clark, Olaf Werder Analyzing International Radio Stations: A Systems Approach. // The International Communication Gazette. VOL. 69(6). p. 531–532.
126. Annual report from the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy to the European Parliament. Council Of The European Union. 12094/14. Brussels, 23 July 2014 (OR. en).
127. Annual Threat Assessment. Statement Before the Senate Armed Services Committee, United States Senate. Michael T. Flynn, Lieutenant General, U. S. Army. Director, Defense Intelligence Agency. February 11, 2014.
128. ARMY US FY 2013 — FY 2014 Budget Requests / www.defense.gov/DODCMSShare/briefingslide/365/FY14-Budget-Overview.ppt
129. Arnas Neyla, Charles L. Barry and Robert B. Oakley. Harnessing the Interagency for Complex Operations, Defense and Technology Paper. NDU-CTNSP. — August 2005.
130. Arnas Neyla, Charles L. Barry and Robert B. Oakley. Harnessing the Interagency for Complex Operations, Defense and Technology Paper. NDU-CTNSP. — August 2005.
131. Baran Z. Torn Country. Turkey Between Secularism and Islamism. Stanford: Hoover Institution Press, 2010.

132. Barber B. R. Jihad vs. McWorld: how globalism and tribalism are reshaping the world. — New York: Ballantine Books, 1996.
133. Bátorá Jozef, Brian Hocking. Bilateral Diplomacy in the European Union: towards 'post-modern' patterns? // ECPR/SGIR 6th Pan-European Conference: Turin 12–15 September 2007. Section: Post-Modern Foreign and Security Policy in the Enlarged European Union.
134. Baum Matthew A. Sex, Lies, and War: How Soft News Brings Foreign Policy to the Inattentive Public. // The American Political Science Review, Vol. 96, No. 1 (Mar., 2002).
135. Baum Matthew A., Potter Philip B. K. The Relationships Between Mass Media, Public Opinion, and Foreign Policy: Toward a Theoretical Synthesis. // Annual Review of Political Science No. 11, 2008.
136. Breuily J. Nationalism and the State. Manchester, 1982.
137. Capability Development Plan. Fact Sheet. European Defense Agency. 7 May 2015.
138. Castells M. The rise of the networked society. (2nd ed.). Willey-Blackwell, 2010.
139. Castels St. (Ed.) Ethnicity and Globalization: from Migrant Worker to Transnational Citizen. London, 2000.
140. Catt H. and Murphy. Sub-state Nationalism: a Comparative Analysis of Institutional Design. London, 2002.
141. Charney Evan. Identity and Liberal Nationalism. American Political Science Review, Vol.97, No2, May 2003.
142. Charnovitz S. Nongovernmental Organizations and International Law // The American Journal of International Law. — 2006. — № 2 (100). — P. 348–372.
143. Chattopadhyay R. Indian maritime security: case for a blue water fleet // Indian Defence Rev. — 1994. — Vol. 9, № 3.
144. Cohen S. P. India: emerging power. Washington: Brookings Inst. Press, 2001.
145. Condoleezza Rice. Private Sector Summit on Public Diplomacy. A Cooperative Initiative of the U. S. Department of State and the PR Coalition, 2007.
146. Consolidated Versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010.

147. Council Decision of 22 January 2001 setting up the Military Committee of the European Union (2001/79/CFSP). Official Journal of the European Communities, L 27/4 EN, 30.1.2001.
148. Council Joint Action 2004/551/CFSP of 12 July 2004 on the Establishment of the European Defence Agency. Official Journal of the European Union. EN. 17.7.2004. L 245/17–28.
149. Council of the European Union. Council conclusions on Military Capability Development. 3055th Foreign Affairs (Defence) Council meeting. Brussels, 9 December 2010.
150. Crocker Snow Jr. Public diplomacy practitioners: a changing cast of character. // Journal of Business Strategy. Vol. 27 No. 3 2006.
151. Dai X. International institutions and national policies. — N.Y.: Cambridge University Press, 2007. — 187 p.
152. Davidson L. W., Hayes M. D., Landon J. J. Humanitarian and Peace Operations: NGOs and the Military in the Interagency Process. — Wash., 1996.
153. De Ruiters A. J. C. Civil-military Cooperation: Core Business in (Future) Peace Support Operations. Carlisle Barracks: U. S. Army War College, 1999.
154. Deutsch Karl W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York: The Free Press, 1963.
155. Encyclopedia of Modern Ethnic Conflicts. Ed. by Joseph R. Rudolph, Jr., L, 1999.
156. Engel Chr., Kellr K. (eds.). Governance of Global Networks in the Light of Differing Local Values. Baden-Baden, 2000.
157. Ethnic nationalism and regional conflict: the former Soviet Union and Yugoslavia. Ed by W. Raymond Duncan and G. P. Holman. Boulder: University Press, 1994.
158. Ethnicity and Nationalism in Africa: Constructivist Reflections and Contemporary Politics. New York: Paris Yeros, 1999.
159. Fearon J. and Latin D. Ethnicity, Insurgency and Civil War. American Political Science Review, Vol.97, No1, February 2003.
160. Friedberg, Aaron L. A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia, New York: Norton Publishing, 2011.
161. Fukuyama Francis. “The End of History?”. The National Interest (Summer 1989).
162. Future capabilities. Emerging Trends and Key Priorities. European Defense Agency. Brussels, 2014.

163. Gans Chaim. *The Limits of Nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
164. Gelke A. (ed.) *Democracy and Ethnic Conflict: Advancing Peace in Deeply Divided Societies*. Basingstoke, 2004.
165. Gelke A. (ed.), Gurr Ted Robert. *Peoples Versus States: Minorities at Risk in the New Century*. Washington, DC: US Institute of a Peace Press, 2000.
166. Geoffrey Allen Pigman, Anthony Deos. *Consuls for Hire: Private Actors, Public diplomacy*. // *Place Branding and Public Diplomacy* Vol. 4. 2008.
167. Gibson C. P., Snider D. M. *Explaining Post-Cold War Civil-Military Relations: A New Institutional Approach*. Project on U. S. Post-Cold War Civil-Military Relations Working Paper № 8. John M. Olin Institute for Strategic Studies. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1997.
168. Gilboa E. *The CNN effect: the search for a communication theory of international relations*. // *Political Communication* 22(1), 2005.
169. *Global Defense Outlook 2014*. Adapt, collaborate, and invest. Washington, 2014.
170. *Global Firepower Index / [Электронный ресурс]*. URL: <http://topwar.ru/54213-reyting-global-firepower>
171. *Global Technology Revolution 2020, Executive Summary: Bio/Nano/ Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications*. CA: RAND Corporation, 2006.
172. Gottemoeller R., Longsworth R. *Enhancing nuclear security in the counter-terrorism struggle: India and Pakistan as a new region for cooperation*. — Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.
173. Gowing Nik. *Real Time Crises: New Real Time Tensions*. Report. Conflict, Security and Development Research Programme of King's College. — London. 26 April 2005.
174. Greenfield Liah. *The Sprit of Capitalism: Nationalism and Economic Growth*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
175. Gregor W.J. *Toward a Revolution in Civil-Military Affairs: Understanding the US Military in the Post-Cold War Period*. Project on U. S. Post Cold-War Civil-Military Relations Working Paper № 6. Olin Institute for Strategic Studies. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1996.

176. Grewal David Singh. *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*. New Haven, CT: Yale University Press, 2008.
177. Hass R. N., Halperin M. H. *After the tests: U. S. Policy toward India and Pakistan: Report of an Independent Task Force*. New York: Council of Foreign Relations, 1998.
178. Hill F. *Pipeline Politics, Russo-Turkish Competition and Geopolitics in the Eastern Mediterranean // Security and Cooperation in the Eastern Mediterranean / ed.: A. Theophanous, V. Coufou-dakis. — Nicosia, 1997.*
179. Huntington, Samuel P., *The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs*, vol. 72, no. 3, Summer 1993.
180. *India's foreign policy towards 2000 A.D. / ed. R. S. Yadav. — New Delhi: Deep & Deep Publ., 1993.*
181. *Information Operations Roadmap. United States of America Department of Defense. October 2003.*
182. *Information Operations: Doctrine, Tactics, Techniques, and Procedures. November 2003. P. 19.*
183. *Interagency Coordination During Joint Operations. Joint Pub 3–08. — Washington: Joint Chiefs of Staff. — 9 Oct. 1996.*
184. Jackson Matt. *Social and Economic Networks*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2008.
185. James, Major Glenn E. *Chaos Theory: The Essentials for Military Applications*. Newport, 1996;
186. Kennan George. Long Telegram, Moscow, 22 February 1946 / <http://www.ntanet.net/KENNAN.html>
187. Kennedy Paul. *The Rise and Fall of the Great Powers*. London: Unwin Hyman, 1988.
188. Knoke David and Song Yang. *Social Network Analysis*. Second Edition. Thousand Oaks, CA: Sage Press. 2008.
189. Kukathas Ch. Nationalism and Multiculturalism. In: Gaus G. and Kukathas Ch.(eds.) *Handbook of Political Theory*, SAGE, London, 2004.
190. Lake D. and Rotshild D. (eds.). *The International Spread of Ethnic Conflict*. Princeton: University Press, 1998.
191. Landau J.M. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. London: Hurst and Company, 1995.
192. Larrabee F.S., Lesser İ. O. *Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty*. Pittsburg: RAND, 2003.

193. Lewis J., Timlin K. *Cybersecurity and Cyberwarfare: Preliminary Assessment of National Doctrine and Organization*, UNIDIR, 2011.
194. Liam Kennedy, Scott Lucas. *Enduring Freedom: Public Diplomacy and U.S. Foreign Policy*. // *American Quarterly* — Volume 57, Number 2, June 2005.
195. Lieberthal K., Singer P. *Cybersecurity and U.S.-China Relations*. Washington: Brookings Institute. Jonh L. Torton China Institute in Brooking, 2012.
196. Lincoln A. Mitchell. *The Color Revolutions*. University of Pennsylvania Press, 2012.
197. Livingston S. & Eachus T. *Humanitarian Crises and U.S. Foreign Policy: Somalia and the CNN Effect Reconsidered*. // *Political Communication*, 12. 1995.
198. London J. J., Hayes R. E. *National Approaches to Civil-Military Coordination in Peace and Humanitarian Assistance Operations*. Vienna (Virg.): Evidence Based Research, Inc., 1996.
199. Malitza M. *Ten Thousand Cultures, A Single Civilization*.// *International Political Science Review* (2000),Vol.21, N1.
200. Martin John Levine. *Social Structures*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.
201. Mathur K. D. *Conduct of India's foreign policy* / K.D. Mathur, P.M. Kamath. — New Dehli: South Asian Publ., 1996.
202. McClelland Charles. *World Event/Interaction Survey (WEIS) Project, 1966–1978*. ICPSR Study No. 5211, 1999
203. McLuhan M. B. Powers, *The Global Village: Transformations in World Life and Media in the Twenty-First Century*. New York: Oxford University Press, 1989.
204. McRoberts K. *Catalonia: Nation Building Without a State*. Toronto: Oxford University Press, 2001.
205. *Meeting Global Challenges Through Better Governance: International Cooperation in Science, Technology and Innovation*. Policy Brief. OECD Publishing, 2012.
206. Millen Raymond A. *Afghanistan: Reconstituting a Collapsed State*, Strategic Studies Institute, U. S. Army War College. — April 2005;
207. Monroe Price. *Media and Sovereignty : The Global Information Revolution and its Challenge to State Power*, 2002.

208. Morgenthau Hans. *Politics Among Nations*. New York: Knopf, 1948.
209. Morgenthau Hans. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace, Fifth Edition, Revised*. New York: Knopf, 1978.
210. National Intelligence Council of USA, *Global trends 2030: Alternative worlds*, December 2012 (www.dni.gov/nic/globaltrends).
211. NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May 2010.
212. NATO's Readiness Action Plan. Fact Sheet, February 2015.
213. Negroponte N. *Being Digital*. New York: Knopf, 1995.
214. Nye J. S. *The future of power*. New York: Public Affairs, 2011.
215. Nye J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004.
216. OECD Science, Technology and Industry Outlook 2012. *Highlights*. — OECD Publishing, 2012.
217. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2009. OECD Publishing, 2009. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/47/16/44212130>.
218. Olivier Roy. *Globalised Islam: The Search for a New Ummah*. London: Hurst, 2004.
219. Parekh B. *The Concept of Fundamentalism // The End of "Isms"? Reflections on the Fate of Ideological Politics after Communism's Collapse*. Oxford, 1994.
220. Philip N. Howard, Muzammil M. Hussain. *Democracy's Fourth Wave?: Digital Media and the Arab Spring*. Oxford University Press, 2013.
221. Rabasa A., Larrabee F. S. *The Rise of Political Islam in Turkey*. Pittsburgh: RAND, 2008.
222. Rauscher K., Korotkov A. *Working towards Rules for Governing Cyber Conflict. Rendering Geneva and Hague Conventions in Cyberspace*. East-West Institute, 2011.
223. Reyans Stephen. *Ethnic conflict and international relations*, 1995.
224. Rummel, Rudolph J. «The Dimensionality of Nations Project», In *Comparing Nations: The Use of Quantitative Data in Cross-National Research*. Ed.: Richard Merritt and Stein Rokkan. New Haven: Yale University Press, 1966.

225. Sakhuja V. Sea Based Deterrence And Indian Security // Strategic Analysis. — 2001. — Vol. 25, № 1.
226. Scahill Jeremy. Blackwater: The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army. Washington: Nation Books, 2007.
227. Schrodt Philip A. Microcomputer Methods for Social Scientists (Quantitative Applications in the Social Sciences). Newbury Park, California: SAGE Publications, 1987.
228. Shrivastava V. K. Indian Army 2020: A Vision Statement on Strategy and Capability // Strategic Analysis. — 2001. — Vol. 25, № 6.
229. Singer David J. Models, Methods and Progress in World Politics: A Peace Research Odyssey. Boulder, Col.: Westview Press, 1990.
230. Sislin J. and Pearson F. Arms and Ethnic Conflict. Lanham, MP: Rowman and Littlefeld, 2001.
231. Skocpol Theda, Williamson Vanessa. The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism. Oxford University Press, 2012.
232. Skolnikoff E. The Elusive Transformation: Science, Technology, and the Evolution of International Politics. New York: Princeton University Press, 1994.
233. Smith A. The Ethnic Origin of Nation. Oxford, 1986.
234. Smith A. Theories of Nationalism. London, 1971.
235. Snow Nancy, Taylor Philip M. The Propaganda State: US Propaganda at Home and Abroad since 9/11. // The International Communication Gazette. 2006. Vol. 68(5–6).
236. Snyder Jack. From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. New York: W. W. Norton and Co, 2000.
237. Spenser Ph. and Wolman H. Nationalism: A Critical Introduction. London: Sage, 2002.
238. Statement by the NATO Defence Ministers on the Readiness Action Plan. Brussels, Belgium. 5 February 2015.
239. Statement for the Record: Worldwide Threat Assessment. Armed Services Committee, United States Senate. Vincent R. Stewart, Lieutenant General, U. S. Marine Corps. Director, Defense Intelligence Agency. February 26, 2015.
240. Statement on Improving European Military Capabilities. 13802/01 (Presse 414-G). Excerpt. 2386th Council meeting. General Affairs. Brussels, 19–20 November 2001.
241. Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997.

242. Straubhaar Joseph D. *World Television: From Global to Local*. Los Angeles: Sage, 2007.
243. *Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense*. The US Department of Defense, January 2012.
244. *Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare*. / ed. by M. Schmitt. Cambridge University Press, 2013.
245. Taras R. *Liberal and Liberal Nationalism*. New Orleans, 2002.
246. *The Collected Papers of Lewis Fry Richardson Volume Two: Quantitative Psychology and Studies of Conflict*. Ed.: Oliver M. Ashford, H. Charnock, P.G. Drazin, J. C. R. Hunt, P. Smoker and Ian Sutherland. Cambridge University Press: 2009.
247. *The Global Technology Revolution 2020, Executive Summary: Bio/Nano/ Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications*. CA: RAND Corporation, 2006.
248. *The Military Balance 2014*. IISS. London, 2014.
249. *The National Security Strategy of the United States of America*. February, 2015.
250. *The North Atlantic Treaty*. Washington D.C., 4 April 1949.
251. *Transformation of Military Operations on the Cusps*. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005.
252. *Turkish Foreign Policy in post Cold War Era*. Edited by Idris Bal. Boca Raton, Florida, 2004.
253. *U. S. National Strategy for Public Diplomacy and Strategic Communication*. Strategic Communication and Public Diplomacy Policy Coordinating Committee (PCC). June 2007.
254. *UNCTAD World Investment Report 2014 — Investing in the SDGs: an Action Plan*. UNCTAD/WIR/2014. Geneva, 2014.
255. Vertigans S. *Islamic Roots and Resurgence in Turkey*. London: Praeger, 2003.
256. Vincent A. *Nationalism and Particularity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
257. Ward Celeste. *The Coalition Provisional Authority's Experience with Governance in Iraq: Lessons Learned*. United States Institute of Peace Special Report 139. — May 2005.
258. Wasserman Stanley and Faust Katherine. *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994.

259. Weiss T. O. Learning from Military-Civilian Interactions in Peace Operations // *International Peacekeeping*. — 1999. — Summer. — V. 6. — № 2. — P. 112–128.
260. William A. Rugh. Repairing American Public Diplomacy. // *Arab Media & Society* (February, 2009).
261. Williams M. Civil-Military Relations and Peacekeeping. Adelphi Paper № 321. — London, 1999.
262. Wood John R. Experimenting for Operations on the Cusps. — *RUSI Journal*, August 2005.
263. Yasin Al-Yasin, Ali A. Dashti. Foreign Countries and U. S. Public Relations Firms: The Case of Three Persian Gulf States. // *Journal of Promotion Management*, Volume 14, Issue 3 & 4, 2008.
264. Yavuz M. H. The Emergence of a New Turkey. Democracy and the AKP. Utah, 2006.
265. Yochinodu Yamamoto. Globalism, Regionalism and Nationalism. // *Asia in Search of its Role in the 21st Century*. Oxford, 1999.
266. Zandee D. Civil-Military Interaction in Peace Operations // *NATO Review*. — 1998. — Spring. — V. 47. — № 1. — P. 10–13.
267. Zhanga Juyan, Brecken Chinn Swartz. Toward a model of NGO media diplomacy in the Internet age: Case study of Washington Profile. // *Public Relations Review* 35 (2009).

Научное издание

**Подберезкин Алексей Иванович
Александров Михаил Владимирович
Соколенко Владимир Григорьевич
и др.**

**Стратегическое прогнозирование
международных отношений**

Коллективная монография

Под редакцией

А. И. Подберезкина, М. В. Александрова

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Оформление *В. С. Поляничева*

Подписано в печать 28.03.2016
Формат 60×84^{1/16}. Усл. печ. л. 46,4. Уч.-изд. л. 29
Тираж 100. Заказ № 350

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76